

Вадим Кожевников

7

В
К **Вадим**
ОЖЕВНИКОВ

Собрание сочинений

К Вадим Кожевников

Собрание
сочинений
в девяти
томах

Москва
«Художественная
литература»
1987

К Вадим Кожевников

Собрание
сочинений
Том
седьмой

Щит и меч

Роман

Книга вторая

Москва
«Художественная
литература»
1987

ББК 84Р7

К58

Оформление художника

Ю. Боярского

К $\frac{4702010200-252}{028(01)-87}$ подписное

© Оформление. Издательство «Художественная литература», 1987 г.

Книга вторая

Публичные шахматные турниры одновременной игры на множестве досок, которые победоносно проводят титулованные гроссмейстеры и экс-чемпионы мира, состязаясь с нетитулованными мастерами, помышляющими о почетном звании в шахматной иерархии, служат предметом всеобщего восхищения. Да и как не восхищаться виртуозной способностью человеческого ума демонстрировать на подобном ристалище мощь памяти, блеск молниеносных комбинационных решений и столь же мгновенное угадывание манеры мышления противника, его психологических особенностей!

И если на таком турнире чемпион и проигрывает кому-либо, то это расценивается как снисходительный дар партнеру, как поощрение, почти как акт королевской милости.

Конечно, высокое звание чемпиона действует на его противников гипнотически, подавляет у них волю к победе и дает чемпиону возможность навязать ту тактику, ту систему ходов, которые он в соответствующем количестве вариантов заранее подготовил и уложил в багаж своей памяти.

Что касается Иоганна Вайса, то ему приходилось ежедневно и ежечасно вести опасный турнир со множеством противников, и достаточно было проиграть только одному из них, чтобы расплатиться за проигрыш жизнью. Этот поединок одного со всеми длился уже многие месяцы. Бесчисленное количество раз менялись арены, противники, комбинации, способы и приемы борьбы. И чем дольше продолжался этот поединок, тем больше возникало новых, неожиданных ситуаций. Разрешать их Вайс должен был безотлагательно и часто в условиях, непредугаданных и столь различных, несхожих между собой, сколь несхожи между собой люди.

Дрессировщик, выступающий на арене цирка с комбинированной группой хищников, обязан знать не только злобные повадки каждого зверя, не только удерживать наиболее опасных из них на определенной дистанции. Входя в клетку, он должен всегда помнить, что, кроме ярости, испытываемой к человеку, хищник готов растерзать каждого зверя другой породы. И очутиться между борющимися хищниками гораздо опаснее, чем остаться один на один с любым из них. Нечто подобное ощущал Вайс в моменты, когда ему приходилось быть свидетелем неутраченной борьбы между различными германскими разведывательными службами за полноту власти.

Великое контрастопление советского народа в подмосковной битве поведало всему миру о силе первого в мире социалистического государства, распознать которую оказались бессильны самые хитроумные службы немецкого шпионажа.

Поражение армий вермахта под Москвой было одновременно и сокрушительным ударом по престижу абвера, и торжеством СД, торжеством Гиммлера и Гейдриха, злорадствующих по поводу унижения Канариса, который не сумел выкрасть у большевиков сокровенные тайны их мощи.

Органы абвера, желая реабилитировать себя в глазах фюрера, стремились создать теперь плотный разведывательно-диверсионный пояс непосредственно в прифронтовой зоне, перекрыть разведывательными резидентурами все основные узлы коммуникаций, соединяющие фронт с промышленными центрами, чтобы организовать постоянное наблюдение за переброской на фронт войск, боевой техники, боеприпасов, снаряжения и т. д.

Но осуществление всех этих крупномасштабных мероприятий требовало длительного времени, кропотливой работы. Здесь не было надежды на немедленный, молниеносный и шумный успех. Канарис хорошо понимал это.

Правящая верхушка Германии, используя средства тайной дипломатии, напуганная поражением под Москвой, начала с новой энергией искать возможности для сближения с империалистическими кругами Англии и США. А средствами секретных служб она разрабатывала провокации, какие могли бы послужить причиной безотлагательного вовлечения в войну против СССР и Японии и Турции.

То, что Лансдорф стал проявлять глубокий интерес к японской Квантунской армии, Иоганн заметил не только

по книгам и справочникам, географическим атласам и картам, которые стали вытеснять в книжном шкафу старика романы прошлого века.

Дитрих, вновь совершая вербовочные поездки по лагерям, разыскивал подходящие кандидатуры для заброски в советский тыл на длительный срок. И когда отобранные им люди прибывали в разведывательно-диверсионную школу, допрашивал их сам Лансдорф, чего он прежде никогда не делал.

Странное поручение, обязывающее Вайса восстановить душевное равновесие дочери репрессированного полковника, находилось в прямой связи со всем происходящим. Вайсу было приказано, используя любые средства связи, ежедневно доносить Лансдорфу о самочувствии своей подопечной.

Выступая на арене жизни другого народа, Иоганн Вайс должен был знать правила поведения, диктуемые законопослушным гражданам, и неуклонно следовать этим правилам. А задача, поставленная перед благоразумными гражданами рейха, состояла в том, чтобы неотступно руководствоваться правилами, рекомендованными высшими для низших. Усвоить эту истину и овладеть повадками ее исполнителя Вайсу удалось с безукоризненной точностью.

Но он ставил себе иные цели. Он хотел проникнуть в те круги немецкого общества, правила жизни которых состояли в том, чтобы не считаться ни с какими правилами, нормами, обычаями, морально-нравственными предписаниями. И чем наглее представители этих кругов попирали законы, тем выше было их положение в обществе. Эти люди и составляли правящую элиту.

Что же касается политической программы самого Гитлера, то каждый немецкий буржуа достаточно хорошо знал, как ждала Германия своего фюрера с того самого дня, когда был подписан Версальский мир. Об этом говорилось в любом школьном учебнике.

И для страдающих манией национального величия имело не столь уж большое значение, какое имя будет носить этот фюрер — Шикльгрубер или иное. Важным для них казалось только одно: чтобы он был покорно, фанатически предан традиционной политике грабежа и захвата и в то же время достаточно подготовлен для артистического исполнения в загородном крупновском поместье роли самозванного императора, ни при каких обстоятельствах не

забывающего о том, кому именно обязан он своим стремительным возвышением.

Если бы психологическое мастерство разведчика Иоганна Вайса заключалось только в умении, притворяясь откровенным, рассказывать о себе небылицы и так же добросовестно исполнять обязанности абверовца в пределах уставных правил, возможно, он и продвигался бы постепенно по служебной лестнице, но никогда бы не сумел добиться того особого доверия начальствующих лиц, значение которого куда важнее высоких воинских званий и наград.

Однажды Вайс присутствовал при довольно откровенном разговоре между Лансдорфом и Гердом. Ротмистр Герд брюзгливо и высокомерно выражал всесильному представителю СД свое недовольство по поводу неудач на Восточном фронте.

— Мы, германские промышленники, — говорил раздраженно Герд, — секретно субсидируем почти всех наших полководцев. Под Москвой они не оправдали не столько надежды фюрера, сколько те суммы, которые мы переводим на их личные счета. Пора пойти на некоторые уступки, благоразумно договориться с США и Англией и совместно с ними решительно покончить с Россией.

— Я полагаю, — сказал уклончиво Лансдорф, — эти проблемы касаются только фюрера и партии.

— При чем здесь партия? — сердито возразил Герд. — Я и мой тесть не состоим в национал-социалистской партии, но наша фирма такими большими деньгами кредитовала движение коричневых в самом его зародыше, что мы имеем все основания считать себя акционерами с правом решающего голоса. Я сторонник умеренности: граница — до Урала, — солидно продолжил Герд. — И о многом свидетельствует то, что фюрер внял мудрым голосам наших промышленников и проявил великолепные способности в области экономического мышления, начав наступление на Кавказ. А Кавказ — это нефть. И если генералитет не сумеет восстановить потери в живой силе, понесенные в недавних боях, то, приказав войскам вермахта наступать в направлении Кавказа, фюрер сможет восполнить наши экономические потери. Таким образом, он вновь укрепит свой престиж и восстановит доверие тех лиц, которые материально обеспечили ему возможность стать тем, кем он стал.

— Вы хотите сказать... — начал было Лансдорф.

— Но вернемся к нефти,— перебил его Герд.— Мы, германские промышленники, отвергаем критику, какой подвергли фюрера некоторые представители генералитета за то, что он не сосредоточил всех усилий на взятии Москвы, а позаботился о приобретении кавказских нефтяных ресурсов.

Лансдорф на этот раз промолчал, и Герд продолжил после паузы:

— Я бы напомнил некоторым нашим генералам о том, что приход Гитлера к власти был выгоден офицерам рейхсвера с точки зрения их профессиональных перспектив. А нам, промышленникам, заинтересованным в сырьевых базах, Гитлер обеспечивал экономические перспективы. Генералитет должен был реализовать для этого все свои способности.

— Немецкий генералитет независим от партии,— заметил Лансдорф.— Он руководствуется только чисто военными целями.

— Еще чего! — расхохотался Герд.— Но ведь по тайной просьбе весьма значительных представителей генералитета, завидующих генералам Бломбергу и Фричу, которых фюрер слишком приблизил к себе, Гиммлер сумел замарать обоих. Сначала Бломберга, доказав, что супруга его — бывшая проститутка, а потом донес, что Фрич склонен к половым извращениям. И обоих генералов с позором сняли с постов и заменили менее способными, но в то же время и менее опасными полководцами. Ведь так? Значит, генералитет прибегает все же к помощи нацистской партии, когда дело касается кусков пирога пожирнее.

— Вы считаете, была допущена ошибка?

— Я считаю, что фюрер нуждается в военных исполнителях, но не в советниках, роль которых пытались взять на себя Бломберг и Фрич. И Гиммлер осадил их, только и всего. Интересы германских промышленников и генералов всегда были едины. Мы поставили на фюрера.

— На Адольфа Гитлера, когда он еще не был фюрером?

— Я повторяю: на фюрера,— веско сказал Герд.— На диктатуру личной власти. Что касается личности как таковой, то это вопрос вкуса. Крупп, например, полагает, что у Гитлера оказалось больше политических способностей, чем это нам вначале представлялось. Но их могло оказаться и меньше.

Несмотря на всю терпеливую обходительность Вайса, его спутница, которой он должен был внушить наилучшие представления о моральном облике сотрудника абвера, держала себя крайне неприязненно.

Она сидела в машине, прижавшись к спинке сиденья, и сжимала пальцами ручку дверцы так, словно вот-вот готова была выскочить на дорогу.

Вайс спросил:

— Хотите осмотреть Варшаву?

— Зачем?

— Может быть, захотите что-нибудь купить в магазинах?

— На ваши деньги?

— Нет, на ваши. Командование выдало вам на путешествие порядочную сумму.

— Тогда дайте их мне.

Вайс достал из конверта пачку рейхсмарок.

Девушка взяла их, спросила:

— Это действительно большая сумма?

— Да, и очень.

Девушка решительно опустила боковое стекло и выбросила деньги.

Вайс не затормозил и даже не снизил скорости.

Через несколько минут она встревоженно спросила:

— Вы видели, я выбросила ваши деньги?

— Да, — сказал Вайс, — но они не мои, а ваши.

Помедлив, она предложила:

— Вы можете вернуться и взять их себе.

— Благодарю, — сказал Вайс. — Но я привык давать женщинам деньги, а не брать у них. Может, это не принято в России? — Он успел схватить ее руку и отвести от своего лица. Потом сказал, не отпуская ее руки: — Давайте договоримся — вы мне не нравитесь ни с какой стороны, я вам тоже. Я вынужден сопровождать вас, вы вынуждены быть моей спутницей. Вы будете слушаться меня, и за это в пределах мне дозволенного я буду считаться с вашими желаниями. Договорились?

Она ничего не ответила. Но рука ее, стиснутая пальцами Вайса, ослабела.

В Варшаве, в одном из лучших отелей, для них был отведен двухкомнатный номер.

Девушка, не сняв пальто, демонстративно уселась на стул посреди комнаты и молчала, настороженно следя за Вайсом.

Через некоторое время он предложил:

— Давайте спустимся вниз, в ресторан, и поужинаем.

— Я никуда не пойду.

— Вы согласились сотрудничать с нами, — строго сказал Вайс, — а ведете себя с немецким офицером в высшей степени странно.

— Разве вы офицер? Вы ведь только унтер...

— Я сотрудник абвера и в курсе всех ваших дел.

— Ах, так! — воскликнула она. — Значит, вам разрешено болтать о том, что я согласилась стать вашей разведчицей?

— Не кричите, — попросил Вайс, — вас могут услышать.

— Неужели командование не нашло офицера, чтобы составить компанию дочери начальника штаба армии?

— Советского, — напомнил Вайс.

— Да, репрессированного советского полковника, — гордо заявила девушка. Дернула плечом, приказала: — Пошли!

— Куда?

— В ресторан.

Вайс встал и покорно пошел вслед за девушкой, пытается предугадать, что она еще такое может выкинуть.

В ресторане она вела себя нескромно. Держа бокал у губ, так пристально смотрела в глаза пожилому полковнику, сидящему за соседним столиком, что у того маслено заблестели глаза. Через официанта полковник прислал им бутылку старого «иоганнесбургского», а вслед за тем и сам подошел к их столу. Попросил разрешения сесть рядом.

Девушка плохо знала немецкий и не совсем точно понимала, что говорит ей полковник. А тот принял ее за польку. И стал восхвалять красоту польских женщин в лице их прекраснейшей, как он выразился, представительницы.

Девушка сказала полковнику обещающе:

— Я бы очень хотела убедить вас в том, что вы правы.

«Ну и ну!» — подумал Вайс. И, нежно положив свою руку на руку девушки, поспешно предупредил полковника:

— Это моя невеста, с разрешения оберштурмбанфюрера гестапо Вилли Шварцкопфа. — И добавил: — Я осмелился вам об этом доложить, чтобы не возникло никаких

неясностей между сотрудниками службы гестапо и до-
блестным представителем вермахта в вашем лице.

Вайс пошел на этот отчаянный шаг после того, как девушка изъявила согласие прокатиться с полковником по городу.

Он знал, армейцы предпочитали не связываться с сотрудниками спецслужб. Полковник благоразумно отказался от своего приглашения. И это спасло Вайса. Ибо иначе девица, несомненно, использовала бы ситуацию, чтобы ускользнуть из-под его опеки.

Когда полковник, вежливо раскланявшись с девушкой, удалился, она долго смотрела в глаза Вайсу, потом спросила с гримасой отвращения:

— Чего вы боитесь? Если вы меня потеряете, вас за это расстреляют или на фронт отправят?

Люди за соседним столом с любопытством смотрели на них. Иоганн забыл, что рядом с ним сидит молодая и красивая девушка, которая вызывает к себе это внимание. Он попросил жалобно:

— Если вы уже сыты, может, пойдем?

— Куда?

— Я бы предложил пойти в варьете «Коломбина» — там отличная программа.

— Ну вот еще! — презрительно ответила девушка. — Стану я таскаться по кабакам.

— Это не кабак, это вроде эстрады, — торопливо пояснил Вайс и поспешно добавил: — Там выступает одна гимнастка. Я был бы вам очень признателен: нам с ней так редко удастся видеться.

— Ладно, — поморщившись, согласилась девушка. Спросила: — Она немка?

— К сожалению, фольксдойч.

— А ваши знают об этом?

— Нет. Но я надеюсь на вашу порядочность.

— Вы даже по отношению к своей возлюбленной ведете себя как трус.

— Вот видите, я искренен с вами, хотя это и может грозить мне потом неприятностями.

Досадуя на себя, Иоганн думал о том, как трудно добиться доверия этой девушки. По-видимому, она неврастеничка, способная на любую крайность. Но кто довел ее до такого состояния — немцы или несчастье, постигшее ее отца? А насколько это несчастье предопределило ее решение стать изменницей, сейчас трудно установить.

— И, пожалуйста,— попросил Вайс,— не глядите на меня так злобно, а то все подумают, что вы моя любовница и за что-то сердитесь на меня.

Девушка покраснела, закусил губу и больше не задирала Вайса, очевидно решив, что оскорблять хладнокровного абверовца, которого все ее оскорбления, в сущности, совершенно не задевают, не имеет смысла.

42

В варьете она почти не смотрела на сцену. Лицо ее как-то сразу осунулось, обрело утомленное выражение скуки и безразличия. Откинувшись на спинку стула, она, казалось, дремала.

Искоса поглядывая на девушку, Иоганн впервые увидел ее лицо не искаженное гримасами ненависти, презрения, злобы. Печальное и спокойное, оно вдруг поразило его — столько в нем было застывшего страдания. Глядя на нее украдкой, Иоганн отказался от первоначального своего намерения свести ее с Эльзой и Зубовым, чтобы они точно выяснили, кто она, эта девушка, и почему так странно ведет себя.

И он решился на опасный эксперимент. Осторожно коснувшись ее руки, сказал просто и задушевно:

— Знаете, Ольга, ну его к черту, весь этот балаган! Идемте.

Она изумленно глянула на него и с торопливой покорностью последовала за ним. Иоганн привел ее в локаль пана Полонского.

Поставив перед ними две кружки, в которых было больше пены, чем пива, Полонский сказал:

— Это красиво, как кудри блондинки.— Смахнув щеткой в совок очистки соленого гороха со стола, добавил наставительно: — Хорошим людям пиво кружит голову, плохим только пучит живот.

Ольга сказала Вайсу:

— После такого предупреждения я бы на вашем месте попросила воды.

— Для вас? — рассердился Иоганн.

— А вы не утратили еще способности обижаться!

— Ну, хватит задирать меня.

— Вы слишком хорошо для немца говорите по-русски.

— Я из Прибалтики.

Она поднесла кружку к лицу и, глядя поверх нее в глаза Вайсу, спросила:

— И часто вы выполняете подобные поручения?

— Какие?

— Ну, внушать таким, как я, будто среди таких, как вы, водятся существа, похожие на людей, а потом использовать нашу доверчивость нам во зло.

— Вы находите, я гожусь для такой роли?

— Она подлая! — Ольга поставила кружку на стол, открыв вдруг снова ненавидящее лицо, заявила гневно: — Мне больше нравятся гестаповцы: они, по крайней мере, честнее вас.

— Чем?

— Они не притворяются иными, чем они есть. Бравые парни, знают, чего хотят.

— Я вас не понимаю. Вы ведь согласились сотрудничать с нами?

— Совсем не потому, что гестаповцы меня пытали физически.

— А почему же?

— Просто надоело валять дурака с ними. Они лучше вас. Никогда не сердятся. Знают свое дело — и только. Вашему обществу я предпочла бы компанию любого из них. Ребята грубые, но зато не выдают себя ни за кого другого, работают с полной откровенностью.

— Но я же сказал вам о своем задании.

— Оно носит очень ограниченный характер: заниматься психологическим обыском.

Вайс помедлил, потом сказал спокойно:

— Допустим. А вы что же, полагали, ваше решение настолько неоригинально, что ваша персона не вызовет к себе никакого интереса со стороны нашего командования?

— Это правильно, — согласилась девушка.

— Ну вот. Значит, договорились, — сказал Вайс. — Теперь все ясно. — Спросил требовательно: — Ведь вы хотели ясности?

— Да, именно этого, — сказала девушка. Похвалила Вайса: — Умница. Наконец-то вы поняли, чего я от вас хотела.

— Вы тоже будьте умницей, — посоветовал Вайс, — и перестаньте задирать меня. Так будет лучше для нас обоих.

Вошла Эльза, села у окна спиной к нему и, вынув зеркальце из сумки, стала красить губы.

Это был знак Вайсу, чтобы он не подходил к ней. Одновременно она наблюдала за его спутницей.

Через несколько минут появился Зубов. Тот прямо направился к Вайсу, добродушно, по-приятельски улыбаясь. Иоганн познакомил его с Ольгой.

Зубов заговорил с ней по-польски, с ходу осыпав ее витиевато-напыщенными комплиментами.

Вайс, извинившись, встал и, пройдя за стойку, вышел запасным ходом во двор. Здесь его ждала Эльза.

Она сказала, не здороваясь:

— Центр сообщил, что Ольга, дочь репрессированного полковника, сейчас в Свердловске, учится в институте. После ареста отца ее взял в свою семью старший батальонный комиссар Александров, у которого дочь — Нина — одного с Ольгой возраста. Нина, служившая санинструктором, пропала без вести на Западном фронте, под Вязьмой.

— Так, — сказал Вайс. — Любопытно.

Эльза предупредила:

— Берегитесь, Белов. Я полагаю, с помощью этой девицы немцы хотят устроить вам ловушку.

— Ладно. Как Зубов?

Эльза сказала брезгливо:

— Связался с немкой. Она нужна нам.

— Кто она?

— Вдова полковника СС.

— Неплохо!

— Отвратительная баба!

— Почтенная матрона?

— Какое это имеет значение?.. Молоденькая.

— Ну, это — другое дело.

— Пристала к нему, как блудливая кошка.

— А он?

— Вначале бегал от нее.

— А теперь?

— Врет, будто она хорошая.

— Почему же врет? Может, и на самом деле так?

Лицо Эльзы стало несчастным, но она быстро справилась с собой и снова настойчиво повторила:

— Берегитесь, Белов. Мы за вас очень боимся.

— Кто это «мы»?

— Ну, я и Зубов.

— А о себе он не беспокоится?

— Из-за этой немки он стал совсем отчаянным...

— То есть?

— Она познакомила его с приятелями своего мужа. Нагло соврала всем, что он ее кузен. Зубов ездил с ней в Краков, на прием в резиденцию Ганса Франка. Во время концерта ушел с офицерами в спортивный зал и там ввязался в какое-то зверское состязание.

— Ну и как?

— Хвастал мне, что обер-штурмфюрер СС Отто Скорцени, опытейший диверсант и убийца, любимец фюрера — он состоял в карательной команде эсэсовской дивизии «Дас Рейх», а здесь проездом, едет лечиться после Восточного фронта, — публично пожал ему руку. Ну, мне пора идти. Так прошу вас... — в третий раз напомнила Эльза.

— Ладно, — согласился Вайс и попросил: — Все-таки не расстраивайтесь, Эльза. Алексей — хороший человек и чистый, к нему плохое не пристанет.

Эльза грустно усмехнулась и, ничего не ответив, ушла.

Зубов увлеченно играл в карты с Полонским.

Ольга сидела за столом мрачная. Возможно, ее обижало, что Зубов перестал обращать на нее внимание.

Эльза предупредила Зубова об опасности, угрожающей Вайсу со стороны этой девицы, но запретила ему делать какие-либо попытки выяснить, кто она.

Зубов выполнил указание Эльзы с удивительной для него послушностью. Он почти не разговаривал с Ольгой, и только когда она попыталась встать, чтобы уйти, без улыбки попросил не покидать его и даже взял ее за руку. Потом пересадил девушку в угол, придвинул стол и объявил, уже с улыбкой, что она может считать себя узницей.

Пан Полонский, улучив момент, шепнул девушке, что из всех немцев герр Николь самый приличный, другие поступают более решительно и грубо.

Зубов не мог скрыть свою неприязнь к этой девице. До сих пор ему не приходилось сталкиваться с изменниками родины.

К Бригитте фон Вейнтлинг, вдове эсэсовского полковника, он с самого начала относился снисходительно, как к поклоннице его атлетического дарования.

Она заказывала себе в варьете всегда одно и то же место в первом ряду и приходила только на выход «два Николь два», а потом немедленно исчезала.

Но однажды, стыдясь и волнуясь, она пришла в артистическую. По выражению лица Эльзы Зубов понял, что должен быть с этой дамой более чем любезен. Он так и вел себя с ней.

Через неделю, докладывая Эльзе о выполнении задания, он с такой обстоятельностью изложил все подробности, что она воскликнула негодуя:

— Ты забываешь, я все-таки девушка!

Зубов недоуменно пожал плечами:

— Я же тебе как старшему товарищу...

Тоненькая, миниатюрная Бригитта Вейнтлинг с тех пор, как она призналась ему, что тосковала в одиночестве после смерти мужа и, повинувшись какому-то чисто мистическому влечению, первый раз одна пошла в варьете, казалась Зубову просто смешным и любопытным созданием.

Ее покойный муж, полковник, обер-фюрер СС, был чиновником расового политического управления партии. Уже вдовцом он вознамерился жениться на Бригитте, не имея удовольствия знать ее лично, но получив от сотрудника управления справку о ее расовой безупречности. Родители настояли на браке дочери. К сожалению, солидный возраст и пошатнувшееся здоровье не дали полковнику возможности доблестно содействовать продолжению столь расово чистого рода.

Бригитта сказала Зубову, что встреча с ним — первый в ее жизни рискованный шаг.

Держала она себя с ним со смешной застенчивостью, но всем знакомым отважно объявила, что это ее дальний родственник, беспечный юноша, со странностями (поссорившись с семьей, стал акробатом), которому она намерена оказывать покровительство.

В ее обществе на лице Зубова всегда блуждала улыбка, которую Бригитта приписывала радости свидания с нею.

Зубов никак не мог отделаться от ощущения, что ему вдруг дали роль в пьесе иностранного автора. Но он справлялся с этой ролью, справлялся потому, что, оставаясь самим собой, со спокойным достоинством вел себя со знакомыми фрау Вейнтлинг. А его искреннее любопытство ко всему окружающему они воспринимали как налет провинциализма, как свидетельство некоей интеллектуальной ограниченности, свойственной спортсменам.

Отто Скорцени, гигант, верзила, с лицом, иссеченным шрамами, тоже считал себя спортсменом. Он слыл в Третьей империи великим мастером по части тайных убийств и всегда действовал собственноручно.

Но в августе, еще под Ельней, эсэсовская дивизия «Дас Рейх» потеряла почти половину личного состава. А после поражения под Москвой Скорцени панически записал в

своем дневнике: «Поскольку похоронить своих убитых в насквозь промерзшей земле было невозможно, мы сложили трупы у церкви. Просто страшно было смотреть. Мороз сковал их руки и ноги, принявшие в агонии самые невероятные положения. Чтобы придать мертвецам столь часто описываемое выражение умиротворенности и покоя, якобы присущее им, пришлось выламывать суставы. Глаза мертвецов остекленело уставились в серое небо. Взорвав заряд тола, мы положили в образовавшуюся яму трупы погибших за последние день-два».

Благоразумно придумав себе болезнь желчного пузыря, этот гигант рейха отправился на лечение в тыл.

Ганс Франк устроил прием в честь возвращающегося с фронта опасного гитлеровского любимца.

После выпивки, забыв, что он опасно болен, Скорцени решил изумить благоговеющих перед ним тыловиков мощью мускулатуры. И, пройдя в спортивный зал, стал демонстрировать свои таланты. Но каждый раз его взгляд наткался на снисходительно и лениво ухмыляющуюся физиономию Зубова.

Скорцени высоко подбрасывал обеими руками тяжелый пустотелый медный шар и потом ловил его. И вдруг кинул шар над головой Зубова и, отступив, крикнул:

— Вы! Берегитесь!

Зубов, не вынимая рук из карманов, чуть склонился и, приседая, мягко принял удар на шею. Сронив шар на руку, подбросил его и небрежно заметил:

— Детский мячик.

Скорцени яростно спросил:

— Вы кто?

Зубов невозмутимо ответил:

— Как видите, ваш поклонник.— И склонил голову так, будто снова готовился принять шар.

Скорцени несколько мгновений пребывал в нерешительности. Потом, обрадовавшись, объявил:

— Вот с такими бесстрашными, крепкими парнями мы подхватим на свои плечи всю планету!

Бригитта была чрезвычайно польщена тем, что ее «кузен» произвел такое прекрасное впечатление на знаменитого Отто Скорцени. И Скорцени был в восторге от польстивших ему слов Зубова, когда на вопрос, почему он не на фронте, тот ответил, обаятельно улыбаясь:

— Как только вы меня пригласите, я с радостью составлю вам компанию.

Скорцени подарил Зубову свою фотографию с автографом, заметив, что она ему пригодится, в чем тот и не сомневался.

Вернувшись из Кракова в Варшаву, Бригитта вступила в деловую переписку с живущими в Берлине влиятельными родственниками покойного мужа. Речь шла о наследстве. Она изъявляла теперь готовность пойти на ряд уступок, если взамен будет оказано высокое покровительство ее предполагаемому новому супругу.

Бригитта вызывала у Зубова чувство какого-то жалостливого удивления. Он никогда не думал, что в этой среде могут быть люди столь несчастные, издерганные от постоянного ощущения страха перед чем-то неведомым. Она была суеверна до смешного, мнительна. Не могла уснуть без снотворного. Часто беспричинно плакала. Вспоминать любила лишь свое детство.

Зубова раздражала ее навязчивость и то, что она тайно пользовалась наркотиками, к которым привыкла после тяжелой операции. У нее было красивое лицо со строгими и тонкими чертами, но, когда она говорила не о себе и о своих знакомых, а о каких-нибудь отвлеченных вопросах, она несла такую удручающую чушь, что лицо ее казалось ему глупым, как у красотки на обертке мыла. Он тяготился ею, жаловался Эльзе. Но та, хотя и с брезгливой усмешкой, приказывала ему не терять связь с Бригиттой, так как это давало возможность общаться с эсэсовскими кругами.

Зубов, вздыхая, покорялся, с огорчением замечая, что Эльза с каждым днем держится с ним все более официально, как с подчиненным, и глаза ее, когда она смотрит на него, теперь уже не теплеют, не светятся радостью, а остаются холодными.

Возможно, именно в связи с этим обстоятельством Зубов был так невнимателен к Ольге, буквально и равнодушно выполняя приказание Эльзы.

И когда Вайс вернулся в локаль, Зубов встал и заявил девушке с облегчением:

— Ну вот, пришел ваш кавалер, разрешите сдать вас ему в целости и сохранности. — И, небрежно кивнув Иоганну, удалился, считая, что выполнил все требуемое от него на сей раз.

Сообщение Центра об Ольге, переданное Эльзой, смутило Иоганна. Предположение о том, что гестаповцы вымучили у этой девушки согласие, теперь отпадало так же, как и версия мести за отца. И он готов был склониться к тому,

что Ольга либо авантюристка, ловко набивающая себе цену у гитлеровцев, либо агентка, выполняющая в отношении него новую проверочную комбинацию, к которой мог иметь прямое касательство и Дитрих, тяготившийся своей тайной зависимости от Вайса.

Иоганн решил нанести вместе с Ольгой визит баронессе в ее поместье. Если эта девица — авантюристка, то знакомство с баронессой польстит ей, и это в чем-нибудь да проявится.

Вайс полагал, что его абверовский мундир позволяет ему рассчитывать на благосклонность баронессы. Он считал ее хотя и вздорной, но неглупой старухой, привыкшей независимо, по-своему, судить о многом.

Иоганн, когда они приехали в поместье, попросил Ольгу побыть в машине и один вошел в дом.

Как он и предполагал, его мундир произвел на старуху должное впечатление. Забыв о том, что она, в сущности, ничего не сделала для служебной карьеры Вайса, баронесса уже готова была считать его визит выражением благодарности за будто бы оказанное ему содействие и отнеслась к гостю более чем милостиво.

Иоганн, смущенно улыбаясь, сообщил, что приехал не один, а с военнопленной, дочерью русского полковника. Он покорнейше просит баронессу принять ее и побеседовать с ней. Впоследствии девушка эта может оказаться чрезвычайно полезной реху...

— Ну, еще бы! — сказала ядовито баронесса. — Теперь, когда русские дали вам пинок под Москвой, вы предусмотрительно начинаете ухаживать за дочерьми их полковников.

Вайс в ответ лишь развел руками, давая понять, что он только исполнитель воли старших начальников.

— Зовите! — приказала баронесса. Она ретиво взялась выполнять роль гостеприимной хозяйки.

Высокопоставленная пленница произвела на нее наилучшее впечатление своей неприязненной, настороженной угрюмостью, которую баронесса посчитала выражением гордости.

Баронесса шепнула Ольге:

— Пусть ваш солдафон проваливает, если вы, конечно, не возражаете. А мы с вами придумаем что-нибудь такое, не очень скучное. — Оглянувшись на Вайса, сказала: — У вас, наверное, есть дела в городе? Считайте себя на некоторое время свободным.

Иоганн решил использовать оказавшееся в его распоряжении время, чтобы побывать в «штабе Вали». По пути он заехал на базовый склад трофейных кинофильмов и здесь узнал, что в его отсутствие майор Штейнглиц отобрал несколько коробок хроникальных фильмов, снятых в разное время на Челябинском тракторном заводе, ныне выпускающем танки. Теперь стало ясно, на какой объект нацеливалась новая, особо засекреченная группа.

Доложив ротмистру Герду, что он заехал в штаб только для того, чтобы взять личные вещи, необходимые на время путешествия с агенткой, Вайс услышал от него, что Гвоздь, выполнив задание, благополучно вернулся, и проверкой установлено, что он действовал безукоризненно. И теперь его готовят к новому, более важному заданию.

Вайс заметил осторожно, наугад, что для подобного задания лучше бы подобрать тех, кто знаком с тракторным производством. Одно дело — взрывать эшелоны, мосты, а другое — крупнейшее в мире машиностроительное предприятие.

Герд твердо парировал, прекращая разговор:

— Ничего, обучим.

За те два-три часа, которыми располагал Вайс, он едва ли мог добыть какую-либо дополнительную информацию. А ведь необходимо было еще встретиться с Гвоздем. И действовать нужно очень осторожно.

Рассчитывая на то, что сейчас время обеда и в цейхгаузе никого нет, Иоганн решил вызвать туда Гвоздя. Свою машину он поставил рядом с цейхгаузом. Пошел в пустую канцелярию и напечатал на листе бумаги: «Курсанту Гвоздю немедленно явиться в вещевой склад».

Старшина лагеря обедал отдельно, за перегородкой, и обычно приходил в столовую последним. Вайс положил возле его прибора листок с вызовом, взял ключ в проходной и направился в цейхгауз.

Почти вслед за ним вошел Гвоздь, остановился. После уличного света он плохо видел в тусклых сумерках помещения.

Вайс позвал его в тесный проход между штабелями обмундирования.

— Здравствуйте! — Гвоздь протянул руку.

— Ну? — спросил Вайс. — Докладывай! Задание выполнял?

— В точности.

Докладывал Гвоздь скупо:

— Ну, полагалось прыгать первым. Ну, подошел к люку, швырнул аккуратно в хвостовой отсек гранату и выбросился. При взрыве самолета ударной волной смяло купол парашюта. Стал падать камнем. Думал, насмерть. Обошлось. Почти у самой земли вздулся парашют — приземлился, как на пружинке.

Как по плану было намечено, так и получилось. Приземлился в намеченной точке. Ну, ваши чекисты, которым вы про меня сообщили, меня и взяли.

— То есть как это «взяли»?

— Ну, в машину, в «газик». Отвезли сначала в столовую, потом заметили, что я ногу свихнул, — в медпункт. Я ведь как ошалелый был, ничего не чувствовал. Застеснялся перед своими до полной потери соображения. Ну, потом что? Инструктировали.

Начал я в эфир выходить в положенное время, а передавал то, что мне давали. Потом специально ради меня диверсию организовали: взорвали на запасном пути поезда.

Все это я «штабу Вали» доложил как мой личный подвиг. Так вот и работал.

В заключение сообщил: группа накрылась. Получил указание выходить. Ну, перекинулся через линию фронта. Теперь снова здесь нахожусь. — Задумался, добавил: — Вам сердечный привет от товарища Барышева. — Ожился: — Три шпалы в петлице, а такой негордый. «Мы, говорит, не можем приказывать, чтобы вы обратно к немцам возвращались...» — «То есть как это не можете? — Я даже встревожился: — Значит, я не солдат, да? Личность без прав и без звания?»

Объяснил мне. Ну, я понял. Нужно с моей стороны добровольное согласие, вроде я как активный общественник, что ли. Теперь с Барышевым договорился, что в случае чего честь по чести: похоронку семье пришлют как о павшем бойце.

— Почему через тайник не известили о прибытии?

— Не успел. Сидел в кутузке прифронтовой зоны абвергруппы, куда они со штабом о моей личности сверялись. Как пришло подтверждение, сразу перевели в санчасть: когда фронт переходил, попал под обстрел, ногу при взрыве снаряда землей зашибло. Из санчасти привезли сюда. А я все маленько хромаю. Капитан Дитрих узнал, очень участливо отнесся. Говорит, надо бы к хирургу обратиться. Но я чего-то сомневаюсь. Зачем к нам в школу двух

одноногих зачислили? Потом одного списали: значит, не захотел. А второй — уж так его Дитрих опекал — по другой линии оказался неподходящим: припадочный от контузии. Вдруг ни с того ни с сего упал, и начало его крютить. Очень капитан Дитрих расстроился. Вот я теперь и думаю: почему он меня уговаривает здоровьем не брезговать, ногу лечить?

Вайс сказал, что Дитриху нужен инвалид для организации диверсии.

Гвоздь, подумав, объявил:

— Говорят, немцы мастаки резать. И ежели под новокаином, как зубы дерут,— ничего, стерпим ради дела, раз им вот так вот инвалид требуется.

— Да ты что?

— Ничего,— сказал Гвоздь.— Просто прикидываю.— Потер ладонью колено.— Болит ушиб, все равно нога плохо гнется.

— Я не могу тебе такое разрешить.

Гвоздь поднял лицо, посмотрел внимательно, испытующе.

— А мне товарищ Барышев прямо сказал: «Желаешь добровольно — пожалуйста. А приказывать такое нельзя». Так вот, без вашего приказа. На основе одной личной инициативы.— Добавил насмешливо: — И капитану Дитриху будет очень приятно. Зачем же его обижать, если он за такую любезность меня в особую группу как главного втиснет?

Иоганн попросил взволнованно:

— Ты меня прости, пожалуйста, Тихон Лукич, что я тебя так холодно встретил.

— А что? — удивился Гвоздь.— Правильно! В тайник не доложился. Допустил нарушение. Все точно.— Подмигнул: — Я сразу понял, как ты мне велел докладывать, какой серьезный разговор будет. Дисциплина в нашем деле — первая вещь.— Сказал успокаивающе: — А насчет ноги моей вы не беспокойтесь. Может, еще сохраним на память о детстве. Если, конечно, она донимать меня не будет, а то вроде оглобли торчит, в колене не гнется. Такая штука тоже вроде бы ни к чему.

— Пока я не вернусь,— строго приказал Вайс,— никаких госпиталей.

— Если вы тут главный начальник — пожалуйста,— уклончиво сказал Гвоздь. Спросил лукаво: — Так, может, теперь все ж таки поздороваемся?

Иоганн обнял Гвоздя, прошептал:

— Понимаешь, я так рад тебя видеть!

— Ну, еще бы,— сказал Гвоздь.— Все один и один, а теперь нас здесь уже двое советских, значит, сила.— И стал рассказывать о Москве.

43

Белый, чистый снег. Светлое, ясное, глубокое, как в летний день, небо. Сосны с розоватыми стволами и нежно-зеленой хвоей на концах разлапистых ветвей. Студеный, словно ключевая вода, воздух, и на скорлупе снежного наста солнечные цветные искры.

Иоганн вел машину на большой скорости не только потому, что должен был спешить в поместье баронессы к своей подопечной,— стремительное движение отвечало его душевному состоянию. Встреча с Гвоздем глубоко взволновала его.

Тихон Лукич, после того как Родина вернула его себе, стал совсем иным. Изменилось выражение лица, спокойной уверенностью веяло от его плечистой фигуры, появился живой блеск в мертвенно-тусклых прежде глазах. И эта перемена в Гвозде была столь разительной, что даже тревожила Иоганна: не вызовет ли она подозрение у немцев?

Иоганн видел перед собой лицо Тихона Лукича, глаза, озаренные внутренним светом счастья; душу его тоже наполняло счастье: он исполнил свой чекистский долг — вернул в жизнь утратившего было себя человека.

Он готов был улыбаться комьям снега, что лежали на ветвях сосен, пронизанные острой хвоей и поэтому похожие на белых ежей, вскарабкавшихся на деревья. И ему хотелось дотронуться до них ладонью, погладить их.

Ему хотелось улыбаться деревьям — сородичам тех, какие были и у него дома, потрогать их шелушащуюся кору, древесную сухую кожу, чисто и терпко пахнущую смолой.

Все вокруг радовало Иоганна. Он опустил боковое стекло машины, вдыхал морозный воздух. И вместе с этим чудесным воздухом пришли воспоминания...

Он вспомнил первую советскую дрейфующую станцию «Северный полюс», те дни, когда папанинцы оказались на обломке льдины одни в океане и их жизнь подвергалась смертельной опасности. Саша Белов, не отрываясь, сидел

тогда у своей самодельной любительской рации и, блуждая в эфире, слушал взволнованные запросы почти на всех языках мира об отважных советских полярниках. Весь мир был объят тревогой за судьбу четырех советских людей, бесстрашных продолжающих работать на хрупкой, с каждым часом уменьшающейся под ними льдине.

И в этой тревоге людей планеты было такое прекрасное общечеловеческое единодушие, что казалось невозможным, чтобы они когда-нибудь позволили вовлечь себя в побоище войны. Думалось, что отныне все станут лучше, будут дорожить жизнью каждого человека.

В то время ведомство Геббельса запретило не только сообщать в печати о советской полярной экспедиции, но даже упоминать о Северном полюсе. И поэтому беспокойство немецких радиолюбителей, их бесчисленные запросы о том, успели ли снять папанинцев с разламывающейся льдины, были особенно трогательны и волнующи: ведь тайная полиция могла расправиться с каждым из них.

Вспомнил Иоганн и фашистское судилище, прогремевший на весь мир гордый, обличительный голос коммунизма — голос Георгия Димитрова. Миллионы советской молодежи готовы были так же, как Димитров, вступить в схватку с фашизмом и, если понадобится, отдать свою жизнь, чтобы спасти человечество от коричневой чумы.

И Саша Белов видел тогда себя в мечтах одним из таких борцов за освобождение немецкого народа от тирании фашизма.

Стать разведчиком... Деятельность разведчика представлялась ему сплошным подвигом. Он и предполагать не мог, что это главным образом бесконечно терпеливая, осторожная работа, успешность которой зависит от тысячи повседневных мелочей. И что эти же мелочи могут привести его к гибели. Ведь внимание врага способна привлечь и манера завязывания шнурков на ботинках, и привычка машинально оказывать окружающим бескорыстные услуги. Никогда разведчик не должен забывать, что корыстолюбие, жажда личной наживы — лучшее и наиболее благонадежное свидетельство принадлежности к тому обществу, где каждый — за себя и никто — за всех.

Понадобилось время и время, чтобы понять во всей полноте, насколько твоя подлинная сущность, сущность советского человека, должна быть скрыта от окружающих, сведена до сурово ограниченного минимума.

Ничтожнейшее отклонение грозит разведчику гибелью. Чтобы действовать в стане врага, легенда разведчика должна обладать безукоризненной жизненностью, естественной подлинностью каждой скрупулезной детали. Малейшая уличенная подделка карается здесь смертью.

Вот почему Вайс не позволил себе долго предаваться радости и хранить на ладони тепло руки Тихона Лукича.

Нужно было думать об Ольге. Кто она, почему выдает себя за другую, что задумала, какая опасность таится в ней?

Он должен все это выяснить, и выяснить с помощью взбалмошной старухи, сделать баронессу своей разведчицей. Но, чтобы баронесса стала послушным инструментом в его руках, она должна довериться Вайсу, как своему достойному соотечественнику. Мало того — поддержкой баронессы можно заручиться только в том случае, если удастся внушить, что все это принесет и ей лично какую-то реальную пользу, прибыль. Она не из тех, кто действует, побуждаемый одним только желанием оказать бескорыстную услугу кому-либо, пусть даже рейху.

Иоганн правильно угадал, что, гостеприимно принимая по просьбе абверовца русскую военнопленную, баронесса думала не столько об услуге немецкой разведке, сколько о собственной выгоде, о том, что дочь советского полковника сможет пригодиться ей самой. Кто знает, как все еще повернется... Баронесса была очень напугана поражением под Москвой.

Из этих же соображений она покровительствовала двум величественным старухам полькам, отпрыскам древнейшего княжеского рода, брошенным своими уехавшими в Англию родственниками.

Но, кроме будущего политического капитала, баронесса усердно и деловито заботилась о своей материальной обеспеченности в настоящем. И в этом ей оказывал максимальное, хотя и не бескорыстное, содействие имперский советник доктор Иоахим фон Клюге.

Уже в пожилом возрасте граф фон Клюге женился на знаменитой девице-пилоте, прельстившись не столько славой «воздушной валькирии рейха», сколько мощными рельефами ее фигуры. Девица эта, став женой имперского советника, быстро, с помощью своих нацистских поклонников, состряпала против мужа судебное обвинение в безнравственности и, разведясь на этом основании, отторгла большую часть его имущества. Но, испытывая некоторую

жалость к бывшему своему супругу, разоренному ею, она с помощью тех же самых нацистских друзей устроила его на должность партийного чиновника. Должность эта не очень хорошо оплачивалась, зато открывала перспективы для обогащения весьма своеобразными способами. У советника хватило ума воспользоваться ими, хотя много ума для этого и не требовалось.

Советник так излагал баронессе суть своей «работы»:

— Наша задача — обеспечить продовольствием население оккупированных территорий в таком объеме, чтобы не утратить чувства реальности. Человечеством повелевают желудки, а не головы. Правильно организовать недостаток продовольствия — это больше, чем выиграть сражение. Целые армии полицейских не смогут подавить сопротивление столь успешно, как делает это голод, лишаящий людей физических и моральных сил для сопротивления.

Армия-победительница способна грубыми, примитивными способами изъять лишь национальные сокровища побежденных государств. А ведь на руках у населения остаются огромные ценности, доступ к которым военными средствами исключен. И здесь может решать только экономический и финансовый гений нации-победительницы.

Чтобы правильно, равномерно и справедливо распределять ограниченные запасы продовольствия между всеми слоями населения оккупированных стран, существует карточная система. Ведают ею власти, выдвинутые из состава данной национальности. Но так как типографии, печатающие продуктовые карточки, находятся в нашем ведении, мы имеем возможность на законном основании получать по таким карточкам значительное количество выделенного данной стране продовольствия и возвращать его населению уже посредством так называемого черного рынка. Таким образом, мы изымаем припрятанные людьми ценности, не применяя насильственных средств, на основе полной добровольности.

В некоторых промышленных районах Франции детская смертность возросла в четыре раза по сравнению с довоенным уровнем. Подобные же явления наблюдаются и в Бельгии. Дети мрут от недостаточного питания. Поэтому цены на продукты на черном рынке баснословны.

Однако, когда несчастьем своего народа пользуются местные спекулянты, мы их беспощадно расстреливаем, чтобы обрести симпатии голодающего населения.

Разумеется, репрессиям подвергаются лишь уроженцы здешних мест,— снова повторил советник. И это было правдой.

Баронессе, например, советник за определенные проценты помогал сбывать на черном рынке все, что давало ее поместье, и одновременно добился для нее значительного снижения обязательных поставок на армию. Он также помогал ей скупать различного рода художественные ценности, шутливо называя их «придачным». Эти его слова могли свидетельствовать о том, что если размеры приданого будут значительны, то советник сочтет для себя честью просить руки престарелой невесты.

Баронесса познакомила Вайса со своим предполагаемым женихом.

У коротконого, тучного, плешивого советника были такие округлые щеки, что создавалось впечатление, будто он беспрестанно дует на горячее. Это был весельчак, жизнелюб, любитель фривольных разговоров.

Когда баронесса оставила мужчин вдвоем, советник попытался осторожно выяснить, в каких отношениях находится Вайс со своей спутницей, этой русской девицей, которой баронесса уделяет так много внимания.

Вайс коротко ответил, что он выполняет особо щепетильное задание высшего командования и успешность этого задания в известной мере зависит от баронессы.

Советник, почувствовав сдержанную холодность в словах Вайса, перевел разговор на другой предмет.

Посасывая большую черную сигару, которая служила лекарством, поскольку он страдал астмой, граф словоохотливо пустился в пространные рассуждения на общие темы.

— Завоевать страну — это только начало покорения. Для второй, решающей стадии необходима не храбрость, а доблесть государственно мыслящего ума. Так, руководствуясь гением наших деловых кругов, мы, имперские чиновники, превратили французские, чехословацкие, бельгийские, голландские заводы не только в поставщиков вооружения для вермахта. Мы реконструировали их производственные мощности таким образом, что теперь каждый завод выпускает только определенные детали, отправляемые затем на сборку в Германию. Мы не оставили на месте оборудования, применявшегося ранее для получения готовой продукции, а разбросали его по всей Европе, специ-

ализируя предприятия на изготовлении только какой-либо одной детали, одной части механизма. И если эти предприятия окажутся отрезанными от Германии, их постигнет экономическая катастрофа.

Такое расчленение экономических комплексов равно тому, как если бы разобрать механизм вот этих моих отличных швейцарских часов, — он постучал ногтем по циферблату, — разложить детали в отдельные коробочки, подарить коробочки своим знакомым, а потом спрашивать у них, который теперь час.

Подобными же экономическими проделками некогда мы, юные кадеты, занимались с девицами легкого поведения. Разрывали банкнот на части, и, чтобы собрать его, девица вынуждена была оказать внимание не одному, а всем, у кого оказались кусочки банкнота. Такой способ мы и применили для европейской экономики. — Усмехнувшись, советник добавил снисходительно: — Я прибег к этому примеру, чтобы вы поняли сущность наших усилий. И, уверяю вас, все это держит в плену экономику Европы больше, чем присутствие там наших оккупационных частей.

Вайс сказал осторожно:

— Мне кажется, несмотря на всю вашу дальновидность, в ваших словах проскальзывает некоторая неуверенность.

Советник тут же парировал:

— А вы полагаете, мы, старшее поколение немцев, пренебрегаем печальным для нас опытом первой мировой войны? Ошибаетесь, милейший. Вы, молодежь, слишком самонадеянны и невосприимчивы к опыту истории. Для вас, например, концлагеря — лишь средство истребления низших рас, а более миллиона иностранных рабочих — только рабы для производства вооружения. Для нас же, старшего поколения, это нечто большее.

— Что же именно? — спросил Вайс.

Граф, опуская тугие веки на выпуклые глаза, откинулся на мягкую спинку кресла и медленно произнес сонным, равнодушным тоном:

— Для нас, политиков, это гарантийный человекофонд, который мы всегда можем пустить в оборот.

— Каким образом?

— В благоразумных условиях благоразумные немцы удержат неблагоразумных от истребления заложников. Только и всего.

— А почему, смею спросить, лично вас эта проблема так занимает?

Советник ответил с самодовольной улыбкой:

— А потому, что я являюсь доверенным лицом некоторых высокопоставленных особ империи и, находясь на территории генерал-губернаторства по поручению свыше, интересуюсь, кто из заключенных в концлагерях представляет собой ценность, за которую можно получить от заинтересованной стороны определенные материальные ценности. И полагаю, что вы, как сотрудник абвера, могли бы оказать мне кое-какие услуги в этом направлении. Ведь вы тоже занимаетесь чем-то подобным, но в узких границах своих возможностей. Капитан фон Дитрих, к которому я позволил себе обратиться, аттестовал мне вас с самой лучшей стороны.

Вайс склонил голову и объявил о своей готовности помочь советнику всем, что в его силах.

— Мне приходится испытывать трудности с лагерной администрацией. Я вынужден выступать как представитель Красного Креста, чтобы расположить к себе некоторых заключенных, вызвать их на откровенность. Тем из них, кто представляет особую ценность, я пытаюсь обеспечить рацион, который продлил бы их существование. Но представители службы гестапо, следующие нашим догмам слишком неуклонно и негибко, бесцеремонно умерщвляют доверившийся мне контингент. Мне думается, что такая поспешность объясняется просто заинтересованностью в тех скромных посылках, которые я, как щедрый ангел, вручаю отдельным заключенным.

Строго сказал Вайсу:

— Для вас, молодых людей, погромы и уничтожение евреев в Германии были только естественным выражением расовых инстинктов. А мы, экономисты, подходили к этому фактору с позиций не чувства, а разума. Рейх получил миллиарды золотых марок неарийской собственности, что превосходило займы, которые предоставляли нам США и Великобритания.— Хлопнув себя по толстому колену, советник заявил: — Вот, мой милый, что такое чистый разум в его абсолютном выражении! — Сказал ехидно: — Вы, молодежь, в концентрационных лагерях закаляете свою нервную систему, упражняясь в стрельбе по полутрупам, а мы, серьезные немцы, вынуждены копать в этих полутрупах: надо же добывать рейху золото и валюту.

Вайс, чтобы распалить советника, заметил:

— Господин граф, вы имеете в виду золотые зубы, мосты и коронки мертвецов? Так уверяю вас, для этого поставлены специальные люди с клещами.

Советник не обиделся или не счел нужным обидеться. Его даже ничуть не задели слова Вайса.

Он пояснил свою мысль:

— Я имею в виду самих заключенных, вернее, некоторых из них. Тех, чьи родственники успели не только эмигрировать на запад, но и захватить с собой немалые средства или уже располагали значительными вкладами в банках США, Англии, Швейцарии. Моя идея, доложенная рейхсфюреру Гиммлеру, заключается в том, чтобы стать выше расовых предрассудков и предложить тем, кто сейчас живет в роскоши, пользуясь гостеприимством западных держав, позаботиться о своих несчастных родственниках и перевести соответствующие суммы на счета наших контрагентов.

Вайс спросил деловито:

— Словом, вы предлагаете торговать заключенными?

Советник брезгливо поморщился.

— На языке деловых людей это звучит иначе. Скажем, возмещение затрат на содержание лиц, не занятых производительным трудом, вследствие необходимости их перевоспитания в специфических условиях. — Пытливо глядя на Вайса жабьими увлажненными глазами, советник напомнил: — Капитан Дитрих рекомендовал мне вас после того, как навел некоторые справки. Вы, оказывается, весьма осведомлены обо всех тонкостях лагерного режима и в качестве помощника капитана Дитриха посетили многие концлагеря. В силу этого я предлагаю — не безвозмездно, естественно, а в порядке чисто делового соглашения, — чтобы вы использовали вашу агентуру в лагерях для выявления лиц, имеющих материально обеспеченных родственников за границей.

— Я полагаю, — солидно сказал Вайс, — об этом вам следовало бы сообщить нашему командованию, и, когда будет соответствующий приказ, наша агентура, безусловно, такой приказ выполнит.

Советник снова поморщился.

— Поймите, — сказал он несколько раздраженно, — это лично моя идея. Я поделился ею с некоторыми высокопоставленными персонами в имперском руководстве, и они

проявили заинтересованность. Но если о намечаемой операции будет разглашено в любой форме, даже в форме секретного приказа, другие могут также заинтересоваться ею, и тогда, как бы ни была велика полученная сумма, она уменьшится соответственно числу заинтересованных лиц и станет уже не столь значительной.

— Следовательно, эта «операция» носит чисто деловой, коммерческий характер, связанный с интересами определенного круга людей?

— Иначе, — с достоинством заявил советник, — наше государство могли бы обвинить, как вы сами только что выразились, в торговле людьми. А это, мой друг, возврат к черным временам средневековья. Кроме того, вы должны запомнить, что операция эта носит гуманный характер: вернем детям отцов и матерей или детей — матерям и отцам. Кстати, не забудьте внимательно обследовать детские лагеря. И обратите внимание на следующее: мы располагаем известным числом фотографий детей, которых разыскивают родители, обладающие значительными средствами. Пребывание в лагерях, насколько я понял, накладывает на внешность их маленьких обитателей определенный отпечаток, и некоторые черты сходства с фотографическими портретами утрачиваются. Учтите это обстоятельство. Кроме того, детская психика и память в лагерных условиях менее устойчивы, чем у взрослых. Поэтому, если какой-либо ребенок окажется похож на фотографию, но показания этого ребенка не совпадут со сведениями о его прошлом, следует настолько твердо внушить ему эти сведения, чтобы в момент вручения ребенка родителям у тех сразу же не возникло сомнения.

Заметив в глазах Вайса что-то такое, что ему не совсем понравилось, советник добавил строго:

— Считаю необходимым напомнить вам, что лица, заинтересованные в этой операции, располагают безграничными возможностями устранить любого, кто ответит нескромностью на то доверие, какое, например, я вам сейчас оказал.

И тут же, достав из бумажника чистый бланк с печатью, под которым стояла подпись, показал его Вайсу.

— Если мы найдем общий язык, — сказал советник. — то в этот уголок будет наклеена ваша фотография. И, допустим, звание оберштурмфюрера вам обеспечено, что равно обер-лейтенанту. — Спросил: — Вам, очевидно, известен строжайший приказ фюрера о присвоении очередных

офицерских званий только фронтовикам? — Твердо заверил: — Все это будет оформлено самым законным порядком.

Вайс встал.

— Благодарю вас, господин имперский советник, за доверие! Рад служить вам.

— А вы отличный парень, господин обер-лейтенант Вайс, — похлопал его по плечу советник. — Капитан Дитрих совершенно точно охарактеризовал вас. Вы человек, который не запрашивает больше, чем он стоит.

Хотя эта похвала и имела двусмысленный характер, Иоганн предпочел в данных условиях посчитать ее высшей оценкой своих достоинств и еще раз благодарно улыбнулся советнику.

Присутствие жениха не наложило отпечатка ни на внешность, ни на поведение баронессы.

Она не нашла нужным прибегнуть к спасительным средствам косметики: запудрить морщины, нарумянить увядшие, сухие щеки. И одета она была, как всегда, небрежно. Столь же неизменным оставалось выражение ее лица — суровым и язвительным.

Об Ольге она сказала недовольным тоном:

— Эта девица ведет себя так, будто оказывает мне честь своим присутствием. Еле отвечает на вопросы. Сидит, уставившись в одну точку. Я предложила ей осмотреть замок, она отказалась. Я ознакомила ее с моей родословной. Она дерзко заявила, что в России родословные книги ценятся только животноводами для выращивания племенного скота. Я не для того была так терпелива с этой русской, чтобы мои старания оказались напрасными.

— Ваши заслуги будут оценены абвером, — напомнил Вайс.

— Ну что может для меня сделать ваш абвер! — пренебрежительно бросила баронесса. — Вот если бы мне предоставили другое, более доходное поместье. Ведь я вынуждена сама заботиться о себе. — И приказала Вайсу: — Ступайте к своей подопечной. Она в гостиной.

При звуке открываемой двери девушка повернула в эту сторону лицо и, не мигая, как-то странно глянула куда-то мимо Вайса. Взгляд ее не выражал ничего, кроме ожидания. Она спросила:

— Ну?

— Что с вами?

— Ах, это вы! — И сказала она это так, словно не

видела, кто вошел, а узнала Вайса только после того, как он обратился к ней.

Вайс предложил прогуляться по парку. Ольга решительно отказалась.

— Я очень прошу, — подчеркнуто настойчиво повторил свою просьбу Вайс.

— А если я все-таки не соглашусь, вы меня заставите?

— Да, я буду вынужден. Мне необходимо поговорить с вами.

В вестибюле он нашел ее пальто и подал ей. Спускаясь по лестнице, она держалась за перила. Вайс хотел вежливо уступить ей дорогу, но она остановилась и стояла до тех пор, пока он не пошел вперед.

Она неуверенно шагала по расчищенной от талого снега аллее, не глядя на землю, ступая по лужам так, будто нарочно хотела промочить ноги. На лице ее было странное, горестно-озабоченное, сосредоточенное выражение.

Когда Вайс свернул на боковую дорожку, девушка, как бы машинально, продолжала идти по аллее. Вайс окликнул ее. Она пошла на его голос, продираясь сквозь кустарник.

Вайс остановился и, когда девушка приблизилась, резко махнул рукой перед ее лицом. Она даже не отшатнулась, не зажмурилась, только веки чуть дрогнули.

Вайс знал, что от голода на какое-то время теряли зрение не только многие заключенные концлагерей, но также и те, кого гестапо подвергало специфическим способам допросов. Такие периоды слепоты наступали внезапно.

Девушка, очевидно, не видя Вайса или, возможно, едва различая его, словно сквозь туман, должно быть, почувствовала на себе внимательный взгляд. Она поспешно отвернулась.

— Нина! — решительно сказал Иоганн и, взяв ее за плечи, принудил повернуть к нему лицо. — Нина, — повторил он, — я все о вас знаю!

Девушка сжалась всем телом и вдруг, вырвавшись из рук Вайса, спотыкаясь, побежала по дорожке.

Иоганн догнал ее.

— Ну, — приказал он, — не делайте глупостей!

Он тщательно продумал информацию Центра об этой «Ольге», и вывод, к которому он сейчас пришел, показался ему единственно правильным.

Он заговорил с ней спокойно, уверенно.

— Ольга эвакуировалась вместе с институтом в Свердловск. А вы — Нина. Ваш отец жив, и никто его не

репрессировал. Единственное, что меня сейчас интересует: с какой целью вы выдали себя за Ольгу? И хорошо, если вы скажете правду. От этого будет зависеть для нас с вами очень многое.

— А если я ничего не скажу?

— Как вам угодно, — сказал Вайс. — В таком случае можете оставаться той, за которую вы себя выдаете.

— А кто я сейчас?

— Насколько я информирован, немецкая агентка. Изменница Родины. Так?

— Слушайте, — тихо произнесла она, — вы хотите мне внушить, что вы не такой немец, как все?

— Допустим...

— А может быть, вы просто...

— Вы не гадайте, — посоветовал Вайс.

— Хорошо, — сказала девушка и добавила с горечью: — В сущности, мне сейчас уже нечего терять.

— Вот именно, и если командование узнает, что вы почти ничего не видите, вас все равно швырнут за бесполезностью обратно в лагерь. — И Вайс добавил беспощадно: — Кому нужны слепые!

Вот что Иоганн услышал от девушки.

Да, действительно, ее отец взял в свою семью Ольгу, дочь репрессированного полковника. Потом, когда началась война, Нина стала санинструктором в части, где комиссаром был ее отец. Попала в плен. Какой-то предатель донес немцам, что она вовсе не дочь комиссара. Решил он так потому, что отец держал себя с ней на фронте строго, совсем не по-родственному. К тому же предатель этот знал от кого-то, что комиссар взял в свою семью дочь репрессированного полковника. Вот он и подумал, что Нина не дочь комиссара, а дочь репрессированного. Так он и донес немцам, добавив, что отец девушки — бывший начальник штаба, крупный военный деятель.

На допросах Нина сперва все это отрицала. А потом товарищи посоветовали ей не сопротивляться гестаповцам, назваться той, за кого ее принимали, — Ольгой — и подписать все требуемые бумаги.

В разведывательную школу она пошла, надеясь, как только выбросят в тыл, воспользовавшись полученным оружием, уничтожить своего напарника и бежать.

И когда девушка, закончив рассказ, сказала, что теперь Вайс может передать ее в гестапо или расправиться с ней по своему усмотрению, он ответил не сразу.

Иоганн колебался. Поверит ли ему Нина? Сумеет ли, когда узнает, кто он, преодолеть радость, которую — Иоганн знал это по своему опыту — иногда труднее скрывать, чем самое горькое разочарование?

Он сказал с деланным равнодушием:

— Я так и думал, что вы притворщица. Но меня все это не касается. Мне поручено сопровождать вас на время вашего отпуска. И все. Запомните: этого разговора между нами не было. Все остается по-прежнему. Вы Ольга. Что касается вашего зрения, не беспокойтесь — найдем врача и используем оставшиеся дни на лечение.

— Вы сами не тот, за кого себя выдаете! — сказала торжествующе девушка.

— Вы что же, считаете, среди нас, немцев, нет порядочных людей? — И промямлил: — И, кроме того, вы такая хорошенькая, что я, естественно, могу испытывать к вам особые, нежные чувства.

— Чувства! — презрительно сказала девушка. — Вовсе вы не такой.

— А какой?

— А какой, вы хотите, чтобы я была?

Вайс положил ей руку на плечо, попросил:

— Пожалуйста, постарайтесь оставаться такой, какой вы были. Сможете?

Девушка кивнула.

— И постарайтесь быть любезной с баронессой. В сущности, старуха не такая уж ведьма. Ее гостеприимство вам еще понадобится.

— А больше вы мне сейчас ничего сказать не хотите?

— Хочу, но не могу.

Девушка расплакалась.

— Ну вот, — сердито сказал Вайс. — Куда же вы годитесь!

— Ну, немножко-то можно? — попросила девушка. — Пожалуйста!

— Ничего мы не можем, — сказал Вайс. — Ничего не можем себе позволять. Понятно? — Он вытер ей лицо своим платком. Приказал: — Улыбнитесь! Ну, не так жалобно. Нахально улыбнитесь. Так, как вы это умели делать. Ну вот, пожалуй, ничего, сойдет.

— Один только вопрос, — сказала девушка, — только один...

— Валяйте. Только один.

— Кино «Ударник»?

— На улице Серафимовича, — смело ответил Вайс.

— Вы знаете, — сказала она, сжимая его руку, — я сейчас такая счастливая!..

Вайс сердито перебил ее:

— Ну и все! Все!

Когда они вернулись в дом, девушка сказала баронессе любезно:

— У вас отличная усадьба, только жаль, что запущенная. Аллеи не очищены от снега, я даже промочила ноги. — И, колебавшись, добавила: — Жаль, конечно, что я не все хорошо разглядела. У меня что-то с глазами.

После того как баронесса увела ее наверх переодеваться, Вайс попросил советника вызвать окулиста. Он сказал, что возместит все затраты, связанные с пребыванием агента абвера в доме баронессы, так как на это ему отпущены специальные средства.

Вернувшись, баронесса спросила:

— Отчего это у нее?

Вайс объяснил:

— Как обычно: от отсутствия в лагерном рационе витаминов.

Советник заметил негодующе:

— Какая, в сущности, наглость со стороны наших противников вынуждать нас кормить военнопленных, когда эту обязанность следовало возложить на воюющие с нами державы!

Не задумываясь, Вайс ответил:

— С целью нанесения ущерба экономике противника мы, в свою очередь, возложили на него обязанность кормить немцев-военнопленных.

— У вас острый ум, — осторожно усмехнулся советник.

Вайс сделал вид, что не понял иронии. Обращаясь к баронессе, сказал:

— Дочь советского полковника восхищена вашим гостеприимством и просила передать, что у нее в роду все мужчины были военные, поэтому ваша родословная вызывает ее восхищение. И она просит извинить ее неуместные шутки.

— Да, тут вам звонил герр Лансдорф, — не без уважения в голосе сообщил советник. — Я заверил его, что с вашей подопечной все в порядке. Воспользовавшись случаем, я поговорил с ним об интересующем меня деле. Он просил передать, что не возражает, если вы некоторое время будете оказывать мне содействие. — Подмигнул. —

Как видите, официальные и осведомленные лица не отказывают мне в своей поддержке.

— Я заранее был уверен в этом, — почтительно поклонился Вайс.

Отправившись на машине за врачом, Иоганн заехал к Эльзе и узнал дополнительные данные, сообщенные Центром о девушке. Они полностью совпали с тем, что она ему рассказала. Совпали и внешние приметы Нины.

Центр рекомендовал Вайсу прощупать бывшего работника артели «Часы, печати, оптика» гравера Бабашкина, изготавливающего в «штабе Вали» фальшивые документы для агентов.

Письмо дочери Бабашкина к отцу будет передано Вайсу в ближайшее время.

Врач, осмотрев Ольгу, сказал, что при интенсивном лечении и хорошем питании ее зрение может быть восстановлено в течение двух недель.

И хотя врач был из армейских, он охотно принял от Вайса гонорар и поэтому заменил немецкие медикаменты швейцарскими — более дорогими и эффективными.

— Но главное, — сказал он, — больной необходимо не столько лекарство, сколько питание и покой.

Слепота русской девушки вызвала сочувствие баронессы. Взыскательная старуха вдруг ударилась в сентиментальность. Ей уже хотелось, чтобы ее гостя не перебарывала свою беспомощность, а покорно отдалась ей. Это позволило бы баронессе сострадать ей, испытывать при этом приятное чувство жалости и показывать себя перед советником с неведомой ему, очевидно, до сих пор стороны.

Баронесса заявила:

— Ольга останется у меня, сколько бы времени ни понадобилось на ее излечение.

Она предалась трогательным воспоминаниям. Рассказала, как однажды в детстве, заливаясь слезами, спасла новорожденного котенка, которого дворецкому приказали утопить.

Почти такую же приятную чувствительность пробудила Ольга и у советника. За ужином он красноречиво рассуждал о долге христианина, цитировал Библию, и глаза его увлажнились, когда он следил за неловкими движениями девушки. Ее слепота казалась им обоим чем-то красивым, трогательным, что, по традиции, должно вызывать сострадание.

Оставив у себя Ольгу, баронесса, естественно, предложила и Вайсу погостить у нее.

Ей очень понравилась роль великодушной покровительницы слепой девушки. Утром Вайс заметил, что она как-то подозрительно и настороженно поглядывает на него. С бесцеремонной откровенностью, отведя его в сторону, баронесса решительно предупредила, что не потерпит у себя в доме никаких посягательств на честь своей гостыи.

День тянулся томительно долго.

Ужинали при свечах в огромной, плохо отапливаемой столовой, где было сыро, как в погребе. Стены с содранными гобеленами, с панелями из резного дуба и высокие, стрельчатые окна с гербами на витражах придавали ей вид заброшенного храма.

Ужин был довольно скудный.

Баронесса в утешение напомнила советнику, что фюрер вегетарианец: не курит и не пьет вина и рекомендует всем капустные котлеты и минеральную воду.

Советник взмолился:

— Моя жизнь слишком незначительна для того, чтобы я пытался продлить ее ценой подобных лишений, — и решительно протянул руку к графину с вином.

Ольгу баронесса посадила рядом с собой. Нарезала ей мяса. Уговаривала есть побольше.

Наблюдая за девушкой, Вайс заметил, как удивительно она преобразилась. Лицо ее стало умиротворенным, она улыбалась. Иоганн опасался этого счастливого выражения, но сейчас оно не представляло опасности: его можно было приписать благодарности за умиленное гостеприимство и заботу.

Советник, все время энергично наполнявший свой бокал, пришел в бодрое настроение, и склоняясь к Иоганну, рассказал ему:

— В тысяча девятьсот тридцатом году, помню, я был в гостях у Геринга. Он жил тогда в Шенебурге, в буржуазной квартирке средних размеров, и его первая супруга, милейшая женщина, страдавшая тяжелым заболеванием сердца, угощала меня гороховым супом, который подавала в фаянсовой тарелке ценой в полторы марки. А теперь господин Геринг — владелец концерна и славится как самый изысканный гурман. Только один его золотой сервиз стоит столько, сколько большое поместье. Как видите, занятия политикой могут приносить доход не меньший, чем финансовые операции.

Баронесса права. Скромность фюрера в еде общеизвестна. Он находит радости совсем в другом. Я помню, как еще до военных успехов фюрера в Европе его порученец предложил на одном аукционе у знаменитого антиквара девяносто тысяч золотых марок за картину Дефреггера. Как великий человек, фюрер позволяет себе вкладывать капиталы только в бессмертные произведения искусства, цена которых превосходит стоимость имущества многих солидных промышленников. И когда фюрер всенародно объявил, что у него нет текущего счета в банке, он сказал правду: каждый банк в интересах собственного процветания считает честью оказать ему любые финансовые услуги.

Да, фюрер беззаветно любит искусство. Он лично дает живописцам указания по части техники, содержания, стиля. Они должны руководствоваться этими указаниями, если хотят, чтобы их произведения покупали. Музыкальные вкусы фюрера так же определены и устойчивы, как и в живописи. «Мейстерзингеров» Вагнера он обычно заставляет повторять для себя десятки раз. Высоко ценит военную музыку. Но особый его восторг вызывает исполнение «Веселой вдовы» Легара. Он испытывает от этой музыки истинное высокое наслаждение. Его ближайшее окружение строжайше заботится о том, чтобы какой-нибудь дерзкий наглец не осмелился сболтнуть при фюрере, что Легар был женат на еврейке. Это было бы трагедией для фюрера, крушением его идеала.

Но еще больше фюрер преклоняется перед финансовым и промышленным гением величайших деятелей рейха, девиз которых подобен девизу, выгравированному на щите XIV века Вернера фон Веслингена: «Я, князь Вернер фон Веслинген, вождь большой шайки, враг бога, милосердия и жалости».

Фюрера радует умение деловых великих немцев в сюртуках захватывать позиции в мировой экономике. Например, «ИГ-Фарбениндустри», этот великолепный сплав монополий и картелей, влияет на исследовательские работы и производство главных химических и металлургических фирм мира.

Еще до войны при помощи патентов и другими путями мы добились контроля над производством многих важных для ведения войны продуктов. Но мы не остановились на этом. Мы пошли дальше в защите наших промышленных интересов. Когда германские фирмы регистрировали патенты в иностранных государствах, некоторые важные

стороны процесса утаивались, а формулы излагались так, что, если какой-нибудь иностранный ученый пытался, следуя нашим методам, получить синтетический продукт, происходил взрыв.

К примеру, метод получения красок, запатентованный Зальцманом и Кругером за № 12 096, нанес существенный урон выдающимся иностранным ученым, которые гибли так, словно местом для прогулок избрали минное поле.

Фон Клюге торжествующе заметил Вайсу:

— Вам, молодому абверовцу, следовало бы понять, что по сравнению с успехами в подобных операциях наших крупнейших концернов деятельность вашей службы выглядит, ну, чтобы не обидеть адмирала Канариса, как пиратские набеги, в то время как мы, черные шюртуки, бесшумно завоевывали континенты в экономических битвах одними карательными соглашениями.

— А что же вы выиграли для себя в этих битвах? — полюбопытствовал Вайс.

Советник досадливо махнул рукой.

— Вы слышали о крахе кинофирмы «Фебус» еще в довоенные годы? Господин Канарис вложил в нее миллионы и вынудил меня стать его компаньоном.

— Вы поступили легкомысленно?

— Вовсе нет. Просто у господина Канариса имелись документы, касающиеся некоторых сторон моей прежней деятельности. И он предложил мне наиболее изящную форму получения интересующих меня бумаг. Вот я и вложил крупную сумму в эту фирму.

— Он заставил вас выкупить бумаги?

— Нет, просто это был наиболее благоразумный и деликатный способ сохранить наши дружеские отношения.

— Вы и сейчас друг адмирала?

— Безусловно. Это кристальной чистоты человек. И когда он оказался банкротом, то не позволил себе снова представить мне неприятные документы, хотя и сохранил их копии. Он мужественно перенес несчастье. И по его рекомендации я участвовал во время инфляции в финансовых операциях старика Тиссена.

— Вы знакомы с господином Гердом?

— Да, это серьезный делец, который стал на правильный путь, сочетая интересы фирмы своего тестя с политической наци. Опыт работы в абвере, несомненно, пополнит его образование экономиста. Он сумеет ознакомиться с методи-

кой и приемами исследования экономических потенциалов Востока.

Весь ужин говорил только советник. Баронесса и Ольга почти все время молчали и не вслушивались в застольную беседу мужчин.

В десять часов вечера баронесса велела Ольге идти отдыхать и приказала Вайсу проводить девушку до отведенной ей комнаты.

44

На следующий вечер у баронессы собралось небольшое общество: пожилые, одетые со старомодной тщательностью, благовоспитанные люди.

Они были близки ей не только потому, что с ними у нее издавна установились тесные, подобные родственным, связи, но и потому, что все они, как и сама баронесса, владели земельной собственностью или же вложили солидные капиталы в надежные предприятия с устойчивыми доходами.

Несмотря на почтенный возраст и полную обеспеченность, все они охотно заняли предложенные им пришедшими к власти нацистами чиновные должности. Ведь передать свой опыт новому руководству империи было их патриотическим долгом.

По-видимому, они полагали, и притом не без основания, что их юношеские идеалы, сложившиеся во времена монархии, не только не устарели сейчас, но возрождены фюрером с поспешностью и энергией, несвойственными деятелям минувшего столетия.

Доктор фон Клюге, правда, позволял себе сомневаться и в этом достоинстве Гитлера и утверждал, что Карл Лампрехт еще в девятисотые годы с бóльшим даже красноречием, чем фюрер, провозглашал: «После кровавых побед мир будет изменен путем германизации».

Гости держали себя с той непринужденностью, какая возможна в кругу людей, равных по положению, занимаемому в обществе.

Герр Кранц, высокий, жилистый, плоский, с маленькой прилизанной головкой на высокой шее и с моноклем в левом глазу — правый всегда оставался презрительно сощуренным, — в первую мировую войну служил в уланах. Он считался тонким знатоком лошадей, и, очевидно, поэтому

в концерне Круппа ему была предоставлена должность главного инспектора в управлении рабочей силой.

Он позволял себе довольно смело критиковать фюрера за то, что тот пренебрегает кавалерией, отдавая предпочтение мотомеханизированным соединениям «этого выскочки Гудериана», который расхваливает танки так, будто служит в рекламном бюро машиностроительной фирмы и получает проценты с каждой единицы сбытой продукции.

В Пруссии у Кранца был конный завод, но, увы, покупал его лошадей не вермахт, а только полиция.

Густав Крупп был личным другом фюрера. В 1933 году он учредил фонд Адольфа Гитлера, предоставив нацистской партии огромные суммы для СА, СС, «гитлерюгенда» и ряда подобных же организаций. Кранц не без оснований считал фюрера должником фирмы.

Кранц прибыл в генерал-губернаторство, чтобы организовать в Освенциме строительство предприятий, изготавливающих детали к автоматическому оружию. Он сразу же потребовал от эсэсовского руководства выделить для этой цели из концлагерей наиболее жизнеспособных заключенных.

Забравшись на возвышение посреди аппельплаца, он приказывал гонять заключенных по кругу, а сам наблюдал за ними в бинокль, которым обычно пользовался во время скачек на ипподроме.

Тех, кто после нескольких кругов оказывался способным сохранять вертикальное положение, Кранц отмечал для себя. Записывал их лагерные номера и приказывал отправлять отобранных им людей в специальный концентрационный лагерь фирмы. За каждого обладающего подходящей специальностью заключенного он уплачивал в финансовые органы СС четыре марки, а за тех, кто не имел профессии, — по три марки, и в итоге это составляло довольно крупные суммы.

Поскольку большинство отобранных им заключенных не внушало Кранцу уверенности в том, что они смогут долго протянуть на тяжелых работах, он сделал в контракте специальную оговорку: устранение ослабевших возлагается на администрацию лагерей, причем убывшие заменяются без дополнительной оплаты.

Добиться оговорки в контракте было непросто, пришлось сделать денежные подарки местным руководителям СС. Но для этого Кранц располагал неподотчетными суммами, специально выделенными ему на подобные цели. И считал сделку крайне выгодной, так как смертность

заключенных, занятых на различных работах, была чрезвычайно высока, а транспортировка и погребение каждого трупа по предварительной калькуляции обходилась бы фирме в среднем в 30—50 марок.

Успешность всех этих деловых операций привела герра Кранца в отличное расположение духа, и он был одним из самых приятных гостей баронессы, так как мысли его в ее гостинной были заняты только тем, чтобы нравиться всем и быть любезным со всеми.

И хотя другой гость, герр Шик, представлял конкурирующую и давно развившую здесь гигантскую деятельность организацию, защищающую интересы концерна «ИГ-Фарбениндустри», Кранц добродушно подшучивал над ним.

Шик в противоположность Кранцу был тучен и коротконог, к тому же он порядком обрюзг и отличался крайне нервной озабоченностью, не покидавшей его даже в доме баронессы.

На химических предприятиях концерна, кроме заключенных, работали люди, насильственно увезенные в оккупированную Польшу из многих европейских стран. Герр Шик планировал увеличение производства главным образом за счет использования рабского труда заключенных и нервничал, справедливо полагая, что приоритет в отборе рабочей силы из лагерей должен принадлежать «ИГ-Фарбениндустри», основавшей свои предприятия в Освенциме задолго до нашествия представителей крупновского концерна. Но, зная, какую признательность питает фюрер к Густаву Крупцу, он льстиво расхваливал деловые способности Кранца, скрывая под потоком лживых слов свое недовольство его деятельностью.

Среди уважаемых гостей находился и видный мюнхенский терапевт, профессор Виртшафт, получивший в одном из освенцимских лагерей специальный блок для проведения медицинских экспериментальных работ. За эти работы профессор был награжден званием штурмбанфюрера, но, будучи человеком сугубо штатским, никогда не носил эсэсовского мундира.

Профессор трогательно заботился о своей рыжей таксе по кличке Амалия. Он никогда и нигде с ней не расставался, сам мыл ее и на ночь укладывал рядом с собой в постель.

У него было увесистое, мясистое лицо и добродушные, ярко-коричневые, заплывшие, узенькие глазки.

Он говорил:

— Если раньше было принято думать, что войны сулят человечеству расцвет мастерства хирургов, то теперь перед всей медициной открываются такие возможности исследования человеческих организмов, о которых даже самые дерзкие умы не могли и мечтать.

Герр Шик имел некоторое представление о роде занятий профессора, так как первоначально, еще в марте 1941 года, рейхсфюрер Гиммлер намеревался построить в Верхней Силезии близ Освенцима завод синтетических жиров, руководимый СС. Но Геринг, чтобы не допустить слишком большого влияния СС на экономику рейха, сорвал эти планы Гиммлера, передав строительные площадки концерну «ИГ-Фарбениндустри».

О том, какого рода сырье предполагалось использовать для производства синтетических жиров, Шик узнало из медицинской документации, на основе которой были составлены исходные данные о содержании жировых веществ в предназначенном для переработки материале. Но возмущен он был не столько как христианин, сколько как человек, понимающий толк в производстве синтетической продукции: основным исходным сырьем для нее должны служить минеральные, а вовсе не органические вещества!

Более успешны и плодотворны были эксперименты профессора, касающиеся ожогов третьей степени, а также обильных искусственных кровотечений и продолжительного замораживания.

И хотя работал он со слабым материалом, доставленным ему из молодежных и детских лагерей, — подопытные часто не выдерживали до конца всю программу эксперимента, — ряд статистических выводов профессора представлялся уже чем-то новым. Ведь не было еще случая в истории, чтобы кто-либо решился на подобную бесчеловечность только ради установления способности человека выносить самые чудовищные страдания.

Но что бы там ни было, профессор Виртшафт слыл хорошим лечащим врачом, замечательным диагностом и давал друзьям много полезных советов относительно того, как лучше сохранить самую величайшую для людей ценность — здоровье. Правда, о своем драгоценном здоровье он совсем не заботился. Много и жадно ел, пил, курил крепкие сигары и, будучи холостяком, человеком одиноким, был крайне неразборчив в отношении женского пола...

Если в годы первой мировой войны в лучших домах Германии с почетом принимали авиаторов вне зависимости от их происхождения и воинского звания, то ныне авиаторов сменили абверовцы: таинственная деятельность этих черных рыцарей, владеющих тайными способами ведения войны, окружала их заманчивым ореолом.

И когда баронесса представляла гостям Иоганна Вайса, мужчины крепко и многозначительно жали ему руку, а моложавая супруга Шика улыбнулась ему так нежно, застенчиво и многообещающе, что Иоганн даже на секунду сконфузился и не сумел сразу ответить на ее вопрос: как давно он решился отдать свою жизнь военному шпионажу, столь романтической, полной приключений профессии?

Помедлив, он скромно сказал, что, по его мнению, у лучших немецких разведчиков эти склонности обычно обнаруживаются еще в детстве. Мужчинам же он как бы вскользь заметил, что высшее офицерское звание составляет для сотрудника абвера некоторое неудобство, поскольку разведчик нигде и никогда не должен привлекать внимания к своей особе внешними атрибутами.

И все немедленно с ним согласились.

С герром Кранцем он поддержал беседу о скаковых лошадях, используя те сведения, которые приобрел в спортивном динамовском манеже от своего инструктора, бывшего бойца Первой Конной армии.

С герром Шиком Вайс обменялся мнениями о значении химии. Когда-то Александр Белов увлекался химией, и это позволило ему пленить Шика своими познаниями в области переработки бурых углей.

Профессора Виртшафта Вайс заинтересовал сообщением о том, что уже древние египтяне совершили трепанацию черепа, — об этом он слышал от экскурсовода в ленинградском Эрмитаже.

Вайс давно подметил одну любопытную и важную для него закономерность. К какому бы роду службы или общества ни принадлежали здесь немцы, они неукоснительно и благоразумно воздерживались от разговоров, касающихся их собственной деятельности и вышестоящих лиц данного круга, но все, что выходило за пределы этого круга, обсуждалось охотно, с всесторонней осведомленностью.

От сотрудников гестапо, например, Вайс узнавал о руководителях абвера больше, чем от самих абверовцев. А его сослуживцы говорили о работе гестапо такое, чего никогда

и никому не осмелился бы сказать ни один из сотрудников гестапо.

Эсэсовцы из числа лагерной администрации поведали Вайсу о своих связях с крупнейшими концернами Германии, которых они снабжают рабочей силой, и о тех колоссальных суммах, которые уплачивают финансовому управлению СС за подобные услуги различные фирмы. Что касается уполномоченных этих фирм, то они обычно жаловались Вайсу на службу СС.

Словом, почти каждый, с кем встречался здесь Вайс, охотно делился своими достаточно обширными знаниями о тайных делах других служб, тем более, что это было и безопасно: никакие законы, правила и уставы не предписывали хранить чужие тайны.

Вайс успешно этим пользовался.

Так, о строительстве новых предприятий он узнавал от лагерной администрации, а о создании новых лагерей — от представителей различных фирм, которые рассматривали лагерь как источники рабской рабочей силы и либо приближали свои новые предприятия к этим источникам, либо добивались от руководства СС, чтобы новые лагерь создавались поблизости от уже существующих предприятий.

Каждый из гостей баронессы представлял интерес для Вайса. Научный интерес, если можно так выразиться. самого беглого знакомства с ними было достаточно, чтобы понять, как полно воплощали они в себе то, что составляло сущность строя, породившего фашизм.

Искренне, по-человечески заинтересовал Вайса только один гость баронессы — инженер-химик Карл Будгофт, работавший на ведущемся «ИГ-Фарбениндустри» строительстве завода искусственного каучука.

Это был крупный специалист по производству синтетического каучука, в котором так остро нуждалась Германия. Будгофт принадлежал к числу необходимых рейху людей и поэтому держался совершенно независимо. Он мог позволить себе многое, зная, что едва ли кто-нибудь отважится хоть пальцем тронуть его.

Седовласый человек с молодежавым лицом, нервный, раздражительный, он был склонен к неосмотрительным, едким суждениям.

На вопрос, где он живет, Будгофт ответил:

— В паршивом провинциальном городишке Освенциме, который скоро прославится в веках как мировой центр работоторговли.

— Скажите лучше, Карл, — спросил его профессор, — что нового вы собираетесь подарить науке?

Будгофт усмехнулся:

— Труд о влиянии тугих мундирных воротников на зрение солдат.

— Но это, скорее, медицинская проблема, — улыбнулся профессор. — Вы шутник, Карл! С вашим умом и знаниями, — льстиво добавил он, — вы давно могли бы подарить рейху что-нибудь исключительное.

— Профессор, — живо отозвался Будгофт, — я весь к вашим услугам. Желаете кислотные растворители для трупов умерщвленных вами младенцев? Какая будет экономия в топливе! Ведь вы, кажется, отправляете их в крематории?

— Вам не следует много пить. И, кстати, среди моих пациентов нет никаких младенцев. Вы все преувеличиваете.

— Преуменьшаете, вы хотите сказать?

— Бросьте, Карл! Каждый из нас делает свое дело.

— Делает, но по-разному.

Профессор, будто не расслышав, услужливо наполнил коньяком узкий сверху и широкий снизу бокал, который держал в ладонях Будгофт. Тот машинально сделал несколько глотков. На впалых висках инженера выступили капельки пота. Глядя на господина Шика, он спросил:

— Слушайте, господин Шик. Знаете, как наказывают военнопленных у нас на стройке?

— Если нарушение не носит очень злого характера, кладут на козлы и отпускают ни в коем случае не свыше двадцати пяти ударов по мягким частям тела.

— А кто считает эти удары?

— Конечно, сам провинившийся.

— А если он после десяти — пятнадцати ударов теряет сознание?

— Делают перерыв.

— И кто должен потом продолжить счет?

— Он же.

— Но человек, едва придя в сознание, не способен считать.

— Естественно.

— И тогда его забивают насмерть?

— Солдаты действуют по инструкции, — напомнил Шик. — Считать обязан провинившийся, и он сам виноват, если не использует предоставленного ему права. — Спросил

обидчиво: — Вас самого разве не порол в школе? И отец не порол? Странно!

Чтобы предотвратить вспышку ярости Будгофта, Вайс предложил ему прогуляться по парку. Тот, несколько смущенный своей горячностью, охотно согласился.

Темные шеренги лип с култышками обрезанных ветвей, скорлупа льда на дорожках, тонкий, жалобный месяц...

Лицо Будгофта было почти таким же белым, как и его волосы.

Он сказал Вайсу с отчаянием:

— Вы не представляете, какой это ад — лагеря!..

— Почему же не представляю? — Иоганн усмехнулся. — Вы, очевидно, забыли, к какому роду службы я принадлежу?

— Но вы же не гестаовец?

Вайс ответил:

— По убеждению — нет.

Будгофт подхватил оживленно:

— Вы правы, среди нас есть гестаповцы не по службе, а по образу мышления.

— Вы имеете в виду тех? — Вайс кивнул по направлению к дому.

Будгофт спросил:

— Вы считаете, что я был неправ, когда сказал, что Освенцим — центр работоторговли?

— Я думаю, вы ошибаетесь.

— А почему?

— Есть и другие районы лагерей, не меньших масштабов.

— О! — радостно воскликнул Будгофт. — Это ваша поправка дает мне надежду, что вы не осуждаете меня за мои слова.

— Напротив! Я просто считаю, что вы были не совсем точны, характеризуя ваш город.

Будгофт пожаловался:

— Гостиница, в которой я живу, переполнена представителями различных фирм, прибывшими для приобретения рабочей силы. И, поскольку я здесь уже почти абориген, они обращаются ко мне за советами. Лагерная администрация сбывает им людей, находящихся в таком состоянии, что половина их умирает в пути. Это не столько убыточно, сколько представляет некоторое неудобство для финансовой отчетности, документы которой должны сохраняться в архивах фирмы.

— И что же?

— Ну как вы не понимаете! — рассердился Будгофт. — Ведь в бухгалтерских книгах Стиннесов, Фликов, Борзигов будут значиться сотни тысяч трупов, за которые были заплачены деньги.

— А при чем здесь вы?

— Ну как же! Филиалы «Фарбен» обосновались здесь давно, и сотрудники управления рабочей силой концерна прибегли к особой бухгалтерской методике, чтобы зашифровать такого рода убытки.

— Значит, представителей других фирм заботит этическая сторона дела? — спросил Вайс.

— Да. И, очевидно, потому, что все это преступно и гнусно.

— Но это утверждено имперским правительством — значит, законно. И, как я слышал, даже установлены твердые цены, чтобы не было спекуляции людьми.

— Вы серьезно?

— А разве к этому можно относиться иначе, как серьезно? — в свою очередь спросил Вайс. — Но я просто констатирую, что мы, немцы, узаконили торговлю людьми и это не совсем совпадает с общечеловеческими законами.

— Но человечество нас ненавидит! — с отчаянием воскликнул Будгофт.

— Вы полагаете, все мы, немцы, заслуживаем ненависти?

— В глазах других народов — да.

— Но вот это ваше признание свидетельствует о том, что есть разные немцы.

— Вы хотите сказать, какой я немец?

— Вы уже сказали.

— Я не все сказал. — На бледных щеках Будгофта выступили красные пятна. — Среди немецких рабочих, которые руководят на стройке военнопленными, есть такие, которые, невзирая на то, что сами могут очутиться в положении этих заключенных, оказывают им всяческую помощь. А ведь эти наши рабочие были отобраны и проверены гестапо как наиболее благонадежные и преданные рейху. Но вот недавно одного из них казнили за то, что он помог бежать группе заключенных. И он не один помогал им. Но когда беглецов поймали, они никого не выдали. Это произвело очень тяжелое впечатление на всех наших рабочих.

— Почему тяжелое?

— Ну как же! Русские — наши враги, и они могли

назвать имена десятков немцев, отомстить нам, потому что всех названных, несомненно, казнили бы. А они ни одного не назвали. Во время побега они убили охранников, а наших двух рабочих только связали.

— Кажется, у советских это называется чувством пролетарской солидарности?

— Я не знаю, как это у них называется, но в результате существует предположение, что среди наших рабочих возникло нечто вроде тайной организации помощи русским.

— Вы сообщаете об этом мне как сотруднику абвера?

— Нет, отнюдь нет. Просто мне показалось, что вы... — Будгофт замаялся.

— Что вам показалось? — строго спросил Вайс.

— Ну, просто, что вам не очень симпатичны гости госпожи баронессы, общество которых мы покинули.

— Вы ошибаетесь.

— Нет, — решительно объявил Будгофт, — я настолько не ошибаюсь, что заявляю вам здесь: я симпатизирую моим рабочим больше, чем всем этим господам.

— Вам не следует много пить, — мягко упрекнул его Вайс. — И еще больше не следует в таком состоянии откровенничать с кем-либо.

— Слушайте, — восторженно заявил Будгофт, — ну их к черту! — Он махнул рукой. — Поедем сейчас ко мне в Освенцим. Я вас познакомлю с чудными ребятами. Один — учитель, другой, как и я, — химик, но они, понимаете, настоящие немцы, не из коричневых.

— Есть еще другие цвета, — уклончиво заметил Вайс.

— Например? — спросил Будгофт. Потом вдруг, как бы догадавшись, успокоительно объявил: — Да нет, они вовсе не красные. Вы что, подумали, я сочувствую красным? Никогда. Просто мои друзья, как и я сам, стыдятся того, что сейчас творится.

Вайс сказал:

— Но там, где расположены военные заводы, теперь дырявое небо, и приглашать туда — это все равно что приглашать в гости на фронт.

Будгофт лукаво усмехнулся:

— Вы забываете, что «ИГ-Фарбениндустри» не только представитель германской империи. Американская авиация не станет бомбить наши цехи. Это то же самое, что бомбить у себя дома дюпоновские химические заводы: удар был бы нанесен по общим капиталовложениям.

— А англичане?

— Две тысячи английских военнопленных работают здесь на наших предприятиях. Гестапо организовало побег двух англичан. Они должны предупредить Черчилля: ведь нельзя же бить по своим!

— Здорово!

— Да, в правлении «Фарбен» заседают умные головы. Если Германия выиграет войну, американские акционеры честно получают свою долю. А проиграет — концерн «Фарбен» не будет обделен своими заокеанскими компаньонами. Для всех них война — без проигрыша.

— А для вас?

— Для меня? — машинально повторил Будгофт и, видимо протрезвев на свежем воздухе, произнес скороговоркой: — Знаете, вернемся, я что-то продрог. — Спросил: — Не очень подло будет, если я извинюсь перед Шиком? — Оправдываясь, объяснил: — Ему ничего не стоит устроить какую-нибудь гадость.

Вайс не ответил.

Баронесса при свечах играла со своими гостями в покер.

Будгофт все-таки не извинился перед Шиком. Пожав руку Вайсу и повторив свое приглашение навестить его в Освенциме, он уехал.

Вайс через некоторое время отправился к себе в «штаб Вали», получив твердое заверение баронессы, что она по-прежнему будет оказывать гостеприимство пленной дочери русского полковника.

В доме баронессы был еще один гость, который почти все время скромно молчал и обладал самой ordinарной внешностью. Кроме своего жестковатого выговора, он ничем не привлекал к себе внимания. Пожилой, лысый, с брюшком, в старомодном, длиннополом пиджаке и широких брюках в полоску, он не выпускал изо рта сигары и, видимо, так наслаждался курением, что никто не решался отвлечь его от этого занятия.

Вайс уловил, что при некоторых уж слишком откровенных высказываниях своих гостей баронесса бросала тревожный взгляд на этого человека. Но едва лишь он сонно опускал припухшие веки, она успокаивалась, однако все же решительно пыталась изменить тему разговоров.

Когда Иоганн осведомился о нем у Карла Будгофта, тот сказал небрежно:

— Господин Шмидт — коммерсант из Гамбурга. Но он

почему-то особенно интересуется новыми методами производства синтетических материалов. Я не мог удовлетворить его любопытства. Сотрудники «Фарбен» дают подписку о строжайшем сохранении в тайне всех моментов, связанных с нашим производством.

— Возможно, он представляет какую-нибудь конкурирующую фирму.

— У «Фарбен» нет конкурентов,— твердо заверил Будгофт.

Случилось так, что этот самый господин Шмидт попросил Иоганна подвезти его до Варшавы. Но в машине он не сел рядом с Вайсом — устроился на заднем сиденье.

Казалось, что этот человек необщительный,— так решил Вайс и ошибся. На протяжении всего пути Шмидт беседовал с ним. Правда, беседа носила несколько примитивный характер: Шмидт спрашивал, Вайс отвечал. Вопросы сыпались градом, и заметно было, что спутник Вайса торопится как можно точнее уяснить себе структуру абвера. Это было весьма квалифицированное любопытство.

Насторожившись, Вайс обстоятельно и подробно изложил герру Шмидту схему не имеющей отношения к абверу службы жандармерии в оккупированных районах. Но, по-видимому, Шмидту и эти сведения были для чего-то нужны.

В Варшаве Шмидт остановился не в гостинице, а в пригородной вилле крупного польского помещика, эмигрировавшего с семьей в Англию. Как выяснилось из дальнейшего, родственники помещика, оставшиеся в доме, и прислуга чрезвычайно внимательно относились к Шмидту, что показалось Вайсу не совсем обычным.

Шмидт пригласил Вайса зайти к нему и за рюмкой коньяку по-отечески стал расспрашивать молодого человека о его житье-бытье.

Вайс коротко рассказал самые общие вещи, и разговор перешел на военные темы.

Будто бы вскользь, Шмидт осведомился, как оценивает Вайс неудачу операции «Морской лев» с высадкой немецкого десанта на побережье Англии.

Вайс высказался в том духе, что операция «Морской лев», по-видимому, была задумана как акт морального воздействия на англичан, для того чтобы они осознали свою ошибку. Эта ошибка заключается в том, что англичане воюют не на стороне Германии, а против нее.

Шмидт оживился и, соглашаясь с Вайсом, сказал, что

такого же мнения в Англии придерживаются лица очень высокопоставленные. Как только Черчилль мог поступить так безрассудно!

Вайс осторожно спросил: точно ли в Англии существует подобное мнение? Шмидт, усмехаясь, сказал, что это известно не только имперскому руководству. И миссия Гесса увенчалась бы успехом, если бы Англия обладала такой же мощной системой политической полиции, какой обладает Германия в лице гестапо, сумевшего столь решительно разгромить все левые организации в стране.

Потом Шмидт сказал, что союзные отношения Англии с США зиждутся не на прочной основе. Известно, например, что американская фирма, производящая бомбовые прицелы по патентам Цейса, отказалась снабдить ими английский воздушный флот, ссылаясь на свои обязательства перед Цейсом.

— Если бы англичане в достаточном количестве владели такими прицелами, бомбежка немецких городов была бы более эффективна. И не случайно, — сказал Шмидт, — среди двух тысяч английских узников Освенцима много английских летчиков, сбитых над территорией Германии. Из-за технического несовершенства английских прицелов они сбрасывают бомбы с опасного, низкого потолка полета.

Но тут же Шмидт признался с огорченным видом, что и в самой Германии крупные концерны подавляют своей властью развитие деловой инициативы владельцев небольших предприятий, которые оказываются под угрозой разорения. Так, например, господин Шмидт собирается открыть контору для оказания разного рода технической консультации мелким фирмам, но с первых же шагов он встретился с большими трудностями. И трудности эти вызваны не столько войной, когда изобретательская мысль, естественно, находится под контролем службы безопасности, сколько захватнической деятельностью крупнейших концернов, которые приобретают патенты, не имеющие прямого отношения к их производству, обездоливая тем самым мелкие фирмы и тормозя их рост.

И господин Шмидт сокрушенно перечислил те патенты немецких изобретателей, которые ему не удалось приобрести: на особый состав ароматического вещества, благотворно влияющего на самочувствие и боеспособность летчиков; на изготовление торфяной панели; на производство хлеба из перебродивших опилок — хлеб этот предназначался специально для населения оккупированной Европы; на

использование табачных отходов, перерабатываемых в бумагу для печатания денежных знаков. Имелось предложение делать подметки сапог из проволоочной сетки, покрытой составом из прессованной кожи и каучука. Все это при правильной организации производства могло принести значительные дивиденды. Но... Шмидт развел руками и, огорченно улыбаясь, объявил:

— Перехватили другие, более значительные фирмы. И я сейчас весь в поисках чего-нибудь новенького.

Вайс сказал с сожалением:

— Увы, здесь я ничем не могу быть вам полезен. — И, мысленно отметив особенность названных Шмидтом изобретений, — обо всех них не так давно писали газеты, — спросил сочувственно: — Очевидно, господин Шмидт, для того только, чтобы узнать обо всем перечисленном вами, вы потратили немало труда?

— Не только труда, но главное — денег, — сокрушенно закивал головой Шмидт и добавил со вздохом: — Приходится быть щедрым со сведущими людьми. И, представьте, все они предпочитают рейхсмаркам английские фунты.

— Твердая валюта, — сказал Вайс.

— Да, — согласился Шмидт. И посоветовал: — Я бы вам тоже рекомендовал не пренебрегать ею в тех случаях, когда представится возможность.

Вайс пожал плечами и снова повторил:

— Увы, это так далеко от моей деятельности, что, к сожалению... — Он помедлил. — Впрочем, я вспомнил, у меня есть один приятель... Вы же знаете, в каждом взводе имеется специальный ящик, куда любой военнослужащий может опустить свои технические предложения. В армии сейчас много интеллигентных людей, которые пребывают в звании рядовых по причинам либо расовой неполноценности, либо неблагонадежности. Вот они-то иногда и делают весьма ценные предложения. Их награждают за это отпусками или званиями ефрейторов, даже унтер-офицеров. Так вот, мой знакомый работает в отделе, куда поступают разного рода предложения. Может быть, он будет вам полезен?

Шмидт разочарованно пожал плечами.

— Не совсем уверен, что это именно то, что мне нужно. Но, во всяком случае, я буду вам признателен, если вы познакомите меня со своим другом.

— Знакомым, — поправил Вайс. — И то, знаете ли, довольно далеким: встречались в казино.

На этом он простился с герром Шмидтом, получив приглашение заходить.

Конечно, Вайс не должен был пренебрегать этим знакомством, ибо каждое новое лицо, с которым ему доводилось больше или меньше сблизиться, расширяло его представление о тех немцах, которые ринулись в Польшу за коммерческой добычей. Почти каждый из них имел связи с армейскими службами и, поскольку деловые операции находились в прямой зависимости от службы вермахта, мог служить источником информации для Вайса.

Но Шмидт как-то не походил на обычного коммерсанта. Было в нем что-то подозрительное. Солидное, сонное спокойствие, отличавшее его от прочих гостей баронессы, не соответствовало выражению глаз — напряженных, внимательных даже тогда, когда он как бы дремал с сигарой в зубах. За столом он разбавлял шнапс содовой водой, чего никогда не делают немцы.

И потом — почему у этого богатого, как он заявил, привыкшего к путешествиям человека в комнате стояли новехонькие немецкие фибровые чемоданы и столь же новый несессер с туалетными и бритвенными принадлежностями? Среди разложенных на столе и на кресле личных вещей Шмидта не было ни одной иностранного происхождения. А ведь богатые немцы — Иоганн знал это — всегда предпочитали заграничные изделия отечественным. И Шмидт, едва они вошли в его комнату, скинул с ног с большим облегчением новые ботинки и остался в одних носках: комнатных туфель у него не оказалось.

Кроме того, когда Шмидт переодевался в пижаму, Иоганн отметил мощную мускулатуру его торса и два вдавленных круглых шрама, напоминающих отпечатки монеты с рубчатыми краями, — такие шрамы остаются на теле после пулевых револьверных ранений. На тумбочке у Шмидта стоял накрытый ковриком многоламповый приемник, в то время как в генерал-губернаторстве уже давно было приказано пользоваться только слабенькими, так называемыми «народными» радиоприемниками.

Иоганн решил в самое ближайшее время навести справки об этом гамбургском коммерсante.

Лансдорф недавно прилетел из Берлина и сейчас отдыхал, лежа на диване с книгой в руках. Не отрывая глаз от страниц книги, он выслушал рапорт Вайса. Похвалил:

— Это вы хорошо придумали: воспользоваться вашим знакомством с баронессой для того, чтобы произвести благоприятное впечатление на нашу русскую агентку. Как вы ее находите?

Вайс уклончиво ответил, что чувствует она себя неплохо.

— Я спрашиваю, верите ли вы, что, давая согласие работать на нас, она действительно руководствовалась желанием отомстить за своего репрессированного отца?

Иоганн увидел глаза Лансдорфа. Сузившись наподобие прорези прицела, они в упор смотрели на него поверх страниц книги, и притом с таким жестким выражением, какое бывает, когда человек прицеливается, чтобы убить.

Он понял, как опасно для него сейчас малейшее притворство. И сказал решительно:

— Нет, не верю.

Лансдорф опустил книгу. Он улыбался, глаза его смягчились.

— Я тоже не верю, — сказал он. — И не верю не потому, что в гестапо могли известными способами внушить ей эту мысль и, очевидно, внушили. Я не верю ей потому, что за последние месяцы посещал третий отдел во время допроса русских, подлежащих ликвидации. И открыл одну весьма любопытную закономерность.

Во время допросов работники контрразведки пытались добиться у русских, чтобы те подтвердили или дополнили факты, характеризующие те или иные отрицательные стороны их жизни. И русские опровергали эти факты, хотя следователям они были известны из советской печати. А знаете, почему отрицали? Потому что считают, что о дурных сторонах своей жизни не должно говорить с противниками. Это оскорбляет их советское достоинство. Ведь они убеждены, что все эти отрицательные стороны их жизни — лишь временное явление.

— Вы тонкий психолог, герр Лансдорф.

— Нет, тут дело не в психологии. Эта черта характерна для представителей молодого поколения русских. Наша агентка, как и те, другие, лжет нам. Даже если ее отца арестовали, она уверена, что это судебная ошибка, и ничто другое.

— Но ведь кто-то персонально виновен в том, что его репрессировали, и она, возможно, руководствуется чувством мести.

- Коммунисты против террористических акций.
- Она не по политическим мотивам, а по личным...
- Вы говорите глупости,— отрезал Лансдорф.
- Нет, не глупости,— решительно возразил Вайс.—

Она взбалмошная, инфантильная, с болезненным воображением. Выбросила на дорогу мои деньги. Чуть не удрала от меня из гостиницы с каким-то красавчиком. Она в конце концов просто истеричка. Но вместе с тем вела себя у баронессы с большим достоинством, как и подобает дочери крупного военного деятеля.

— Это любопытно,— задумчиво пробормотал Лансдорф.— Психическая неуравновешенность плюс взвинченное воображение...— Спросил отрывисто: — Вы знаете о воздействии на человеческий организм скополамина в соединении со снотворным?

— Если не ошибаюсь, впервые этот препарат был удачно применен на Ван дер Люббе?

— Возможно,— сказал Лансдорф. И строго добавил: — Но, во всяком случае, мне это неизвестно.

— Слушаюсь,— почтительно наклонил голову Вайс.

— Значит, вы меня поняли?

— Безусловно.— И добавил огорченно: — Очевидно, я не оправдал ваших надежд.

— Почему?

— Вы заменяете меня препаратом.

— Ах, так,— улыбнулся Лансдорф.— Ну что ж, наблюдайте, как вы считаете нужным, за этой девушкой, Иоганн, а теперь ступайте. Я хочу отдохнуть.

Впервые Лансдорф назвал Вайса по имени. Это было радостной неожиданностью. Ведь за этим скрывалось самое главное — особое доверие Лансдорфа, которого Вайс не только не утратил, а еще более упрочил.

45

Все дни, пока девушка гостила у баронессы, Вайс занимался обычной своей служебной работой в расположении «штаба Вали».

Среди новых, недавно прибывших курсантов оказались люди, рекомендованные подпольными лагерными организациями. Но Вайс теперь получил возможность не вступать с ними в непосредственное общение. Для этой цели у него был связной по кличке «Нож» — моряк-десантник, кото-

рый успешно справлялся с возложенными на него обязанностями и, в свою очередь, имел связного.

Когда, обледенев, лопнул один из тросов на высотной антенне радиостанции штаба и немецкие солдаты оказались бессильными устранить повреждение, Нож с разрешения Вайса забрался на почти тридцатиметровую мачту и, работая, как акробат под куполом цирка, поднял и закрепил трос. Это дало Вайсу возможность устроить его на постоянную должность ремонтника. Нож понравился немцам своей отчаянной смелостью. На допросе у Дитриха он так объяснил мотивы, по которым решил пойти на службу к немцам:

— Я же циркач.— И дал пощупать твердые бугры своих бицепсов.— Силовик международного класса. А дома у нас мускулатуру не ценят, значок или медальку повесят — и все. А у вас, говорят, за каждый выход — большие деньги.— Попросил: — Вы уж меня, пожалуйста, как отслужу, в цирк наладьте, в благодарность согласен вам лично проценты отчислять.

— Абсолютный болван,— с удовольствием констатировал Дитрих.

Шесть курсантов из диверсионной группы погибли во время занятий от внезапного взрыва подрывных снарядов. Нож сказал Вайсу, плутовато шурясь:

— А я при чем? Меня там не было. Не соблюли техники безопасности,— и все. А потом, чего их жалеть? Сволочи. Пробовал распропагандировать — ни в какую. Ну, бог их и наказал.

— Значит, этот бог наловчился так взрыватели ставить, что они раньше времени срабатывают?

— На то он и бог: соображает! Но зато вместо них еще двух убедил.

— Как?

— Очень просто. Говорю одному про другого: «Ты у него в вещах пошарь, особо под стельками ботинок. Чего найдешь — доложи». И другому такое же задание дал. Докладывают после: «Ничего нет». Все понятно, ребята с перспективой.

— Почему?

— Да я же самолично им листовки подложил. Вот, выходит, оба мне и попались, как цуцки. Побил я каждого. Конечно, осторожно, чтобы не покалечить. Не признаются. Ну тогда я им признался. Обрадовались. Зачислил в кадры.

Таких счастливо выявленных людей Вайсу удавалось направлять в другие школы. Каждая тройка имела одного связного, которому поручалось держать связь через тайники. Это была кропотливая, скрупулезная работа, требующая педантичной точности и постоянного наблюдения. Труднее всего, пожалуй, было сдерживать самостоятельную инициативу: люди, обрадованные, что вновь могут бороться с врагом, слишком нетерпеливо рвались к борьбе.

Так получилось с Гвоздем. Он все-таки согласился лечь в госпиталь.

Дитрих, с упорством маньяка одержимый своей «новаторской идеей», уговорил Гвоздя полечить ногу, хотя Гвоздь и знал, чем ему грозит госпиталь. И даже прямо сказал об этом Дитриху.

Но Дитрих ничуть не смутился.

— Это будет гениальный способ маскировки. Диверсант-инвалид. Грандиозно! Такого еще никогда не было. Я очень прошу вас. Подобный случай достоин быть записанным на страницах истории.

Вайсу удалось убедить Лансдорфа, чтобы тот запретил опасный эксперимент. Он сказал, что в результате будет потерян ценный, уже проверенный агент. Человек, став инвалидом, рано или поздно осознает свою неполноценность и, утратив психическую устойчивость, рассчитывая на жалость окружающих, в конце концов явится с повинной.

Но Вайс опоздал. Когда он пришел в госпиталь с приказом Лансдорфа, у койки Гвоздя он застал Дитриха. Капитан был чрезвычайно доволен мужеством, с каким Гвоздь перенес операцию, и его бодрым состоянием после нее. Дружески похлопав своего подопечного по плечу, он пошел разыскивать хирурга, чтобы поблагодарить его за удачную операцию.

Оставшись с Гвоздем наедине, Иоганн спросил сокрушенно:

— Зачем же ты позволил себя так искалечить, Тихон Лукич? — И взял его тяжелую, усталую руку в свои ладони.

— Так не весь же окорок, — сказал Тихон Лукич, — всего только чуть ниже колена. Аккуратно, под протез. — Добавил задумчиво: — А среди немцев тоже есть ничего. Двоих врачей гестаповцы забрали за то, что отказались меня резать, еле третьего нашли, поуступчивей. — Улыбнулся: — А Дитрих — он тоже уступчивый. Я ему сове-

тую: «Вы меня до полного заживления перебросьте. Со свежей раной я в какую-нибудь больницу забреду, полежу с недельку, а после уйду со справкой. Документ. Не то что немецкие липы». Ну, он одобрил. Сказал, что у меня голова хорошо работает, умею соображать. А так — что ж, Дитрих свое слово держит. Навешает. Рацион офицерский приказал давать. Пиво, вино, сигареты. В отдельное помещение уложил. Обещал медаль схлопотать. Что ж, считаю — заработал. Буду носить дома. Свастикку наизнанку, а на лицевой нацарапаю: «От благодарных покойных фрицев незабвенному Тихону Лукичу». Смешно?

Вайс смотрел на Тихона Лукича. У того от боли произвольно дергалась щека. Виски запали. Но общее выражение лица умиротворенное, проникнутое спокойным достоинством, и глаза блестят живой надеждой и даже задором.

А Тихон Лукич говорил Иоганну:

— Ты здесь нам кто? Советская власть. Я как понял, что ты за человек, — воскрес. Ребята, которые теперь наши сотрудники, меня тоже советской властью величают. — Сказал жалобно: — У меня один засыпался: во время практических занятий по подрывному делу заряд украл. Взяли его в конторе Дитриха в оборот: на вывернутых руках к шкафу подвесили. Потом увезли. Вызывает меня Дитрих. Говорит: «Вот, добились признания». Я похолодел. Переводчик читает: «Похитил снаряд с целью подорвать ночью на койке старшину группы по кличке Гвоздь за его измену Родине». Какой человек! Ему смерть в глаза глядит, а он соображает только, как мой авторитет у немцев больше укрепить. И укрепил. А самого его повесили. Вы уж его, пожалуйста, в шифровке отметьте. Герой!

— Нога как?

— А чего нога? Человек не животное. Это животному без ноги плохо. А у человека главный предмет — совесть. — Произнес печально: — Вот о чем я все думаю. Понимаешь, кусок ноги срезали, а я ее все чувствую, и даже пятка болит, которой нет. Но есть люди, у которых память на Родину отшибло. А Родина — она же все равно, что ты сам, где бы ты ни был, но она есть и болит, когда ее даже нет. Кто же они, эти уроды? Ненавистники, слабодушные или просто гады? — Помолчал. Пожаловался: — На немцев у меня нервов хватает в глаза смотреть. А на этих терпения нет. Вспоминаю, как тогда гранатой в хвостовой отсек самолета шарахнул. Лично большое удовольствие получил. —

Сообщил доверительно: — Себе в компанию я целый гадючник собрал.

— Только ты смотри не горячись.

— Все будет аккуратно. Я понимаю.

И ни разу, даже намеком, Тихон Лукич не позволил себе посетовать на то, что стал жертвой жестокого замысла. Он даже ликовал втайне, что провел Дитриха, вроде поймал его в его же ловушку. Рассказал Вайсу:

— Говорю этой заразе: «С моей ногой вы здорово придумали. Вам, может, теперь железный крест дадут. Так вы бы массовое производство диверсантов-инвалидов наладили». И рекомендую ему для этого дела самых выдающихся подлецов. Он клички записал. Пообещал продолжить опыт, если со мной удачно получится. Будут знать, гады, как Родиной торговать.

Возвращаясь вместе с Дитрихом из госпиталя, Вайс выслушивал похвалы по адресу Гвоздя.

— Это настоящий русский Иван, — говорил Дитрих. — Простодушный, доверчивый. Я хотел бы иметь такого слугу, но только с целыми конечностями. Он мне даже сказал по своей русской наивности, что с одной ногой жить дешевле — вдвое меньше расход на обувь. Я так был растроган — ведь он ничуть на меня не сердится, — подарил ему бутылку рома.

Вайс смотрел на узкий затылок Дитриха, на его тонкую белую шею, на тощие, вздернутые, безмускульные плечи, и ему было нестерпимо трудно сохранить спокойствие.

Переборов себя, он отдался мыслям о Тихоне Лукиче и о тех людях, которые, подобно Тихону Лукичу, увидели здесь в нем, Вайсе, представителя советской власти.

А вот те, кто заслужил возмездие, те от возмездия не уйдут. Уже в нескольких школах сотрудники Вайса обучились мастерству наладки взрывателей для гранат и подрывных зарядов мгновенного действия. Диверсионные группы, снабженные такими взрывателями, сами подрывались на них раньше, чем успевали применить оружие в тылу Советской страны.

И заброшенные в советский тыл с фальшивыми документами, меченными Вайсом или кем-либо из его людей — в определенном месте документы были проколоты иголкой, — диверсанты оказывались меченными не только этим: с завидной для любого кадровика дотошностью в картотеке советской контрразведки трудами Вайса и его помощников

были собраны все сведения, касающиеся таких диверсантов.

А когда в группу удавалось включить своего человека, как это было с Гвоздем, то эта группа долгое время работала на холостом ходу, устраивая безопасные взрывы в тех местах и в то время, как это было указано чекистами. И весь многосложный разведывательный штаб абвера разрабатывал донесения подконтрольной чекистам группы. Донесения, проникнутые дезинформацией, из которой терпеливо сплеталась сеть ловушки, часто имеющей значение не меньшее, чем бесшумный разгром целой вражеской дивизии.

Чекисты любезно снабжали таких абверовских разведчиков отлично выполненными чертежами, над которыми долго ломали головы лучшие советские конструкторы, чтобы с наибольшей технической убедительностью показать вымышленно уязвимые участки брони новых советских танков. И потом по этим участкам тщательно и прицельно, но безуспешно стучали немецкие бронебойные болванки.

Общий список трудов советской разведки можно было бы продолжать бесконечно. Но отправной точкой для всего этого многосложного творческого процесса была работа таких, как Вайс.

О конечном результате своего изначального труда Иоганн Вайс был осведомлен не всегда. Но он знал, как часто первичное, достоверно точное сообщение служит основанием для разработки операций, над которыми трудились сотни специалистов различных областей знания.

Установить связь со стариком гравером Бабашкиным, изготавливающим в мастерской «штаба Вали» фальшивые документы, Вайс поручил Ножу через одного из его подопечных. Спустя неделю Нож доложил, что старик вначале оказался твердым орешком. На упреки он ответил:

— Я что? Только фальшивые бумаги делаю для фальшивых людей. А всю жизнь чинил людям часы разных иностранных фирм. И полагал, что если нет советских часов, то это ничего. Можно и старые ремонтировать. Но зато у нас делают свои пушки и свои самолеты. Я считался с таким фактом и работал на утиле. А где они, наши пушки и самолеты, если немцы со своими пушками и самолетами и со своими часами, — которые, между нами, хуже мозеровских, я уже не говорю о П. Буре, — нахватали наши города, наших людей, как то вам известно?

И этим я удивлен и обижен на советскую власть больше, чем на фининспектора, который во время нэпа облагал меня налогом, как владельца механизированного предприятия. А весь мой станочный парк состоял из токарного станочка для обточки осей часов, который мог поместиться в коробке от папиросных гильз.

Но всю свою жизнь я избегал заказов на всякую «липу». А теперь стал профессиональным жуликом и делаю «липу» для бандитов. Обманываю советскую власть. И честно служу немцам за гонорар: продление моей жизни, как моей личной частной собственности. Поэтому не морочьте мне голову с совестью!

Но постепенно старик смягчал.

Больших трудов стоило чекистам разыскать дочь Бабашкина и его дальнего родственника, тоже старика. И те вместе написали ему письмо, полное гнева и презрения.

После того как гравер прочел это письмо и, по просьбе одного из подопечных Ножа, сжег на огне спиртовки, он сдул пепел и спросил просто:

— Так в чем дело, товарищ? Чем могу быть вам полезен?

И с этого дня все документы, проходившие через искусные руки гравера, делались неопровержимыми уликами против тех, кто ими пользовался.

46

Все эти дни Вайс периодически навещал баронессу и радовался, что здоровье девушки заметно улучшалось. Руководствуясь приказанием Вайса, она своей скромностью и признательностью добилась расположения старухи.

Вайс также встречался с господином Шмидтом. Он особенно заинтересовался им после того, как узнал от Эльзы, что, по наведенным ею справкам, никакой конторы у коммерсанта Шмидта в Гамбурге нет. Не числится он и в списке телефонных абонентов.

Польские друзья сообщили Эльзе, что помещик, в доме которого Шмидту оказывают такое гостеприимство, связан с польскими эмигрантскими правительственными кругами в Лондоне и его родственники, оставшиеся здесь, возможно, являются агентами этого правительства.

Вайс поручил Зубову последить за Шмидтом, а Эльзу он попросил поделиться с ним кое-какой информацией, каса-

ющей производствa новой немецкой синтетической продукции. Сведения о ней для Центра Эльза получила из неизвестных Иоганну рук. Сведения от Зубова поступили довольно быстро. Один из его людей засек тайник, через который Шмидт передавал информацию доверенному лицу. Бумаги были пересняты, и среди них Вайс обнаружил записку, свидетельствующую о прямой связи английского резидента с Гердом.

И вот, оснащенный этими материалами, Вайс решил нанести визит почтенному гамбургскому коммерсанту.

Шмидта очень обрадовал его приход. Правда, он пытался скрыть свою радость, вяло приветствуя Вайса ленивыми жестами, как будто он предавался беспечному отдыху и гость разбудил его. Но в комнате было сильно накурено, в пепельнице еще дымился окурок сигары, а на конторский стол Шмидт поспешно набросил купальный халат. Глаза его влажно блеснули, и белки порозовели, как у человека, прошедшего бессонную ночь.

Шмидт зажег спиртовой кофейник, поставил на стол коньяк и шнапс. Развалясь в кресле и положив ноги на стул, предложил Вайсу последовать его примеру, ибо, как он выразился, «древние римляне предпочитали даже пищу вкушать лежа».

Вайс спросил, не скучает ли Шмидт о Гамбурге.

— Беспокоюсь о своей конторе.

— У вас большое дело?

— Я никогда не стремился к богатству, только к финансовой независимости, — уклончиво ответил Шмидт.

— Должно быть, это все же приятно — иметь много денег?

— А вы не пробовали?

— Собираюсь попробовать...

— Каким образом?

— Что вы скажете, если вместо моего приятеля я сам окажу вам небольшую услугу?

Шмидт вопросительно поднял брови.

— Небольшую услугу?

— Но очень ценную.

— В самом деле «очень»?

— Мой приятель, к которому я обратился с просьбой кое в чем помочь вам, сказал, что это весьма ценная услуга.

— Но вы сказали, что хотите оказать мне *небольшую* услугу?

— Ах, вот вы о чем, — развязно заметил Вайс. — Тогда, пожалуйста: он просил передать вам, что служба безопасности чрезвычайно интересуется людьми, которые в военное время интересуются оборонными изобретениями.

— Он так вам сказал?

Вайс объявил небрежно:

— Мой приятель не занимает крупной должности, поэтому я позволяю себе не приводить его высказывания дословно.

— Кем работает ваш приятель?

— Если это вас так интересует, вы будете иметь возможность встретиться с ним лично.

— Где?

— Все это будет зависеть от того, как вы оцените его услугу.

— Послушайте, мальчик, — сказал Шмидт, — бросьте меня шантажировать вашим приятелем! Кстати, передайте ему, если он работает в гестапо, что коммерсант Шмидт собирает вырезки из наших газет о патриотах-изобретателях, и то, о чем я упомянул в нашей с вами беседе, напечатано в еженедельнике «Дас Рейх». Вас это устраивает?

— Вполне, — сказал Вайс. И произнес восторженно: — Господин Шмидт, позвольте выпить за ваши успехи! — Добавил искренне: — В конце концов, очень рад, что вы уничтожили даже тень моих сомнений.

— А в чем они заключались?

— Представьте, — простодушно улыбаясь, сказал Вайс, — я подумал, что вы английский разведчик.

Откинувшись в кресле, Шмидт захохотал так, что мускулистый живот его содрогался под вязаным жилетом.

— О мой бог! — стонал Шмидт. — Я английский шпион! — Передохнув, сказал огорченно: — Для сотрудника абвера подобное фантастическое и, я бы сказал, весьма беспочвенное воображение — серьезный недостаток.

— Но я рассчитываю, что этот комический казус останется между нами?

— Ладно, черт с вами, дарю вам мое слово, как сувенир на память о добром старике Шмидте. — Он чокнулся с Вайсом. — Все-таки вы симпатичный малый. Симпатичный своей откровенностью. И я бы добавил еще — смелостью.

— Почему смелостью?

— Ну как же! Пришли к английскому шпиону и заявляете ему, что он английский шпион.

Вайс лукаво усмехнулся:

— Вот здесь вы ошибаетесь, господин Шмидт. Вы не обратили внимания на то, что я все время держал руку в кармане. А там у меня...— И Вайс торжествующе положил на стол «зауэр».

Шмидт пришел в восхищение.

— Нет, это просто великолепно! Значит, я был на волосок от смерти.— Признался: — Ну, знаете, такого со мной еще никогда не бывало.

— Что ж делать...— сконфуженно сказал Вайс.— Приходится быть бдительным.

— Да,— согласился Шмидт,— теперь я вижу, что вы не такой уж простака.— Поднял рюмку: — Ваше здоровье!

Потом они посплетничали о баронессе.

— Баронесса встревожена тем, что бывшие владельцы ее поместья приняли английское подданство,— сказал Вайс.— Боятся, что если Германия не победит Англию, то подлинные хозяева поместья когда-нибудь обратятся в суд.

— Но пока она выгадала,— возразил Шмидт, улыбаясь.— Английская авиация, как вы знаете, не бомбит английской собственности за рубежом.

— Я этого не знаю,— сказал Вайс.— Это вы знаете.

Но Шмидт не захотел придать значения его словам.

— Я предпочитаю вкладывать свои деньги в патенты,— заметил он.— Портативно. И устойчиво, как твердая валюта.

— Кстати,— сказал Вайс,— я вам все-таки кое-что принес. Разумеется, это не вырезки из газет.

— Да? — лениво протянул Шмидт.— Покажите, любопытно...

Вайс вынул из кармана своего кителя пакет, полученный от Эльзы, и протянул Шмидту.

Тот углубился в чтение.

Вайс, оставив пистолет на столе, встал, прошелся по комнате, откинул штору. В саду было темно. В нижнем этаже светилось только одно окно и свет из него падал на песчаную дорожку.

— Послушайте, вы, сотрудник абвера! — сказал Шмидт.— Вы, предполагая, что я английский разведчик, принесли мне очень важные материалы о военных изобретениях. Что это значит?

— Да вы же не разведчик,— оглянувшись через плечо, ответил Вайс.— Я показал их почтенному немецкому промышленнику.

— Врете.

Шмидт стоял, положив руку на пистолет Вайса. И хотя говорил он негодующим тоном, напряженное выражение его лица свидетельствовало скорее о торжестве, чем о негодовании.

— Ладно,— примирительно сказал Вайс.— Я хотел оказать вам любезность. А теперь верните мне бумаги. И выпьем.— Он подошел к столу.

— Нет,— сказал Шмидт.— Все будет не так.

— А как?

— Я приобретаю ваши бумаги и плачу вам за них английскими фунтами.— И уже тоном приказа произнес: — Садитесь за тот стол и пишите расписку.

— Ну конечно,— сказал Вайс.— Я готов.— Уселся за стол, полуобернулся.— Но сумма, надеюсь, будет четырехзначной?

— Пишите,— повторил Шмидт. И продиктовал: — «Я, такой-то, получил одну тысячу фунтов за информацию, переданную Интеллидженс сервис». И поставьте рядом со своей подписью сегодняшнее число.

— Ну что за глупые шутки! — взмолился Вайс.

— Пишите,— вновь повторил Шмидт, встав за спиной Вайса и упирая ему в затылок ствол «зауэра».

— Не давите так, мне больно.

Шмидт, убедившись, что Вайс в точности выполнил его требование, указал пистолетом на закусочный стол:

— Ну-с, а теперь вы можете пересесть туда и выпить уже за наши с вами общие успехи.

Вайс покорно подчинился и, наполняя дрожащей рукой свою рюмку, пролил несколько капель коньяку на скатерть.

— Бросьте трусить! — презрительно сказал Шмидт.— Теперь уже поздно. Трусить нужно было раньше, когда вы решились прийти ко мне.

— Я понимаю,— подавленно пролепетал Вайс, поднимая на Шмидта глаза, жалобные, тоскующие... — Я в ваших руках.

— Вот теперь вы умница. Значит, не потеряли способности соображать. А сейчас слушайте и запоминайте.

Шмидт подробно и точно, поучающим тоном, сообщил Вайсу, в чем будут состоять его функции. Когда он закончил, Вайс спросил несколько разочарованно:

— И это все?

— Да.

— И только ради этого вас сюда перебросили?

— Ну, это не вам со мной обсуждать.

Вайс выпрямился. Лицо его стало жестким. И вдруг он приказал Шмидту:

— А ну, сядьте. И перестаньте вертеть перед моей физиономией моим же незаряженным пистолетом. — Выхватил из кармана другой пистолет. — А вот этот, — сказал он, — с полным комплектом. И действует бесшумно, если вы обратите внимание на глушитель. Тоже зауэровское производство, но для специального, не фронтового назначения. — И пожурил: — Нехорошо, мистер, как вас там... Наверно, давно работаете, и вдруг — такой грустный финал. У вас есть жена, дети, родственники? Почему вы молчите? — Защелкнул наручники на вытянутых вперед руках Шмидта. Объяснил: — Это только в целях сохранения вашей же жизни. Вдруг разгрызете ампулу с ядом и удалитесь в мир иной, лишив нас ценных показаний...

Шмидт молчал. Вайс привязал его к спинке тяжелого кресла, повернул ключ в двери и начал тщательно, сантиметр за сантиметром, обследовать комнату.

Лицо Шмидта стало серым, на висках выступили капельки пота.

Вайс налил ему коньяку, дал выпить из своих рук, спросил:

— Почему вы нервничаете? Ведь англичане славятся своим хладнокровием. Вы меня просто разочаровываете.

В книжном шкафу Вайс без особого труда обнаружил радиопередатчик английского производства. Осмотрев его, занялся портсигаром Шмидта: осторожно разламывал каждую сигарету и в одной из них нашел тоненький листок шифровки. Потом сел, взял в руки молитвенник и внимательно перелистал. Над отдельными строками псалмов оказались еле заметные на бумаге шероховатости. Сказал с упреком:

— Все-таки вы консерваторы. Почему-то пользуетесь для кода Священным писанием.

Раскрыл чемодан Шмидта, вынул из него новые полуботинки на толстой каучуковой подошве, понюхал, надавил пальцем, похвалил:

— А вот и она, ваша прославленная мастиковая взрывчатка. Остроумно. Такой способ хранения — новость. — И снова подошел к книжному шкафу. Между страницами книг были заложены крупные английские купюры.

Шмидт наконец открыл рот:

— Возьмите деньги себе. Я считаю, вы их заработали.

— Будьте спокойны, не растеряюсь, — сказал Вайс. Сел напротив Шмидта, испытующе глядя на него, спросил: — Хотите еще выпить?

Шмидт кивнул.

Вайс налил половину рюмки. Шмидт усмехнулся.

— Вы жалесте мне мой же коньяк?

— Я не хочу, чтобы вы напились. — Осведомился деловито: — Дадите о себе нужные сведения?

— Нет, — отрезал Шмидт.

— Значит, предпочитаете ораторствовать на аудитории, которая будет вас обрабатывать, применяя все доступные ей средства?

— Предпочитаю.

— Но ведь вы все равно заговорите.

— Нет.

— Вы еще не знаете, какими мы располагаем эффективными средствами...

— Я погибну с честью, как офицер армии его величества.

— Ну какой там офицер! Рядовой шпион. Кстати, так скоро погибнуть мы вам не дадим: у нас отличные медики, они уж позаботятся максимально продлить ваше существование, в каком бы противоестественном состоянии ни находились ваши кости, кожа и некоторые органы.

— Вы, оказывается, знаток.

— Можете не сомневаться, вами займутся настоящие знатоки этого дела.

Шмидт тяжело дышал, но не проронил ни слова.

Вайс сказал примирительно:

— Послушайте, в конце концов любезность за любезность. Вы не сообщите нашим, сколько у вас было наличных денег. А я за вашу скромность сообщу по указанному вами адресу о вашей смерти. И из уважения к вашей стойкости отмечу: умер с достоинством. Это должно доставить вам удовлетворение.

— Ладно, — согласился Шмидт. — Запомните: Уилсон Дуглас, Манчестер Цайт Хил, сто восемнадцать, миссис Энн Дуглас. — Пояснил: — Это моя мать.

— У вас больше нет близких родственников?

— Люди моей профессии не обременяют себя ни женами, ни детьми. Это было бы эгоистично.

— А вы, оказывается, совестливый человек!

— Интересно, как заговорили бы вы, если бы оказались на моем месте?

— Да,— согласился Вайс,— мне самому интересно знать, о чем бы я тогда с вами говорил.

— Не поменяться ли нам местами? — иронически предложил Дуглас.

— Допускаю, что мне еще представится такая возможность.

— Желаю, чтобы это поскорее осуществилось, — буркнул Дуглас.

— Когда вас казнят, ваша мать будет получать за вас пенсию?

— Едва ли,— угрюмо сказал Дуглас.— Во всяком случае, не скоро. Ведь абвер не пошлет официального извещения о моей смерти. А у чиновников из Интеллидженс сервис, пока они не получают точных данных, будут основания полагать, что после провала я купил себе жизнь ценой измены.

— А почему бы вам в самом деле не пойти на такую сделку с нами?

— Я англичанин.

— А мы немцы.

— Вы фашисты.

— А вы демократ.

— Я не желаю обсуждать с вами того, что касается только моего народа.

— А когда из вас в течение долгого времени будут изготавливать кровавый бифштекс, вы тоже будете считать, что этот бифштекс лучшего сорта, потому что он из мяса англичанина?

— Знаете,— сердито сказал Дуглас,— мне надоело чесать с вами язык. Зовите ваших агентов.

— Я не нуждаюсь в ваших советах,— заметил Вайс.— И радуйтесь, что вам пока предоставлена краткая возможность сидеть в удобном кресле.

— Да, я слышал, вы сажаете заключенных на бутылки из-под шампанского, как некогда азиаты сажали пленников на колы.

— Вы можете попросить, чтобы бутылки из-под французского шампанского заменили для вас бутылками из-под английского виски.

— Что вы тянете? Чего вы от меня хотите?! — раздраженно воскликнул Дуглас.

— Хочу знать цель вашего пребывания здесь.— И Вайс предложил: — Давайте побеседуем спокойно.— Вложил в рот Дугласу сигару, щелкнул зажигалкой. Несколько по-

медлив, сказал: — Когда вы изволили завербовать меня, — замечу, весьма неоригинальным способом, — было ясно, что вас интересует техническая документация производства новых синтетических веществ на одном из химических предприятий Освенцима. Так?

— Да, я получил строжайшее указание добыть здесь только техническую документацию и ничем другим не заниматься.

— Ведь это сложная операция, и обойдется она вашему правительству недешево.

— Значит, документация стоит того. Что касается меня, то за документы «Фарбен» мне обещана крупная сумма, вот и все. Вам ясно?

После короткого молчания Дуглас сказал сокрушенно:

— Никогда еще я не был в столь дурацком положении. Ах, если бы я мог пристрелить вас, чтобы не иметь свидетеля печального казуса в моей биографии.

— Вы так честолюбивы?

— Я профессионал. У меня свои понятия о чести.

— Совершить убийство для того, чтобы сохранить репутацию безукоризненного разведчика?

— Ну зачем так грубо? Просто устранить. — Спросил: — Вы, очевидно, пришли сюда не один?

— Конечно. Я принял меры, чтобы вы чувствовали себя со мной в полной безопасности.

— И вы не считаете целесообразным ликвидировать меня?

— Ну что вы! — пожурил Вайс. — Разве можно быть таким мнительным?.. — Предложил: — Если вы настроены столь нервно, давайте на этом простимся.

Дуглас заколебался.

— И вы просто так со мной расстанетесь?

— Но ведь вы, оказывается, работаете здесь не столько затем, чтобы повредить нам, немцам, сколько для того, чтобы принести пользу своим фирмам, заинтересованным в немецких патентах. Вы почти безвредны. Пока я оставляю вас в покое. Но, возможно, вы мне еще пригодитесь. Сидите смирно, я сниму с вас наручники. Без лишних телодвижений. Помните, что вы у меня в руках.

Через минуту дверь за Вайсом закрылась.

Уже на следующий день ему стало известно, что герр Шмидт срочно отбыл из Варшавы: видимо, его призывали неотложные дела фирмы.

Эльза за последнее время стала выглядеть совсем плохо: исхудала, осунулась. Теперь ей каждый день приходилось дважды выступать в вечерних представлениях, и это была немалая физическая нагрузка.

О Зубове она сообщила Вайсу только то, что непосредственно относилось к работе. И по сдержанности, с какой она говорила о нем, по ее тоскующему лицу Иоганн видел, что те отношения, которые Зубов по ее же указанию установил с Бригиттой, причиняют Эльзе душевную боль.

Покинув кабаре, Зубов лишился брони, освобождавшей его от военной службы, как и других артистов, предназначенных «поддерживать в народе хорошее настроение», — так было сказано в циркуляре Геббельса. Но благодаря связям Бригитты Зубов занял пост инспектора по физической подготовке в организациях «гитлерюгенда», а в ближайшее время рассчитывал и на нечто большее.

Зубов жаловался Эльзе, что Бригитта чрезвычайно ревнива.

По ночам он часто исчезал из дому, чтобы вместе со своими новыми товарищами, среди которых было уже пять поляков, немец-фольксдойч, два словака и один венгр, — с этим интернационалом, как он говорил, подышать «далеко не свежим воздухом»... Ибо там, где пламя пожаров на базах с горючим, пыль от взрывов на складах с боеприпасами и пальба, там не легко дышится.

И когда он под утро возвращался домой, Бригитта, проведшая бессонную ночь в тревожном ожидании, ревнивым оком искала на его лице следы губной помады и нюхала запыленную одежду, страхась обнаружить запах чужих духов.

Ее откровенная ревность не очень тяготила Зубова, скорее, пожалуй, даже льстила его мужскому самолюбию.

При встречах с Эльзой, которую он считал более осведомленной в тонкостях немецкого языка, Зубов деловито вылавливал из ее речи незнакомые слова, внимательно повторял их, запоминал. И не замечал, что такие уроки немецкого языка причиняют ей боль.

И когда Эльза презрительно отзывалась о его немке, Зубов возражал:

— Нет, знаешь, она все-таки ничего. Ее старик полковник был порядочной гадиной, обращался с ней как с бездушной куклой и вынуждал ко всяким пакостям.

— Молчи! — с отчаянием просила Эльза. — Я не хочу этого слушать!

— Ну почему же? Ты должна все знать об этой публике, — возражал Zubov. — А ведь Бригитта, в сущности, славная... Не успела окончить гимназию, как ее сунули замуж. Знаешь, я ее иногда просто жалею.

— Ну вот! — негодуя сказала Эльза. — Еще немного — и ты станешь образцовым супругом фашистки.

— Да она не фашистка, она добрая и немного несчастная. Но сейчас, кажется, счастливая. — Похвастал: — И я даже уверен, что теперь она будет по-настоящему горевать, когда в ближайшее время снова овдовеет.

— Значит, она тебя любит?

— В том-то и дело. Я даже сам не ожидал. — И Zubov пожал своими могучими плечами. Лицо его было растерянным.

— Ты, наверно, там с ней абсолютно обуржуазился, — гневно заметила Эльза. — Разовьет она у тебя барские наклонности.

— Да нет, она хорошая женщина, — запротестовал Zubov. — Просто ей в жизни не везло. И не такая уж она барахольщица. Предлагает: «Убежим в Швейцарию и там будем жить в горной хижине вдаль от всего света...»

— С милым рай и в шалаше, — раздраженно перебила его Эльза.

Zubov сказал задумчиво:

— Действительно, я к ней теперь стал как-то по-хорошему относиться. Понимаешь, последнее время заметил, что она тайком от меня плачет. В чем дело? Приставал-приставал, и вдруг она созналась. Встала на колени и умоляет, чтобы я простил ее. Ну, думаю, засыпался в чем-нибудь, и она меня выдала. А оказалось, смешно сказать, у какого-то ее предка прабабка была не арийка. Ну вот, она призналась, что даже на исповеди это скрывала.

— Значит, особым доверием только тебя дарит?

— Ну как же, она женщина принципиальная. Не захотела обманывать меня, поскольку, по ее мнению, я чистейший и образцовый ариец.

— А при чем здесь ты?

— Но я же ее супруг, с вытекающими отсюда последствиями. Вот и все.

— Влюбился?

— Ну, это ты зря, — возразил Zubov. — Во-первых, ты мне сама велела. Во-вторых, повторяю, я к ней отношусь

теперь по-настоящему. А в-третьих, благодаря моему безопасному положению, я могу теперь действовать активнее. С этим венгром, Анталом Шимоном из города Печ, бывшим шахтером, мы разработали планчик операции на шахтах Фюрстенгрубена в окрестностях Освенцима — там необходимое сырье для «Фарбен». Кое-что можно затопить, используя паводковые воды, а кое-что и подорвать.

— А по ночам продолжаешь одиночные расправы?

— Чех Ян Шишка оказался отличным снайпером.

— А ты?

Зубов усмехнулся:

— Дилетант-спортсмен. Недавно выступил в женском атлетическом клубе. Знаешь унтершарфюрера из гестапо? Бывший чемпион Мюнхена по вольной борьбе. И представь, броском через плечо я швырнул его на ковер так, что он сломал себе ногу, теперь лежит в госпитале. И я послал его жене некоторую сумму, чтобы этим гуманным поступком заслужить благоволение местного общества.

— А взрыв бомбардировщиков в воздухе?

— Это помимо меня. Вайс достал у своих специалистов в школе ампулы, взрывающиеся от вибрации. Ящик с взрывателями привез на автосклад мой товарищ, немец-шофер с автобазы. Только и всего. И, как видишь, наша техника не подводит гитлеровских асов. Некоторым даже удается благополучно приземлиться с парашютом и ждать окончания войны на советских харчах.

— А обо мне ты когда-нибудь думаешь? Я все-таки твой друг, и мне тут живется несладко, — неожиданно спросила Эльза.

Зубов потупился, пробормотал неохотно:

— Стараюсь не думать...

— Почему?

— Но ведь я ничем не могу облегчить твою жизнь.

— А я думаю о тебе, — резко сказала Эльза, — и много думаю.

— Напрасно, — возразил Зубов. — Я теперь наловчился действовать аккуратно. И потом у меня здесь такая надежная «крыша».

— Вместе с возлюбленной, этой немкой...

Зубов поднял голову и, глядя Эльзе в глаза, серьезно сказал:

— Для меня она человек. И, если хочешь знать, я ей благодарен за многое.

— Ну как же! — усмехнулась Эльза. — Не может со-

мкнуть глаз, пока ее любовник не соизволит вернуться и пересказать ей все те нежные слова, которым я его обучила.

— А что? — сказал Зубов. — Слова хорошие, сердечные.

— Ладно, — сказала Эльза, вставая. Приказала: — Уходи! И приходи теперь только в тех случаях, когда будет самая острая необходимость.

— Но я же по тебе все-таки скучаю... — взмолился Зубов. — Знаешь, как тягостно долго быть без советского человека! Я даже хую, когда тебя долго не вижу.

— Оно и заметно! — ядовито бросила Эльза. И, холодно пожав руку Зубова, посоветовала: — Знаешь, ты все-таки береги себя. — И добавила шепотом: — Хотя бы для того, чтобы твоя мадам вновь не овдовела.

Зубов ушел, недоумевая, почему в последнее время Эльза так странно стала вести себя с ним — задиристо, обидно и вместе с тем с какой-то скрытой горечью.

Он испытывал к ней особое чувство после того, как, рискуя жизнью, она спасла его от преследования гестаповцев и сделала своим партнером в кабаре. Но общаться с молодой женщиной и любить одни ее добродетели — было не в характере Зубова. Поэтому всякий раз, когда они репетировали свой акробатический номер, Зубов, подхватывая ее после пируэта в воздухе, неохотно выпускал из своих объятий. И когда Эльза однажды залепила ему пощечину, он вынужден был признаться, что покоряется этому освежающему жесту только потому, что она выше его по служебному положению и он должен безропотно соблюдать армейскую субординацию. Правда, в Советской Армии такое обращение с подчиненными строго карается, но, поскольку оба они находятся на вражеской территории, все это вполне законно.

Бригитту частенько навещали знакомые ее покойного супруга, и служебное положение некоторых из них представляло существенный интерес для получения информации. Но Зубов не обладал умением вести непринужденные беседы, в процессе которых можно было бы ловко коснуться вопросов, интересующих нашу разведку. И ему стоило большого труда скрыть свою радость, когда прибывший с Восточного фронта командир дивизии, бывший офицер рейхсвера, участник первой мировой войны, полковник Фурст немногословно, с чрезвычайной серьезностью оха-

рактизовал поразительную стойкость русских солдат и хладнокровное бесстрашие советских офицеров. Он рассказал о новом русском оружии ужасающей сокрушительной силы, названном женским именем «катюша». По сравнению с советскими «катюшами» немецкие огнеметы — это то же самое, что бензиновые зажигалки против термитного снаряда.

Полковник даже позволил себе иронически заметить, что немецкий генеральный штаб дезинформировал армию, расписав неудачи русских во время финской кампании, но скрыв их успех в прорыве линии Маннергейма, не уступавшей по своей мощи линии Мажино. И заявил, что адмирала Канариса, оказавшегося неспособным разгадать тайные, скрытые до того силы противника, следовало бы вместе с его бездарными агентами повесить на Бранденбургских воротах.

И уже вскользь Фурст отметил, что советский морской флот своевременно получил приказ о боевой готовности № 1 и внезапные атаки его немецкими морскими силами и авиацией оказались в первый день войны безуспешными.

— В связи со всем этим я полагаю, — заключил Фурст, — что война с Россией примет затяжной характер, и это потребует не только исключительного самообладания нашего генералитета, но и предельной самоотверженности всей нации.

И тут же Зубов с таким восторгом предложил выпить за здоровье полковника, что тот даже несколько смутился. Он никак не ожидал столь почтительного отношения к себе, особенно после того, как в районе Ельни потерял почти весь личный состав своей дивизии.

Рассматривая на свет наполненный вином бокал, Фурст сказал с грустью:

— На Днепре, в районе Соловьевской переправы, советский офицер, командовавший зенитной батареей, обратил зенитные пушки против моих танковых подразделений. Я испытывал известные трудности, считая не совсем удобным докладывать командующему группировкой фельдмаршалу фон Боку об этом конфузном казусе, принесшем нам значительный урон. Но, когда на подступах к Туле русские зенитные пушки нанесли куда более значительный урон этому выскочке, любимцу фюрера, танковому королю Гудериану, я счел это для себя утешительным. Ибо масштабы моих потерь несоизмеримы с конфузом Гудериана. Но

я надеюсь, — добавил он в утешение, — что немецкий технический гений превзойдет русскую техническую мысль. И если новые наши машины будут соответствовать своим несколько романтическим названиям, то «пантеры» и «тигры» так же свирепо разделяются с русскими войсками, как хищники, вырвавшиеся из клетки на цирковой арене, с перепуганной толпой. Во всяком случае, мы твердо рассчитываем на подобный результат.

— Вы уже видели эти новые машины? — поинтересовался Зубов.

— О, нет. Пока их производство и испытания на танкодромах сохраняются в строжайшей тайне.

Стараниями Бригитты Зубов получил теперь новую должность — в строительной организации рейхсминистра доктора Тодта. Зубов руководил здесь полувоенной частью. Она состояла из немецких граждан, отбывающих трудовую повинность на разного типа стройках, связанных с нуждами вермахта. Благодаря своей сообразительности Зубов довольно быстро занял в этой организации прочное положение.

И совершенно неожиданно он обнаружил в себе качества тонкого и дальновидного дельца. Так, например, по личным просьбам местных руководителей гестапо и СС, а также имперских особых уполномоченных он щедро отпускал высшие сорта цемента и стальной прокат на сооружение в их особняках обширных и благоустроенных бомбоубежищ. А потом при помощи своих заказчиков или активировал эти дефицитные, остро необходимые фронту материалы, как не доставленные на место в связи с аварией на железнодорожном транспорте, или же подменял сортами, малопригодными для оборонительных сооружений.

Когда Вайс похвалил его за то, что он стал работать на более высоком уровне и с более плодотворными результатами, Зубов признался со вздохом:

— Переквалифицировался в блатмейстера, только и всего. Я думал, у немцев в этом деле порядочек — строжайший учет, дисциплинка. А на самом деле что? Тянут себе все, что плохо лежит. Ну и жулье!

— Ты только не вздумай отказываться от подарков, — строго сказал Иоганн.

— Значит, учишь взятки брать?

— Именно. И соразмерно твоему положению, чтобы тебя уважали.

— За взятки?

— Не за взятки. — Иоганн постарался несколько смягчить выражение. — Просто ты должен помнить о своем престиже и не ронять его по пустякам.

Зубов вытянул пальцы, которые до того стыдливо поджимал, показал два перстня, украшенные бриллиантами, спросил смущенно:

— Видишь, до чего дошел?

Вайс осмотрел кольца, предупредил:

— Смотри, чтобы фальшивых не всучили. Дураков здесь не очень-то любят. И учти, когда еще будут давать, нужно капнуть на камень, — если капля растекается, значит, фальшивые. А лучше всего в кислоте подержать, — если камни не потускнеют, значит настоящие. Человек, знающий толк в драгоценных камнях, заслужит больше уважения в этом обществе, чем тот, кто прочтет лишнюю книгу.

— Да на черта мне эти бриллианты! — возмутился Зубов.

— Ты дурака не валяй! — рассердился Иоганн. — Такой перстень при случае можно в лагере на человека обменять, и, пожалуй, даже не на одного.

Наступил период, когда Александр Белов полностью и окончательно перевоплотился в абверовского офицера Иоганна Вайса. Он научился мыслить и вести себя так, как полагалось мыслить и вести себя Иоганну Вайсу, облеченному доверием вышестоящих начальников, руководителей немецкой разведки. Он сумел заслужить их уважение не только своей безупречной исполнительностью, но и инициативностью, — а это было качество, не столь уж распространенное среди немецкого офицерства. И постепенно ему удалось добиться не одного лишь доверия к себе. Иоганн Вайс приобрел прочную репутацию человека, способного выполнять самые замысловатые, самые щепетильные поручения, сохраняя при этом скромность, бескорыстие и молчаливую преданность тем, от кого он подобные поручения получал.

Но завоевать симпатии Лансдорфа, в котором Вайс безошибочно угадал человека незаурядного ума, было не так просто, пришлось прибегнуть к более усложненному методу.

Прежде Иоганн безропотно соглашался со всеми суждениями Лансдорфа. Теперь, хотя это было и не всегда безопасно, он позволял себе, конечно в границах сдержанной почтительности, высказывать суждения, отличные от его мнений.

Так, Вайс стал тонко и вместе с тем настойчиво внушать Лансдорфу, что разведывательные неудачи абвера на Восточном фронте объясняются вовсе не тем, что отбор агентов якобы недостаточно тщателен и в их подготовке допускаются оплошности.

Все дело в конъюнктуре. И в оккупированных районах, и в тылу население Советской страны настолько воодушевлено недавними успехами Красной Армии и одновременно так возмущено поведением частей СС, служб гестапо и армии вермахта, что, по существу, все русские стали как бы добровольными сотрудниками советской контрразведки. И в этих условиях даже самые выдающиеся агенты немецкой разведки проваливаются вовсе не потому, что они недостаточно подготовлены. Просто они как бы попадают в положение людей, очутившихся вдруг среди жителей иной планеты, обычаи и нравы которых столь отличны, столь чужды, что приспособиться к ним невозможно.

В качестве примера Вайс привел недавнюю историю с агентом Байеном.

Этого опытного провокатора, еще в тридцатых годах проникшего в одну из коммунистических организаций Кельна, долго и тщательно готовили для заброски в советский тыл. В лучшем госпитале его содержали на специальном рационе, чтобы, резко похудев, он походил на заключенного. В концлагере Байен потерял около восемнадцати килограммов веса. Затем его подвергли порке под местной анестезией, чтобы оставить телесные доказательства экзекуции. И ради него организовали групповой побег заключенных из концлагеря. Вместе с ними он благополучно достиг расположения советских войск. Но когда Байен, действуя якобы по поручению подпольной немецкой организации, предложил советскому командованию выпустить фальшивые продуктовые карточки и разбросать их с самолетов над Германией, чтобы нарушить нормированное снабжение населения продуктами и вызвать голод, это его предложение показалось подозрительным. И в дальнейшем советская контрразведка установила, что Байен — немецкий агент.

А вся эта операция была затеяна для того, чтобы

усилить в народе ненависть к русским. На самом деле фальшивые продуктовые и промтоварные карточки разбрасывали над Германией англичане, стремясь внести хаос в снабжение товарами немецкого населения. Предполагалось, что в случае успеха операции Байена ответственность за эту провокацию удастся свалить на русских. Но Советы по непонятной для немецкого ума логике не послушались Байена.

Само собой разумеется, Вайс в свое время информировал Центр о махинациях, касающихся засылки провокатора Байена. Так же, как и о том, что Байен передаст советскому командованию карту, на которой будет отмечена точка в одном из горных районов Германии, где якобы находится секретный научный центр, занимающийся разработкой нового смертоносного оружия. И о том, что Байен будет настойчиво рекомендовать, чтобы на эту точку был совершен массированный налет советских бомбардировщиков. На самом деле, как выведал Вайс, там находился только детский туберкулезный санаторий. И «заказ» на разрушение этого объекта поступил к абверовскому агенту Байену лично от министра пропаганды Геббельса, который уже заранее написал для редактируемого им еженедельника «Дас Рейх» страстную негодующую статью о чудовищном зверстве большевиков, разбомбивших приют больных немецких детей. Тот факт, что туберкулезный санаторий оказался в неприкосновенности, привел Геббельса в ярость.

Вайс, играя на тщеславии Лансдорфа, высказывал свои соображения о том, что, поскольку война с Россией принимает затяжной характер, сейчас следовало бы подумать о создании крупной разведывательной группы для длительного оседания в тылу противника. Не проявляя излишней поспешности, стоило бы создать разветвленную сеть. Причем не обременять пока агентов скоропалительными диверсионными актами и необходимостью передавать оперативную информацию, а дать им возможность акклиматизироваться с учетом изменившейся обстановки. И даже если их бездействие затянется, располагать таким агентурным фондом для господина Лансдорфа все равно что абонировать в самом надежном международном банке персональный сейф, ключ от которого будет храниться только у него лично.

— Почему у вас возникают подобные мысли? — подозрительно осведомился Лансдорф.

Вайс ответил высокопарно:

— Время разрушает даже величайшие горные вершины, превращает их в песчаные пустыни. А мне не хотелось бы затеряться в вихре различных обстоятельств, во всяком случае, выпасть из вашего поля зрения.

Лансдорф улыбнулся польщенно.

— Что ж,— сказал он, немного подумав,— идея создания информационного фонда, связанного с длительным оседанием наиболее надежных агентов на территории противника, не лишена смысла.— И похвалил Вайса: — У вас обнаруживаются не только тактические способности, но и постепенно вырабатывается стиль стратегического мышления. Кажется, я в вас не обманулся.— Заметил ворчливо: — А вот в отношении майора Штейнглица, бывшего вашего непосредственного начальника, моя проницательность, как всегда, безошибочна. Работает грубо и примитивно. У нас возникли подозрения, что польский профессор, бывший социал-демократ, доктор медицины Ливинский пользуется популярностью у населения вследствие своих антинемецких настроений. Я дал указание опубликовать в выходящей на польском языке варшавской газете письмо начальника эйзатценгруппы Вольфа Губера, лично участвовавшего в казнях польских патриотов. В письме выражалась благодарность этому Ливинскому за то, что тот излечил его от опасного заболевания. То была великолепная публичная компрометация этого либерала. Поляки объявили ему бойкот. И нервный интеллигентик чуть было даже не покончил самоубийством.

Но вот майор Штейнглиц, почувствовав недомогание, явился к Ливинскому, чтобы тот оказал ему медицинскую помощь. Естественно, Ливинский отказался. И Штейнглиц не нашел лучшего, как пристрелить его. Болван! Испортил нам такую изящную операцию. Плебей, возмнивший себя носителем офицерской чести!

Вайс заступился за Штейнглица:

— Майор Штейнглиц в любую минуту готов не колеблясь отдать свою жизнь за фюрера.

Лансдорф ответил, скривив губы:

— Он не встретит в этом с моей стороны никаких препятствий. Напротив, я готов всячески содействовать тому, чтобы для достижения своей цели он как можно скорее отправился на фронт.

Вайс дважды посетил дом Бригитты Вейнтлинг на правах старого знакомого Зубова.

Представ перед Беловым в роли избалованного комфортом и нежным вниманием супруги, выхоленного и модно одетого красавчика, Зубов в первые минуты чувствовал себя сконфуженным и никак не мог преодолеть некоторого смущения. Он сидел в обставленном тяжеловесной мебелью мрачном кабинете и скулил:

— Живу так, словно меня наняли сниматься в роли не то помещика, не то графа. Первое время каждый день в кино ходил — искал фильмы из великосветской жизни. А фашисты гонят одну политику, не на чем подковаться. Приходится читать на ночь исторические романы. Но пишут в них черт знает о чем, а бытовой информации — с гулькин нос. Такая это, понимаешь, морока — овладевать технологией поведения настоящего барина.

Вот, скажем, перчатки. Простая вещь. А оказывается, существует целая наука, когда, где, какие надевать. И цвета нельзя путать. И то одну нужно в руке держать, то обе.

Обеденным инструментом я уже овладел. Но вот хамством — не вполне. Уронишь, скажем, вилку на пол — и жди, чтобы старик официант ее с пола поднял. А ты сиди, как сфинкс. Боже тебя сохрани даже кивком поблагодарить человека за то, что он тебе шинель подаст, дверь перед тобой распахнет. Роба должна сохранять спесивое выражение, будто перед тобой не человек, а так, чучело.

Или вот Бригитта. Она ревнивая. Приходят в гости ее знакомые дамы и так начинают трепаться — только подморгни, и будь здоров! Ну, я отмалчиваюсь или о чем-нибудь таком солидном разговариваю. А потом Бригитта меня упрекает в невоспитанности. Я ей: «Да ты что, смеешься?» Положат ногу на ногу так, что смотреть неловко, ну, и разговор, мягко выражаясь, игривый... А одна такая нахальная оказалась, я даже возмутился. Разве можно? В чужом доме, да еще у подруги. Упрекнул. А она сощурилась и заявила: «Вы, оказывается, слишком утомлены... Бедная Бригитта! С вами она обрекла себя на вечную верность своему покойному супругу». И такую презрительную рожу скорчила, будто я ее смертельно оскорбил. А что я должен был делать?

Вайс усмехнулся, сочувственно посоветовал:

— Ну, во всяком случае, мог бы проявить чуткость в пределах дозволенного.

Зубов рассердился:

— Дозволенного! Вот именно — дозволенного. А они здесь считают: раз война, так все дозволено. — Вздыхнул: — Как соберутся бабы, чувствую себя словно в окружении. Неизвестно, с какой стороны ждать атаки. А если перехожу в активную оборону, потом от Бригитты проработка: грубиян, бестактный, не умею себя вести, не понимаю шуток.

А если с какой-нибудь поговорю о чем-нибудь серьезном — скандал. Ревность. Уверяет: если мужчина наедине с женщиной говорит о серьезном, значит, он этим маскирует свои легкомысленные намерения. А вслух при всех можно у любой расхваливать ножки или другие детали, — пожалуйста, сколько угодно...

С мужчинами, правда, легче. Я, понимаешь, строю из себя этакое спесивого гордеца, любителя охоты. Мол, это моя страсть. Правда, на одного подлеца нарвался — он почти во всех странах побывал на охоте. Но я его Бремом сразил.

— То есть как это?

— Ну, читал в свое время, еще в школе. И унизил тонкостями познания животного мира. А так — больше в картишки после ужина. Но, понимаешь, неловко: проигрываю. — Попросил жалобно: — Ты бы сказал Эльзе, пусть хоть под отчет даст, что ли! стыдно мне у Бригитты брать.

— А она что, скупая?

— Да нет, она добрая. Но некрасиво ее деньги всяким сволочам проигрывать. Сама-то она из семьи врача, выдали замуж за пожилого полковника. Отец ее с социал-демократами когда-то путался, ну вот и пришлось от фашистов дочерью откупиться.

— А что ты такой бледный?

— Да вот все головной болью мучаюсь.

— Ты что, выпивать стал?

— Какое там выпивать!.. — Объяснил огорченно: — Обстреляли мы недавно на шоссе колонну грузовиков, думали, там охрана, а оказалось — консервные банки с газом «циклон Б». Ну, и надышались этой отравой.

— Ну, а с Бригиттой как у тебя отношения?

Зубов сконфузился.

— Неустойчивый я оказался, раскис. Но нельзя же всех немцев одной меркой мерить.

— Да ты что, влюбился?

Зубов потупился.

— Не знаю, но только жалею ее очень... Такая она, понимаешь, сейчас счастливая, будто я для нее — подарок на всю жизнь. Говорит, ничего ей на свете не надо, только вместе быть. Вообразила, будто я такой хороший — дальше некуда и больше таких не бывает. А я что? Ну, отношусь к ней по-товарищески. Кое-что объясняю, чтобы не была такая отсталая.

— Учти, Зубов: женщины — народ коварный. Еще вплинешь со своей откровенностью.

— Да нет, я с ней о политике не говорю, — так, о жизни...

В осунувшемся, исхудалом лице Зубова Иоганн впервые заметил смятенность, растерянность, скрытую печаль. Но все это явно не было связано с его главной деятельностью, где Зубова никогда не покидали самообладание, неколебимая решительность, бесстрашие.

Вошла Бригитта — тоненькая, миниатюрная, удивительно пропорционально сложенная. И когда она, сдержанно улыбаясь, остановилась в отдалении, казалось, весь свет, льющийся из двустворчатых окон в эту просторную комнату, устремлен только на нее одну. Одета она была скромно, просто. На высокой обнаженной шее никаких побрякушек, — а в то время в Германии входили в моду металлические позолоченные ожерелья в виде ошейников.

Бригитта встретила Вайса очень сердечно:

— Муж мне столько хорошего говорил о вас.

Иоганн, нахмурившись, покосился на Зубова. Тот поспешно объяснил:

— Я рассказывал Бригитте о твоих подвигах на фронте.

— Я выполнял обычный долг солдата.

За завтраком разговор был несколько принужденным. Вайс заметил, что его сдержанность и резкость обычных для нации суждений не вызвали симпатии Бригитты. Зубов почти все время молчал, и Иоганн решил пока отложить тот разговор с ним, ради которого он пришел сюда. А покинув дом Бригитты, тревожно размышлял о том, как бы эта сентиментальная, романтическая история не обернулась плохо для их общего дела.

Как-то в разговоре Лансдорф между прочим вспомнил об Ольге и сказал Вайсу, что, если русская, гостящая в доме баронессы, уже обрела зрение и психическое равновесие, ее надо будет в самое ближайшее время увезти, так как все уже подготовлено для заброски ее в советский тыл.

Так же обстояло и с Тихоном Лукичом. Хотя после ампутации рана еще не совсем зажила, Гвоздь убедил Дитриха, что медлить не следует. В таком виде он вызовет больше сострадания, а это облегчит ему возможность выдать себя за патриота, жаждущего работать на оборонном заводе.

Дитрих относился к Гвоздю почти с нежностью. Он гордился им как плодом своего блистательного и оригинального замысла. Считал этого человека как бы своим изобретением, которое должно прославить имя Дитриха, как прославили свои имена Мессершмитт, Юнкерс, Манлихер, Маузер, Зауэр, изобретшие средства убийства, названные в их честь их именами.

Но изобрести инвалида, «героя войны», диверсанта-террориста — это до сего времени было недоступно гению ни Канариса, ни Гимmlера, ни их предшественников. Теперь фон Дитрих впишет свое имя в анналы новаторских способов ведения тайной войны. И его агент будет столь же неуличим, как герцог Виндзорский, которого после высадки в Англии и ареста Георга VI фюрер предполагал водрузить на престол в качестве гаулейтера, правда, с сохранением королевского титула из уважения к монархическим традициям британцев.

И Дитрих был очень признателен Вайсу, когда тот посоветовал не спешить с осуществлением диверсии на выбранном для того советском объекте, а, снабдив Гвоздя соответствующими орденами и документами, постараться, чтобы он занял там высокий пост и благодаря этому обстоятельству наилучшим образом обеспечил агентурную сеть на Урале — в индустриальном сердце России.

Нина-Ольга окончательно выздоровела. Со зрением у нее теперь все было в порядке, да и самочувствие значительно улучшилось. Пришел день, когда Иоганн заехал к баронессе, чтобы отвезти Нину обратно в разведывательную школу.

Девушка полагала, что во время этой поездки Вайс откроется ей, скажет, как она должна теперь себя вести, что предпринять. Надеялась она также, что он даст ей задание от имени советского командования. Но Иоганн был немногословен. Деловито, даже с некоторым оттенком суровости сказал, что пока она должна лишь неуклонно выполнять приказания фашистов. Приказания же эти будут состоять

в том, чтобы проникнуть в советский армейский штаб,— какой именно, ей укажут,— и выявить среди штабных работников людей, пригодных для вербовки.

— Что касается наших с вами дел, Нина,— сказал он, прекращая этот разговор,— то несколько позже я сообщу вам пароль, по которому вы установите связь с нашими. И помните: вам поручают большое дело. От вас требуется только одно — выдержка. Больше ничего.— Иоганн посмотрел ей в глаза.— Вынужден вас предупредить: если проявите самостоятельность, сорвете задание.

Доставив девушку в разведывательную школу, Вайс сдал ее под расписку фрау Ауфбаум. Когда они с фрау капитаном остались наедине, Вайс предупредил Ауфбаум, что та поплатится жизнью, если эта агентка не будет готова в любой момент выполнить секретное задание. «Особой важности»,— добавил он твердо.

На прощание Вайс не без удовольствия узнал, что по обусловленному им паролю Ауфбаум зачислила в школу четырех девушек из женского лагеря Равенсбрюк: польку, двух русских и словачку из Братиславы. И когда в «Вали III», которым руководил капитан Дитрих, узнали, что эти кандидатуры проверены Вайсом, в их личных карточках без задержки был поставлен штамп о пригодности к обучению в разведывательной школе. Девушки оказались дисциплинированными и вполне удовлетворительно проявили себя на занятиях по радиосвязи.

49

Встречаясь с Эльзой в местах заранее намеченных явок, Иоганн с грустью убеждался, что здоровье ее с каждым днем становилось все хуже. Щеки у Эльзы запали. Большие глаза болезненно блестели, и в углах их обозначились тонкие морщинки. На похудевших руках набухли вены.

Он привозил Эльзе большую часть своего продуктового пайка, но, по-видимому, болезнь зашла так далеко, что даже усиленное питание уже не могло помочь.

И однажды Иоганн решился:

— Вам нужно бросить ко всем чертям это варьете!

— Еще чего! — возмутилась Эльза.

— Я сообщу в Центр. Вы больны. Вас нужно сменить.

— Каким образом?

— Сменить?

— Нет, каким образом вы передадите обо мне в Центр?
Я не пропущу шифровку на личную тему.

— Разве эта тема личная?

— Она касается только меня.

— А если свалитесь?

— Можете не беспокоиться! Ваши материалы всегда будут доставлены вовремя.

— Послушайте,— сказал Иоганн,— вы просто влюбились в Зубова. Сохнете от любви. И это вредит делу. Поэтому моя телеграмма о вас не будет носить личного характера. Я сообщу, что ваше состояние не способствует нормальной работе.— Он говорил так резко потому, что чувствовал: силы девушки на пределе.

И вдруг Эльза заплакала.

Иоганн неловко обнял ее вздрагивающие плечи. Она уткнулась ему в грудь, чтобы скрыть лицо, заглушить рыдания. Он растерялся, прошептал:

— Ты же чекистка, разведчица. Разве можно?..

— Можно...— всхлипывая, пролепетала Эльза.— Можно...— Подняла к нему вдруг ставшее гневным лицо.— А что, я не человек? Думать, как он там целыми днями любезничает с этой смазливой фашисткой!

— Она не фашистка,— неуверенно возразил Вайс.

— Все равно. Да еще старуха.

— Она на год моложе его.

— Все равно противно. Я видела, как он ей улыбается.— Эльза прикусила губу.

Иоганн недоуменно пожал плечами. Предложил:

— Ты старшая. Можешь приказать — и завтра же он бросит ее. Он парень дисциплинированный.

Эльза зло сощурилась.

— Ну конечно, потерять такую явку и «крышу»! Еще чего не хватало!

— Так чего же ты хочешь?

— Не знаю,— сказала Эльза.— Для Зубова его немка — объект чрезвычайно перспективный. Но, понимаешь, от болезни, что ли, я раскисла,— мне хочется... ну, хотя бы один раз пройти с ним по улице. Не для дела, а так... Просто чтобы он шел рядом и ни о чем не говорил...

Иоганн, помедлив, пообещал:

— Ну что ж, пожалуй, это можно будет организовать. Если найдется свободное время.

— Свободное время! — воскликнула Эльза. — У нас свободное время? Нет его. И не будет. Не будет у нас свободного времени. И нет ни личных дел, ни личных переживаний. — Сказала твердо: — А Зубову передай, что ставлю ему на вид: в последней информации он неточно передал транскрипцию технической терминологии. Это брак. Пришлось потребовать дополнительное время на связь. А ты знаешь, что значит каждая лишняя секунда работы рации: чем больше она работает, тем скорее ее засекут пеленгаторы. — Повторила: — Так и передай: больше я не потерплю неточностей. Это распушенность. И я могу простить все, но только не разгильдяйство.

Александр Белов настолько свыкся с Иоганном Вайсом, настолько перевоплотился в него, что нынешнее его состояние уже казалось ему вполне естественным «производственным» состоянием разведчика. И если он мысленно и обращался к самому себе, к Александру Белову, то лишь в тех случаях, когда возникала необходимость получить дальнейшие указания от человека, которому он, как говорится, был строжайше подотчетен. Обличье абверовца почти не стесняло его. У него ни разу не возникло потребности помедлить, чтобы решить, как в том или ином случае вести себя, рассуждать или поступать абверовцу Иоганну Вайсу.

Но он несколько растерялся, когда окончательно удостоверился в том, что Эльза любит Зубова.

По соображениям чисто деловой целесообразности Эльза решительно вынудила Зубова завязать отношения с Бригиттой, и эти отношения вскоре приняли характер любовной связи, полезной для дела, но мучительной для Эльзы. Это было для нее все равно что самой отказаться от любимого человека, отказаться от надежды на возможное счастье. То была одна из множества невозполнимых утрат, какие приходится переносить разведчикам.

Вечером Эльза, кокетливая, с игривой улыбкой на губах, в черном трико, туго обтягивающем ее ставшую как бы бесплотной фигурку, должна была развлекать в варьете воинов вермахта. После выступления принимать поклонников за дощатой, наподобие стойла, перегородкой своей артистической и всячески исхитряться, чтобы избежать армейской настойчивости фронтовиков, переносящих страсти блицкрига на отношения с женщинами.

Днем она должна была репетировать свой номер, обходить тайники, встречаться на местах явок с товарищами,

передавать радисту материалы, принимать и расшифровывать шифровки, выполнять поручения Центра.

Помимо всего этого, у себя дома, среди соседок и соседей, нужно было вести себя стойко и последовательно, так, чтобы сохранить репутацию полупорядочной девицы, твердо решившей скопить себе на приданое и выйти замуж за солидного пожилого человека, не слишком щепетильного, который не станет придираться к ее прошлому. И, готовя себе в общей кухне обед, она должна была, как истая немка, проявлять крайнюю бережливость, а жалея многодетную вдову, муж которой пал на Восточном фронте, скрывать от всех, что делится с ней своим скудным пайком. Это было бы расценено не иначе, как то, что она, Эльза, — распутная девка, ей перепадает кое-что от фронтовиков, отсюда и ее безрассудная щедрость.

Однажды Эльза со смехом рассказала Иоганну, что ей сделал предложение пожилой вдовец, лейтенант из роты пропаганды. И если она достанет документы, подтверждающие, что в ее жилах не течет ни капли еврейской крови, он готов немедленно оформить брак, и даже хочет еще до того, как они станут супругами, устроить так, чтобы она отдохнула в одном из высокогорных санаториев в Австрийских Альпах.

Иоганн, не обращая внимания на иронический тон Эльзы, сказал поспешно:

— Вот и хорошо. Пусть пока Зубов тебя подменит. А ты отдохнешь. А потом пошлешь этого вдовца куда-нибудь подальше.

— Зубов? — переспросила Эльза. — Ну, знаешь, ты совсем не разбираешься в людях. Этот человек абсолютно не годится для серьезной организаторской работы.

— Позволь, — возмутился Иоганн, — ведь у него уже целая группа. И действуют они успешно. Совсем недавно они перебили около десятка курсантов разведывательно-диверсионной школы, а пятерых искалечили на пути к аэродрому, откуда их должны были забросить к нам в тыл.

— Нет-нет, — непреклонно заявила Эльза, — против Зубова я категорически возражаю. — Сказала грустно: — Пожалуй, после войны я в Бакуриани съезжу, отдохну. — Дернула презрительно плечом: — И если Зубов там будет работать инструктором лыжного спорта, — это для него самое подходящее. Пусть отправляется туда вместе со своей знаменитой мускулатурой.

В Варшаву приехал Гуго Горфельд, старый друг Ландорфа. Он был одним из директоров заводов «Опель», входящих в концерн «Дженерал моторс».

Горфельд остановился в Варшаве проездом после продолжительной деловой поездки по Донбассу, где он вел переговоры с командованием СС о быстрейшем восстановлении нескольких металлургических предприятий: в последнее время фирма стала испытывать недостаток в специальных сортах стали, необходимых для производства танков новой конструкции.

Но в Донбассе его постигла неудача. Старый советский инженер, осужденный в тридцатых годах, после отбытия наказания занимал рядовую должность снабженца на одном из интересующих Горфельда заводов. Немецкое командование учло «почтенные» обстоятельства биографии старика. Его облекли особым доверием, назначили главным инженером завода, и даже немецкие служащие обязаны были ему подчиняться. Горфельд возлагал большие надежды на этого человека.

И тот действительно чрезвычайно требовательно и даже жестоко относился к советским рабочим, которых под угрозой расстрела вынудили трудиться здесь. Он еще до революции служил у прежних владельцев этого завода и умел заставить своих соподчиненных работать с таким нечеловеческим напряжением, что они — и не однажды — даже покушались на его жизнь.

Гестапо приставило к нему телохранителей. Он получал очень большой оклад и даже побывал в Германии, где ознакомился с некоторыми техническими новшествами.

Словом, этот человек был настоящей находкой.

Но через несколько месяцев оказалось, что детали машин, изготовленные из металла, поставляемого этим заводом, дают трещины и выходят из строя раньше времени, а танковая броня ломается от советских болванок, как ветровое стекло автомобиля от брошенного в него камня.

Длительными и довольно сложными анализами было установлено, что портят металл присадки, которые при варке стали давал главный инженер.

Его привезли в Берлин, и наиболее квалифицированные следователи начали вести дознание. И этот немощный старик, испытывший на допросах все способы физического воздействия, молчал, очевидно намереваясь унести

в могилу тайну своего метода порчи металла. Преодолеть его упорство удалось только наркотическими средствами. Одурманенный, он, посмеиваясь, выболтал рецептуру присадок, образующих в металле волосовики, которые невозможно обнаружить на шлифах даже самыми совершенными оптическими приспособлениями. И похвастал, что сам, без чьей-либо помощи, бросал в кипящую сталь бумажные пакеты с этими присадками.

Старика приговорили к смертной казни, но обещали помиловать, если он согласится снова сотрудничать с немцами.

— Представь, — брюзгливо завершил свой рассказ Горфельд, — этот наглец даже позволил себе заявить, что именно теперь он особенно сожалеет о былых сомнениях и о том, что не с первого дня революции отдал свои знания советскому народу. Тому народу, который теперь, когда советские танки придут в Берлин, даст Германии последний и самый поучительный исторический урок. — И тут же Горфельд озабоченно осведомился у Лансдорфа: — Как ты оцениваешь подобную версию?

— С этим стариком?

— Нет, с советскими танками.

— Техника — твоя область, — уклонился от прямого ответа Лансдорф. И, в свою очередь, спросил: — Как ты находишь русских?

— Они продолжают сражаться.

— Нет, тех, которые остались на оккупированной земле?

— Извини, но психология противника — это уже, во всяком случае, твоя область, — усмехнулся Горфельд.

Лансдорф задумчиво пожевал сухими губами.

— Мы совершили крупную стратегическую ошибку.

— О, ты уже критикуешь генералитет!

— Нет, — печально сказал Лансдорф. — Генералитет планирует сражения, и, возможно, в них — вершина нашей военно-научной мысли. Абвер дал генералитету все сведения о том, что касалось вооружения противника, его дислокации и прочего. Дело совсем в другом.

— В чем же?

Лансдорф нахмурился. Две глубокие морщины словно вонзились в его переносицу.

— Изучая русских, я пришел к любопытному открытию. Определенное число их подвержено — как бы это

точнее выразиться — общечеловеческим порокам, связанным с биологическими факторами: они страшатся смерти, страданий и прочего. Но таких меньшинство. У значительного же большинства полностью отсутствует естественное психологическое свойство добровольно принимать в определенных условиях некие формы рабского подчинения, чтобы продлить свою жизнь.

Вначале я искал объяснение этому в их атеистических убеждениях. Но постепенно, — и пойми, я еще не совсем уверен в своих выводах, ибо увериться в подобном — значит утратить многое из того, в чем мы были непоколебимо убеждены, — постепенно я стал думать, что у этого народа сознание свободы равнозначно ощущению собственного существования.

— И к какому же выводу ты пришел в итоге столь тонких наблюдений? — поинтересовался Горфельд.

Лансдорф не придавал значения его иронии.

— Вывод единственный. Если мы не истребим советский народ, эпидемия распространится по всему миру, и даже люди Запада уподобятся твоему русскому старику инженеру, который поначалу боролся против ненавистной ему советской власти, а потом отдал жизнь за ее победу над нами. Поэтому нам следует отказаться от расовых предрассудков. Мы должны любой ценой сохранить устойчивую структуру отношений между имущими и неимущими. В нынешних условиях германский нацизм не может не отталкивать возможных союзников.

Горфельд понимающе усмехнулся.

— Во всяком случае, фирма «Опель» поступила дальновидно и благоразумно: на ее коммерческих бланках нет изображения свастики. Танки «Дженерал моторс» и фирмы «Опель» сражаются сейчас в Африке, и водят эти танки и немецкие танкисты, и наши противники. Качество нашей продукции и продукции наших компаньонов равноценно, как это и было оговорено в соглашении между фирмами. И мне думается, что именно здесь закладываются основы будущего содружества наций, вне зависимости от того, кто победит в этой войне.

У нас уже был опыт первой мировой войны. Вспомни, во сколько миллиардов долларов и фунтов обошлось США и Великобритании то, что после поражения наша промышленность стала более мощной, чем тогда, когда мы вступили в войну. Все возвращается на круги своя. — И Горфельд заключил елейным тоном: — Мы христиане и должны в

сердце своем хранить священные и великие библейские заветы.

Иоганн, сидя за рулем — Лансдорф хотел показать своему другу окрестности Варшавы и попросил Иоганна помочь в этом, — старался не упустить ни одного слова из этой беседы.

Он почерпнул из нее много полезного для себя. Так, он узнал, кроме всего прочего, что немецкая фирма «Опель» передала фирме «Дженерал моторс» новые фильтры для танковых двигателей — старые часто засорялись во время маршей по пескам африканской пустыни. Взамен Роммель, воюющий с англичанами в Африке, получил от американской фирмы новую рецептуру смазочных масел, чрезвычайно стойких к высоким температурам, что было очень важно для танков и машин, продвигающихся под жгучими солнечными лучами.

Такая коммерческая взаимопомощь фирм воюющих держав только простаку могла показаться предательством. На языке бизнеса это называлось иначе: точное соблюдение взятых на себя договаривающимися сторонами обязательств, нарушить которые невозможно даже тогда, когда правительства этих стран окажутся в состоянии войны между собой.

Скептическую оценку использования военнопленных в качестве агентуры, данную Лансдорфом в разговоре, Иоганн приписал не столько его проницательности, сколько своего рода перестраховке. Было известно, что из-за козней Гимmlера фюрер вновь устроил разнос Канарису. Тот представил Гитлеру добытые агентурой чертежи новых советских танков. Построенный по этим чертежам из соответствующих сортов броневой стали танк был расколотен взрезбегги на танкодроме немецкими противотанковыми пушками.

Этот успех немецкой противотанковой артиллерии Иоганн мог всецело приписать своим заслугам, так как особо тщательно подготовил группу для этой операции, и его стараниями разведчик-ходок доставил чертежи танка и рецептуру стали.

А при освобождении нашими войсками Ростова немецкие танкисты в дуэльном сражении с советскими танками понесли очень серьезные потери.

Лансдорф уже давно искал возможность переместиться из «штаба Вали» в Берлин, так как полагал, что там найдет более эффективное и безопасное применение своим спо-

собностям. Поэтому приезд Горфельда был ему на руку, ибо через него он решил напомнить о себе Гиммлеру, надеясь, что тот, возможно, сочтет своевременным вернуть его туда, где сейчас делается политика.

Иоганн выполнял возложенные на него поручения с неуклонной точностью, которая соответствовала четкому стилю работы всего аппарата абвера. За это время обстановка на фронтах сложилась столь неблагоприятно для вермахта, что потери, понесенные недавно в России, были уже невозполнимы. Нарастало недовольство среди союзников Германии. Бомбардировки немецких городов приобретали все более разрушительный характер. Однако Иоганн с изумлением наблюдал, что, вопреки всему этому, сотрудники «штаба Вали» ведут себя так, будто самое течение времени и дух его не подвержены никаким влияниям извне.

Какие бы ни происходили бури в безбрежном океане фронта, островок «штаба Вали», гарнизон его, жил по раз и навсегда установленному распорядку и люди мыслили так же, как мыслили год назад. Здесь считалось доблестью, неким особым шиком игнорировать все, что не имело отношения к прямым служебным обязанностям.

И если следователи из отдела «штаба Вали I » в первые дни войны, вербуя в концлагерях заключенных, с механической точностью доказывали им, почему Германия станет властительницей мира, а Советский Союз рухнет под ударами доблестных сил вермахта, то и теперь они с той же механической точностью повторяли прежнюю аргументацию, не пытаясь ни на йоту приспособить ее к изменившейся обстановке.

Вначале Иоганн чуть было не впал в заблуждение, считая эту механическую аргументацию плодом пропагандистской догматики, приписывая ее чиновничьему безынициативному педантизму. Но потом он понял, что дело тут гораздо сложнее и корни надо искать в той почве, которая питала стиль и дух империи.

Поражение на Восточном фронте вызвало еще большую активность всех карательных и сыскных служб рейха, направленную против самих же немцев.

Поэтому даже сотрудники абвера — доверенные люди империи — не решались «обрабатывать» агентуру в соответствии с изменившейся обстановкой. Ведь сам

факт констатации сотрудником абвера изменения обстановки на Восточном фронте мог быть обращен против него, как свидетельство неверия в победу. А это преступление, равно как и малейшие сомнения в непогрешимости фюрера, жестоко каралось.

И если что и изменилось в поведении рядовых сотрудников «штаба Вали», то заметно это было только в том, что теперь они публично, с показным пылом, состязались между собой в выражении преданности фюреру и предсказаниях победы в самые ближайшие сроки.

Но когда эти давно приноровившиеся друг к другу люди разрабатывали план операции для очередной группы, засылаемой в советский тыл, они трудились с необычайной тщательностью и всеохватывающей предусмотрительностью. И Вайс понимал, насколько теперь трудно, вернее, почти невозможно было бы предотвращать подобные операции, если бы он своевременно, действуя с величайшей осторожностью, не расставил во многих звеньях штабной работы «Вали» своих людей.

Даже в сапожной мастерской у Вайса был свой человек. И подковку на каблук к трофейному советскому кирзовому сапогу он прибавлял под определенным углом, чтобы след сапога был для советского следопыта-контрразведчика уликой того, что здесь проходил преступник.

С помощью несостоявшегося курсанта — заключенного № 740014 — Вайсу удалось найти верных людей среди партии лагерников, прокладывающих траншеи для телефонного кабеля к одной из ставок на Восточном фронте. Они сделали подкоп под этот кабель, соорудили нечто вроде блиндажика, где, как в могиле, обложенной дерном, долгое время скрывался наш связист, заброшенный сюда для того, чтобы подключать свой аппарат к кабелю, соединяющему ставку на фронте с рейхсканцелярией в Берлине.

Но каждый свой шаг, слово, поступок Иоганн теперь, как никогда раньше, должен был особенно тщательно контролировать в сгустившейся атмосфере слежки и недоверия, которая столь ощутимо нависла над головами всех без исключения немцев. Даже тех, кто имел особые заслуги перед рейхом и ранее не раз проявил бесстрашие, когда приходилось собственноручно применять самые изощренные способы быстрой ликвидации людей.

Теперь даже такие «мастера» своего дела теряли самообладание и не могли унять дрожь в пальцах, если кто-нибудь из их же сотрудников ехидно осведомлялся:

— Так вы, кажется, выразили желание войти в специальную группу добровольно сдавшихся немецких военнослужащих, чтобы принять личное участие в диверсионной операции освобождения из советского плена старших немецких офицеров?

Нечто подобное проделали недавно трое чекистов. Они проникли в один из немецких концлагерей вместе с партией военнопленных, освободили большую группу узников, а потом втроем под прикрытием металлического дорожного катка вели двухчасовой бой на шоссе, не давая эсэсовскому моторизованному подразделению возможности преследовать беглецов.

Вся эта операция была разработана Вайсом.

После длительных допросов и изучения следственного материала контрразведка абвера и соответствующий отдел гестапо констатировали: все детали операции и совокупность связанных с ней мероприятий свидетельствуют о том, что ею руководил выдающийся мастер.

И описание этой операции было разослано абвергруппам не только в качестве информации, чтобы принять меры для предотвращения впредь подобных эксцессов, но и как рекомендация агентам. Тем, кто, обладая высоким мужеством, сочтет возможным попытаться повторить подобную операцию в советском тылу для освобождения немецких военнопленных.

Но в этой информации умалчивалось о том, что три советских чекиста, превратив дорожный каток как бы в бронеколпак цилиндрической формы, тащили его трактором по шоссе и продолжали вести бой под его защитой. А когда въехали на железнодорожный виадук, последний из оставшихся в живых героев заложил в каток такое количество взрывчатки, что при взрыве его осколки с силой бронебойных снарядов срезали устои ферм и пробили баки нефтецистерн так, будто они были не металлические, а картонные. Даже клочья тел героев невозможно было обнаружить на опаленной, закиданной обгорелым и скрюченным металлом почве. Они как бы испарились, исчезли.

Последователей подобной методики крупной освободительной операции среди сотрудников абвера что-то не обнаруживалось. Хотя по заданию Канариса сотни чиновников подбирали в архивах разведок все схемы побегов, когда-либо совершенных из лагерей военнопленных, чтобы рекомендовать наиболее удачные из них своим группам.

Ведь теперь, помимо всего прочего, перед абвером возникла задача освободить ряд офицеров вермахта из советского плена, что до сего времени не было предусмотрено ни в функциях абвера, ни в плане «Барбаросса».

Дитрих направил на фронт специальную группу немцев, сотрудников абвера. Они получили задание добровольно сдаться противнику, чтобы в советских лагерях для военнопленных расправиться с немцами, которые, попав в плен, позволяют себе усомниться в победоносном величии Третьей империи.

И от Вайса потребовалось немало изворотливости, прозорливости да и времени, чтобы выявить цель этого задания, ознакомиться со списками отобранных Дитрихом сотрудников, составить картотеку их примет и без задержки переправить все эти материалы в Центр.

Если исключить из сферы деятельности Иоганна Вайса обязанности, которые возлагались на него как на сотрудника «штаба Вали», а взять в чистом виде только многосложные задания, какие ему приходилось выполнять как советскому разведчику, то и тогда можно было бы считать, что человек работает с величайшим перенапряжением всех нервных, физических и умственных сил.

Одна только операция с Гвоздем требовала колоссальной и кропотливой повседневной работы.

Гвоздь, став «резидентом», развернул на Урале под руководством Барышева активную работу. И от него все время поступали заявки на дополнительную засылку новых групп, средств связи, вооружения, самоновейших подрывных средств. И, наконец, просто крупных денежных сумм для «подкупа» все новых ответственных советских работников.

Сам Гвоздь, как он сообщил, проник на металлургический комбинат в качестве сотрудника отдела кадров, что давало ему почти неограниченные возможности для размещения немецкой агентуры в различных цехах и учреждениях, находящихся в ведении комбината.

Вайс понял, что советские контрразведчики организовали огромную ловушку оптового масштаба и выкачивают из «штаба Вали» все больше и больше людей и средств в этот резервуар, обладающий, очевидно, весьма значительной емкостью. Группа Гвоздя уже перешла в разряд «разведцентра», донесения о деятельности которого, минуя «штаб Вали», поступали теперь непосредственно самому адмиралу Канарису. И Лансдорф испытывал некоторое недоволь-

ство: самолюбие его было ущемлено тем, что крупнейший разведцентр абвера вышел из-под его непосредственного подчинения.

А Дитрих был просто в ярости. Заслуги этого разведывательного центра он приписывал всецело себе. И ампутацию ноги Гвоздя считал не столько достижением медицины, сколько частью блистательно разработанной им разведывательной операции. Еще бы! Подготовлен агент, неуязвимый в такой же степени, как человек, обладающий волшебной шапкой-невидимкой.

Распалая ущемленное авторское самолюбие Дитриха, Иоганн без особых ухищрений выведal у него о намерении расправиться с теми немцами в советских лагерях для военнопленных, которые стали считать наци подлинными врагами Германии.

Некоторые из засланных в советский тыл абверовских разведывательных групп уже на месте приземления вынуждены были принять бой с советскими оперативниками. Наиболее же благоразумные участники этих групп стали работать под контролем советских чекистов, загружая отделы штабов абвера разносторонней информацией, которую здесь отнюдь не считали лживой, потому что она была правдоподобной. И именно в силу своей правдоподобности она оказывала более разрушительное действие на деятельность штабов вермахта, чем даже дерзновенные налеты подразделений советских парашютистов на эти штабы.

Так, например, Гиммлеру была доставлена папка с отлично сработанными докладными и дневником крупной советской геологической экспедиции, возглавляемой знаменитым ученым. В них содержался анализ залежей редких металлов в определенных районах страны. Все материалы неоспоримо свидетельствовали: залежи эти оказались столь ничтожными, что эксплуатация их была бы бессмысленной, никчемной. На обложке папки мастерской рукой графолога была начертана свирепая резолюция наркома.

А на самом деле нарком не столь давно с большой радостью подписал представление к высшим правительственным наградам почти всех участников этой экспедиции, открывшей для страны и, значит, для нужд оборонной промышленности баснословные залежи редких металлов.

Как бы ни был велик разум человека, исследующий первопричины явлений — касается это материальной структуры вселенной или импульса, порожденного столь совершенной и чуткой сигнальной системой, как нервная клетка, — могучие умы во имя обнаружения истины вежливо, но непреклонно отстаивают на страницах объемистых научных трудов каждый свою точку зрения. Разнообразны многочисленные концепции, гипотезы, доктрины, касающиеся одного и того же явления.

Так же и «провал» разведчика исследуется с научной тщательностью, всесторонностью, объективностью, но порой первопричины бедствия объясняются настолько тончайшими обстоятельствами, что установить их так же невозможно, как определить мгновение, когда иссякает день и наступает ночь.

Как обычно, в пять часов утра, после гимнастических упражнений перед открытой форточкой в своей комнате, Эльза, склонившись над тазом, обтиралась мокрой губкой. В тусклом зеркале, висящем над крохотным столиком, отражалось ее узкобедрое, широкоплечее, плоское тело, сухие, мускулистые руки и ноги. Ворох всклоченных бронзово-рыжих, крашенных волос. Узкое, маленькое лицо с впалыми щеками и сурово сжатым ртом. Угрюмо поблескивающие, глубоко запавшие глаза. И грязноватые потеки на скулах от еще с вечера покрашенных ресниц.

Эльза с гадливостью смотрела в зеркало и казалась сама себе жалким галчонком с ощипанными перьями. И так как она была одна в комнате, ее жестокий приговор своей внешности никто не оспаривал.

Но честно говоря, она была несправедлива к себе. В этом изнуренном худобой девичьем теле любой, даже посредственный, ваятель увидел бы те гармоничные пропорции, какие в мраморе передают друг другу, начиная с древности, великие художники, искатели абсолютного идеала женской красоты.

И, не столько стыдясь своей наготы, сколько испытывая брезгливое чувство к себе, Эльза поспешно оделась с той продуманной вульгарностью, которая соответствовала профессии актрисы варьете.

Намазала лицо гримом, взбила пошлый кок над вы-

пуклым и чистым лбом, провела карандашом под глазами порочащие их чистоту тени.

Взяв клеенчатую сумочку из эрзац-лака, спустилась по грязной, вонючей лестнице и пошла по улице вихляющей поступью канатоходца.

Сегодня в 11 часов 10 минут Эльза должна была пройти мимо человека, покупающего в газетном киоске на Маршалковской три номера геббельсовского еженедельника «Дас Рейх», и, когда он будет их рассматривать, положить на прилавок «Фёлькишер Беобахтер», чтобы этот человек взял газету себе.

Эльзе не нужно было знать приметы этого человека, не следовало и запоминать его. Единственное, что ей было известно, — он будет в светлых перчатках и в левой руке, между мизинцем и безымянным пальцем, должен быть зажат короткий янтарный мундштук с незажженной сигаретой. Вот и все. Если этот человек сочтет нужным угостить ее сигаретой, она должна взять третью, считая слева. Значит, она получит шифровку, которую надо будет обработать по возвращении домой.

Задание обычное, не представляющее особой сложности. И это необременительное, безопасное, ординарное задание как бы освободило ее сознание для иных, преследующих ее с мучительной настойчивостью, отнюдь не служебных мыслей, которые она безуспешно пыталась отогнать от себя в последние дни.

То, что Зубов с такой покорной готовностью и беззаботностью выполнил ее указания и сблизился с Бригиттой, больно кололо сердце Эльзы. И не потому, что она стала испытывать к Зубову какие-то особые чувства, хотя в его обаянии красавца, легкого, заботливого, ласкового товарища по работе, и таилась опасность. И не было бы ничего удивительного, если бы Эльза начала мечтать о любви этого смелого и чистого человека.

Отношения Эльзы с Иоганном Вайсом носили иной характер, хотя он был привлекательным молодым человеком и выглядел в своем офицерском мундире весьма импозантно. Его умные, пронизательные глаза часто без слов говорили, что он понимает переживания Эльзы. Порой она ловила на своем лице его взгляд — то был взгляд не сочувствия, а скорее восхищения, взгляд человека, высоко ценящего своего товарища по опасной работе.

Но самообладание, деловитость, абсолютная подчиненность долгу, казалось, не оставляли в сердце этого чело-

века места ничему, что могло быть излишней душевной нагрузкой для опытного разведчика, в ведении которого находилась уже многосложная, разветвленная сеть связей.

Эльза шла к газетному киоску на Маршалковской, и мысли ее были далеки от того, что ей предстояло выполнить. Задание было самое ординарное, простейшее и потому не требовало строгой сосредоточенности. Сейчас не нужно было начисто выключать из своего сознания все, что могло помешать ей и заставить хоть на мгновение усомниться в своей неуязвимости. Женщин, таких, какой она выглядит, здесь много. И именно они вне подозрений: ведь их моральные принципы родственны этике представителей рейха. У тех не может возникнуть даже тени сомнения в том, что Эльза не «своя». И поэтому она смело шла по Маршалковской, и ее круглые колени, обтянутые шелковыми чулками, глянцевито блестели под короткой юбкой. Глаза подмалеваны, сощурены. Рот ярко намазан и выделяется на бледном лице, как мишень. И когда она видела свое отражение в стеклах пустых витрин, ей казалось, что это не она, а оскорбительный шарж на женщину; типаж удалось скопировать с безукоризненной точностью.

Женщины на оккупированной врагом земле стремились любыми способами скрыть свою молодость, миловидность, женственность. Бедность, убогость их одежды не всегда были следствием одной только нищеты, в которую немцы ввергли население. Часто старящий, уродливый траур был тщательно продуман. Молодые польки носили грубые чулки, плотно обматывали головы старушечьими платками и ходили, неуклюже шаркая по тротуару своими разношенными ботинками. И такой их облик вызывал у патрулей только повышенную бдительность.

Но были и другие — свежеразмалеванные, с залихватскими прическами из протравленных пергидролем волос, в чрезмерно коротких юбках и кофтах с глубоким вырезом, с продуманной тщательностью выставляющие напоказ все свои женские прелести. Эти шествующие конской поступью на высоких каблуках всем своим видом являли как бы пароль, демонстрировали преданность и готовность к услугам. И они-то и пользовались благосклонностью оккупантов. Патрульные офицеры не требовали от них предъявления аусвайса, а если и осведомлялись деликатно о месте жительства, то в целях, отнюдь не связанных с полицейскими обязанностями.

Таким образом, Эльза избрала наиболее подходящую в данных условиях защитную оболочку.

Человек, которого она должна была встретить у киоска, чтобы передать газету с нанесенной между строк шифровкой, был ей неизвестен. Не знала она и о том, какое задание он выполняет в тылу врага.

Кто бы он ни был, Эльзе следовало лишь точно выполнить столь, казалось бы, простое, не требующее ни труда, ни усилий, ни как будто бы даже сообразительности задание. Она должна была в условленное время подойти к киоску, оставить на его прилавке свернутую в трубку газету и уйти, даже не взглянув на человека, ради которого все это делалось.

В плане операции, разработанной Центром, каждая крохотная подробность имела такое же значение, как мельчайшая деталь огромного механизма: ведь если она, эта деталь, не будет выполнять свои строго определенные функции, гармонически взаимодействуя с бесчисленным количеством других деталей, мощный агрегат не сможет работать, остановится.

Итак, Эльза семенила по Маршалковской. Ее жесткие от туши ресницы колючим венчиком окружали прячущие подавленную грусть глаза, единственно неподдельным в которых был их цвет. Она точно рассчитала время и, не убыстряя и не замедляя шаг, подошла к киоску почти одновременно с человеком, запоминать внешность которого ей не было нужды. Положила на прилавок свернутую старую газету, купила две почтовых открытки, спрятала их в клеенчатую сумочку и отошла от киоска, механически улыбнувшись на прощание старухе киоскерше, которая посчитала ниже своего достоинства ответить на улыбку уже с утра размалеванной девицы.

Человек, рассматривавший еженедельник, взял его вместе с оставленной Эльзой газетой, расплатился и, не оглядываясь, направился на другую сторону улицы.

И тут дверца газетной будки вдруг распахнулась. Из нее выскочил какой-то мужчина и, сунув правую руку в прорезь на груди своего плаща с капюшоном, поспешно направился вслед за человеком, только что купившим еженедельник. Движение его было настолько явно профессиональным, что Эльза мгновенно сообразила, какой опасности подвергается человек, несколько минут находившийся под ее опекой. Не раздумывая, она швырнула свою сумочку из эрзац-лака в проволочную мусорную корзину,

бросилась вдогонку за типом в плаще и, настигнув его, хватая за руку, закричала, что вот сейчас, сию минуту, он украл у газетного киоска ее сумочку.

Этот тип оказался сильным мужчиной. Но в цепкой ловкости Эльза не уступала ему. Завязалась борьба. И сразу же из-за угла выехали два мотоциклиста и машина с окрашенными боковыми и задними стеклами. Эльзу бросили в машину и увезли. Все произошло так быстро, что прохожие даже не успели понять, в чем дело.

Спустя несколько часов полицейский объяснил киоскерше, что задержанная оказалась уличной воровкой.

Вот и все, что случилось в это утро.

В тот же вечер аттракцион фрейлен Николь в программе варьете был заменен выступлением актрисы, исполняющей танец с пылающими факелами.

Среди агентов уголовной полиции у Вайса был знакомый, некий господин Адам. В прошлом знаменитый варшавский сыщик, он специализировался на поисках фамильных драгоценностей, похищенных у знатных особ. Такие кражи обычно совершали крупные профессионалы. Зная их наперечет, господин Адам вступал с похитителями в переговоры, в результате которых за умеренный выкуп владельцы драгоценностей получали их обратно. От тех и других Адам получал недурное вознаграждение, достаточное для того, чтобы определить двух своих дочерей в гимназию и даже кое-что откладывать про черный день. Он не утратил своей должности и во время оккупации, так как жена его была немка. Но его специальность уже не приносила прежних доходов. Он превратился в обыкновенного уличного топтуна, и все его обязанности сводились к тому, чтобы в районе улиц, находившихся в его ведении, следить за имуществом, присвоенным немецкими оккупационными властями в домах, прежде принадлежавших полякам, не допускать воровства.

Вайс частенько угощал Адама рюмкой спиртного в локале пана Полонского. Неторопливо попивая водку, Адам в благодарность выкладывал различные новости уголовного мира, всякие полицейские сплетни, и Иоганн иногда выуживал кое-что подходящее для себя.

Как-то вечером Адам рассказал Вайсу о девушке, пойманной сегодня у газетного киоска, и осуждающе заметил, что с такой внешностью и фигуркой ей не следовало

заниматься уличными кражами. И если б она была знакома с порядочным, солидным человеком, таким, например, как он, то этот человек сумел бы наставить ее на правильный, честный путь. Он устроил бы так, чтобы она не знала отбоя от господ офицеров. И хотя фронтовики народ грубый и привыкли все брать силой и бесплатно, с профессионалками они обычно ведут себя как порядочные люди. И если и бывают какие-либо недоразумения, то отнюдь не на финансовой почве.

Вайс, движимый неясным беспокойством, попросил Адама узнать, в какое полицейское управление была доставлена эта воровка.

На следующий день Адам доложил, что она не зарегистрирована ни в одном из полицейских управлений Варшавы.

К этому времени Иоганн уже не сомневался, кто эта «воровка», о которой рассказал Адам.

Единственное, что удалось узнать Вайсу через Адама, — это приметы и номер полицейской машины, по-видимому, забравшей Эльзу.

Номеров с такой серией ни одна служба в генерал-губернаторстве не имела. На крыше и бортах этой машины стояли знаки красного креста. Но это не была санитарная машина: на капоте у нее, как у гестаповских машин, имелись резиновые прокладки для откидывания ветрового стекла, чтобы при погоне можно было вести огонь с переднего сиденья. В задней дверце — узкие амбразуры, заделанные пуленепроницаемым, с синеватым отливом стеклом. Значит, можно было предполагать, что машина бронированная.

Подобного типа броневики, замаскированные под обычные санитарные машины, применялись лишь в специальном подразделении СД, находящемся в личном подчинении рейхсфюрера Гиммлера.

Да, Иоганну было о чем задуматься в связи с исчезновением Эльзы. Чрезвычайная опасность нависла не только над ней.

За это время Александр Белов сформировал в тылу врага целенаправленную, организационно закрепленную разведывательную сеть.

Для создания подобной структуры необходим не только организаторский, оперативный, профессиональный талант разведчика, — пужно еще обладать даром человековедения. Ведь даже малейшая неточность в оценке психологических особенностей человека по своим последствиям равна оплошности минера. Причин гибели минера обнаруживается великое множество, но установить ту, единственную, которая привела к взрыву, невозможно, ибо уничтожено все, что послужило бы даже малейшим намеком на истинную причину катастрофы.

В последнее время разведывательные и диверсионные операции «штаба Вали» проваливались одна за другой. Это свидетельствовало об успешной работе Иоганна Вайса и тех, кого он, доверив им свою жизнь, сделал своими сотрудниками.

Гиммлер направил в «штаб Вали» самых опытных контрразведчиков, чтобы выявить причины провалов, и здесь создалась крайне опасная, напряженная обстановка. Угроза нависла и над начальством, и над рядовыми сотрудниками. Каждый шаг, каждый поступок любого, кто имел отношение к «штабу Вали» — будь то один из его руководителей, преподаватель разведывательно-диверсионной школы, охранник или курсант, — подвергался тщательной проверке. Все и вся находилось под строжайшим наблюдением, и Вайсу с каждым днем становилось труднее находить возможности для общения со своими людьми. Опасность ежеминутно подстерегала их да и его самого.

Условия сложились такие, что приходилось решать, как быть дальше: свести до минимума работу с невероятным трудом созданной Вайсом внутри «штаба Вали» системы или даже временно совсем свернуть ее.

Конечно, можно было бы просто затаиться и в бездействии выжидать, пока контрразведка прекратит свое обследование. Ведь постепенно ее активность уменьшится, бдительность ослабнет, а там, глядишь, контрразведывательную группу и вовсе отстранят от слежки за «проштрафившимся» объектом, перекинут на другой.

Но был и иной выход из создавшегося положения: найти возможность переместиться на другую арену, чтобы там, не прерывая, продолжать свою деятельность.

Иоганн выбрал этот путь.

Он приказал Зубову и его интернациональной группе активизироваться. Поляков, чехов, венгров и русских, вхо-

дивших в эту группу, Зубов с помощью Бригитты определил в услужение по домам ее знакомых. Днем они мирно исполняли обязанности поваров, дворников, садовников, а по ночам занимались во главе с Зубовым силовыми актами, часть которых, по рекомендации Вайса, они приписывали некоему таинственному союзу штурмовиков имени Рема, якобы мстящему эсэсовцам и гестаповцам за казнь своего вожака.

Что же касается взрывов железнодорожных эшелонов и складов с боеприпасами и горючим, то эти операции оставались анонимными.

На совещании командного состава «штаба Вали», в котором приняли участие прибывшие из Берлина сотрудники СД, было высказано следующее предположение: не исключено, что разведка противника засекала расположение «штаба Вали» и установила за ним наблюдение.

Предположение это сделали сами абверовцы, руководители «штаба». Представители СД возразили, что видят тут скорее частные террористические действия разрозненных групп польских патриотов.

И все же в результате длительных обсуждений и споров было решено передислоцировать «штаб Вали» в район Кенигсберга.

Распорядок же внутри «штаба Вали» и подопечных ему разведывательно-диверсионных школ члены комиссии СД признали удовлетворительным. Совместно с абверовцами они подписали протокол обследования и приложили его к докладной на имя рейхсфюрера СС Гиммлера, крайне обеспокоенного положением, сложившимся в «штабе Вали».

И хотя неприязнь Гиммлера к Канарису была очень велика и он так и горел желанием подложить адмиралу свинью, в данном случае интересы рейха восторжествовали.

Таким образом, в итоге деятельности Вайса и его разведывательной сети сотрудники абвера вынуждены были покинуть прекрасную, со здоровым климатом дачную местность близ Варшавы и перекочевать в каменистую, сырую и ветреную Прибалтику. С переездом были связаны не только личные бытовые неудобства. Передислокация всей системы «штаба Вали» требовала длительного времени и, по существу, надолго выводила из строя важнейший разведывательный орган вермахта.

Ущерб от такого перерыва в нормальной работе «штаба Вали» равнялся крупнейшей диверсии, принесшей потери, которые трудно оценить, — настолько они серьезны.

Но, помимо всего прочего, для Иоганна Вайса было особенно важно то, что вместе с личным составом, оборудованием, приписанным к «штабу» имуществом в полной сохранности передислоцировались на новое место те люди, которых он нашел и обучил, которые работали в сложной сети, раскинутой внутри абвера. И эти советские люди, сотрудники Вайса, будут исполнять свой долг в новых условиях. И наша разведка будет знать обо всех вражеских замыслах, созревающих под бетонным теменем «штаба «Вали», где бы он ни находился — в уютном лесу под Варшавой или на каменистой почве в районе Кенигсберга. И неважно, что здесь расположение «штаба Вали» скрывает уже не дощатая, а неприступная железобетонная ограда: за ней есть и свои, советские люди.

В технической лаборатории «штаба Вали» уже второй месяц трудился химик Петер Химмель — специалист по изготовлению симпатических чернил. В его обязанности входил также инструктаж курсантов о способах их применения.

Это был старый член национал-социалистической партии, фронтовик, тяжело раненный под Смоленском. После госпиталя его направили в систему абвера.

Педантичный, немногословный, он был чрезвычайно высокого мнения о своей персоне, считая, что два ордена железного креста, первого и второго класса, говорят сами за себя. Семья его погибла в первые же месяцы войны, при бомбежке Кенигсберга советской морской авиацией. Поэтому всем были понятны причины его угрюмости и необщительности.

Кратко и безулыбчиво Петер Химмель, он же Петрусь Матусов, доложил о себе Вайсу, передавая ему секретку Центра.

В первые дни войны Матусов с группой белорусских чекистов организовал партизанский отряд, дрался в тылу. Потом его отозвали в партизанский штаб. Командовал отрядом, получил тяжелое ранение, отлежался в госпитале. В дальнейшем он проходил военную службу в качестве санитаря одного из госпиталей для раненых немецких военнопленных. Владение немецким языком помогло ему толково ухаживать за немецкими солдатами и офицерами,

а также узнавать то, что требовалось знать человеку, пожелавшему работать во вражеском тылу.

После того как Матусов таким образом повысил не только свою медицинскую квалификацию, но и квалификацию разведчика, среди немецких военнопленных был выбран соответствующий типаж с подходящей биографией. Затем Матусова перебросили через линию фронта, и, пройдя систему явок, он оказался в расположении «штаба Вали» на вышеупомянутой должности.

Постепенно вводя Матусова в курс дела, Вайс пришел к убеждению, что ему есть на кого положиться, если возникнет необходимость передать свою должность — не ту, которая числится в штатном расписании сотрудников «штаба Вали», а ту, какую должен здесь исполнять советский разведчик. Петер Химмель вполне справится с обязанностями Иоганна Вайса, продвинувшегося в своей служебной карьере уже до звания обер-лейтенанта службы абвера.

Очевидно, имперский советник фон Клюге переговорил по телефону об Иоганне Вайсе с Гердом и Лансдорфом.

Во всяком случае, в такое горячее время, когда все сотрудники «штаба Вали» были поглощены организацией переезда, Вайс получил предписание отправиться в командировку, чтобы посетить несколько концентрационных лагерей, указанных ему имперским советником.

Александр Белов настолько прочно вжился в Иоганна Вайса, что искренне чувствовал себя обиженным. Его не на шутку возмутило несправедливое отношение к Вайсу: никто из руководства не противился его командировке, никто не выразил сожаления, что столь ценный работник — а у Иоганна Вайса были все основания считать себя ценным для абвера человеком — уезжает в трудную для «штаба Вали» пору.

Руководствуясь этой логикой, Вайс держал себя при Лансдорфе с подчеркнутой холодной почтительностью, и выражение оскорбленного достоинства не сходило с его лица. Он даже, пожалуй, упивался сознанием нанесенной ему обиды. И для этого были причины.

Обидели его явно несправедливо, — значит, в дальнейшем он может рассчитывать на компенсацию. Но важнее было другое. Пока что эта совершенно бесперспективная в служебном отношении командировка неожиданно освобо-

дила ему несколько дней, которые были необходимы, чтобы найти Эльзу.

Вся информация, собранная Иоганном из самых различных источников, не содержала даже намека на причины ареста Эльзы. Но в какую тюрьму ее заточили, он узнал.

Тюрьма эта находилась довольно далеко — в одном из горных районов, на территории старинного замка. Древние стены укрывали небольшое железобетонное здание современной конструкции. Предназначалась она для особо важных политических преступников. Содержалось там обычно всего десятка два заключенных. Соответственно невелика была и охрана.

Некоторые маститые германские историки утверждали, что подлинный, чистопородный аристократизм передается из поколения в поколение, и это драгоценное свойство не может быть присуще ни одному человеку плебейского происхождения, какими бы духовными и физическими совершенствами ни наградила его природа.

Возможно, Иоганн Вайс не был осведомлен о теоретической аргументации этих ученых. Возможно также, что для полемики с ними по этому вопросу у него не было достаточной эрудиции. Но перед ним возникла практическая необходимость в самые кратчайшие сроки стать заносчивым, кичливым пруссаком, мышление которого представляет монолитный сплав тупости и чванства, непроницаемый ни для логики, ни для слов убеждения. Пруссаком, надменным настолько, что его неосведомленность в ряде вопросов должна выглядеть как манера, а вовсе не как следствие незнания некоторых вещей, с которыми — Иоганн знал это — ему придется столкнуться.

Иоганн вместе с Зубовым скрупулезно разработал предложенный им план освобождения Эльзы. Пришлось потратить немало душевных сил, проявить дьявольский такт и даже пойти на жертвы, чтобы внушить Зубову, что план этот безупречен. Вначале Зубов назвал его жалкой и трусливой комедией, достойной лишь человека, настолько привыкшего к лицемерию, что он не решается прямо и открыто рискнуть собой даже ради спасения товарища, жизнь которого висит на волоске.

— Чекистские штучки, — говорил Зубов. — Научили вас там сочинять шарады! Это не боевая операция, а сюжетик для кино!

В пылу спора он ссылался на авторитет Дзержинского, который один, без всякой охраны, бесстрашно явился в логово восставших анархистов. Не удовлетворившись этим, Зубов обозвал Иоганна типичным разведчиком бюрократического типа, сочинителем, а не бойцом.

И все-таки ему пришлось уступить. Истошив дружеское терпение, Вайс прекратил наконец убеждать Зубова в целесообразности предлагаемого им плана, встал и произнес с каменным лицом:

— Товарищ младший лейтенант! Я вам приказываю...

И Зубов подчинился.

Гравер «штаба Вали» Бабашкин успел изготовить для Вайса все необходимые документы. Пришлось спешить, так как весь технический отдел «штаба» вот-вот должен был отправиться с автоколонной в Кенигсберг.

Местом сбора группы Зубова был назначен лесистый горный массив в сорока километрах от тюрьмы. Это место определили по карте.

Зубову следовало прибыть туда ночью вместе со всеми своими людьми, снаряжением, оружием, военным обмундированием. Ему нужно было достать также одежду лагерных заключенных и, главное, наручники и кандалы, которые применяло гестапо при аресте особо важных преступников.

Иоганн должен был прибыть к месту сбора отдельно.

Проводив своих сослуживцев и дружески простившись с ними, Вайс и сам тронулся в путь. За рулем его машины сидел чех Пташек. Долговязый, с удивительно унылым выражением лица, человек этот тем не менее успешно подвизался в роли клоуна-силача в кабаре, куда Вайс в свое время устроил его через Эльзу, когда гестапо казнило актера, изображавшего Чарли Чаплина. Тот позволял себе иной раз на секунду шаржировать облик фюрера и поплатился за это жизнью.

Некогда Пташек был известным чехословацким спортсменом-десятиборцем и обладал не только железной мускулатурой, но и поистине железным лицом. И так умел владеть своим лицом, что скулы его обретали мощь бицепсов, когда он жонглировал тяжелыми кегельными шарами: казалось, что при этом он совсем не напрягается, а только подмаргивает, чуть склонив голову.

Вайсу, когда он в свое время вербовал Пташека, пришлось порядком напрячь память, чтобы вспомнить имена

всех известных советских спортсменов. Этого потребовал Пташек в доказательство того, что Вайс — русский разведчик.

А поверив, он с восторгом подчинился Вайсу и почувствовал себя таким счастливым, что лицо его, правда оставаясь привычно унылым, обрело еще и черты гордого высокомерия, которое сам Пташек объяснял тем, что отныне он должен внушать ужас фашистам. Действительно, после того как Вайс свел Пташека с Зубовым, они стали действовать вместе. И, по отзывам Зубова, все операции Пташек проводил с таким профессиональным хладнокровием, будто встречался на стадионе с противниками, спортивные данные которых, как ему уже заранее известно, заведомо уступают его возможностям.

Вайс упрекнул его однажды в излишнем, опасном усердии. Пташек ответил меланхолически:

— Если меня убьют, по очкам я все равно их переиграл. — И, загибая жилистые, длинные пальцы, перечислил тот урон, который противник уже потерпел от его рук за время их с Зубовым ночных вылазок.

Поездка немецкого офицера по дорогам Польши на легковой открытой машине и без охраны уже сама по себе была подвигом. Иоганн отлично знал, что польские партизаны, советские оперативные группы и самодеятельные отряды бежавших из концлагерей военнопленных не упустят такую добычу. Но когда он поделился своими опасениями с Пташеком, тот спросил:

— Значит, трусишь?

— А ты?

Пташек печально согласился:

— Как никогда в жизни! Боюсь получить пулю от своих. Это же ужас!

Для большей безопасности они решили ехать в штатском. Пташек даже рекомендовал запастись у польских подпольщиков какими-нибудь документами, но на это уже не оставалось времени.

К счастью, все обошлось благополучно, и они без задержки добрались до назначенного места.

В заросшей кустарником балке уже разместились люди Зубова. Туда же Зубов пригнал грузовик, украденный с базы снабжения, расположенной на порядочном расстоянии от города. Он был покрыт фанерой и по виду ничем не отличался от тюремного фургона.

Восемь человек, включая Зубова, были в эсэсовских

мундирах, остальные — в полосатой лагерной одежде и сандалетах на деревянной подошве. На груди пришит лоскут с буквой «K» — от слова «кригсгефангенер» (военнопленный).

Одним из них Зубов здесь же выстригал машинкой половину головы, другим пробривал дорожку, третьим снимал волосы начисто, так как в каждом концлагере был свой способ метить заключенных.

Никто не оставался в бездействии. Тушью наносили на руках лагерные номера. Мазали лица землей. Пташек тоже сразу принялся за дело — мастерски гримировал тех, у кого физиономии, несмотря на все ухищрения, не казались достаточно истощенными.

Туалет «заключенных» отнял довольно много времени, и Иоганн пока что успел переодеться в припасенный специально для него капитанский мундир.

Чувствовал он себя в этом мундире отлично. Его лощенное великолепие, манеры пруссака, кичащегося своей военной родословной, и холодное презрение, с каким он смотрел на окружающих, были совершенно естественны. И у тех, кто видел его сейчас, лица невольно принимали жесткое, неприязненное выражение...

Жилистый кустарник. Серая щебенка. Плеск родника, казалось сочащегося из почвы под тяжестью мшистых скал. Сумрак ущелья и сверкающее короткими звездами небо.

Многие боевики, собравшиеся здесь, видели друг друга впервые. Они соединились сейчас только для того, чтобы выполнить задание. И потом, когда дело, порученное им, будет завершено, они уже никогда больше не увидятся. Ведь в общей системе разведки существует строгая специализация, разделение труда — каждый на своем посту. Помешать им встретиться вновь могла и иная причина, простая и естественная, — гибель при выполнении этого боевого задания.

Но у человека, не знающего, для чего все они сошлись здесь, могло создаться впечатление, что эти люди чрезвычайно довольны чем-то. На столь непохожих лицах одинаково отражалась радость. А радовались они вовсе не потому, что не понимали или недооценивали опасности предстоящей операции. Напротив, каждый из них отчетливо сознавал, как трудно будет осуществить дерзновенный замысел. Возможно, ни один из здесь присутствующих не останется в живых.

Все они давно привыкли к неслышной поступи смерти, шагающей рядом. Знали, что будут одиноки в свой последний час. Что весь смысл этого последнего для них часа в том, чтобы молча выдержать все. Не назвать себя. Для врагов ты Никто. И погибнуть должен как Никто — человек без имени, без рода и племени.

Безымянная смерть — высший и самый трудный подвиг разведчика. К нему нужно быть готовым. Нужно забыть о себе, уничтожить в памяти все, прежде чем тебя уничтожат. Ты должен убить память о себе в своем сознании прежде, чем убьют тебя самого, чтобы никакие муки не вынудили тебя вспомнить, кто ты.

А тут что ж! Бой в открытую, плечом к плечу с товарищами. И они радостно жаждали этого боя, зная, что если и погибнут, то погибнут с оружием в руках, как солдаты на поле битвы, падут в яростной схватке с врагом. А уже это одно — счастье.

Все они тайно работали в тылу врага и почти все не то что пистолета — перочинного ножа при себе не имели. Нужно было маскироваться, соблюдая правила бытовой безопасности с аккуратностью обывателя, примирившегося с оккупантами и с рабской покорностью работающего на них.

Даже в случае провала эти люди не считали себя вправе добровольно отказаться от последнего шанса на победу. Они до конца вели поединок со следователями СД, или гестапо, или контрразведчиками абвера, противопоставляя изворотливость угасающего в муках разума тупому усердию палачей. И нередко выигрывали состязание.

Прибегнуть к ампуле с ядом эти люди считали ниже своего достоинства, считали чем-то подобным капитуляции, результатом слабоволия, утраты веры в последний шанс, который обязательно должен представиться и дать возможность выпутаться из следственной сети.

То была высшая этика, руководившая советскими разведчиками в их борьбе. Ее никто им не предписывал, но она стала для них как бы духовным уставом. До конца остаться бойцом. Бойцом без имени. Твое имя — Никто.

И люди, не назвавшие себя и казненные безымянными, устаиваются от своих соратников высших почестей. О таких говорят: он погиб как чекист. Это значит: человек ничего не сказал, и его безымянным казнили в застенке. Враг не узнал его имени. *Никто* — вот его имя для врага.

Безмолвная безымянность — высшая доблесть для человека, как бы избравшего девизом своей жизни слова замечательного болгарского революционера Василя Левского: «Если выиграю — выиграет весь народ, если проиграю, то только себя».

В этих словах — сущность работы разведчика в тылу врага. Этими словами определяется значение его подвига.

Иоганн смотрел на людей, которые укрылись в кустах. Расстелив на земле куртки, они тщательно чистили пистолеты и автоматы, проверяли каждый патрон. Прятали оружие под лагерную одежду с таким расчетом, чтобы его нельзя было обнаружить при поверхностном осмотре. Наиболее крепкие физически рассчитывали, что отберут оружие у врага, и запаслись для этого кто брезентовой рукавицей со свинцовыми опилками, кто болтом, засунутым в пареную брюкву, кто свернутой в спираль патефонной пружинкой с отточенным, как лезвие бритвы, краем, кто подобной стилету вязальной спицей — ее прятали в грубый шов на брюках.

Давно уже Иоганн Вайс выработал манеру независимо и самоуверенно держать себя со своими сослуживцами по абверу. Он хорошо понимал, как нужно вести себя с каждым из них, о чем следует и можно говорить, и общение с ними не требовало от него усилий: он действовал как бы автоматически. Когда же он встречался с кем-нибудь из своих соратников, приходилось строжайше экономить время и в соответствии с правилами конспирации говорить лишь о том, что относится к заданию, и выслушивать в ответ только то, что непосредственно связано с делом.

Сейчас, очутившись в такой обширной компании родных людей, Иоганн почувствовал радостное смятение. Да и как не прийти в смятение, когда неожиданно исчезла привычная необходимость скрываться, экономить каждую секунду времени, быть напряженным, как взведенный курок пистолета.

Он бродил между боевиками с растерянной, какой-то жалобной улыбкой. И его лицо под эсэсовской фуражкой сразу неузнаваемо изменилось. Исчез Иоганн Вайс. Здесь, в овраге, был только Саша Белов, почему-то переодетый в форму немецкого офицера. И бродил он тут, волнуясь, как бродит неприкаянно за кулисами участник самодеятельно-

го спектакля. И сам он волнуется, и все за него волнуются: а сумеет ли этот парень, такой русский, сыграть роль немецкого фашиста Иоганна Вайса? Ведь во всем его облике нет ничего, что могло бы помочь ему сыграть эту роль. Всем здесь, вероятно, приходило в голову, что трудновато будет Белову, с его добродушной физиономией и грустно-задумчивыми глазами, выступить в роли немецкого офицера, строптивного, надменного, властного. А он думал, как далеки эти ребята с их повадками рабочих людей от механической выправки солдат конвойной команды.

О тех же, кто в полосатой одежде заключенных, и говорить нечего. Разве они лагерники, эти люди с блестящими, озорными глазами, лихо заломившие на ухо или на темя круглые, из полосатой материи шапочки узников? Да нет, тут явный маскарад. Всех их вопиюще выдает отсутствие той мертвящей вялости смертников, которая обычно свойственна приговоренным к казни. В своей внушающей ужас полосатой одежде они развалились в кустах так вольготно, будто на них пижамы, надетые на ночь, не более.

Но вместе с тем в поведении всех этих людей ощущалась строгая, суровая выучка. Они не спрашивали друг друга: «Кто ты?», «Откуда ты?» Им не следовало обременять себя лишними сведениями. Они сейчас отдыхали. И даже то, что расположились они строго по парам, не было случайностью. Каждая пара получила точное задание, каждый знал, как ему предстоит действовать в условиях боевой операции. Все вплоть до мельчайших подробностей было предусмотрено: и различные варианты взаимозаменяемости в соответствии с обстановкой, и то, кому подорвать заполненные взрывчаткой коробки противогазов, чтобы прикрыть группу в том, крайнем случае, если операция сорвется и возникнет необходимость отойти, скрыться.

На рассвете самокатчик в форме службы гестапо доставил на мотоцикле начальнику тюрьмы секретный пакет на его имя. И этот пакет и бумага с приказом принять заключенных были изготовлены в мастерской «штаба Вали».

Одновременно, еще в предутренних сумерках, один из боевиков засел в траншее, выкопанной под кабелем линии связи, идущей из тюрьмы. Однако он не перерезал кабель, а только замыкал его, нарушая слышимость настолько, что телефонный разговор состояться не мог.

К вечеру группа разместилась в грузовике, строго соблюдая все правила обычного конвоирования заключенных.

Зубов в форме эсэсовца сел в машину Вайса.

Место рядом с шофером Пташеком занял одетый в форму гестаповца парашютист Мехов, назначенный быть личным охранником Иоганна.

Мехов обладал большим опытом подрывника и говорил о себе, что он человек с пониженным слухом из-за слишком шумной работы. И даже утверждал, что теперь ему все равно, какое кино смотреть, звуковое или немое. И если он выживет, то придется ему после войны, как старику, вешать на грудь слуховой аппарат. Впрочем, Мехов сильно преувеличивал: все, что нужно было, он прекрасно слышал.

Низкие, грузные тучи, казалось, пронзенные вершинами скал, источали потоки дождя. Было серо и сумрачно. Над озером дымилась водяная пыль. Ее выбивал с поверхности озера тяжелый, твердый ливень.

Дорога извивалась в каменистых кручах. Обогнав грузовик, легковая машина Вайса вскоре приблизилась к казавшимся заброшенными угрюмым развалинам, лишь по силуэту напоминавшим старинный замок.

Внешняя охрана, едва Вайс предъявил документ абвера, беспрепятственно пропустила машину за крепостную стену. Миновали тяжеловесной каменной кладки древние ворота, въехали во внутренний двор замка. Тут оказалась вторая, бетонная стена, поверх которой были натянуты провода высокого напряжения. И вот в металлические ворота этой стены машину не пропустили. Пройти в караульное помещение сквозь узкую дверь, расположенную далеко от ворот, охрана разрешила только офицерам — Вайсу и Зубову.

Здесь им предложили подождать.

Явился дежурный обер-ефрейтор СС, тщательно проверил документы приехавших, повторил просьбу подождать и удалился, взяв документы с собой.

Ждать пришлось недолго, всего несколько минут. Снова появился обер-ефрейтор, на этот раз в сопровождении двух охранников, и предложил господам офицерам пройти на квартиру коменданта, расположенную рядом с канцелярией.

Начальник тюрьмы, или, как здесь его называли, герр комендант, долговязый, тощий, но с большим отвислым

брюхом, чуть приподнялся из-за стола и жестом предложил офицерам сесть против него в старинные кресла с высокими резными спинками.

Перед ним лежал приказ, доставленный человеком Вайса, и документы приехавших, взятые у них обер-ефрейтором.

— Я вас слушаю, господа,— сказал начальник тюрьмы, уныло посмотрев на свое висящее между сухих ног брюхо, и осторожно погладил его.

Вайс сказал:

— Да? — И, нагло глядя в тусклые глаза коменданта, осведомился: — У вас здесь, вероятно, нет туалетной комнаты?

— Есть. Я прикажу проводить вас туда.

— Мне не требуется,— сказал Вайс.— Но мы как будто нарушили ваше уединение? Не стесняйтесь. Мы располагаем временем.— И, обратившись к Зубову, заметил небрежно: — Не правда ли, мы готовы оказать герр коменданту такую любезность?

— Приказ составлен несколько не по форме,— сказал комендант и подтолкнул к Вайсу желтой рукой бумагу, жирно подчеркнутую в нескольких местах синим карандашом.

Вайс, не глядя на приказ, усмехнулся:

— Герр комендант, осмелюсь доложить вам, что я не штабной писарь. И не нахожу нужным разбираться в подобных мелочах.

— Однако документ составлен не по форме,— настойчиво повторил комендант, и его испитое лицо стало упрямым.— И я не могу, не получив документа, составленного по форме, принять ваших заключенных, тем более что мне негде их поместить.

— Не можете? — переспросил Вайс.

Комендант сокрушенно развел руками.

— Отлично,— сказал Вайс. И, улыбаясь, сообщил: — Ваш отказ нас вполне устраивает.— Встал, резко склонил голову: — Имею честь откланяться, герр комендант.

— Вы так спешите? Может, позвольте предложить вам рюмку шнапса?

— Пожалуй,— милостиво согласился Вайс,— но только после того, как отдам команду своим людям и прослежу за ее исполнением.— И, как бы успокаивая, добавил: — Это займет всего несколько минут.

— Что именно? — спросил начальник тюрьмы.

— Как что? — Вайс даже изумился. — Перестреляем эту пададь у стен вашего заведения. И все. Не потащим же мы их обратно.

— Позвольте, — забеспокоился комендант, — но почему на нашей территории?

— У меня приказ — доставить заключенных сюда. И я их доставил. Вы не желаете их принять. Хорошо. Я оставлю их вам в таком виде, при котором для них уже не потребуется тюремных камер. Все будет в порядке, уверяю вас. — И Вайс направился к двери.

— Герр капитан! — Голос начальника тюрьмы дрогнул. — Я пытался связаться с командованием, чтобы получить уточнения, но связь работает адски скверно. — И придвинул к Вайсу телефонный аппарат. — Можете убедиться.

Вайс сказал брезгливо:

— Я не сомневаюсь, герр комендант, что даже связь у вас и то в плохом состоянии. И, будьте уверены, доложу об этом командованию.

— Я уже послал связиста проверить линию, — сказал комендант. И попросил: — Немного терпения, господа офицеры.

Вайс насмешливо осведомился:

— Могу я попросить об этом же вас, герр комендант? Вся операция займет минут двадцать, не больше. Собственно, мы оказываем вам любезность, сокращая срок пребывания здесь ваших заключенных.

— Хорошо, — сказал комендант, уже в двери останавливая Вайса. — Пусть ваших заключенных доставят во внутренний двор. — И приказал обер-ефрейтору: — Распорядись!

— Но не *наших*, а *ваших* заключенных, — поправил Вайс. И, обратившись к Зубову, попросил: — Будь добр, отдай это приказание нашим людям, ибо герр комендант полагает, что они подчиняются его обер-ефрейтору, а не своим офицерам.

Зубов и обер-ефрейтор вышли из канцелярии.

— Послушайте, — примирительно произнес комендант. — В каждом деле есть строгий порядок. Для вас, абверовцев, ликвидировать десяток-другой заключенных... — И он так сложил губы, будто сдувал с рукава пушинку. — Для нас же, тюремной администрации, каждый заключенный — это целая система отчетности. Для занесения в соответствующую графу любого смертного

случая необходима аргументация, причем обязательно медицинского характера.

— Я понимаю вас, — благосклонно согласился Вайс. И предложил: — Вы все-таки взгляните на преступников. Некоторым из них все же, я полагаю, придется задержаться у вас на продолжительное время. Настолько важные персоны, что их дела будут доставлены вам особым курьером.

— Я обратил внимание на отсутствие личных карточек и объяснил это себе как раз теми мотивами, о которых вы только что сказали, — согласился комендант.

Он набросил на плечи черную клеенчатую пелерину и, вежливо пропустив Вайса вперед, провел его по железной витой лестнице во внутренний двор тюрьмы, куда за это время въехал грузовик с «заключенными».

Человек десять тюремных охранников заняли позиции несколько поодаль от грузовика.

Группа боевиков, одетых в эсэсовские мундиры, выстроилась у машины грозной квадригой. Автоматы наведены, кобура пистолетов открыта. Они вели себя так, словно не замечали тюремных охранников и считали, что на них одних целиком возложено конвоирование заключенных.

А те сходили на каменные плиты двора по спущенной с борта грузовика железной лесенке. Двоих, накрытых бумажными мешками, сами заключенные вынесли на носилках и оставили несколько в стороне.

Вайс, небрежно кивнув в сторону носилок, успокоил коменданта:

— О, эти вполне еще живы. Но у них, знаете, выпадение прямой кишки.

— Да, — сказал комендант. — Знаю: слабительное. Мы тоже применяем этот способ.

Шел дождь, тяжелые капли четко стучали о плиты песчаника, устилавшие тюремный двор, и разбивались в водяную пыль.

Со шлемов конвоиров вода стекала потоками. Заключенные ссутулились, скорчились под ливнем. Но они не столько сами защищались от дождя, сколько охраняли от воды спрятанное под одеждой оружие. Некоторые зябко совали руки за пазуху — не потому, что мерзли: они хотели сохранить руки сухими, чтобы в них не скользило оружие.

Вайс объяснил, почему заключенные ведут себя не по форме:

— В дороге мои ребята кое-кому из них отбили пальцы, а возможно, и еще кое-что. И все-таки, как видите, стоят на задних лапках. Я полагал, после этого они смогут передвигаться только на четвереньках.

— Оказывали сопротивление? — спросил комендант.

Вайс пожал плечами, усмехнулся.

— Если бы! Тогда бы нам не было нужды волочить их в такую даль.

— У вас brave ребята, — похвалил выправку боевиков комендант.

— По-честному говоря, они сами еле держатся на ногах, — сказал Вайс. — Сейчас служба безопасности работает как на фронте. Очень много заданий. — Спросил лениво: — Может, вернемся?

— Да, — согласился комендант, — мокнуть под дождем нам с вами вовсе не обязательно. — И поманил за собой сутулого человека с обвислыми плечами и узким горбоносым лицом.

В канцелярии комендант представил Вайсу этого человека:

— Герр Шварцберг — мой главный помощник. — Добавил значительно: — Обладает исключительными волевыми качествами. Настойчив настолько, что даже самые упрямые в его руках начинают верещать, будто канарейки.

Шварцберг улыбнулся Вайсу так, как улыбаются знаменитости, привыкшие к всеобщему восхищению. Попросил скромно:

— Герр капитан, будьте любезны назвать номера тех, кем я должен заняться в первую очередь. Желательно также знать, где они подвергались предварительной обработке. В методике и средствах мы стремимся избегать повторов. — Добавил многозначительным тоном: — Прежде чем назначить заключенному определенный режим, я тщательно обдумываю и взвешиваю все обстоятельства того предварительного опыта, который он уже имеет. Ведь эффектно всегда только новое, еще не изведенное.

— Отлично, — согласился Вайс, — я вижу, у вас здесь все поставлено на серьезную ногу, — и опустил руку к планшету, висящему рядом с кобурой.

Медлить дальше было нельзя. Выхватывая парабеллум, Иоганн с силой ударил стоящего несколько позади Шварц-

берга в челюсть. Затем, держа начальника тюрьмы под прицелом, пнул ногой в висок распростертого без чувств на полу Шварцберга. Обезоружил коменданта и приказал ему отнести Шварцберга в ванную комнату. Комендант, видимо, совершенно ошалев от всего происшедшего, безропотно позволок по коридору бесчувственное тело своего помощника. В ванной Вайс мгновенно и почти беззвучно покончил с обоими. Быстро обшарил карманы, взял все ключи... Запер дверь на задвижку, огляделся, сунул пистолет в карман и спустился по винтовой лестнице во двор.

Потоки дождя по-прежнему тяжело шлепались на каменные плиты. Заключенных уже не было видно. Боевики разбрелись по двору якобы в поисках защиты от дождя.

Только дисциплинированные тюремные охранники по-прежнему стояли у стен под дождем.

Подошел Зубов. Обращаясь к нему, Вайс сказал громко:

— Герр лейтенант, может, вы зайдете попрощаться с комендантом? — и сунул ему связку ключей, отобранных у Шварцберга.

За Зубовым, тяжело ступая, проследовал Мехов.

Вайс закурил, чтобы дать Зубову и Мехову время уйти и начать со своей группой действия во внутренних помещениях тюрьмы. Несколько раз глубоко затынулся, швырнул сигарету и, отдав команду: «По местам!» — упал на землю.

Четверо боевиков последовали его примеру. Остальные открыли огонь, стреляя в застывших от неожиданности у стены тюремных охранников.

Убедившись, что все здесь идет, как и было задумано, Вайс побежал в помещение тюрьмы. В тюремных коридорах сражение уже почти закончилось.

На полу рядом с трупами охранников лежали погибшие товарищи: они первыми вступили в схватку, используя запрятанное под надетой на них полосатой одеждой оружие.

Следуя разработанному плану, камеры пока не открывали. Было решено освободить заключенных только после того, как одна группа закончит бой с внутренней охраной, а другая — с внешней.

Вайс снова вышел во двор. Здесь все уже завершилось. Потеряли троих. Он приказал подбежавшему Пташкеу взять на себя руководство группой, оставшейся во дворе.

Пора было посмотреть, что делается во внутреннем помещении тюрьмы. Как Иоганн и предполагал, Zubov нарушил план операции.

Двери камер были распахнуты.

В раздражении на Zubova, забывшись, Иоганн повелительно крикнул заключенным по-немецки:

— Обратно по камерам!

И чуть было не стал жертвой своих слов. Освобожденные с такой яростью набросились на него, что, несомненно, задушили бы, если б не были так слабы.

Следовало дорожить каждой минутой. Иоганн, подавив жалость к этим людям-мученикам, страдальцам, братьям, твердо командовал ими. Иного пути призвать к благоразумию, как остудить их сердца холодной деловитостью, не было. Ради их же спасения он был почти начальственно официален, даже груб с ними.

Выдал каждому документы и карту местности, на которой был определен маршрут беглецов. Проследил, чтобы освобожденные сбросили тюремную одежду и переоделись в сложенные на грузовиках штатские костюмы.

Потом пошел в канцелярию и занялся было исследованием секретных архивов, хранившихся в подорванном Меховым нестограсом шкафу, но тут Zubov внес в канцелярию Эльзу, бережно положил ее на диван. Герр Шварцберг использовал в качестве карцера морг-ледник. Там и нашли Эльзу.

Она была без сознания, не подавала признаков жизни.

Иоганн приказал выбросить из ванной комнаты труны начальника тюрьмы и Шварцберга.

Ванну наполнили горячей водой и опустили в нее девушку.

Разжав стиснутые зубы Эльзы ножом, Пташек влил ей в рот спирт из фляжки.

Zubov стоял бледный, руки его дрожали, китель и брюки были в крови.

— Ты ранен? — спросил Иоганн.

— Пока не чувствую. — И, опустив руки в воду, Zubov стал оттирать ступни девушки.

— Вода окрасилась кровью...

— А ну, идите отсюда! — махнул рукой Мехов. — Лучше я сам. Вы только мешаете.

В канцелярии, выжимая мокрые рукава, Zubov сердито сказал Иоганну:

— Поделикатничал ты с этими, комендантом и палачом.— Упрекнул:— Вот уж не ожидал от тебя!

— Чего именно? — удивился Вайс.

— Ну, отпустил ты их!

— То есть как это «отпустил»? — Иоганн скосил глаза на трупы.— А это тебе что?

Зубов повторил упрямо:

— Отпустил с миром, что называется. Если бы ты видел, как она лежала там, в леднике, на трупах. Замерзая, заползла на трупы. Они теплее, чем лед, вот она и заползла.

— Да ты не горячись,— попросил Иоганн.

— Хладнокровный ты, как лягушка,— сказал Зубов.

— Вот именно!

— Нет у меня больше таланта притворяться. Уйду с группой — и все.

— Еще чего! — сурово сказал Иоганн. Спросил: — Тебя что, в голову ушибли? Сдурел?

— Если она не оживет... Катись ты подальше со своей конспирацией. Я за них самостоятельно возьмусь.

— Неврастеник! — презрительно сказал Вайс.

— Ты понимаешь? Ее там среди мертвецов заживо замораживали.

Прибежал Мехов.

— Идите скорей: живая... — Потное лицо его расплылось в улыбке.

В ванной комнате было жарко, все заволокло тусклым паром.

Накрытая шинелями, в ванной лежала Эльза. Под голову ей Мехов сунул пестрый купальный халат начальника тюрьмы.

— Глядите,— хвастливо объявил Мехов,— ожила!

Голова Эльзы с мокрыми волосами казалась мальчишеской. Виски запали, щеки осунулись. Кожа неестественно розовая.

Эльза улыбнулась опухшими губами, обнажив кривые обломки зубов. Подняла исхудалые, белые, как веточки с ободранной корой, руки и попыталась протянуть их Зубову и Вайсу.

Зубов опустился перед ней на колени, опустил голову, заплакал.

Эльза что-то прошепелявила. Ей трудно было говорить разбитым ртом, воздух проникал в обломки зубов, вызывая острую боль. Лицо ее исказилось. Она умолкла.

Мехов склонился над ней, снова приложил к ее губам свою фляжку.

Иоганн вопросительно взглянул на Мехова.

Тот виновато потупился, объяснил:

— Она сейчас сильно пьяна. Перелил я в нее спирта. Ничего, ей так лучше.

— Зубов... — Эльза положила руку на его крутой затылок. — Я тебя так долго ждала, а ты все не шел... — Сказала жалобно: — Конечно, из-за Бригитты. Ну и пускай. Пускай она теперь тебя ждет дома, на Таганке. А я все равно тебя не отпущу. И молчи. Я уже все решила за нас. И как я хочу, так все и будет. Ты меня привык слушаться, да? Даже с Бригиттой послушался.

Эльза хотела привстать. Мехов удержал ее за плечи. Показал глазами на дверь.

Иоганн увел Зубова в канцелярию, усадил на стул.

Зубов хрипло дышал. Китель его весь пропитался кровью. Иоганн раздел Зубова, забинтовал его раны — осколками гранаты задело руку и бок. Спросил:

— Ты как себя чувствуешь?

— Как подлец! — живо отозвался Зубов. И, гневно глядя на Вайса, объявил: — Такую девушку я из-за вас потерял! Не прости она меня за Бригитту.

— А ну вас! — устало сказал Иоганн. — Не морочьте вы мне голову. Еле живы, а мелете чепуху, да еще в такой обстановке. Эльза хоть опьянела, а ты? — И, махнув рукой, пошел проверять караулы.

Все было в порядке. Убитых тюремных охранников переодели в одежду заключенных и снесли в ледник.

Машина начальника тюрьмы вывозила по несколько заключенных, и тут же возвращалась за новыми.

Во двор вышел Мехов, доложил Вайсу, что Эльза отогрелась и теперь спит. Сказал озабоченно:

— У нее не только зубы повыбиты. Видать, подвешивали — искалечены руки и ноги. Передвигаться не сможет. Пусть поспит немного, а потом я ее в одеяло укутаю, уложу в мотоцикл и на полном газу доставлю куда следует. — Потребовал: — Выдумывай и пиши справку о ней, чтобы в случае чего я мог патрульным постам предъявить.

В канцелярии нашлись тюремные бланки, печать, штампы. Иоганн отпечатал на машинке приказ о том, что заболевшая тюремная надзирательница направляется в госпиталь СС. Подделать подпись начальника тюрьмы было не так уж сложно.

В полночь Мехов завернул сонную, слабую, еще не совсем опамятававшуюся Эльзу в одеяло, вынес во двор тюрмы и уложил в коляску мотоцикла.

Вайс спросил:

— Может, позвать Зубова? Пусть простится.

— Нет, — сказал Мехов, — не надо. Зачем им еще и из-за этого мучиться? У них еще вот сколько впереди будет всего! — И коснулся ребром ладони своих бровей. Крутанул ногой ручку мотоцикла, выкрикнул зло: — Но в случае чего я лично ее живую им больше не оставлю!.. Будь уверен! — И показал глазами на пакеты со взрывчаткой.

— Только преждевременно не горячись, — попросил Вайс.

— Будь уверен, — пообещал Мехов. И похвастал: — Я человек обдуманых действий. Иначе давно бы живым не был. — И кивнул на прощание.

Мотоцикл развернулся и выехал в полуоткрытую дверцу ворот. Дежурный тотчас замкнул ее на тяжелый стальной брус.

В памяти Иоганна осталось запрокинутое лицо Эльзы на черной клеенчатой подушке коляски мотоцикла. Худенькое, изможденное, обескровленное, оно сейчас, после всех мук, которые перенесла Эльза, выражало только усталость. И волосы светлые, смиренно зятянутые, а не пышные, ярко-рыже-бронзовые, нагло вато взбитые, как прежде. Милое, простое, очень усталое лицо, словно у выздоравливающей после тяжелой болезни.

Лежащие на руле сильные руки Мехова были в ссадинах и кровоподтеках. Из-за широких голенищ сапог торчали запасные кассеты к автомату, а из незастегнутой кожаной сумки для инструмента высовывался взрывпакет, превосходящий по своей разрушительной силе противотанковую мину.

Надо думать, Мехов благополучно доставит Эльзу на место. А потом ее перебросят через линию фронта, и не будет больше связной Эльзы, и станет она — ну как ее зовут? — Лена, Лиза, Надя, Настя, Ксюша или Катюша?

Встретятся они когда-нибудь на улице и пройдут мимо, не узнают друг друга. Что ж, возможно и такое...

Зубов, услышав об отъезде Эльзы, пришел в отчаяние, что не простился с ней, и яростно обрушился на Вайса, который не нашел нужным предупредить его об ее отъезде.

— Брось,— миролюбиво сказал Иоганн,— не морочь девушке голову.

— Это потому, что я теперь женат на немке?

— Нет, не потому.

— В чем же тогда дело?

— Дело в том,— ответил Иоганн,— что ты, воображая, будто ты бессмертный, нахально лезешь навстречу смерти.

— А что ж, я ее стесняться должен? Я человек откровенный,— зло сказал Зубов.— Есть возможность бить, бью от чистого сердца, по-солдатски.— Добавил презрительно: — И если бы не ты, не твоя дипломатия, я бы давно...

— Был бы на том свете,— закончил за него Иоганн. Строго добавил: — И запомни: если Бригитта в ближайшее время снова овдовеет, значит, ты по своей вине провалил нам отличную «крышу».

— Ну, знаешь, на покойников взыскания не накладывают!

— Пока человек еще не покойник, есть возможность его пропесочить. Тебе было приказано руководить боем внутри тюрьмы, а ты впереди людей один кинулся в ворота. Футболист! Опять вернешься к Бригитте покалеченный да еще с разбитой физиономией.

— Ну, уж это наше с ней дело,— огрызнулся Зубов.— Семейное.

— Нет,— сказал Иоганн,— это не ваше личное дело, какая там у тебя рожа, а мое. Не будь ты таким красавчиком...

— Ах, так,— обиженно прервал его Зубов,— значит, я тебе нужен только как пижон?

— Не мне, а Бригитте,— возразил Иоганн.

— Она меня не за внешность любит,— серьезно сказал Зубов,— а просто по-человечески. Если бы не это, мне Эльзе легче в глаза было бы смотреть и вообще все было бы легче.

— Ну ладно,— Вайс встал,— хватит переживать.— Приказал: — Через десять минут сматывайся!

— Это почему сматываться? — возмутился Зубов.

— А потому,— кротко ответил Иоганн,— что первыми будут уходить те из нашей группы, кто по своему положению в тылу врага представляет для нас наибольшую ценность.

— Вот, значит, ты и сыпь первым.

— Да,— сказал Иоганн,— я и буду в числе первых.

— Но после меня?

— Именно после тебя.

— Ты меня переоцениваешь! — усмехнулся Зубов.— А мне скромность не позволяет с тобой согласиться.

— Через пять минут тебя здесь не будет,— сказал Иоганн.

— А тебя?

— Я с Водицей уеду несколько позже, нам еще нужно покончить с архивами. Не беспокойся, мы не задержимся.

Водица, высокий, тощий, как и Пташек, но, в противоположность ему, жгучий брюнет, смуглый и черноглазый, был родом из Югославии. Среди соратников Зубова он слыл самым отчаянным. Поэтому Вайс старался не упускать его из виду и до последней минуты хотел держать его при себе.

Однажды Водица бежал из концлагеря таким образом: удушил охранника, бросил труп на провода высокого напряжения и, опираясь на него, как на изоляционный материал, перебрался через ограду.

В Воеводине фашисты отрубили на базарной площади головы отцу и двум старшим братьям Водицы и повесили обезглавленные тела на столбах, прикрепив на грудь дощечки с надписью: «Партизан».

В семнадцать лет Водица впервые оказался в концентрационном лагере. Но не за то, что научился убивать врагов одним ударом шила в спину, а за то, что украл хлеб в немецкой армейской лавке.

Водица совершал побеги из концлагерей, его ловили.

В последний раз он бежал из Освенцима, когда фирма «Топф и сыновья» еще не оборудовала там крематория и трупы не сжигали, а закапывали во рву за пределами лагеря. С ночи Водица спрятался между сложенными во дворе в штабеля трупам, и утром его вместе с покойниками швырнули в кузов грузовика. Из рва он успел выбраться до того, как прибыла команда могильщиков.

С помощью Эльзы Водицу, выдав за итальянца, устроили в ресторан при гостинице, так как он знал итальянский язык. Самым трудным для Эльзы было убедить этого тощего, жилистого парня со сверкающими ненавистью, черными, как агаты, глазами, чтобы он смиренно вел себя на новой должности.

Для верности она даже повела его в костел и там взяла с него клятву. И Водица послушно поклялся на кресте. Но потом, когда они вышли из костела, мрачно сообщил, что он не только не католик, но вообще не верит в бога, а один из его братьев был даже коммунистом.

— Ну, тогда поклянись мне как коммунист, — попросила Эльза.

Водица печально развел руками.

— Но я не член партии...

— Ну тогда памятью отца и братьев.

Водица задумался, потом сказал сокрушенно:

— Нет, не могу. — Но, увидев отчаяние на лице Эльзы, пообещал: — Хорошо. Не буду трогать никого из тех, кто ходит в ресторан.

Перед отъездом Вайс с Водицей поднялся на караульную вышку, чтобы оглядеть окрестности. Они смотрели оттуда на пустынную дорогу, на силуэты гор, на гигантское, просторное небо в звездах.

— Смотри, как красиво! — не удержался Вайс.

Водица мрачно покачал головой.

— Ты не видел Югославии. Ты не можешь знать, что красиво и что некрасиво.

Но Вайс видел, как жадно хватали тонкие поздри Водицы чистый горный воздух, с какой тоской смотрел он на зазубренные силуэты горных вершин. И промолчал, не стал опровергать его.

На рассвете Вайс был уже в Варшаве. Он явился в отделение абвера, где ему был вручен пакет с приказом следовать в Вильнюс. Дальнейшие указания он получит там от начальника абверкоманды.

Стоящий в глубине сада богатый барский особняк на Маршалковской служил старшим офицерам абвера, прибывающим с командировочными целями в Варшаву, как бы гостиницей. Известно, что истинное служебное положение разведчика часто определяется не его чином и даже не должностью, а тем заданием, которое на него возложено. Чаще же всего — связями с высшими кругами и местом, которое занимает разведчик в этих кругах. Поэтому получе-

ние комнаты в этой секретной абверовской гостинице зависело не столько от того, что значилось в служебном удостоверении сотрудника абвера, сколько от того, как он держал себя с комендантом, восседавшим за курительным столиком в вестибюле.

Комендант был в штатском — этакий полупортье-полусыщик. Он даже не раскрыл поданного ему удостоверения. Постукивая его твердым корешком по столу, с любезной улыбкой осведомился, откуда Вайс прибыл.

С такой же любезной улыбкой Вайс, в свою очередь, спросил коменданта, нравится ли ему Ницца, и предложил:

— Если нравится, будем считать, что я приехал из этого прелестного городка. — И тут же строго, уже без улыбки, предупредил: — О моем прибытии доложите майору Штейнглицу не раньше, чем я приму ванну, приведу себя в порядок и повидаюсь с герром Лансдорфом. Он обо мне осведомлялся?

Комендант раскрыл удостоверение Вайса.

— Голубчик, — с упреком сказал Вайс, — герр Лансдорф мог забыть, что там написано. Возможно, он спросит только, осведомлялся ли о нем кто-либо из его друзей. Ведь так?! — Победоносно взглянув на коменданта, произнес небрежно: — Так вот, после того как вы проводите меня в мою комнату, можете сообщить герру Лансдорфу, что я уже осведомлялся о нем.

Иоганн столь упорно стремился попасть в эту гостиницу для того, чтобы застать здесь своих начальников и успеть кое о чем поговорить с ними во внеслужебной обстановке — ведь она всегда располагает к откровенности.

Покоренный властной самоуверенностью Вайса, комендант приказал служителю проводить его, полагая, что, пока приезжий будет устраиваться в отведенной ему комнате, можно успеть навести о нем дополнительные справки у дежурного гестапо.

Вайс уже было последовал за служителем к лифту, как вдруг увидел, что по красному ковру, устилающему лестницу, спускается Ангелика Бюхер, а вслед за ней важно шествует, как всегда бледный и изможденный, полковник Иоахим фон Залыц.

Вайс замер, вытянулся и коротким кивком приветствовал эту пару. Он разрешил себе чуть улыбнуться Ангелике и просиять восхищенным взглядом. Тем особенным взглядом, который оценивает не столько лицо женщины, сколько

ее фигуру. И хорошо сложенным женщинам такие взгляды не кажутся оскорбительными.

— Ба! Иоганн! — сказала Ангелика и протянула ему узкую, затянутую в кожаную перчатку руку.

Вайс галантно коснулся губами перчатки. Полковник остановился, озабоченный, так как не знал, следует ему узнавать этого человека или нет.

Вайс, на мгновение зажмурясь, сказал Ангелике:

— Вы, как всегда, ослепительны!

— Вы за кем-нибудь приехали? — задал вопрос полковник, желая показать, что он вспомнил этого шофера.

— Да, — сказал Вайс. — К герру Лансдорфу. — И произнес безразличным тоном. — Мне надо с ним кое о чем посоветоваться. — Взглянул на часы, добавил: — Но, я полагаю, у меня будет еще достаточно времени для этого.

— В таком случае вы позавтракаете с нами, — сказала Ангелика. И, с упреком оглянувшись на полковника, объяснила: — Фрау Дитмар говорила мне, что господин Вайс успешно продвигается по службе.

Вайс многозначительно усмехнулся, склонил голову и, адресуясь уже к полковнику, сказал:

— Смею высказать уверенность, что теперь уже мы раньше, чем сами москвичи, узнаем, какая в Москве погода. Хайль Гитлер! — Прошел к двустворчатой двери ресторана и, пропуская вперед полковника и Ангелику, небрежно приказал коменданту: — Доложите герру Лансдорфу и майору Штейнглицу, что я буду здесь.

Вайсу очень хотелось, чтобы оба они застали его в обществе фон Зальца. Но тут же он подумал, что, пожалуй, чересчур развязно ведет себя, и попросил полковника:

— Будет большой любезностью с вашей стороны, если вы пригласите их!

Нужды в этой просьбе не было. Лансдорф и Штейнглиц уже завтракали в ресторане, каждый за своим столиком. И Вайс сумел так ловко представить даме сначала Лансдорфа, а затем и Штейнглица, что полковнику не оставалось ничего другого, как пригласить их обоих к своему столу.

Штейнглицу, без всякого сомнения, было лестно оказаться в обществе полковника. Что же касается Лансдорфа, то тот сразу же со старомодным изяществом начал непринужденно ухаживать за девушкой, совсем не интересуясь, нравится это полковнику или нет.

Разговор с ней он вел на столь тончайшей грани приличия и неприличия, что нельзя было не подивиться его опытности в той области, которая, как казалось Иоганну, могла служить для него лишь предметом воспоминаний.

Этот весьма оживленно начавшийся завтрак оказался вдвойне полезен Вайсу. Во-первых, знакомство с полковником сильно возвысило его в глазах начальства. Во-вторых, комендант отвел ему комнату значительно лучше той, какую вначале предполагал дать этому нагловатому абверовцу с небольшим чином, но, как выяснилось, вполне обоснованным высокомерием.

Оказалось, что по поручению полковника Ангелика посетила женскую разведывательную школу и присутствовала на занятиях. Она сказала Лансдорфу:

— Странно,— во всем, что касается технической подготовки, они очень сообразительны. Но когда я стала спрашивать о самых элементарных женских приемах, необходимых при вербовке агентуры, то в этом вопросе они проявили удивительную тупость.

— Может, фрейлейн поделится со мной теми знаниями, которыми она обладает? — игриво осведомился Лансдорф.— Возможно, я окажусь достойным учеником.

Штейнглиц грубо хохотнул.

— Черт возьми, фрейлейн, вы просто умница! Убедите герра Лансдорфа создать школу для девиц, обладающих подобными талантами,— и мы все готовы стать кадетами в этой школе.

Фон Зальц сказал недовольно:

— Фрейлейн Ангелика ставит важные вопросы о принципе подготовки женской агентуры, ибо сильная сторона каждой женщины определяется ее умением воздействовать на слабости мужчин.

— Если мужчина слаб, то на него уже ничто не может воздействовать! — вздохнул Лансдорф.

— Bravo! — воскликнула Ангелика.— Вы просто прелесть, герр Лансдорф!

Штейнглиц, наливая себе коньяк, сказал озабоченно:

— Баба-агентка... — и брезгливо оттопырил губы.— Они годятся в мирное время и не против русских.

— Но почему? Разве бог сотворил их иначе, чем нас? — насмешливо осведомился полковник.

Штейнглиц залпом выпил коньяк и, переведя дух, ответил грубо:

— А потому, что эти дикари, как монахи в серых сутанах, бросаются сейчас только на одну дамочку, состоящую целиком из костей. И она уже помчалась в нашу сторону, как беглая девка из солдатского дома, где ей сильно доставалось.

— Не понимаю ваших аллегорий, — нахмурил брови полковник.

Вайс пояснил:

— Герр майор дает нам понять, что если силой оружия не удалось сразу убедить противника в нашей победе, то вряд ли женские чары могут склонить его к иному о нас мнению.

— Вот именно, — буркнул Штейнглиц, — чары! — И, глядя на Ангелику пустыми глазами, галантно заявил: — Но если б вы, фрейлейн, работали против нас, клянусь — перед вами я бы не устоял.

— Это высший комплимент даме, какой только может сделать разведчик, — сказал Лансдорф.

Обращаясь к Вайсу, Ангелика сказала:

— Там, в школе, заместительница начальницы — русская. Одна половина лица у нее ужасно изуродована, а другая красива, как профиль камен...

— Значит, двуличная особа, — перебил Штейнглиц.

Вайс понял, что речь идет о Люсе Егоровой. Сдержанно заметил Штейнглиц:

— Настоящий разведчик — это человек с тысячью лиц. А какое из них подлинное, может понять только тот, кто сам не потерял лица.

Ангелика кивнула, соглашаясь с Вайсом.

— Однако у вас оригинальный вкус, — понизив голос, сказала она. — Насколько мне стало известно, вы были равнодушны к этой девице?

«Болтливая стерва! — подумал Иоганн о Кларе Ауфбаум. — Это ей дорого обойдется». И, улыбаясь, ответил:

— Фрейлейн, мы, абверовцы, обладаем искусством перевоплощаться в кого угодно. Но при всем том остаемся мужчинами.

— Разве? — насмешливо удивилась Ангелика. — Во всяком случае, для меня это новость. Вы обычно держались со мной так скромно, что эту вашу скромность можно счесть теперь просто оскорбительной.

Вайс пообещал многозначительно:

— Я заслужу прощение у вас, фрейлейн, с вашего позволения.

— А у той, русской, вы тоже сначала спрашивали позволения?

Лансдорф, прислушивавшийся к этому разговору, пошрительно подмигнул Вайсу и сказал громко:

— О, оказывается, и непогрешимые тоже грешат, но только скромно и тайно.

Что оставалось Иоганну делать? Не протестовать же. Он лишь застенчиво усмехнулся. Лансдорф рассмеялся и одобрительно положил руку на плечо Вайса.

Медленно наливая себе коньяк, Вайс сосредоточенно посмотрел на рюмку, и вдруг перед ним, как призрак, возникла Люся Егорова, такая, какой она была, какой он впервые увидел ее на пионерском сборе, — тоненькая, ликующая, светящаяся. Она шагала рядом со знаменосцем, и рука ее, поднятая в пионерском салюте, как бы заслоняла лицо от слепящего солнца, хотя день был дождливый, пасмурный. И всем, кто смотрел на эту стройную, как шахматная фигурка, девушку, казалось, что от нее исходят яркие лучи, что она блещет солнцем Артека.

Он мотнул головой, как бы стряхивая наваждение, и, поднеся к губам рюмку с коньяком, многозначительно посмотрел в прозрачные, студенистые глаза Ангелики.

— За ваше самое страстное желание, фрейлейн.

Словно издалека, до него донесся приглушенный голос.

— Я была очень разочарована, — рассказывала Ангелика. — Я думала, будет казнь. А они раздевались лениво, как перед купанием. Переговаривались между собой, подходили по очереди к яме и даже ни разу не взглянули на нас, хотя мы были последними, кого они видели перед смертью. Они просто нагло не считали нас за людей. Я даже не знаю, боятся они боли или не боятся, понимают, что такое смерть, или не понимают. И только голые, будто для приличия, прикрывались руками.

Штейнглиц вновь хохотнул:

— Ну как же, если при казни присутствовала дама... — Добавил хмуро: — Работать с русскими — это все равно что учить медведя ловить мышей в доме. Я ни на одну минуту не чувствую себя с ними спокойным. Выполнять операции с такой агентурой — то же самое, что травить зайца волчьей сворой. Никогда не знаешь, на кого они бросятся — на зайца или на тебя.

— У вас сегодня плохое настроение, — заметил Лансдорф.

— Да, — сказал Штейнглиц, — плохое. — Сообщил вполголоса официальным тоном: — Курсант по кличке «Гога», — ну, тот, который участвовал в казни через повешение своего соплеменника, — устроил в самолете побоище. Почти вся группа уничтожена. Раненый пилот успел совершить посадку на фронтовой территории, доступной огню противника. — Пожал плечами: — А был этот Гога такой тихий, надежный, и вот — снова неприятность.

Вайс встал и, сияя радужной улыбкой, поднял рюмку с недопитым коньяком.

— Господа, предлагаю тост за нашу прелестную даму, фею рейха, фрейлейн Ангелику Бюхер!

Все вынуждены были подняться.

И тут Иоганн увидел, как предупредительно распахнулись двери ресторана и в элегантном эсэсовском мундире, сопровождаемый целой свитой чинов СД и гестапо, вошел Генрих Шварцкопф.

Лицо Генриха изменилось: потасканное, брезгливо надменное, неподвижное, как у мертвеца. На скулах красные пятна, глаза тусклые, воспаленные, губы поджаты. В руках он сжимал стек. Ударив этим стеклом по стоявшему в центре зала столику, скомандовал:

— Здесь! — И, недовольно оглядев сидевшую в углу компанию, громко спросил у одного из офицеров СД: — Вы уверены, что тут нет господ, присутствие которых не обязательно?

Лансдорф поднялся из-за стола. Тотчас к нему подошел комендант и стал почтительно, но настойчиво шептать что-то на ухо.

— А мне плевать... — громко сказал Лансдорф. — Хотя бы он был племянник самого рейхсфюрера! — И шагнул к Шварцкопфу, высокомерно вскинув сухую седую голову.

Полковник фон Зальц так озабоченно протирал кушочком замши стеклышко монокла, будто именно от этого зависела незапятнанность его фамильной чести.

Штейнглиц неуловимым, скользким движением провел по бедру, и в ладони его оказался «зауэр». Он сунул руку с пистолетом под скатерть и, прищурясь, наблюдал за Шварцкопфом. Можно было не сомневаться, что он готов постоять за своего начальника.

Действия Штейнглица не ускользнули от внимания гестаповца, который, войдя в зал вместе с другими сопровождавшими Шварцкопфа, остался стоять у двери. Он

вскинул на согнутый локоть парабеллум с удлиненным стволом и навел его в спину Штейнглица.

«Ну вот, только этого не хватало,— подумал Иоганн.— Влипнуть из-за того, что тут кого-нибудь ухлопают. Хотя это было бы и занятно, и до некоторой степени полезно: все-таки одной сволочью меньше». Но — увы! — он не имел права на такое удовольствие. И как ни противны были Иоганну пьяная заносчивость, высокомерная чванливость уверенного в своей безнаказанности эсэсовца, как ни отвратителен был сам Генрих, пришлось все же взять на себя роль миротворца.

— Ба! Генрих! Откуда ты свалился, черт возьми?! — воскликнул он с энтузиазмом и сделал руками такое движение, будто раскрывал объятия. Правда, при всем этом Иоганн не сумел придать лицу выражения восторга или хотя бы приветливости. Глаза его были презрительно холодны.

Генрих вздрогнул. Его пьяное злое лицо стало вдруг жалким.

— Это ты, Иоганн? — растерянно и изумленно спросил он. — Ну, знаешь, потрясен! Такая встреча... — Сияя улыбкой, обошел Лансдорфа, будто на его пути был не человек, а стул, схватил руку Вайса, притянул к себе, обнял. Торжественно объявил сопровождавшим его людям: — Господа! Рекомендую: мой лучший друг Иоганн Вайс. — Почтительно представился Ангелике, фон Зальцу, Штейнглицу и Лансдорфу: — Имею честь — Генрих Шварцкопф. — Склонил голову, щелкнул каблуками, сказал извиняющимся тоном: — Если мое поведение было неучтивым, готов наложить на себя любое взыскание.

— Герр гауптштурмфюрер, вы всегда и всюду действуете столь решительно? — осведомилась Ангелика. — Или только...

— Ради бога, простите, — пробормотал Генрих и обратился к Лансдорфу: — И вы тоже, господин Лансдорф. — Добавил значительно: — Мы с вами встречались в Берлине, у рейхсфюрера, если вы соизволите вспомнить. — Указывая глазами на Вайса, добавил: — Я тогда еще спрашивал вас о моем друге.

«Значит, Генрих не полностью оскотинился, если говорил обо мне с Лансдорфом, — подумал Иоганн. — Ну что ж, ради пользы дела надо восстанавливать отношения».

Положив руку на плечо Шварцкопфа, он сказал, улыбаясь:

— Мы с Генрихом давние приятели.

— В сущности, — любезно сказал Генрих, глядя в глаза Лансдорфу, — я ваш гость. — И спросил уже официальным тоном: — Вы получили депешу из Берлина?

— Да, — сухо ответил Лансдорф, — получил.

— Так вот, этот особоуполномоченный рейхсфюрера — я. — И Генрих еще раз поклонился, но на сей раз более сдержанно, со строгим достоинством.

— Я к вашим услугам, — сказал Лансдорф.

— Отлично! В таком случае попросим прощения у дамы. — Пожал сокрушенно плечами: — Служба. — Обернулся к Вайсу: — Тебе тоже придется покинуть приятное общество — по тем же причинам, что и нам с господином Лансдорфом.

У дверей в апартаменты Шварцкопфа, отведенные ему в этом же особняке, стояли на страже эсэсовцы.

«Оказывается, Генрих — птица высокого полета», — определил Иоганн.

В кабинете, где имелись два несгораемых шкафа штабного тыла, а на столе — несколько телефонных аппаратов, Генрих предложил Лансдорфу расположиться на огромном кожаном диване и даже заботливо придвинул к нему курительный столик.

Присаживаясь на стуле рядом с Лансдорфом, Генрих сказал, как показалось Вайсу, с коварной скромностью:

— Я, в сущности, профан в ваших делах. Поэтому не ищите в моем вопросе чего-либо иного, кроме желания почерпнуть полезные сведения у столь высокочтимого и многоопытного человека, как вы.

Лансдорф, помедлив, ответил настороженно:

— Я готов, господин гауптштурмфюрер, быть вам полезным.

— Мне — едва ли, — сказал с улыбкой Генрих. — Рейхсфюреру!

Лицо Лансдорфа вытянулось и, казалось, еще более высохло.

Одугловатая физиономия Шварцкопфа утратила выражение беспечности. Низко склоняясь к Лансдорфу, он сказал жестко и неприязненно:

— Судя по вашему донесению, в индустриальном центре противника вот уже несколько месяцев успешно действует разведывательная организация под грифом «VI». Эта организация неоднократно пополнялась разведгруппами и техникой. Возглавляет ее агент Гвоздь. Так, если я не

ошибаюсь, Гвоздь? Человек с ампутированной вами ногой.

Лансдорф молчал.

Генрих усмехнулся.

— Эта организация информировала нас о технологии изготовления новых советских танков. Сведения были весьма утешительны. Крупновские специалисты, изучив эту технологию, дали заключение, что броня советских танков подобна скорлупе орехов. Отлично! Но моторизованные части вермахта засвидетельствовали обратное. И из-за этого небольшого расхождения в оценке новых советских машин мы понесли тяжелые потери. За чей прикажете счет их отнести?

— Я полагаю, — сказал Лансдорф, опуская белые веки, — что...

— Одну минуту, — перебил Генрих, — я еще не закончил. Далее. Эта же группа произвела диверсию. Мощным взрывом был уничтожен сборочный цех. Так?

Лансдорф кивнул.

— Но, — снова улыбнулся Генрих, — наша агентура сообщила, что этот взрыв был нужен самим большевикам для закладки котлована под новый цех, который они теперь там строят. — Продолжал насмешливо: — Не правда ли, какая странная созидательная диверсия в пользу противника? Вас это не огорчает, господин Лансдорф? Смею вас заверить, рейхсфюрер был необычайно удивлен всем этим. Более удивлен, чем в том случае, если бы вам удалось наконец уничтожить завод как таковой. Рейхсфюрер просил меня осведомиться у вас, не сочтете ли вы возможным разъяснить столь загадочные события.

Лицо Лансдорфа стало серым.

Вайс, напряженно вслушиваясь в допрос, учиненный Лансдорфу — ибо то, что происходило здесь, иначе назвать было нельзя, — понимал, какой опасности подвергается вся проводимая с помощью Гвоздя операция, имитирующая работу крупной антисоветской организации в советском тылу. Он должен был сейчас же, не медля ни секунды, найти спасительный ход. Но как?

Лениво потягиваясь, с капризной интонацией в голосе Вайс спросил Шварцкопфа:

— И из-за такой ерунды ты вынудил нас покинуть общество фрейлейн Ангелики Бюхер и себя лишил удовольствия познакомиться с ней поближе? — Упрекнул: — Ты стал настоящим чиновником, Генрих.

Шварцкопф нетерпеливо дернул плечом.

— Серьезность дела настолько очевидна, что я не могу понять, как можно относиться к моему вопросу так легкомысленно.

— Но ведь ты не меня спрашиваешь. Если б ты меня спросил, я бы ответил.

— Ну! — потребовал Генрих. — Попробуй ответить.

— Но ведь все это, извини меня, до смешного просто, — поскромничал Вайс. — Большевики разработали примитивную технологию изготовления новых танков в соответствии с предполагаемой потерей рудных баз на Востоке. И не их вина, что армии вермахта не дошли до намеченных рубежей и в распоряжении большевиков по-прежнему остались рудные базы хрома, никеля, кобальта и так далее. Вот почему технология изготовления танков оказалась иной и броня их более прочной, чем мы предполагали. Но здесь вина не нашей агентуры, а, извини меня, генералитета вермахта.

Что касается диверсии, то тут все так же просто понять, как поставить яйцо на плоскости, чтобы оно не катилось. Для этого не обязательно быть Колумбом. Наши агенты взорвали сборочный цех, заложив для этой цели огромное количество взрывчатки. А большевики, утерев слезы после диверсии, сообразили, что образовавшуюся яму можно использовать под котлован; и теперь на месте старого сборочного цеха строят новый. В чем же можно упрекнуть наших агентов? В том, что они заложили слишком много взрывчатки и после диверсии образовалась впадина, которую большевики решили рационально использовать? Ну, это уж, знаешь, слишком... — Пожал плечами: — Вы просто там, в Берлине, воображаете, что наши агенты должны быть дальновиднее, чем сам фюрер.

Наши агенты, как и мы, считают, что Россия разгромлена и ее промышленность лишена сырьевых баз. Поэтому они и сообщают о том, как большевики готовятся делать танки и оружие чуть ли не из одного железа и чугуна. А вы их в Берлине за это упрекаете. Странно... — Добавил решительно: — Если агент не убежден в конечной победе великой Германии, он уже не агент. Наша первая обязанность — внушить ему эту мысль. Это одна из главных задач в работе с агентурой. Не правда ли, герр Лансдорф?

Лансдорф кивнул, на щеках его появился румянец. Но голос звучал по-прежнему нервно, когда он произнес:

— Надеюсь, гауптштурмфюреру наши разъяснения показались достаточно убедительными. — И несколько более бодрым тоном спросил: — Есть еще вопросы ко мне?

Дальнейшая беседа, в которую Вайс не считал нужным вмешиваться, носила незначительный характер и касалась деталей работы «штаба Вали».

В конце ее Лансдорф пообещал составить для Шварцкопфа донесение, в котором будут содержаться все сведения, интересующие рейхсфюрера.

— Отлично, — согласился Генрих и на прощание уже совсем дружески протянул руку Лансдорфу. Сказал с уважением: — Я очень счастлив, что мне довелось побеседовать со столь авторитетным в области разведки человеком, как вы, герр Лансдорф. — Вайса же он удержал: — Старик! Мы не можем с тобой так расстаться. — Подмигнул: — Или ты по-прежнему коньяку предпочитаешь пиво, а пиву — воду? — Провожая Лансдорфа к двери, сказал, оборачиваясь и глядя с ласковой улыбкой на Вайса: — Вы не представляете, герр Лансдорф, как я рад встретить старого друга. Но, черт возьми, скажите: и на службе в абвере он ведет себя, как святоша?

— Я самого лучшего мнения об обер-лейтенанте, — буркнул Лансдорф. — Он имеет не только самые высокие представления о нравственности, но, что, несомненно, важнее, неотступно следует им.

Когда они остались вдвоем, Генрих подошел к Иоганну, положил руки на его плечи и, жадно заглядывая в лицо, спросил недоверчиво:

— Ты действительно совсем не изменился?

— А ты? — в свою очередь спросил Иоганн, хотя отлично понимал, что глубокие перемены произошли не только во внешности Генриха Шварцкопфа.

На каждого человека воздействует великое множество разнообразнейших раздражителей. Они атакуют его чувства, его память, подстегивают мышление даже тогда, когда он пребывает в состоянии относительного покоя.

Александр Белов не должен был оставлять без внимания ни один, даже самый мельчайший, раздражитель. Специфика его деятельности была такова, что каждый незамеченный импульс мог стать упущенным сигналом грозящей опасности. Поэтому неусыпная, обостренная чувствительность, восприимчивость, нервная напряженность,

собранность всегда были его нормальным рабочим состоянием.

С ходом времени выявляя и привлекая к своей работе все новых людей, способных на длительный подвиг, Белов неведомо для них по закону конспирации сцеплял их всех в единую цепочку, каждое звено которой было замкнуто старшим.

Иными словами, он создал организацию внутри абвера. Организацию, несущую службу советской разведки в сердцевине разведки вермахта. И все соратники Белова обязательно должны были, так же как и он, быть исполнительными и дисциплинированными службистами абвера. За этой стороной их деятельности Белов наблюдал столь же неукоснительно и зорко, как и за тем, чтобы, пользуясь доверием противника, они оправдывали высокое доверие отчизны и выполняли задания нашей разведки наиболее плодотворно и четко.

Поэтому, инструктируя своих товарищей по борьбе в тылу врага, Белов давал рекомендации, казалось бы, во взаимоисключающих друг друга направлениях: как лучше выполнять службу в абвере, строго следуя тому духу и правилам, какие здесь считались образцовыми для агента, и как лучше разрушать, разоблачать все то, для чего был предназначен абвер. И не раз Белов грозно отчитывал своего сотрудника за то, что тот недостаточно старательно служит немцам. И обучал этой службе так, как, скажем, обучал своих подчиненных Штейнглиц, маститый знаток всех тонкостей тайной службы германской разведки.

Инструктируя своих подчиненных, Белов рассуждал примерно так: «Ты получил в свои руки оружие от врага. Ладно. Но не для того, чтобы от врага отбиться, — чтобы выиграть бой. Для этого надо сперва в совершенстве изучить оружие врага, затем научиться владеть им лучше, чем владеет он сам. Настоящий советский разведчик — это то же, что снайпер в засаде. Достиг рубежа, замаскировался — замри и жди, терпеливо высматривай достойную твоей пули цель. Выбрал, нажал спусковой крючок, врага выбил, но и себя выдал выстрелом. Меняй огневую позицию, маневрируй, не стесняйся, петляй, как заяц. Ты задачу выполнил — береги свою жизнь для следующей задачи».

Традиционная конспиративная цепочка, где каждое звено — организационно замкнутое кольцо и в каждом

кольце только одному ведом другой из следующего звена, в советской разведке служит, помимо всего прочего, тем же, чем служит для альпинистов связывающая их веревка, с помощью которой товарищ помогает товарищу или спасает его, если тот повиснет над бездной.

Говорят, есть конструкторы, которые отличаются способностью мысленно представлять себе, в каком взаимодействии находятся все многочисленные детали механизма при любом его рабочем положении.

Такой способностью обязательно должен обладать советский разведчик, руководящий цепочкой людей; каждый из них работает в специфических условиях, но их общие усилия сливаются в одно русло, по которому идет информация, подобно подземному роднику, пробивающему себе путь на поверхность.

Разведчик всегда должен знать, каково состояние дел его соратников по работе, что благоприятствует одним, что угрожает другим и когда надо эвакуировать третьих, тех, над которыми нависла неотвратимая опасность. А так как он принадлежит себе только на малые доли своего жизненного времени и интенсивность его собственного рабочего дела необычайна по напряженности, универсализму, разносторонности, то чуткость и интуиция столь же необходимы ему, как ученому, занятому поисками решения важной научной проблемы. Свое воображение разведчик должен держать на короткой и прочной привязи к фактам, дисциплинировать его фактами, проверять фактами. Он — исследователь.

Но, чтобы выбрать главное направление в своей исследовательской работе, разведчик должен обладать политическим талантом, коммунистической убежденностью, которая, помимо зоркости, дарует человеку дальновидность — умение в сегодняшнем прозревать будущее.

У Иоганна Вайса были теперь все основания расценивать свое положение в абвере как солидное, прочное, а созданную им внутри абвера организацию считать исключительно надежной. Он подготовил кандидатуры, которым мог хоть сейчас без колебания доверить руководство этой организацией. И теперь только ожидал соответствующих на то указаний Центра, чтобы, передав работу в «штабе Вали» в верные руки, начать новое восхождение к новым тайнохранилищам германских секретных служб.

После встречи с Вайсом Генрих Шварцкопф, должно быть, терзаясь запоздалым раскаянием — ведь, в сущно-

сти, он бросил своего приятеля в Лицманштадте на произвол судьбы, — проявлял к нему столь пламенную привязанность, что она даже стала обременять Иоганна. Генрих требовал, чтобы все свое свободное время Иоганн проводил только с ним.

Конечно, дружба с берлинским сотрудником СД, племянником гестаповского теперь уже оберфюрера СС Вилли Шварцкопфа, возвышала Вайса над его сослуживцами по абверу и могла стать мостиком для перехода к иной сфере деятельности, но в этой дружбе таилась и некоторая опасность, преодолеть которую Вайс не мог, хотя и пытался.

Дело в том, что Генрих действительно стал другим.

Заносчивость и высокомерие его легко объяснялись молниеносным продвижением по службе и правом власти над людьми, а грубость и хамство с подчиненными — принятой манерой обращения внутри служб СД, и все это Вайс мог с самообладанием и тактом отвращать от себя, не роняя своего достоинства, но пьянство Генриха было невыносимо. Напиваясь, Генрих становился распушенно и опасно откровенным, не считаясь зачастую с присутствием посторонних.

Он оказался широко осведомлен об интимных сторонах жизни правителей Третьей империи, и, когда они бывали вдвоем, Вайс с интересом слушал его и даже поощрял своим искренним удивлением провинциала. «Ведь это известно всему Берлину», — говорил Генрих.

Он с иронической усмешкой рассказывал Иоганну, что Гитлер страдает истерическими припадками. Истступленно рыдая, он катается по полу и восклицает: «Я так одинок!.. Я обречен на вечное одиночество. Но все великие люди одиноки. Наполеон тоже был одинок... И Фридрих Великий... И Иисус...»

До встречи Гитлера с Евой Браун партия пыталась женить его на богатой родственнице композитора Вагнера, а потом на вдове фабриканта роялей госпоже Бехштейн, чтобы их состояние пополнило пустующую партийную кассу. Но фюрер наедине с этими дамами держал себя безнадежно непредприимчиво или же произносил перед ними политические зажигательные речи.

Многодетная мать — госпожа Магда Геббельс пользуется особым расположением фюрера, но, к огорчению ее супруга, отношения у нее с ним чисто платонические. Она

готовит для фюрера сладкие блюда, а он ласков с ней, гладит ее, как кошку, — к большему он и не стремится. Но даже это вызвало у Геринга завистливую ненависть к Геббельсу, и тот, зная о приверженности Геринга к наркотикам, с помощью своих тайных агентов в изобилии снабжает его наркотическими средствами. Но у Геринга мощный организм, он заправляется наркотиками, как танк горючим.

Гиммлер тех, кто пытался приблизиться без его ведома к Гитлеру, раньше устранял просто: тело жертвы заталкивали в бочку, заливали цементом и бросали на дно одного из озер в окрестностях Берлина.

Между Геббельсом и Розенбергом тоже идет борьба за место поближе к фюреру. Геббельс распространил материалы о том, что будто бы Розенберг между 1917 и 1919 годами служил во французском разведывательном «втором бюро», действовавшем против немцев. Розенберг, в свою очередь, разыскал свидетелей, которые уличили Геббельса во лжи. Изображая из себя страдальца, Геббельс распространял слух, будто во время первой мировой войны при оккупации французами Рейнской области он был выпорот оккупантами. С помощью подставных лиц Розенберг разоблачил ложь Геббельса.

Когда-то Гитлер был влюблен в свою племянницу Гели, но, оказавшись неполноценным, потерпев фиаско в роли любовника, отравил ее. И теперь понуждает Еву Браун надевать одежду покойной.

На вилле Гитлера в Берхтесгадене есть кукла в натуральную человеческую величину с чертами Гели — эту куклу виртуозно сделал венский мастер, и с ней фюрер находит отдохновение, когда Ева отсутствует.

Что касается самой Евы Браун, то это — весьма робкое и глупое существо. Работала она ассистенткой личного фотографа Гитлера, который, получив монополию на распространение фотографий фюрера, стал миллионером. Ева как-то, рыдая, жаловалась своей сестре, что обрекла себя на роль весталки.

Вдова Бехштейн сейчас тоже при фюрере — в качестве ясновидящей. Дама эта явно не в своем уме. По приказанию Гиммлера, в ее комнате установлен замаскированный громкоговоритель, в микрофон которого один из агентов Гиммлера вещает замогильным голосом ее покойного супруга, и потом вдова Бехштейн пророчески передает фюреру эти слова.

У Гитлера над левым карманом кителя висит Железный крест первого класса. Но те, кто знал его в годы первой мировой войны, утверждают, что он никогда не участвовал в боевых действиях: сначала служил денщиком старшего сержанта роты Аммана, затем вестовым в офицерской столовой, а к концу войны — полковым курьером.

Его контузия — результат истерического припадка при внезапном взрыве снаряда во время отступления в обозе германской армии осенью 1918 года, и она повлияла на его зрительный нерв — фюрер подслеповат. Но очки не носит из самолюбия.

Генрих рассказывал обо всем этом с оттенком хвастливости (не каждый столь осведомлен), бездумно, будто подобная болтовня ненаказуема, и отхлебывал коньяк маленькими глотками из большой пузатой рюмки, которую согревал в ладонях.

Надирался он медленно, тщательно и целеустремленно, накачивая себя коньяком, и, стремясь во что бы то ни стало подольше удержать при себе Иоганна, развлекал его историями из быта правителей рейха. Но рассказывал он обо всем этом таким тоном, каким говорят о некоторых странностях, присущих знаменитостям, имеющим право на странности, потому что они знамениты.

Закинув ногу на ногу, Генрих говорил, что фюрер, помимо всего прочего, обладает здравым коммерческим инстинктом. В начале победоносного пути к высотам власти он хорошо заработал на продаже своей книги «Майн кампф» и вложил весь гонорар в фирму «Эггерт и К⁰». Эта фирма занималась не только издательскими делами, но и владела всеми предприятиями партии по продаже мундиров и сапог для штурмовиков и снаряжения для «гитлеровской молодежи». Каждый член партии должен был покупать на собственные деньги специальное облачение: коричневую рубашку, мундир, пояс, сапоги, а также песенники, револьвер... Даже в случае политического поражения партии у фюрера остался бы в утешение недурной капиталец.

Гитлер считает себя не только великим политиком, но и художником.

Директор Мюнхенской академии художеств, который несколько лет назад забраковал экзаменационные работы Гитлера, отзывавшись о них пренебрежительно: «...обнаруживает полное отсутствие таланта», «нет признаков не-

обходимого артистического импульса», — был казнен в Дахау.

Коллекции картин, принадлежащей фюреру, могут позавидовать американские архимиллионеры.

Специальные эксперты, зачисленные в штат гестапо, в сопровождении агентов гестапо уничтожали тех, кто имел несчастье быть обладателем хотя бы одного полотна знаменитого мастера. Поэтому можно смело сказать, что в гестапо есть люди, знающие толк в искусстве.

Гиммлер — отличный организатор. Во все жилые дома гестапо назначает «дежурных». Их обязанность — следить за каждым жильцом и представлять регулярные отчеты «дежурному по улице», который стоит во главе районного отделения гестапо. Они могут по своему усмотрению открывать отмычками квартиры и производить в них обыски. Таким образом, жизнь народа как бы на виду у руководителей рейха.

Гитлер — изумительный оратор. Его личный врач утверждает, что во время публичных выступлений с ним происходит нечто вроде припадка эпилепсии — фюрер впадает в транс.

Вследствие огромного напряжения голосовых связок в горле у фюрера образовывались опухоли, но не раковые, а доброкачественные. Хирург удалял их, и фюрер снова мог по нескольку часов подряд произносить свои речи.

Фюрер часами просиживает в одиночестве в собственном кинозале. Он обожает американские сентиментальные любовные фильмы, а также фильмы из жизни ковбоев и гангстеров. Для него поставляют и специальные порнографические картины, смотрит он их вдвоем с Магдой Геббельс, но при этом беседует с ней о чем-нибудь возвышенном, поэтичном.

Говорят, что когда он смотрел фильмы Чарли Чаплина, он громко хохотал и хлопал себя по ляжкам, но потом заявил, что это «отвратительный образчик разрушительно-го еврейского юмора». И при этом похвально отозвался о восстановлении в некоторых городах средневекового обычая выставять людей у позорного столба.

К этим обычаям и вправду сейчас вернулись.

Молодым немкам, поддерживающим знакомство с евреями, сбрасывали волосы, а потом, повесив на грудь дощечку с надписью: «Я свинья. Я запятнала свою германскую честь общением с еврейскими свиньями», — возили на особых повозках по городу.

— Кстати,— осведомился Генрих,— тебя еще не подвергали проверке при помощи агента «чисто арийского авангарда»?

Вайс ответил недоуменным взглядом.

— Это специальный разведывательный отряд партии, состоящий из блондинок, обязательно натуральных, с толстыми косами, уложенными вокруг головы. Они одеты в старопотсдамском стиле, очень скромно: высокие воротники, плотно облегающие блузки, туфли на низких каблуках и никакой косметики. Нацисты выдвинули принцип: германская женщина не нуждается в искусственных красках.

Так вот, этот отряд ариек ставит себе целью проверить максимальное число верноподданных фюрера путем установления с ними интимной близости, в процессе которой они проводят блицдопрос о политических взглядах.

— Знаешь,— сердито сказал Иоганн,— порой мне кажется, что по отношению ко мне ты взял на себя функции, подобные тем, какие выполняют эти девицы. Ну на черта ты говоришь мне всю эту ерунду?

— Но ты же правове́рный, разве может поколебать твои убеждения такая мелочь?

— Нет! — твердо ответил Иоганн.— Мои убеждения только крепнут от твоей болтовни.

— Да? — спросил, сощурился, Генрих.— Любопытно.— И лицо его приняло неприязненное выражение.

Иоганн держал себя с Генрихом очень осторожно. Терпеливо выжидал. И, проводя с ним много времени, избегал до поры затевать разговоры, касающиеся тех моментов жизни Генриха в Берлине, которые могли бы представить интерес для советской разведки.

Он сообщил в Центр о своей встрече с Генрихом Шварцкопфом. Спустя некоторое время связной доставил Зубову пакет на имя Вайса.

В этом пакете содержались материалы следствия по делу об убийстве инженера Рудольфа Шварцкопфа.

Как установили органы советской контрразведки, Рудольф Шварцкопф был убит по указанию своего брата, Вилли Шварцкопфа. Убил его Функ при соучастии Оскара Папке, который дал об этом письменные показания, когда его задержали на советской границе. Эти показания тоже содержались в полученном Вайсом пакете.

Снова и снова листая материалы следствия, Иоганн решил: очевидно, Центр направил ему эти материалы

потому, что считал возможным ознакомить с ними Генриха Шварцкопфа, если это будет целесообразно. Но пока необходимости в этом не ощущалось.

Постепенно дом Зубова стал хорошей конспиративной явкой. Бригитта Вейнтлинг безоговорочно верила всему, что говорил Зубов. А он сказал ей, что сотрудничает в одной из секретных служб и поэтому вынужден часто отлучаться из дому во имя интересов рейха. И она даже гордилась этой его таинственной новой службой. При всем том он, по-видимому, воспитывал свою «супругу» далеко не в фашистском духе, и хотя плоды такого воспитания вызывали симпатию Вайса к хозяйке дома, в гораздо большей степени его тревожили опасения, как бы Зубов не зашел слишком далеко в своих попытках перевоспитать Бригитту.

Так, Зубов посоветовал Бригитте изучать русский язык якобы для того, чтобы ей легче было объясняться с прислугой из военнопленных. Однажды Бригитта даже позволила себе упрекнуть Вайса за его слишком высокомерные и несправедливые суждения о русских, напомнив, что Советская Россия была единственной страной, выступавшей против жестокостей Версальского договора: она заключила с Германией в 1922 году Рапалльский договор, который и положил конец изоляции Германии от всего мира.

Услышав это, Вайс с изумлением уставился на Бригитту, потом с укоризной перевел взгляд на Зубова и пролепетал, что он только солдат и его дело — видеть в России врага, и ничего больше.

А Зубов, будто не заметив молчаливого упрека Вайса, похвалил свою супругу:

— Просто Бригитта не боится, как некоторые, что в случае превратности судьбы советские солдаты будут вести себя на нашей территории так же, как наши ведут себя на их территории.

— И напрасно не боится, — сердито сказал Вайс, с гневом взглянул на Зубова. — Я уверен, они начнут с того, что тебя, например, обязательно выпорют за легкомыслие.

— Никогда, — запротестовала Бригитта. — Русские не применяют телесных наказаний. Ведь правда, не применяют? — обратилась она за поддержкой к Зубову.

— Но введут их специально для вашего супруга,— сердито пообещал Вайс.

Зубов только торжествующе ухмыльнулся в ответ на эти слова.

Прощаясь, Вайс негодуя спросил Зубова:

— Ты что, обалдел? Рассчитываешь на любовь до гроба?

Зубов пожал могучими плечами.

— А что, разве она не стоит того? — И тут же энергично объявил: — Я человек дисциплинированный. Но притворяться до такой степени, будто бы я и не человек вовсе, не буду. Не умею.

— Прикажу — будешь! — пообещал Иоганн. И весьма сдержанно расстался с Зубовым.

Иоганн был недоволен Зубовым: тот вел себя неосторожно до глупости; но он не мог не признаться себе, что теперь этот славный парень, ни секунды не колебавшийся, когда надо было рискнуть жизнью ради спасения товарища, увлекающийся, но чистый и верящий в людей, стал ему еще более дорог.

Он вспомнил, как Зубов, хладнокровно выходивший на ночные операции, с горечью говорил ему:

— Мы тут, прежде чем ремонтно-артиллерийские мастерские подорвать, обследовали обстановку. Наблюдал я, как немцы-рабочие на вертикально-сверлильном станке обтачивали каналы оружейных стволов. Ну, знаешь, золотые руки! Виртуозы! Уникальные мастера! И, понимаешь, пришлось весь план диверсии заново перекраивать: рванули так, чтобы никто из людей не пострадал, — между сменами. Аккуратненько, тютелька в тютельку. И получилось. А иначе рука не поднималась. — Добавил уверенно: — Я полагаю, политически правильно рассчитали. Хотя с точки зрения подрывного дела поставили себя в трудное положение: еле ноги унесли. А Пташеку часть щеки при взрыве оторвало. Но ничего, зато свое лицо уберегли — рабочих не искалечили. А станки — в утиль. Это верно — гробанули сильно.

Генрих как-то вскользь сказал Иоганну, что встречается с Ангеликой Бюхер.

— Тебе что, она нравится?

— Нисколько. Это психопатка, мечтающая стать героиней рейха.

— Зачем же она тебе?

— Так, чтобы испортить настроение фон Зальцу. —

Заметил с насмешкой.— Этот чопорный пруссак оказался самым обыкновенным трусливым дохляком. В юности он обратился к хирургу, чтобы тот под анестезией нанес ему на лицо шрамы, и всю жизнь делает вид, будто эти шрамы — след рапиры и получил он их на дуэлях. Недавно я сказал ему, что костлявые ключицы фрейлейн Бюхер оскорбляют мои эстетические чувства. А он промолчал в ответ, словно не понял, о чем речь.

— А если бы он, не долго думая, просто пристрелил тебя за эту дерзость?

— Вот и отлично было бы,— вяло процедил Генрих.— Освободил бы от этой вонючей жизни.

Вайс подумал, что он пьян, но глаза у Генриха были как никогда трезвы, холодно пусты и безжизненно тусклы. Во время припадков уныния он обычно либо напивался до бесчувствия, либо пускался в разговоры на такие скользкие темы, что Иоганн начинал опасаться, не подвергает ли его Генрих проверке.

Вот и сейчас, пристально глядя Иоганну в глаза, Генрих спросил:

— Ты, конечно, знаком со всеми способами массового умерщвления людей? Так, может, поделишься опытом? Как коллега. Ну, не скромничай, Иоганн, не скрывай от дорогого друга своих драгоценных познаний.

— Да ну тебя к черту! — рассердился Иоганн.— Тоже нашел тему!

— А что? Весьма благородная тема для беседы двух молодых представителей великой нации будущих властителей мира. Нам ведь придется приложить еще немало усилий, чтобы достичь совершенства в этой области.— Генрих пристально глядел в лицо Вайса.— Не так давно мы начинали весьма примитивно. Помню, приезжаю я как-то в лагерь. Представь себе дождь, слякоть. Гора трупов. Их собираются сжечь на гигантском костре, разложенном в яме. Дрова сырые, горят плохо. Тогда один из приговоренных лезет в яму, зачерпывает ведром жир, натекший с других трупов, и передает ведро напарнику. Тот выливает жир на дрова, костер разгорается, и все идет отлично. И какая экономия: не надо тратить горючего! Покойники на самообслуживании — используют собственный топленый жир.

— Противно слушать,— сказал Вайс.

— А делать?

— Хоронить трупы заключенных — обязанность самих заключенных.

— А превращать их в трупы — наша обязанность? — Генрих по-прежнему не отрывал взгляда от лица Вайса.

— Война.

— В день пятидесятичетырехлетия фюрера расстреливать по пятьдесят четыре заключенных в каждом лагере — это тоже война?

— Подарок фюреру.

— Ты знаешь, как это делается?

— В общих чертах, — осторожно ответил Иоганн.

— Они ложатся рядами голые в ров, набитый теми, кого уже расстреляли, но прежде чем лечь, сами посыпают убитых негашеной известью. И так слой за слоем. И никто не молит о пощаде, не теряет разума от ужаса. Медлительно, как очень усталые люди, они выполняют приказания, иногда переговариваются вполголоса. А тех, кто их убивает, они просто не замечают, не видят. Не хотят видеть. Ты знаешь, как это страшно?

— Кому?

— Тем, кто убивает. Нам страшно. Нам!

— Ты что, непосредственно участвовал в казнях?

— Нет.

— Так зачем столько переживаний, Генрих? Или ты считаешь расстрелы старомодными? Так есть газовые камеры. Кстати, ты знаешь, концерн «ИГ-Фарбениндустри» за каждого заключенного, работающего на его предприятиях, платит службе СС по три марки, а служба СС платит «Фарбен» по триста марок за килограмм газа «циклон Б». Этот газ бросают в банках через дымоход в помещение, куда сгоняют заключенных, подлежащих уничтожению. Вот где образец истинного содружества промышленности и наших высших целей!

Делая вид, что ему наскучил этот разговор, Иоганн лениво потянулся и сказал:

— Чем больше обогащаются Круппы, Тиссенсы, Стиннесы, тем сильнее упрочается нация, ее экономическое могущество, и если мы даем «Фарбен» возможность заработать, то этим мы патриотически укрепляем мощь рейха. Это азбучная истина.

— Ты так думаешь?

— Для тех, кто думает иначе, «Фарбен» изготавливает «циклон Б».

— Однако ты здорово насобачился мыслить как подлинный наци.

— Скажем несколько иначе: рассуждать... — поправил Вайс.

— Значит, ты не хочешь быть со мной откровенным?

— Выходит, ты молол все это для того, чтобы вызвать меня на откровенность? — Вайс усмехнулся и строго напомнил: — Учти, я приобрел кое-какой опыт и, когда работаю с агентурой, сам осуждаю некоторые стороны нашей идеологии. Это помогает, так сказать, расслабить объект, вызвать его доверие, толкнуть на откровенность. Прием грубый, элементарный, но плодотворный.

— Так ты считаешь меня...

— Не горячись... — Иоганн положил руку на плечо Генриха, понуждая его снова сесть. — Я считаю, что ты, как и я, знаешь свое дело, и, возможно, даже лучше, чем я. Разве я не могу высказать тебе свое искреннее профессиональное уважение?

Генрих так долго молча, напряженно и пытливо смотрел на Вайса, что тому стало не по себе от его жадно ищущего взгляда. Наконец он медленно, словно с трудом находя слова, произнес, все так же не отводя глаз от лица Вайса:

— Вначале я думал, что ты только хитришь со мной, что ты стал совсем другим — таким, как все здесь. Но сейчас я убедился в обратном. Это ты здорово дал мне понять, какая я сволочь.

— Ну что ты! Как я мог! — запротестовал Иоганн.

— Однако ты смог, — торжествующе заявил Генрих. — Смог, когда так иронически сказал о профессиональном уважении ко мне. Это было сказано иронически, и я понял, что ты не такой, как другие.

— Уверяю тебя, ты ошибаешься, — механически произнес Иоганн.

Он был зол на себя. Выходит, он не сумел скрыть свои мысли, выдал их, если не словами, то интонацией. Негодуя на себя, он воскликнул горячо:

— Ты напрасно столь подозрительно относишься ко мне, Генрих! Я не ожидал. — Предложил настойчиво: — Прошу тебя, если ты сочтешь возможным и в дальнейшем считать меня своим приятелем, наведи обо мне справки в гестапо. Так будет проще. И, кроме всего прочего, это освободит тебя от естественной необходимости лично проверять мой образ мыслей.

Иоганн говорил деловым, но дружеским тоном, заботливо, доброжелательно, с мягкой улыбкой.

Однако его просьба вызвала на лице Генриха только выражение брезгливости. Глаза его снова стали тусклыми, сжатые губы побелели, одна бровь высоко поднялась, как от приступа головной боли.

Такая реакция обрадовала Иоганна, но он ничем не выдал своих чувств и, тайно наслаждаясь мучительными переживаниями Генриха, как счастливой, драгоценной находкой, продолжал тем же искательным, фальшиво-задушевым тоном:

— Ты должен правильно понять меня, Генрих. Почему я так горжусь тобой? Ты был первым настоящим наци в моей жизни, образцом для меня. Еще в Риге ты, как подлинный ариец, сумел стать выше своего отца, дружившего с профессором Гольдблатом, и проучил этого еврея вместе с его дочерью, открыто выказывая им свое презрение. А ведь я в то время позволял себе считать их не только полноценными людьми, но даже привлекательными и благородными, и завидовал тебе, потому что Берта мне нравилась. Ты помнишь Берту? Я тогда думал, она красавица.

— А теперь она кажется тебе безобразной?

— Конечно! — поспешно согласился Иоганн. — В лагерях этот материал выглядит весьма неприглядно. Пожалуй, там бы я не узнал ее. Кстати, ты знаешь, какие меры воздействия практикует штандартенфюрер Лихтенбергер в рижских концлагерях? Провинившегося закапывают в землю по самую шею, а потом заставляют заключенных оправляться на его голову. — Заметив, что лицо Генриха внезапно стало серым, добавил осуждающе: — Но я лично противник подобных излишеств. Другое дело, когда заключенных закапывают там голыми в снег: наблюдения над результатами этого переохлаждения принесли пользу при лечении наших солдат, обмороженных на Восточном фронте. В Дахау, например, гауптштурмфюрер СС доктор Рашер весьма успешно проводит опыты с переохлаждением. Недавно он указал, что отогревание сильно охлажденных людей животным теплом может быть рекомендовано только в тех случаях, когда в распоряжении не окажется других способов отогревания или когда речь идет о слабых индивидуумах, которые плохо переносят массивную подачу тепла. В качестве примера он привел опыты с переохлаждением грудных детей. Оказывается, они лучше всего

отогреваются у тела матери, если добавить еще бутылки с горячей водой. — Предложил услужливо: — Я могу показать тебе копию докладной доктора Рашера. Там ты найдешь много любопытного.

На сером лице Генриха глаза блестели холодно и жестоко. Сжав кулаки, он весь подался к Вайсу, глядя на него с ненавистью. Но Вайс, будто не замечая этого, продолжал тем же деловым тоном, только уже с некоторым оттенком печали:

— Ты, наверно, знаешь, что, заботясь о превратностях войны, руководство СС дало указание испытывать на заключенных сильнодействующие яды. На случай, если нам самим придется воспользоваться этими ампулами. Весьма дальновидное мероприятие! Опытами руководит доктор Шуллер, а проводятся они обычно в присутствии лагерного руководителя СС Тоберта, штурмбанфюрера СС доктора Конрада Моргена и гауптштурмфюрера СС доктора Венера. Все они стоят за занавеской и через отверстие в ней наблюдают, как действуют на русских военнопленных ядовитые вещества — их вводят вместе с супом. Ну, и конечно, ведут хронометраж. — После небольшой паузы, осведомился: — Ты был в Освенциме? — И продолжал, не ожидая ответа: — Пока там не построили муфельные печи для крематория, районы, прилегающие к лагерю, превратились в сплошные гниющие болота. Зловоние стояло невыносимое. Трупы засыпали небольшим слоем земли, и поэтому почва там стала подобна трясине. — Произнес с улыбкой: — Конечно, в таких условиях службе СС не позавидуешь. Но вместе с тем просто возмутительно, что уполномоченный рейхсфюрера, занимавшийся перевозкой ценностей из Освенцима, похитил сорок килограммов золотых зубов и скрылся. И, представь, его до сих пор не могут найти. Такие типы позорят мундир СС! — заявил Вайс с негодованием. И озабоченно добавил: — После того как в Галиции ликвидировали гетто, служба СС предъявила еврейской общине счет на три тысячи сто злотых за израсходованные патроны и потребовала немедленно оплатить его. Эти ретивые служаки, руководствуясь чувством бережливости, проявляют неустанную заботу о государственных доходах рейха. Надзиратель лагеря Заксенхаузен Вильгельм Шуберт, например, прибегает к самостоятельному способу казни заключенных. Он дает приговоренному веревку, гвоздь, молоток, запирает его в сторожке и приказывает собственноручно там повеситься. В противном

случае заключенному угрожает экзекуция весьма своеобразная: он сам вкапывает в землю столб, а затем его вздергивают на этот столб за связанные на спине руки, и он висит на вывернутых руках до тех пор, пока не предпочтет более эффективного способа повешения. Таким образом, заключенные казнят себя как бы почти добровольно. Подобные самоубийства весьма популярны и в других лагерях.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — хрипло спросил Генрих.

— Извини, — сказал Вайс, — очевидно, в моей болтовне для тебя нет ничего нового. Но ты офицер СС, и я просто хотел сказать, что понимаю, в каких условиях вам приходится работать. По сравнению с вами абвер — кустарная мастерская. И, в сущности, мы очень обязаны вам. После вашей обработки наши агенты выглядят вполне надежно. И мы вам очень признательны... И я хочу и тебе, как офицеру СС, выразить свою служебную признательность.

— Значит, ты считаешь меня таким, как все те, о ком ты сейчас говорил?

— Видишь ли, — уклончиво ответил Вайс, доставая из кармана записную книжку, — рейхсфюрер Гиммлер указывал нам в своей речи в Познани... — И прочел: — «Подыхают ли другие народы с голоду, это интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны нам как рабы для нашей культуры... Большинство из вас знает, что такое сто трупов, лежащих рядом, или пятьсот, или тысяча лежащих трупов. Выдержать это до конца и при этом, за исключением отдельных случаев проявления человеческой слабости, остаться порядочными людьми — вот что закаляло нас. Это славная страница нашей истории, которая не написана и которая никогда не будет написана».

Вайс закрыл книжку, снова положил ее в карман кителя, чуть заметно усмехнулся, спросил:

— Не правда ли, эти слова точно объясняют нашу миссию? И те, к кому они относятся, я уверен, заслужат честь быть отмеченными на страницах истории. И я полагаю, что фамилия Шварцкопф займет там свое место.

— Какого Шварцкопфа ты имеешь в виду? — яростно вскинулся Генрих.

— Обоих — и Вилли и Генриха, — сдержанно пояснил Вайс. Осведомился: — Я надеюсь, твой дядя вполне дово-

лен тобой и давно простил тебе твое юношеское увлечение Бертой? Или ты скрыл это от него? — И, не давая Генриху ответить, поспешно посоветовал дружеским тоном: — Я бы на твоём месте все-таки посетил женский концлагерь в Равенсбрюке. Возможно, Берта там. Любопытно, как она теперь выглядит. Правда, на молодых еврейках обычно производят медицинские опыты — пересадки костей, заражения, экспериментальные хирургические операции, прививки. После этого из них выдавливают кровь для приготовления вакцин. Оставшихся в живых стерилизуют и затем проверяют результаты стерилизации в домах терпимости, устроенных в лагерях для иностранных рабочих. Так что едва ли от нее что-нибудь осталось, от прежней Берты. И, пожалуй, не стоит тебе тратить на это время. Хотя было бы эффектно, если бы она увидела тебя такого, какой ты сейчас есть, а ты ее — такой, какой она стала. Я думаю, ты был бы вознагражден. Ведь в свое время она относилась к тебе несколько пренебрежительно...

Удар по щеке на мгновение ошеломил Вайса. Рука его непроизвольно легла на кобуру пистолета, но он быстро овладел собой. Улыбнулся. Улыбнулся без всякого внутреннего усилия, ибо он хотел, чтобы Генрих каким-либо образом отреагировал на его слова, всем сердцем, волей, разумом стремился к этому, ждал этого, надеясь, что не все еще потеряно. И какой бы ценой ему ни пришлось заплатить за свое открытие, он шел к цели упорно, методично, расчетливо, правда не предполагая, что именно пощечиной увенчается его поиск. Пожалуй, можно было не прибегать к такой крайности, чтобы заставить Генриха раскрыть то человеческое, что в нем еще сохранилось. И все же это в конце концов не промах, а удача. И теперь нужно только подумать, как правильно ею воспользоваться.

Глядя Генриху в глаза, Иоганн сказал официальным тоном:

— Господин Шварцкопф, вы оскорбили меня как офицера. Вы, конечно, понимаете, что такое честь мундира и как ее защищают?

— Ты хочешь стреляться со мной? — насмешливо спросил Генрих. — Пожалуйста!

— Еще что! — сказал Вайс. — Я не желаю, чтобы меня судили военным судом.

— Так что тебе угодно?

— Ты хорошо играл в шахматы, — задумчиво сказал

Вайс. — Если не разучился, может, согласишься сыграть со мной?

— Зачем?

— Проигравший расплатится жизнью. Способ — по собственному усмотрению. Только и всего.

— Я согласен, — не колеблясь, объявил Генрих.

— Отлично! — с наигранной горячностью воскликнул Вайс.

— Ты что, думаешь, за шахматами мы помиримся? — подозрительно посмотрел на Вайса Генрих.

— Нет! — решительно отрезал Вайс. — Ни в коем случае. Но только, знаешь, давай до турнира забудем о том, что произошло сейчас между нами. Попробуем быть волевыми парнями, а? Мне это будет труднее сделать, чем тебе. Но я постараюсь на время забыть об оскорблении.

— Надолго?

— Завтра вечером будем играть.

— Почему не сегодня?

— Если ты настаиваешь...

— Хорошо, до завтра, — сухо сказал Генрих и тут же гневно добавил: — Но помни: если ты собираешься простить мне пощечину, то я не собираюсь прощать тебе твои слова! Итак, до завтра.

И Генрих хотел встать. Но Вайс движением руки удержал его.

— А почему нам не побыть сейчас вместе? Ты что, боишься меня?

— Вот еще! — пренебрежительно отозвался Генрих. — Это ты трусил, не застрелил меня сразу же, на месте.

— Так же, как трусил ты и не застрелил меня, — огрызнулся Вайс. — А теперь боишься, что, побыв со мной, размякнешь и будешь просить прощения.

— Никогда! — решительно сказал Генрих.

— Ну, тогда давай выпьем, — предложил Вайс, — и поговорим просто так, о чем-нибудь другом. За шахматами нам придется молчать, а потом один из нас умолкнет навечно.

— Скорее всего, ты.

— Допустим, — примирительно согласился Вайс. Спросил: — Так как же ты жил в Берлине?

Генрих неохотно начал было рассказывать о своей службе под началом Вилли Шварцкопфа, но вскоре сбился и сказал — рот его нервно кривился:

— Знаешь, либо ты притворяешься, либо у тебя же-

лезные нервы. Я не могу с тобой разговаривать после всего, что произошло. — Встал. — Так, значит, до встречи. У меня в номере завтра вечером. Тебя это устраивает?

— Вполне, — сказал Вайс. И ушел, не простившись.

Иоганна мало беспокоил исход шахматной дуэли с Генрихом. Во всяком случае, проигрыша он не опасался, так как рассчитывал не только на свое самообладание, но и на свое несомненное превосходство над Генрихом в этой игре. Тревожило другое: вдруг Генрих проявит слабодушие и попросту скроется, уедет или, еще хуже, пользуясь своим положением, предпримет такие шаги, после которых Вайс окажется в скверном положении человека, обвиненного офицером СС в чем угодно...

Но подозревать Генриха в подобной подлости пока как будто оснований не было. Напротив, его запальчивость и его горячность никак не вязались с коварством. Но если Генрих вполне серьезно принял вызов, он не откажется от дуэли. Если же от нее откажется Вайс, то у Генриха будут все основания считать его трусом и с презрением отвернуться от него навсегда.

Это значит потерять Генриха. И потерять именно тогда, когда удалось обнаружить в нем ту частицу человечности, которая, быть может, таит в себе нечто такое, что окажется нужным, полезным Вайсу, его делу.

Припоминая, восстанавливая в памяти все оттенки переживаний, которые он улавливал на лице Генриха, когда рассуждал о лагерной инквизиции, Иоганн приходил к мысли, что эти рассуждения могли внушить Генриху ненависть к нему, к Вайсу, как к человеку, полностью разделяющему нацистские методы. И тогда Генрих может воспользоваться вызовом и безжалостно убить Вайса, как поступил бы и Вайс на его месте, представься ему столь удобная возможность. Если это так, значит, Вайс переиграл и жизнь его в опасности. Ведь каждый из них, прежде чем сесть за шахматную доску, передаст другому записку: «В моей смерти прошу никого не винить». Получив от Вайса такую записку, Генрих, не дожидаясь конца игры и даже вовсе ее не начиная, может попросту влить ему пулю в лоб. И поступит правильно, если он такой, каким сегодня показался Иоганну. Конечно, это замечательно, если Генрих такой. Это здорово, если он такой. Тогда он бесценный человек для того дела, которому служит Вайс.

Но в этом случае Вайс подвергается опасности. И надо найти способ избежать этой опасности.

А что, если Генрих просто разыграл Вайса, чтобы проверить его? Талантливо разыграл, как контрразведчик СС, великолепно усвоивший все, чему обучал его Вилли Шварцкопф, матерый эсэсовец, специалист по душевным обыскам не только в застенках гестапо — у каждого своего закадычного друга он обшаривает душу. Что тогда? Конечно, можно действовать напрямую. Прийти к Генриху и положить перед ним на стол материалы следствия по делу об убийстве Рудольфа Шварцкопфа, совершенном Функом по указанию Вилли Шварцкопфа. И сразу станет ясно, с кем пойдет Генрих.

Но тогда Иоганн должен раскрыть себя перед Генрихом. И если Генрих уклонится от выбора своей судьбы, от решения, за кем идти, Иоганн вынужден будет убить его.

Ничего другого, как убить Генриха, тогда не остается. Лучше всего, пожалуй, поступить так: после того как Иоганн обезопасит себя, получив записку Генриха с просьбой никого не винить в его смерти, надо будет ознакомить его с материалом следствия. Если Генрих простит Вилли Шварцкопфу убийство отца, — за одно это следует уничтожить его как подлеца, негодяя.

Не исключено и иное: ошеломленный показаниями Функа, в смятении, Генрих отречется от своего дяди, от всех гестаповцев, вместе взятых, и, движимый одним только отчаянием, согласится помогать Вайсу. Но отчаяние — неустойчивое чувство. Оно может пройти так же быстро, как быстро возникло. А потом придут другие чувства, другие мысли — все то, что питало Генриха в фашистской Германии, — и они вытеснят отчаяние, коварно подскажут способы избавиться от тягостной скорби об отце. Все может быть.

Устойчива только убежденность. Но она не озаряет человека внезапно, не приходит как некое молниеносное просветление. И нельзя рассчитывать, что, ознакомившись с материалами Функа, Генрих сразу же переменит свои убеждения.

Да Иоганну и не нужен Генрих ошеломленный, растерянный, в горестном отчаянии готовый на все. Ему нужен Генрих, убежденный, что в гибели его отца виноват не один Вилли Шварцкопф. Не только он подлый братоубийца. Главный убийца — гитлеровская Германия, планомерно уничтожающая другие народы и понуждающая к само-

убийству свой народ, заставив его творить чудовищные злодеяния.

И когда Генрих поймет это, он придет к убеждению, что единственно правильный для него путь — стать на сторону советского народа, чтобы помочь избавить немецкий народ от гибели, от уничтожения.

Но как внушить все это Генриху, как проверить, тот ли он немец, который способен понять Иоганна и принять решение бороться за ту Германию, что сама первой стала жертвой фашистского террора?

В последнее время Дитрих с группой специально выделенных лиц занимался расследованием по делу о пяти немецких военнослужащих, отказавшихся принять участие в расстреле заложников.

Все они были приговорены к казни. И казнь должна была совершиться ночью в Варшавской армейской тюрьме, где специально для этого соорудили гильотину. Но конструкция ее оказалась недостаточно совершенной, и поэтому решено было прибегнуть к примитивному способу, использовав в качестве орудия казни топор мясника. Осужденным объявили, что для тех из них, кто пожелает взять на себя роль палача, казнь будет заменена отправкой на фронт, в штрафные штурмовые подразделения. Но ни один из приговоренных не согласился стать палачом.

Тогда Дитрих решил, что в таком случае честь уничтожить изменников рейха будет предоставлена офицерам абвера, имена которых он назовет перед самой казнью. Кстати, это послужит и проверкой устойчивости некоторых офицеров, проявивших недостаточную активность при допросах преступников. В связи со всем этим Дитрих и задержался в Варшаве.

Ландорф одобрил идею Дитриха, он вызвал его к себе и, коротко сообщив ему, что в Варшаву прибыл Генрих Шварцкопф, племянник оберштурмбанфюрера СС Вилли Шварцкопфа, сказал, что было бы весьма целесообразно обеспечить его присутствие при казни военных преступников и даже участие в ней.

Как бы снизойдя, объяснил:

— Это даст вам при случае возможность с лучшей стороны рекомендоваться оберштурмбанфюреру через его племянника. Кроме того, оберштурмбанфюреру будет приятно, если его родственник продемонстрирует в генерал-

губернаторстве, что он достоин своего дяди — ближайшего сподвижника рейхсфюрера.

Дитриха весьма обрадовала перспектива знакомства с такой крупной персоной. И он даже излишне бурно поблагодарил своего начальника за эту весьма ценную рекомендацию.

Но Лансдорф сразу же прервал его излияния, решительно потребовав, чтобы Генрих Шварцкопф ни в коем случае не узнал заранее, для чего его приглашают в тюрьму. Ведь в противном случае он прибудет на казнь в сопровождении двух эсэсовцев, и те могут оттереть Дитриха от командования всей процедурой. Нужно найти для приглашения какой-либо служебный повод, касающийся только самого Генриха Шварцкопфа.

— Вы совершенно правы, — согласился Дитрих. — Эсэсовцы — наглецы: полагают, что только они одни умеют достойно раздельваться с предателями. Как бы этот родственник высокопоставленного эсэсовца не стал первым хвататься за ручку орудия закона. Приоритет должен остаться за старшим по званию.

— Ну, это вы ему сами там объясните. — И Лансдорф добавил насмешливо: — Я полагаю, что уж вас-то, как организатора, он оттеснить не посмеет, отдаст вам дань уважения.

— Ну что вы, герр Лансдорф! — тревожно запротестовал Дитрих. — Я и не собираюсь воспользоваться своим правом. Одно дело — допросы с применением различных методов, а другое — казнь. Вы же меня знаете. Я еще никого не лишил жизни. Это моя слабость. Применять болевые средства как способ достижения цели — долг службы. А финальные действия... — Дитрих замотал головой. — На это я не способен. Я чувствителен, как женщина. — И тут же деловым тоном пообещал: — Значит, все будет сделано так, как вы рекомендовали.

Гитлер, провозглашая: «Война облагораживает немцев и деморализует другие народы», — не был новатором. Этот бодрящий клич он выкрал из словесного арсенала кайзеровских мясников времен первой мировой войны. Чрезвычайно нервный, восприимчивый, он тонко уловил тайные мечты магнатов Рура и Рейна, уже в период Веймарской республики жаждавших видеть во главе Германии сильную личность — деспота, тирана, диктатора, ибо, как они счита-

ли, только голая, абсолютная власть производит магическое впечатление.

Неврастеник, гордившийся приступами эпилепсии, будто особой метой, Гитлер вызубрил Ницше, как домашняя хозяйка поваренную книгу, и с пылом изображал из себя сильную личность.

Это был невзрачный человек, с мясистым носом, торчащими, как крылья у летучей мыши, большими мягкими ушами, гнилыми, почерневшими зубами, которые вечно болели, с жирной, прыщеватой кожей, узкими плечами, осыпанными перхотью, и синими, цвета протухшего мяса глазами. Руки его постоянно металась в произвольных движениях, — он наивно хвастался, что ни один из наци не способен так неподвижно держать по несколько часов правую руку в фашистском приветствии, как держит ее он, Гитлер. Обыкновенный австрийский мещанин по своим вкусам и склонностям, он был наделен коварством, неведомым даже хищному животному. В области всевозможных подлостей он был знатоком и умел орудовать, как никто другой. Именно беспрдельность этой низости и привлекла к Гитлеру благожелательное внимание истинных владык Германии.

В политике он отличался расчетливым плутовством бакалейщика, сбывающего скверный, лежалый товар. В начале пути он оправдывался перед промышленниками Германии в пугающем их наименовании своей партии — «национал-социалистская», ссылаясь на Освальда Шпенглера. Утешал: «Прусский социализм исключает личную свободу и политическую демократию». Его штурмовики подтверждали программное заверение своего фюрера погромами, террором, зверствами. И создали этими «подвигами» кровавый ореол Гитлеру, как вполне приемлемой кандидатуре тирана, диктатора, деспота.

А он вел тайный бухгалтерский учет убийств, погромов, искалеченных, готовясь предъявить счет финансовым властям в надежде, что они оплатят этот счет, предоставив ему официальную должность главы Германии. Но не забывал и о своих соратниках, причастных к преступлениям: тщательно заносил в свою бухгалтерскую книгу каждого, чтобы держать всех на короткой привязи и в случае провала предать их, прежде чем они успеют предать его.

Так в начале своего пути поступал он с главарями банд штурмовиков.

Став главой Третьей империи, он придерживался тех же способов управления, с той только разницей, что применял их с неизмеримо большим размахом. Теперь он стремился сделать соучастником преступлений фашизма весь немецкий народ, замарать его кровью, чтобы каждый немец нес ответственность за злодеяния наци. Тактика истребления других народов являлась не только военно-политической целью Гитлера. Она отвечала его коварному намерению держать немецкий народ в страхе перед возмездием за преступные деяния фашизма.

И чем больше людей уничтожалось в лагерях и на оккупированной территории, тем реже нападали на фюрера приступы меланхолии, тоски, страха, тем лучше, бодрее он себя чувствовал. Ведь масштабы этой бойни вовлекали в нее все новых и новых немцев, а фюрер жаждал сделать ответчиком за преступления фашизма перед человечеством всю Германию. И то, что крупнейшие немецкие концерны изготавливали средства массового умерщвления людей, навечно породнило фюрера с величайшими магнатами рейха, связало с ними надежной, нерасторжимой круговой порукой. Он хорошо понимал, что даже на скамьях имперского стадиона не разместить в качестве подсудимых всех тех, кто виновен в чудовищных преступлениях почти в такой же степени, как и он сам. Это сознание умиляло и бодрило фюрера. И, восхищаясь собой, он хитроумно укреплял свою власть над ближайшими сподвижниками: каждому в отдельности сообщал о подлостях, которые совершали по отношению друг к другу остальные, стремясь в результате этого соперничества занять место поближе к нему, к фюреру.

Гитлер знал: каждый из них считал себя ничем не хуже, а кое в чем даже половчее его. Но все они настолько ненавидели друг друга, что можно было быть уверенным: они не станут объединяться, чтобы вырвать у него власть.

Материалы, компрометирующие высокопоставленных деятелей рейха, имели рыночную цену, и чем омерзительнее были эти материалы, тем выше была их цена. Ими торговали или же обменивались между собой гитлеровские разведывательные службы.

Для руководителей разведывательных служб такие материалы служили оружием в междоусобной борьбе за власть: любой из них жаждал стать вторым после фюрера лицом в рейхе.

Вайс узнал от Дитриха о его разговоре с Лансдорфом после своей ссоры с Генрихом, и его охватила томительная тревога. Ведь если Генрих, присутствуя на казни, проявит хоть какие-либо признаки малодушия, Лансдорф не замедлит этим воспользоваться.

Вайсу было известно, что Гиммлер недоволен деятельностью Канариса, а Вилли Шварцкопф — приближенный к Гиммлеру человек. И, возможно, Генрих прибыл в генерал-губернаторство с каким-то секретным поручением, касающимся не только расследования неудач «штаба Вали».

И не случайно Лансдорф, узнав, что Вайс находится в приятельских отношениях с Генрихом, поручил ему выведать истинные цели его приезда.

Гитлеровскую механику проверки каждого наци на преданность Иоганн раскусил уже давно и знал, что тот, кто уклонится от соучастия в убийстве, будет считаться изменником. Лансдорф стремился скомпрометировать родственника близкого Гиммлеру человека, чтобы отомстить за происки против Канариса.

Иоганн отдавал себе отчет в том, что Генрих, проявив человечность, погубит себя. Надо во что бы то ни стало спасти его. Самое правильное, пожалуй, — сделать так, чтобы Генрих не имел возможности попасть в тюрьму во время казни.

Лансдорф заметил как-то, что если рейхсфюрер прикажет проверить причины передислокации «штаба Вали», то лучшим доказательством послужило бы нападение польских партизан на уполномоченных рейхсфюрера где-нибудь в районе бывшего расположения «штаба». Лансдорф припомнил и рассказал шутливым тоном, как еще в первую мировую войну полковник Вальтер Николаи организовал с помощью своих агентов хищение документов в немецком генеральном штабе, а уже через сутки блистательно «разыскал» эти документы у «французских шпионов». Само собой разумеется, что французы были «убиты на месте при попытке к сопротивлению». Всем этим Николаи сразу же снискал особое расположение кайзера, что в конечном итоге благотворно повлияло на немецкое общество, возвысив в его глазах благородную роль германской разведки.

Восстанавливая в памяти эти слова Лансдорфа, Иоганн вспомнил и другой разговор, уже с Дитрихом. Когда он сказал, что напрасно Генрих Шварцкопф, подвергая себя

опасности, один, без охраны, ходит в эсэсовском мундире по Варшаве, Дитрих ответил, пожав плечами:

— Ну и что ж? Если поляки его ухлопают, рейхсфюрер Гиммлер лишний раз удостоверится, в каких трудных условиях приходилось здесь работать нашему «штабу Вали». Ведь Гиммлер был обязан очистить все близлежащие районы от поляков, но так и не очистил, хотя в Польше наибольшее количество концлагерей уничтожения и они способны переработать население любого европейского государства.

Все это натолкнуло Иоганна на любопытную мысль: в голове у него родился план, который он решил осуществить с помощью Зубова. Если задуманное удастся, они сумеют уберечь Генриха от опасностей, грозящих ему здесь со всех сторон.

Встретились они с Зубовым, как обычно, на набережной Вислы, возле пустующей брандвахты.

Выслушав Вайса, Зубов сказал ворчливо:

— Ладно уж, но только, извини, канительная это будет штука. Твоего Шварцкопфа повреждать нельзя, а он нас может. Необоюдно как-то получается.

Иоганн огрызнулся:

— Если бы всегда и все было обоюдно, тебя бы давно в живых не было.

— Я сам удивляюсь, что живой, — согласился Зубов. — Но только почему это у меня получается? А потому, что задача всегда ясная: или мы их, или они нас. Ну, и воодушевляюсь. А тут... Он тебя может, а ты его нет. Ну разве не обидно?

— Ты не согласен?

— Что значит «не согласен», если приказываешь!..

— Не приказываю — прошу, как о личном одолжении.

— Ну? — удивился Зубов. — Это уже что-то новенькое. Но только не люблю я такую демократию. Может, все-таки прикажешь, а?

— Не имею права, — уныло сказал Вайс. — Могу только просить, как о дружеском одолжении.

— Значит, того и гляди, ты мне потом таким же манером какого-нибудь фрица в порядке сюрприза на дом доставишь? — рассмеялся Зубов, но тут же отбросил шутливый тон и стал деловито советовать, в какой обстановке лучше всего совершить похищение Генриха Шварцкопфа.

И когда все было оговорено, Иоганн из чувства призна-

тельности стал дружески расспрашивать Зубова о его семейной жизни.

Зубов сказал печально:

— Ничего хорошего не получается. Бригитта — женщина милая, добрая, а я ей только беспокойство причиняю. После налета на тюрьму прибыл домой перевязанный, скрывал, что ранен. А утром она увидела, что простыни подо мной в крови, — ну и в обморок. Я — за врачом. Привели в чувство. В суматохе забыл, что сам в медицине нуждаюсь. Отпустил врача, а она в слезы. Любит она меня, понимаешь? Жаль ее будет, если меня убьют. Вот что.

— Выходит, и ты ее любишь?

— А как же? Одинокая она была в жизни. А со мной говорит откровенно и обо всем доверчиво, будто я ей родной, а не просто фиктивный муж.

— Почему же фиктивный, если любишь?

— Конечно, я ей кое-что правильно внушаю, вижу — растет.

— Ты смотри, полегче! — встревожился Иоганн.

— Самый моральный минимум, в пионерском масштабе, — успокоил Зубов. — Я тактично. Не из тех, кто цветок дергает, чтобы он быстрее рос. — Заметил ехидно: — Мне, конечно, далеко до тебя: перевоспитать эсэсовца — это ты отчудил действительно по первому разряду. Если он тобэй сам персонально в гестапо не займется.

Иоганн развел руками.

— Дело, как ты сказал, не обоюдное.

— Вот именно! Ты его в человека превратить хочешь, а он тебя на мясо.

— Ладно, — сказал Иоганн. — Значит, договорились?

— Выходит, так, — невесело согласился Зубов. Вздыхнул. — Опять я дам Бригитте повод для ревности. Обещал вечером мирно пойти с ней в гости к высокопоставленным фашистам. И, выходит, обманул. Снова смоюсь на всю ночь. А она в таких случаях спать не ложится, ходит, курит, после от головной боли страдает. И допрашивает про баб. А какие бабы, когда я теперь женатый! Не понимает она нашей морали. Хотя, что ж, правильно, что бдительность соблюдает. Среди женщин здесь огромная распущенность. Пришел, понимаешь, с ней первый раз в один, думал, порядочный дом. Хозяйка повела меня картины показывать и так нахально пристала, что даже неловко.

Ну, я, чтобы антагонизма не вызывать, объяснил ей, что на фронте был контужен. Семейство важное, не хотелось терять контакта. Супруг — чиновник из управления экономики и вооружений ОКВ. Занимается делами захвата, сбора и охраны экономических запасов на оккупированных территориях. — Похвастался: — Я теперь прославился как фотограф-любитель. Всем знакомым их карточки дарю. Ну, попутно в кабинете у этого чиновника кое-какие документы на пленку отщелкал. Потом в тайник сложил для отправки в Центр. Полагаю, нам потом для предъявления иска пригодятся.

— А ты растешь, — похвалил Вайс.

— Квалифицируюсь, — согласился Зубов. — Пистолетом не всегда пощелкать можно с такой пользой, как «лейкой». Это я понял!

— Хороший ты парень, Зубов, — сказал Иоганн.

— Обыкновенный. Только что действую в оригинальной обстановке. А так — что ж... Терять свое основное лицо я, как и ты, не имею права.

— Это верно, — согласился Иоганн, — лицо свое мы должны беречь больше, чем жизнь. Человек без лица хуже покойника.

— Покойников я вообще не люблю, — сказал Зубов. — И стать покойником вовсе не желаю, хотя, возможно, и придется...

— Ну что за глупости!

— Верно. Что может быть глупее мертвеца? Разве только ты сам, когда помрешь. Это я согласен. Обязан выжить, хотя бы из-за одной такой отвратной мысли о себе. И я, конечно, стараюсь.

— Вот сегодня и постараюсь.

— Идет, — согласился Зубов. И пообещал: — Будь уверен, пока жив, не помру. Это точно.

И они расстались. Один пошел налево, вдоль набережной, другой — направо. Серая глянцевиная Висла текла в плоских берегах, медленно и тяжело волоча свое зыбкое голое тело, зябнущее на ветру и дрожащее, как от озноба, мелкими, частыми волнами.

Набережная была пустынной.

Казалось, варшавяне покинули свою реку, у берегов которой, будто цепные псы на привязи, стояли немецкие бронекатера с торчащими из приплюснутых башен стволами спаренных пулеметов.

Шагая по истоптанным плитам набережной, Иоганн размышлял, правильно ли он действует в отношении Генриха. На первый взгляд все казалось логичным, оправданным сложными обстоятельствами и конечной целью. Надо спасти Генриха сейчас ради того, чтобы обратить его на свою сторону. И все же, обстоятельно анализируя задуманную им операцию, Иоганн склонялся к мысли, что она недостаточно глубоко, всесторонне обоснована.

Стоило ли рисковать жизнью Зубова и его интернациональной боевой братии только ради того, чтобы избавить Генриха от опасного испытания? Конечно, нападение на эсэсовского офицера лишний раз докажет необходимость передислокации «штаба Вали». Но ведь передислокация уже происходит. Работа «штаба Вали» на некоторое время приостановлена. Значит, действия в этом направлении бессмысленны, неоправданны. А затевать все ради того только, чтобы избавить Генриха от необходимости участвовать в казни, Иоганн просто не имеет права. Да, во всем этом деле Иоганн ошибся, что-то упустил.

Иоганн вспоминал рассуждения Барышева.

— План операции зависит от тактической грамотности, тренировки, выдержанности, дисциплины,— говорил Барышев.— Но главное, определяющее, высшее — это идея операции, то, ради чего она совершается. И это высшее неотрывно от основных целей борьбы нашего народа, оно должно раскрывать, объяснять ее сущность. Любая силовая операция, которую разведчик подготавливает заранее, должна быть обоснована высшими целями борьбы народа. Тогда эта операция, помимо ее конкретной боевой задачи, как бы освещает то, во имя чего мы сражаемся с врагами.

— Да что, мы там должны быть пропагандистами советской идеологии? — усомнился Белов.

— А почему бы и нет? — строго заметил Барышев.— Если обстановка позволит, разве боевая задача не может обрести назначение и пропагандистской? Бить по противнику в тылу врага можно и должно. А как — это зависит от твоей собственной убежденности и, конечно, от твоего таланта разведчика... Нужно только при решении любой задачи ни на минуту не забывать, ради чего она задана. Руководствоваться конечными целями борьбы, не подчиняться вынужденным обстоятельствам, а подчинять обстоятельства высшей цели...

А в данном случае выходит: Вайс подчинился вынужденным обстоятельствам. Операция, которую он готовился осуществить, не обоснована высокими целями и поэтому кажется надуманной и даже легкомысленной.

Придя от такого вывода в смятение, Иоганн круто повернулся и быстро зашагал вслед за Зубовым. Но догнать Зубова ему не удалось.

Дойдя до Саксонского сада, он опустился на скамью. В зеленых влажных сумерках деревьев горько пахло клейкими почками тополя. Чувствовал Иоганн себя усталым, опустошенным как никогда. Скверно было у него на душе.

К скамье подковылял на костылях тощий немецкий солдат в мундире, с костлявым и злым лицом, сел рядом.

— Давно с фронта? — спросил Вайс.

— Два месяца.

— Тяжелое ранение?

— Нет. В прошлом году записали бы тяжелое, а теперь считают — легкое. Значит, снова на фронт.

— Герой!

— Побольше бы таких героев, — усмехнулся солдат, — тогда меньше было бы таких дураков, как я.

— Почему ты так о себе говоришь?

— Потому! — зло ответил солдат.

— Ну все-таки?..

— Ладно. Извольте. Надрались мы с приятелем так, что лейтенант и пинками поднять не мог. Забрала нас военная полиция в тюрьму. А ночью налет партизан. Ну, они нас вместе со своими из тюрьмы и освободили.

— Смешно, — осторожно сказал Вайс.

— Это правильно, — согласился солдат, — комический номер. Но только мой приятель у партизан остался, а я бежал.

— Молодец! — неизвестно кого похвалил Вайс.

— После зачислили меня в роту пропаганды, рассказывать, как моего приятеля партизаны истязали.

— Что, и вправду сильно мучили?

— Супом, кашей и разговорами о пролетарской солидарности, — буркнул солдат. — Как узника фашизма.

— А ты его похоронил? — усмехнулся Вайс.

— Если бы! Ведь он потом через рупор с переднего края рассказал все, как было. Ну, и, конечно, против войны трепался.

— Значит, предал фюрера?

— И меня он предал! — яростно сказал солдат. — И меня! — Вытянул скрюченную ногу. — Вот, свои же меня и искалечили. Метили в спину — дали по ногам.

— За что же?

— За это самое. За то, что, мол, русские немцев убивают только потому, что они, немцы, до последнего живого убивают.

— А разве это не так?

— Если бы... Тогда бы в меня свои же не стреляли.

— Кто это «свои»?

— Вы что ж думаете, — огрызнулся солдат, — вся эта шестимиллионная сволочь, которая за коммунистов голосовала, в концлагерях сидит? Нет, они тоже на фронте.

— А твой приятель что, коммунист?

— Нет, просто маляр с гамбургской судоверфи.

— Так почему же он перебежал к русским?

— Обласкали за то, что рабочий. Вот он и раскис.

— А ты наци?

— Хотел, но не приняли: у меня брат был красным.

— А где он сейчас?

— Отец погорячился, голову ему молотком проломил, когда меня из-за него в штурмовики не приняли. — И солдат добавил раздумчиво: — Отец меня больше любил, чем его. Я парень был способный, далеко мог продвинуться, если бы не брат. — Поглядел на свои скрюченные ноги, сказал с надеждой: — Вот хорошо бы на фронте снова в роту пропаганды попасть, — это лучше, чем передовая. Я и в госпитале время не терял, как другие, почитывал чего надо. Может, возьмут...

Иоганн уже рассеянно слушал солдата. Его вдруг захлестнула одна мысль, обожгла своей ясной, простой и целесообразной силой. Машинально кивнув солдату, он поднялся и поспешно зашагал к выходу из парка.

И хотя он только в крайних случаях позволял себе навещать Зубова, сейчас в этом возникла острая и неотложная необходимость. Ведь, как говорил Барышев, в плане каждой операции должно быть предусмотрено все, вплоть до ее отмены, пока это еще возможно.

Иоганн весь был сосредоточен на том, что ему открылось сейчас как главная цель операции. И пока он шел к дому Бригитты Вейнтлинг, мысль его работала напряженно — четко, расчетливо, с той холодной ясностью, которую дает внезапное озарение.

Он нашел необходимое звено, сумел отделить главное от второстепенного.

Исходным в задуманной операции, ее первоосновой должно быть вовсе не избавление Генриха Шварцкопфа от опасности, а спасение приговоренных к казни. Нужно руководствоваться высшими целями борьбы, а не связанными с ней обстоятельствами — производными от основного. Вот когда будет полностью оправдан риск, на который идет группа Зубова. Подвиг его людей озарит благородная цель, без осознания которой нельзя идти на смерть. Ведь даже самые отчаянные храбрецы, если их не воодушевляет высокая цель, испытывают щемящую тоску и неуверенность в себе перед лицом опасности.

Спасение приговоренных к смерти — это удар по мозгам и душам немцев, сокрушительный удар по гитлеровской пропаганде. К обреченным на смерть потянется рука борцов-антифашистов, ненавидящих фашистскую Германию, но страдающих о тех немцах, которые стали ее жертвами.

И еще одно обстоятельство, даже не одно, а два: операция эта попутно послужит новым подтверждением того, что «штаб Вали» находится якобы в окружении партизан, и одновременно избавит Генриха Шварцкопфа от чреватой опасностями нравственной пытки.

Зубов встретил Вайса неприветливо. Проводил его в кабинет с темными суконными шторами на окнах, уставленный во вкусе бывшего владельца тяжеловесной мебелью черного дуба, усадил в кресло с высокой, с затейливым резным узором спинкой и спросил досадливо:

— Ну, что еще? — Усмехнулся. — Хоть похищение твоего эсэсовца с благородными целями — дело для нас слишком умственное, ребята согласны. Но не по нутру им эта затея, я так понял. Ты извини, конечно. Тебе виднее.

— Правильно! — радостно согласился Иоганн. — Правильно, что не по нутру. — Обняв Зубова, спросил: — Спасти приговоренных к казни честных немцев вы согласны? — Не давая ответить, повторил: — Спасти! Понимаешь, как это будет здорово! Слушай: в связи с передислокацией «штаба Вали» на четвертом километре от расположения сняли эсэсовский контрольно-пропускной пункт. А мы его восстановим. Машина с заключенными пойдет по этому шоссе. Обычно здесь каждую минуту останавливали и, независимо от того, кто едет, у каждого проверяли документы. Мы так и поступим, только и всего. Ясно?

Зубов мотнул головой, широко улыбнулся и спросил в свою очередь:

— А ты знаешь, о чем я до твоего прихода думал? О том, что я самый последний мандражист и трус! Понимаешь, так неохота было из-за твоего фашиста покойником заделываться. Даже выпил с горя, чтобы не думать об этом.

— Значит, ты пьян?

— Был,— твердо сказал Зубов. Пожаловался: — Раскис я оттого, что цель задания была мелкая, а мишень я по габаритам крупная. При таком соотношении только и оставалось, что текст речуги о самом себе сочинять для траурного митинга.— И добавил уже серьезно: — А теперь пропорции соблюдены правильно, операция с большой политической перспективой.— Крепко пожал Иоганну руку.— Вот теперь тебе спасибо! Операция красивая. Ничего не скажешь.— Попросил умильно: — Слушай, ты можешь Бригитте соврать, но только правдиво, чтобы она обязательно поверила, будто мне надо в Лицманштадт съездить по служебным делам?

— Пожалуйста, сколько угодно! — с готовностью согласился Вайс. И тут же спросил удивленно: — А ты сам-то что, разучился?

— Да нет, просто по-товарищески прошу: возьми сейчас на себя эту нагрузку.

Зубов исчез за дверью и через минуту появился, сияющий, в сопровождении Бригитты. Она смотрела на Иоганна тревожно-враждебно, хотя губы ее и улыбались.

Протягивая гостью руку, спросила, пристально, в упор глядя ему в глаза:

— Так что вы, господин Вайс, придумали, чтобы помочь моему супругу? У него, я замечаю, в последнее время не хватает воображения, и ему все труднее изобретать достаточно убедительные поводы для того, чтобы надолго исчезать из дома.

Иоганн, не удержавшись, свирепо глянул на Зубова.

Тот испуганно спросил жену:

— Откуда ты это взяла, Бригитта? Почему такие странные мысли?

Она положила ладонь к себе на грудь:

— Вот отсюда. Из сердца.

— А! — обрадовался Зубов.— Конечно, я так и думал.— Торопливо объяснил Вайсу: — Бригитта чрезвычайно мнительна. Правильно, я как раз хотел сказать тебе, Бригитта...— начал было он.

Женщина сняла ладонь с груди, прикрыла рот Зубова, попросила:

— Пожалуйста, не говори. Я понимаю, я все понимаю.— И, обратившись к Вайсу, объявила с гордостью: — Я понимаю, что ему теперь все труднее покидать меня. И он не умеет скрывать этого. И потому я ему все прощаю. Все.

Зубов покраснел, но глаза его радостно блестели.

— Пойду приготовлю кофе,— выручила мужа Бригитта и ушла, торжествующая.

Как только дверь за ней закрылась, Зубов сказал виновато:

— А что я могу поделать, если она так меня чувствует, что ли? Я даже сам удивляюсь. Но это вполне естественно. Даже в литературе такие факты описаны. Может, это нервные флюиды?

— Флюиды! — передразнил его Вайс.— От таких флюидов, того и гляди, засыпешься, только и всего. Не такая уж она наивная дуручка, оказывается. Тебе повезло. Но за такую для тебя «крышу» мне голову оторвать мало.— Пояснил строго: — Боюсь я за тебя, вот что!

Зубов только победно усмехнулся.

Разливая кофе, Бригитта нежно говорила Вайсу о Зубове:

— В нем столько ребячества, наивности и простодушия, что я, естественно, всегда беспокоюсь за него. Он — как Михель из детской сказки. Черные крысы напали на города и селения, а он ничего не замечает, играет себе на своей дудочке и шагает по земле, глядя только вверх — на солнце да на облака. А все кругом так ужасающе мрачно.

Зубов, не удержавшись, с усмешкой посмотрел на Вайса.

— Слышишь? А ты, птенчик, пугался!

Вайс, делая вид, что не понял намека, спросил Бригитту:

— Позвольте, откуда на нашей земле черные крысы?

Зубов лукаво подмигнул жене.

— Бригитта вовсе не собирается намекать на гестаповские мундиры. Что это тебе пришло в голову спрашивать, да еще таким тоном?

Бригитту не смутил вопрос Иоганна. Вызывающе глядя ему в глаза, она сказала твердо:

— Мой покойный муж носил черный мундир, и в профиле его было нечто крысиное. Но, возможно, это мне только казалось.

Теперь Вайс уставился на Зубова. Но тот, поднеся к губам чашку с кофе, исподлобья посмотрел на Иоганна, еле заметно пожал плечами и пробормотал с притворной обидой:

— Пусть моя супруга считает меня глупеньким Михелем, но мне кажется, что об этом ей не следовало говорить вслух, даже в твоём присутствии, хотя ты и мой друг.

Бригитта обиженно поджала губы.

После кофе мужчины удалились в кабинет и обсудили все подробности предстоящей операции. А когда Вайс шел к себе в гостиницу, его не покидала щемящая грусть, какая порой охватывает одинокого человека, невольно ставшего свидетелем чужого счастья, пусть даже недолгого и хрупкого.

Уже давно Зубов рассказал Иоганну, что жизнь Бригитты с покойным мужем, старым развратником, была подобна домашнему аресту. Она ненавидела его упорно, злобно, неистово. И только одурманенная наркотиками, к которым ее приохотил муж, становилась вяло-покорной, ко всему безразличной. И после смерти мужа она еще долго жила как бы двойной жизнью. Когда Зубов впервые увидел ее в кабаре, она показалась ему полупомешанной. Но потом он понял: это — действие наркотиков. Он сказал Иоганну:

— Что бы там ни было, а сначала мне просто было жаль — и ничего больше. Вижу, пропадает она, ну, и пожалел...

А теперь Бригитта предстала перед Иоганном совсем иной.

Безгранично преданная, жадно любящая, она мгновенно настораживалась в минуты, когда безошибочное женское чутье подсказывало ей, что Зубову угрожает опасность.

Рядом с ней Зубов, высокий, сильный, с могучим торсом и круглой мускулистой шеей, казался крепким дубком, на ветви которого устало опустилась яркая залетная птица и вдруг начала доверчиво вить гнездо, не ведая, какие губительные бури будут обрушивать на дерево свою ярость, сотрясать ствол, ломать ветви, срывать листву...

На другое утро Иоганн решил зайти к Дитриху, чтобы выведать дополнительные подробности, относящиеся к казни немецких военнослужащих.

В коридоре особняка, где находился замаскированный

под водолечебницу филиал «Вали III», он увидел пана Душкевича. Некогда этот пан Душкевич помог майору Штейнглицу подыскать в окрестностях Варшавы усадьбы, подходящие для размещения разведывательных школ. С тех пор Иоганн с ним не встречался.

Душкевич только что вышел из комнаты, отведенной Дитриху.

Почти механически, по давно выработанной привычке, мгновенно связав все относящееся к тому или другому человеку, устанавливая, имеет ли этот человек касательство к задаче, которую предстоит в ближайшее время решить, и вспомнив сказанное Зубовым о намерении польских партизан совершить покушение на Генриха, Иоганн прикинул: «Пан Душкевич — агент-provокатор. С ведома контрразведки он также агент польского эмигрантского правительства в Лондоне. Проник в среду польской патристически настроенной интеллигенции, где вербует одиночек-смертников для участия в эффектных террористических актах, каждый раз завершающихся самоубийством или же поимкой героев. Такие provокации служат СС также поводом для казни заложников и массовых арестов среди польской интеллигенции якобы в целях обнаружения «огромной» террористической организации.

Душкевич вышел от Дитриха...

А что, если Дитрих поручил Душкевичу не просто припугнуть, а убить Генриха? Если так, он ловко рассчитал. Убийство племянника Вилли Шварцкопфа, сподвижника рейхсфюрера Гимmlера, — великолепное, шумное дело! Это убийство повлечет за собой гигантские карательные меры, и если Дитрих уже заранее наметил виновников, за их поимку его ждет признательность самого рейхсфюрера.

В самом деле, почему контрразведка не охраняла Генриха? Ну, естественно почему: по званию ему не положена личная охрана. Правда, могли принять во внимание родственные связи. Но не приняли...»

Обожженный своей догадкой, Иоганн понял, что нельзя терять ни часа, но вместе с тем нельзя терять и головы. Не ответив на вежливый поклон пана Душкевича, он поманил его пальцем и, будто с трудом узнавая, спросил:

— А, это вы... Разве мы вас еще не повесили?

— За что, пан офицер?

— Вернемтесь на минуточку. — И Вайс открыл дверь в комнату Дитриха.

И, как только дверь за Душкевичем закрылась, ударил его в челюсть. Душкевич рухнул на пол и, видимо, совершенно оглушенный, не сделал попытки подняться.

Дитрих вскочил из-за стола. Но Вайс остановил его движением руки, приказал:

— Садитесь! — И, склонившись к Дитриху, вымолвил раздельно: — Сейчас этот мерзавец похвастал мне, что вы лично поручили ему организовать покушение на Генриха Шварцкопфа. Я вас арестую, капитан Дитрих. — И, держа свой пистолет в правой руке, левой вынул из кобуры пистолет Дитриха.

— Неправда! — воскликнул, побледнев, Дитрих. — Я не поручал этого Душкевичу, он сам предложил нам организовать покушение.

— А вы разрешили?

— Разрешил, но только для того, чтобы выловить преступников: на место засады я собирался направить свою группу. И жизнь Шварцкопфа была бы в полной безопасности.

— Напишите коротко обо всем, что вы мне сейчас рассказали.

— Зачем?

— А затем, что, если на Шварцкопфа будет совершено покушение и он погибнет, вы последуете за ним. Только ждет вас не пуля, а виселица.

— А если я не напишу?

— Я сейчас же сообщу Вилли Шварцкопфу о вашем преступном намерении.

— А где доказательства?

— Вот! — Иоганн кивнул в сторону лежащего на полу Душкевича, который стал уже подавать признаки жизни.

— Хорошо, — согласился Дитрих и, с ненавистью глядя на Вайса, спросил: — Но потом вы мне вернете эту бумагу?

— Возможно, — кивнул Вайс. — Говорите: кто исполнители?

— Это служебная тайна. Я не имею права ее разглашать.

— Вы хотите получить бумагу обратно?

Дитрих утвердительно кивнул в ответ.

— Так вот, знайте: вы получите ее в день отъезда Шварцкопфа.

— Вы клянетесь?

— Бросьте, мы не в кадетском корпусе! Я сказал — и так будет.

Дитрих показал глазами на папку, в которой лежало донесение Душкевича. Пробежав его глазами, Вайс вынул бумагу из папки, аккуратно сложил и спрятал в карман.

— Что вы делаете? Оно ведь уже зарегистрировано! — всполошился Дитрих.

— Ничего, — спокойно сказал Вайс. — В ваших же интересах подsunуть под этим же номером какое-либо другое донесение.

— Это правильно, — согласился Дитрих, внезапно меняя тон. — Надеюсь, Иоганн, вы не захотите повредить моей карьере.

— Да, — сказал Вайс, — вот именно. Просто мечтаю, чтобы вы стали фюрером.

Дитрих сел за стол и начал быстро писать свое собственное донесение. Вайс пробежал его глазами. Похвалил:

— Вы настоящий службист. Очень точно все изложили. Это у вас талант — точность. — И, возвращая пистолет Дитриху, спросил: — Вы не собираетесь выпалить мне в спину?

— Что вы, Иоганн! — удивился Дитрих. — Как можно! Мне кажется, мы всё уладили? — И добавил с уважением: — Я понимаю вас. Генрих Шварцкопф — ваш друг, и ваши действия даже благородны.

— Ну, значит, всё.

Вайс небрежно прикоснулся к козырьку фуражки и вышел из комнаты.

В коридоре он неожиданно почувствовал ломящую боль в затылке. Перед глазами, ослепляя, поплыли сверкающие радужные пятна. Руки и лицо покрыл липкий пот.

Иоганн прислонился к стене. «Ну, конечно, — подумал он, — нервы сдают, нервы. — И вдруг вспомнил: он не только не обедал, но даже не успел позавтракать сегодня. А вчера? — Это уже распушенность, — осудил себя Иоганн. — Самая безобразная распушенность. — Пообещал себе мстительно: — Ты сейчас, что бы там ни было, пойдешь в столовую, и съешь две отбивных, и будешь тщательно пережевывать пищу, как будто тебе некуда спешить, как будто ничего нет такого, что может помешать тебе регулярно питаться и вести здоровый, гигиенический образ

жизни». Он уговаривал себя и все же довольно долго не мог сдвинуться с места.

Наконец, преодолевая слабость, Иоганн оторвался от стены и медленно пошел по длинному коридору. И тут из комнаты Дитриха донесся звук выстрела. Иоганн повернул назад, кинулся к двери, распахнул ее.

Дитрих, застегивая кобуру, обернулся к Вайсу и неохотно процедил сквозь зубы:

— Этот тип пытался напасть на меня.

Стараясь не глядеть на безжизненное тело пана Душкевича, брезгливо отворачиваясь от этого зрелища, Дитрих сочувственным тоном осведомился:

— Вы, наверное, в отчаянии? Увы! Единственный свидетель — и вдруг... Но что ж я мог поделать? Действовал в порядке самозащиты.

— Вы защищались от СД, — сказал Вайс. — От Вилли Шварцкопфа.

— Ну-ну, вам не следует больше пугать меня, — сказал Дитрих. — Теперь это только слова. У вас нет никаких доказательств.

— А если поляки все-таки нападут на Генриха Шварцкопфа?

— Теперь вы уж сами думайте, что может произойти, а меня вы в это дело больше не вмешаете. — И, потрясая папкой, Дитрих заявил торжествующе: — Душкевича я все-таки заставил признаться кое в чем. Здесь лежит его маленькая записочка... Я теперь полностью гарантирован от ваших попыток навязать мне какие-либо незаконные намерения. Вот так, дорогой Вайс. Мы с вами сыграли ноль-ноль. Кажется, так это называется?

Вернувшись в гостиницу, Иоганн не стал подниматься к себе в номер, а сразу направился в ресторан с твердым намерением основательно пообедать. И хотя есть ему не хотелось, особенно после всего, что произошло с паном Душкевичем, он, преодолевая подступающую к горлу от запаха пицци тошноту, вынудил себя войти в зал ресторана. И сразу же натолкнулся на столик, за которым в обществе офицеров СД и гестапо сидел Генрих Шварцкопф, уже основательно накачавшийся, в расстегнутом кителе. Увидев Вайса, он с трудом поднялся и, пытаясь неверными пальцами застегнуть пуговицы на кителе, объявил:

— Господа, я вынужден покинуть вас. Он, — Генрих кивнул на Вайса, — пришел за мной, чтобы... — Пошевелил согнутым указательным пальцем, будто нажимая на спусковой крючок. — Чтобы он или я... — С трудом вылез из-за стола, подошел к Вайсу, оперся на его плечо, приказал: — Веди меня ко мне, сейчас я сделаю из тебя труп. Ты хочешь стать трупом? Нет? А я не возражаю. Пожалуйста, сколько угодно!

Поднялись по лестнице. Иоганну пришлось взять у Генриха ключ и самому открыть дверь в его комнату.

Генрих тяжело плюхнулся на кушетку, закрыл глаза. Пожаловался:

— Я тону, понимаешь, тону! — Руки и лицо его были бледными и мокрыми от пота.

Вайс снял с него китель, смочил салфетку водой из графина, положил ему на сердце.

Генрих бормотал, глядя на Иоганна тусклыми глазами:

— Ты понимаешь, прежде чем казнить, их пытались заставить кричать: «Хайль Гитлер!» Простреливали мягкие части тела, чтобы кричали. А они молчали. Молчат, как животные.

— Ты что, уже вернулся из тюрьмы после казни?

— Нет, меня возили в концлагерь. — Усмехнулся: — На экскурсию. Я надрался с утра, вот они и повезли проветриться.

— Ну и как, понравилось?

— Да, — сказал Генрих. — Но почему только их! Надо и нас всех. Чтобы никого не осталось. Одна пустая вонючая земля, и на ней никого, ни одного человека. Ни одного! Человек хуже, чем вошь, хуже...

Иоганн выжал лимон в стакан с содовой водой, заставил Генриха выпить. Генрих, мотая головой, судорожно глотал воду. Потом, откинувшись на кушетке, долго лежал неподвижно. Иоганну показалось, что он заснул. Но Генрих открыл глаза, сел и сказал трезвым голосом:

— Ты пришел, отлично! — Подошел к столу, не задумываясь, поспешно написал записку, вложил в конверт, заклеил и, протягивая его Вайсу, заявил небрежно: — Я готов.

— Ерунда! — сказал Вайс. — Все это глупо, как сновидение идиота.

— Значит, струсил?

— Именно! — рассердился Вайс. — Струсил.

— Ну зачем ты лжешь? — спросил Генрих. — Зачем?

— А на черта я буду говорить тебе правду?

— Но ведь когда-то ты говорил...

— Кому?

— Ну хотя бы мне.

— А ты сам способен говорить правду?

— Тебе?

— Да!

— Что ты от меня хочешь?

— Кто ты теперь, Генрих Шварцкопф? Кто?

— А ты не знаешь? Прочти письмо, кажется, мне удалось найти себе титул.

— Не стану, — сказал Вайс. — И вообще вот что я сделаю. — Разорвал конверт, бросил обрывки в пепельницу. Положил на клочки бумаги зажженную спичку и, наблюдая, как горит этот крохотный костер, сказал с облегчением: — Вот! Глупость — прах!

— Напрасно, — возразил Генрих. — Мне все равно придется оставить письмо, но, боюсь, не удастся снова написать столь пылко и убедительно.

— Да ты что?

— Ничего. Просто я, как все мы, провонял дохлятиной, но, в отличие от других, не хочу больше дышать этой вонью. — Съязвил зло: — А ты, конечно, приюхался и мечтаешь только о том, как бы выбиться из подручных на бойне в мясники.

— Ну да, — сказал Вайс. — Я так завидую твоему положению в этой должности!

— Вот я и освобожу ее для тебя!

— Каким образом?

— А вот каким, — Генрих кивнул на тлевшую в пепельнице бумагу.

— Брось, этим не кокетничают, — упрекнул его Вайс. — В конце концов, если тебе и приходилось принимать участие в акциях...

— Я никого не убивал! — истерически крикнул Генрих. — Никого!

— Значит, ты решил начать с меня? — спросил Вайс.

— Ты же меня оскорбил, и потом... — Генрих задумался, слабая улыбка появилась у него на губах. — Все равно я бы проиграл тебе в любом случае: я уже давно решил.

— Не понимаю, — спросил Вайс, — зачем тебе нужно, чтобы я был как бы соучастником твоего самоубийства?

— Но с твоей стороны было бы очень любезно помочь мне осуществить мое решение: вопрос чести такой прекрасный предлог...

— Ты болен, Генрих. Только больной или сумасшедший может так говорить.

— Знаешь, — презрительно сказал Генрих, — ты всегда был на диво логичен. Таким и останешься на всю жизнь. Так вот слушай. В Берлине я читал сводки, составленные статистической группой генштаба. Там работают выдающиеся германские математики. В их распоряжении имеются даже вычислительные машины. Они подсчитывают, сколько людей убивают, калечат каждый день, каждый час, минуту, секунду. И они не находят свои занятия ужасными. Но для меня все это невыносимо. Что может быть сейчас позорнее, чем называться человеком!

— Тебя что, смутили наши потери на фронтах? Не веришь, что мы победим?

— Я боюсь другого, — сказал Генрих. — Боюсь остаться в живых, если мы победим в этой войне. Ведь мы, немцы, заслуживаем, чтобы всех нас уничтожили в лагерях смерти, как мы сейчас уничтожаем других людей. Или же вообще ни один человек не должен остаться в живых. Если только он человек.

— Насколько мне известно из допросов военнопленных, — заметил Вайс, — советские люди, например, несмотря на всё, убеждены, что гитлеровцы — это одно, а немецкий народ — совсем другое.

— Вздор! — горячо воскликнул Генрих. — Немцы — это немцы, и все они одинаковы.

— Тебе сегодня представится возможность усомниться в этом.

Генрих побледнел, сказал яростно:

— Да, я дал согласие поехать в тюрьму. Но знаешь, почему? Я должен знать, почему эти немцы решились поступить так: из трусости, боясь, что не сумеют стать палачами, или из храбрости, потому что хотели быть такими немцами, каких я не видел, но желал бы увидеть...

— Зачем? Чтобы участвовать в их казни?

— Если такие немцы есть, то я считал бы для себя честью...

— Чтобы тебя казнили пятым?

— Пусть.

— Неплохой подарок Гитлеру! Племянник Вилли Шварцкопфа добровольно кладет голову на плаху. —

Иоганн коснулся рукой плеча Генриха. — Знаешь, ты просто запутался. Если бы ты отказался присутствовать при совершении казни, это было бы расценено как измена фюреру. — Иоганн помолчал и сказал серьезно: — Я очень тревожусь за тебя, Генрих. Но раз ты решил поехать в тюрьму, значит, все в порядке. — Взглянул на часы, встал. — Мне пора.

— Одну минутку, — твердо попросил Генрих и, мгновенно отрезвев, пристально посмотрел в глаза Иоганну. — Если эти ребята отказались быть палачами не из трусости, а из храбрости, клянусь тебе: или я выручу их из тюрьмы, или составлю им компанию!

— Посмотрим, — усмехнулся Вайс. Потом заметил сдержанно: — Ты племянник Вилли Шварцкопфа и можешь многих отправить на казнь. Но спасти от казни даже одного кого-нибудь ты не в состоянии. — Пообещал: — Я зайду к тебе, как только ты успеешь после всего этого вымыть руки. Надеюсь, ты поделишься со мной своими впечатлениями?

— Какое ты все-таки циничное животное! — негодуя воскликнул Генрих.

— Да! — весело подтвердил Вайс. — Именно! А из тебя животное как будто бы не получилось. Может, тебя это не устраивает? В таком случае извини...

Собственно, весь этот разговор дал Иоганну лишь зыбкую почву для суждения об истинном душевном состоянии Генриха. И если в его смятении Вайс обнаружил пусть крохотные, но все же обнадеживающие островки совести, то твердо полагаться на них оснований пока не было. Ведь под ними могла сказаться только хлябь слабодушия, растерянности — и ничего более.

Сведения о берлинской жизни Генриха, которые удалось собрать Вайсу, ничего привлекательного не содержали: заносчив, пьет, участвовал вместе с Герингом в ночном авиационном налете на Лондон, принят в высших нацистских кругах.

Побывал у Роммеля в Африке. И будто бы посоветовал ему в целях саморекламы отпускать иногда на волю пленных англичан.

Вернувшись на родину, эти англичане осыпали Роммеля безмерными похвалами, вызывающими зависть многих генералов вермахта.

Затем Генрих некоторое время работал под руководством конструктора «Фау» Вернера фон Брауна в Пенемюнде. Подсказал Брауну несколько плодотворных технических идей, но не поладил с ним. Его раздражали нелепые притязания Брауна: тот полагал, что созданные им летающие снаряды способны уничтожить целые народы, в том числе и немецкий народ, если он не захочет признать Брауна своим новым фюрером. Его исступленная, изуверская фантазия вызвала у Генриха только насмешку. Технический замысел летающих снарядов Брауна зиждился на работах советского ученого Константина Циолковского. Установить первоисточник конструкции не составляло особого труда. Генрих не преминул язвительно сказать об этом вслух. И Браун тут же помог ему без особых неприятностей покинуть засекреченный объект, где, как в комфортабельном концлагере, на положении заключенных, но не испытывая тех лишений, которые выпадают на долю узников, неизвестно жили и работали немецкие ученые и инженеры.

Вернувшись в Берлин, Генрих предался разгульной жизни, что вполне устраивало его дядю.

Хищнический захват Герингом множества предприятий в оккупированных странах Европы вызывал у Вилли Шварцкопфа не только зависть, но и служил ему примером. Этот пример вдохновил его на бесстрашное мародерство. И грубый, жестокий грабеж, которому предавался дядя, как бы скрашивался легкомысленным бескорыстием племянника.

Впрочем, Вилли Шварцкопф был не одинок. Таким же грабежом и с не меньшим размахом занимался весь генералитет вермахта. Специальный сотрудник, секретно наблюдавший за гитлеровскими полководцами, доносил Канарису: «В диком опьянении, эти облагодетельствованные судьбой люди кинулись на новые богатства. Они делились поместьями и землями Европы; заправились получали субсидии, командующие армиями — блестящие дотации».

«Лучшие дома» Берлина, которые посещал Генрих Шварцкопф, по своему облику походили на притоны, куда бандиты сносят награбленное. И чем значительнее были особы, которым принадлежали эти загородные особняки, тем больше их дома напоминали «хазу» скупщиков краденого.

Неутолимая, бешеная, алчная жажда наживы настолько овладела представителями высших кругов империи, что

они уже бесцеремонно, в открытую, устраивали у себя специальные вечера, на которых обменивались трофейными ценностями и ликовали, когда при этом удавалось еще и надуть кого-либо из присутствующих.

Когда однажды Вилли Шварцкопф ознакомил племянника с одной из «памяток» СС по оккупации России, где, среди всего прочего, было сказано и о том, что «русские должны будут уметь только считать и писать свое имя», Генрих заметил иронически:

— Подобную реформу в первую очередь следовало бы провести в Германии: ведь только вернувшись к одичанию и варварству, мы сможем превратить весь наш народ в идеальных завоевателей.

Вилли Шварцкопф не стал спорить с племянником, но через несколько дней Генрих был направлен в эсэсовскую часть, дислоцирующуюся в Прибалтике.

Там Генрих разыскал в одном из концентрационных лагерей профессора Гольдблата и тут же подал рапорт рейхскомиссару Лозе с просьбой освободить этого талантливого ученого.

Рейхскомиссар пригласил Генриха к себе в резиденцию и сказал наставительно:

— Еврейский народ будет искоренен — так говорит каждый член нашей партии, так записано в нашей программе. Мы и занимаемся искоренением евреев, их истреблением. Но иногда приходят ко мне немцы, такие, как вы, и у каждого из них есть свой порядочный еврей. Конечно, все другие евреи — свиньи, но этот — первосортный еврей! Я верю им так же, как и вам. И стараюсь в пределах своих возможностей помочь каждому такому немцу.

— Значит, я могу быть уверен?

— Вполне. — Рейхскомиссар Лозе протянул руку Генриху и уважительно проводил его до двери.

Но когда Генрих на другой день приехал в концлагерь, ему сообщили, что Гольдблат по приказанию Лозе был казнен ночью.

Лозе отказался снова принять Генриха, а когда тот связался с ним по телефону, сказал насмешливо:

— Да, я обещал вам помочь. И выполнил свое обещание: помог арийцу освободиться от позорящей его заботы об евреях.

Генрих разразился такими отчаянными угрозами, что Лозе не оставалось ничего другого, как принять соответствующие меры. В тот же вечер, едва Генрих вышел на

балкон гостиницы, с крыши соседнего здания кто-то выстрелил в него из снайперской винтовки. Пуля попала в плечо. Будучи человеком разумным, Лозе представил Генриха к награде якобы за участие в ликвидации группы латышских партизан, а как только позволило здоровье раненого, отправил его на санитарном самолете в Берлин.

В санатории для эсэсовцев Генрих спивался в одиночестве. Командировку в «штаб Вали» с целью ревизии ему выхлопотал Вилли Шварцкопф, надеясь, что она вернет его несколько скомпрометированному племяннику былое положение в обществе.

Конечно, ради своего спокойствия Вилли Шварцкопф давно мог найти способ отделаться от племянника, но было одно обстоятельство, с которым он не мог не считаться.

Гитлер был маниакально подозрителен и ни одному своему сподвижнику не верил до конца. Гестапо даже сконструировало специально для него кастрюли с воздухо-непроницаемыми крышками и замками, ключи от которых хранились у самого Гимmlера.

На одном из торжественных обедов у Гитлера присутствовал и Генрих. И, как бывало и на других приемах, он напился и вел себя чрезвычайно развязно.

Гитлер, обратив внимание на шум, поднятый Генрихом, вперил в него разъяренный взгляд. Наступила зловещая тишина. Генрих, растерянно и жалко моргая, посмотрел на фюрера, неожиданно лениво улыбнулся, потер глаза, положил голову на плечо соседа, поерзал на стуле, пробормотал что-то и... задремал.

Гитлер осторожно выбрался из-за стола и в сопровождении двух верзил-телохранителей на цыпочках приблизился к Генриху. Заглянув ему в лицо, он вдруг радостно ухмыльнулся и движением руки приказал всем тихонько перейти из столовой в зал.

Здесь фюрера, как он и предполагал, ожидали почти-тельные и восхищенные поздравления. Еще бы, он так великолепно продемонстрировал свой необыкновенный талант гипнотизера! И фюрер был счастлив: после разгрома армии вермахта под Москвой ему необходимы были эти подобострастные похвалы.

О том, что Генрих явился на прием уже мертвецки пьяным и нескольких рюмок коньяку было вполне достаточно, чтобы погрузить его в сон, знал только Вилли Шварцкопф. Но Гитлера случай с Генрихом окрылил: он

еще более уверовал в то, что обладает сатанинской способностью подчинять себе волю людей. И впоследствии он не однажды благосклонно осведомлялся о племяннике Вилли Шварцкопфа, утверждая, что именно такие тонко чувствующие своего фюрера арийцы могут быть подсознательно преданны ему.

Поэтому Генриха как бы охраняло некое священное табу. И он мог позволять себе выходки, за любую из которых наци, занимающие гораздо более значительные посты, давно бы поплатились своей шкурой. Даже его высокопоставленный дядя вынужден был считаться с ним, как с человеком особым, оказавшимся блистательно восприимчивым к волевым флюидам самого фюрера.

Впрочем, из всего этого Иоганну Вайсу было известно только одно: Генрих Шварцкопф, несмотря на разгульный образ жизни и безнаказанные поступки благоденствовал в Берлине, был принят в «лучших домах». И все же, как выяснилось из разговора с ним, считал себя чем-то глубоко оскорбленным, обманутым настолько, что не раз уже бесцельно рисковал собой, как человек, исполненный отвращения к жизни, доведенный до последней степени отчаяния.

Убедившись в этом, Вайс мог, конечно, легко подтолкнуть Генриха к окончательному решению, надо было только ознакомить его с показаниями Папке. Но можно ли считать мгновенно вспыхнувшую мстительную ненависть к убийце своего отца достаточно прочным основанием для того, чтобы вызвать такие же гневные чувства ко всем гитлеровцам, ко всему тому, что породило их?

Иоганну казалось, что он обнаружил в душе Генриха болезненную рану, которую тот пытается скрыть под наигранной развязностью и цинизмом. Но насколько она глубока, эта рана, определить пока трудно. История с Гольдблатом еще ни о чем не говорит. Лансдорф, например, помог своему домашнему врачу-еврею эмигрировать в Англию, ни разу не ударил на допросах пленного, но при всем том был самым отъявленным злодеем, только более изощренным и утонченным, чем его соратники. Уж кто-кто, а Иоганн Вайс хорошо знал это.

Вот уже годы Александр Белов жил в постоянном нервном сверхнапряжении, и ему приходилось величайшим, сосредоточенным усилием воли преодолевать это

состояние, чтобы обрести хоть краткий, но совершенно необходимый душевный отдых. Этот душевный отдых давался ему нелегко. Он был часто оравлен чувством неудовлетворенности собой, горьким сознанием не до конца исполненного долга. У Белова не было уверенности в том, что он, советский разведчик, безукоризненно выполняет все, чего от него ждут, чего требует дело.

Он понимал, что уже не однажды отступил от тех правил, в каких воспитывали его старшие товарищи. Они внушали ему, что самоотверженность чекиста, работающего в тылу врага, заключается не только в его готовности отдать свою жизнь во имя дела, но и в высшей духовной дисциплине, в умении, когда это нужно, подавить жажду действия, в умении не отвлекаться на достижение побочных целей.

Самым мучительным испытанием первое время было для него медлительное бездействие, продиктованное все той же задачей: вжиться в Иоганна Вайса, абверовца, фашиста.

И это испытание он не сумел выдержать до конца. Душа его была обожжена, когда он увидел упоенного победой, торжествующего врага. И он, забыв о главной цели дела, которому служил, очертя голову пополз к советскому танку, чтобы помочь обреченному гарнизону.

Этого поступка Александр Белов не мог простить себе, и дело было вовсе не в том, что он не дал желанных результатов, — разве что на душе стало легче. Этот поступок раскрыл Белову, что ему еще не хватает необходимой для советского разведчика выдержки.

И лишь по собственной вине он почти выбыл из строя, оказавшись в госпитале. Только волей обстоятельств удалось счастливо вернуться к своим обязанностям, снова стать борцом, как ему и было назначено.

Атмосфера немецких секретных служб, в которую он окунулся, обнажала с предельной беспощадностью чудовищную сущность фашизма: он своими глазами видел, как осуществляются гнусные цели гитлеровцев, и знал запланированные гитлеровцами на ближайшие годы процентные нормы умерщвления народов. Вместе со своими сослуживцами по абверу он присутствовал на совещаниях, где обсуждались методы, какими наиболее целесообразно наносить коварные удары в спину советскому народу. И во имя долга обязан был проявлять на этих совещаниях деловитость и опытность немецкого разведчика. Только таким

образом мог он укрепить, расширить плацдарм действий для себя и для своих тайных соратников, чтобы наносить с этого плацдарма парализующие удары по планам гитлеровской разведки.

И у него хватало выдержки вести себя среди врагов так, чтобы быть необличимым для них. Но порой его охватывало такое чувство, будто прикрывающая его спасительная «броня» Иоганна Вайса невыносимо раскаляется от огня жгучей ненависти. Накаленные гневом сердца, защитные доспехи Вайса сжигали Белова, но он не имел права сбросить их: это значило бы не только погибнуть, но и провалить дело. А без отдыха носить на себе эти раскаленные доспехи, все время оставаться в них становилось выше его сил.

55

В центре высоко ценили информацию, поступавшую от Александра Белова. Но его откровенные, подробные отчеты не всегда вызывали одобрение.

На оперативных совещаниях некоторые товарищи отмечали, что Белов бывает невыдержан, склонен к импровизации, допускает в работе опасные отклонения и, увлекаясь побочными операциями, не связанными непосредственно с его заданием, нередко нарушает дисциплину разведчика. И, пожалуй, те, кто говорил так, были правы.

Барышев, отвечая им, соглашался с тем, что Белов не всегда поступает в работе столь осмотрительно и целеустремленно, как поступал бы на его месте более зрелый и опытный разведчик. И даже сам отмечал оперативную легковесность, недостаточно всестороннюю продуманность некоторых действий своего ученика.

Соглашался Барышев и с тем, что Белов, привлекая для выполнения тех или иных задач Зубова и его группу, не умеет по-настоящему руководить ею. Работа группы заслуживает серьезной критики. Действия Зубова не всегда достаточно обоснованы и грамотны, а это ставит под удар не только Белова, но и саму группу. Говоря об этом, Барышев неожиданно для всех улыбнулся и заявил решительно:

— Но какие бы ошибки ни совершал Саша Белов, его работа меня пока что не столько огорчает, сколько радует. Обратите внимание: в своих отчетах он никогда не хваста-

ет, хотя было чем похвастать, и каждый раз сам же первый упрекает себя. Пишет: «Не хватило выдержки, ввязался в порученную Зубову операцию освобождения заключенных». Ну как бы сбегал парень на фронт.

Барышев подумал секунду, сказал проникновенно:

— Вот мы отобрали для работы у нас самую чистую, стойкую, убежденную молодежь. Воспитывали, учили: советский разведчик при любых обстоятельствах должен быть носителем высшей, коммунистической морали и нравственности, тогда он неуязвим.

Но когда молодой разведчик попадает в тыл врага и оказывается там в атмосфере человеконенавистничества, подлости, зверства, — что же, вы полагаете, его душу не обжигает нетерпеливая ненависть, ярость? И чем больше боли причинят ему ожоги, тем, значит, правильнее был наш выбор: хорошо, что мы остановились именно на этом товарище. А закалка этой болью — процесс сложный, продолжительный. Человеком в равной мере управляют чувства и разум. И чем острее чувствует человек, тем сильнее должен быть его разум, чтобы управлять чувствами. У людей, тонко чувствующих, обычно и ум живее, и сердце горячее. Самообладание — это умение не только владеть собой, но и сохранять огонь в сердце при любых, даже самых чрезвычайных обстоятельствах. А хладнокровие — это уже совсем другое: порой это всего лишь способность, не используя всех своих возможностей, оставаться в рамках задания.

Не все согласились с Барышевым. Но, поскольку Барышев лучше других знал характер своего ученика, ему поручили при первой же возможности связаться с ним. Следовало обстоятельно проанализировать действия Белова в тылу врага. После этого предполагалось разработать для него новое задание, исходя из условий, в каких Иоганн Вайс успешно продвигался по служебной лестнице абвера. Барышев, как никто зная Сашу Белова, давно был убежден, что в тылу врага первой и основной опасностью для его ученика окажутся душевные муки. Его будет терзать мысль, что он мало сделал для Родины, не использовал до конца все представившиеся тут возможности, и эта неотвязная мысль толкнет его на опрометчивые, поспешные шаги навстречу опасности, которую следовало и должно было хладнокровно избегать. Но в битве между разумом и чувством победоносная мудрость одерживает верх далеко не в начале жизненного пути. Не из готовых истин добыва-

ется она, а ценой собственных ошибок, мук, душевных терзаний, и, сработанная из этого самого сокровенного материала, мудрость эта не приклеивается легковесно к истине, но навечно спаивается с ней, становится сущностью человека-борца, а не просто существователя на земле.

Иоганну очень хотелось участвовать в спасении приговоренных к казни немецких военнослужащих. И не только потому, что эта, как выразился Зубов, «красивая», благородная операция, что этот подвиг боевиков должен был во всеуслышание заявить здесь, во вражеском логове, о бессмертии пролетарской интернациональной солидарности. Просто Иоганна постоянно жгла, томила неутоленная потребность к непосредственным действиям против врага.

Он отлично понимал, что эта жгучая потребность свидетельствует не о стойкости, а, скорее, о слабости, знал, что его участие в боевых действиях, быть может, помешает решению тех главных задач, которые перед ним поставлены.

Он понимал также, что, если погибнет в бою, тем, кто будет заново проходить по его пути, придется в тысячу раз труднее: ведь время, необходимое для длительного, постоянного «вживания» во вражеский стан, уже необратимо утрачено. И вовсе не потому его жизнь бесценна сейчас, что он, Александр Белов, — личность неповторимая, одаренная качествами, которыми другие не обладают. Напротив, он хорошо знал, что в тылу врага действуют, и порой даже более успешно, чем он, другие талантливые советские разведчики, на счету у которых не одна блистательная операция.

Все дело в том, что он, Александр Белов, такой, какой он есть, со всеми своими достоинствами и недостатками, достиг высоты, на которую его нацелили по карте битвы с тайными службами врага. И если он уйдет с нее, враг снова сможет наносить отсюда свои удары. Значит, волей обстоятельств его жизнь — это не просто одна жизнь, а много человеческих жизней, и поэтому он не имеет права распоряжаться ею, как своей личной собственностью.

Все это так. И сознание этого придавало душевную стойкость Иоганну Вайсу. Но и она была не беспредельна.

Ему приходилось терпеливо выслушивать бесконечные рассуждения своих сослуживцев о том, что немцам самой

биологической природой предназначено быть «новой аристократией крови», что немец — это «человек-господин, наделенный волей к власти и сверхвласти». Они упоенно превозносили смерть на войне. Всемерно заботясь о сохранении собственной жизни, чужие жизни они и в грош не ставили.

Умерщвление людей других национальностей они называли «оправданной целью сокращения народной субстанции». И газовые камеры, где душили людей, были оборудованы смотровыми глазками, для того чтобы нацисты, приходя к ним, могли сдать публичный экзамен на бесчеловечность.

Когда Гитлер провозгласил, что Германия либо делается владычицей мира, либо перестанет существовать вообще, его слова вызвали только чванливый восторг. А ведь они означали, что гитлеровцы не остановятся ни перед чем, даже перед истреблением самого немецкого народа, и будут воевать до последнего своего солдата.

Слушая своих сослуживцев, Иоганн каждый раз с отчаянной ненавистью, с яростью убеждался, что рассуждения эти объясняются вовсе не трусливым раболепием перед чудовищными фашистскими догмами, уклонение от которых беспощадно каралось: в основе их лежало нечто еще более отвратное — уверенность, что они составляют сущность германского духа.

И как ни привык Белов маскироваться под делового, но ограниченного одной только служебной сферой абверовца, с какой бы ловкостью ни уклонялся от кощунственных «философствований» на подобные темы с другими сотрудниками, — все это давалось ему путем огромного насилия над собой — ему постоянно приходилось мучительно сдерживать себя. Это строгое подчинение Белова Иоганну Вайсу походило иногда на добровольное заточение в тесной одиночной камере. Это было невыносимое духовное, замкнутое одиночество. Белов никому, даже Зубову, не говорил о своих муках. Но самому себе признавался, что сможет продолжать свой длительный подвиг уподобления наци только в том случае, если ему удастся хотя бы изредка вырываться из духовного заточения и, пусть хоть на краткое время, становиться самим собой.

Понятно, что ему очень хотелось участвовать в спасении приговоренных к смерти немецких военнослужащих. Это дало бы ему возможность как бы душевно очиститься. А он тем сильнее нуждался в таком очищении, чем удачнее шли

в последнее время его дела в абвере, чем больше упрочалась за ним среди сослуживцев репутация истинного наци.

Но как бы там ни было, он отказал себе в праве участвовать в предстоящей операции.

Возможно, Барышев сказал бы по этому поводу, что к Белову после некоторых его незрелых решений и поступков пришла, наконец, зрелость разведчика...

Не сразу примирился Иоганн с этим нелегким для него решением. Главную роль здесь сыграли размышления о Генрихе Шварцкопфе, о том, что может сулить и какую пользу может принести делу возобновление дружбы с ним.

После долгих сомнений и колебаний Иоганн пришел в конце концов к определенному выводу. Он увидел в Генрихе смятенного немца, с душой раненой, но, возможно, не до конца искалеченной фашизмом. Ему было не просто жаль Генриха, хотя тот и вызывал жалость. Он задумал испытать себя, испробовать свои силы в самом трудном и, пожалуй, главном. Он решил не только вернуть дружбу Генриха, но и вызвать к жизни то лучшее, что в нем было когда-то. Если это удастся, Генрих, несомненно, превратится в его соратника.

Подосадовав на себя за то, что с первой же встречи с Генрихом он невероятно осложнил их отношения и едва сам не запутался, Иоганн пришел к такому выводу: единственный и самый надежный путь проникнуть в душу Генриха — правда. Правда — это самое победоносное, самое неотвратимое на земле.

Вот он хотел рискнуть своей жизнью в боевой операции не потому, что его участие в ней необходимо, а для того только, чтобы в открытой схватке с врагом восстановить душевные силы. На такой риск он, пожалуй, не имеет права. Но если он рискнет жизнью ради того, чтобы обратить Генриха в своего соратника по борьбе, его риск будет оправдан.

Приняв такое решение, Иоганн вынужден был поставить себя в довольно-таки жалкое положение перед Зубовым.

Пришлось покорно принять снисходительное одобрение Зубова, когда тот, услышав, что Иоганн отказывается от участия в операции, заметил:

— Ну и правильно! Чего тебе с нами суетиться? Ты — редкостный экземпляр, обязан свое здоровье сохранять. И нам беречь тебя надо как зеницу ока.

Но от Иоганна не укрылось и то, что Зубов, в глубине души жаждавший быть главарем в предстоящем деле, обрадован его отказом. А обидные, унижающие его слова — что ж, Зубов, пожалуй, имел на них право: ведь сам Иоганн рассказал ему, что участие в освобождении из тюрьмы Эльзы и других заключенных Центр счел прямым нарушением дисциплины, недопустимым отклонением от тактики, предписанной Белову по роду его деятельности в тылу врага.

И хотя Иоганн понимал, что в данном случае поступает правильно, целесообразно, он был все же удручен и несколько завидовал Зубову, который с отчаянным бесстрашием вольно распоряжается своей жизнью.

Мало того, что Иоганн сам отказался участвовать в боевой операции, — он потребовал, чтобы Зубов освободил от нее и поляка Ярослава Чижевского, которого тот просто обожал за все те качества, какими, кстати сказать, и его самого со столь опасной щедростью наградила природа.

Изящно вежливый, скромно-приветливый, тщательно и даже франтовато одетый с нежно-женственным лицом и ясными голубыми глазами, Ярослав Чижевский, как бы извиняясь перед Зубовым, говорил ему:

— Мне очень прискорбно, что вы не видели Варшавы. Это изумительно красивый город.

— Что значит «не видел»? — запротестовал Зубов. — А где я сейчас, не в Варшаве, что ли?

— То не Варшава, — грустно говорил Ярослав, — то сейчас горькие развалины.

Зубов не соглашался:

— Фашисты изуродовали Варшаву, а варшавян нет: ведь вы не согласились капитулировать.

— Как было можно! — вздохнул Ярослав.

— Здесь каждый опаленный камень вроде памятника человеческой стойкости.

— То так. Благодарю вас за красивые слова. — И Ярослав наклонил голову с аккуратным пробором.

— Правильные слова сказать нетрудно. А вот драться за них — это другое дело.

— О, вы так добже деретесь за Варшаву, пан Зубов, что я давно уже считаю вас почетным гражданином нашего города.

Зубов сконфузился.

— Ну, такого я еще не заслужил. А вот тебя я бы

рекомендовал на будущую мраморную доску героев.— И тут же сердито добавил: — Но только чтобы не по-смертно!

— Такой гарантии я вам дать не могу,— улыбнулся Ярослав.

— Обязан,— твердо сказал Зубов.

— А о себе вы можете дать такую гарантию? — коварно осведомился Ярослав.

Зубов обиделся.

— Я лейтенант, а ты гражданский.

— Я поляк,— с гордостью заявил Ярослав.— И если вы, пан лейтенант, падете на польской земле, то знайте — я лягу рядом с вами.

— Значит позволишь немцам укокошить себя?

— То будет наша с вами совместная ошибка,— усмехнулся Ярослав.

Познакомились они еще зимой, когда Зубов и его боевики спасли юношу от преследовавших его гестаповцев. А гнались за ним потому, что он перекинул через забор, прямо на крыши армейских складов, примыкающих к железнодорожному полотну, самодельные термитные зажигательные пакеты. Люди Зубова доставили обожженного Ярослава Чижевского на одну из явок, оказали ему медицинскую помощь. Узнав, кто его спас, он сказал чопорно-вежливо:

— Я вам глубоко признателен. Мне, право, так совестно за хлопоты, которые я вам причинил.

Зубов заметил, усмехнувшись:

— Ну что вы! Это же пустяки...

Ярослав удивленно поднял тонкие брови, помедлил и вдруг снисходительно объявил:

— Я смогу ответить вам тем же.

«Ну и нахал!» — подивился Зубов. Но как бы там ни было, чрезмерная самопадеянность юноши даже чем-то понравилась ему.

Выздоровев, Ярослав Чижевский стал участником боевой группы и очень скоро завоевал сердце Зубова своим абсолютным бесстрашием и манерой держать себя в боевой обстановке так сдержанно и корректно, словно он выступает на спортивной арене и на него устремлены тысячи глаз. Единственное, что не нравилось Зубову,— это, как он думал вначале, тщеславное стремление Чижевского первенствовать в схватках. И со свойственной ему прямоотой он упрекнул юношу.

Против ожидания, Ярослав, покорно выслушав Зубова, сказал почтительно:

— Пан лейтенант, прошу прощения, но я хочу зарекомендовать себя перед вами с лучшей стороны. — И добавил чуть слышно: — Я не коммунист, как вы, но ведь все может быть?!

Для Зубова это признание Чижевского значило многое.

В первые месяцы Ярослав беспрекословно выполнял все приказания Зубова, касающиеся боевых заданий, но в разговорах с ним неприязненно и настойчиво напоминал о тех гонениях, которым подвергался польский народ в эпоху русского самодержавия.

И Зубов покорила Ярослава тем, что с той же ненавистью и ничуть не меньшей осведомленностью в истории подтверждал его слова.

— Ну, все это правильно, — говорил он. — А раз правильно, значит, правильно, что мы Октябрьскую революцию сделали, советскую власть установили. И вам бы тоже так сделать. И были бы мы тогда с самого начала вместе. Как, примерно, мы с тобой сейчас. Только и всего. Николай Второй — кто? Русский император, царь польский и прочее. Мы его собственноручно убрали, а ты с меня за него спрашиваешь, когда мы с него и за вас тоже всё спросили. Подвели старой истории баланс — и на этом точка. — Спросил: — Тебя в гимназии истории обучали?

Ярослав кивнул.

— Воображаю, что за учебники у вас были. Такие, должно быть, могли для вас и в Берлине печатать, — заметил грустно Зубов. — Это же отравка. Шею народу сворачивали, чтобы не вперед смотрел, а назад.

— Да, — согласился Ярослав. — А ведь мы одна кровь — славяне.

— Конечно, приятно, что мы сородичи, — задумчиво произнес Зубов. — Но только на одной этой платформе далеко не уедешь. — Посоветовал: — Ты прикинь, почему в нашей группе такой интернационал собрался, даже два немца есть. Интересно, отчего это они с нами, а?

— Антифашисты? — вопросительно произнес Ярослав.

— С существенной добавочкой, — улыбнулся Зубов, — коммунисты. — Напомнил: — Был еще один, третий, но мы его в польской земле похоронили. Он же вместе с нами от фашистов чистил. — Вздохнул: — Война — страшное дело. Но товарищ за товарища готов погибнуть. Никогда в дру-

гое время сразу столько прекрасного в людях не увидишь...

И вот теперь Зубов обязан снять с операции Ярослава Чижевского — бесстрашного и беззаветно отважного. И в то время, когда его товарищи будут драться с конвоем, Ярославу предстоит заняться совсем мирным делом. Он должен разыскать кого-либо из членов той польской патриотической группы, в которую проник провокатор Душкевич, и передать им добытые Вайсом документы. А когда они ознакомятся с этими обличающими предателя документами, следует убедить их, что нападение на Генриха Шварцкопфа спровоцировано немецкой контрразведкой, которой нужен повод для проведения новых массовых репрессий.

Иоганн не считал нужным предупредить Зубова, что будет все время рядом с Генрихом Шварцкопфом. И если Чижевский не сумеет выполнить задания и покушение все-таки будет совершено, Иоганн, чего бы ему это ни стоило, попытается спасти Генриха.

Не предупредил потому, что, хотя Зубов и понял, что Иоганн не имеет права участвовать в боевых операциях, все-таки усмешка превосходства мелькнула на его лице, когда он, выслушав указания о задании Чижевскому, заметил:

— Ну, ясно: ты вроде высшей математикой занимаешься, а наше дело — простое, как дважды два.

Не предупредил и потому, что бессмысленно было обременять Зубова лишними заботами, когда его группа, и без того ослабленная из-за отсутствия Чижевского, будет занята боевой операцией.

Была и еще одна причина. Такое предупреждение прозвучало бы неким оправданием Иоганну. Мол, хоть он и не участвует в операции, но все равно его подстерегает опасность, причем ничуть не меньшая, чем Зубова. Ведь не в силах же он предугадать, когда и откуда будет совершено покушение на Генриха.

Конечно, можно было бы и вызвать охранников в штатском и обезопасить себя и Генриха, но тогда польские патриоты попадут в засаду.

Иоганн ломал себе голову, прикидывая, как бы выкрутиться из чрезвычайно сложного положения, в которое он попал. А что если попытаться убедить Генриха, чтобы он не выходил из своего номера в гостинице? Нет, Генрих сейчас необычайно взвинчен и не захочет довольствоваться обще-

ством Вайса. Он скорее предпочтет компанию, с которой прибыл сюда для ревизии «штаба Вали». Вместе со своими берлинскими коллегами будет по-прежнему бурно развлекаться в кабаках и ресторанах, где на него всего легче совершить покушение.

Припугнуть Дитриха и заставить его отменить покушение тоже нельзя: это означало бы выдать на расправу контрразведке спровоцированных Душкевичем поляков.

Судьба Вайса и Генриха зависела сейчас от того, насколько успешно Чижевский выполнит задание. Но Иоганн не считал необходимым ставить его в известность об этом. Вполне достаточно, если Чижевский будет руководствоваться в своих действиях сознанием, что срыв задания ставит под угрозу жизнь многих поляков.

Иоганн появился у Генриха задолго до того, как обещал навестить его. И был встречен с подчеркнутой неприветливостью, которая могла бы выглядеть оскорбительной, если бы Иоганн с первых же слов не обезоружил Генриха своим подкупающим простодушием.

— Что тебе надо? — недовольно буркнул Генрих.

— Тебя, Генрих, — улыбаясь, ответил Вайс и добавил с открытой, доброй улыбкой: — Понимаешь, соскучился. — И, бросив взгляд на столик с закусками, на окаменело сидевшего в позе неприступного величия полковника Иоахима фон Зальца, на Ангелику Бюхер, полулежавшую несколько поодаль в качалке с бокалом красного вина, который она грела в ладонях, спросил: — Можно, я поем у тебя? — И пожаловался: — Весь день на ногах, ужасно голоден.

Иоганн мгновенно понял, как нежелательно в данный момент для всех троих его присутствие в этой комнате. И, поняв это, выдвинул неотразимый повод для визита. Ну разве можно отказать в гостеприимстве проголодавшемуся человеку? Это было бы верхом неприличия.

Любезно поздоровавшись с гостями Генриха, Вайс, будто не видя ледяного лица полковника и негодующей физиономии Ангелики, молча сел за стол и так сосредоточенно занялся едой, что спустя некоторое время его даже перестали замечать.

Возможно, такое невнимание граничило с презрением к его особе. Но на это Вайсу было, в сущности, начхать. Он достиг того, чего хотел. Победил в этом крохотном турнире на выдержку и самообладание.

Иоахим фон Зальц, угарно чадя сигарой, продолжил прерванный появлением Вайса разговор. Вылетая из его рта, сухие слова, казалось, потрескивали:

— Да, мы, немцы,— романтики-идеалисты. И, как никакая другая нация, мы одарены фанатической способностью быть преданными идеалу, заложенному в наши сердца и умы еще предками. Вначале Европа, а потом и весь мир — вот он, наш идеал. Мы должны обладать миром во имя национального самосознания. Наша историческая миссия — властвовать над народами.

— Насилие — это и выражение свободы нашего духа, и метод достижения цели,— вещал своим скрипучим голосом Зальц.— Извечный страх перед насилием над личностью, над целыми народами мы превратили в универсальное орудие. Доблестная готовность немецкого солдата идти на смерть складывается из двух моментов. Его сознание абсолютно подчинено мысли, что уклонение от этой готовности грозит ему смертью. И страх перед наказанием освобождает его от психической боязни смерти. Так страх перед насилием порождает способность к насилию. Как бы противна ни была нашей природе жестокость, она диктуется гуманной необходимостью: страх перед жестокостью уменьшит количество людей, которые могут стать жертвой жестокого возмездия...

— Любые проявления снисходительности к приговоренным военным преступникам,— продолжал он, почти скрывшись за облаками сигарного дыма,— свидетельствовали бы о нашей неспособности решительно аннулировать все то, что чуждо нашему духу, заражено социальной инфекцией марксизма. Чтобы закончить наш разговор, скажу вам, любезный господин Шварцкопф, что я решительно не согласен с вами...

Но тут Вайс прервал его. Вытер губы салфеткой, аккуратно сложил ее и спросил, не поднимая глаз:

— Простите, господин полковник, насколько я понял, из ваших суждений следует, что самый храбрый немецкий солдат одновременно и самый большой трус? И мы должны быть жестокими из страха, чтобы нас самих не повесили за недостаточную жестокость? — Не дожидаясь ответа, Вайс развалился в кресле и, ковыряя в зубах спичкой, обратился к Генриху: — Следуя программе господина Иоахима фон Зальца, ты должен прийти к выводу: необходимо принять участие в казни военнотружаших. Ведь таким способом ты подтвердишь правильность его умозаключений — бес-

страшно разделаешься с приговоренными только из боязни быть обвиненным в слабодушии? — Твердо взглянув в белесые глаза полковника, Вайс сказал: — Так получается, если следовать вашей логике. — Ухмыльнулся: — Во всяком случае, меня такая логика не воодушевила бы, хотя она и выражена столь торжественными словами, что они могли бы стать гимном трусости.

— Господин обер-лейтенант, вы забываетесь! — тонким голосом почти завизжал фон Зальц.

Вайс вскочил.

— Господин полковник, по роду моей службы я обязан не забывать ни о чем, что наносит оскорбление доблестному вермахту. А вы сейчас обвинили его в трусости.

Побледнев, фон Зальц обратился к Генриху:

— Герр Шварцкопф, он извращает смысл моих слов! Не откажитесь сейчас же подтвердить это.

— Оставь, Иоганн, — сказал Генрих. — Ты же отлично понимаешь, что полковник излагал нацистские идеи, правда, в несколько обнаженном виде.

— Я считаю, — Вайс непримиримо стоял на своем, — что герр полковник позволил себе лишнее.

Вмешалась Ангелика:

— Послушайте, Иоганн, не надо быть таким подозрительным. — Протянула руку: — Ведь мы с вами старые друзья?

— Ради вас, фрейлейн, — галантно сказал Вайс, — я готов признать, что погорячился.

— Вот видите, какой вы милый! — Ангелика вопросительно взглянула на полковника, напомнила: — Вы, кажется, хотели отдохнуть?

Когда дверь за Ангеликой и фон Зальцем закрылась, Генрих спросил живо:

— Ты нарочно все это выкинул?

— Возможно, — неопределенно ответил Вайс и спросил, в свою очередь: — Тебя действительно затошнило от его откровений или это мне только показалось?

— Нет, не показалось. Он спорил со мной. Я сказал, что решительно отказываюсь присутствовать при казни.

— Что же ты встретил меня так неприветливо? Ты должен благодарить меня за дружескую услугу: ведь я помог им убраться отсюда.

Генрих сказал задумчиво:

— Но не он один так мыслит.

После паузы Вайс сказал:

— Как ты думаешь, если для исполнения приговора вызвать палачей-добровольцев из лагеря военнопленных, любой русский охотно согласился бы?

— Безусловно.

— А если найдутся такие, которые откажутся?

— Почему? Казнить немца — это было бы для них чрезвычайно приятно.

— А вдруг, вместо того чтобы казнить приговоренных немцев, они попытались бы их спасти?

— Это невероятно!

— Но ведь отказались же четверо немцев участвовать в казни русских военнопленных!

— Мне бы очень хотелось знать, что ими руководило.

— А если бы ты узнал?

— Ну что ж... — печально произнес Генрих. — Очевидно, их слова в чем-то убедили бы и меня.

— И тогда?

— Тогда я, возможно, поверил бы, что в Германии есть и другие немцы.

— И ты бы тоже стал другим немцем?

— Которого ты, как офицер абвера, счел бы своим долгом присоединить к этим четверем...

— В этом случае я забыл бы о том, что принадлежу к службе абвера, — парировал Вайс.

— Ради приятеля ты готов совершить преступление перед рейхом?

— А почему бы нет? — задорно сказал Вайс. — В конце концов истинная дружба в том и заключается, чтобы не шадить своей шкуры ради друга.

— Даже если он изменник?

— Кому? Ведь он же присоединился к немцам.

— Но эти немцы нарушили свой воинский долг.

— Долг быть палачами?

— Нарушение воинской дисциплины способствует победе русских.

— А если бы русские спасли этих четырех немцев от казни, они что, помогли бы победе Германии над Советским Союзом? — спросил Вайс.

— Чтобы русские спасли их? Это было бы столь фантастично, что после такого сообщения надо застрелиться или...

— Что «или»?

— Да ну тебя? Говоришь какие-то нелепости...

— Я повторяю,— пристально глядя в глаза Генриху, сказал Вайс.— Если это произойдет, и русские спасут приговоренных к казни немцев, и тебе представится возможность увидеться с ними и выслушать их,— что тогда?

— Это невероятно!

— Я прошу тебя, скажи, как бы ты поступил?

— Я бы встретился с ними...

— Ты даешь слово?

— Ты так настаиваешь, что я начинаю думать, уж не поручили ли тебе проверить меня.

— Кто?

— Гестапо.

— Ну что ж,— задумчиво протянул Иоганн,— ты прав. Так вот, чтобы у тебя был залог.— Он взглянул на часы.— Через час ты позвонишь в тюрьму и узнаешь, что четверо немецких военнослужащих, приговоренных к казни, бежали.

— Ха! Ты, оказывается, весьма осведомленный абверовец. Но зачем же откладывать? Я позвоню сейчас, и мне сообщат об их бегстве.

— Нет,— сказал Вайс.— Еще рано.

— А если я сейчас позвоню?

— Тогда их не удастся спасти.

— Значит, если я не позвоню, то стану как бы соучастником их побега.

— Так же, как и я,— сказал Вайс.

— Ну — зачем ты меня разыгрываешь?! — досадливо поморщился Генрих.

— Я предупреждаю: если ты не позвонишь в течение получаса,— холодно сказал Вайс,— ты станешь соучастником их побега.

— Давай забудем об этом разговоре! — попросил Генрих.— Право, не нужно нам так друг друга испытывать. Все это вздор.

— Нет, все это правда!

Генрих потянулся к бутылке с коньяком. Вайс задержал его руку:

— Нет, прошу тебя.

— Правильно,— согласился Генрих.— Надраться сейчас было бы трусостью.

Он прошелся по комнате, задержался у столика, на котором стоял телефонный аппарат. Не спуская глаз с Иоганна, снял трубку.

Рука Иоганна легла на кобуру. Генрих, продолжая

следить за ним глазами, повернул диск. Вайс уже сжимал пистолет, и, по мере того как Генрих набирал номер, рука его с пистолетом поднималась все выше.

— Ангелика, — сказал в трубку Генрих, — будьте любезны, попросите к телефону полковника. — И через минуту продолжал вежливо: — Я считаю своим долгом принести вам, герр полковник, извинения. Мой приятель неприлично вел себя. Он был просто пьян... Да, конечно, сожалеет... Нет, он был весьма пристыжен и сразу же ушел... Отлично, я так и думал: очевидно, он привык к более упрощенным формам изложения идей фюрера... Да, конечно. Примите мои уверения...

Положив трубку, Генрих торжествующе и насмешливо улыбнулся. Лицо Иоганна было бледно, на висках выступили капли пота.

— Вот теперь я тебе поверил, — сказал Генрих. Спросил вкрадчиво: — Что, Иоганн, не так-то просто ухлопать старого друга! А ведь ты мог. Да?

— Налей мне, пожалуйста. — Вайс кивнул на бутылку с коньяком.

— Значит, тебе можно, а мне нельзя? Это несправедливо!

— Знаешь, Генрих, я сейчас так счастлив.

— Ну, еще бы, не пролил крови друга. В наше время это — редкое везение. — Генрих подошел к Иоганну, сел рядом с ним. — Давай помолчим. Я сам хочу разобраться во всем, что сейчас происходит. — Он закурил, вытянув ноги, положил их на другой стул и закрыл глаза.

Так, молча, они сидели недвижимо, пока не раздался телефонный звонок.

Генрих открыл глаза и вопросительно взглянул на Вайса. Тот посмотрел на часы.

— Подойди.

— И ты снова будешь целиться в меня из пистолета?

— Теперь нет.

Генрих взял трубку, и, по мере того как он слушал чей-то тревожно рокотавший в ней голос, лицо его становилось твердым и вместе с тем каким-то печально-спокойным. Положив трубку, он объявил Вайсу:

— Все! Ты прав.

— Ты хочешь спросить меня о чем-нибудь еще? — осведомился Вайс.

— А можно?

Вайс кивнул.

— Значит, ты с теми немцами, которые считают, что спасти Германию от Гитлера может только Красная Армия?

— Я с теми немцами,— сказал Вайс,— каким ты должен стать.

— Ты думаешь, я смогу?

— Да.

— Пока что,— сказал грустно Генрих,— ты уже спас меня. Я намеревался раз навсегда покончить со всей этой грязью. Я был очень одинок, Иоганн,— до иступленного отчаяния. Чувствовал себя узником, заточенным в собственной шкуре, и чтобы освободиться...

— Ладно,— прервал его Вайс,— теперь ты тоже не свободен, пока Германия не свободна.

— А это может быть, чтобы мы стали свободными?

— Ты только что не верил в возможность освободить четырех немцев. И вот они уже на свободе. И освободили их те, кто борется за свободную Германию.

— Но ведь это же русские создали организацию из военнопленных, она называется «Свободная Германия».

— Не русские создали организацию «Свободная Германия»,— возразил Вайс,— а немцы, освобожденные от власти гитлеровцев, создали ее с помощью русских.

— Чтобы, используя эту организацию немцев, завоевать Германию?

— Разве я похож на завоевателя? — усмехнулся Вайс.

— Но ведь ты не русский.

— Коммунисты, Генрих, всегда во все времена боролись за свободу и независимость Германии.

— Ты стал коммунистом?

— Если бы в Германии у власти стояли коммунисты, Советская страна была бы самым большим другом Германии.

— Да, пожалуй... — согласился Генрих.

— Но ведь русские большевики остались теми же большевиками, которые первыми заключили с Германией Рапалльский договор и этим освободили ее от блокады держав-победительниц,— напомнил Вайс.— Значит, русские, как и прежде, хотят, чтобы Германия была свободной, независимой и, конечно, социалистической.

— Только, знаешь,— сердито сказал Генрих,— не навязывай мне, пожалуйста, никаких верований. Я хочу оставаться свободным.

— Один?

— Там посмотрим,— уклончиво ответил Генрих.— Во всяком случае, теперь я не с теми, с кем был. Этого с тебя достаточно?

Как всегда после удачно проведенной операции, Зубов с особым рвением занялся служебными делами. На этот раз ему поручили руководить строительством складов для хранения металлолома.

В сущности, складов можно было не строить, а ограничиться примыкающими к железнодорожному полотну платформами, укрепив их фундамент. Но Зубов поддержал проект архитектора Рудольфа Зальцмана, представителя крупновской фирмы и племянника одного из ее директоров. Зальцману чрезвычайно хотелось возвести монументальные, с гробовидными кровлями, и строго внушительные, в стиле Третьей империи, сооружения. Так и было решено, а это потребовало много времени, дополнительной рабочей силы и ценных строительных материалов.

Канцелярия Зубова помещалась в крытой дрезине, и он без помех путешествовал по строительным объектам, распекая подчиненных за малейшее упущение.

Демонстрируя нетерпимую требовательность к качеству исполнения, он понуждал подчиненных переделывать уже наполовину готовую работу, утверждая, что речь идет о немецком техническом престиже.

Зубов был настолько занят, что Иоганну только на следующий вечер после операции удалось повидаться с ним.

Как уже не раз бывало после удачных вылазок, Зубов доложил Вайсу об этой отлично выполненной боевой операции с щегольским лаконизмом, граничащим с хвастовством. Уж очень ему хотелось, чтобы Иоганн сам подробно расспросил его.

Но Иоганн, как бы в отместку за это нескрываемое торжество Зубова, принял его более чем краткий доклад как нечто совершенно обычное и не стал ни о чем расспрашивать. Он только деловито осведомился, нельзя ли свести Шварцкопфа с освобожденными немцами и может ли эта встреча повлиять на Генриха в нужном направлении.

Зубов обиделся:

— Выходит, тебе эти немцы нужны были только как собеседники для твоего эсэсовца?

Иоганн ответил сдержанно:

— Если Генрих Шварцкопф будет с нами, считай это лучшим из всего, что мы здесь сделали.

Зубов недоверчиво усмехнулся. Подумав, он все же обещал все устроить, но просил несколько дней на подготовку. Главная трудность, как он объяснил, состояла не в том, чтобы организовать встречу, а в том, что нужно было еще выяснить, годятся ли эти немцы для беседы с Шварцкопфом.

А вот о том, как выполнил свое задание Ярослав Чижевский, Вайс расспросил Зубова с особой тщательностью. И оказалось, что далеко не все здесь благополучно.

Чижевский связался с группой польских патриотов, передал им материалы, неоспоримо свидетельствующие, что пан Душкевич — давний провокатор. И вся группа рассредоточилась, люди глубже ушли в подполье. Но покушение на Шварцкопфа не отменено, только срок отодвинулся. Значит, жизнь Генриха по-прежнему в опасности. И виноват в этом Иоганн, поскольку не счел нужным своевременно рассказать обо всем Зубову.

Теперь Зубов пообещал Иоганну сделать все, чтобы отвести опасность от Генриха. Он видел, как беспокоится Иоганн за жизнь Шварцкопфа, и невольно его охватывала ревность. Никогда еще, даже в минуты смертельной опасности, Зубов не замечал, чтобы Иоганн был так встревожен. И за кого тревожиться? За этого немца, какой бы он там ни был нужный и важный для дела человек. Значит, Иоганна связывает с Генрихом, помимо всего прочего, и дружба. А Зубов считал себя здесь единственным настоящим другом Иоганна. Что же это получается? Выходит, он теперь не более чем подчиненный, исполняющий поручения. А Иоганн будет все свое свободное время проводить с этим немцем, и, возможно, этот немец станет для него означать больше и даже делать больше, чем Зубов.

По выражению печали, горечи, отразившейся на лице Зубова, Иоганн чутко уловил, что этот разговор задел его. Было что-то наивное в обиде Зубова. Но в то же время и по-настоящему чистое. Люди, бесстрашные перед лицом смерти, часто теряются, когда жизнь неожиданно сталкивает их с холодом рассудочности, с черствой расчетливостью. Иоганн хорошо понимал это.

— Ты пойми меня правильно, — обратился он к Зубову с доброй серьезностью. — Генрих еще очень слабый человек, он как бы в тумане бродит: может к нам прийти, а может и на нас пойти. И я с ним... ну, как с больным, что ли.

— Ладно, — грустно согласился Зубов. — Выхаживай...

Иоганн подумал, что мог бы напомнить Зубову о Бригитте, но сдержался из опасения задеть друга: для него ведь все это тоже было мучительно не просто.

На прощание Зубов посоветовал Вайсу увезти куда-нибудь Шварцкопфа на несколько дней, пока Чижевский снова установит связь с польской группой.

Это вполне устраивало Иоганна, тем более что он должен был выполнить давнишнее поручение доктора фон Клюге. Кроме того, нельзя было пренебрегать командировочными документами, дающими существенные привилегии. Командировка давала также возможность раскрыть перед Генрихом еще одну сторону подлой работорговли, из которой не только руководство СС, но и германские промышленники, и имперские чиновники извлекали немалые доходы.

Генрих сразу же, даже не поинтересовавшись целью служебной командировки Вайса, согласился сопровождать его. Иоганн решил пока умолчать об этой цели, тем более что Вилли Шварцкопф поручил Генриху проверить, насколько успешно выполняет лагерная администрация секретный приказ о разработке проекта методологической инструкции для тех эсэсовцев, которым, если возникнет такая необходимость, предстоит уподобиться заключенным и раствориться среди них.

Когда Вайс спросил Генриха, для чего это нужно руководству СС, тот ответил пренебрежительно:

— А черт их знает! Но не думаю, чтобы эсэсовцы пошли на такие лишения из одного только желания доносить на заключенных.

— А для чего же все-таки?

— А помнишь, с каким упоением фон Зальц философствовал о социальной силе страха? — напомнил Генрих. — Я думаю, все из-за этого всеобъемлющего страха.

— Не понимаю тебя.

— Ну как же! Те, кого преследует страх, жаждут избавиться от него, скрыться где угодно, хоть в концлагере под видом заключенных. Это и есть спасение от возмездия. — Добавил с усмешкой: — Недавно дядя показал мне

ампулу с ядом — он теперь всегда носит ее с собой в зажигалке. И постоянно с тревогой ощупывает верхний карман кителя — проверяет, не забыл ли эту зажигалку. А как нащупает, поверишь, лицо у него становится наглым, насмешливым: вот, мол, что бы там ни было, а я могу от всего сразу избавиться, я-то уж выкручусь!

— Он всерьез думает о самоубийстве?

— Ну что ты! Он такой страстный жизнелюб. Ни за что не решится. Но сознание, что у него есть такая возможность, бодрит его. Вот и все.

— Значит, твой дядя думает, что война уже проиграна?

— Да нет, что ты! Просто он боится, что кто-нибудь за какой-нибудь проступок предаст его и фюрер прикажет его убить. На случай военного поражения у дяди, как у многих — и равных ему, и занимающих более высокое положение, — имеются другие благоприятные возможности.

— Какие?

— Ну и провинциал же ты, Иоганн! — рассердился Шварцкопф. — Неужели ты не понимаешь, что побудило большинство из тех, кто стоит поближе к фюреру, отговорить его от захвата Швейцарии, например?

Вайс отрицательно покачал головой.

— Господи! — воскликнул Генрих. — Но ведь в этой нейтральной стране мощные банки, и каждый более или менее значительный в империи человек держит там секретные вклады — гарантии на все случаи жизни. Понял? Нет, — повторил он, — все-таки ты провинциал.

— Да, конечно. Хотел бы я побывать в Берлине. Берлин — город моей мечты.

— Ладно, — пообещал Генрих, — я тебе как-нибудь покажу Берлин.

— Когда война закончится?

— А ты что, очень спешишь?

— Во всяком случае, я не хотел бы снова расстаться с тобой, — искренне заверил Вайс.

— Я тоже, — сдержанно сказал Генрих.

И снова начались поездки по концентрационным лагерям. Это были специальные детские лагеря или такие, в которых вместе со взрослыми заключали и детей.

Вайс беспощадно ввел Генриха в курс своей командировки, вынудил стать свидетелем чудовищной, страшной

процедуры, связанной с проверкой и отбором для экспорта за границу сотен высохших наподобие скелетов детей. Их выкупали родственники.

Не раз обескровленные умерщвляющим донорством, вялые, безразличные ко всему, дети равнодушно спрашивали при виде господ офицеров: «Что, нас уже в газокамеру, да?» Когда они задавали этот вопрос, лица у них были неподвижны и бесстрашны: ведь уже ничто на свете не могло напугать их; они пережили все земные ужасы и привыкли к ним, как привыкли к трупам, которые сами вытаскивали по утрам из барakov.

Все это так подействовало на Генриха, что Вайс стал опасаться, как бы он в припадке отчаяния не покончил с собой или вдруг не начал в упор стрелять из пистолета в сопровождающих их по лагерю представителей охраны и администрации.

Выход был один: отправляясь в очередной концлагерь, Вайс теперь заставлял Генриха оставаться в гостинице, где тот в одиночестве напивался обычно до потери сознания.

Но что мог Вайс поделать? Надо было закончить все, связанное с командировкой, тем более что, кроме детей, подлежащих продаже родственникам, он, пользуясь своими особыми полномочиями, включил в списки эвакуируемых из лагеря многих из тех, кого еще можно было спасти.

Вайс уже сообщил Зубову, чтобы тот, объединив своих людей с польскими партизанами, готовился напасть на охрану эшелона, в котором повезут детей, не имеющих родственников. Этих детей Вайс включил в отдельную, наиболее многочисленную группу. Предполагалось, что, когда детей освободят, их возьмут в свои семьи те, кто захочет заменить им родителей.

Только после того, как Вайс шифровкой сообщил Зубову, где будет стоять железнодорожный состав и когда начнется погрузка в него детей, он смог считать свое задание завершенным. Тем более что под видом конспирации всего этого коммерческого предприятия СС ему удалось добиться, чтобы детей не сопровождала специальная вооруженная охрана, забота о них была на сей раз поручена женам лагерного руководства, хотя надо сказать, что многие из этих дам не уступали своим мужьям в жестокости и умении владеть хлыстом и пистолетом.

Перед отъездом Вайс зашел за Генрихом в гостиницу и застал его в состоянии иступленного отчаяния. Он за-

явил: или Вайс поможет ему перебить всю эту сволочь, истязавшую детей, или он сделает это сам. Если же Иоганн попробует помешать ему, он застрелит его.

— Хорошо, — сказал Вайс, — я помогу тебе. Но сначала лучше помоги спасти детей.

— Как?! — закричал Генрих. — Как?

— В твоём распоряжении ещё несколько дней. Только не надо горячиться. Я располагаю сведениями о польских подпольщиках. Свяжись с ними. Я научу тебя, как это сделать.

— А ты?

— Я в таких опасных авантюрах не участвую. Уволь, пожалуйста, — холодно сказал Вайс. — Не хочу, чтобы меня повесили в гестапо.

— Трус!

— Да, — подтвердил Вайс. — И не скрываю этого от тебя.

— А что ты раньше говорил мне? В чём убеждал?

— Видишь ли, — рассудительно сказал Иоганн, — одно дело — критически относиться к тому, что происходит вокруг, а другое — решиться на открытую борьбу, то есть перейти на сторону тех, против кого мы воюем.

— Значит, вот ты какой!

Вайс пожал плечами. Не было у него сейчас сил на другой разговор. Его истерзала, обессилила неодолимая, слепящая ненависть. Он настолько изнемог за эти дни поездок по лагерям, что казалось, самообладание вот-вот покинет его.

Маленькие узники — подростки и дети — утратили в лагерях представление об ином мире, не похожем на тот, в котором они существуют.

Они привыкли к своей обречённости. Они знали, кого из них и когда поведут или повезут на тачке в «санитарный блок» — так называли здесь газовую камеру с глухими, незаконными стенами и покатым полом, обитым жёстью.

Раньше, когда не было газовой камеры и крематория, заключённых расстреливали по средам и пятницам. В эти дни дети пытались прятаться, и взрослые помогали им прятаться. А теперь, когда муфельные печи крематория работают непрерывно, днём и ночью, спрятаться от них нельзя. И дети не прячутся.

Раз в неделю для отправки в «санитарный блок» отбирают не меньше двадцати детей — сначала больных,

потом чрезмерно истощенных, а если больных и истощенных для комплекта не хватает, те, у кого на груди пришит желтый лоскут, знают, что пришла их очередь. Знают задолго до этого дня. Старшие дети объясняют младшим, что все это длится недолго и не так уж больно — менее больно, например, чем когда берут кровь. Нужно немного потерпеть, и потом уже не страшно, потому что ничего не будет — ни лагеря, ни голода, ни свитой из телефонного провода плети. Ничего.

В лагере дети говорили друг с другом на странной смеси языков, и никто их не понимал, кроме них самих.

— Господин офицер, — попросил Вайса метровый скелетик с изможденным лицом взрослого и огромными, детскими ясными глазами, — не отправляйте меня сегодня в газовку. — И пообещал: — Я могу дать еще кровь. — Объяснил деловито: — Прошлый раз кровь не пошла. А откуда у меня может быть кровь, если мою пайку съели крысы?

Мальчик это был или девочка — Иоганн определить не сумел. Единственным признаком, по которому можно было отличить детей от других заключенных, был их маленький рост, а лица у всех тут одинаковые — старческие, высохшие, неподвижные, как гипсовые маски, снятые с мертвецов.

Шарфюрер СС снабдил Вайса конфетами, чтобы ему легче было выведывать у детей об их прошлом. Но каждый раз, когда Иоганн угощал детей, они в испуге отшатывались и лица их становились бледно-серыми, а те, кто не мог устоять перед яркой оберткой, все же не решались положить конфету в рот.

Иоганн подумал, что они не знают или забыли, что такое конфета. И когда он стал настаивать, чтобы кто-нибудь из детей тут же съел свою конфету, кто-то из них, ростом повыше других, покорно подчинился и почему-то лег на землю. Спустя несколько секунд Вайс услышал вопль ужаса: подросток кричал, что ему дали плохой яд, он действует медленно и, значит, придется долго мучиться.

Вайс выхватил целую пригоршню конфет из своего пакета, лихорадочно развернул и стал исступленно жевать, стараясь убедить детей, что конфеты не отравлены.

Но подросток не верил ему и все вопил, что ему дали плохой яд. Другие дети молча, неподвижно стояли рядом, и никто из них не только с негодованием, но даже вопро-

тельно не взглянул на Вайса. И когда подросток наконец поднялся с земли, в глазах у него не было ничего, кроме удивления, что он жив и не испытывает мук.

Невозможно передать ощущения Вайса, когда он, стремясь спасти хоть кого-нибудь из заключенных, посещал так называемые «молодежные лагеря». Казалось, судорога намертво скорчила все его чувства, кроме непреодолимой жажды мщения.

Железные защитные доспехи Вайса жгли его. У него ни на что не было душевных сил, он почти не мог общаться сейчас с Генрихом, который впал в прострацию после первых же посещений детских лагерей и теперь, в состоянии тупого опьянения, лепетал только, что это чудовищно, что человек — мразь по своей сущности и всех людей на земле после такого надо уничтожить, как гнусных насекомых.

Вайс отобрал у Генриха пистолет, чтобы он не покончил с собой или не застрелил первого же эсэсовца, который пожелает нанести ему визит вежливости. И, когда уходил, запирали его на ключ в номере, наедине со шнапсом.

Белов ничего не мог поделать с собой, и порой ему чудилось, что он сходит с ума. Он ловил себя на том, будто издали, внимательно, пытливо и презрительно наблюдает за Вайсом, слышит его голос, когда тот обсуждает с администрацией концлагеря все детали отправки детей. Слышит, как Вайс говорит небрежно и цинично:

— Господа, не надо быть идиотами. Половина сдохнет в пути. Значит, исходя из этого расчета, следует комплектовать двойное количество. Плевал я на картотеки! Я сдаю определенное количество голов. Что? Вы полагаете, герр шарфюрер, что эти ублюдки о чем-нибудь помнят? В таком случае, смею вас заверить, вы больше подходите для фронтowego подразделения СС, чем для своей должности здесь. И я доложу об этом. Что? Ну, тогда отлично! — снисходительно произносит Вайс. — Теперь, надеюсь, вы поняли, какой у вас товар? — И уже по-приятельски советует: — Но обращаетесь вы с ним, я вам откровенно скажу, расточительно. Рекомендую умерить пыл. Вчера с вас могли взыскать за мягкотелость, а сегодня и завтра, пожалуй, повесят за то, что вы лишаете империю нового источника дохода. — И Вайс насмешливо заявляет: — Ах, вы не знали? А вам и теперь не надлежит знать ничего иного, кроме того, что вы ничего не должны знать.

И как бы со стороны он видит этого человека, этого

Вайса. Но это не человек, это говорящий манекен. И вдруг его с непреодолимой силой охватывает желание, чтобы этот манекен поднял свою руку, затянутую в перчатку, и с той же насмешливой улыбкой, растопырив пальцы, судорожно стиснул их на тощей шее шарфюрера. И, повинувшись его воле, рука манекена поднимается, но вдруг замирает у шеи шарфюрера, поднимается выше и треплет его по одутловатой щеке. И Вайс слышит свой голос, повинующийся не ему, а этому жесту:

— Ну что, шарфюрер? Вы довольны? Теперь ваши загончики пустуют. Никаких хлопот.

Шарфюрер довольно улыбается. Но улыбка сразу же исчезает с его лица, как только Вайс-манекен произносит сухим, трескучим голосом:

— Кстати, сегодня же надо начать их откармливать. Но так, чтобы не расстроились желудки. Позаботьтесь и о питании в пути. За падеж до момента доставки в эшелоны все-таки будете отвечать вы, а не я.

Сощурясь, Вайс-манекен роняет:

— Герр Шварцкопф обратил внимание на то, что вы откармливаете своих свиней провиантом, предназначенным для других целей. Я позабочусь, чтобы он забыл об этом, конечно, в том случае, если вы выполните все, о чем мы договорились.

Вайс-манекен шагает к воротам лагеря в сопровождении свиты из местного начальства. Перед тем как сесть в машину, подает шарфюреру руку. Руку манекена в перчатке.

Манекен остается один в машине. И тут один Вайс как бы поглощает другого Вайса. Теперь вместо двух Вайсов один — Белов-Вайс. Одно неразделимое целое. И теперь этому последнему уже невозможно с изумлением и непаவிстью наблюдать за Вайсом-манекеном.

Теперь в страшном, отторженном от всех одиночестве живой Вайс должен пережить все, что видел Вайс-манекен. И преодолеть муку, чтобы не повторилось больше это раздвоение, это хотя и облегчающее душу, но опасное наваждение.

Если бы Вайс мог вести себя здесь так, поступать так, как поступал Зубов, — действовать, он находил бы в этих прямых действиях спасительную разрядку от сверхчеловеческого напряжения душевных сил, воли, нервов. Но прямое, с оружием в руках действие стало для него запретной зоной. Он уже несколько раз рисковал жизнью,

нарушая свой долг разведчика. Больше он не имеет права так поступать.

Повинуясь этому самозапрещению, он должен был отказаться от борьбы с оружием в руках. Отказаться во имя того, чтобы Александр Белов в обличье Иоганна Вайса мог выполнить назначенный ему высший долг перед своим народом.

Александр Белову, как и многим его сверстникам, создававшие страну пятилетки казались героической атакой. Народ атаковал толщу времен, и она податливо расступалась, открывая веками грезившуюся цель, о которой говорили слова песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Поэтому все, что сбывалось, все, что делали рабочие руки народа, казалось сказочно прекрасным.

Белова, равно как и его сверстников, ошеломила быстрота, с которой советский народ воздвигал крепости индустрии. Объятые нетерпением, они были убеждены, что с такой же быстротой в советских людях проявятся те качества, которые окажутся присущи человеку будущего.

И с пылкой отвагой молодые люди искали возможности проверить, готовы ли они стать людьми будущего. Они хотели жить и работать в самых трудных условиях, где необозримо поле для героизма, а героизм повседневности воспринимается как обыденное явление. Любое отклонение от атаки они воспринимали как предательство в отношении людей будущего. Нетерпеливость рождала нетерпимость. Они были сурово требовательны к себе. Считали себя должниками тех, кто сломал для них ограду старого мира, открыл перед ними сияющие перспективы грядущего.

Поэтому ничего особенного, исключительного не было в том, что студент Александр Белов в канун второй мировой войны с радостной готовностью покинул институт и пошел в школу разведки. Став разведчиком, он был непоколебимо уверен, что ничто не устрасит его и, если понадобится, он без колебаний отдаст свою жизнь за дело, которому служит...

Но оказалось, что отдать жизнь — еще не самое трудное. Гораздо труднее сохранить ее как драгоценную, народную, а не свою личную собственность.

Его старшие товарищи, волей народа облеченные властью, послали его на еще более трудный подвиг: ему

следовало быть не самим собой, а тем, кого советские люди справедливо называли самым чудовищным порождением империализма.

Но, как и все его сверстники, Александр Белов имел чисто умозрительное представление об этом чудовищном порождении империализма. И когда опытные наставники-чекисты учили его, как перевоплотиться в фашиста, он слушал их и сдавал экзамены по всем необходимым предметам с самоуверенностью отличника, убежденного, что не все науки пригодятся ему в жизни. Важно только окончить курс, а когда он выйдет на просторы жизни, понадобится другое. Но что именно другое, Белов, конечно, не знал.

И обучить его этому другому наставники, при всем своем опыте и дарованиях, не могли.

Старый чекист Барышев опасался столкновения комсомольца Белова с этим другим больше, чем тактических промахов, хотя любой из таких промахов может стать гибельным для разведчика.

Барышев знал: читать, изучать, умозрительно представлять себе, что такое фашизм, — одно, а столкнуться с ним лицом к лицу — другое. И нет такого обезболивающего средства, которое могло бы уберечь душу советского человека от страданий, ярости, гнева, когда он, повинаясь своему долгу, обязан будет совершить самоотверженный подвиг самообладания. Неучастие в спасении жертв фашизма превращается как бы в соучастие в преступлении против них — это было самое ужасное.

Барышев это понимал и, случалось, поддерживал Вайса, когда тот испрашивал разрешения на проведение им лично операций, которые противоречили и духу и цели его непосредственного задания.

— Да, из Белова еще не выковался настоящий разведчик, — соглашался Барышев с тем, кто ему возражал. — Но он будет им, если поймет, что еще не обрел необходимой ему дальновидной выдержки.

Настоящий разведчик выигрывает целые сражения, но ведь начинает-то он тоже с операций местного значения. Сражение складывается из боев, бои закаляют. Но если разведчик бросается в бой, не дождавшись, пока враг приблизится на удобное расстояние, только потому, что его нервы не выдерживают, — это плохо. Однако такое случается и со старыми, испытанными бойцами.

Вайс получил через связного шифровку от Барышева

еще до своих рискованных разговоров с Генрихом Шварцкопфом.

Барышев прозорливо говорил о главном:

«Все сам. Ведь и там люди. Найди, убеди. Шварцкопф Генрих? Оторви от Вилли. Рудольф не захотел быть с ними. Его убили. Если сын пойдет дальше отца, он сделает там много больше, чем можешь ты. Это будет лучшее, что ты сделаешь».

Значит, Вайс должен добиться, чтобы Генрих стал его соратником.

Было известно, что провал зимней кампании и отказ Рузвельта и Черчилля принять тайное предложение германских дипломатов о заключении сепаратного мира и начале совместных действий против СССР вызвали у некоторых крупных деятелей рейха недовольство Гитлером. Эти недовольные полагали, что виной всему Гитлер, и если устранить его, то союзники СССР согласятся возобновить переговоры с фашистской Германией.

Не объясняется ли ненависть Генриха к Гитлеру этим обстоятельством? А его стремление к самоубийству могло объясняться тем, что он где-нибудь неосторожно проболтался о своей ненависти к Гитлеру и теперь страшится возмездия.

Как ни была истерзана душа Вайса недавно пережитым, он, не полагаясь на свою интуицию и следуя устойчиво сложившейся привычке, тщательно расчленил и выверил все, что относилось к Генриху.

Он знал, что в Германии существуют вполне благоустроенные «воспитательные учреждения», в которые, после экспертизы, проводимой эмиссарами расового отдела, и медицинского обследования, доставляют из оккупированных стран малолетних детей для «германизации». Детей воспитывали в презрении к своему народу, чтобы впоследствии, используя свои национальные признаки, они могли проникнуть во все сферы его деятельности.

В этих школах умерщвляли души детей, готовили из них врагов народов, кровь которых текла в их жилах. Эти человеческие «подделки» должны были служить тем же подрывным целям, что и фальшивая валюта многих стран, изготовленная под наблюдением СС в строжайше засекреченном блоке Равенсбрюка.

Однажды Вайс мельком спросил Генриха, не слышал ли он о таких детских школах.

— Ну и что, разве может быть иначе? — ответил Генрих рассеянно. — Если в немецких школах учатся дети иностранного происхождения, они, естественно, усваивают обычаи и культуру тех, кто их обучает.

— Для того, чтобы они стали шпионами, диверсантами!

— Но ты, кажется, тому же обучаешь их отцов? — насмешливо заметил Генрих.

Если бы Иоганн мог вместе с Зубовым спасти детей, когда их доставили к железнодорожному эшелону, это в какой-то степени облегчило бы его душу. Но так же, как и в предыдущий раз, он запретил себе участвовать в этой операции, лишил себя возможности даже на короткое время сбросить обличье Вайса.

Этой зимой, узнав, что в Варшаву прибыл эшелон с полуодетыми, долгое время лишенными воды и пищи, совсем крошечными двух-трехлетними еврейскими детьми, польские женщины бросились на охрану, расхватали, унесли детей, и немало женщин погибло под пулями эсэсовцев на обледеневших досках перрона.

Когда Зубов рассказывал об этом Вайсу, у него дрожали губы и вид был такой растерянный и несчастный, словно он один виноват в гибели женщин.

Неистовствуя, Зубов ударил себя кулаком по скуле и ожесточенно уверял Вайса:

— Ну, все! Я им такой салют устрою...

Спустя несколько дней взорвался состав бензоцистерн, стоявший рядом с эшелонном, в котором отправлялась на фронт очередная эсэсовская часть.

Зубов почти тотчас прибыл на своей дрезине к месту катастрофы и принял деятельное участие в извлечении полуобгоревших трупов из-под обломков.

И когда Вайс потом увиделся с Зубовым, тот с удовлетворенным видом сказал ему:

— Почаще бы подворачивалась такая работенка, и можно жить со спокойной совестью!

А вот Вайс никогда не испытывал этого освобождающего, счастливого удовлетворения.

В последнее время он все чаще думал о том, как необходим ему здесь достойный соратник. Если бы заодно с ним действовал человек, обладающий не меньшими, чем он, а значительно большими возможностями проникновения

в правящие круги рейха, это принесло бы настоящую пользу делу.

На обратном пути в Варшаву Вайсу мало о чем удалось поговорить с Генрихом.

Генрих был подавлен, мрачен. Возможно, он просто плохо чувствовал себя после тяжелого запоя в одиночестве.

Лицо Генриха опухло, глаза были воспалены. Его снова охватило отвращение к жизни, безразличие ко всему на свете.

Он сразу же потребовал, чтобы Вайс быстрее гнал машину.

— Асфальт скользкий, опасно: можно разбиться.

— Ну и разобьемся, велика беда! — ворчал Генрих. И, ежась, жаловался: — Я весь будто в дерьме. Скорее бы принять ванну.

— Хочешь быть чистеньким? — спросил Вайс.

— Ты меня сейчас лучше не трогай!

— Ладно, — согласился Вайс и осведомился: — Но ты скажешь, когда можно будет тебя тронуть?

— Скажу. — Генрих закрыл глаза, пробормотал: — А все-таки неплохо сейчас шлепнуться в лепешку, чтобы ничего больше не было.

Вайс вспомнил, как в лагере дети говорили о газовой камере: «Немного потерпеть — и потом больше ничего не будет. Ничего!» Он оглянулся на полулежащего с закрытыми глазами Генриха. Не испытывая ни жалости, ни сочувствия, Иоганн пытался найти в его одутловатом лице с набрякшими темными веками и сухими, потрескавшимися губами хотя бы признаки решимости, воли — и не находил. Это было лицо ослабевшего, утратившего власть над собой, отчаявшегося человека.

И вот на этого человека Иоганн решил сделать ставку. Он вел машину как никогда вдумчиво и осторожно. И не потому, что опасался аварии на скользком от дождя шоссе. Нет. Он решил, что отныне будет особенно беречь Генриха. Это единственно правильная тактика, и он должен терпеливо применять ее для того, чтобы Генрих понял, как бесценна жизнь, если она отдана борьбе за освобождение своего народа.

Не успел Генрих войти в свой номер в варшавской гостинице, как хмуро объявил, что прежде всего примет хорошую дозу снотворного, чтобы забыться.

Тон, каким это было сказано, явно свидетельствовал: присутствие здесь Вайса нежелательно.

Но Иоганн твердо решил, что до тех пор, пока не получит информацию о переговорах Чижевского с польскими патриотами, он не отойдет от Генриха. И сказал:

— Ты не будешь возражать, если я устроюсь тут на кушетке? — И стал раздеваться, будто не сомневался в согласии Генриха.

— У тебя, кажется, есть своя комната, — проворчал Генрих.

Вайс не ответил. Он сосредоточенно снимал сапоги и, казалось, был настолько поглощен этим занятием, что ничего не слышал.

Когда Генрих вышел из ванной, он взглянул на Вайса, — тот, видимо, уже заснул.

Генрих погасил верхний свет, зажег стоявшую на ночном столике лампочку с голубым абажуром, улегся на спину и закурил.

В открытые окна комнаты не доносилось ни звука. Огромный погасший город был тих, как пустыня.

Два желания боролись в душе Генриха, он не знал, что лучше — выпить или принять снотворное. И когда первое победило и он, шаркая ночными туфлями, побрел к установленному бутылками серванту, неожиданно раздался отчетливый и громкий голос Вайса:

— Не надо, Генрих!

— Ты что же, не спишь? Следишь за мной?

— Просто беспокоюсь за тебя.

— Какого черта?!

— Мне казалось, тебе тяжело оставаться одному.

— Правильно, — успокоился Генрих. — Но в таком случае давай выпьем вместе.

— Зачем? Чтобы не думать о том, что мы с тобой видели в концлагерях, и притворяться, будто всего этого нет и не было?

— Чего ты от меня хочешь? — воскликнул Генрих. — Чего?

Вайс встал, взял сигарету. Подошел к Генриху и, прикуривая от его сигареты, пытливо взглянул на него.

Лицо Генриха было сведено болезненной гримасой.

— Тебе ведь плохо, я знаю.

— Мне всегда плохо после выпивки.

— Нет, не поэтому. — Помедлил: — Ты мне веришь?

— Я теперь никому не верю, и себе тоже.

Вайс снова улегся на свою кушетку.

— Я хочу задать тебе один вопрос, Генрих, — раздался его голос после долгого молчания. — Как ты думаешь, если бы твой отец вернулся на родину, он стал бы служить наци?

Генрих молча выпил, шаркая туфлями, отошел от серванта, улегся, погасил свет. Спустя некоторое время снова закурил и вдруг прошептал:

— Нет.

Вайс ничего не сказал, как будто не слышал.

Генрих прислушался и повторил:

— Нет, отец не стал бы им служить. — Спросил: — Ты спишь, Иогани?

Вайс снова не ответил. Сейчас он услышал самое главное. Ответ Генриха обнадежил, воодушевил его. Ему хотелось встать со своей кушетки, подойти к Генриху, заговорить с ним наконец откровенно, рассказать правду об убийстве его отца. Но Иогани сдержался. Он хотел, чтобы соучастие Вилли Шварцкопфа в этом преступлении не явилось бы главным для Генриха при окончательном решении своей судьбы.

Притворившись спящим, Вайс слышал, как Генрих погасил сигарету о пепельницу и налил в стакан воды, чтобы запить снотворное, как долго он еще ворочался, прежде чем забылся тяжелым, беспмятным сном...

57

Зубов вернулся в Варшаву только через несколько дней. Он был возбужден, радостен. Детей спасли и благополучно роздали в польские семьи. Но мало этого — в операции приняло участие столько добровольцев, что следовало подумать о формировании партизанского отряда из местного населения.

Зубов сообщил также Вайсу, что освобождение приговоренных к казни немецких военнопленных не прошло бесследно. Гестапо и военная полиция арестовали много немецких солдат; те с изумлением рассказывали о дерзком налете, хотя им было строжайше приказано ни слова не говорить об этом.

Что же касается дела, порученного Чижевскому, то тут все не так просто, как думалось вначале.

Оказывается, с поляками, которым пан Душкевич указал на Генриха Шварцкопфа, связан английский развед-

чик. Собственно, по его инициативе эта группа и сформировалась исключительно из патриотически настроенной польской интеллигенции. Ими движет ненависть к оккупантам, но никаким опытом конспирации и тем более умением бороться с оружием в руках они не обладают. Этот английский разведчик выдал себя за руководителя группы и, получив от Чижевского материалы, свидетельствующие, что пан Душкевич — провокатор и замышленное им убийство Генриха Шварцкопфа носит провокационный характер, скрыл их от поляков. И Чижевский пока ничего не может поделать, так как группа переменила места явок и связь с ней утрачена.

Обдумав все это, Вайс и Зубов пришли к выводу, что английскому агенту, очевидно, было специально поручено создать группу Сопротивления из людей, которые менее всего приспособлены к вооруженной борьбе. Их гибель была бы злоумышленной. Прежде всего она послужила бы полякам предостережением, показала бессмысленность вооруженной борьбы с оккупантами. Кроме того, у гестапо появился бы повод провести массовые аресты среди польской интеллигенции, загнать в концлагеря семьи тысяч честных людей, отказавшихся служить палачам. Но и это еще не все. Покушение будет произведено на племянника одного из ближайших сподвижников самого Гимmlера, и тот, возможно, прикажет предпринять гигантские карательные меры против поляков. А это, конечно, на руку Дитриху. Он давно мечтает продемонстрировать дееспособность контрразведывательного отряда абвера в широкомасштабной операции, о результатах которой можно будет послать свой личный доклад рейхсфюреру.

Вайс не исключал возможности, что английский агент действовал с ведома Дитриха, под контролем разведки абвера. И во всяком случае, можно было не сомневаться, что кандидатура Генриха была указана Дитрихом через Душкевича.

Посоветовавшись с Зубовым, взвесив все, Вайс сказал, что именно Чижевскому надо поручить заботу о безопасности Генриха. Чижевскому следует во что бы то ни стало разыскать поляков, входивших в эту немногочисленную группу, он знает их в лицо, и ему будет легче, чем любому другому, предотвратить покушение.

Так и решили. Покончив с этим делом, Вайс спросил, что представляют собой освобожденные немцы.

Зубов объяснил, что он был в группе прикрытия и еще

не успел поговорить ни с одним из них, но теперь обязательно найдет время побеседовать.

— Как?

— Очень просто, как со всякими другими.

Вайс взглянул в серо-синие, весело блестящие глаза Зубова и не мог сдерживать улыбки. Уступая их беспечному сиянию, он, вместо того чтобы строго отчитать Зубова за пренебрежение правилами конспирации, осведомился:

— Что же, сядешь рядом и побеседуешь?

Понимая, что Иоганн не удовлетворен его словами, — мало сказать, не удовлетворен, — Зубов увильнул от прямого ответа.

— Операция была — сплошной блеск ума, — хвастливо объявил он. — Никого из гестаповцев пальцем не тронули. Посадили вместо заключенных в фургон, заперли — только и всего. Пташек сел за шофера, погнал по другой дороге — прямо к железнодорожному переезду. Дождался поезда. Ну, и нарушил правила движения транспорта. А сам на велосипеде только к утру вернулся. Доложил: ко всему еще и эшелон приплюсовал.

Вайс спокойно выслушал эти слова, звучащие как упрек за то, что он цепляется к мелочам.

— Так, — сказал он непреклонно. — Выходит, операцию ты продумал, выполнил и теперь как бы в умственном отпуску?

— Отдыхаю, — согласился Зубов.

— Чтобы на пустяке провалиться?

Зубов вздохнул, сказал, жалобно моргая:

— Ты сказал: «Поговори», — ну, я и ответил: «Поговорю». А у тебя лицо такое, будто я в чем-то виноват!

— Да в том виноват, что себя не бережешь! — И, не давая Зубову оправдаться, Иоганн приказал: — Ты этих немцев в тодтовский строительный отряд пристроил. Так вот, есть у тебя там Клаус, надежный антифашист. Пусть он с ними и побеседует.

— Правильно! — обрадованно согласился Зубов. — Он их до костей прощупает.

— А кто мне расскажет об этой беседе?

— Ну, я же! Клаус мне расскажет, а я — тебе.

— Нет, — возразил Вайс. — Надо, чтоб информация была точной.

— А я сам не смогу запомнить, что мне Клаус скажет? — изумился Зубов.

— Надо, чтобы во время самой беседы, помимо Клауса, кто-нибудь еще мог составить мнение об этих немцах.

— Значит, чтобы двое с ними разговаривали?

— Да нет, разговаривает пусть один Клаус. Но надо, чтобы кто-нибудь другой, не принимающий участия в беседе, мог бы объективно судить о них со стороны. Говорить и одновременно наблюдать — трудно.

— Ну хорошо, я помогу — послушаю, как они будут разговаривать.

— Тебе нельзя.

— Почему?

— Любой из них может тебя выдать.

— То есть как это — выдать, когда я их спас?! — возмутился Зубов.

— Тебе бы, Алеша, не во вражеском тылу работать, а на фронте батальоном командовать.

— А здесь я плохо воюю? — обиделся Зубов.

— Ну, вот что. — Вайс встал. — Поручаю тебе присутствовать при беседе, но никто из них не должен тебя видеть.

— Здрас-сте! Да что я, человек-невидимка?

— Хорошо, — досадливо поморщился Вайс. — Допустим, ты прикажешь, чтобы Клаус побеседовал с ними возле дощатой кладовой, где у вас хранится инструмент. А в этой кладовой окажется кто-нибудь и услышит весь этот разговор. Что тогда?

— Возле кладовой нельзя. Я бы такой глупости не допустил.

— Ты пойми, — взмолился наконец Вайс, — пойми, прочувствуй до конца: самое вредное в тебе, самое опасное — что ты не хочешь бояться, ну, попросту трусить.

— Что я, хлюпик какой-нибудь? — возмутился Зубов.

— Так вот, — серьезно сказал Вайс. — Ты ведь хорошо знаешь, что не только собой рискуешь, но и мной, и всеми, кто входит в твою группу. И как бы ты там героически ни погиб, твоя смерть по отношению ко всем нам будет предательством. Потому что тебя убьют не как немца, а как советского боевика-разведчика, и ты всех нас потянешь за собой. Понял? Кстати, учти: Бригитту тогда тоже повесят. Повесят из-за какой-нибудь дурацкой оплошности, вроде этой... — Вайс передразнил: — «Побеседую». А если один из четырех спасенных немцев вздумает потом покаяться и предаст своего спасителя?

Зубов не удержался от улыбки.

— Правильно. Даже в Библии подобные факты записаны. И в связи с тем, что не извлек уроков из Священного писания, я тоже влипнуть могу.

Вайс не поддержал шутки.

— Запомни еще одно. Если ты погибнешь, другой должен будет занять твоё место. Ты знаешь, как это не просто. Пока это произойдет, многие наши люди, гораздо более стоящие, чем мы с тобой, погибнут. И мы с тобой будем виноваты в их гибели.

— Понятно,— печально согласился наконец Зубов.

Вайс улыбнулся и, смягчаясь, произнес с воодушевлением:

— Жизнь дается один раз, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю, чтобы последующие поколения не имели права сказать про каждого из нас: «То было ничтожество». Или еще хуже...

— Кто это сказал? — жадно спросил Зубов.

— Чехов.

— Вот не ожидал!

— Почему?

— Ну он такой скромный, задушевный — и вдруг... — Зубов задумался: — Ладно,— твердо сказал он,— теперь как в шашки: на три хода вперед все буду продумывать.

Через два дня Зубов обстоятельно информировал Вайса о беседе Клауса с освобожденными немцами и о своих впечатлениях от этой беседы.

Вайс решил, что для встречи с Генрихом из этой четверки наиболее подходит Хениг.

Клеменсу Хенигу, степенному и малоразговорчивому, было уже за сорок. Демонстративно отказываясь участвовать в казни советских военнопленных, он рассчитывал, что его поддержат другие солдаты, но этого, увы, не случилось. Он винил в этом себя: значит, недостаточно активно вел антифашистскую пропаганду в батальоне, и поэтому его поступок не вызвал того эффекта, на который он рассчитывал.

— Серьезный немец,— одобрительно заключил Зубов, передав слова Хенига.

— Правильно,— согласился Вайс.— Лучшего человека и не придумаешь.— И обстоятельно объяснил Зубову, какое поручение Клаус, будто бы от своего имени, должен дать Хенигу.

Встреча Генриха с Клеменсом Хенигом состоялась в ближайший же день, но Вайс не стал расспрашивать о ней Генриха. И Генрих, в свою очередь, не счел нужным поделиться с Вайсом своими впечатлениями об этой встрече.

Спустя несколько дней Зубов сообщил, что в назначенный Хенигом тайник Генрих Шварцкопф положил копии довольно ценных документов.

Теперь Вайс счел возможным спросить Генриха о том, какое впечатление произвел на него Хениг.

Генрих ответил скороговоркой, что этого немца спасла партизанская группа противника. По-видимому, он отказался казнить военнопленных не по политическим мотивам, а из чисто гуманных побуждений.

Эта внезапная скрытность Генриха обрадовала Вайса.

И вообще поведение Генриха изменилось. Он стал неразговорчив, совсем перестал пить: даже в ресторане, окруженный эсэсовскими офицерами, наливал в свой бокал только минеральную воду.

Как-то один из офицеров позволил себе пошутить по этому поводу. Генрих с уничтожающей надменностью уставился шутнику в глаза и так зловеще осведомился, не адресована ли эта шутка одновременно и фюреру, который являет собой высший образец воздержания, не пьет ничего, кроме минеральной воды, что лицо эсэсовца стало серым и он долго извинялся перед Генрихом, испуганно заглядывая в его неумолимо строгие глаза.

Теперь, когда они оставались вдвоем, роли их поменялись: уже не Вайс допытывался у Генриха, в чем тот видит цель жизни, а Генрих настойчиво выпрашивал об этом Вайса. И если раньше Генрих гневно обличал мерзостные повадки берлинских правящих кругов, то теперь, когда Вайс пытался рассказывать о нравах старших офицеров абвера, Генрих обрывал его, утверждая, что рейх не рай, а государство, которое открыто провозгласило насилие своей политической доктриной. И те, кому поручено осуществлять политику рейха, должны обладать крепкими нервами и такой же мускулатурой. Что касается морали и нравственности, то безнравственно применять эти понятия к людям, которые освобождают жизненное пространство для установления на нем нового порядка.

Вайс слушал разглагольствования Генриха, радуясь той стремительной метаморфозе, которая произошла с его приятелем. С каждым днем Вайс проникался все большим

уважением к нему. Генрих стал необыкновенно осторожен, не хотел откровенничать даже с ним, с Вайсом. В Генрихе теперь ощущалось нечто совсем иное, он стал целеустремленным, собранным. Исчезло дряблое, колеблющееся, мучающееся существо, которое совсем недавно называли Генрихом Шварцкопфом.

И Вайс с удовольствием замечал, что Генрих словно бы удаляется от него, поглощенный «особо секретным поручением Берлина», как он сказал.

Но вот однажды Зубов сообщил Вайсу: Генрих требует, чтобы Хениг устроил ему встречу с советским разведчиком. Генрих объяснил, что располагает весьма важными сведениями и считает возможным передать их не через кого-либо из посредников, а только в руки советскому разведчику.

— Хорошо, — согласился Вайс, — я с ним встречусь. — И назвал наиболее подходящее для этого место.

— Давай я пойду, — предложил Зубов. — Может, еще рано тебе раскрываться? Не стоит все же рисковать.

— Спасибо.

— За что? — спросил Зубов.

— Ну, за осторожность.

— Да я за тебя волнуюсь.

— А я думал, за всех нас.

— Зря ты ко мне цепляешься, — обиделся Зубов. Но долго обижаться он не умел и тут же похвастал: — А я недавно речугу двинул перед отрядом тодтовцев — не хуже самого фюрера. — Признался: — Правда, по бумажке. Сплошные цитаты. Но снайперски в стиль попал. Воодушевил всех до полного обалдения.

— Молодец, — похвалил Вайс.

— Блевотина, — махнул рукой Зубов.

Хениг сообщил Генриху день, час, место встречи с представителем советской разведки, связанным с немецкой антифашистской группой, а также пароль, отзыв.

Вайс еще издали увидел Генриха.

Набережная Вислы была пустынной. И хотя погода выдалась солнечная, жаркая, на пляжи высыпали только немецкие солдаты. Самые пожилые из них терпеливо сидели с удочками.

Вайс облокотился о парапет и стал смотреть на воду, покрытую жирными пятнами мазута.

Когда Генрих подошел поближе, он обернулся к нему с улыбкой.

Но Генрих не обрадовался этой встрече. Лицо его выражало скорее досаду, чем удивление. Кивнув, он осведомился безразличным тоном:

— Оказывается, ты любитель свежего воздуха?

— Да, — сказал Вайс. — В городе слишком пыльно и душно. — И пошел рядом с Генрихом.

— Тебе куда? — спросил Генрих, озираясь.

— Безразлично, куда хочешь.

— Извини, — сказал Генрих, — но у меня иногда возникает потребность побыть наедине с самим собой.

— Другими словами, ты просишь меня удалиться?

— Ты удивительно чуток, — усмехнулся Генрих.

Вайс протянул руку и дружески застегнул третью, считая сверху, пуговицу на его кителе, потом застегнул ту же пуговицу у себя на груди, объяснил значительно:

— Мы с тобой сегодня, кажется, одинаково небрежны.

Генрих изумленно уставился на него.

— Ну! — приказал Иоганн.

— Рейн, — механически пролепетал Генрих.

— Волга.

— Но этого не может быть! — запротестовал Генрих.

— Почему?

— Но как же так: ты — и вдруг?! — Генрих даже отшатнулся.

— Ну что ж, будем знакомиться? — Вайс протянул руку.

Генрих нерешительно пожал ее.

— Все-таки это невероятно, или...

— Я понимаю тебя, — сказал Вайс. — Нужны доказательства?

Генрих кивнул.

Вайс предложил спуститься на берег и пройти на брандвахту, которую он заранее обследовал.

Лучшее место для откровенной беседы трудно было найти.

— Садись. — Вайс указал Генриху на деревянный, расщепленный и протертый канатами кнехт, похожий на гигантский трухлявый гриб.

— А ты?

— Читай, — приказал Вайс, подавая Генриху стопку тоненьких листочков. Объяснил: — Это копия дела об убийстве Рудольфа Шварцкопфа. Здесь показания Папке. Ты помнишь Папке? Я устроил так, что этого подлеца переброшили через фронт на парашюте, и наши захватили его на

месте приземления. Но для советских следственных органов он представлял интерес только как соучастник убийства советского гражданина — твоего отца.

— Мой отец не был советским гражданином!

— Здесь есть фотокопия письма твоего отца, в котором он сообщал правительству Латвии, что решил принять советское подданство. Читай, — повторил Вайс и добавил сочувственно: — Я пока оставлю тебя одного, но буду рядом, погуляю по набережной. Когда прочтешь, мы погуляем вместе.

Генрих не ответил. Он жадно припал глазами к тонким листам бумаги, трепещущим на речном ветру.

Вайс медленно ходил по плитам песчаника, устилавшим набережную. Ему было жаль Генриха, он понимал, как тяжело ему узнать об ужасных подробностях убийства отца, о которых столь обстоятельно сообщил следователю Папке. Но одновременно Вайс понимал и другое: теперь Генрих будет окончательно и решительно избавлен от засасывающего гнета того мира, который ласкал его рукой Вилли Шварцкопфа — рукой братоубийцы.

Прошло достаточно времени для того, чтобы прочесть документы, а Генрих все не появлялся. Не дождавшись его, Вайс снова поднялся на обветшавшую палубу брандвахты.

Генрих сидел на кнехте. Лицо его было бледно. Он оглянулся, глаза его жестко блеснули.

— Я убью его.

— Запрещаю. — Вайс предчувствовал, что Генрих именно так и скажет, и заранее обдумал ответ. Добавил нарочито официальным тоном: — Вилли Шварцкопф будет судим советскими органами, и Папке повторит на суде свои показания.

— Когда?

— Частично это зависит и от нас с тобой.

— Не понимаю, — возмутился Генрих, — почему ты до сих пор скрывал от меня все это?

И этот вопрос Генриха был уже давно предугадан.

— Я хотел, чтобы ты сам пришел к своему решению, — сказал Вайс. — Сам. И не только потому, что Вилли убил твоего отца. И ты понимаешь, почему убил: Рудольф Шварцкопф компрометировал Вилли Шварцкопфа, мешал его карьере. Я хотел, чтобы ты пришел к своему решению главным образом потому, что весь этот мир, мир Вилли и ему подобных, стал враждебен тебе. Что, если бы ты из

одного чувства мести перешел к нам? Кем бы ты тогда был? Только исполнителем моей воли в пределах определенных заданий.

— А кем я должен быть?

— Человеком, который действует во имя блага своей родины, руководствуясь своими убеждениями.

— И для этого я должен помогать разгрому Германии!

— Освобождению немецкого народа,— поправил Вайс,— с нашей помощью.

— А потом? Потом завоеватели будут диктовать немцам свою волю?

— Потом немецкий народ сам выразит свою волю. Советское государство безоговорочно примет решение народной власти.

Генрих слушал с блуждающим взглядом. Перебив Вайса, он спросил жадно:

— Но ты еще до войны перешел на советскую сторону, потому что ты коммунист, да?

— Но я же русский,— просто сказал Вайс.

Генрих вскочил с кнеха:

— Это неправда!

Вайс растерялся:

— То есть как это неправда?

— Когда я встретился с тобой после Берлина, я был просто эсэсовцем, но ты все-таки встретил меня как бывшего своего друга и обрадовался мне. Искренне обрадовался. Я знаю, искренне.

— Ну, правильно.

— Как же так может быть: я твой враг, немец, эсэовец, а ты русский коммунист — и вдруг...

— Но я же любил тебя когда-то как своего товарища, знал, что в тебе есть много хорошего. Самое непростительное для советского разведчика — не уметь разглядеть во враге человека. Ты знаешь, что изображено на эмблеме чекистов?

Генрих отрицательно покачал головой.

— На ней щит и меч,— сказал Вайс.— И наш долг,— где бы мы ни были, прикрывать этим щитом людей, спасти от злодейства.

— Значит, ты сейчас как бы распростер надо мной этот благодетельный советский щит?

— Нет,— сказал Вайс.— Просто ты сам взял сейчас в руки и щит и меч.

— Хорошо,— согласился Генрих. И пожаловался:— Но все-таки мне почему-то трудно поверить, что ты русский.

— Ну, а если бы я был не русский, а немец-антифашист, коммунист, разве это повлияло бы на твое решение?

— Пожалуй, нет,— задумчиво сказал Генрих и настойчиво потребовал:— Но все-таки объясни, как мог ты так неулично притворяться? Это просто невероятно!

— Видишь ли,— сказал Вайс,— я еще со школьной скамьи был уверен, что первой после нас, первой европейской страной, где произойдет революция, будет Германия. Учил язык, много читал. Германия стала как бы моей любовью. А когда к власти пришли фашисты, я хотел бороться против них вместе с немецким народом. И мне нетрудно было чувствовать себя немцем. Но не просто немцем, а немцем из тех, кого я чтил как революционных борцов. Самым мучительным здесь было то, что такие долго не встречались мне. Но, ты сам понимаешь, абвер не то место, где их можно найти.

— Да,— вдруг серьезно сказал Генрих,— ты действительно русский.

— Почему ты только сейчас поверил в это?

— Ты извини меня, но так разговаривать могут только русские.

— Ты что, не согласен со мной? — тревожно спросил Вайс.

— Я просто хочу сказать, что ты действительно именно русский. Сразу раскрыл мне свою душу...

— А как же иначе? — удивился Вайс.— Мы же теперь будем вместе.

— Да, вместе,— сказал Генрих. Поднялся, взволнованно положил обе руки на плечи Вайса.— Я тебе верю.— И сразу потребовал: — Скажи твое настоящее имя!

— Знаешь,— смутился Вайс,— без специального разрешения я не могу тебе его назвать.— И тут же заверил:— Но как только придет время, я скажу.

— Ладно,— согласился Генрих,— я подожду, но мне очень хотелось бы, чтобы это время наступило скорее.

Вайс первым ступил на сходни, перекинутые с брандвахты на илистый берег.

— Одну минутку,— попросил Генрих.

Вайс остановился.

Генрих смотрел на него сердито, во взгляде его было разочарование.

— Я предполагал встретиться здесь с человеком, для которого важнее всего будет получить от меня некоторые сведения.

Вайс улыбнулся. Действительно, его так переполняла горделивая радость, какую, верно, человек ощущает только тогда, когда спасает другого человека, что он позабыл обо всем на свете.

— Эх, ты! — сказал Генрих. — Чувствительная русская душа. — Пожал плечами, произнес раздумчиво: — Не понимаю. Неужели для тебя, советского разведчика, мои признания важнее, чем сведения, которые я могу сообщить? Странные вы люди.

— Вообще-то ты прав, — пробормотал Вайс. — Я, понимаешь, так обрадовался... — И тут же с непреклонной убежденностью объявил: — Но ведь самое главное — ты. Твое решение.

Они снова вернулись на брандвахту.

Когда с делами было покончено, Вайс проводил Генриха до машины, которую тот оставил возле сквера.

Сидевшие в обнимку на ближайшей скамье юноша и девушка поспешно поднялись, увидев, что Генрих открывает дверцу. Юноша, держа руку в кармане, направился к машине, а девушка отошла за дерево. Откуда-то из-за киоска выскочил Чижевский, бросился на юношу. Вайс успел сбить с ног Генриха, упал на него как раз в то мгновение, когда раздались глухие, частые звуки, будто пробки вылетали из пивных бутылок, — так стреляет пистолет с глушителем.

С треском вылетали стекла, зашипел пробитый скат машины. Закрывая Генриха своим телом, Вайс искоса увидел, что юноша рухнул на землю, сраженный ударом в челюсть. Чижевский же зигзагами бежит к дереву, за которым стояла девушка, положив на согнутую руку толстый ствол пистолета с навинченным на него глушителем.

Вайс подсчитал выстрелы и, когда по его расчету в обойме мог оставаться только один патрон, вскочил, включил мотор, с силой нажал на голову Генриха, заставляя его пригнуться, и погнал машину на полной скорости. Он успел увидеть, как девушка поднесла пистолет к груди и как вскинул для удара руку Чижевский. Глухого звука выстрела он не услышал. Все поплыло перед глазами,

голову пронзила невыносимая слепящая боль. Вот оно что! Значит, он не стукнулся головой о подножку машины, как ему показалось, когда он упал, чтобы прикрыть собой Генриха. Это пуля рикошетом от мостовой ударила его. Теряя сознание, Иоганн последним усилием воли до конца вдавил педаль ножного тормоза.

Очнулся Вайс в комнате Генриха. И сразу же подумал: какая умница Генрих! Не отволок его в госпиталь, вызвал врача в гостиницу. Этой осмотрительности Вайс обрадовался не меньше, чем известию, что ранение его оказалось поверхностным. Голова, правда, по-прежнему мучительно болела от контузии.

Генрих, сияя глазами, радуясь, что Иоганн так счастливо отделался, осведомился:

— Кажется, вы изволили спасти мне жизнь?

— Да ну тебя!

— Почему же? Это так трогательно.

— Молодец, что не отвез в госпиталь.

— Я же любопытен,— сказал Генрих,— и предпочел первым узнать от тебя, из каких соображений меня чуть было не убили. Очевидно, твои соратники не знали, что я оправдал твои предположения, и по неведению решили поступить со мной так, как если бы я их не оправдал.— Добавил холодно: — Однако твое доверие ко мне зиждилось на пистолетной гарантии. Я не в осуждение. Просто констатирую, что все вы, люди, занимающиеся такого рода делами, пользуетесь универсальными средствами.

— Неправда! — горячо воскликнул Вайс. — Неправда!

Ему было трудно говорить: каждый звук, который он произносил, отдавался в голове, словно тяжелый удар. И все же, преодолевая боль, Вайс обстоятельно и точно рассказал Генриху всю историю этого спровоцированного Дитрихом покушения.

Генрих, не прерывая, выслушал Вайса и мстительно заявил, что гестапо сегодня же займется Дитрихом.

— Нет,— твердо сказал Вайс.

Он настоял, чтобы Генрих встретился с Лансдорфом и изложил ему все обстоятельства покушения. При этом ни в коем случае не следует требовать расследования дела и наказания Дитриха. Наоборот, Генрих должен придать разговору самый миролюбивый характер. Надо убедить

Лансдорфа, что Генрих заботится только о том, как бы получше сконтактировать работу СД и абвера. И если Лансдорф поверит, что, несмотря даже на покушение, самое настойчивое желание Генриха — укрепить отношения с абверовцами, и не сообщит о происшедшем в Берлин, — что ж, тогда можно считать, что он клюнул на эту удочку.

Генрих блестяще выполнил рекомендацию Вайса. И тут немало помогла ему репутация беспечного малого, прожигателя жизни, для которого поручение проверить работу «штаба Вали» — не более как наказание за недостаточное послушание. Поэтому, чтобы вернуть расположение Вилли Шварцкопфа, которое для него важнее всего, он всячески стремится привезти в Берлин хорошо составленный отчет обследования.

Беседа с Генрихом произвела на Лансдорфа самое благоприятное впечатление. И когда Вилли Шварцкопф позвонил ему из Берлина, чтобы осведомиться об успехах племянника, Лансдорф так комплиментарно отозвался о Генрихе, будто тот был и его родственником.

Когда они снова встретились, Лансдорф передал Генриху свой разговор с Вилли Шварцкопфом и покровительственно заметил, что позволил себе в этом разговоре несколько преувеличить достоинства его племянника, дабы еще больше укрепить свою с ним дружбу.

Лансдорф сказал также, что Вилли Шварцкопф передал ему просьбу бригаденфюрера СС, генерала Вальтера Шелленберга, начальника Шестого управления, ведающего в главном имперском управлении безопасности политической заграничной разведкой. Надо было подыскать Шелленбергу среди офицеров абвера молодого, скромного и способного человека для личных поручений.

— Эта просьба является свидетельством высокого доверия бригаденфюрера ко мне лично, — не преминул подчеркнуть Лансдорф.

Генрих спросил:

— Кого же вы наметили?

— Я полагаю, что ответ на этот вопрос получит сам бригаденфюрер.

Усмехнувшись, Генрих произнес почтительно:

— Кандидатура Иоганна Вайса могла бы свидетельствовать о вашей проницательности. И о том, что человек, спасший мне жизнь, будет вознагражден вами. При этом

условии я могу навсегда похоронить воспоминание о некоем печальном казусе.

Пожалуй, Лансдорф и без помощи Генриха мог прийти к такому выводу. Шелленбергу нужен был человек, не имеющий ни родственных, ни приятельских связей с сотрудниками других секретных служб, ни даже знакомств в Берлине. И с этой стороны лучшую кандидатуру, чем Вайс, трудно было подобрать. Но нагловатая настойчивость племянника Шварцкопфа невольно раздражала. Лансдорф не смог скрыть этого чувства.

— Не советую вам применять приемы, которые мы иногда используем для особых целей, — недовольным тоном произнес он. — Я не нуждаюсь в советах, а тем более в советах под угрозой.

— Почему же? — чистосердечно удивился Генрих. — Я чувствую себя должником этого Вайса. Естественно, что, лишившись возможности выразить ему признательность, я буду вынужден исполнить свой уже не личный, а служебный долг. Доложу в Берлине, как недружелюбно отнесся ко мне другой ваш офицер, господин Дитрих. Кстати, вы так и не собрались доложить о его проступке в Берлин? Уж не его ли вы решили рекомендовать бригаденфюреру? Это было бы по меньшей мере оригинально!

Лансдорф пробормотал хмуро:

— Вы напрасно пытаетесь приписать мне пристрастное отношение к кому бы то ни было. Я руководствуюсь исключительно интересами дела и сам предполагал остановиться на Вайсе. Я уже не однажды отмечал этого молодого человека.

— Отлично! — Генрих склонил в коротком поклоне голову. — Я ни секунды не сомневался ни в вашей проницательности, ни в вашем расположении ко мне лично.

Вернувшись в гостиницу, Генрих встал в величественной позе перед лежащим на кровати Иоганном и бодро объявил:

— Повелеваю тебе в ближайшие дни ехать со мной в Берлин. Будешь работать у Шелленберга в качестве черт знает кого. Перед ним даже Вилли Шварцкопф трепещет. Это один из самых опасных людей в империи. Сам Гиммлер считает его коварство неодолимым и посему держит Шелленберга неотлучно при себе, как верного друга...

Дитрих, очевидно следуя совету Лансдорфа, навестил Вайса.

Держал он себя весьма развязно. Сказал, что поступил правильно, застрелив Душкевича: тот признался, что работает и на английскую разведку.

Вайс напомнил:

— Об этом было давно известно и Штейнглицу, и вам тоже.

— Душкевич работал под нашим контролем, — пояснил Дитрих. — Но когда он начал отдавать предпочтение другой стороне, он получил то, чего заслуживал. — И добавил многозначительным тоном, пытливо глядя в лицо Вайсу: — Так же, как и те поляки, которые пытались совершить покушение на вашего друга.

Лицо Вайса оставалось холодно неподвижным. Он знал, что Чижевский помог скрыться и юноше и девушке. Теперь они в надежном месте, да и вся их группа снова ушла в подполье.

— А как вы поступили с пойманным вами английским агентом? — полюбопытствовал Вайс.

— Пока мне не удалось ничего с ним поделать, — смутился Дитрих.

— Боюсь, что Берлин не оценит вашей инициативы в деле с поляками. Вы слишком поспешно расправились с ними. Там их казнь могут воспринять только как вашу уловку, уклонение от расследования дела.

— Генрих Шварцкопф обещал не придавать этому событию особого значения, — заверил Дитрих.

— Но, казнив виновников покушения, вы сами придали делу официальный характер.

— Вообще-то, — промямлил Дитрих, — мы взяли несколько поляков, ну, и я помогал арестовать их...

— Я вам дружески советую, — сказал Вайс, — отпустить этих поляков за недостатком улик. Вы так запутались во всей этой истории, что ваша голова может полететь вслед за их головами.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Дитрих. — Что же касается английского агента, — Дитрих снисходительно усмехнулся, — то здесь, скажу доверительно, вы проявили по меньшей мере наивное неведение. — И тоном превосходства объяснил: — Англичане снабжают оружием отдельные террористические группы. Но одновременно они стремятся, чтобы поляки поддерживали свое эмигрантское правительство в Лондоне. Правительство же это, как вам изве-

стно, всегда проводило политику дружбы с Германией. В подтверждение напомним, что оно, не без участия Черчилля, отвергло предложение Советского Союза заключить пакт о взаимопомощи. Поэтому у английской агентуры двойственные функции. С одной стороны, она формирует малочисленные группы террористов и в этом смысле представляет для нас некоторую опасность. С другой стороны, она выступает против широкого народного партизанского движения в Польше, и отдельные агенты даже оказывают нам важные услуги, когда, передавая по радио в Лондон о подобных массовых организациях, пренебрегают шифром.

Дитрих помолчал, откинулся на спинку стула и спросил торжествующе:

— Надеюсь, мой дорогой, теперь вы понимаете, что некоторые мои шаги отнюдь не столь странны, как вам показалось. — И добавил поучительно: — Черчилль всегда хотел видеть Германию достаточно сильной для того, чтобы она могла напасть на Советский Союз, но в то же время недостаточно сильной для того, чтобы соперничать с Англией на мировом рынке. Черты этой двойственности присущи и деятельности английских агентов, которых к нам засылают. Конечно, их действия наносят нам кое-какой ущерб, но этот ущерб вполне окупается. Они ведь решительно выступают против тех поляков, которые полагают, что некая новая Польша должна объединиться с Советским Союзом для борьбы против Германии. Поэтому я, как контрразведчик, обязан подходить к английским агентам с особой осторожностью. И если бы я на собственный риск опрометчиво решил судьбу какого-либо английского агента, уверяю вас, моей собственной судьбе никто бы не позавидовал.

Сведения, сообщенные Дитрихом, были полезны Вайсу. И он вполне искренне похвалил его.

— Вы тонко работаете, Дитрих.

И Дитрих, польщенный и поощренный Вайсом, болтливо откровенничал с ним до самого прихода Генриха.

А когда Дитрих ушел, Генрих поделился с Иоганном новостями. Через неделю они оба должны быть в Берлине. Приказ об отчислении Вайса в распоряжение СД уже подписан.

Самочувствие Иоганна оставляло желать лучшего, но все оставшееся до отъезда время он работал без отдыха почти круглые сутки: надо было передать свое «хозяйство».

Вайс сообщил в Центр обо всем, что ему удалось сделать здесь за последние дни, и получил «добро» на отъезд в Берлин, а также новое, связанное с переменой места задание.

Зубов огорченно сказал ему на прощание:

— Значит, бросаешь меня?

— Тоже мне сирота! — улыбнулся Вайс.

— Без тебя мне плохо придется. Привык я к тебе.

— Будет другой товарищ.

— Слушай, — оживился Зубов, — а что, если мы с Бригиттой тоже в Берлин махнем? Столица все-таки.

— Если этот товарищ разрешит, — не совсем уверенно ответил Вайс, — то что ж, я буду очень рад.

— А если не разрешит?

Вайс пожал плечами.

— Ну хотя бы в отпуск, — настаивал Зубов.

— Во время войны какие же отпуска?

— Но у немцев есть отпуска, а здесь я немец.

— Не очень-то ты немец, — усмехнулся Вайс.

— А если до уровня подтянусь, как думаешь, отпустят?

— Кто?

— Да наши...

— Ты только береги себя, — попросил Вайс.

— Обязательно, — сказал Зубов, — как вещественное доказательство редкой живучести...

С большим сожалением покидал Вайс Варшаву. Польская земля, хоть и полоненная немцами, многим была близка его сердцу. Здесь он слышал польский язык, походивший на русский, видел лица польских рабочих — такие же, как у русских, даже поля и рощи ничем не отличались от полей и лесов его родины. И сколько раз это ощущение родственной близости польского народа помогало ему преодолевать отчаяние одиночества! Радостно было сознавать, что в случае чего он всегда и без особых усилий найдет здесь приют и помощь. И когда он ходил по улицам Варшавы и ловил на себе гневные взгляды прохожих, сердце его ликовало, он горячо любил этих людей, ненавидящих его, оккупанта, Иоганна Вайса, и ненависть их воодушевляла его, помогала и ради них тоже оставаться Иоганном Вайсом.

Но он не имел права предаваться расслабляющей горечи расставания. Надо было, как никогда, собрать свою волю. Он знал: Берлин станет для него самым главным испытанием, все предыдущее было только подступом к этому испытанию.

Ночью они приехали на аэродром, и, едва забрезжил рассвет, транспортный самолет «Люфтганзы» поднялся в воздух. Пилотировали машину молодые немки, а обязанности бортстрелка исполняла тоже немка, но уже немолодая, тучная. Рукава ее комбинезона были засучены, расстегнутый воротник обнажал полную, в складках шею.

Самолет летел низко, шатаясь и проваливаясь, и с полок все время падали какие-то пакеты, мешки, рюкзаки.

Потом вошли в сырую облачность и почти до самого Берлина летели в болотной мгле.

Шел дождь, было промозгло, душно, и пахло гарью.

На выходе из аэродрома у всех проверили документы. Когда Вайс предъявил свои, дежурный эсэсовец посмотрел в какой-то список и передал удостоверение Вайса молодому человеку в штатском. Тот, положив документ себе в карман, бросил отрывисто:

— Следуйте за мной.

Вайс оглянулся.

Генрих поймал его взгляд, сказал:

— Увидимся позже, — и вышел через турникет.

Вайс направился вслед за своим спутником. В комендатуре молодой человек передал его удостоверение другому, постарше, с обширной лысиной и тоже в штатском. Лысый внимательно, неторопливо осмотрел документ, холодным, обыскивающим взглядом сверил фотографию с лицом Вайса и сунул во внутренний карман своего пиджака. Кивнул и, пропуская Вайса вперед, командовал: «Прямо», «Налево». Вышли на площадь.

— Машина № 1732, — сказал лысый и шел за Вайсом до тех пор, пока они не обнаружили на стоянке машину с этим номером.

Вайс протянул было руку к дверце, но она сама распахнулась, вышел небольшого роста коренастый мужчина, сказал:

— Садитесь!

Войдя в машину, Вайс увидел, что там уже кто-то есть. Низенький сел с другой стороны, сразу скомандовал шоферу:

— Поехали.

И Вайс оказался зажатым между молчаливыми спутниками, которые не очень-то заботились о его удобствах.

Он знал, что Берлин бомбят, но следов разрушений не

было видно. Гигантский город — слишком обширная мишень. Возможно, его везли по неповрежденным участкам. Полицейские, услышав клекочущий сигнал машины, оставляли движение, и по улицам она мчалась с такой же скоростью, как по автостраде.

Город стоял на плоской равнине. Глыбы домов с черепичными крышами, пространства, покрытые яркой и свежей зеленью, и снова тяжеловесные здания, порой напоминающие гигантские склепы или каменные катафалки.

Этот город выглядел сытым. В витринах магазинов мелькали груды колбас, окороков, пирамиды консервов, хотя для населения уже давно были введены карточки.

На подножках многих легковых машин стояли цилиндрические газогенераторные установки, покрашенные алюминиевой краской: экономили бензин.

Большинство прохожих, даже дети, одеты в форму, но не военную, а каких-то милитаризованных гражданских организаций.

Стены зданий оклеены разноцветным пластырем плакатов. Повсюду, не только в витринах магазинов, но и в окнах частных домов, выставлены портреты фюрера. Гитлер держит одну руку на пряжке пояса, а другую вытянул так, будто пытается схватить что-то над своей головой. Волосы гладко причесаны, челка зализана над правой, судорожно сведенной бровью.

От плакатов рябило в глазах. Они были рекламой Третьей империи вермахта.

Когда свернули на Вильгельмштрассе и помчались мимо правительственных зданий, Иоганн еще раз подивился их сходству со скелетами и катафалками: приземистые, тяжелые глыбы с затемненными квадратами непомерно маленьких окон-амбразур.

По карте, альбомам, специальным фильмам Вайс хорошо знал Берлин, и для него не составило труда определить, по каким улицам проезжала машина. Вот выехали на Потсдамское шоссе и направились на запад, в район Ванзее.

На Бисмаркштрассе, утопающей в зелени улице особняков и вилл, машина коротко просигналила, свернула в распахнувшиеся ворота. Обогнув газон, остановилась у входа в одноэтажный коттедж. В глубине двора среди зарослей сирени виднелись еще два таких же коттеджа.

Вайс вышел из машины, огляделся и сказал своему

низенькому спутнику, который в выжидательной позе стоял у открытой двери:

— Неплохое местечко! Как оно называется?

— Пройдемте, — вместо ответа предложил низенький, толкнул перед Вайсом белую дверь в коттедж и, указав на кресла в холле, попросил: — Присядьте.

Он ушел куда-то и через некоторое время появился уже в сопровождении хилого белоголового старика с властным сухим лицом. Лицо это странным образом показалось знакомым Вайсу, но сейчас не было времени задумываться над этим. Старик взял переданное ему низеньким удостоверение, так же внимательно, как все предыдущие, сверил фотографию с оригиналом и, так же, как все они, спрятал документ в карман своего пиджака. Кивнул, отпуская низенького, а Вайсу сказал сухим, скрипучим голосом:

— Пойдемте наверх. Ваша комната там.

Комната была небольшая, обставлена простой и удобной мебелью, на окнах белоснежные кисейные занавески.

Старик сказал:

— Можете называть меня Франц.

Вайс представился:

— Иоганн Вайс.

— Нет, — строго сказал старик. — Нет Иоганна Вайса, есть Петер Краус. — Спросил: — Запомнили: Петер Краус? — И приказал: — Вы примете ванну.

— В таком случае я хотел бы принести сюда свой чемодан.

— Нет, — сказал Франц. — Вам все будет выдано из нашего гардероба, все необходимое, в соответствии с предметами, имеющимися в вашем чемодане.

Пожав плечами, Вайс направился в ванную.

— Возьмите купальный халат, — напомнил старик, указывая на шкаф.

Остаться неожиданно в одиночестве — как это было здорово! Строить какие-либо предположения не имело смысла. Впереди — неизвестность. От него потребуются напряженная настороженность, сосредоточенность всей нервной энергии. А сейчас, если уж представилась такая возможность, необходимо отдохнуть, чтобы набраться сил. И Вайс с наслаждением, бездумно плескался в ванне.

Когда он в купальном халате вернулся в свою комнату, его мундира там не было. На деревянных плечиках висел штатский двубортный темно-серый костюм в полоску, а на крюке у двери — дождевик.

Все остальное лежало в чемодане — не в кожаном, с которым Вайс прилетел в Берлин, а в другом, фибровом. Кто-то тщательно заменил каждую его вещь другой, идентичной, хотя и не все было новое и прежнего качества. Даже спичечная коробка с незнакомой этикеткой была, как и прежняя, заполнена только наполовину.

«Работа грубая, но аккуратная, ничего не скажешь», — подумал Вайс и начал одеваться, удивляясь точности размеров всех предметов одежды и обуви: все пришлось впору.

Горничная с неподвижным лицом внесла поднос и молча сервировала завтрак на два прибора. И тотчас появился Франц.

— Я составлю вам компанию, — сказал он. Наливая себе кофе, объявил: — Побеседуем, чтобы вам не было скучно.

С первых же его слов стало ясно, что никакая это не беседа, а просто-напросто допрос. И вел его Франц с механической последовательностью, обычной для всех допросов.

— Послушайте, Франц, — в голосе Вайса звучала унылая скука, — если меня хотят здесь заново процедить через фильтры, то ведь я и сам не новичок. В абвере мы работаем тоньше.

Франц поджал сухие губы.

— Не торопитесь, Петер, все в свое время. — И предложил деревянным голосом: — Итак, вы утверждаете, что в «штабе Вали» были удовлетворены вашей работой?

— Ничего я не утверждаю, — запротестовал Вайс.

— Да или нет?

— Да.

— Откуда у вас такая твердая уверенность?

— Вот отсюда. — Вайс постучал ладонью по сиденью своего стула. — Иначе я не сидел бы здесь, на этом стуле.

— Вы очень самонадеянны. Генрих Шварцкопф — ваш друг?

— Да.

— Чем вызвано его расположение к вам?

— Тем, что я всегда помню, кто я, и не претендую на дружбу с теми, кто занимает более высокое служебное положение.

— Однако со мной вы держите себя несколько развязно, — заметил Франц.

— Я отдаю дань уважения вашему возрасту, но подчиняюсь только старшим по званию.

— Неплохо сказано, — задумчиво протянул Франц. — Неплохо вы пытаетесь выведать, кто я такой.

— О, вы мэтр! — простодушно согласился Вайс. — Именно это я и хотел узнать.

Блеск в глазах Франца свидетельствовал, что Вайс правильно нащупал его слабое место. Наклонясь к старику, он, понизив голос, сказал доверительно:

— Я преклоняюсь перед вашей проницательностью.

— Ну-ну, не преувеличивайте, — довольным тоном произнес Франц, собирая в углах глаз сухие морщинки, означавшие улыбку.

Свой жизненный путь Франц начал в отеле «Адлон» мальчишкой-лифтером и дослужился до высокой должности портье.

Для тайных и явных дипломатов, агентов различных секретных служб отель «Адлон» был традиционной международной биржей. Здесь они заключали сделки между собой: торговали государственными тайнами и сведениями, изобличающими государственных и политических деятелей, — в ход шли и постыдные улики, и порочные наклонности. Цены котировались в зависимости от международной ситуации.

Германская тайная полиция неусыпно заботилась о безопасности клиентов этого фешенебельного пристанища международных разведок, тщательно следила, чтобы здесь не нарушались нормы этикета и правила приличия. Поэтому каждый служащий отеля подвергался строжайшей проверке германской тайной полицией и был ее агентом.

Остановившись в «Адлоне», иностранный клиент мог быть совершенно уверен: многочисленный и высококвалифицированный штат отеля обережет и его, и его бумаги от любопытства секретных агентов всех других держав.

Что же касается самой немецкой разведки, то за свои услуги она облагала клиентов «Адлона» как бы незримым налогом и с изящной деликатностью проникала в их тайны. Великолепно подготовленный персонал отеля пользовался для этой цели специальной техникой, которую выпускали фирмы «Филипс» и «Телефункен».

Здание отеля «Адлон» стояло между Бранденбургскими воротами и имперской канцелярией.

Когда господин Риббентроп ведал международным отделом еще не пришедшей к власти национал-социалист-

ской партии, он, чтобы пополнить партийную кассу, через доверенных лиц, а иногда и сам лично торговал в отеле «Адлон» оказавшимися в его руках копиями важнейших документов германского министерства иностранных дел.

Франц отлично усвоил правила службы.

Прежде всего честность. Он не однажды был свидетелем незаметного исчезновения тех служащих отеля, которые увеличивали собственные доходы, оказывая чрезмерные услуги тому или иному иностранному клиенту. Обычно каждый такой служащий неожиданно умирал тихой смертью в подвальном помещении отеля, где хранились продукты, и тело его вывозили в железном цилиндрическом контейнере для отбросов за город, на мусоросжигалку.

Затем скромность. Правила отеля предписывали обслуживающему персоналу ни в коем случае не подчеркивать свое знакомство с вышестоящими. Когда кто-то из служащих позволил себе с улыбкой раскланяться с одним из карателей, его незамедлительно подвергли той же операции.

Техника фотографирования, деликатные тонкости обследования предметов обихода клиентов, умение обнаружить тайники даже в механизме ручных часов, где умещались микрокопии различных документов, а также схем новейших типов оружия, рецептура только что созданной взрывчатки или заменители стратегических материалов, — всем этим Франц овладел в совершенстве. И, заняв пост портье, не только с обворожительным гостеприимством принимал каждого клиента в обитель знаменитых деятелей тайного ремесла, но и с беспощадной требовательностью командовал обслуживающим персоналом отеля — людьми, вымуштрованными, как солдаты, бесстрашными, как налетчики, и ловкими, как шулера.

В свое время в «Адлоне» останавливался и Барышев.

Он любезно предоставлял Францу, надевавшемуся найти в его чемоданах тайники и спрятанные документы, возможность рыться в его вещах. Те же сведения, ради которых прибыл сюда Барышев, хранились в деревянной груше, прикрепленной к ключу от номера, и ключ с этой грушей ежедневно принимал из рук Барышева, любезно улыбаясь, Франц. Он и не подозревал, что фотографии физиономий тайных агентов, остановившихся в «Адлоне», хранятся, как в альбоме, в некоем предмете, являющемся собственностью отеля.

Среди фотографий тайных агентов была и фотография самого Франца.

В свое время Барышев показал ее Саше Белову, и, подчеркнув выдающиеся способности Франца как ищейки, заметил:

— У него две слабости. Первая — смертельная боязнь в случае разоблачения потерять должность, а вместе с ней и жизнь. И вторая — тайное, мучительное тщеславие непризнанного гения сыскного дела. Мне как-то довелось побеседовать с ним. Я выразил свое восхищение несколькими детективными романами. Он оспорил некое мое суждение, приведя при этом настолько великолепную аргументацию, что она даже представляла для меня известную ценность. Владеет множеством европейских языков, но ни разу не покидал Германии. Берлин знает только по путеводителю — вся его жизнь прошла в отеле. Резиденция Гитлера и его сподвижников находилась в то время в отеле «Кайзергоф», и Франц иногда передавал мне некоторые существенные «сплетни». Ведь служащим запрещалось говорить с клиентами только о том, что относилось к другим постояльцам «Адлона». Все прочие темы не были запретны. Но потом, когда я переселился в «Кайзергоф» и заходил иногда в бар «Адлона», Франц, оскорбленный этой изменой, перестал узнавать меня.

— А вам тогда удалось хоть раз увидеть Гитлера?

— Я даже беседовал с ним, — усмехнулся Барышев.

— Каким образом?

— Очень просто, купил «Майн кампф» и, когда Гитлер проходил через вестибюль со свитой своих головорезов, почтительно попросил у него автограф.

— И он согласился?

— А как же! Иностранец в смокинге — и вдруг читает его стряпню. Это тогда было редкостью.

— О чем же он говорил с вами?

— Мне важно было не *что*, а *как* он говорит. Хотелось выяснить психологический тип, способность к логике и последовательность мышления.

— И что же?

— Психическая неуравновешенность, крайняя ограниченность, самоупоенность, склонность к жестокости, свойственная натурам, страдающим болезненной мнительностью и возбудимостью. Все это теперь уже не новость.

Иоганн восстановил в памяти этот рассказ Барышева и, вглядываясь в лицо Франца, с радостью узнавал знакомые

ему по фотографии черты. Фотография была сделана давно, и Франц выглядел на ней значительно моложе.

В этот же день Вайс подвергся медицинскому обследованию. Но врача, по-видимому, меньше всего интересовало его здоровье.

Предложив Иоганну раздеться, врач подошел к нему и начал диктовать своему помощнику-стенографу анатомические сведения с такой подробностью, будто производилась опись каких-то вещей.

От первого врача Вайс перешел ко второму. На этот раз обследование заняло значительно больше времени и причинило немало беспокойства. Происходило оно в подвале, превращенном в бомбоубежище. Усадив Вайса, этот врач прежде всего предложил ему прочесть страницу машинописного текста, содержавшего множество цифр и названий, а сам встал за его спиной. Не успел Вайс дочитать до конца, как врач внезапно выстрелил у него над головой из пистолета и одновременно вышиб из-под него стул. И потребовал, чтобы Вайс тут же повторил все, что прочел. Внимательно подсчитав удары пульса на руке пациента, врач изумился.

— Черт возьми! — воскликнул он. — У вас феноменальная память и чудовищное самообладание!

И то и другое помогло Иоганну прийти к кое-каким выводам. В свое время он искусно навел Штейнглица на воспоминания о том, какой проверке еще в догитлеровские времена подвергали агентов при отборе в высшие разведывательные школы.

Выходит, техника испытаний осталась прежней.

А потом врач сделал Вайсу уколы в икры. И хотя слепящая боль так свела его мышцы судорогой, что хотелось вопить, он, превозмогая себя, сипло читал вслух какую-то статью из предложенной ему газеты.

Врач задумчиво смотрел на часы. А когда Иоганну показалось, что от мучительной боли у него уже раскалывается череп, врач наклонился и снова сделал уколы, от которых боль быстро утихла.

Проникшись, по-видимому, уважением к Вайсу, он сказал поощрительно:

— Ну, если вы и попадете в чужие руки, я уверен, при допросе у вас хватит самообладания давать правдивые сведения, но только такие, которые уже известны противнику.

— Я не собираюсь сдаваться живым, — высокомерно объявил Вайс.

— Это поможет вам избежать пыток, если вы окажетесь в затруднительном положении. Так вам удастся скрыть самые важные, неизвестные противнику сведения, которые в ином случае из вас, несомненно, вытянули бы длительными пытками. — Произнес поучительно: — Есть определенный предел терпению любого человека, как бы тверд и закален он ни был. — Помолчал и закончил: — Если, конечно, сама природа не позаботится о нем и не лишит его рассудка.

Гестаповцы Гиммлера не раз перехватывали зарубежных агентов Риббентропа, когда те прибывали в Берлин с чрезвычайно важными сведениями. Агентов умерщвляли, предварительно выкачав из них все возможное, а доставку сведений гестапо приписывало себе. Таким же образом исчезло несколько крупных агентов абвера, и потом не Канарис, а Гиммлер доложил фюреру о материалах, которые могли раздобыть только эти сгинувшие без следа агенты Канариса.

Вайс слышал обо всем этом, и откровенность врача обрадовала его. Значит, его испытывают на пригодность к определенного рода службе, а все остальное не вызывает сомнения.

Франц поучал Вайса, как избежать наблюдения за собой, какими способами хранить секретные документы в крошечных контейнерах, изготавливаемых из предметов самого обычного обихода, и с помощью каких приемов можно мгновенно уничтожить эти документы.

Первые дни Вайс никуда не выходил, завтрак, обед и ужин аккуратно доставляли в его комнату. Но спустя некоторое время ему предоставили возможность общаться с другими обитателями коттеджей. В большинстве это были люди среднего возраста, и печать усталости, глубокой, сосредоточенной озабоченности лежала на их лицах.

Знакомясь, называли только имя. Все до одного были безукоризненно воспитанны, чрезвычайно вежливы, и хотя среди них были и молодые люди, и несколько привлекательных девушек, все тут относились друг к другу с полным безразличием, которое свидетельствовало, что работа поглощает их целиком и полностью, не оставляя места ни для каких других эмоций.

Старшим здесь, как не сразу удалось установить Вайсу, оказался сутулый, с тяжелой, шаркающей походкой, чахлый, медлительный и молчаливый человек с глубо-

ко ввалившимися глазами и тихим голосом. Звали его Густав.

Держал он себя со всеми одинаково ровно, да и его как будто бы никто особо не отличал от прочих. Но стоило Густаву сказать кому-либо несколько самых незначительных слов, как лицо человека, к которому он обратился, мгновенно принимало выражение безупречного послушания.

Да, люди здесь были предельно вымуштрованы.

В одном из флигелей размещалась великолепная справочная библиотека с картохранилищем и читальней. Каждый столик в этой читальне был огражден ширмой, что лишало возможности выяснить, над какого рода материалами ведется работа.

Покидать расположение разрешалось, нужно было только точно сообщить Францу время возвращения. Никакой военной охраны не было: ее функции выполняли привратники, садовники, дворники.

Почти во всех комнатах стояли телефонные аппараты, но включались они в общую сеть через местный коммутатор. И, если снять трубку, отвечал всегда один и тот же голос, а иногда — Франц.

Вайс позвонил Генриху и, давая ему понять, что разговор подслушивают, шутливо осведомился, с кем тот прожигает свою жизнь. Генрих догадливо подхватил этот тон. Они ничего не могли сказать друг другу, но Вайсу важно было сообщить Генриху, что пока у него все благополучно.

Несколько раз Густав давал ему одинаковые поручения: встретить в аэропорту человека, фотографию которого Вайс имел возможность увидеть только мельком, и сопроводить его до определенного места. Адрес Густав каждый раз называл довольно невнятно.

Вайс выполнял эти поручения с той степенью точности, какая от него требовалась.

Однажды встреченный им на железнодорожном вокзале пассажир стал настойчиво требовать, чтобы Вайс незаметно взял у него потрепанный путеводитель по Парижу и тотчас же передал Густаву.

Вайс решительно отказался. Пассажир, все так же шепотом, начал угрожать. Вайс остался непреклонен. Доставив пассажира по указанному Густавом адресу, он вежливо простился с ним, а в ответ услышал брань и угрозы.

Когда Вайс доложил об этом Густаву, тот пожевал сухими губами, произнес равнодушно:

— Очевидно, вам предлагали передать материал чрезвычайной и неотложной важности. Жаль, что я не получил его сразу. Но вы действовали правильно, и я вас не упрекаю.

Спокойствие, с каким Густав отнесся к промедлению в доставке важного материала, говорило не только о значительности занимаемого им положения, но и о том, что это человек редкостной силы воли и самообладания. Кроме того, Вайсу стало ясно, что дисциплина здесь ценится выше инициативы и что, раз ему дают такие поручения, значит, он уже прошел существенную стадию проверки.

И хотя из этого потрепанного путеводителя, вероятно, удалось бы узнать кое-что о делах, которыми руководил здесь Густав, он не сожалел об утерянной возможности. Вайс знал: только терпением и выдержкой он может добиться награды за свое безукоризненное послушание.

И как бы в знак особой милости Густав пригласил его как-то утром сыграть партию в теннис.

Хилый на вид, вяло-медлительный, Густав в игре неожиданно обнаружил яростную подвижность, удары его ракетки отличались силой и резкостью.

Вайс с позорным счетом проиграл все геймы. Но когда Густав подошел к сетке, чтобы по традиции пожать руку побежденному, Вайс, удерживая его горячую, сухую ладонь, сказал с лукавой усмешкой:

— Я не так восхищен вашим спортивным мастерством, господин Густав, как искусством скрывать столь бурный темперамент.

Густав досадливо поморщился, но тут же улыбнулся морщинистым сухим ртом:

— А вы, Петер, умны.

— Если это не обмен комплиментами, мне чрезвычайно приятно услышать это именно от вас, — без улыбки сказал Вайс, подчеркивая, какое значение он придает словам Густава.

Такого человека, как этот своеобразный тип, пошлые и примитивные похвалы могли только раздражить, но умная и изящная лесть должна была доставить ему удовольствие.

В душевой Густав спросил Вайса:

— Что вы думаете о Франце?

— Экспонат для музея криминалистики.

Шелленберг, заняв пост руководителя Шестого отдела имперской службы безопасности, не внес в работу никаких новшеств, но старался подобрать свои, особые кадры. Он выделял людей материально обеспеченных, с устойчивым положением в обществе и университетским образованием, предпочитая их ставленникам Мартина Бормана, стремившегося обеспечить Шестой отдел надежной агентурой нацистской партии. Борман был достаточно точно осведомлен о всех происках Шелленберга. Но дружба с Гиммлером защищала Шелленберга от поползновений Бормана наложить свою руку на Шестой отдел СД.

У Вайса не было никаких сомнений в том, что Гейдрих пользовался услугами Франца еще в те времена, когда возглавлял тайную полицию, и, перейдя в гестапо, он, естественно, не отказался от этих услуг.

Судя по всему, собранные здесь люди принадлежали к новым кадрам Шелленберга. Опытные сотрудники секретной службы не казались бы столь измученными работой и не стали бы относиться друг к другу с таким откровенным безразличием.

Отличала их не только преданность своему шефу. Никто из них никогда не притрагивался к газетам: политические новости они, по-видимому, черпали из совершенно других источников. И фронда к официальной пропаганде была не случайна. Она как бы подчеркивала, что этим людям ведомо то, чего не знает никто другой.

Густав ничего не сказал в ответ на пренебрежительную реплику Вайса о Франце, но, одеваясь перед зеркалом и наблюдая в зеркало за Вайсом, вдруг спросил:

— Кто был наиболее достойным человеком в «штабе Вали»?

— Лансдорф, — не задумываясь, ответил Вайс.

— И вы считаете, его место там?

— Нет.

— Почему?

— Лансдорф — мастер политических комбинаций. На Востоке они невозможны.

Долго и тщательно завязывая галстук и продолжая наблюдать за Вайсом, который не считал нужным скрывать, что видит, как за ним наблюдают, Густав произнес медленно:

— А вы любопытный субъект.

— Мне бы не хотелось, чтобы хоть что-нибудь во мне было для вас неясно.

— Мне тоже, — согласился Густав. Похлопал Вайса по плечу: — У нас с вами впереди еще много времени. — Посоветовал: — А почему бы вам не навестить Генриха Шварцкопфа?

— Этого хотите вы?

— А вы?

— Генрих — мой друг. Но его дядя Вилли Шварцкопф — крупный деятель гестапо.

— И что же?

— Моих способностей хватает только на то, чтобы служить там, где моя служба.

— Значит, ваш визит будет полезен той службе, к которой вы принадлежите. Если вам ясно это, то у меня в отношении вас больше не останется никаких неясностей.

Вайс склонил голову, щелкнул каблуками.

Густав сказал снисходительно:

— Здесь у нас такая форма выражения готовности не принята. В отличие от абвера мы различаем сотрудников не по званиям, а по степени их способности понимать больше, чем им сказано.

После этой многозначительной беседы, как по мановению волшебной палочки, исчезла незримая преграда вежливой, холодной отчужденности между обитателями котеджей и Вайсом.

И хотя разговаривали с ним больше на отвлеченные темы, Вайс почувствовал уже не безразличие, а пытливый интерес к себе.

Вилли Шварцкопф жил на Фридрихштрассе в доме странной архитектуры — помесь модерна с цейхгаузом. Некогда здесь у него была квартира в три комнаты, но после того, как здание ариезировали, он захватил под личную канцелярию целый этаж. Племяннику он уступил одну из комнат в прежней своей квартире.

На этаже, так же как и в прихожей, дежурили эсэсовцы.

Завтрак был накрыт в новом кабинете Вилли Шварцкопфа, обставленном с нарочитой казарменной скудостью и суровой непритязательностью. Солдатская койка. У изголовья столик, уставленный армейскими телефонными аппаратами. Посредине комнаты большой стол без ящиков. Огромная карта, завешенная полотном. В стену вмурованы

большие несгораемые шкафы. Крашеная металлическая дверь с крошечным круглым окошечком, прикрытым стальной задвижкой.

Возле койки на коврике лениво дремала огромная сытая овчарка. Моду на этих сторожевых псов ввел фюрер.

Сервировка была тоже казарменного типа: алюминиевые ложки и вилки, армейские ножи-полутесаки. Но яства дорогие и так же, как и вина, в большинстве иностранного происхождения.

Мундир на Вилли был довольно поношенный, только сапоги лаково сияли.

Принял он Вайса радушно. Разведя руками, признался, как бы извиняясь:

— Когда германский народ все отдает фронту, мы, его вожди, следуем духу спартанцев.

Генрих только усмехнулся этой хвастливой лжи. В Шарлоттенбурге, в самых аристократических кварталах Берлина, у Вилли был роскошный особняк, который он превратил в склад всевозможных ценностей, но об этом знали лишь самые близкие ему люди.

Обнимая племянника, Вилли сказал самодовольно:

— Если бы Генрих, начиная свою деятельность, был таким, каким он вернулся сейчас из Варшавы, черт возьми, я бы не удивился, получив приказ явиться к нему в рейхс-канцелярию с докладом. Не будь его, я сейчас не справился бы и с половиной своих дел. Парень перебесился и взялся за ум.

За завтраком Вилли много ел и пил. Генрих же почти не ел и пил только минеральную воду.

— Ну, как вам понравились люди Вальтера? — спросил Вилли и, не дожидаясь ответа, начал возмущаться: — Набрал личный дипломатический корпус из чистоплюев. Салонные шалопаи, изнеженные сынки богатых родителей, имеющих родственные связи во всех странах Европы. Какие они, к дьяволу, агенты! Ведь любой из них, попади он в руки самому паршивому контрразведчику-мальчишке, наложит в штаны и начнет болтать, как на исповеди. А этот Густав! Хороша штучка! В свое время на Альбрехтштрассе, восемь, он умел заставить разговориться самых упорных, а теперь заделался гувернером у этих щенков на псарне Вальтера. Что вы скажете о Густаве и вообще о его пансионате?

— Я бы не оправдал рекомендацию герра Лансдорфа и вашу тоже, — глубокомысленно улыбнулся Вайс, — если б

позволил себе не только высказывать суждения о моих сослуживцах, но и делиться с кем-либо тем, что касается моей новой работы.

— Да бросьте! — весело воскликнул Вилли. — Здесь, за бронированными дверями, мы как у Христа под мышкой. — И добавил внушительно: — У нас один хозяин — Генрих Гиммлер.

— Слуги, у которых слишком длинный язык, обычно не задерживаются в хорошем доме, — отпарировал Вайс.

— О, вы вон, оказывается, какой камушек! — В голосе Вилли звучали недовольные ноты. — Ничего, я все же надеюсь, мы с вами подружимся.

— Я тоже, — сказал Вайс. И счел нужным добавить: — Смею вас заверить, мои самые лучшие впечатления о вас останутся в такой же неприкосновенности, — он кивнул на нескороаемые шкафы, — как бумаги, которые там хранятся.

— Однако вы человек твердых правил! — проворчал Вилли.

— Нет, — сказал Вайс, — но я умею твердо подчиняться тем правилам, какие мне рекомендуют старшие.

— Ловко сказано! — расхохотался Вилли и обратился к Генриху: — А этот твой приятель, оказывается, не такой простофиля, как мне показалось тогда, в Лицманштадте. — И тут же упрекнул Вайса: — Вы человек неглупый и должны были понять, что если уж старик Вилли оказывает услугу ближнему, то при этом он всегда рассчитывает на ответную любезность.

— Я готов приложить все усилия, чтобы выполнить любое ваше поручение, — почтительно наклонил голову Вайс, — если, конечно, оно не пойдет вразрез с обязательствами, которые я на себя взял.

— Ладно, ладно, — грубовато-снисходительно похлопал его по плечу Вилли, — я сам никогда не забываю тех, кого чем-нибудь одолжил.

По-видимому, он ожидал от Вайса другого, но, прикинув, что не часто попадают в рейхе люди, с таким упорством отстаивающие свою служебную честь, смирился и сказал:

— Образованные люди сейчас редкость. Незначительную часть их мы бережем в тюрьмах. — Расхохотался. — Недавно надо было произвести экспертизу художественных ценностей, доставленных из оккупированных областей. Если б вы видели рожи этих интеллигентов, когда мы

привезли их в подвалы хранилища! С некоторых картин они буквально слизывали пыль и грязь. Но когда я потребовал от них, чтобы они установили стоимость каждого предмета, подлецы заявили, что это невозможно, так как национальные реликвии, мол, не имеют продажной цены. Ну, им так всыпали за саботаж, что нашим ребятам пришлось на руках тащить их обратно в тюремный фургон.

Генрих пояснил коротко:

— Дяде поручено подготовить к эвакуации материальные фонды СС. В банках нейтральных держав для этого абонированы специальные сейфы.

Вилли нахмурился, но тотчас нашелся:

— Мы просто хотим спасти национальные реликвии побежденных стран от бомбежек, сохранить их.

— Но ведь сейфы абонированы определенными людьми.

— Ну и что? — сердито спросил Вилли. — Империя — это и есть определенные люди. Не будь их, не было бы и империи!

— Вы удивительно точно сказали, — согласился Вайс.

От Вилли не ускользнула усмешка на лице Генриха. Он смутился, пробормотал:

— Народность германского духа Третьей империи — это не нечто бесплотное: она воплощена в фюрере.

— Полагаю, что и в таких, как вы, — заметил Вайс.

— Да, — самодовольно согласился Вилли. — Я действительно ветеран национал-социалистской революции.

Вайс повторил вопросительно:

— Революции?

— В свое время фюрер воспользовался терминологией марксистов, и это очень пригодилось нам. — И Вилли развил свою мысль: — Когда мы были слабы, а красные сильны, такой камуфляж помог нам благополучно разрешить многие вопросы.

— Например?

— Мы так громко трясли этими погремушками перед стадом, готовым следовать за красными, что оглушили его. И не успело оно опомниться, как оказалось в нашем загоне, и мы заставили его шагать в ногу под грохот наших барабанов.

Разговор на эту тему, видимо, наскучил Вилли. Обведя глазами свой кабинет, он сказал Вайсу:

— Как видите, даже дома я не принадлежу себе, все

подчинено работе. — Поднялся и пригласил Вайса следовать за ним.

Они прошли анфиладу комнат, где за конторскими столами сидели люди в штатском. При появлении Вилли все они мгновенно, как по команде, вскакивали и вытягивали руку в партийном приветствии. Отвечать им Вилли не находил нужным. Вайсу он объяснил:

— Я даже свое скромное жилище превратил в личную канцелярию, и все служащие находятся здесь на казарменном положении. Мы работаем и ночами. Но зато, когда рейхсфюреру нужно срочно получить особые справочные материалы, я незамедлительно докладываю ему обо всем, что его интересует.

— Разве у службы безопасности не хватает аппарата для этого?

Вилли усмехнулся загадочно:

— Справки для шефа мы готовим в одном экземпляре. Мы даем объективный анализ, поэтому у шефа всегда есть возможность быть в курсе истинного положения дел в империи.

— Я думал, что такая задача стоит перед службой безопасности в целом.

— Несомненно. Но есть Борман, есть Кальтенбруннер, и каждый из них горит желанием первым доставить фюреру информацию, не обременяя себя ее сбором. Но главное не в этом. Главное в том, что это моя личная канцелярия и я лично доставляю рейхсфюреру наши материалы. И поскольку они получены не из официальных источников, он сам решает, докладывать о них или нет. В известный момент они могут вызвать только раздражение фюрера, а в другой — гневное недовольство теми, кто скрыл от него истинное положение вещей.

Так, например, промышленные круги, с которыми фюрер вынужден более чем считаться, настаивали, чтобы генералитет вермахта, внося существенные изменения в стратегический план «Барбаросса», направил военные действия в первую очередь на захват территорий, богатых сырьевыми ресурсами.

С помощью агентуры мы в свое время установили, что нашей промышленности пока хватает сырья, чтобы обеспечить военное производство на срок, определенный для «блицкрига». Но под воздействием промышленных кругов различные министерства дали иные справки. Поскольку принцип «блицкрига» был руководящим, никто не ре-

шился признать, что война на Востоке принимает затяжной характер. И рейхсфюрер, с одной стороны, смог доказать фюреру что руководители отдельных министерств не верят в скорую победу и поэтому неправильно ведут экономическое планирование, совершая преступление перед рейхом. С другой же стороны, располагая точными данными о сырьевых ресурсах страны, он поддержал перед фюрером требование промышленных кругов — прежде всего захватить богатейшие районы стратегического сырья на Украине и Кавказе, что в итоге отвечало нуждам рейха.— И Вилли похвалился: — Мне было поручено собрать объективные данные о запасах редких металлов.

— А другим?

— Вы смысленный молодой человек,— поощрительно улыбнулся Вилли.— В рейхе достаточное количество подобных специализированных исследовательских филиалов.— И, потеряв руки, насмешливо объявил: — А ваш Канарис оказался профаном. Мы выделили ему бесчисленное количество техники и гигантские денежные средства на создание сотен разведывательных школ. В его распоряжении было все население оккупированных районов, лагеря военнопленных, великолепные кадры, которые приобрели богатейший опыт в период первой мировой войны и отшлифовали его в рейхсвере. Но до сих пор мы не получили от его агентуры сколько-нибудь значительных данных об экономическом потенциале России, хотя главная задача абвера именно в этом. Что же касается союзников России, то здесь мы и без абвера получаем достаточно полную и точную информацию. И не от каких-то там агентов, а из первых рук — от представителей иностранных фирм, которые не порывают деловых связей с нашими концернами. Поэтому, юноша, я вам советую не очень афишировать, что в абвере вы занимались восточным направлением. В Берлине служба абвера вызывает более чем неудовлетворение. Кстати,— самодовольно заявил Вилли,— ваш бывший начальник, ротмистр Герд, убедившись в бесперспективности действий Канариса, счел более целесообразным предложить свои услуги нам. Герд неплохо отзывался о вас, оценил вашу преданность и мужество.— И тут же Вилли заметил снисходительно: — Вы проявили преданность и мужество, отклонив мое предложение. Но, смею вас заверить, эти превосходные качества еще принесут вам неприятности.

«А он не глуп, — думал Вайс, слушая разглагольствования Вилли, — хотя, по-видимому, выполняет в СД только роль рабочей лошади. Но работать он умеет и, если судить по его личной канцелярии, умеет заставить работать и других».

Потом, когда Вилли оставил их, Генрих привел Вайса в свою комнату и спросил:

— Ну?

— Деловой человек и очень осведомленный, — сказал Вайс, понимая, что Генрих ждет его мнения о Вилли.

— Ну, тут ты ошибаешься, — возразил Генрих. — Он хвастался перед тобой. Функции его ограничены узкой задачей: знать положение дел в промышленности настолько, чтобы планировать доставку рабочей силы из концлагерей. Ведь доход от нее поступает в СС. Только и всего.

— Если бы твой дядя даже в этих пределах ознакомил меня с материалами, которыми он располагает, я бы считал это в высшей степени любезным.

— Понятно, — сказал Генрих. — Теперь ты захочешь, чтобы эту любезность оказал тебе племянник. Ну что ж, прими мой подарок! — И Генрих протянул руку к одной из книг, стоявших на полке.

Вайс строго остановил его:

— Вот этого тебе делать не следует.

— Почему? Я принял решение. Бесповоротно. Разве ты еще не убедился в этом? Думаешь, так просто быть племянником убийцы своего отца. А я остался племянником, хотя легче переносить самые страшные муки!.. — с озлобленным отчаянием воскликнул Генрих.

— Я понимаю тебя. Но и ты должен кое-что понять.

— То есть?

— Нужно не только хотеть, но и уметь.

— Ты считаешь, что я действовал неосторожно?

— Недисциплинированно.

— Наверно, забыл спросить у тебя указания?! — рассердился Генрих. — Извини, запамятовал, что ты теперь как бы мой начальник.

— Ну зачем ты обижаешься? — с упреком сказал Вайс. — Просто мы должны сначала разработать, подготовить все, что хотим сделать, и только потом сделать все, что мы хотим.

— Хорошо, герр профессор. Я готов в любое удобное для вас время прослушать курс наук.

— Я рад, что у тебя такое хорошее настроение. Интересно только, чем оно вызвано?

— Свиданием с тобой,— чистосердечно сказал Генрих.— Просто я рад, что снова вижу тебя. Хотя все же никак не привыкну к мысли, что ты русский,— следовательно, особь неполноценная в расовом отношении.

— Недочеловек,— подсказал Вайс.

— Вот именно,— согласился Генрих.

— Полуживотное,— напоминал Вайс.

— Ну, а ты какого черта веселишься? — в свою очередь, осведомился Генрих.

— По тем же причинам, что и ты.

— Знаешь,— потягиваясь, сказал Генрих,— у меня здесь оказалась целая куча каких-то дальних родственников, и среди них есть весьма интересные особы женского пола.

— Отлично!

— Хочешь, познакомлю? — предложил Генрих.

— Ну конечно!

— Предупреждаю: это небезопасно.

— Если знакомство полезно, что ж, у меня есть опыт,— мужественно согласился Вайс.

— А если влюбишься?

— Ну, знаешь! — только пожал плечами Вайс.

Генрих развалился на кушетке и, с усмешкой глядя на Вайса, сказал требовательно:

— Нет, тут я тобой буду командовать. Ты, однако, не знаешь правил жизни этих кругов. Если два холостых офицера разных служб часто встречаются, их дружба вызовет подозрения. Но есть две извинительные причины — выпивка и женщины или и то и другое одновременно. Выбери!

— А если увлечение каким-нибудь видом спорта? — неуверенно предложил Вайс.

— Для этого я слишком ленив. К тому же все знают, что спорт меня не интересует. И мы ведь уже не мальчики. Ну же, старик, будь мужественным!

— Я подумаю,— пообещал Вайс.— Возможно, найдутся и другие варианты.

— Я уже все продумал за тебя,— решительно сказал Генрих.— В воскресенье я представлю тебя семейству Румпфов. У них скромная вилла в районе Груневальд. Оттуда совсем недалеко до внешне столь непривлекательного кирпичного здания на углу Гогенцоллерн и Беркаерштрассе,

тридцать один — тридцать пять. Там размещается штаб-квартира Вальтера Шелленберга, твоего шефа, на которого пятьсот мастеров разведывательного дела работают круглосуточно, в три смены. Кстати, здание ариезировано, прежде это был не то приют для престарелых евреев, не то больница еврейской общины. А теперь — центр по трепанации черепов и сейфов, содержащих секреты и тайны различных держав мира. Ты туда еще не допущен. Но, надеюсь, твоя любознательность победит застенчивость, и ты будешь вхож в это здание. Правда, теперь там не исцеляют и отнюдь не озабочены продлением жизни тех, кто может представлять интерес для обитателей этого дома.

Когда Вайс уходил, Генрих вновь попытался передать ему книгу, и снова Вайс отказался взять ее.

— Трусись? — упрекнул Генрих.

— Нет, — возразил Вайс. — Просто не желаю быть участником непродуманных действий.

— А если мне не безопасно хранить эту книгу?

— Ну что ж, — сказал Вайс, — в таком случае придется взять, но ты толкаешь меня на рискованный шаг.

— Нет, — сказал Генрих. — Оставь. Я понял. Ты прав. Но мне так хотелось сразу же начать работать...

— Мне когда-то тоже хотелось сразу все начать, — признался Вайс, — но оказалось, что именно терпение требует мужества.

59

Поручения, которые Вайс продолжал получать от Густава, были все так же незначительны. Он встречал людей, узнавал их по самым беглым приметам, провожал по указанным адресам.

Один из встреченных им на аэродроме людей оказался в скверном состоянии: по-видимому, он был тяжело ранен и потерял много крови. И, хотя этот человек умолял отправить его в госпиталь, Вайс безжалостно доставил его на явочную квартиру. Здесь раненый сказал, что обстоятельства вынудили его уничтожить шифровки, и просил Вайса выслушать его. Он боялся, что умрет раньше, чем сюда явится человек, которому он должен передать информацию.

Как ни соблазнительно было выслушать раненого, Вайс категорически отказался и ушел. Когда Густав сам при-

мчался на мотоцикле к оставленному в одиночестве умирающему человеку, тот уже скончался.

Густав пришел в ярость, назвал Вайса безмозглой тупицей, разразился угрозами. Однако он быстро справился с собой, и хоть и не извинился, но вынужден был признать, что Вайс поступил так, как полагалось по инструкции.

На следующий день, очевидно после доклада о поведении Вайса кому-то из вышестоящих лиц, Густав сказал:

— Вы, Петер, заслужили доверие своей дисциплинированностью. И, исходя из этого, в определенных исключительных случаях вам разрешается принимать пакеты или получать изустную информацию. Но повторяю — только в чрезвычайных случаях, подобных этому печальному инциденту.

В ближайшее же воскресенье Генрих вынудил Вайса посетить семейство Румпфов.

Иоганну очень не хотелось подвергать себя новому испытанию. И все же он уступил Генриху, в надежде, что вскоре найдет повод покинуть общество, если пребывание в нем покажется ему бессмысленным.

Семейство Румпфов встретило молодых людей так радушно, будто оба они уже были сегодня здесь, а потом вышли погулять и сейчас вернулись.

По всему чувствовалось, что Генриха тут любят, считают как бы членом семьи.

И Вайсу сразу же пришлось сбросить с себя чопорную неприступность, как только Шарлотта Румпф, высокая, статная девушка в простеньком ситцевом платье, подавая ему руку, сказала сердечно:

— Можете не называть себя. Вы Иоганн! Я вас почти таким и представляла.

Темно-серые пытливые глаза девушки были странно лишены блеска, и поэтому, даже когда она улыбалась, ее усталое лицо со строгими чертами сохраняло чуть печальное выражение.

Не дав Иоганну ответить, Шарлотта попросила:

— Только, пожалуйста, не притворяйтесь, что вы удивлены. Генрих рассказывал мне о вас.

Генрих счел нужным вмешаться, пояснил:

— Только то, что необходимо знать девушке о незнакомом ей интересном молодом человеке.

— Генрих, не надо, — смутился Иоганн.

Тут в комнату стремительно вошла смуглая брюнетка в чем-то ярко-оранжевом, и от этого пронзительного цвета все вокруг померкло. Сверкнув черными глазами, она небрежно сказала Иоганну:

— Каролина фон Вирт.— Ласково положила руку на плечо Генриха, внимательно посмотрела на него.— Про вас сплетничают, будто вы все свои силы стали отдавать службе. И теперь я могу это подтвердить.

— Какие у вас для этого основания?

— Ну как же! Вы наконец-то захотели увидаться со мной.

— Только по велению сердца.

— Но в прошлый раз вы так интересовались моей работой на Беркаерштрассе, что я не могла не подумать: больше всего я вас интересую как ваша сослуживица.

Генрих смутился и, стараясь избегать взгляда Вайса, объяснил:

— Просто меня интересовало, насколько вы стали серьезны после того, как начали там служить.

— Представьте, не больше, чем вы.

Генрих обернулся к Вайсу, сообщил:

— Каролина знает несколько иностранных языков в совершенстве, впрочем, она совершенство и во всех других отношениях.

Вайс уже был осведомлен о том, что на Беркаерштрассе размещался лишь один отдел секретной службы — отдел иностранной связи. Он ведал операциями за границей и анализировал поступающие из-за границы материалы.

Позже он узнал, что Каролина, дочь умершего в 1935 году дипломата, почти всю свою жизнь провела за рубежом. Когда отец девушки умер, министерство иностранных дел пыталось привлечь ее к работе в своем разведывательном отделе, но она решительно отказалась. А чтобы избежать мобилизации на трудовой фронт, поступила в Шестой отдел СД стенографисткой и вскоре стала там переводчицей. Лучшей рекомендацией послужило то, что ее старший брат, недавно погибший на фронте, окончил в 1933 году университет вместе с Вальтером Шелленбергом.

Вначале Вайса обеспокоила энергичная решительность, с какой Генрих организовал для него это знакомство, но уже вскоре, как только они вышли с девушками погулять по лесу, все сомнения исчезли. Генрих был настолько

увлечен разговором с Каролиной, что даже не подумал о том, как отнесется к встрече с ней Вайс.

Но если Густав узнает об этом знакомстве, ему, пожалуй, может показаться подозрительным, что Вайс уж слишком притко акклиматизируется в Берлине. Поэтому Иоганн решил на всякий случай держаться подальше от Каролины, чтобы не дать ей повода говорить кому-либо о своем новом знакомстве.

Уловив выражение озабоченности в глазах Вайса, Шарлотта спросила:

— Вам скучно со мной? — И как бы сама с собой согласилась: — Конечно, я очень скучная и какая-то несовременная. Многие мои подруги поступили во вспомогательные женские подразделения, а я пошла на завод, отбываю там трудовую повинность. Живу в казарме и только на воскресенье прихожу домой.

— Но ведь вы тоже поступили патриотично, — равнодушно сказал Вайс.

— Нет, просто мне так захотелось. Папа был инженером на этом заводе, но с тридцать третьего года он нигде не работает, ушел на пенсию из-за болезни сердца.

— Ваш отец очень бодро выглядит, — машинально сказал Вайс. — Никак не скажешь, что он болен.

Шарлотта с тревогой взглянула на него. Уверила то-ропливо:

— Нет-нет, он очень болен.

И вдруг Иоганна осенило. Тридцать третий год — год прихода к власти фашистов. Нет, тут все не так просто. И с такой же поспешностью, как Шарлотта, сказал:

— Действительно, люди с больным сердцем часто выглядят великолепно.

Шарлотта кивнула и, благодарно улыбнувшись, спросила:

— Вам интересно слушать мою болтовню?

— Разумеется, — ответил Вайс, — очень!

— Мне иногда кажется, — печально сказала девушка, — что я живу какой-то странной, двойной жизнью. И знаете, не так уж страшно в цехе, хотя работа изнурительная и многие женщины калечатся или заболевают неизлечимыми болезнями. Самое страшное потом — в казарме. Туда мужчины приходят, как в... ну, сами знаете куда. И есть женщины, которым все безразлично. Они так напиваются — ужасно... А некоторые матери прячут в казарме своих детей, потому что им некуда девать их. —

Помолчав, она добавила: — Но почему же члены национал-социалистской партии освобождены от всего этого и не терпят тех лишений, от которых страдает вся нация? Вы считаете это правильным?

— Я ведь недавно в Берлине, — попытался увильнуть от прямого ответа Вайс.

— Я забыла, ведь вы служили в генерал-губернаторстве. Гитлер говорил, что генерал-губернаторство — это резервация для поляков, это большой лагерь. Там действительно ужасно?

— Для кого как.

— Меня интересует не то, как вы жили там, а как умерщвляют людей.

— Разве у вас на заводе не работают военнопленные?

— Их избивают до смерти, а многие умирают своей смертью — от истощения. Мне иногда стыдно, что я немка! — с горечью сказала Шарлотта. — И знаете, что я думаю? Если русские победят, они станут обращаться с нами так же, как мы обращаемся с ними. Доктор Геббельс все время утверждает, что русские будут мстить нам за жестокость жестокостью. Я устала от его длинных речей.

— И все-таки согласны с тем, что он говорит?

— А разве это не так?

— По роду моей службы мне приходилось знакомиться с принципами большевиков, — сказал Вайс. — Они радикально отличаются от принципов, которые провозглашает фюрер, и я думаю, русские поведут себя не так, как мы предполагали. — И счел нужным добавить: — Поэтому Советский Союз и является главным противником Третьей империи. И не только внешним противником, как его союзники, но и политическим.

— Странно, — медленно протянула Шарлотта, — я знаю, что вы офицер СД, но почему-то не боюсь вас. А вы, мне кажется, меня боитесь и поэтому говорите так осторожно и так уклончиво отвечаете на мои вопросы.

— Знаете, — с нарочитым легкомыслием в тоне сказал Вайс, — я предпочитаю не говорить с девушками о политике.

— Хорошо. Поговорите со мной о том, о чем вы обычно разговариваете с девушками. — И Шарлотта нетерпеливо приказала: — Ну, я вас слушаю.

Вайс в замешательстве опустил глаза.

— Может, я вам не нравлюсь?

Вайс честно признался:

— Ну что вы, даже очень!

— А чем именно? — настаивала девушка.

— Тем, что вы такая, какая вы есть.

— Какая же?

— Ну, мне показалось, будто я вас давно знаю.

— Со слов Генриха?

— Нет, он никогда не говорил мне о вас.

— Мужчины обычно говорят о девушках. Что вы скажете Генриху обо мне? Ну, будьте же смелы!

— Что вы фёя Груневальдского леса.

— Странно, — задумчиво сказала Шарлотта, — но вы становитесь таким неестественным, когда говорите банальности.

— Это упрек?

— А вы обиделись? Вы хотели бы быть таким, как все?

Вайс быстро нашелся, сказал с сожалением:

— Я только недавно в Берлине, и мне, конечно, не хватает умения держать себя в обществе.

— Вы уже были в берлинском Зоо? Нет? Напрасно. Следовало начать именно с этого: вы нашли бы там много поучительного.

— У вольеров с попугаями?

— Во всяком случае, не у клеток с хищниками. — Шарлотта улыбнулась. — Покверьте, я говорю так только потому, что знаю: вы лучше, чем хотите казаться.

Вайс вовсе не хотел произвести такого впечатления на эту смело и резко высказывающую свои суждения девушку. Это было опасно. И хотя ему приятно было слышать слова Шарлотты, он не имел права больше рисковать. Кто знает, как далеко может зайти душевная проницательность Шарлотты... Поэтому он спросил, чтобы переменить тему разговора:

— Генрих, кажется, всерьез увлечен фрейлейн Каролиной?

— Просто она красивая. Разве вы не заметили?

— Да, конечно, красивая, — согласился Вайс.

— Ухаживать за красивой девушкой, — наставительно заметила Шарлотта, — для мужчины так же естественно, как для офицера заботиться о чести своего мундира.

Если вначале Вайса несколько заботило столь ясно преувеличенное, настойчивое внимание Генриха к сотруднице политической секретной службы Шестого отдела СД,

то теперь он совершенно успокоился. Из слов Шарлотты он понял, что дружба Генриха с красивой Каролиной фон Вирт ни у кого не может вызвать подозрений.

Иоганн вдохнул такой вкусный, казалось, стерильной чистоты воздух. Огляделся.

Груневальдский лесной массив простирался вокруг, и не было ему конца. Лес был так ухожен, что напоминал парк. Огромную территорию лесники прибирали с такой же аккуратной старательностью, с какой садовники ухаживают за клумбами или горничные убирают анфилады комнат в богатых усадьбах, нигде не оставляя ни соринки.

Даже не верилось, что за лесом так тщательно ухаживают сейчас, во время войны, когда миллионы немцев согнаны по принудительной трудовой мобилизации на сельскохозяйственные работы.

Большие участки леса с отличными асфальтированными дорогами ограждала колючая проволока. Предупреждающие надписи оповещали: «Внимание, частная собственность!» Нарушить это запрещение было равносильно тому, что проникнуть в запретную зону.

Ужинали на открытой террасе в сумерках. Не успели сесть за стол, как сирены оповестили о воздушной тревоге.

В этом пригородном районе особняков и вилл не было общих бомбоубежищ — только частные, у самых богатых. Копать щели в лесу запрещалось, а портить свои крохотные участки мелкие владельцы не решались.

Обычно союзники бомбили густонаселенные рабочие районы Берлина. Так было и на этот раз. И хотя Берлин лежит на низменной плоскости, дымы и пожары как бы поднимали ввысь его огненные, конвульсивно шевелящиеся очертания.

Глухие удары бомб доносились сюда, как звуки гигантской трамбовки.

Все молчали. Никто не притронулся к еде.

Потирая свой выпуклый, с залысинами лоб, герр Румпф произнес вполголоса, ни к кому не обращаясь:

— Странно — почему только Америка и Англия взяли на себя выполнение этих карательных мер в отношении немецкого населения, а советская авиация в них не участвует.

— Очевидно, потому, что у русских недостаточно самолетов, — высказала предположение Каролина.

— Рейхсмаршал Геринг утверждает противоположное.

Русские переместили свои авиационные заводы на Восток, в недостижимые для наших бомбардировщиков районы. — Румпф искоса глянул на Вайса. — Для Канариса в свое время это явилось неожиданной новостью.

Вайс молча развел руками.

— На месте американцев и англичан я бы снабдила русских самолетами дальнего действия, — сказала Каролина.

— Зачем, собственно? — спросил Генрих.

— Чтобы нас бомбили русские летчики и чтобы мы еще больше ненавидели русских! — гневно воскликнула Каролина. — Я полагаю, это было бы в интересах самих союзников.

Вайс процедил с ленивым безразличием:

— Не следовало бы так откровенно говорить о том, чем озабочены наши шефы на Беркаерштрассе.

Лицо Каролины приняло виноватое выражение. Зябко поведя плечами, она пробормотала смущенно:

— Извините, я не предполагала, что вы столь хорошо информированы.

Вайс успокаивающе улыбнулся ей, сказал мирно:

— Собственно, тут нет никакого секрета. Разве могло быть иначе?

Багровое небо над Берлином продолжало гудеть, словно его толщу буравили гигантские сверла. Холодные голубые лезвия прожекторов рассекали тучи, и тут же их прошивали красные пунктиры зенитных снарядов. Разрывы бомб походили на подземные толчки.

Наклонив к Вайсу бледное лицо, Каролина прошептала:

— Иногда мне кажется, что союзники не желают Германии поражения, а этими налетами только откупаются от русских. И тогда я их оправдываю.

— Вы умница! — усмехнулся Вайс. — Конечно, убивать мирное население легче да и безопаснее, чем открыть второй фронт против нас.

Поощренная Вайсом, Каролина добавила таким же шепотом:

— Тем более что крупные промышленные объекты они тщательно избегают разрушать.

— Ну, это маловероятно!

— Вы так думаете? — Каролина насмешливо улыбнулась. — А почему тогда их разведка ни разу не попыталась установить пеленги в районах оборонных предприятий?

— Я полагаю, здесь заслуга нашей контрразведки.

— А русские агенты это делают!

— Но вы же сами сказали, что русская авиация не участвует в подобных налетах.

— В подобных — да, но по выборочным целям они бьют с точностью, которая наводит на самые неприятные размышления.

— Какие же?

— Ах, как вы не понимаете! — рассердилась Каролина. — Русские даже в этом ставят себе пропагандистские задачи и внушают населению ложные представления о себе.

— Вы полагаете, что русские действуют так далеко-видно?

— Дальновиднее, чем их союзники. И мы должны помочь их союзникам понять это.

— Каким образом?

— Если мы, немцы, сумеем стать выше тех жертв, которые приносят нам бомбардировки, и пойдем способ внушить союзникам русских, что русские в конце концов обманут их, возможно, их союзники станут нашими союзниками.

— Вы правы, — согласился Вайс. — Но русские, кажется, верны своим обязательствам в отношении союзников больше, чем союзники своим обязательствам в отношении русских.

Каролина объявила пылко:

— Я верю в наш гений. И те из нас, кто обладает высоким воображением и опытом, смогут представить союзникам русских документальное подтверждение того, что русские обманывают их, а русским — такие же документы об их союзниках.

— Да, — живо сказал Вайс. — Я не сомневаюсь, что на Беркаерштрассе есть люди, которые не только думают так же, как и вы, но и располагают соответствующей техникой, чтобы осуществить этот план. — И похвастал: — В «штабе Вали» у нас изумительные мастера: безукоризненно изготавливают любые фальшивки. Но, знаете, почему-то наши агенты все-таки предпочитали подлинные документы: они надежнее.

Иоганн понимал, что словоохотливость Каролины объясняется не одним только желанием показать свое превосходство над ним. Ее пугает зловещее зарево бомбежки, она взвинчена до истерики и, чтобы сохранить видимость

самообладания, говорит без умолку, пытаюсь заглушить страх звуками собственного голоса. А когда бомбежка кончилась и отменили воздушную тревогу, Каролина, совершенно обессиленная, протянула свою холодную, потную руку Вайсу и боязливо спросила:

— Я, кажется, наболтала вам лишнего?

— Ну что вы! — удивился Иоганн. — Ваши слова свидетельствуют, насколько вы озабочены, поглощены своей работой. И только.

Провожая гостей к машине, Шарлотта спросила Вайса:

— Неужели вас занимает болтовня Каролины? Я даже не ожидала, что работа наложит на нее такой неприятный отпечаток.

— Просто она разнервничалась, — сказал Вайс.

— Да, — согласилась Шарлотта, — и я тоже. Эти бомбежки скоро всех нас сделают сумасшедшими. — Спросила тихо: — Вы еще придете к нам когда-нибудь? — Добавила смущенно, вопрошающе ласково глядя на Иоганна своими грустными темно-серыми глазами: — Теперь, когда вы вошли в круг наших знакомых, вы можете приехать к нам один, без Генриха, если он будет занят.

Иоганн кивнул, сел в машину, оглянулся. Шарлотта стояла у низенькой, сплетенной из ветвей калитки, подняв руку в прощальном приветствии.

Прежде чем поделиться с Генрихом своими впечатлениями о семействе Румффов, Иоганн долго и обстоятельно излагал ему правила и тактику, которым Генрих должен теперь следовать. И поймал себя на том, что говорит с той же отеческой интонацией, которая слышалась обычно в голосе Барышева, когда тот наставлял его самого.

Внезапно Генрих прервал Иоганна:

— А ты знаешь, что отец Каролины умер вовсе не от болезни, а был отравлен?

— Кем?

— Я знаю только, что его отравили.

— Ты увлечен ею?

— Приближаюсь к этому состоянию, — буркнул Генрих. — Но могу остановиться.

— Видишь ли, — сказал Вайс, — я, например, не считал и не считаю главным, решающим для тебя то, что твой отец был убит фашистами.

— Моим дядей!

— Фашистами,— настойчиво повторил Вайс.— Главным и решающим для тебя было другое. Ты убедился, понял, что не можешь идти с теми, кому сейчас принадлежит власть над немецким народом.

— Господи! — воскликнул Генрих.— Опять он философствует!..

Вайс, будто не слыша насмешливого восклицания Генриха, продолжал спокойно и рассудительно:

— Каролина же, если, допустим, узнает, что ее отец был убит по указанию какого-то определенного лица, возможно, вспыхнет ненавистью именно к этому человеку. Но не к нацистскому строю...

— Ты в этом уверен? — перебил Генрих.

— Я только строю предположение.

— Значит, я должен приказать себе «Стоп!»? Ну, а если это увлечение окажется полезным?

— Я предпочел бы другие методы.

— А если забыть о вашей более чем странной этике, тогда как? — спросил Генрих.

— Дело не в этике. Ты должен был заметить, как безудержно болтала Каролина, когда стала нервничать, испугавшись бомбежки. Такой несдержанной из-за своей чрезмерной перевозности она может быть и при других обстоятельствах, и это не пройдет незамеченным. Значит, чем дальше ты будешь от нее держаться, тем лучше для нас обоих — разумнее и безопасней.

— Но ведь ее болтовня представляет интерес для тебя — я заметил это по твоему лицу.

— Она говорила только о том, что нам и так известно из других источников.

— Ну хорошо, возможно, я ошибся, ты прав. Но у меня хватило наблюдательности установить и еще кое-что. Повидимому, Шарлотта произвела на тебя впечатление?

Иоганн молча кивнул, не поворачивая головы.

— Ладно, не отводи своего трусливого взгляда. Я буду великодушней, чем ты. Пожалуйста, встречайтесь, сколько хотите! Шарлотта — хорошая девушка.

Иоганн сказал печально:

— Вот именно, настолько хорошая, что я боюсь, как бы ее суждения не принесли ей беды. Нельзя ли как-нибудь предупредить ее?

— Вот ты и предупреди, да не днем, а при луне в Груневальдской таинственной лесной чаще.

— Я не вижу здесь повода для шуток,— тихо сказал

Иоганн.— Но ты сам понимаешь, я не могу ее ни о чем предупредить. И даже, возможно, больше не встречусь с ней.

— Ты это серьезно?

Иоганн снова кивнул.

— Ну,— сказал Генрих,— считай, что мы с тобой понесли одинаковые потери.

— Мне кажется, Шарлотта — очень хорошая девушка,— повторил Вайс.

— Ну, да, ты хочешь этим сказать, что потерял больше, чем я. Впрочем, возможно. Каролина слишком уж красива, и вряд ли у нее есть за душой что-либо, кроме ее красоты. Пожалуй, ты прав. И ты несчастней меня. Прими же мои соболезнования!..

При отлучке из расположения каждый обязан был информировать Густава о том, где и с кем он провел время. Но письменного рапорта не требовалось. Информация носила видимость ленивой беседы равного с равным.

После первого же визита к Шварцкопфам Вайс с твердым достоинством решительно дал понять Густаву, что ни на какие сведения о них тот рассчитывать не может.

— Очевидно, Вилли Шварцкопф вызывает у вас большую симпатию? — иронически заметил Густав.

— Не в этом дело,— серьезно сказал Вайс.— Когда Вилли проявил интерес к моему образу жизни, я ответил ему так же, как сейчас ответил вам.

— Вы так осмотрительны!

— Да,— сказал Вайс.— Так. Я очень дорожу дружбой с Генрихом Шварцкопфом. Я ему многим обязан.

— Ну что ж,— протянул Густав,— вы правы: это действительно слабость. Но такой недостаток настолько не распространен среди тех, кто у нас служит, что я готов с ним примириться.

— Благодарю вас,— сказал Вайс.

Визит Иоганна к Румпфам не вызвал интереса у Густава. Тем более что Шарлотту Вайс охарактеризовал как типичную воспитанницу «гитлерюгенда», фанатичку, для которой работа на заводе — только способ выразить свою страстную преданность фюреру.

Но о Каролине фон Вирт он говорил с таким пылким

восторгом, что Густав вынужден был осведомиться, не влюбился ли Вайс в нее с первого взгляда, а потом как бы между прочим заметил:

— Ну что ж, желаю вам приятных свиданий. Когда вы собираетесь снова встретиться с ней?

— Я не решился попросить ее об этом, — потупил глаза Вайс.

— Почему?

— Вот тут я хотел бы с вами посоветоваться, — с искренним чистосердечием в голосе попросил Вайс. — Конечно, она красивая девушка, из хорошей семьи, но долго жила с отцом за границей, и я не заметил в ней высокого патриотизма.

— Не заметили? — удивился Густав. — В таком случае поздравляю! Значит, она настолько увлеклась вами, что забыла о политике.

— Вы так хорошо ее знаете?

Не ответив на этот вопрос, Густав посоветовал:

— Во всяком случае, учтите: красота для женщины может быть таким же оружием, как ум для мужчины. А то и другое в равной мере необходимо в арсенале секретных служб.

— Вы предлагаете мне привлечь ее? — спросил Вайс.

Густав снисходительно улыбнулся.

— Я предлагаю вам подумать над моими словами.

— Кажется, я вас понял, — пробормотал Вайс.

— Вот и отлично. Какой же вы сделали для себя вывод?

— В свое время вы скажете мне, должен я буду возобновить знакомство с Каролиной фон Вирт или нет.

— Вы умница, Петер, — сказал Густав.

Не все сотрудники особой группы офицеров связи при Вальтере Шелленберге постоянно находились в укрытых кустами сирени коттеджах. Некоторые из них жили у себя дома, а сюда приезжали, только чтобы получить задание. Это были люди, хорошо известные в берлинском обществе. Все они принадлежали к почтенным семействам и имели независимое материальное положение.

Один из них, Гуго Лемберг, сын известного берлинского адвоката, юрист по образованию и летчик по военной профессии, привлек внимание Вайса.

Этот спортивного вида молодой человек держался весьма независимо и высказывал суждения резкие и решительные. Однажды он спросил Вайса:

— Вы работали в абвере и занимались русскими делами. Скажите, как по-вашему, допускают они мысль о возможности каких-либо сепаратных переговоров с Германией?

— Нет, — сказал Вайс.

— А о том, что Россия может быть побеждена нами?

— Нет, — повторил Вайс.

— Ну, а те, которые работают с нами?

— Обычно это отбросы.

— Значит, вы считаете, что подрывная работа изнутри в России бесперспективна?

— У нас были отдельные удачные операции, например...

— Я вас понял, — перебил Гуго. Предложил Вайсу сигарету, задумчиво затянулся дымом. — Отсюда можно прийти к одному выводу: для того, чтобы мы могли выиграть войну на Востоке, нам необходимо как можно раньше и успешнее проиграть ее на Западе. И некоторые полагают, что лучше пойти на уступки нашим только военным противникам на Западе, чем быть побежденными нашими военнополитическими врагами на Востоке.

— Я уверен в конечной победе великого рейха, — сказал Вайс.

— Я тоже, — сказал Гуго. — Но пути к победе бывают различными.

Как-то Гуго пригласил Вайса к себе. Особняк Лембергов находился недалеко от Ванзее, в районе Далема. И здесь Вайс неожиданно встретил ротмистра Герда. Но тот при виде Вайса не выразил никакого удивления: очевидно, он заранее знал об этой встрече.

Обедали на огромной застекленной террасе, пол которой был устлан грубыми каменными плитами. Разговор за обедом носил самый отвлеченный характер. Потом поднялись в кабинет отца Гуго. Увидев на библиотечных полках большое собрание последних изданий периодической советской печати, Вайс не счел нужным скрыть удивление.

Гуго объяснил:

— По поручению некоторых влиятельных лиц отец взял на себя задачу сделать анализ политико-психологического состояния советского общества.

— Ваш отец знает русский язык? — спросил Вайс.

— Нет, но у моего отца есть помощники, знающие его в совершенстве, — сказал Гуго.

— Господин Вайс тоже обладает такими познаниями, — напомнил Герд.

— Мне приятно убедиться не столько в лингвистических познаниях моего гостя, — сказал Гуго, — сколько в его смелых и правильных характеристиках политико-морального состояния русских. — Он обернулся к Иоганну: — Это делает вам честь. — И чуть наклонил голову с тщательно проведенным пробором в коротких, гладко прилизанных волосах.

Предложив Вайсу и Герду сесть в кресла и сам усаживаясь возле круглого курительного столика, Гуго спросил:

— Скажите, как по-вашему, есть ли различие в степени виновности между изменой империи и изменой рейху?

— Я не юрист и, к сожалению, не могу разбираться в подобных тонкостях, — сказал Вайс.

— Ну хорошо, — согласился Гуго. — У вас еще будет время обдумать мой вопрос. Но задал я его с определенной целью — чтобы вы поняли: рейх бессмертен, и каждый из нас, кто причинит хоть какой-либо ущерб делу рейха, заслуживает смерти.

— Несомненно! — горячо воскликнул Вайс.

— Отлично, — сказал Гуго. — Теперь попрошу особого вашего внимания. Вам, возможно, придется встречать и сопровождать иностранцев, которые являются противниками фюрера, но друзьями Германии. Если они в вашем присутствии позволят себе высказывать критические суждения о фюрере, как вы поступите?

Вайс сказал убежденно:

— Если встречи с такими людьми входят в мои служебные обязанности, я буду держать себя в соответствии с теми указаниями, которые получу...

Герд не выдержал, прервал Вайса и с самодовольным торжеством объявил Гуго:

— Теперь вы убедились? Я же вам говорил! У него удивительно развито чувство понимания своего места. — Обернувшись к Вайсу, сказал, как бы извиняясь: — Вы, надеюсь, не обиделись? Правда — высший наш повелитель!.. — Попросил Гуго: — Вы позволите мне внести некоторые разъяснения? — Герд прикрыл глаза, сложил руки на животе и стал мямлить: — Видите ли, все мы, несомненно, в равной мере обожаем фюрера. И величие его настолько бесконечно и совершенно, что постигнуть его не

дано даже наиболее выдающимся представителям других наций.

— Короче! — нетерпеливо попросил Гуго.

— Словом, я хочу сказать вот что: бессмертие фюрера воплощено в нашей великой германской империи, и забота о ее сохранении есть служение фюреру. Но Гитлер — это только имя. Фюрер же — дух Германии. Поэтому, если сопровождаемое вами лицо будет интересоваться, сможет ли германский народ во имя нашей великой империи, якобы и без Гитлера, успешно выполнить свою историческую миссию, хотелось бы, чтобы вы привели в подтверждение этого достаточно убедительные доводы.

— Если мне прикажут, — сказал Вайс.

— И не забудьте охарактеризовать большевистское единодушие русских столь же определенно, как вы сделали это недавно в разговоре со мной, — добавил Гуго.

— Я надеюсь, — сказал Вайс, — что обо всем этом будет упомянуто при инструктировании.

60

После встречи с Гуго Лембергом и Гердом ничего не изменилось для Вайса. Он по-прежнему продолжал выполнять незамысловатые поручения Густава, он пользовался относительной свободой, и это дало ему возможность связаться с Центром. Он подробно информировал о новом своем положении, получил соответствующие указания, а также узнал, что ему поручено и в дальнейшем поддерживать контакт с резидентом в Берлине.

Местом явки был назначен салон массажа, расположенный вблизи штаб-квартиры Вальтера Шелленберга на Беркаерштрассе.

Процедуры в салоне назначал профессор Макс Штутгоф. Он сам осматривал каждого нового пациента, но массировал только избранных посетителей, а к наиболее высокопоставленным выезжал на дом в старомодном, отделанном изнутри красным деревом «даймлере».

Пройдя в кабинет, Вайс увидел седовласого пожилого человека с лицом, покрытым доблестными следами дуэлей. Как он потом узнал, эти шрамы с большим мастерством нанес Штутгофу советский хирург.

Вайс назвал пароль и, получив ответ, ожидал, что профессор немедленно примет у него информацию и пере-

даст инструкции. Однако Штутгоф предложил Вайсу раздеться и тщательно обследовал его. Заполняя медицинскую карточку, с довольным видом отметил, что после ранения, полученного Вайсом во время эпизода с танком, ему действительно необходимо пройти курс массажа. Упрекнул Вайса: пренебрегая своим здоровьем, тот доведет нервную систему до nepазволительной степени истощения. Выписал лекарства и порекомендовал соответствующий режим.

— Послушайте, — нетерпеливо сказал Вайс, — не надо из меня делать жертву ваших сомнительных познаний.

— Почему сомнительных? — обиделся Штутгоф. — Я, батенька мой, начал практиковать еще тогда, когда вы пионерский галстук носили. И поскольку ваши родители неоднократно проявляли беспокойство о состоянии вашего здоровья, я как медик получил прямое указание Центра заняться вами самым серьезным образом. И, если понадобится, даже поместить вас в стационар...

— Еще чего! — рассердился Вайс.

Профессор усмехнулся:

— Учтите, я здесь пользуюсь большим влиянием, и мне ничего не стоит сообщить кому-либо из власти имущих, что вы нуждаетесь в лечении. И вас, как цуцика, уложат в мою лечебницу по указанию хотя бы того же вашего Густава. Я помог ему полностью восстановить функционирование коленного сустава, который он повредил, очевидно, во время какой-нибудь бандитской операции. Так что прошу проявлять ко мне самую высокую почтительность. А теперь прошу вас пройти к кассиру. Внесете соответствующую сумму, вас обслужат, а потом я вас выслушаю, как полагается.

После того как Вайс подвергся разного рода лечебным процедурам, которыми славилось заведение профессора Штутгофа, он в приятном изнеможении вернулся в уже знакомый кабинет, передал информацию и выслушал инструкции. На прощание профессор сказал:

— Не забудьте показать свой абонемент в наш салон Густаву, а также разрекламировать среди своих сослуживцев целительные свойства процедур, которые вы здесь получили. Не обязательно встречаться со мной при каждом вашем посещении салона. Целесообразней будет найти для связи с вами товарища, который располагает большими возможностями для различного рода поездок, чем я.

Учтите: мое заведение дает значительный доход и приносит большую пользу некоторым моим клиентам. И было б весьма нежелательно, если б из-за каких-либо обстоятельств я не мог столь же успешно и плодотворно продолжать свою деятельность. Поэтому наши встречи должны быть крайне редкими.

Теперь слушайте внимательно. Сейчас в Германии среди власть имущих образовались группы, которые установили связи кое с кем из правящих кругов США и Англии, ведут с ними тайные переговоры. Цель — заключение сепаратного мира. Взамен Германия берет обязательство сменить вывеску Гитлера, продолжая добиваться осуществления его военно-политических целей на Востоке, но уже при поддержке армий союзников или, по крайней мере, с их экономической помощью. В компенсацию за это Германия пойдет на ряд уступок Западу. У каждой группы есть свои вариации. Но сущность у всех одна. В общем, это не что иное, как заговор против народов антифашистской коалиции.

Наш долг — представить неопровержимые документальные доказательства изменнических действий тех, кто, вопреки союзническому долгу и воле своих народов, вступает в тайный сговор с общим противником, попирая обязательства, подписанные главами своих правительств.

Следовательно, единственная и самая важная задача вашей деятельности здесь — добыть такие документы. И все, кто будет связан с вами, выполняют эту задачу. Тут требуется величайшая осторожность, ибо любой опрометчивый поступок послужит сигналом, что советская разведка действует в этом направлении.

А теперь, чтобы вы поняли всю важность задания: мы уже располагаем такими данными об этих переговорах, что, если хотя бы часть из них стала известна Гитлеру, он незамедлительно приказал бы казнить многих и многих ближайших своих сподвижников, которые втайне от него связались с союзниками.

Возможно, любая другая разведка так и поступила бы. Но мы всегда видим перед собой высшие цели. Мы хотим предотвратить угрозу, нависшую над будущим всего человечества. Эти документы должны быть представлены советским правительством правительствам наших союзников. Во всяком случае, их главам.

— Нельзя ли все-таки хоть бы одну завалящую копию Гитлеру показать?..

Профессор улыбнулся, погрозил пальцем и добавил серьезно:

— Гитлер тоже пытается вести тайные дипломатические переговоры с союзниками. Но делами имперской канцелярии занимаются, надо полагать, другие наши товарищи. Конечно, в меру доверия, оказываемого им приближенными фюрера.

Вайс изумленно поднял брови.

Профессор сказал мечтательно:

— Если бы на будущем параде победы наши товарищи могли пройти строем по Красной площади в своих немецких мундирах... Они выглядели бы, наверно, как внушительное подразделение... — Профессор смолк, задумался, и вдруг лицо его просияло. Он поднялся, вытянул по швам руки, приказал шепотом: — Капитан Александр Белов! По поручению командования сообщаю: за героическую работу в тылу врага вы награждены орденом Отечественной войны первой степени.

— Служу Советскому Союзу! — сказал Иоганн, встав перед профессором.

Профессор прикоснулся ладонью к его груди.

— Вот, — сказал он дрогнувшим голосом. — Принимай в сердце и носи. — Обнял Иоганна, тяжело засопел, оттолкнул. — Уходи, уходи быстрее. Я тут с тобой расчувствовался, а мне сейчас одну отвратительную образину массировать придется. Палач, гад! Придушить его хочется, а я ему морщины на роже и на шее отглаживаю. Ну, отчаливай! В час добрый!

Спустя несколько дней Вайс получил приказание встретить на Темпельгофском аэродроме пассажира и отвезти его по сто девятому маршруту в округ Темплин, в поместье Хоенлихен, где размещался госпиталь для эсэсовцев. Вайсу уже было ведомо, что никакой это не госпиталь, а штабквартира рейхсфюрера Гимmlера.

По дороге он должен был остановиться в местечке Вандлиц и предложить гостю закусить в ресторане «Амзее» у третьего стола справа, если считать от стойки бара.

Пассажир оказался представительным мужчиной. Держался он весьма непринужденно и не находил нужным маскировать свою англосаксонскую внешность и манеры иностранца.

Он нисколько не удивился, что Вайс знает английский язык. Сев в машину, сразу же предложил Вайсу виски и американские сигареты.

— Вот что, парень, можешь называть меня Джо,— я знал простаков с таким именем. Я сам тоже простак,— отрекомендовался пассажир и приказал тоном, не терпящим возражений: — Сначала повози меня по вашей большой деревне. Интересно посмотреть, где наши ребята больше всего наломали камней.

Вайс сказал:

— Мне приказано следовать по маршруту.

Джо полез в карман, вынул стянутую резинкой пачку долларов, предложил:

— Можешь взять себе несколько картинок с портретом президента.

— Нет,— сказал Вайс.

— Слушай, птенчик, я не занимаюсь ерундой и, будь спокоен, к военной разведке не имею никакого отношения. Ты сфотографируешь меня моим фотоаппаратиком на фоне развалин — только и всего. А потом сунешь аппарат вашим, пусть они сами проявят и отпечатают пленку. Я знаю ваши порядки не хуже тебя.

— По маршруту будут подходящие развалины,— сказал Вайс.

— Ну, тогда валяй,— согласился Джо. Откинувшись на сиденье, спросил: — Ну, как здоровье вашего фюрера?

— А как здоровье мистера Рузвельта?

— Ох и ловкий ты парень! — рассмеялся Джо. И тут же грубо предупредил: — Только ты со мной не крути. Я знаю о тебе ровно столько, сколько мне нужно знать. Ты работал в военной разведке, нацеленной на Восток. Ну, быстро! Как оцениваешь русских?

— Они ваши союзники, и вы должны лучше знать их.

— Тебя учили так отвечать мне? — сердито спросил Джо.

— Ладно,— примирительно сказал Вайс.— Сейчас я вам все начистоту: русские утверждают, что они первыми протянут вам руки на Эльбе.

— Через ваши головы?

— Через наши трупы.

— Значит, будете драться с ними до последнего солдата?

— До последнего немца. Так сказал фюрер.

— Как русские оценивают отсутствие второго фронта?

— Они говорят, что он уже есть. Они теперь называют вторым фронтом партизанское движение и движение Сопротивления в странах Европы.

— Значит, если кое-кто не поторопится, русские будут рассчитывать только на этот «второй фронт»?

— По крайней мере, так они его называют.

— Это любопытно, парень! Ну, и что из этого следует?

— Спросите Рузвельта.

— Я спрашиваю тебя, немца!

— Тогда просите, чтобы вас принял фюрер, — он первый немец империи.

— На нашей бирже он сейчас уже не котируется.

— Фюрер готовит вермахт к новому наступлению, и тогда вы иначе заговорите.

— Я не из тех, кто играет на повышение его акций.

— А есть у вас такие?

— Были... Но какого черта ты задаешь мне вопросы?

— Только из вежливости, — сказал Вайс, — чтобы поддержать разговор.

— Ну, тогда сыпь, — согласился Джо.

— Вашего босса мы будем дожидаться в Вандлице?

— Как назначено. — И тут же Джо изумленно осведомился: — А тебе кто сказал, что я сопровождаю босса?

Иоганну никто этого не говорил. Просто он понял, что Джо — не тот человек, которого могли бы ожидать в Хоенлихене. Даже видным эсэсовцам нужен был особый разовый пропуск, чтобы попасть туда. Вся зона вокруг Хоенлихена считалась запретной. Он утвердился в своем предположении, как только нащупал локтем ручку пистолета-автомата под мышкой Джо: облеченный большими полномочиями человек не стал бы держать при себе оружие.

Вайс, не отвечая на вопрос Джо, сказал:

— Ничего, когда-нибудь сам станешь боссом. Это у вас в Америке быстро делается.

— Ну да, как же! — воскликнул Джо. — Я уже два раза валялся раненый в госпитале после таких поездок. — Он, по-видимому, сразу же примирился с тем, что Вайс угадал его должность, и, уже не скрываясь, откровенно пожало-

вался: — Разве можно в таких условиях отвечать за безопасность босса?

— Не стоит беспокоиться, — утешил его Вайс. — О боссе мы позаботимся не хуже, чем все ваши службы, вместе взятые.

— Поэтому мне и обещали такого парня, как ты, — сказал Джо, — из абвера, а не из гестапо.

— У вас считают, что абвер работает лучше?

— Нет, просто босс не хочет, чтобы за его безопасность отвечало гестапо. Быть под охраной военного разведчика — гораздо почетней, чем под охраной гестаповца. Из политических соображений босс не желает иметь дело с этой фирмой. Связь с гестапо может повредить ему дома. Простые избиратели решительно настроены против Гитлера, нацистов, гестаповцев и всяких ваших фашистов. Они платят налоги, они служат в армии — приходится с ними считаться.

— Ну да, — сказал Вайс. — Очевидно, босс так любит своих избирателей, что приехал просить, чтобы их не очень сильно щипали на Западном фронте.

— Береги лучше собственную голову! — рассердился Джо. Заметил ядовито: — От наших «летающих крепостей» под каской не спрячешься.

— Ну, воевать-то мы вас научим, — усмехнулся Вайс.

— А вас русские отучат!

— Правильно, — согласился Вайс. — То-то вы боитесь, чтоб русские раньше вас не вышли к Ла-Маншу.

— С чего ты это взял?

— А вот с того самого: хотите отделаться сепаратным договором.

— Не так это все просто, парень...

— Вот именно, — снова согласился Вайс. — Поэтому вам с боссом приходится больше бояться здесь агентов Рузвельта, чем гестапо.

В местечке Вандлиц Вайс свернул налево по узкой, заросшей сиренью улочке и остановился у ресторана «Ам-зее».

Предназначенный для них столик был уже накрыт.

Во время завтрака Иоганн больше молчал, зато Джо говорил без умолку. Официант, судя по его внимательному, сосредоточенному лицу, запоминал каждое слово Джо, которое ему удавалось услышать. Персонал, обслуживающий посетителей в ресторане, составляли сотрудники гестапо.

Дорога в Хоенлихен тянулась почти сплошь через лес. Здесь были охотничьи угодья, и молодые олени несколько раз перебегали путь перед машиной.

Джо скоро заснул. Шоссе было пустынно, но Вайс не превышал указанной ему скорости. У Среднегерманского канала их обогнали бесечно мчавшиеся машины с синеватого отлива бронебойными стеклами.

Охранники у решетчатых железных ворот не потребовали предъявления документов: у них были фотографии Вайса и Джо.

Хоенлихен, эта секретная цитадель Генриха Гиммлера, выглядел, как выглядит обычное богатое поместье. Оранжереи, глубокий чистый пруд, огромный гараж. В чаще деревьев дом с высокими черепичными крышами, террасами, балконами. Покой, тишина.

Очень вежливый человек в штатском, взяв чемодан Джо, повел его по устланной каменными плитами дорожке к небольшому двухэтажному флигелю, а Вайсу указал глазами на помещение, предназначенное, по-видимому, для охраны. Там Вайса встретил эсэсовец, сопровождал в одну из комнат и сказал, чтобы он ждал здесь дальнейших приказаний.

На следующее утро Вайсу было приказано отвезти Джо в концентрационный лагерь Равенсбрюк, находящийся в тринадцати километрах от Хоенлихена, и там выполнить все пожелания американца. Потом доставить Джо в Берлин и показать все, что он захочет увидеть, а затем отвезти на аэродром.

Собственно, в самый лагерь Джо допуска не получил. Комендант принял его в канцелярии, где на стульях сидели несколько упитанных женщин в полосатой одежде заключенных. Вайс сразу понял, что это переодетые немки-надзирательницы.

Джо сфотографировал их и задал им несколько вопросов, на которые ответил комендант. Но когда он покинул канцелярию и направился к машине, в ворота лагеря вошла в сопровождении охраны небольшая партия узниц. Джо оживился и сказал коменданту, что их он тоже хочет сфотографировать.

Комендант категорически запретил ему это. Тогда Джо предложил, ухмыляясь:

— Снимите с них лагерную одежду и дайте им обыкновенную, словом, переоденьте их, как это вы сделали с теми, кого я только что с вашего позволения фотографировал.—

И, видя, что комендант непоколебим, подмигнул и заверил: — Можете быть спокойны, эти фотографии будут свидетельствовать только о том, что немецкие женщины доведены войной до крайней степени истощения. Уверяю вас, увидев такой фотодокумент, многие наши сенаторы прослезятся.

Комендант был из смысленных гестаповцев. Спустя некоторое время узниц, переодетых в гражданские платья охранниц, выстроили возле канцелярии.

Джо спросил коменданта, не найдется ли в лагере несколько ребятишек, имеющих столь же вызывающий жалость вид, как эти дамы.

— Дети — всегда трогательно, — объяснил он.

Эта его просьба тоже была выполнена.

Пока Джо суетился, заставляя женщин и детей стоять не строем, а свободной группой, Вайс из своей «лейки» сфотографировал его на фоне лагерной ограды за этим занятием.

Когда вернулись в Берлин, Вайс по требованию Джо повез его в районы, наиболее сильно разрушенные бомбардировками. Джо старательно и долго фотографировал развалины. Потом, на пути к аэродрому, Вайс спросил:

— Ты что, продашь эти снимки в газеты?

— Это решит босс, — сказал Джо. — Я работаю на него, а он — на политику.

— Какая же в твоих снимках политика?

— Ну как же! — удивился Джо. — Наши красные орут, что вы фашисты и звери. А мой босс представит фотодокументы, и все увидят истощенных немок с голодными детьми и тех, с сытыми мордами, в одежде заключенных. Развалины Берлина — это варварское уничтожение европейской цивилизации. И всё — с благословения Рузвельта. Понятно? У нас — демократия. И если есть в Америке сторонники сепаратного мира с Германией, то они будут добиваться его, используя принятые в свободном мире средства и доказательства. — Джо засмеялся и похлопал Вайса по плечу.

На следующий день Вайс посетил салон массажа и передал профессору Штутгофу негативы фотографий, на которых был запечатлен Джо во время его мошеннических манипуляций. Выслушав Иоганна, профессор сказал, что

срочно переправит негативы в Москву, а оттуда, надо полагать, их перешлют в советское посольство в Вашингтоне. Там знают, что нужно с ними сделать, если босс, которому служит Джо, попытается использовать эти фальшивки.

Густав спросил Вайса, что полезного он выудил у этого Джо, настоящее имя которого Фрэнк Боулс.

Вайс сказал:

— Ничего интересного. Боулс больше всего интересовался обычными развалинами Берлина: хотел заработать на снимках.— И счел нужным добавить: — Но ни одного военного объекта он не сфотографировал.

Густав заметил пренебрежительно:

— Этот не из тех разведчиков, кто стремится сохранить жизнь своим детчикам и поэтому не интересуется системой нашей противовоздушной обороны. И, пожалуй, он больше заботится о том, как свалить Рузвельта, чем о том, как победить Гитлера...

— Да,— подтвердил Вайс.— Он очень непочтительно говорил о своем президенте.

— А о фюрере?

Вайс твердо взглянул в глаза Густаву.

— Дословно он сказал так: «Вам, немцам, следует сменить вывеску Гитлера на другую, тогда вашей фирме проще будет вести дела».

Густав пожевал губами, попросил:

— Запишите это его высказывание в рапортчку. Остальное можете опустить...

В коттеджах на Бисмаркштрассе так же, как и в доме 32/35 на Беркаерштрассе, даже во время сильнейших воздушных налетов на Берлин деловая, рабочая обстановка не нарушалась, словно рабочие районы с грохотом рушились не в том же городе, всего в нескольких километрах отсюда, а в какой-то другой стране.

Сначала Вайс приписывал такое железное спокойствие мужеству и самообладанию сотрудников секретной службы. Но вскоре убедился, что ошибается. Это были лишь плоды уверенности в том, что некая частная, «джентльменская» договоренность между германской иностранной разведкой и ее коллегами в Вашингтоне и Лондоне не будет нарушена. Очевидно, из благодарности военно-воздушным силам союзников СССР за создание нормальной рабочей обстановки немецкая иностранная разведка, в числе многих других обязательств, взяла

на себя спасение летчиков, сбитых над территорией Германии.

Гейбельс призывал население вершить самосуды над американскими и английскими летчиками, которые выбросились на парашютах из горящих самолетов.

Но не всех пленных американских и английских летчиков ожидала такая участь. Некоторые из них попадали в лагеря для военнопленных, и даже не в общие, а специальные, достаточно комфортабельные, и сотрудники немецкой иностранной секретной службы помогали офицерам и сыновьям тех, кто занимал значительное положение в своей стране, бежать отсюда, обеспечивая возможные удобства и полную безопасность при побеге.

Поручения, которые выполнял теперь Вайс, и были связаны с переброской таких военнопленных. В его распоряжение выделили «опель»-фургон, с мощным мотором, снабженный потайным сейфом, радиопередатчиком и вместительным баком для горючего.

Уже дважды Вайс перевез пассажиров через границу — один раз швейцарскую, другой — шведскую. Но этим задание не ограничивалось.

Сейф в его «опеле» был заполнен золотыми слитками с клеймом немецкого рейхсбанка.

Золото следовало поместить в швейцарском банке в сейф, абонированный СД.

По законам Третьей империи вывоз золота за пределы рейха считался государственной изменой. Попытка нелегально вывезти из страны золото или валюту каралась смертной казнью.

И пассажир, и груз, который Вайс должен был вывезти в своем «опеле» за рубеж, равно таили для него смертельную опасность, хотя делалось это с ведома самого Гимлера.

Вайс был снабжен охранными документами. Но в случае, если бы гестапо проявило законное любопытство и обнаружило бы в машине Вайса пассажира или груз, тот же Гиммлер подписал бы приказ о его казни, ни на мгновение не задумываясь, и Шелленберг представил бы неопровержимые доказательства того, что Иоганн Вайс — Петер Краус — никогда не числился в кадрах иностранной разведки рейха. Тем более что Вайс принадлежал к составу особой группы Шелленберга, картотека которой хранилась в его личном сейфе.

У каждого из нацистских лидеров была за рубежом своя

мощная и солидная агентура, ведавшая их закулисными финансовыми операциями. На плечи Вайса легли самые трудные обязанности — он стал курьером, доставлявшим валютные ценности.

И не столько удручала Иоганна опасность, которой он постоянно подвергался, сколько другое. Кроме информации о том, что нацисты, обеспечивая себя на случай поражения рейха, как крысы, стаскивают запасы в новые норы, он в своих рейсах ничего существенного приобрести не мог. К тому же ему казалось, что он перешел на более низкую ступень в своей служебной карьере. Но эти его мысли были плодом представлений, свойственных психологии советского человека.

Иоганн не мог понять, что в том мире, где он оказался, золото и валюта — величайшие из всех ценностей, и, назначив его «золотым курьером», ему тем самым оказали неограниченное доверие. А он воспринял поручение заниматься контрабандой золота и валюты как выражение недостаточного к нему доверия.

Однажды при пересечении границы его стали преследовать гестаповцы. Он принял бой с ними и, несмотря на то, что его машина была повреждена, все-таки благополучно доставил свой груз. И когда все было кончено, Иоганн лишь порадовался, что получил возможность, с соизволения службы СД и действуя строго по инструкции, перебить нескольких гестаповцев.

Поэтому он был несколько растерян, когда, после того как вернулся на Бисмаркштрассе и поставил на место свою простреленную машину, в гараж началось паломничество. Сотрудники разглядывали пробоины в машине с таким восхищением, будто это были орденские отличия, и восторженно хвалили Вайса. Из донесения гестапо они уже знали, что при пересечении границы «неизвестный человек застрелил трех сотрудников гестапо и тяжело ранил двоих, а сам, очевидно, был убит в стычке».

Густав, который тоже пришел в гараж, сказал задумчиво:

— После этого вы могли бы совершенно спокойно зачислить себя в покойники. Приобрели бы в Швейцарии любые документы и, сдав золото и валюту в швейцарский банк на новое свое имя, махнули бы в любую нейтральную страну, и там все были бы рады новому миллионеру.— Густав пытливо поглядел на Вайса.

Вайс сосредоточенно обследовал наскоро заделанные

пробоины в машине и, очевидно, поэтому недостаточно внимательно отнесся к словам Густава. Он только пожаловался:

— Швейцарцы такую цену за ремонт машины заломили, что мне ничего другого не оставалось, как самому у них в гараже и маляром и жестянщиком стать, а то пришлось бы возвращаться на искалеченной.

— У вас же миллион был с собой, не меньше. Вы что, забыли?

— А какое я имею к нему отношение? — пожал плечами Вайс. — Никакого.

После инцидента на швейцарской границе Вайс сделал несколько рейсов с таким же грузом в Швецию.

Посетив после очередной поездки в Стокгольм салон массажа, он уныло доложил профессору:

— Мотаюсь, как извозчик. Вернулся почти к тому, с чего начал здесь. — Предложил не совсем уверенно: — Может, ваши люди организуют на меня налет? Если аккуратно ранят, пожалуй, вывернусь. Валюта и золото вам пригодятся. А я готов, пожалуйста, только прикажите.

— И это говорит воспитанник Барышева! Ай-я-яй, — пожурил профессор. — Надежда рейха — и вдруг такой пессимизм... Нет, голубчик, больше терпения. Верьте — СД рано или поздно оценит ваши заслуги. Вы просто скромничаете.

Вайс вздохнул.

— Значит, по-прежнему шоферить?

— Да, — приказал доктор. — И при этом избегать стычек с теми, кто стоит на страже законов империи.

— Они же меня обстреляли!

— А просто удрать вы сочли ниже своего достоинства?

— Но ведь это же гестаповцы!

— Впредь запрещаю.

— А в порядке самообороны? Это даже по нашим законам разрешается. А если бандиты нападут?

— Вы должны быть разумным трусом, Белов.

— Хорошо, — согласился Вайс. — Я попытаюсь.

Профессор сообщил Иоганну, что за время его отсутствия в тайник, предназначенный для Генриха Шварцкопфа, поступило несколько важных материалов. Они подтверждают, что созданные в Германии в связи с поражением на Восточном фронте оппозиционные группы ставят

своей целью насильственное устранение Гитлера. За этим следует установление в стране режима военной диктатуры, образование военного правительства и заключение компромиссного мира с союзниками СССР на условиях, приемлемых для германского генералитета и промышленников. Капитуляция на Западном фронте и новое наступление на Восточном при поддержке США и Англии.

Поэтому главной для Вайса по-прежнему остается задача достать документы, свидетельствующие о переговорах между представителями правящих кругов рейха и союзниками, — документы, касающиеся условий заключения сепаратного мира.

Машина Иоганна еще не вышла из ремонта, новых заданий он не получал и, так как делать было совершенно нечего, попросил у Густава разрешения посетить Шварцкопфов. Но Густав отказал ему. Правда, при этом он как-то загадочно улыбнулся и сказал, что отдых — высшая награда для человека в столь бурное и тревожное время.

Несколько дней Вайс не выходил из коттеджа на Бисмаркштрассе, потом Густав неожиданно предложил ему отправиться с ним на рыбалку.

Иоганн оделся соответствующим образом, и, когда он сел в машину, Густав, оглядев его костюм, еле заметно усмехнулся:

— Я и не подозревал, что вы такой опытный рыболов.

Поехали они не к озерам, а в Шмаргендорф.

— Что это значит? — спросил Вайс.

— Есть счастливая возможность доставить вам удовольствие посредством знакомства с одним коллекционером.

Вайс вопросительно глянул на Густава.

— Потом сами все узнаете.

Машину они оставили у подъезда небольшого ресторанчика под названием «Золотой олень», дальше пошли пешком. Вилла стояла где-то в глубине сада, и через дворик и сад их провел служитель. Вслед за ним шествовали двое в штатском, одинаково державшие правую руку в карманах пиджаков. Не доходя до виллы, Густав объявил, что подождет Вайса в саду на скамье. Дальше Вайса сопровождал только служитель, но и тот, остановившись в вестибюле, сказал вполголоса:

— Первая дверь налево, вторая комната. Ваше место в кресле у окна.

Иоганн прошел в указанном направлении. В комнате никого не было. У окна здесь стояло кресло, огражденное тяжелым столом в виде буквы «П», а несколько поодаль — другое кресло и столик с телефонами. На ручке этого второго кресла Иоганн заметил ряд разноцветных квадратных пластмассовых кнопок: очевидно, они служили для какой-то сигнализации.

Он послушно опустился в кресло у окна и стал ждать. Прошло более получаса, но никто не появлялся. Иоганну уже надоело разглядывать великолепно ухоженный сад, в глубине которого важно расхаживали павлины. И тут он услышал мягкие, неторопливые шаги.

В комнату вошел человек лет тридцати пяти, среднего роста, сухощавый. На нем был серый плотный костюм в «елочку», а под пиджаком, несмотря на жару, черный джемпер. Опустившись в кресло, он устало разбросал руки и пристально посмотрел на Вайса черными, глубоко впавшими глазами.

Вайс приподнялся в своем кресле, но человек этот сделал нетерпеливый жест рукой, Вайс снова сел, давая незнакомцу возможность пытливо осмотреть себя и, в свою очередь, так же пытливо разглядывая его.

Темные, гладко причесанные волосы, большие хрящеватые уши, тонкий, с горбинкой нос, защемленный на переносице строгими морщинками. Более глубокие морщины опускались от крыльев носа к углам жестко сжатых губ. Острые скулы, впавшие щеки, под глазами коричневые тени. Кожа желтая, но не от загара, а такая, какая бывает у людей с больной печенью. Сливаясь, эти черты сообщали незнакомцу облик скорее привлекательный, чем отталкивающий.

Иоганн мог ограничиться и меньшим количеством примет, чтобы установить, что перед ним не кто иной, как Вальтер Шелленберг, бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции, начальник Шестого отдела главного имперского управления безопасности. Но он продолжал с искренним любопытством разглядывать Шелленберга, безошибочно угадав, что тому это может показаться только лестным.

— Однако вы молоды, — сказал Шелленберг без улыбки.

— Если это недостаток, то со временем я исправлю его.

— И смелы, — добавил Шелленберг.

— Виноват, господин бригаденфюрер! — Вайс вскочил, вытянулся.

— Сядьте, — приказал Шелленберг. — Я имел в виду ваше поведение не здесь, передо мной, а на границе.

— У меня есть достойный пример, которому я хотел бы следовать, — сказал Вайс и твердо взглянул в глаза Шелленберга.

Тот чуть улыбнулся.

— И к тому же честны. Не слишком ли много для одного человека?

— Для человека, который служит вам, — нет! — Лицо Вайса не дрогнуло.

— Вы находчивы. — Добавил: — Вилли Шварцкопф был крайне удивлен, что вы не сочли возможным поделить-ся с ним впечатлениями о своей новой службе.

— Разговоры о службе нам строжайше запрещены, мой бригаденфюрер.

— Кем?

— Самим содержанием нашей работы, — быстро нашелся Вайс.

— И она вам нравится?

— Я служу рейху.

— В таких случаях принято отвечать — фюреру.

— Так точно, мой бригаденфюрер!

— Ну что ж, вы, кажется, отлично разобрались в тонкостях нашей службы, — многозначительно сказал Шелленберг. Спросил после паузы: — У вас есть ко мне вопросы?

— Я счастлив увидеть вас, мой бригаденфюрер!

— Это все?

Вайс промолчал.

Шелленберг, пристально глядя в глаза Вайса, вдруг объявил:

— Запомните еще одну вашу кличку — «Фред». Она будет существовать только для моих личных распоряжений. — Помедлил, протянул Вайсу заложенное в пластмассовую обложку удостоверение, приказал: — Прочтите.

В удостоверении значилось:

«Предъявитель, 178 см роста, 72 кг веса, серые глаза. Имеет право ездить по всем дорогам рейха, генерал-губернаторства, Франции, Бельгии, Голландии, въезжать в запретные зоны, концлагеря, гарнизоны войск СС и вермахта на любой машине в гражданской или военной одежде и с любым пассажиром (или пассажирами). Удостоверение действительно лишь при наличии фотографии.

Подпись: рейхсфюрер СС (Гиммлер), начальник гестапо (Мюллер), начальник ОКВ (Кейтель), начальник СД (Кальтенбруннер)».

— Мощный документ, — сказал Вайс, почтительно возвращая удостоверение Шелленбергу.

Тот небрежно бросил его на столик, приподнялся и, подавая Вайсу руку, сказал:

— Надеюсь, если вы и впредь будете столь же исполнительны, ваша фотография, возможно даже в ближайшее время, понадобится для этого документа.

Вайс пожал протянутую ему руку, поклонился и направился к двери.

Внезапно он был остановлен.

— Почему вы не донесли партии о некоторых преступных действиях капитана фон Дитриха? — спросил Шелленберг.

Вайс быстро обернулся и решительно ответил:

— Потому, что мой непосредственный начальник господин фон Лансдорф не давал мне относительно этого никаких указаний.

— Вы не выполнили долга наци.

— Я руководствуюсь в первую очередь своим служебным долгом.

— Вы хотите сказать, что существует какое-то различие между долгом перед партией и служебным долгом?

— Я этого не говорил, — сказал Вайс.

— Но я вас *так* понял.

— Вы хотите *так* меня понять? — спросил Вайс.

— А вы не хотите, чтобы я вас *так* понял?

Иоганн знал, что у Шелленберга отношения с Гиммлером отличные, а с Борманом — почти враждебные. И решился на отчаянно смелый поступок.

Сделав шаг вперед, объявил:

— Да, вы меня правильно поняли, мой бригаденфюрер.

Шелленберг сжал губы, острые скулы еще резче выступили на его желтоватом лице. Он долго молчал, не спуская испытующего взгляда с лица Вайса, потом неожиданно улыбнулся, сказал дружелюбно:

— Господин фон Лансдорф — мой друг, и его благожелательный отзыв о вас послужил дополнительной причиной того, что отныне вы будете числиться в моем личном списке как «Фред». И я отвечу доверием на ваше доверие. Не исключено, что в ближайшие дни фюрер, возможно, подчинит абвер рейхсфюреру. Тем самым вы получите воз-

возможность вновь встретиться с некоторыми своими прежними сослуживцами, в том числе и с капитаном фон Дитрихом. — И Шелленберг снова, на этот раз многозначительно, тверже пожал руку Вайсу.

Когда Иоганн разыскал в саду Густава, тот по его лицу сразу же догадался о результатах встречи с «шефом» и тоже решительно, даже с некоторой горячностью, пожал ему руку.

В ресторане «Золотой олень» Густав настоял, чтобы они распили в честь успехов Вайса бутылку старого, коллекционного вина. И сам заплатил за нее, хотя подобное расточительство не было принято даже среди закадычных друзей: офицеры разведки привыкли в таких случаях расплачиваться каждый за себя.

Очередную встречу профессор назначил Иоганну в уединенном, заросшем длинноветвистыми плакучими ивами местечке на берегу озера Хавель.

Когда Иоганн пришел, он уже ждал его в рыбацьем ялике.

Берясь сразу за весла, профессор сказал:

— Представьте, я пригласил вас только для того, чтобы, как говорится у нас дома, провести вместе выходной день. — Усмехнулся: — Как вы думаете, можем мы себе позволить такую роскошь?

— Не знаю, — сказал Вайс.

— Я предлагаю, — заявил профессор, — полностью отбросить фантазии: представим себе, что мы с вами рыбачим где-нибудь, допустим, на Ладоге.

— Не похоже, — со вздохом возразил Вайс.

— Моя жена и дочь тоже считают, что не похоже, — согласился с ним профессор.

— А откуда они могут это знать?

— Извините, — насмешливо сказал профессор, — но я человек семейный, и этот факт укрепляет здесь мою репутацию.

— Вы женаты на немке?

— Что вы, голубчик! Карьеру семьянина я начал еще с рабфака.

— И ваши жена и дочь знают?..

— Безусловно, — сказал профессор. Улыбнулся. — И, верите, неплохое получилось подразделение: жена — инженер на секретном заводе Юнкерса, дочь — во вспомога-

тельном женском батальоне службы наблюдения ПВО Берлина.— И добавил с нежностью: — Весьма оказались толковые товарищи.

Иоганн жалостливо поглядел на профессора:

— И вам за них не страшно?!

— Видите ли, в данных обстоятельствах я предпочел бы, чтобы жена безропотно подчинилась моей воле и покорно ожидала супруга дома. Но мы с ней в один год и даже в один месяц вступили в партию. И в связи с этим она считает, что у меня перед ней нет никаких преимуществ старшего. Очевидно, она и дочь воспитала в подобных представлениях. Думаю, что Центр разрешил мне эту семейственность на работе в порядке исключения.

— Я бы на такое никогда не решился,— сказал Вайс.— Рисковать своей жизнью — это что ж, не так трудно... А вот рисковать жизнью тех, кого любишь, у меня не хватило бы духа...

— У меня его тоже не хватало,— признался профессор.— Но у жены и дочери мужества оказалось более чем достаточно. Мы помогаем друг другу жить, исполнять свой долг. Если есть высшая близость между людьми, я полагаю, что она добывается именно таким образом.

Вайс посмотрел на профессора с восхищением и нежностью.

— И вы давно чекист?

— Имею значительную выслугу лет.

— Вы действительно врач?

— Это мой второй диплом,— с достоинством сказал профессор.— Первый я получил в тридцатом году, когда закончил истфак. Склонность к медицине обнаружил в себе позже, а образование получил в Мюнхене.— И вдруг сразу же, круто переменял тему разговора.— Кстати, как вы оценивали поражение немцев под Сталинградом? — спросил он.

— Я боялся, что выдам себя, не смогу скрыть радость и провалюсь на этом.

— Нет, с точки зрения немца.

— Ну что ж,— нерешительно сказал Иоганн,— как величайшее поражение вермахта, полный провал плана «Барбаросса».

— А с политической стороны?

— Точно так же.

— А вот, представьте, гитлеровская пропагандистская

машина использовала катастрофу под Сталинградом в ином плане. Превратила ее в пропагандистскую акцию, обращенную к реакционным правящим кругам союзников.

Вы знаете, Гитлер, потрясенный поражением, не мог в эти дни выступать, его речь прочел по радио Геринг. Слышали эту речь? Не пришлось? Напрасно! Она вся была обращена к Уолл-стриту и Сити. Гитлер расписывал себя как единственного спасителя западной цивилизации от большевистского варварства. А Геббельс, в дальнейшем развивая эту мысль, объявил: «Ясно, господа, что мы неверно оценивали военный потенциал Советского Союза! Сейчас он впервые открылся нам во всей своей кошмарной величине. Сталинград был и останется великим сигналом тревоги... Осталось лишь две минуты до двенадцати», — то есть до полного поражения Германии. А этот трехдневный траур после ликвидации окруженных под Сталинградом войск? Вы понимаете, зачем это? Превратить гибель своих солдат в орудие пропаганды, чтобы напугать правящие верхи союзников мощью Советской страны. Помочь реакционным кругам Америки и Англии вызвать в своих странах волну антикоммунизма и подготовить таким образом почву для вероломного сепаратного мира. И, по нашим данным, действия гитлеровской пропаганды оказались небезуспешными. Тайные дипломаты союзников чрезвычайно оживились. Аллен Даллес перекочевал в Берн с целым разведывательным штабом, и множество посланцев немецких разведслужб, с которыми у Даллеса старые доверительные отношения, протоптало к нему тропы.

— Да, — сказал Вайс, — я это знаю.

— Учтите, — предупредил профессор, — союзники заслали в Германию целую армию разведчиков. И знаете, чем они сейчас занимаются? Изучают настроение германского народа, силы Сопротивления. Но вовсе не для того, чтобы помочь движению Сопротивления хотя бы оружием. Нет. Хотят выяснить, не будет ли это движение препятствовать намерениям союзников сохранить Германию после ее поражения как империалистическую державу, враждебную Советскому Союзу. По имеющимся у нас данным, Даллес озабочен тем, чтобы вермахт и после поражения сохранил силы, способные подавить революционное движение в стране.

Значит, Даллес представляет те американские круги, которые сейчас разрабатывают не столько планы наступле-

ния на втором фронте, сколько планы подавления революционных сил германского народа после поражения Гитлера и, как болтал ваш подопечный американский разведчик, хотят сменить вывеску Гитлера на другую. Ненависть американского и английского народов к Гитлеру настолько велика, что Даллес, кажется, готов содействовать покушению на его жизнь, чтобы потом договориться с той же самой фашистской фирмой, но действующей уже под иной вывеской. И не исключено, что Геринг, Геббельс, Гиммлер были бы счастливы подарить рейху свое имя для этой цели.

— Да, — задумчиво согласился Вайс. — Все это, пожалуй, так...

— Слово «пожалуй» — плохое слово, — сердито прервал его профессор. — Я говорю, опираясь на факты и доказательства. И наша с вами задача — представить в Центр документы, с исчерпывающей и неопровержимой полнотой свидетельствующие, что между союзниками и оппозиционными группами рейха ведутся переговоры о сепаратном мире. Как видите, сейчас мы с вами должны поработать на Германию. На будущую Германию. Ну как, не возражаете? — Заметил с улыбкой: — Может, вы полагаете, что я, как историк по образованию, в данном случае мыслю лишь историческими категориями? Но мой опыт чекиста подтверждает: такое мышление сродни долгу, который я выполняю. Предотвратить новый заговор против народа, уже ставшего жертвой фашистского заговора, — значит спасти его. Я думаю так.

Некоторое время они молчали. Но вот после долгой паузы профессор снова заговорил:

— Рассказав вам о моей семье, я нарушил правила конспирации. Но я сделал это намеренно. Сознание, что я здесь не один, что малейшая моя оплошность может привести к гибели самых близких мне людей, воодушевляет меня, если так можно сказать, на величайшую осмотрительность. — Профессор просительно улыбнулся. — И теперь я рассчитываю, что вы будете вести себя так же осторожно. Ведь, рассказав вам о своей семье, я как бы доверил вам ее судьбу. Я знаю, что вы несколько излишне склонны к самостоятельным действиям, часто увлекаетесь, но верю: вы поняли, чем теперь я обязываю вас неуклонно продумывать каждый ваш шаг на пути к намеченной цели.

Самоотверженное решение старого чекиста потрясло Иоганна своим великодушием, проникновенной заботой

и доверием — самым высоким, какое может оказать человек мужественный, сильный, безошибочно чувствующий эти же качества у своих друзей.

Гуго Лемберг снова пригласил к себе Вайса и снова принял его в кабинете отца. Иоганн заметил, что с книжных полок исчезли материалы и книги о Советском Союзе.

На этот раз Гуго был более откровенен. Он говорил о трагическом положении Германии. Сказал, что, по данным абвера, насыщенность советских войск боевой техникой в сравнении с осенью 1942 года возросла в пять-шесть раз, соответственно вырос и их боевой опыт и что военными средствами Германия теперь войну выиграть не может.

— А какие же средства требуются, чтобы не проиграть войну? — спросил Вайс.

Гуго ответил уклончиво:

— В США существует сильная антирузвельтовская группировка, которая заинтересована в том, чтобы сохранить военный потенциал Германии как угрозу против России. Но эта группировка бессильна против ненависти американцев к Гитлеру.

— А в Англии?

Гуго усмехнулся.

— В тысяча девятьсот тридцать восьмом году Черчилль заявил, что мечтает видеть во главе Англии деятеля такой силы воли и духа, как Гитлер, а теперь он боится английского народа и вынужден обуздывать стремление лидера английских фашистов.

— Ну, а каковы намерения России?

Гуго пожал плечами.

— Сталин, выражая позиции советского правительства, утверждает, что задачей Советского Союза в войне является не уничтожение Германии, но уничтожение преступного гитлеровского режима и его вдохновителей.

Вайс развел руками.

— После отдельных неудач на фронте фюрер снял с постов многих наших прославленных полководцев, — сказал Гуго. — И этим как бы возложил на генералитет ответственность за провал кампаний.

— А теперь эти полководцы в отставке пытаются возложить на фюрера вину за любые военные неудачи, — ехидно заметил Вайс.

Гуго бросил на Вайса недовольный взгляд.

— Если мы потерпим поражение, то пресечь революционный мятеж во всех случаях сможет только правительство военной диктатуры, состоящее из тех же полководцев, — сказал он и добавил: — По данным СД, несомненно преуменьшающим явную опасность, выходит, что сейчас в Германии лишь пятьдесят — шестьдесят процентов населения беспрекословно подчиняется правительству. Тридцать процентов недовольны существующим режимом, но опасности не представляют. Остальные — ненадежны. Этих подвергают усиленным репрессиям или пачками отправляют на фронт. Такое соотношение политико-морального состояния населения не стабильно: оно беспрерывно ухудшается. Возможно, армии союзников и взяли бы на себя полицейские функции подавления недовольных. Но для этого армии союзников должны прийти в Германию, и прийти не ослабленными нашим сопротивлением, иначе они не сумеют выполнить свои важные функции.

Вайс спросил:

— Но ведь для того, чтобы они могли сохранить свои силы, нам придется снять армии с Западного фронта?

Гуго сказал со злостью:

— Паулюс изменнически капитулировал в Сталинграде, опозорил мундир германского офицера. Но если бы так поступил немецкий генерал на Западном фронте, это была бы акция, совершенная во имя спасения Германии от катастрофы революционного восстания.

— Значит, открыть фронт на Западе — это не измена, а услуга рейху?

— Да, если мы не хотим потерять империю. Если мы хотим спасти Германию от опасности коммунизма.

При этих словах Гуго в комнату вошел офицер, внешность которого поразила Иоганна своей строгой сосредоточенностью. Приятное лицо не портила даже черная повязка, прикрывшая его левый глаз. Сухопарый, подтянутый. Вместо правой руки — протез в лайковой перчатке, на левой не хватало двух пальцев.

— Знакомьтесь, — сказал Гуго, — полковник генерального штаба граф Клаус Шенк фон Штауфенберг. — Объяснил: — Граф был ранен на тунисском фронте, только что из госпиталя. — Добавил не без оттенка зависти: — Получил в Берлине пост начальника штаба резервной армии. — Обращаясь к Штауфенбергу, сообщил: — Обер-лейтенант Иоганн Вайс, как я вам уже говорил, работал в абвере,

специалист по России. — Пояснил Вайсу: — У меня с полковником различные точки зрения на русский вопрос, как, впрочем, и на некоторые иные вопросы, но это не мешает нашей дружбе.

Штауфенберг сказал, усаживаясь в кресло напротив Вайса:

— Как вы теперь знаете, я воевал в Африке. Но меня живо интересует наш главный противник — русские.

Вайс предупредил:

— Я не был на Восточном фронте.

— Но по роду своей службы вы общались с русскими военнопленными, изучали их, осведомлены о подпольных организациях, которые они создают в лагерях, — все это для меня небезынтересно. Расскажите все, что возможно, — попросил полковник.

Сначала Иоганн говорил очень сдержанно. Но потом, когда Гуго вышел, вопросы Штауфенберга стали более откровенны. В них сквозило не только любопытство. Иоганн уловил в этих вопросах даже некоторый оттенок одобрения той героической борьбе, которую ведут в условиях концлагерей русские военнопленные.

Обо всем этом Иоганн рассказывал так, будто он хотел только объяснить, как трудна и сложна работа абвера с контингентом советских военнопленных. И, говоря о стойкости, непреклонной политической убежденности военнопленных, он как бы одновременно оправдывал недостаточные успехи абвера в работе с агентурой.

Особое впечатление на Штауфенберга произвело сообщение Вайса о том, что советские разведчики спасли четырех приговоренных к казни немецких военнослужащих. Не меньше взволновал его и рассказ о побеге группы заключенных, работавших на одном из немецких заводов. Когда их поймали, они даже под самыми страшными пытками не выдали немецких рабочих, с помощью которых совершили побег. А ведь вместо тех, кто помог им бежать, они могли назвать имена любых других немцев, работавших на заводе, и тех бы казнили вместе с ними. Это избавило бы русских от пыток и дало им возможность отомстить немцам как своим палачам.

Штауфенберг слушал Вайса с глубокой сосредоточенностью. Его усталое лицо с горькими морщинками в углах рта выражало искреннюю взволнованность и вместе с тем как-то смягчилось. Он спросил:

— Вы полагаете, у военнопленных и у иностранных

рабочих уже существует какая-то организация Сопротивления?

— Возможно.

— В таком случае они, несомненно, связаны с немецким коммунистическим подпольем.

— Эти вопросы находятся в компетенции гестапо, — сказал Вайс.

Штауфенберг, будто не расслышав, заметил задумчиво:

— А те, безусловно, связаны с советским командованием...

Если бы в это время не вернулся Гуго, возможно, Вайсу удалось бы составить более определенное представление о том, чем вызван интерес Штауфенберга к организациям Сопротивления военнопленных. Но при виде Гуго полковник мгновенно переменял тему разговора. Сказал, обратиться к Гуго:

— Обер-лейтенант Вайс — весьма опытный разведчик, и я почерпнул немало полезного из беседы с ним. — И, пристально глядя на Вайса, заметил поощрительно: — Ваши методы вербовки действительно оригинальны.

Вайс машинально кивнул, несколько ошеломленный: он не сказал полковнику ни одного слова о методах вербовки.

На прощание, подавая Вайсу левую руку, Штауфенберг сказал:

— Я был бы рад снова встретиться с вами.

Но им никогда больше не довелось увидеть друг друга.

В течение довольно длительного времени Иоганн исполнял функции курьера в пограничной швейцарской или шведской зоне. Каждый раз какой-то человек, особо доверенный агент, подходил к машине, сам прятал пакет в сейф, вмонтированный в машину, и запирал своим ключом. Второй ключ находился у Густава. Третий ключ Вайс получил от профессора после того, как ему удалось снять слепок: будто желая оказать любезность одному из агентов, он взял из его рук ключ и открыл им дверцу сейфа.

Теперь на маршруте Вайса встречали люди профессора. Он открывал сейф, на ходу передавал пакет и чуть медленнее продолжал свой путь. В определенном пункте его догоняли и так же на ходу возвращали пакет. Неоправдан-

ные задержки могли вызвать подозрение: Вайс знал, что в его машине установлен прибор, фиксирующий на ленте все остановки. Знал он также, чем грозит ему любая неосторожность в технике вскрытия пакета и извлечения из него документов. Знали об этом и люди профессора. Но Иоганн даже не успевал разглядеть их лиц — так быстро все происходило. И только однажды связной, с бешеной скоростью догнавший Вайса на мотоцикле, успел шепнуть, что ряд полученных от него и переданных через Центр советскому правительству документов сослужил исключительно важную службу. Документы содержали неопровержимые доказательства того, что некоторые доверенные лица правящих кругов Вашингтона и Лондона, став на путь вероломства, недозволительно нарушают обязательства, принятые главами правительств союзников. И главы правительств США и Англии вынуждены были признать это.

Что это за документы, Вайсу не было ведомо. Возможно, фотокопии материалов, содержащих условия, на которых предлагал союзникам заключить сепаратный мир тот или иной из правителей рейха — Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс, Риббентроп; возможно, меморандумы о составе будущего правительства, представленные союзникам имперскими группами, оппозиционно настроенными по отношению к Гитлеру. Сколь бы ни были различны эти группы, все они сходились на том, что самая большая опасность как для союзников, так и для рейха — вторжение Советской Армии на немецкую территорию и революционная борьба немецкого народа за новую Германию. И все они видели спасение только в капитуляции перед западными державами и установлении в Германии правительства военной диктатуры. Об этом говорил Иоганну и Гуго Лемберг.

Иоганну было известно, что каждый из правителей империи вел секретные переговоры втайне от других. Так же действовали и прочие оппозиционные группировки. И все, кто вел эти переговоры, следили друг за другом. И ради того, чтобы выведать цену, предлагаемую союзникам за капитуляцию каждой другой группой, готовы были похитить, истязать, убить любого человека, пусть не причастного к этой торговле, но участвующего в ней в качестве курьера или связного. Те же, кто назначал цену, находились вне досягаемости, им ничто не угрожало.

В разное время два курьера такого рода групп были пойманы агентами гестапо, когда один из них пересекал

швейцарскую, а другой — шведскую границу. Документы, которые они везли, попали в руки Гиммлера. Но курьеров ее казнили. Они были осуждены только как спекулянты за незаконный провоз валюты. Отсюда Вайс сделал вывод, что Генрих Гиммлер осведомлен о деятельности оппозиционных групп, но почему-то не находит нужным пресечь ее.

Вайс не знал, что среди пакетов, которые он передавал связному, чтобы с них могли снять фотокопии, содержалась запись разговора одного из немецких агентов тайной дипломатии с Даллесом. Речь шла о возможном главе будущего нового правительства Германии. И Даллес назвал имя Генриха Гиммлера. Он высказал предположение, что Гиммлер, будучи сейчас вторым после Гитлера человеком в империи, мог бы со временем стать и первым. Располагая огромным опытом беспощадного насилия, Гиммлер успешнее, чем кто-либо, сумеет подавить любое последующее за капитуляцией демократическое движение в стране.

Но Вайс знал другое: начальник отдела безопасности гестапо обер-группенфюрер Мюллер, жаждущий занять место рейхсфюрера, недавно арестовал агента, везшего депешу Гиммлера к Даллесу. Содержание этой депеши Мюллер сообщил Гитлеру. Все же Гиммлер кое-как вывернулся. Но теперь Мюллер и Гиммлер ненавидят друг друга. Мюллер отслеживает каждого личного порученца Шелленберга, поскольку именно Шелленберг, по приказанию особо доверяющего ему рейхсфюрера, ведет тайные переговоры от его имени.

61

Внезапно Иоганн получил приказ выехать в Берн. Густав показал ему фотографию и сказал:

— Вы будете находиться в полном подчинении у этого человека или у того, на кого он вам укажет. Вы несете полную ответственность за его безопасность. Поэтому вы должны установить, ведется ли за ним наблюдение, и любыми средствами ликвидировать наблюдателя, кем бы он ни был. Возможно, что слежкой занимается целая группа. Ну что ж, я равно рассчитываю на ваше мужество, — твердо объявил Густав. — Если при этом вы сумеете остаться в живых, можете не опасаться за свою дальнейшую судьбу.

Пусть даже швейцарский суд приговорит вас к смертной казни за убийство — для нас не представит особого труда добиться вашего освобождения. Швейцарское правительство хорошо знает, что если фюрер не счел целесообразным оккупировать эту страну, то на это имелись особые соображения: мы использовали и будем использовать ее в своих целях.

Запомните: те люди, которые будут заниматься слежкой за доверенным вам лицом, могли получить такие же указания в отношении вас, какие я дал вам в отношении их. Полагаю, вы достаточно умны и поймете, что эти люди не из числа агентуры наших военных противников. Поэтому будьте осторожны там с нашими соотечественниками. Повторяю: кем бы они ни были и с какой бы, пусть самой лучшей, стороны вы их ни знали. Не забывайте об этом ни на минуту.

Вы получаете крупную сумму в английских банкнотах, но, — улыбнулся Густав, — можете не опасаться: в связи с тем, что ваше задание особо важное, это будут подлинные изделия Лондонского казначейства. — Спросил: — Ведь у вас было ранение? Так вы можете пройти там курс лечения. Заплатите врачу побольше, и он найдет, от чего вас лечить...

Транспортный самолет «Люфтганзы» на рассвете доставил Вайса в Цюрих. В этот же день он на дизельном экспрессе приехал в Берн и поселился в гостинице. У него был голландский паспорт и документы, удостоверяющие, что он является немецким политическим эмигрантом. Но ни портье, ни швейцарская полиция не потребовали, чтобы он прошел регистрацию.

Тихий, благостно-спокойный город, казалось, отделенный от потрясенного войной мира столетиями бюргерского благополучного бытия, был подобен заповеднику. Горожане вели такой же образ жизни, как десять, двадцать, тридцать лет назад.

Город чиновничества и посольств. Пристанище разведок и разведчиков, которые в меру своих способностей перенимали от бернцев их неторопливость, чопорную вежливость и бережливое отношение к каждому франку — самой стойкой в то время в мире валюте.

Вайс взял напрокат в гостинице старенький двухместный спортивный «фиат»-фаэтон и медленно ездил на нем

по городу, изучая улицы не столько с познавательной целью, сколько для того, чтобы не испытывать затруднений, когда придется опекать доверенного ему человека. Вскоре он обнаружил его. Тот осматривал старинную Бернскую ратушу, построенную в четырнадцатом веке.

Это был человек преклонного возраста и аристократической внешности. Он так свободно говорил по-французски со своей молодой спутницей, что его можно было принять за француза.

На фотографии, которую Густав показал Вайсу, у этого человека были куцые, гитлеровские усики щеточкой, а сейчас на его губе закручивались значительно более длинные кайзеровские усы. После Сталинграда многие пожилые берлинцы стали отращивать усы по стародавнему монархическому образцу.

Вайс поставил машину и тоже стал осматривать ратушу. И когда старик и его спутница приблизились к нему, он счел возможным вслух выразить свое восхищение старинной архитектурой.

Старик внимательно посмотрел в лицо Вайса, — по-видимому, он тоже был знаком с ним по фотографии. Пожевал губу, чуть заметно кивнул, не потому, что этого требовала конспирация, а потому, очевидно, что ему было свойственно высокомерно здороваться с людьми, и, уже не глядя на Вайса, бросил:

— Если у вас нет потребности любоваться этим старым сооружением, можете не затруднять себя больше...

Это был князь Гогенлоэ, доверенное лицо фюрера в переговорах с Даллесом. И, как понял потом Иоганн, князю ни с какой стороны ничто здесь не угрожало. Первоначально присутствие Вайса в Берне нужно было Канарису и Шелленбергу лишь для того, чтобы дать князю понять: им известно, зачем тот приехал сюда, потому они поручили своему агенту сыграть роль почетной охраны при его персоне.

Но Даллес, как он однажды выразился, «предпочитал более перспективных представителей, из руководящих кругов СС». И именно об этих «перспективных представителях» Вайс должен был проявить заботу, помня все наставления Густава.

Вечером Вайс зашел в кафе недалеко от американской миссии и увидел в нем майора Штейнглица. Штатский костюм и осунувшаяся, печально-озабоченная физиономия

Штейнглица не вызывали у Вайса желания высказывать особую почтительность к своему бывшему начальнику. Он незаметно подошел сзади и легонько хлопнул его по плечу. Штейнглиц съехался и поспешно сунул руку за борт пиджака.

Вайс удержал его руку. Штейнглиц поднял глаза и расплылся в искренней, радостной улыбке.

Разговаривали они как равные. Зная, что Штейнглиц все равно будет допытываться, почему он оказался в Берне, Вайс тут же сообщил с недовольным видом, что у него скучное поручение чисто финансового характера. Штейнглиц посочувствовал:

— Швейцария — не то место, где следует сбывать наши фальшивые банкноты.

Вайс удрученно заметил:

— Приказ есть приказ.

Штейнглиц протянул мечтательно:

— В Италии наши люди обменивают английские фунты германского производства и скупают ценности. Вот это бизнес!

— Как дела? — спросил Вайс.

— Как видишь, — ответил Штейнглиц. — Сажу у окна, разглядываю прохожих.

— Посещающих американскую миссию, — улыбнулся Вайс. Наклонился: — Я полагаю, вашей службе следовало бы занять такой же пост у посольства Великобритании.

— Американцы — обнаглевшие сволочи! — злобно проворчал Штейнглиц. — Хотят устранить Канариса и напечатали в своих газетах, что он якобы участвует в заговоре против фюрера. Это провокационная работа их разведки. Но зато англичане в отместку им напечатали целую серию статей о нашем адмирале: призывают казнить его, как злодея, после войны.

— Дружеские услуги за прошлое и настоящее, — сказал Вайс таким непререкаемым тоном, что Штейнглиц вынужден был промолчать.

Боязливо оглянувшись по сторонам, он позволил себе заметить только:

— Однако ты стал слишком самоуверенным.

— Заразился от своего непосредственного начальства.

— Да, — задумчиво произнес Штейнглиц. — Нашему сухопутному адмиралу сейчас приходится туго. Но он еще покажет себя... — Прошептал еле слышно: — Ленгебен проболтался ему, что союзники не верят в фюрера и ищут

маленькую группу интеллигентных, трезвых и достойных лиц, таких, как рейхсфюрер СС Гиммлер. — Добавил задумчиво: — Хотя, в сущности, из всех этих за океаном Даллес расположен к нам наиболее дружелюбно. Говорят, он заявил, что признает притязания германской промышленности на ведущую роль в Европе.

— Да, — согласился Вайс, — он не хочет, чтобы после войны Англия оказалась самой сильной в Европе державой.

— Значит, не так уж все плохо, — отозвался Штейнглиц. И вдруг нахмурился, лицо его стало жестким. — Так ты теперь занимаешься политической разведкой?

— Чтобы была полная ясность, — строго сказал Вайс, переходя на «вы», — я знал, что встречу вас здесь. Информирован о вашем задании. — Усмехнулся. — Мое не совпадает с вашим, вы человек Канариса, а не Гиммлера. Помня о наших прежних хороших отношениях, я считаю своим долгом предложить вам нейтралитет.

— Нейтралитет? — удивился Штейнглиц. — Скажите пожалуйста, как мило!

— Этого достаточно для того, чтобы наши люди случайно не ухлопали вас, — деловито заявил Вайс. — Пора абверовцам прекратить соваться туда, где они уже не котируются.

Лицо Штейнглица стало серым.

— Значит, Гиммлер не простил мне ту старую историю в Англии...

— Очевидно, — сказал Вайс. — Канарис, использовав свою дружбу с Гейдрихом, в свое время спас вас. Что же касается Гиммлера, то он не испытывает к адмиралу даже подобия симпатии.

— Да, — задумчиво согласился Штейнглиц, — и ему ничего не стоило меня прихлопнуть.

— А что, если вы окажете содействие его сотруднику и этот сотрудник не забудет упомянуть в своей информации о вашей услуге?

Штейнглиц, поколебавшись, медленно заговорил:

— Черчилль говорил Хесселю, что до совершения переворота он никаких обязательств на себя взять не может, но если переворот произойдет и новое правительство будет обладать достаточным авторитетом, то удобный выход найдется. Англичане помнят, какую услугу оказал им Канарис, когда они после Дюнкерка оказались в катастрофическом положении: он представил фюреру доклад, в ко-

тором неимоверно преувеличил обороноспособность Англии и соответственно преуменьшил силы русских. Они благодарны ему и будут отстаивать его кандидатуру в новом правительстве. Кроме того, адмирала поддержит и часть генералитета.

— Слушайте,— сказал Вайс нарочито раздраженным тоном.— Будет ли в новом правительстве Гиммлер, Геринг, Канарис или останется фюрер — это нас с вами не касается. И лучше нам в такие дела не соваться.

— Правильно,— согласился Штейнглиц.— Ну, а если суют?

— Раньше, когда вас посылали за границу, вы работали против определенной иностранной державы, и все было ясно.

— Это так,— кивнул Штейнглиц.

— А сейчас,— сказал Вайс,— если вы будете работать против Англии или США, вас пристрелят, и не кто-нибудь, а наши. Те, которые работают на американцев и англичан.

— Так что же ты предлагаешь? — удрученно спросил Штейнглиц.

— Я уже предложил: свой нейтралитет в уплату за ваши услуги.

— Цена неравная,— заметил Штейнглиц.

— Здесь то же неравенство, как и между моим рейхс-фюрером и вашим адмиралом, корабль которого, возможно, в самое ближайшее время, но уже без самого адмирала, войдет в состав СД,— вспомнил Вайс намек Шелленберга.

— Да, такие разговоры ходят,— угрюмо согласился Штейнглиц.

— Ну как? — спросил Вайс.

— Послушай,— Штейнглиц круто повернулся к нему всем корпусом,— а что, если я имею указание, встретив на своем пути такого, как ты, устранить его?.. И я бы, клянусь, устранил. Ты знаешь, я умею это делать. Но вот увидел тебя, и, веришь, впервые рука не поднялась.

В душе Иоганн обрадовался: значит, первая нависшая над ним угроза предотвращена. И, чтобы закрепить гарантию безопасности, сказал небрежным тоном, снова переходя на «ты»:

— Через нашу агентуру Шелленбергу стало известно об указании, которое ты получил. Но я попросил его не принимать в отношении тебя никаких мер до тех пор, пока я не вступлю здесь с тобой в личный контакт.

— И ты неплохо отзывался обо мне, когда говорил с бригаденфюрером?

— Да,— твердо заверил Вайс.— Ведь я видел от тебя только хорошее.

Штейнглиц растроганно пожал ему руку.

— Знаешь,— сказал он как-то растерянно,— это очень странно, но ты всегда вызывал у меня подозрение.

— Чем же? — спросил Вайс.

— Ну, своей порядочностью, что ли,— с трудом подбирая слова, объяснил Штейнглиц.— Как бы это сказать... Ну, не тот мундир в рядах нашей службы.— Признался печально: — Вообще-то у меня нет чутья на порядочных людей. Не часто приходилось их встречать...

Со дня этой встречи Штейнглиц добросовестно снабжал Вайса информацией, добытой у тех самых ведущих тайные переговоры с союзниками уполномоченных Канариса, которых он бдительно охранял от агентов гестапо.

Со своей стороны Вайс охранял гиммлеровского уполномоченного от разносторонней слежки, которую вели и гестаповцы Мюллера, и абверовцы, и агенты Риббентропа, в свою очередь проводившие здесь тайные переговоры с союзниками от имени фюрера.

Спустя три недели Вайс уже вошел в состав большой группы СД, подчиненной полковнику СС Отто Гауптману.

Вскоре Гауптман вызвал к себе Вайса и еще двух сотрудников. Показав им фотографию Штейнглица, он дал указание выследить его и ликвидировать, а труп отвезти за город, сунуть в мешок с цементом, залить водой, подождать, пока цемент схватится, и тогда утопить в Ааре. Зацементированные трупы никогда не всплывают.

Операцию было назначено провести через два дня. Вайс отправился на поиски Штейнглица и, найдя его в маленькой пивнушке на окраине города, где они обычно встречались, рассказал, какая опасность ему угрожает. Штейнглиц принял это известие с мрачной покорностью судьбе. Он только спросил:

— Может, лучше мне самому?..

— А спастись ты не можешь?

— Как? — спросил Штейнглиц.— В Германии все равно найдут. Здесь тысячи агентов гестапо. Если удеру в другую страну, они сообщат по радио, по телеграфу... Все равно меня возьмут, разве что потрошить будут дольше,

только и всего. — Он подал руку, прощаясь, произнес сдавленно: — Спасибо, что рассказал.

— А почему такое решение, как ты полагаешь? — спросил Вайс.

Штейнглиц сказал задумчиво:

— Это не наши решили, это те. — Он махнул рукой куда-то в сторону, добавил сконфуженно: — Не забыли, что я когда-то, еще до войны, убил чиновника министерства иностранных дел Англии, похитил для фюрера документы. Наверно, адмирал теперь выдал меня англичанам, чтобы никакие пятна не затемняли его отношений с ними. Ну а те в качестве предварительной проверки лояльности гестапо к интересам Британской империи потребовали, чтобы меня ликвидировали. А эсэсовцы в порядке, как говорится, любезности взяли это на себя. Вот и все.

Ссутулился, опустил голову на руки. Сквозь поредевшие волосы просвечивала кожа.

— Прощай, Иоганн, — сказал Штейнглиц, — прощай и живи, пока тебя свои же не ухлопают так же, как меня за излишнее служебное рвение...

В ту же ночь Штейнглиц застрелился у себя в номере гостиницы.

Полковник Отто Гауптман договорился с похоронной конторой о торжественном погребении соотечественника.

Самоубийства немцев считались сейчас крайне нежелательными, и пришлось пойти на значительные расходы, чтобы полицейский врач констатировал смерть от разрыва сердца.

На кладбище гроб с телом Штейнглица доставили в черной автомашине-катафалке. Надгробная плита была уже приготовлена. На ней были высечены имя, даты рождения и смерти и надпись: «Благородному сыну рейха от любящих и скорбящих соотечественников».

Через несколько дней Вайс отбыл обратно в Германию.

Гауптман поручил ему лично передать Шелленбергу, что шеф склонен поддержать намеченную кандидатуру, но провозглашение нового фюрера следует приурочить лишь к высадке войск союзников — в ином случае последствиями этой операции могут воспользоваться антиправительственные элементы.

Из Берна Иоганн послал несколько информации в Центр по каналу связи, указанному ему профессором Штутгофом. Успел он передать и то, о чем ему изустно сообщил полковник Гауптман.

На немецкой границе дежурный офицер вручил Вайсу приказ покинуть машину и немедленно вылететь в Берлин.

В самолете, кроме него, оказалось только четверо пассажиров. По-видимому, они не были знакомы друг с другом и не стремились завязать знакомство. За всю дорогу никто из них не проронил ни слова, но когда самолет приземлился на запасном аэродроме и Вайс сошел по трапу на землю, тот из пассажиров, который шел рядом, молниеносным движением замкнул на его запястьях наручники. В то же мгновение другой пассажир, шедший сзади, накинул на Иоганна плащ, с таким расчетом, чтобы не было видно его скованных рук. Двое остальных встали по бокам.

Прямо на посадочную площадку въехала машина, в которой сидели два офицера в форме гестапо. Дверца распахнулась, спутники Вайса втолкнули его в машину, а сами как ни в чем не бывало продолжали лениво шагать к зданию аэропорта.

Сквозь окрашенные стекла машины ничего не было видно.

Оборачиваясь к гестаповцам, Вайс сказал:

— Хорошо работаете.

— Есть опыт, — откликнулся один из них.

— А может, вы ошиблись? — спросил Вайс и пояснил угрожающе: — Я обер-лейтенант СД.

— Да? — спросил тот же гестаповец. И, усмехнувшись, добавил: — Всякое бывает. У нас генералы тоже иногда рыдают, как дети.

— Дайте закурить, — попросил Вайс.

Ему вложили в рот сигарету, щелкнули зажигалкой.

Вайс кивнул, похвалил:

— А вы, ребята, оказывается, можете быть вежливыми.

— Для разнообразия! — захохотал гестаповец, который с самого начала поддержал разговор.

— Весельчак, — заметил Вайс.

— Правильно, — согласился гестаповец. — Просто шутник! — Он снова щелкнул зажигалкой и поднес ее к самому носу Вайса.

Иоганн откинул голову.

— Брось, — разжав наконец губы, недовольно сказал второй, — всю машину завоняешь.

— Ничего, пусть привыкает. — И первый гестаповец снова поднес к лицу Вайса зажигалку.

Кожа на подбородке сморщилась, но теперь Иоганн остался неподвижен.

— Твердый орешек! — объявил первый гестаповец.

— Ничего, не таких раскалывали, — хмуро заметил второй.

Голову Иоганна закутали плащом. Машина остановилась. Его подняли и повели, сначала по каменным плитам, а потом куда-то вниз, по такой же каменной лестнице. По пути неторопливо обыскиали.

Наконец с головы Иоганна сдернули плащ, и он увидел узкую бетонную камеру с низким сводом. Откидная железная койка, откидной столик, параша. Стоваттная лампа заливала камеру ослепляющим, ядовитым светом. В темной двери глазок.

Дверь захлопнулась. Спустя некоторое время снова явился надзиратель, принес тюремную одежду, приказал Вайсу переодеться, но прежде тщательно осмотрел его, даже полость рта.

Иоганн молча подчинился, понимая, что всякий протест бессмыслен.

Когда Вайс переоделся в полосатую одежду, надзиратель заметил одобрительно:

— А ты не нервный!

— А что, сюда только нервных сажают? — спросил Вайс.

— Увидишь, — пообещал надзиратель и ушел с его одеждой, бросив на пол камеры дымящийся окуроч сигареты. Но поначалу Иоганн еще не смог по достоинству оценить этот акт величайшего милосердия.

Больше месяца Вайса не вызывали на допрос.

Все это время он тщательно и последовательно восстанавливал в памяти свою двойную жизнь — советского разведчика и сотрудника германской секретной службы.

Он продумывал ее всесторонне, как следователь, и параллельно сопоставлял одну с другой в поисках оплошностей, упущений, улик.

Он всячески выверял свою деятельность советского разведчика, то рассматривая ее с точки зрения Барышева,

то глядя на нее со стороны, с жестокой пронизательностью гестаповца или с утонченной подозрительностью начальствующих над ним лиц германской секретной службы.

Не раз приходило ему в голову, что он стал жертвой тайной борьбы главарей секретных служб за первенство, за власть. Думать так было все же утешением.

Самым страшным представлялось только одно: он как советский разведчик допустил где-нибудь когда-нибудь промах, непростительную ошибку... А что, если эту ошибку совершил кто-нибудь из тех, с кем он был связан?

Он думал о тех людях, из которых составил цепочку в «штабе Вали». Каждого он вернул к жизни, доверив ему свою собственную. В любом из них как бы заключалась частица его самого. Нет, он не мог осквернить себя сомнением в них.

Но где-то что-то, видно, порвалось в этой цепочке, если он здесь...

Он думал о Зубове, который часто с самоуверенностью бесшабашного храбреца пренебрегал мерами предосторожности. Но этот недостаток искупался у Алексея отчаянной решимостью и находчивостью. Однажды во время боевой операции у Зубова в мякоти ноги застряла пуля. Зубов сел, выдавил из раны эту пулю, подбросил ее на ладони и, оскалив белые зубы, объявил:

— Ну, теперь можно идти налегке.

И шел, почти не прихрамывая.

Нет, Зубов всегда находил выход из самых опасных положений...

Вайс с исключительной дисциплинированностью выполнял все правила распорядка тюремной жизни и даже снискал себе этим уважение надзирателей. Он щеткой доводил каменный пол до лакового сияния, надраивал тряпкой и стены. Его тюремное имущество — миска и ложка — блестело. Он трижды в день делал физическую зарядку, обтирался смоченным в кружке с водой полотенцем, совершал по камере длительные прогулки в несколько тысяч шагов; занимался чтением любимых книг, восстанавливая в памяти некогда прочитанное.

Университетом тюремного бытия служили для Вайса любимые его книги о подвигах революционеров. И еще рассказы отца, просидевшего до революции много лет в одиночке. Свою камеру отец обратил в подобие класса: он изучал иностранные языки по самоучителям и прочел то, что ему было некогда прочесть в другое время.

Давая волю воображению, Вайс мысленно перебрывал себя в то прошлое, с которого начался подвиг старшего Белова. Он как бы продолжал этот подвиг здесь. Гестаповская тюрьма виделась Вайсу царским застенком.

Но для полноты реальности этого ощущения ему не хватало одного: Вайс не мог избавиться от сознания, что он лишь ученически повторяет подвиг старших — идет по изведанному пути, уже обученный нравственным правилам, нарушение которых было бы подобно измене.

Тревожило его то, что, отторженный заключением от внешнего мира, очутившись наедине с самим собой, он начинал утрачивать черты Иоганна Вайса. Облик Александра Белова все явственнее проступал в нем, все его недавнее немецкое бытие рассеивалось, как мираж, как нечто вымышленное, никогда не бывшее.

И Белов вынужден был начать самоотверженную, кропотливую работу над своей волей, всеми силами стремясь сохранить в себе Вайса. Он заставил себя отказаться от столь отрадных для него воспоминаний Саши Белова и ограничиться сферой воспоминаний немца Иоганна Вайса — сотрудника германской секретной службы, незаконно и беспричинно арестованного гестапо.

Только на втором месяце заключения Вайса вызвал следователь, лысоватый, сутулый человек в штатском. С равнодушной вежливостью он задал ему лишь несколько общих анкетных вопросов.

Протесты Вайса относительно необоснованного ареста следователь выслушал с некоторым вниманием, ковыряя при этом в ушах спичкой, потом, аккуратно положив спичку обратно в коробок, осведомился:

— Есть ли жалобы на тюремную администрацию?

Вайс сказал:

— Пока нет.

— Тогда подпишите, — и следователь подтолкнул к Вайсу печатный бланк, в котором было сказано, что заключенный не имеет претензий к администрации тюрьмы.

Вайс ядовито улыбнулся.

— Я сказал: пока. — И, наклонившись к следователю, спросил: — Я с этими нашими методами достаточно хорошо знаком: сначала заключенный подписывает такую штуку, а потом мы спускаем с него шкуру, верно?

Следователь молча положил бланк в папку, приказал охраннику:

— Уведите заключенного!

На следующий день Вайс снова был вызван на допрос.

На этот раз следователь выглядел совершенно иначе. Но его преобразил не только мундир гестаповца. Он был явно воодушевлен чем-то. Оглядев Вайса с ног до головы, потирая с довольным видом руки, следователь прочел его показания и спросил, подтверждает ли он их.

Вайс сказал:

— Да, подтверждаю.

Лицо следователя мгновенно обрело жестокое и властное выражение.

— Лжешь, ты не Вайс! — крикнул он.

— Так кто же я?

— А вот это мы из тебя еще выбьем! — Помедлив, наслаждаясь тем, что уличил преступника, торжественно объявил: — Обер-лейтенант господин Иоганн Вайс — тот, за кого вы выдавали себя, — мертв. Он погиб в автомобильной катастрофе! — Следователь порылся у себя в папке, достал два фотоснимка и протянул Вайсу.

На первом были сняты обломки автомашины, лежащий ничком, пронзенный рулевой колонкой знакомый Иоганну курьер и рядом с ним другой труп, с разможенным о ветровое стекло лицом.

На втором снимке был запечатлен только труп человека с разможенным лицом. Увидев на нем свой костюм, отобранный в первый день заключения в тюрьме, Вайс испытал чувство облегчения. Значит, все это подстроено гестапо, и он взят не как советский разведчик, а как сотрудник службы Шелленберга.

Вайс небрежно бросил оба снимка на стол, сказал:

— Жаль парня!

— Какого именно? — поднял брови следователь.

— Курьера, которого вы убили. Второго, на которого вы надели мой костюм, вы так отделали — не только я, родная мать не опознала бы. Ну что ж, узнаю традиционные методы службы гестапо. — Наклонился, спросил: — Так чем вызваны эти ваши хлопоты?

Следователь сохранял на лице невозмутимое выражение, будто Вайс говорил на неведомом ему языке и он ничего не понял. Помедлив, следователь спросил:

— Теперь признаете, что вы не тот, за кого себя выдавали?

— Не валяйте со мной дурака, — сказал Вайс.

— Вы на что-то еще рассчитываете? — поднял на него

глаза следователь. Достал третью фотографию, подавая ее, улыбулся. — Вот, взгляните — и вы поймете, что вам не на что больше надеяться. Сделайте из этого разумный вывод.

На снимке — траурные носилки с урной, на урне табличка: «Иоганн Вайс», другие надписи на табличке мельче, их разобрать нельзя. Носилки несут Генрих Шварцкопф, Густав, Франц. Четвертого человека Вайс не знал. Позади носилок — сам Шелленберг, рядом — Вилли Шварцкопф.

— Ну? — спросил следователь. — Теперь вам все ясно? Обер-лейтенант Вайс мертв, и прах его замурован в урне. Иоганн Вайс больше не существует.

— Скажите, — осведомился Вайс, — а этот бедняга, которого вы укокошили вместо меня, он в самом деле заслуживал такого почетного эскорта? Если бригаденфюрер когда-нибудь узнает, что стал игрушкой в вашей комбинации, многим из вас несдобровать, и вам в том числе.

На следователя эти слова, видимо, произвели впечатление, в глазах его мелькнул испуг. Он приподнялся и объявил официальным тоном:

— Заключенный номер две тысячи шестнадцать, ваша вина усугубляется дачей ложных показаний, в чем я вас сейчас и уличил посредством неопровержимых фотодокументов.

Спустя несколько дней следователь опять вызвал Вайса. Но теперь на допросе присутствовали еще двое в штатском. Следователь вынул из папки новую фотографию, где Вайс был снят возле машины, на которой он ездил в Швейцарию в качестве курьера, перевозившего ценности.

Следователь спросил:

— Вы можете подтвердить, что на снимке именно вы?

— Кажется, похож.

— Да или нет?

Вайс промолчал.

Следователь заявил:

— Это, несомненно, вы.

На второй фотографии Вайс был заснят в швейцарском банке, а на третьей был запечатлен документ с подписью Вайса и чиновника банка, свидетельствующий о том, что от

него, Вайса, принято десять килограммов золота в двадцати слитках.

— Это ваша подпись? — спросил следователь.

— Но вы сказали, что Иоганн Вайс мертв, а я неизвестно кто.

Следователь произнес отчетливо и громко:

— Нашим расследованием установлено, что вы Вайс — однофамилец погибшего во время автомобильной катастрофы обер-лейтенанта Иоганна Вайса. — И крикнул: — Встать!

Вайс нехотя поднялся.

Двое штатских тоже встали со своих мест. Один из них надел очки и прочел по бумажке:

— «На основании статей законов (следовало перечисление) чрезвычайный народный суд Третьей империи Иоганна Вайса, уличенного в незаконном вывозе золота за пределы рейха, приговаривает за совершенное преступление к смертной казни через повешение. — Добавил: — Примечание. Руководствуясь неопровержимыми уликами и в связи с тем, что преступник не мог быть доставлен в суд из тюремного госпиталя, где он находится, приговор вынесен судом заочно».

— Но, мне кажется, я абсолютно здоров, — сказал Вайс.

— Сейчас это для вас уже не имеет значения, — сказал человек в штатском, укладывая очки в футляр.

Следователь снова обратился к Вайсу:

— Я снял с вас обвинение в лжесвидетельстве, поскольку установлено, что вы действительно носите фамилию Вайс.

Вайс поклонился и шаркнул ногой.

— Вы имеете что-нибудь сказать? — спросил следователь.

— Только два слова, — усмехаясь, заявил Вайс. — Одному из наших агентов в Берне я оставил письмо на имя Вальтера Шелленберга, в котором высказал предположение о возможности подобной комбинации со мной и об опасности, грозящей мне со стороны господина Мюллера. Об этом меня предупредил агент абвера майор Штейнглиц.

— Ну что ж, — сказал человек в штатском, — тем скорее, значит, вам придется последовать за господином Штейнглицем.

Но Вайс заметил, что при этом заявлении все трое «судей» украдкой переглянулись.

Сколько Иоганн ни пытался не думать о казни, сознание не повиновалось ему.

Он смог лишь вынудить себя не представлять подробностей, отсечь их.

Он знал, что может быть казнен немцами как советский разведчик. И все поведение перед смертью было им продумано до мельчайших подробностей. Он был уверен в себе и знал, что до последней минуты сумеет сохранить достоинство советского человека, чекиста. И эта борьба до последнего мгновения за свое достоинство должна была поглотить его целиком, заслоняя мысль о самой смерти.

Но быть казненным в обличье Иоганна Вайса — нет, к этому он не был подготовлен.

Самое страшное, что даже в эти предсмертные часы он не может, не имеет права стать самим собой. Он будет казнен немцами как немец.

Гестаповцы убьют немца, сотрудника германской секретной службы, и только.

Нелепость такой смерти терзала душу, приводила в бешенство.

Бессмысленно напрягать все свои душевные силы, готовиться к смерти, как к некоей вершине. Он может вопить, рыдать, молить о пощаде. Он может заниматься этим сколько угодно. Это будет только естественно для Иоганна Вайса, ставшего жертвой борьбы двух секретных служб, жалкой жертвой грызни между властителями рейха. И Вайсу нет нужды и не для чего сохранять перед смертью человеческое достоинство.

Но Александр Белов все же решил отвергнуть логику таких мыслей. Ведь существовал еще Вайс, тот Вайс, каким он стал. Ведь этот, нынешний Вайс во многом отличался от того, прежнего, с которым он начал свой путь. Он стал личностью в своем роде. И с этой личностью, возможно, кое-кому приходится считаться.

Белов, взвешивая все шансы на спасение, пришел к выводу, что если бы Иоганн Вайс, живущий в мире подлости, и пошел на сделку, то это была бы только никчемная отсрочка, купленная ценой слабодушия. А именно к этому понуждали Вайса двое людей, поочередно являвшихся к нему в камеру. Первый, приторно вежливый, по-видимому юрист по образованию, приходил один раз в неделю. Терпеливо, логично и настойчиво он убеждал Вайса сообщить все, что ему известно о деятельности в Берне

агентов тайной дипломатии Шелленберга. За это он сулил ему помилование. С ним, воспитанным и образованным человеком, Вайс держал себя нагло, угрожая возмездием со стороны Вальтера Шелленберга. Юрист тихо и убежденно отвечал:

— Даже если упомянутой вами личности станет известно о месте вашего пребывания, вряд ли она теперь проявит к вам интерес, ибо знает, что здесь умеют заставить человека развязать язык. И в силу этих обстоятельств вы не представляете уже никакой ценности.

— Значит, если вы меня потом и выпустите на свободу, эта личность сделает все, чтобы расправиться со мной за длинный язык?

— Несомненно, — соглашался юрист. — Но другая личность, которая заинтересована в вашей информации, располагает достаточными возможностями, чтоб экспортировать вас, допустим, в Испанию.

— Чтобы там ребята Шелленберга расправились со мной?

— Это будет зависеть от вашего таланта конспиратора.

— А что мне помешает сообщить Шелленбергу из Испании, какую комбинацию вы проделали со мной?

— Это бессмысленно. Шелленбергу будут своевременно предъявлены ваши показания. Почему бы ему не поверить им?

— А потом он договорится с вашим главным лицом, и они сообща решат убрать меня.

— Это произойдет не сразу. И даст вам некоторое продление жизни. — Юрист улыбнулся, спросил: — Вы, надеюсь, заметили, насколько я с вами откровенен? Предельно, не правда ли?

— Ну, еще бы, — сказал Вайс, — дальше некуда!

Второй человек приходил в камеру Вайса только по пятницам — в день, когда в тюрьме производились казни и экзекуции.

Этот был низкорослый, с толстой шеей, широкоплечий, с тугим, выпуклым пузом и неподвижным, мертво застывшим лицом.

Войдя в камеру, он прежде всего проверял, достаточно ли крепко связаны руки у заключенного. Потом снимал с себя пиджак, аккуратно клал его на табурет, засучивал рукава и, натянув перчатки из толстой кожи, молча, опытно, так, чтобы смертельно не искалечить, бил Вайса

в продолжение двадцати минут. Садился, отдыхал, а потом повторял все снова. Перед уходом спрашивал:

— Ну? — И уходил, небрежно бросив: — До следующей пятницы.

Вайс вынудил себя в перерыве между избиениями разговаривать с этим человеком. Так, будто понимает его профессиональные обязанности и считает, что они не должны служить преградой для общения.

Вайс пошел на это потому, что с каждым разом ему все труднее было восстанавливать силы, готовиться к новому избиению.

А умереть от побоев он не хотел. Первое время, используя свой опыт занятий в боксерской секции «Динамо», он, чтобы ослабить побои, старался смягчить их, отшатываясь в момент нанесения удара. Но низкорослый разгадал эту хитрость и, избивая, стал прислонять Вайса к стене.

Пока палач отдыхал, присев на койку, Вайс, изможденно опираясь спиной о стену, боясь отойти от нее, чтобы не упасть, еле двигая разбитыми губами, рассказывал случаи об исключительной преданности собак своим хозяевам, об их уме и удивительной способности чутко улавливать настроение человека. Однажды он заметил в кармане пиджака своего истязателя собачий ошейник с поводком и решил попытаться смягчить булыжник его сердца разговорами о животных.

Но тот только молча слушал, потом со вздохом подымался и снова начинал усердно трудиться над Вайсом.

После трех недель таких посещений низкорослый, закончив сеанс, объявил:

— Ну-с, все.— Протянул Вайсу руку, спросил шепотом: — Заметили, никаких внутренних органов не повредил? А почему? Действительно, как и вы, имею ту же слабость. Из всех живых существ предпочитаю собак.

Процедуры избиений на этом окончились, так же как и посещения вежливого юриста, который после своих безуспешных попыток склонить Вайса к откровенности пожаловался:

— Как психолог, я вас понимаю. Вы настолько широко осведомлены в нашей методике, что у вас полностью атрофировался комплекс доверчивости, и в силу этого я лишен возможности контактировать с вами.

На несколько дней Вайса оставили в покое, потом однажды его разбудили, надели рубаху с отрезанным воротом, завязали на спине руки и повели. Сначала казнили двоих. Потом еще двоих. И когда Вайс и стоящий рядом с ним скрюченный, очевидно с поврежденным позвоночником, человек подняли головы, чтобы на них надели мешки, их обоих развели по камерам.

Потом Вайса водили на казнь еще и еще раз. Он возвращался в свою камеру живым, но с таким ощущением, что его уже трижды казнили.

И после этих трех несостоявшихся, но пережитых казней Иоганн впал в состояние безразличия ко всему. И когда он уличил себя в этом, из презрения к себе самому решил снова стать самым примерным заключенным, чтобы волей к действию перебороть давившую его свинцовую тяжесть пережитой смерти.

Вновь в камере все блестело, вновь Вайс занимался гимнастикой, полдня уходило на многокилометровые путешествия, во время которых он мысленно перечитывал любимые книги или разыгрывал в уме шахматные этюды.

Счет дням Вайс вел по количеству мисок с баландой, которые он получал. Ибо здесь, в камере, не было ни дня, ни ночи. С пронзительной яростью светила стоваттная лампа, казалось выедаая глаза жгучим, как серная кислота, светом. Но после того, как посещение камеры Вайса этими двумя лицами прекратилось, стоваттную лампу заменили совсем слабосильной, красновато тлеющей двумя волосками. И в камере стало темно, как в яме, и холодно, как в яме. Очевидно, сильная лампа согревала воздух и не давала возникнуть непреодолимому ощущению озноба, который теперь беспрестанно мучил Иоганна.

Смертный приговор продолжал висеть над ним. Но он приучил себя не думать об этом.

На каждый следующий день он давал себе задание. Например, пройти пешком из Москвы до Баковки и снова вернуться в Москву, — значит, сорок шесть километров, сначала мысленно смотреть на правую сторону, а на обратном пути — на левую.

Он придумывал сложнейшие гимнастические упражнения, математические задачи.

Одно время он колебался: не уступить ли? Рассказать все, что ему известно о тайной дипломатии Шелленберга, и этим купить хотя бы временную свободу. Но, тщательно

взвесив все «за» и «против», он пришел к выводу: если его не казнили до сих пор, то только потому, что не удалось вырвать из него никаких сведений. А когда он станет пустым, его уничтожат, как уничтожают использованные пакеты от секретных документов. Кроме того, очевидно, его стойкость внушила гестаповцам мысль, что в политической секретной службе он более важная фигура, чем они до сих пор предполагали.

А самое главное — над Шелленбергом и Мюллером стоит Гиммлер, и Шелленберг действует по поручению Гиммлера. И если Мюллер использует сведения Вайса против Шелленберга, об этом будет знать Гиммлер. Он помирит Шелленберга с Мюллером, и оба они после примирения (а может быть, и до него) постараются расправиться с Вайсом. Конечно, он мог бы увильнуть от их мести, уйти в подполье, например, в группу Зубова, но это значит погубить карьеру Иоганна Вайса, а чтобы проникнуть на место Вайса, многим советским разведчикам придется пойти на смертельный риск. Нет, надо бороться за свою жизнь во имя сохранения жизни Иоганна Вайса.

Даже тюремные надзиратели прониклись уважением к этому заключенному, приговоренному к смерти, который с таким упорством сопротивлялся физическому и психическому разрушению, казалось неизбежному в условиях, когда каждый новый день может стать последним днем.

Камера Вайса блистала чистотой, которую он навел редким усердием.

Он был дисциплинированным заключенным, бодрым, приветливым и никогда не терял при этом чувства собственного достоинства.

Постепенно Вайсу удалось сломить двух надзирателей — старых профессионалов тюремщиков, у которых заключенные вызвали меньшее любопытство, чем кролики в клетках.

Они почувствовали к Вайсу нечто вроде расположения, как к образцовому заключенному, и стали оказывать ему мелкие услуги. Вайс получил возможность читать книги. В углубленном, отрешенном чтении он обретал душевное равновесие, способность наблюдать за собой как бы со стороны. И когда он обрел эту способность, он проникся к себе доверием, спокойной уверенностью в том, что не утратит теперь контроля над собой ни при каких обстоятельствах.

В конце июля за Иоганном внезапно пришли надзиратели. Он подумал: «Поведут на казнь».

И удивился, что не впадает в прострацию и не испытывает ни содроганий ужаса, ни даже желания думать о чем-нибудь значительном в эти последние минуты.

Должно быть, он так устал размышлять о смерти, что разучился страшиться ее. Но его повели не туда, где совершались казни, а на этаж выше, где находились общие камеры.

Идя по коридору, он слышал, как хлопали железные двери, шаркали по бетонному полу чьи-то ноги, стучали кованые каблуки охраны.

Мимо него прошел немецкий генерал со скрученными на спине руками и разбитым лицом. Спина генерала казалась вогнутой — с такой силой два эсэсовца подталкивали его сзади стволами автоматов.

Общая камера, где неожиданно для себя оказался Вайс, напоминала армейскую казарму — столько здесь было офицеров. Но выглядели они как вояки, только что сдавшиеся в плен неприятелю, заставшему их врасплох.

Противник сорвал с них погоны, выдрал вместе с сукном мундиров знаки наград; некоторые были избиты, двое со следами ранений лежали на полу.

Кроме армейских, здесь были и люди в штатском. Один почему-то в шелковой пижаме и домашних меховых туфлях.

Койки в три этажа, наподобие этажерок, все оказались заняты старшими офицерами. Остальные или сидели, или лежали на бетонном полу.

В отдалении от всех сидел, прислонившись спиной к стене, человек в штатском. Окровавленная голова его бессильно свесилась на грудь, он был без сознания, но на него никто не обращал внимания.

Вайс налил в металлическую кружку воды, взял пачку бумаги, лежащей на полочке над парашей, скатал из нее тугие шарики, положил их на пол, зажег и на этом крохотном костре согрел в кружке воду, обмыл голову раненому и обложил рану такой же бумагой. Потом оторвал от подола своей нижней рубахи длинный лоскут и перебинтовал его голову.

Вайс заметил, что заключенные внимательно следят за его манипуляциями. Закончив, он поднялся с пола, оглядел всех и сухо заметил:

— Однако, господа, это не по-солдатски — отказать в помощи раненому.

— Это что, поучение? — раздраженно спросил белобрысый офицер.

— Да, — сказал Вайс, — поучение. — И посоветовал: — Берегите нервы, они вам еще пригодятся.

Направился к койке, где сидел, свесив ноги, седовласый офицер, по-видимому старший здесь по званию, так как остальные взирали на него с некоторой почтительностью. Вытянулся перед ним, представился:

— Обер-лейтенант Иоганн Вайс, приговорен к смертной казни через повешение.

— Уже? — только и спросил офицер.

И вдруг с верхней койки Вайс услышал изумленный голос Гуго Лемберга:

— Мой бог! Вы живы?

Вайс улыбнулся Гуго. Тот спрыгнул с койки на пол, обнял его.

— Не могу сказать, что рад видеть вас здесь, но солгал бы, если бы скрыл свое чисто эгоистическое удовольствие от нашей встречи, — признался Иоганн.

— Вы молодым держитесь!

— А что мне еще остается?

— Вы знаете, что произошло?

Вайс покачал головой.

Гуго стал шептать ему на ухо:

— Помните полковника Штауфенберга, ну, того, без руки, вы познакомились с ним у меня?

Вайс кивнул.

— Полковник совершил покушение на жизнь Гитлера, но неудачно — бомба взорвалась, а Гитлер спасся. Говорят, он при этом произнес историческую фразу: «Ох, мои новые брюки — я только вчера их надел!»

Лицо Гуго дергалось, глаза блестели, зрачки были расширены, он истерически рассмеялся.

— Может, дать вам воды? — спросил Вайс.

— Нет, не надо. — Гуго удержал Вайса и зашептал, задыхаясь: — Вы не представляете всей той бездны предательства, трусости, которая открылась в этом заговоре против Гитлера! — Произнес с отчаянием: — А вот я не успел застрелиться, как другие. И теперь меня повесят. Повесят, да?

— А Штауфенберг?

— Его расстреляли вместе с прочими во дворе, при

свете автомобильных фар. Расстреляли те, кто сразу же изменил делу, узнав, что фюрер жив. Расстреляли еще до прибытия эсэсовцев, чтоб замести за собой следы, а теперь некоторые из тех, кто расстреливал, тоже здесь — вон один из них лежит на койке. — Крикнул иступленно: — Все погибло, Вайс, все! — Помолчал. Потом сказал хриплым голосом: — Последние слова Штауфенберга перед расстрелом были: «Да здравствует вечная Германия!» — Спросил с надеждой: — Но вы, возможно, заметили — мои взгляды отличались от воззрений Штауфенберга? «Да здравствует великая Германская империя!» — вот что я крикнул бы, будь я на его месте.

— Очевидно, вам еще представится такая возможность, — сдержанно сказал Вайс, поняв, что даже перед лицом смерти Гуго Лемберг считает должным подчеркнуть отличие своих политических позиций от позиций Штауфенберга.

Но, как бы там ни было, благодаря Гуго все эти заключенные здесь офицеры признали в Вайсе человека своего ранга и прониклись к нему доверием. Иоганн довольно быстро занял среди них положение старшего, и не только как многоопытный заключенный, но и благодаря своему умению организовывать любых людей в любых условиях.

Он предложил, чтобы всем раненым и избитым были предоставлены места на койках. Исключение сделал для седовласого полковника, заметив, что единственно, кому предоставляется здесь преимущество, — это престарелым людям.

Так как во время длительного пребывания в тюрьме он стяжал у персонала репутацию образцового заключенного, ему удалось выпросить у надзирателей кое-какие медикаменты.

Нескольким заключенным удалось сохранить обручальные кольца. Вайс посоветовал использовать их для подкупа надзирателя, с тем чтобы можно было по какому-нибудь одному адресу переслать общее послание близким, с коротким, возможно — прощальным, приветом от каждого.

Он даже определил количество слов: по десять на человека. Ибо длинное послание или несколько посланий надзирателю трудно будет спрятать и тайком вынести из тюрьмы. Чернила Вайс изготовил, зная химический состав полученных медикаментов. Перо сделал, расплющив обна-

руженную на мундире у одного из офицеров обломанную булавочную застежку от медали за зимнюю кампанию 1941—1942 годов в России.

В течение первой недели почти треть заключенных была уведена на казнь сразу же после допроса.

Вайс всеми силами старался облегчить пребывание в камере заключенных офицеров, хотя не все они вызывали симпатию и далеко не все заслуживали участия.

Например, полковник, высоко оценивая боееспособность дивизий СС, сетовал лишь на то, что фюрер не изъявил желания сформировать подобные же привилегированные части из состава армии вермахта. Они могли бы с не меньшим успехом выполнять функции СС, а также функции зондеркоманд гестапо, энергично очищающих оккупированные территории от избыточного и сопротивляющегося законам победителей населения.

Особенно его возмущало то, что приказом Гитлера от 22 декабря 1943 года существовавшие в частях вермахта с 1942 года «офицеры попечения» (называвшиеся тогда политическими офицерами) были выделены из системы войсковых контрразведывательных органов («1-Ц») и подчинены непосредственно начальникам штабов, с переименованием в «офицеров национал-социалистского руководства» (сокращенно — НСФО). На должность НСФО назначались, как правило, руководящие работники национал-социалистской партии, не имеющие никакого военного опыта и не нюхавшие фронта. Подбором офицеров руководил Борман, и фактически НСФО подчинялось его партийной канцелярии.

Полковник, собирая морщины на низком, упрямом лбу, изрекал гневно:

— Полагаю, что заслуживаю расстрела, как офицер, но не виселицы, как государственный преступник, ибо я остаюсь верен тем целям, которые преследовал фюрер. Руководители путча приводили доказательства, свидетельствующие о том, что рейхсфюрер Гиммлер уведомлен о нашем недовольстве Гитлером и сочувственно относится к нам. И в новый состав правительства военной диктатуры войдут наиболее опытные генералы, способные подавить всякое недовольство масс с не меньшей решительностью, чем СД, СС и гестапо.

— Значит, участники путча находились под покровительством Гиммлера? — спросил Вайс.

— Увы, это можно назвать не более чем снисходитель-

ным попустительством, — печально вздохнул полковник. — Но мне кажется, — перешел он на еле слышный шепот, — что рейхсфюрер был взбешен не столько тем, что совершилось покушение на жизнь фюрера, сколько тем, что оно оказалось безрезультатным. И не случайно одним руководителям заговора он дал возможность и время покончить самоубийством, а других велел без допроса расстрелять на месте.

— Вы объясняете это только тем, что он хотел уничтожить свидетелей своего, как вы выражаетесь, «снисходительного попустительства»?

— Нет, — покачал головой полковник, — не только этим. Гиммлер, несомненно, умный и дальновидный человек. Будучи информирован о ходе подготовки путча, он, очевидно, предвидел всю опасность его.

Лицо Вайса выразило удивление.

— Я имел в виду ту огромную опасность, которая угрожала рейху в случае успеха покушения. Это развязало бы действия широких, оппозиционных фашизму слоев населения нашей страны, и красные, выйдя из подполья, сумели бы возглавить их. Таким образом, мы могли стать невольными виновниками революционного восстания, и за это нас следовало уже не повесить, а растерзать, утопить в нечистотах, а наши имена предать вечному проклятию. — Полковник заявил пылко: — И когда я до конца осознал это, я убедился, что заслужил казнь, и готов к ней!

— Ну что ж, — усмехнулся Вайс, — вы мужественный человек, если с такой твердостью готовы встретить смерть.

— Но мы оказались простофилями, — горестно воскликнул полковник, — потому что дали примкнуть к своему заговору младшему офицерству, мыслящему иначе, чем мы, старшее поколение! Особо опасным оказался Штауфенберг — наиболее активное лицо в организации путча. К сожалению, мы слишком поздно узнали, насколько эта фигура зловредна. Штауфенберг стал настаивать на блоке не только с различными оппозиционными группами, но даже с левыми социалистами и, представьте его наглость, — с коммунистическим подпольем. Мало того: он предлагал вступить в переговоры с Россией!

Но он завоевал такое доверие и авторитет среди молодых офицеров, что нам трудно было с ним бороться. Кроме того, он человек ошеломляющей отваги и твердости духа

и оказался единственным из всех нас способным на террористический акт,— другого такого не было.

— Значит, вы вынуждены были ему кое в чем уступить?

— Конечно! Например, четвертого июля Штауфенберг должен был встретиться с лидерами коммунистического подполья. И мы даже не смогли оспорить это его чудовищное решение.

— И встреча состоялась?

— Нет,— сказал полковник.— Кажется, кто-то из наших благоразумно уведомил Гимmlера о наличии внутри нашего заговора опасного течения, представленного левыми социал-демократами, готовыми заключить блок с коммунистами, а также о дне предполагаемой встречи Штауфенберга с лидерами коммунистического подполья. Не знаю почему, в назначенный день Штауфенберг не смог прийти на эту встречу, когда гестапо совершило налет и коммунисты были схвачены. Я после этого беседовал со Штауфенбергом, он, с еще более ожесточенной решительностью извращая нашу цель, высказывал намерение довести заговор до степени широкого демократического движения. И уже сделал в этом направлении немало. Да,— задумчиво повторил полковник,— Штауфенберг — это зловещая фигура, и чем больше я о нем думаю, тем больше каюсь в своем заблуждении.

Но тут же полковник твердо заявил:

— Несомненно, в случае успешного проведения Штауфенбергом акции мы, старые офицеры, предприняли бы все меры, чтобы внушить массам величайшую скорбь и сожаление по поводу злодейского убийства фюрера. И как восприимчики его величия во имя рейха предали бы позорной казни его убийцу. Народ должен знать, что всякий поднявший руку на главу империи или на его сподвижников — величайший преступник.

— Ловко! — сказал Вайс.— Выходит, Штауфенбергу угрожала смерть не только в процессе покушения на Гитлера, но и от руки тех, кто возглавлял заговор?

Полковник величественно кивнул в знак согласия.

— Иначе мы все перед лицом истории были бы причислены к тем злодеям, которые в разные времена покушались на жизнь монархов.

— Вы монархист?

— Нет. Эта форма управления старомодна. Только правительство военной диктатуры имеет право на всю

полноту неограниченной власти. В современном мире это единственная власть, способная держать народ в подчинении и решать все проблемы средствами военного насилия как внутри страны, так и вне ее.

— У вас стройная концепция, — заметил Вайс. — И как вы могли пойти против фюрера, в сущности разделяя его стремления?

— Фюрер должен был бы сам пожертвовать своей жизнью, — хмуро сказал полковник, — ради того, чтобы мы могли свободнее осуществить его идеалы. Он слишком сфокусировал эти идеалы на своей личности. Чтобы добиться их осуществления, нам следовало пожертвовать фюрером. Принеся его в жертву, мы с новыми силами смогли бы, объединившись, бороться за свои идеалы в контакте с западными державами. Свои мысли я изложил на бумаге — это нечто вроде политического завещания. И, полагаю, вместо сентиментального послания близким, вы должны сделать все возможное для того, чтобы мое завещание попало в руки тех, кому оно предназначено. Вы понимаете всю важность подобного документа? В сущности, это даже не просьба, а приказание.

Вайс возразил:

— Только в том случае, если большинство заключенных согласится отказаться от письма родным и заменить его вашим, так сказать, завещанием.

— Но они же не согласятся! — сердито воскликнул полковник. — Здесь слишком пестрое общество, среди них есть и такие, что придерживаются взглядов Штауфенберга.

— А вы попробуйте ознакомить их с вашим документом, — посоветовал Вайс. — Эти люди — тоже часть Германии, о судьбе которой вы так печетесь.

— Пожалуй, я это сделаю, — с некоторым колебанием в голосе произнес полковник. Но потом, после долгой паузы, объявил: — Нет, здесь слишком много нежелательных лиц. — Достал из-под матраца сложенные в тетрадку листы бумаги, попросил: — Возьмите, — может, вы все-таки найдете способ сохранить этот документ и передать его кому-либо.

— Я не могу гарантировать вам, — сказал Вайс, — что он попадет в руки тем адресатам, на которых вы рассчитываете.

— Ну что ж, — согласился полковник, — пусть это будет кто угодно. — Иронизируя над самим собой, заявил: —

Очевидно, я соглашаюсь на это только из тщеславия. Но пусть будет так.

Полковника основательно отделали на первом же допросе. Его приволокли в камеру и бросили на пол полутрупом.

Вайс, уже имея немалый опыт, оказал ему посильную помощь.

Придя в сознание, полковник сказал Вайсу:

— Я изложил им все, что говорил вам, и вот видите... — Он хотел поднять руку к лицу, но у него не хватило сил.

— Они вам не поверили? — спросил Вайс.

— Пожалуй, поверили, — сказал полковник. — Но потребовали, чтобы я дал сведения о генералах — участниках заговора. Я отказался: это противоречит моим понятиям о чести.

— А о младших офицерах вы тоже ничего не сказали? — спросил Вайс.

— Как старший офицер, я имею право оценивать их всесторонне, — туманно ответил полковник.

На следующий день полковника отвели на казнь. Он мужественно отказался от полагающейся ему порции шнапса, так же как и от таблеток опиума, которыми торговали надзиратели.

Прежде чем уйти, он обошел всех офицеров, каждому пожал руку и пожелал встретить смерть с тем же присутствием духа, как и он.

От прощания со штатскими заключенными полковник уклонился. Он ушел, твердо ступая, и даже не оглянулся в дверях.

Гуго Лемберг сказал Вайсу, что центральная группа заговора до конца 1943 года была против убийства Гитлера — из опасения, что это развяжет антифашистскую борьбу широких масс. Заговорщики лишь стремились добиться отставки фюрера, чтобы придать перевороту характер законной смены главы рейха. К тому же Даллес рекомендовал связанным с ним представителям заговорщиков не предпринимать никаких действий до того, как армия союзников высадится в Европе.

Покушение на Гитлера должно было совпасть с высадкой союзников. Новое правительство Германии снимет войска с Западного фронта. Армия союзников, оккупировав

Германию, сама подавит возможность революционного антифашистского восстания. Таким образом, войска вермахта будут освобождены для контрудара по наступающей Советской Армии. Все силы будут брошены на это.

— Но полковник, например,— с усмешкой сказал Гуго,— был противником капитуляции Германии перед США и Англией. По его мнению, она могла быть воспринята как общее военное поражение Германии. Он был и против оккупации страны англо-американскими войсками: подавить антифашистские силы должна, по его мнению, сама германская армия, внушив таким способом народным массам надлежащее уважение к новому германскому правительству. Наивность солдафона! — насмешливо заключил Гуго.

— Разве? — усомнился Вайс.

— Безусловно. Дело в том, что нам, военным, с самого начала следовало опереться на наиболее влиятельные силы Германии, тогда наш путч имел бы все необходимые гарантии.

— Что же это за силы?

— Промышленные круги рейха,— сказал Гуго.— Но, увы, многие из этой среды были против смены Гитлера. Они хорошо помнили, как решительно он в свое время расправился с коммунистическим движением. И с какой смелостью и последовательностью осуществил полное подчинение сил нации экономическим интересам магнатов промышленности. Кроме того,— понизил голос Гуго,— мне кажется, до сведения Гиммлера дошло, что некоторые наши генералы колебались, признать ли его новым фюрером рейха или не признать. А ведь им было известно, что эта кандидатура имела решительную поддержку со стороны правящих кругов США и Англии. И я предполагаю, что, если бы покушение на Гитлера прошло успешно, Гиммлер незамедлительно обрушил бы на большинство участников заговора всю мощь карающих сил СС и гестапо.

— Значит, заговор безнадежен?

— Нет, почему же? — угрюмо возразил Гуго.— Если бы, как предлагал Штауфенберг, мы объединились с широким демократическим фронтом, возможно, все было бы иначе. Но я не за *такую* Германию, я противник такой Германии.

— А немецкий народ какую предпочел бы Германию? Гуго пожал плечами.

— Народ только тогда надежный фундамент для здания государства, когда он прочно утрамбован сильной властью. — Широко обведя рукой нары, на которых лежали заключенные, Гуго со злой насмешкой заявил: — Если бы сейчас здесь вдруг оказался русский коммунист, представляю, как бы он злорадствовал.

— Почему же? — спросил Вайс.

— Потому, — ответил Гуго, — что русским нужен Гитлер как ненавистный символ самой Германии, как мишень. А мы не смогли лишить их этой мишени...

— Наивно! — сказал Вайс. — Вы хотели сменить фюрера Гитлера на фюрера Гиммлера. Мишень же Советской Армии — немецкий фашизм. Вы сами это отлично знаете из перехватов заявлений советского правительства.

— Да, пожалуй, — уныло согласился Гуго. — Действительно, больше всего мы боялись не того, что верные Гитлеру части СС могут уничтожить нас, а того, что убийство Гитлера будет воспринято как сигнал к революционному восстанию. Мы боялись и того, что советские войска нанесут окончательное поражение нашей армии прежде, чем американские и английские части начнут продвигаться по нашей территории. — И вдруг, будто только сейчас осененный внезапно возникшей мыслью, Гуго спросил живо: — А почему вы осуждаете некоторые мои высказывания?

— Мне безразлично, за что вас собираются казнить здесь! — сказал Вайс.

— А мне, знаете, теперь уже наплевать, казнят ли меня как единомышленника Штауфенберга или как противника его заблуждений. Важно одно — смерть все и всех уравнивает. — Гуго добавил с усмешкой: — Каждый живой мыслит по-своему, но все мертвые воняют одинаково. Жаль, что здесь я не могу предложить вам проверить это на практике: ведь вас, очевидно, тоже скоро повесят.

— Да, — сказал Вайс и потрогал пальцем шею. — Очень любезно, что вы напомнили мне об этом.

— Простите мою маленькую месть, но мне показалось — вы как будто умаляете значение нашего заговора...

Два молодых офицера, Юргенс и Брекер, вернувшись после короткого, беглого допроса, в конце которого им сообщили, что они будут приговорены к казни, находились в состоянии глубокого отчаяния. Не близость казни — к известию о ней они отнеслись с достойным мужеством —

ужасала их. Они поняли по ходу допроса, что среди генералов, возглавлявших заговор, оказались доносчики. Эти предатели назвали гестапо фамилии участников и сообщили ряд подробностей заговора. А другие генералы в день 20 июня, когда было назначено убийство Гитлера, проявили трусость, нерешительность. Они бездействовали, взвалив все на Штауфенберга. Узнав, что Гитлер после взрыва бомбы остался жив, эти генералы лишь покорно ожидали возмездия и не предприняли ничего, чтобы дать возможность спастись своим младшим сообщникам.

Всю ночь Вайс провел с этими молодыми офицерами.

Юргенс с ожесточением говорил, что теперь он понял: многие генералы, снятые Гитлером с постов за поражение на Восточном фронте, стали участниками заговора только из чувства мести, чтобы потом свалить на Гитлера свои военные неудачи.

Брекер рассказывал, что Штауфенберг, как и те, кто разделял его взгляды, считал, что прежде всего надо добиться капитуляции армий вермахта на Восточном фронте. Но теперь, в отчаянии повторял молодой офицер, теперь, когда заговор провалился, самое ужасное не то, что многие участники его казнены, а другие еще будут казнены. Что такое смерть по сравнению с тем, что не удалось предотвратить гибель сотен тысяч немецких солдат на Восточном фронте?

На все эти сетования Юргенс с горечью отвечал:

— Но ведь мы с тобой знали, что руководители заговора единодушно сходились на капитуляции перед США и Англией с тем, чтобы продолжать войну с Россией.

— Да, но мы были за Штауфенберга, — возразил ему Брекер, — а с ним сочли возможным вступить в переговоры даже коммунисты.

— А где они сейчас? Тоже казнены?..

Через два дня Вайса внезапно вызвали в контору тюрьмы и сообщили, что он свободен.

У тюремных ворот его ждал в машине Густав. Похлопав Вайса по плечу, он сказал одобрительно:

— Однако вы оказались выносливым господином.

Густав, не заезжая на Бисмаркштрассе, отвез его в штаб-квартиру Шелленберга.

Тот, еще более похудевший и пожелтевший, встретил Вайса без улыбки. Пожал руку, сказал:

— Я подробно информирован о вашем поведении.— Болезненно сморщился, потер левый бок, спросил: — У вас есть какие-либо просьбы?

— Я готов продолжать службу, и можете не сомневаться...— начал было Вайс.

— Я не это имел в виду,— нетерпеливо перебил Шелленберг.

— Прошу вас тогда, прикажите освободить заключенных офицеров вермахта Брекера и Юргенса.

— Вы имеете доказательства их невиновности?

— Они не предали никого из участников заговора: это — лучшее свидетельство того, что они могут пригодиться.

— Для какой цели?

— Я полагаю, вы оцените их способность держать язык за зубами даже под угрозой казни.

— Я уже оценил в вас эту способность,— улыбнулся одной щекой Шелленберг.

— Благодарю вас,— сказал Вайс.— Значит, я могу твердо рассчитывать...

Шелленберг снова перебил его:

— Я собирался обратиться к рейхсфюреру с просьбой о награждении вас железным крестом первого класса. Вы предпочитаете, чтобы я побеспокоил его по другому поводу?

— Разрешите мне снова повторить мое ходатайство.

— Хорошо,— Шелленберг взял со стола какую-то бумагу, медленно разорвал ее, бросил в корзину.— Можете идти.

Но на пороге остановил:

— Вы полагаете, они годятся для секретной службы?

— Нет,— сказал Вайс.

— Тогда для чего же?

— Когда рейхсфюрер их помилует, господин Мюллер будет пытаться выяснить, не были ли они агентами рейхсфюрера.— Вайс усмехнулся.— Мюллер потерпит неприятное для него поражение. О предпринятом им расследовании станет известно, и это послужит новым доказательством его недружественного отношения к Гиммлеру.

Шелленберг молча, испытующе смотрел в глаза Вайса и вдруг улыбнулся.

— Это, пожалуй, остроумно. Теперь я понял. Вы

готовите маленькую месть Мюллеру за ваше пребывание в заточении?

— Вы проникательны, мой бригаденфюрер, — сказал Вайс. — Значит, я могу быть уверен?..

— Так же и в том, — подхватил Шелленберг, — что сейчас я прикажу отпечатать новое представление рейхсфюреру о вашем награждении.

На пути к Бисмаркштрассе Густав успел рассказать Вайсу, что всю махинацию с ним не без труда разоблачили криминалисты, находящиеся на службе Шелленберга. Смерть неизвестного человека последовала не во время автомобильной катастрофы, а в результате отравления, задолго до катастрофы.

Потом через агентов удалось установить, что Вайс находится в тюрьме. Но Вальтер Шелленберг приказал не предпринимать никаких срочных мер для освобождения Вайса: ведь его пребывание там являлось серьезнейшим испытанием, лучшей проверочной комбинации и не придумаешь. А потом, занятый множеством дел, бригаденфюрер, очевидно, забыл о Вайсе, напоминать же о нем никто не решался. И только когда Шелленберг случайно увидел в подписанном Гиммлером списке приговоренных к казни имя Вайса, он принял соответствующие меры.

— Но, возможно, — добавил Густав, — ни Гиммлер, ни Шелленберг не хотели в это сложное время ссориться с Мюллером. После же того, как Гиммлер расправился с участниками заговора и, главное, с теми из них, кто был вхож к нему, открылась возможность отобрать вас у Мюллера.

— Но меня могли повесить в любой день после приговора, — заметил Иоганн.

— Не исключено, — согласился Густав. — Возможно, вас реабилитировали бы посмертно. Но, знаете ли, хоронить вас дважды — это было бы уж слишком. — Посоветовал: — Кстати, не забудьте съездить на кладбище — увидите отличное надгробие: «Незабвенному Иоганну Вайсу». Нового уж, во всяком случае, не понадобилось бы заказывать.

Когда Иоганн вошел к себе в комнату и взглянул в зеркало, он невольно оглянулся. Из зеркала на него смотрела костлявая, жесткая физиономия с глубоко впавшими висками, щеками, глазами. Волосы потускнели и серебрились. Шея тонкая, губы, казалось, присохли к зубам.

— М-да, — презрительно произнес он, — типичный

дистрофик.— И, погрозив зеркалу, заявил: — Это же клевета на человека, а?

Спал он почти сутки.

Берлин сотрясаясь от непрерывных бомбежек.

63

На следующий день, дождавшись отбоя воздушной тревоги, Вайс посетил салон массажа профессора Штутгофа.

Штутгоф встретил его шутливыми словами, но без улыбки:

— А, привет покойнику! — Сел, положил вытянутые руки на стол. — Ну, рассказывайте!

Вайс сообщил о тех подробностях заговора, какие ему стали известны. Привыкнув в тюрьме к изможденным скорбным лицам, он не обратил внимания на то, что и лицо профессора сейчас выражает скрытое страдание.

Выслушав рассказ Вайса, профессор помолчал, потом как бы нехотя заметил:

— Собственно, отсрочку казни вам выхлопотали мы.

— Каким образом?

— Нашли человека, который сообщил князю Гогенлоэ, что офицер, приставленный к нему для поручений, взят Мюллером с целью получить информацию о деятельности князя. Тот к фюреру с протестом. Пока выяснялось, что это недоразумение, имя Иоганна Вайса попало в бумаги имперской канцелярии. Ну, и Мюллер струхнул, не решился вас вешать. — Спросил: — Генриха видели? Инициативный и вместе с тем осторожный товарищ. Он очень переживал вашу гибель, очень. Встретьтесь с ним сегодня же.

И только сейчас Вайс заметил, что лицо профессора потеряло способность улыбаться.

— Простите, мне кажется, вы чем-то огорчены? — участливо спросил Вайс.

— Да нет, — болезненно поморщился профессор, — какие у меня могут быть огорчения! Просто обыкновенное горе. — И каким-то деревянным тоном сообщил: — Ну, надо было ознакомиться с комплектом секретных чертежей. Жена правильно рассчитала: бомбежка, пожар — наиболее для этого благоприятное время, но почему-то замешкалась. Сначала рухнул лестничный пролет, а потом обвалилась стена. Сейчас бомбят, знаете ли, ежедневно, так что, пожа-

луйста, учтите.— Встал, подал руку.— Да, чуть не забыл. Ваш Алексей Зубов в Берлине.

— А как же теперь вы? — участливо спросил Вайс.

— Учусь,— ответил профессор.— Учусь перебарывать свое горе.— Посмотрел на потолок, видимо не желая встречаться глазами с Вайсом, сказал: — Зубов командует военнопленными, которых присылают из лагерей для разборки развалин после бомбежек, но работают они также и во время бомбежек: спасают погребенных в бомбоубежищах немцев.

Потом, чуть посветлев лицом, продолжил:

— Сей индивидуум решительно не годится для операций, где требуется изощренная тонкость ума. Типичный боевик. Он, знаете ли, во время восстания пробрался в варшавское гетто, говорят, совмещал в своем лице и Давида и Голиафа. Таскал на спине станковый пулемет, меняя огневую позицию на крышах, и прошивал фашистов, словно мишени на полигоне. Двое из боевой группы приволокли его домой чуть живого. И, представьте, эта его Бригитта благодаря своим связям добилась для него назначения на работу в Берлин. Странная особа. Меня представили ей случайно в доме, где я массирую одного видного имперского сановника. И сразу же она вцепилась в меня, умоляя лечить ее супруга. Еле отбил.

— Но почему же? — удивился Вайс.— Зубов — замечательный парень.

— Возможно,— сердито сказал доктор.— Но ст подобных активистов я предпочитаю держаться подальше: любители висеть на волоске — самая трудновоспитуемая публика.— Насмешливо заметил: — Вы, кажется, тоже некогда обнаруживали склонность к этому занятию? — И вдруг лицо его побелело, профессор схватился за сердце.— Идите, идите,— махнул он рукой,— это у меня быстро проходит...— И сердито прикрикнул, так как Вайс не двинулся с места: — Я же вам сказал — вон!

Генрих встретил Иоганна с восторгом.

— Я все время думал о тебе. А ты вспоминал меня? — Стиснул руку Вайса.— Это такое счастье, что ты живой!

Иоганн смущенно улыбнулся, пробормотал:

— Да, действительно неплохо.— И, желая быть абсолютно правдивым, признался: — Разумеется, я вспоминал о тебе, Генрих, беспокоился главным образом о том, чтобы

ты не допустил какого-нибудь промаха. Клял себя за то, что не проэкзаменовал тебя по всей нашей технике. Это было мое упущение.

— Похоже, — сказал Генрих.

— На кого?

— На тебя.

— Извини, — смутился Вайс, — но это правда, эта мысль мучила меня.

— Так, может, сразу, с первых же слов начать докладывать? — иронически осведомился Генрих.

Иоганн, делая некоторое усилие над собой, проямлил:

— Нет, зачем же? Успеется...

— Ты совсем не умеешь притворяться, — усмехнулся Генрих, — не умеешь скрывать свои чувства.

— А зачем, собственно, я должен их от тебя скрывать? — пожал плечами Вайс. — Мне в самом деле не терпится узнать, что тут происходило с тобой.

— Ну вот! — ликуя, воскликнул Генрих. — В этом твоём вопросе я услышал то, что хотел. Ну что, доволен ли мной Штутгоф?

Вайс кивнул.

— А ты знаешь, что жена его, в сущности, работала на англичан?

Лицо у Вайса было вытянулось.

— И весьма эффективно, — продолжал Генрих. — Дело в том, что радионавигационные приборы, которые изготовлял секретный цех, где она работала, предназначались для «Фау». Что-то неладное происходило в этом цехе: большинство снарядов почему-то не достигало цели, падало в море. Дело в том, что в особых маслах для смазки механизмов оказались ничтожные доли эфирного вещества, оно испарялось особо интенсивно в период полета снаряда, смазка затвердевала, и траектория полета изменялась.

— А кто это установил?

— Я установил, — гордо заявил Генрих. — Дядя включил меня, как человека с инженерным образованием, в техническую группу гестапо, которой было поручено произвести следствие по этому делу.

— Ну и что же?

— Ничего, — сказал Генрих. — После того как я обнаружил эту остроумную порчу смазочных масел, я склонил комиссию гестапо к тому выводу, что дефект снарядов заключается в некоторых просчетах, связанных с недоуче-

том силы притяжения водной поверхности. Мне пришлось немало потрудиться над проблемами баллистики. Моя аргументация выглядела весьма убедительной. Через профессора я посоветовал его супруге впредь производить смазку навигационных механизмов только после их сдачи техническим представителям ВВС. Только и всего.

Вайс сказал:

— Ты знаешь, жена Штутгофа погибла.

Генрих вздохнул.

— Знаю. Это ужасно. Видишь ли, создана была новая конструкция летающего снаряда. Она, очевидно, хотела узнать, в чем заключалось его отличие от прежнего...

— В чем же? — спросил Вайс.

Генрих сказал:

— Увы, когда более авторитетная комиссия ознакомилась с моим заключением, его сочли наивным и беспомощным. И я отделался сравнительно легко: лишился права принимать участие в подобных технических экспертизах. Сейчас занят главным образом тем, что помогаю дяде. На него возложены обязанности управляющего делами СС. Чисто финансовая и хозяйственная деятельность. — Пожаловался: — Когда я был уверен, что тебя убили, ты думаешь, мне было легко сидеть с ним по ночам в его кабинете и заниматься этой проклятой канцелярщиной? А он, как назло, проникся ко мне особо нежными родственными чувствами, то обнимет меня, то положит руку на плечо, заботливо спрашивая: «Мой дорогой, налить тебе еще кофе?» Чувствуя на своем плече руку убийцы отца, я содрогался от ненависти и омерзения. Мне стоило неимоверного труда вести себя спокойно: так хотелось влечь ему пулю в лоб!

— Что же тебя удерживало?

— Профессор. Я не знал о его существовании, просто относил в тайник то, что, мне казалось, представляло интерес. А потом стал думать: когда ты был со мной, ты мне верил. А когда ты погиб, нет никого из твоих, кто захотел бы мне верить. Я решил, что меня просто используют — используют, не доверяя мне. Эти сомнения были очень мучительны. Тогда я вместо информации положил в тайник письмо, неизвестно кому адресованное, в котором изложил свои чувства и сомнения. И профессор назначил мне встречу.

Он сказал, что, поступая так, нарушает правила конспирации, но по-человечески понимает меня и поэтому не мог не откликнуться на мое письмо. — Генрих задумчиво усмехнулся. — А вообще странно и даже как-то смешно: когда я думал, что ты погиб и я очутился в одиночестве, я почувствовал себя несчастным, каким-то брошенным, но отнюдь не свободным. Тебя нет, а я все равно должен исполнять свой долг перед тобой.

— Не передо мной, а перед самим собой — в этом все дело. Ведь, в сущности, именно сейчас ты совершенно свободен, внутренне свободен от власти тех, кого ты сам же считаешь позором Германии. Разве это не настоящая свобода?

— Да, ты прав, но это нелегко. Я — немец, и я против немцев...

— Слушай, — сказал Вайс. — Мой отец был солдатом в первую мировую войну, имел георгиевские кресты всех степеней, ну, вроде ваших железных, а был судим военно-полевым судом за то, что призывал солдат повернуть оружие против царя. Ты не изменник, нет. Ты враг врагов Германии, фашистской клики. Послушай, я тебе расскажу... Там, в тюрьме, я познакомился с несколькими участниками заговора против фюрера. Одни из них хотели убить Гитлера только для того, чтобы убрать одиозную личность, ставшую символом фашизма. Заменить его другим, не столь скомпрометированным перед мировой общественностью лицом, которому уже в блоке с США и Англией удалось бы продолжить то, что не удалось сделать Гитлеру... А другие, — сказал с волнением Вайс, — надеялись на то, что убийство Гитлера послужит сигналом для восстания антифашистских сил, на то, что Советская Армия не даст подавить это восстание и немецкий народ получит возможность избрать народное правительство. — Произнес грустно: — Мне как-то довелось встретиться с полковником Штауфенбергом — тем самым, что потом совершил покушение на Гитлера. Так вот, когда он беседовал со мной, он все старался выведать у меня, как у абверовца, какие-нибудь сведения о подпольных организациях немцев и военнопленных. Должно быть, он искал связи с ними и, возможно, с советским командованием. — Вайс развел руками, произнес грустно: — Потом, когда я узнал в тюрьме, какой это человек, мне было горько думать, что я ничем не помог ему.

— Ну, рассказывай о себе, — попросил Генрих. — Поде-

лись ценными впечатлениями узника. Когда тебя приговорили к смерти, о чем ты думал?

— Самое трудное было заставить себя не думать о смерти, вернее, о нелепости такой смерти. Представляешь: пасть жертвой вражды между двумя фашистскими службами — и только. Перед казнью человек, если он настоящий человек, борется с собой, собирает все свои силы, чтобы умереть достойно, он весь поглощен этой мыслью. А я что мог? Для чего мне было демонстрировать гестаповцам, каким стойким может быть немецкий фашистский офицер перед казнью? Да на черта мне это нужно! И поэтому смерть мне казалась особенно подлой, ужасной, и я не просто трусил, а прямо вся душа корчилась.

— Но как же ты смог выдержать эту пытку?

— Как, сам не знаю.— И Вайс сказал неуверенно: — Может, выдержал потому, что очень хотел жить и жил в тюрьме как заправский узник. А что еще оставалось?

— Мысли о самоубийстве к тебе приходили?

— Ну что ты! — возмутился Вайс.— Когда заболел там, страшно боялся, что умру.

— Но ведь это лучше, чем петля?

— В смысле болевых и психических ощущений — возможно,— согласился Иоганн.— Но, понимаешь, если ты держишься, то до последнего мгновения не перестаешь верить, что будешь жить.— Досадливо поморщился: — И вообще, знаешь, хватит. Давай говорить о другом.

— Извини,— задумчиво сказал Генрих,— мне это нужно было знать на тот случай, если и со мной такое случится.— Вдруг насмешливо сощурился.— Кстати, разреши сообщить тебе нечто приятное: Шарлотта каждое воскресенье отправляется на кладбище и возлагает на твою могилу цветы.

Вайс смутился, сказал поспешно:

— Ну, ты объясни ей, это же — недоразумение.

— Нет уж, будь любезен — сам. Подобные поручения не входят в мои обязанности.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге появился Вилли Шварцкопф. На лице его при виде воскресшего Вайса изобразилось такое фальшивое изумление, что тот понял: Вилли с самого начала был прекрасно осведомлен обо всех его злоключениях. И не случайно старший Шварцкопф счел нужным заметить Вайсу, что о его преданности Вальтеру Шелленбергу ходят легенды.

— Вы своим «подвигом», герр Вайс, натворили черт знает что. Теперь рейхсфюрер захочет каждого из нас испытывать в преданности ему — до виселицы включительно! — расхохотался и объявил: — Вы штрейкбрехер, Иоганн, вот вы кто! Сумели выслужиться и возвыситься над нами всеми. Нехорошо. Нескромно. Теперь далеко пойдете, если не споткнетесь. — Предупредил дружески-доверительно: — Учите, вашему успеху завидуют, и многие не столько пожелают протянуть вам руку, сколько подставить ногу. — И заключил: — Но я всегда испытывал к вам особое расположение. Надеюсь, вы это помните?

Услышав такие слова из уст высокопоставленного эссовца, Вайс сделал вывод, что пребывание в тюрьме сулит ему в будущем немалые выгоды. И вместе с тем предупреждение Вилли настораживало: видимо, этот успех далеко не безопасен.

Вилли вышел, чтобы распорядиться об ужине.

Генрих молча развернул на столе карту, где была обозначена обстановка на фронте.

Иоганн припал к карте. И то, что он увидел на ней, переполнило все его существо радостью. Он признался Генриху:

— Знаешь, самое опасное для разведчика — ну, такое ощущение счастья, когда невозможно с ним справиться.

— Скажите пожалуйста, то он с самой смертью на «ты», то он, видите ли, капитулирует — впадает в панику от радости.

— Очевидно, в тюрьме несколько истрепалась нервная система, — попытался оправдаться Вайс. — Ты извини, я уйду. Право, у меня нет охоты изображать скорбь на лице, когда твой дядюшка заговорит о трагическом положении на фронте.

— Хорошо, — согласился Генрих. — Я скажу, что у тебя разболелась голова. Головная боль после заточения — это вполне достоверно.

Больших усилий воли стоило Вайсу подавлять в себе желание расспрашивать о ходе сражений на Восточном фронте. Эти расспросы требовали бы слишком большой душевной нагрузки. Нести на себе бремя притворства, вести каждый раз поединок с самим собой, выражать чувства, противоположные тем, что переполняли душу, — такое напряжение было сейчас невыносимо для него: приходилось экономить душевные силы.

Он предусмотрительно выработал для себя стиль поведения деловитого, целиком преданного своей профессии, гордого оттого, что он приобщен к ее тайнам, преуспевающего сотрудника СД. Что же касается вермахта — это не его ведомство. Поэтому, когда сослуживцы обсуждали при нем победы или поражения германской армии, Вайс сохранял невозмутимо-спокойный вид, раз и навсегда заявив всем, что его эмоции узкопатриотичны и ограничены единственно делами разведки. Он не желает расточать свою умственную энергию на обсуждение проблем, не имеющих прямого касательства к его служебным делам.

Эта декларация, ставшая принципом его поведения, не только защищала Вайса от необходимости надевать на себя еще одну личину сверх той, которую он носил, но и внушала уважение к нему, как к человеку строгих правил, поставившему перед собой твердую и ясную цель — занять высокое положение в системе СД. И не благодаря каким-то связям, интригам, подсиживанию, а лишь в результате своей способности всегда с честью выполнять, что ему предписывает долг службы.

Но сколько ни учился Вайс владеть собой, узнав о вступлении советских армий на территорию Германии, он испытал такое чувство счастья (подобного он не испытал даже тогда, когда его выпустили из тюрьмы), что ему показалось — он не в состоянии будет скрыть его. Еще мгновение — и ненавистная личина спадет сама собой и все увидят ликующее лицо Александра Белова.

Эту опасность надо было преодолеть и беспощадно расправиться с радостью, столь властно завладевшей всем его существом, что она могла оказаться губительной.

Вот почему Вайс ушел от Генриха.

Он пошел бродить по городу.

Последние дни Берлин подвергался особенно ожесточенным бомбардировкам.

Глыбы зданий с тусклыми, затемненными окнами. В сырых подвалах, холодных, как склепы, лежали вповалку люди, загнанные под землю очередной бомбежкой. Целые районы превратились в развалины. Подобные древним руинам, стояли плоские черные хребты арочных каменных стен. Воняло гарью, битым кирпичом, щипало глаза от дыма сгоревшей взрывчатки, каменная пыль висела в воздухе, как песчаные облака в пустыне.

Он шел по мертвым улицам, по обе стороны которых громоздились зубцы разрушенных зданий и насыпи из

камней. Но мостовые были освобождены от развалин и даже подметены. На очистку выгоняли жителей со всего Берлина, — они копошились здесь со своими детскими колясками и носилками, складывая в них камни и обломки дерева.

Надсмотрщиками над этими людьми назначались уполномоченные нацистской партии — от каждого уцелевшего дома, квартала, улицы. Они носили особые нарукавные повязки и, подражая гестаповцам, упивались властью над своими покорными соотечественниками.

Достаточно было одному из таких наци уличить жильца подчиненного ему дома, квартала или улицы в невыходе на работу, как рапортिका с обвинением гражданина Третьей империи в саботаже поступала в районное отделение гестапо. Уклонение от трудовой повинности приравнивалось к измене рейху. Вот почему Берлин, подвергаясь бомбежкам, в промежутках между ними все-таки выглядел «прилично». Сотни тысяч берлинцев с утра до ночи прибирали город, придавая кладбищам его улиц вид древних, но аккуратных раскопок с тщательно расчищенными дорогами. Властители немецкого народа могли свободно передвигаться в своих машинах по городу.

Все это делалось не столько для того, чтобы совершить невозможное — очистить Берлин от развалин, сколько для того, чтобы очищать нацию от подозрительных элементов, держать в повиновении людей, выявлять ропщущих, устранив их.

Гитлеру показывали фотографии прибранных развалин как утешительное свидетельство высокого патриотизма немцев, их непоколебимой веры в победу.

Но Борман приносил фюреру и другие фотографии — немцев, посмеявших усомниться в победе немецкого оружия и повешенных за это на фонарных столбах.

И эти другие снимки могли служить портретами Берлина весны 1945 года.

Гейбельс в своих бесчисленных речах объяснял берлинцам, как они должны понимать тот процесс преобразования, который происходит в структуре немецкого общества в связи с бомбежками: наибольшие материальные убытки несут имущие слои населения, и, таким образом, само собой ликвидируется материальное неравенство, и тем самым закладываются основы демократического общества, вещал он. На развалинах были расклеены объявления: «Фирма гарантирует строительство нового дома после войны, если

четверть его стоимости будет внесена немедленно». И здесь же по трафарету лозунги: «Мы приветствуем первого строителя Германии — Адольфа Гитлера!»

Вайс останавливался перед такими объявлениями и лозунгами, читал их при блеклом свете луны. Они были столь же кощунственны, как улыбка на лице мертвеца.

Он долго стоял и смотрел, как на одной из улиц, превращенной в груды обломков, уцелевшие после бомбежки жители очищают мостовую от камней, в то время когда в подвалах погребены их близкие.

И тех из них, кто пытался тайком копать проход в подвал в надежде спасти своих близких или хотя бы извлечь оттуда их тела, надсмотрщики с бранью гнали обратно на дорогу. Если дорога не будет очищена к утру, виновных в саботаже грозили препроводить в районные отделения гестапо.

Это был час затишья. Вайс видел длинные очереди берлинцев возле водопроводных колонок. У магазинов похоронных принадлежностей разгружали гробы и складывали их в штабеля, возвышающиеся почти до крыши дома, — товар, который шел сейчас нарасхват.

В скверах и парках старики сторожа обметали метлами пыльную листву деревьев и кустов сирени — прежде их поливали из брандспойтов.

На скамьях или просто на чемоданах спали бездомные.

В серых сумерках лица людей казались серыми, словно присыпанные пеплом.

Стены уцелевших зданий были сплошь заклеены яркими плакатами.

Потом город стал вновь содрогаться от бомбовых ударов.

Нацистская Германия в стратегии войны рассчитывала на блицкриг, и все ее боевые средства были оружием нападения. Возможность войны на территории самой Германии полностью исключалась из системы планирования. Нет смысла увеличивать выпуск зенитных орудий, которые на каждые две тысячи выстрелов дают одно попадание. Это слишком высокая цена для того, чтобы оплачивать ею защиту немецкого населения.

Когда в небе появились эскадры бомбардировщиков, Вайс без особого труда установил, сколь тощ оборонительный огонь берлинской противовоздушной обороны, — он был подобен жалкому фейерверку.

Соединения тяжелых бомбардировщиков разгружались над Берлином организованно, неторопливо, сваливая свой груз с разумной осмотрительностью только там, где тропы огненных трасс зенитных снарядов были едва заметны. Они сбрасывали бомбы над густо населенными рабочими районами.

Они били по рабочему Берлину, облегчая гестаповцам их труд. Зачем искать здесь антифашистов? Мертвые, под развалинами, они не доставляли никому забот, не нуждались даже в погребении.

Глядя на зарево пожарищ, на окутанные траурным дымом рабочие окраины, Вайс ощущал судорожные конвульсии сотрясаемого от бомбовых толчков города.

Заводские массивы, принадлежащие концернам, находились как бы в зоне недосягаемости, будто их охранял закон о неприкосновенности частной собственности — гибли люди.

Город выглядел мертвым, покинутым. В подвалах, как в моргах, вповалку лежали старики, женщины, дети.

Соединения бомбардировщиков продолжали деловито разгружаться над Берлином.

Небо казалось каменной плитой, пробуравленной авиадвигателями. От нее откалывались и падали на город тяжелые обломки, гулко сотрясая воздух. Трассирующие снаряды и прожекторы только освещали путь их падения.

Воздушная волна выдавливала стекла в верхних этажах зданий, и они осыпались, как осколки льда.

Буравящий звук авиадвигателей приблизился, вдогонку за ним скользнули голубые лучи прожекторов и словно отсекали своими негнущимися лезвиями от плиты неба гигантскую глыбу, и дом — нет, не дом развалился, а этот упавший на улицу, отсеченный черный кусок неба.

Вайс, оглушенный, поднялся. Он успел добраться до входа в метро в тот момент, когда стена другого дома, медленно кренясь, осыпалась вдруг каменной лавиной.

Под низкими сводами неглубокого метрополитена на каменной площадке перрона, тесно скучившись, сидели и лежали вповалку люди.

Кафельные стены метро были увешаны рекламами, прославляющими кондитерские изделия, пивные, бары, зазывающими посетить увеселительные заведения и знаменитые рестораны. Чины военной полиции с медными бляхами в виде полумесяца на груди, светя карманными фонарями, проверяли документы. Белый световой диск

этих фонарей обладал, должно быть, силой удара, потому что головы отшатывались при его приближении так, будто над ними заносили кулак.

Военная полиция использовала бомбежки для выявления тех, кто подлежал тотальной мобилизации, — юнцов и стариков.

Обходить бомбоубежище проще, чем устраивать облавы в домах и на улицах. Не так хлопотно, и безопаснее работать в укрытии, не спеша, не опасаясь бомбежек.

Они выявляли здесь также и психически травмированных. Их уводили в «лечебницы» и делали им там укол цианистого калия в сердце — в порядке чистки расы от неполноценных экземпляров.

Гестаповцы — грубияны. Чины военной полиции вели себя более благовоспитанно — обнаруженных «дезертиров» угощали сигаретами. А у тех, кто был в ботинках, разрезали шнурки, чтобы будущие защитники рейха не вздумали удрать, когда их поведут на сборный пункт.

Никто не кричал, не стонал, не метался, когда слышался грохот обвала. Люди боялись, чтобы их не заподозрили в психической неполноценности. Матери ниже склонялись над детьми, инстинктивно стремясь защитить их своим телом. Лежали, сидели, стояли неподвижно, молча, словно заключенные в камере после приговора.

До сих пор Вайсом владело жгучее чувство ненависти к гитлеровцам только за свой народ. Но сейчас ему хотелось мстить им и за этих немцев, за этих вот людей, приговоренных к бомбовой казни.

Вайс знал, что подачками из военной добычи гитлеровцы приобщили многих немцев к соучастию в своих преступлениях. Они отдавали им в рабство женщин и девушек, пригнанных из оккупированных территорий. Создали изобилие жратвы, грабя людей в захваченных землях и обрекая их на голод. Почти три миллиона человек, вывезенных из стран Европы, как рабы работали на немцев. Они строили им дома, дороги, пахали и сеяли.

Но за все эти блага, полученные от властителей Третьей империи, приходилось расплачиваться наличными: не пфеннигами, а отцами, мужьями, сыновьями, одетыми в мундиры цвета пфеннигов.

Таков был товарооборот рейха.

Иоганн видел, понимал: прекратить страдания немецкого народа могло только одно — подвиг Советской Армии,

сокрушительный удар, который повергнет ниц и растопчет фашизм, как уползающую гадину, чьи скользкие петли обвили тело Германии и продолжают душить лучших ее сыновей в застенках гестапо.

Что мог сделать здесь Вайс? Единственное, что он мог себе позволить, — это приказать чинам военной полиции немедленно покинуть бомбоубежище. Он велел им патрулировать улицу, якобы для выявления вражеских сигнальщиков.

Он выгнал их наружу и сам последовал за ними. Обернувшись, Вайс заметил, как отобранные «тотальники» провожают его изумленными и обрадованными взглядами людей, приговоренных к казни и вдруг получивших помилование.

Первый эшелон бомбардировщиков разгрузился. Разрушенные фугасками дома бесшумно пылали — термитные бомбы подожгли их.

Этот метод бомбометания — смесь фугасок с зажигалками — союзники называли «коктейлем».

Вайс вышел на улицу, которой не было, — развалины ее пылали, словно вытекшая из-под земли лава. Он шел по асфальту, усыпанному осколками стекла, как по раздробленному льду.

Огромные жилые здания лежали каменной грудой, будто обвалился и рухнул на отмель скалистый берег. Острокопечными утесами торчали уцелевшие стены. На каменном дымящемся оползне, возвышавшемся невдалеке, Вайс увидел полуголых скелетообразных людей — они пробивали траншею в развалинах, подобную тем, которые прокладывают археологи во время раскопок древнего города.

— Дмитрий Иванович! — услышал Вайс спокойный хрипловатый голос. — Подбрось пятерых: нащупали местечко, где перекрытие ловчее пробивать.

Пять человек вылезли из траншеи и, согбенные под тяжестью ломов, стали карабкаться по обломкам.

Тела и одежда в известковой и кирпичной пыли. Ноги тонкие, как у болотных птиц, животы впавшие. Но на торсах и руках, как на муляжах для обучения медиков, обозначились мышцы.

Потом Вайс увидел, что такие же изможденные люди приподняли тяжелую двутавровую металлическую балку, и казалось ему — он слышит сквозь дребезг металла, как скрипят мышцы этих людей, совершающих нечеловеческое

усилие. Им самим надо было, верно, уподобиться по стойкости железу.

Здесь, спасая жителей, погребенных в подвалах бомбоубежищ, работали военнопленные.

Вокруг стояли эсэсовцы в касках, держа на поводке черных овчарок; псы дрожали и прижимались к ногам своих стражей: их пугало пламя и грохот отдаленных взрывов.

Эсэсовцы заняли посты в развороченных бомбовых воронках или в укрытии рядом с гигантскими глыбами развалин. Видно было по всему, их не столько беспокоило, что кое-кто из военнопленных может убежать, сколько опасность нового налета.

Сформированные из немецкого населения спасательные команды работали только после отбоя воздушной тревоги. Военнопленных гоняли и тогда, когда район подвергался бомбежке.

Стуча ломами, люди пробивали перекрытие. Руки и ноги их были обмотаны тряпьем, на телах — кровавые подтеки от ранений, причиненных кусками арматурного железа или острыми краями камня. Но вот странно — на их усохших, со старческими морщинами лицах не замечалось и тени подавленности. Они бодро покрикивали друг на друга, состязаясь в ловкости и сноровке. Казалось, они преисполнены сознанием важности своего дела, того, что сейчас они здесь — самые главные.

Вайсу горько и радостно было слушать русский говор, наблюдать, как подчеркнуто уважительно они называют друг друга по имени-отчеству, с каким вкусом произносят слова из области строительной технологии, советуются, вырабатывая наиболее целесообразный план проходки к подвалу бомбоубежища.

Полуголые, тощие, они выглядели так же, как, верно, выглядели рабы в древнем Египте, соорудившие пирамиды; почти столь же примитивны были и орудия труда. Только труд их был еще более тяжел и опасен.

— Ура! — раздался атакующий возглас. — Ура, ребята, взяли! — Огромная глыба, свергнутая с вершины развалин, кувыряясь, покатилась вниз.

Вайс еле успел отскочить. Он понял: делая сверхчеловеческое усилие, чтобы свалить глыбу, эти люди еще старались свалить ее так, чтобы зашибить глазеющего на них снизу немецкого офицера.

Они расхохотались, когда Вайс пугливо шарахнулся в сторону.

Кто-то из них крикнул:

— Что, говнюк, задрыгал ногами? Научился уже от нас бегать! — И добавил такое соленое словцо, какого Вайс давно уже не слышал.

К Иоганну подошел охранник и, извинившись перед господином офицером, посоветовал отойти несколько в сторону.

— Работают как дьяволы. — сказал он Вайсу, — и при этом не воруют, даже кольца с мертвых не снимают. И если что берут, то только еду. Хлеб, по-русски. Наверное, они сошли с ума в лагерях. Если бы были нормальные, брали. Кольца можно легко спрятать: обыскиваем мы их только поверхностно.

— Эй, гнида! — закричал охраннику, по-видимому, старший из заключенных. — Гебен зи мир битте ди лантерн!

Охранник отстегнул повешенный за ремennую петлю на пуговице электрический фонарик и, прежде чем подать его заключенному, сообщил Вайсу:

— О, уже пробили штольню!.. — И пообещал с улыбкой: — Сейчас будет очень интересно смотреть, как они вытаскивают людей.

Через некоторое время заключенные выстроились возле пробитого в перекрытии отверстия и стали передавать из рук в руки раненых. Последние в этой цепочке относили раненых на асфальт и осторожно укладывали в ряд.

Позже всех из завала выбрались немцы, не получившие повреждений. Среди них был пожилой человек. Он бросился к охраннику и, показывая на сутулого военнопленного, заорал:

— Этот позволил себе толкнуть меня кулаком в грудь! Вот мой партийный значок. Я приказываю немедленно проучить наглеца здесь же, на месте! Дайте мне пистолет, я сам...

Подошел старшина военнопленных. Высокий, седоватый, со строгим выражением интеллигентного лица. Спросил охранника по-немецки:

— Что случилось?

Охранник сказал:

— Этот ваш ударил в бомбоубежище господина советника.

Старший повернулся к сутулому заключенному:

— Василий Игнатович, это правда?

Сутулый сказал угрюмо:

— Сначала раненых, потом детей, женщин. А он,— кивнул на советника,— всех расталкивал, хотел вылезти первым. Ну, я его и призвал к порядку. Верно, стукнул.

— Вы нарушали правила,— попытался объяснить советнику старший,— полагается сначала раненых, потом...

— Я сам есть главный в этом доме! — закричал советник.— Пускай русские свиньи не учат меня правилам! — И попытался вытащить пистолет из кобуры охранника.

Вайс шагнул к советнику:

— Ваши документы.

Советник с довольной улыбкой достал бумажник, вынул удостоверение.

Вайс, не раскрывая, положил его в карман, сказал коротко:

— Районное отделение гестапо решит, вернуть вам его или нет.

— Но почему, господин офицер?

— Вы пытались в моем присутствии обезоружить сотрудника охраны. И понесете за это достойное наказание.— Обернувшись к охраннику, бросил презрительно: — И вы тоже хороши: у вас отнимали оружие, а вы держали себя при этом как трус! — Записал номер охранника, приказал: — Отведите задержанного и доложите о его преступных действиях. Всё!

И Вайс ушел бы, если бы в это время к развалинам не подкатила машина и из нее не выскочил Зубов. Костюм его был покрыт кирпичной пылью.

Старшина военнопленных вытянулся перед Зубовым и доложил по-немецки:

— Проход пробит, жители дома вынесены из бомбоубежища на поверхность.

— Что с домом сто двадцать три? — спросил Зубов.

— Нужна взрывчатка.

— Для чего?

— Люди работают,— хмуро сказал старший,— но стена вот-вот рухнет, и тогда все погибнут.

— Вы же знаете, я не имею права давать взрывчатку военнопленным,— сказал Зубов.

Старший пожал плечами.

— Ну что ж, тогда погибнут и ваши и наши.

— Пойдем посмотрим,— и Зубов небрежно махнул перчаткой двум сопровождавшим его солдатам.

Вайс решил остаться. Он только перешел на другую сторону улицы и не торопясь последовал за Зубовым и старшиной. Высоченная стена плоской громадой возвышалась над развалинами. Зубов и старшина стояли у ее подножия и о чем-то совещались.

— Сережа!— вдруг закричал старшина.— Сережа!

От группы военнопленных отделился худенький юноша и подошел к старшему.

Потом Вайс увидел, как этот юноша с ловкостью скалолаза стал карабкаться по обломанному краю стены. Он был опоясан проводом, который сматывался с металлической катушки по мере того, как юноша поднимался.

Добравшись до вершины стены, он уселся на ней, проводом втянул пеньковый канат и обвязал его между проемами двух окон. Он втягивал канаты и обвязывал их то вокруг балок, то между проемов. Закончив, он хотел на канате спуститься на землю, но старшина крикнул:

— Не смей, запрещаю!

Юноша послушно спустился по краю стены.

Потом военнопленные взялись за канаты и, по команде старшины, стали враз дергать их.

Стена пошатнулась и рухнула. Грохот, клубы пыли.

Широко шагая, шел от места падения стены Зубов, лицо его было озлоблено, губы сжаты.

Остановившись, он стал отряхивать с себя пыль.

Вайс подошел к нему.

Зубов, выпрямившись, едва взглянув на Вайса, сказал:

— Одного все-таки раздавило.— Сокрушенно махнул рукой и, вдруг опомнившись, изумленно воскликнул: — Ты?! Тебя же повесили!

— Как видишь, нет.

— Подожди,— сказал Зубов,— я сейчас вернусь.

Ушел в развалины и долго не возвращался.

Снова начался налет авиации. Сотрясалась почва, от вихря взрывной волны вокруг поднялись облака каменной пыли. Но сквозь нее Вайс видел, как люди прокладывали траншею в поисках места, где было бы удобнее пробивать проход в бомбоубежище.

Наконец Зубов появился, но сперва он что-то сказал своим сопровождающим, и те, очевидно, выполняя его приказание, поспешно уехали на машине. Потом Зубов подозвал старшину военнопленных, спросил:

— Ваши люди вторые сутки работают без питания. Приказать охране отвести их в лагерь?

— Нет,— сказал старшина,— как можно? Там, под землей, ведь тоже люди мучаются. Зачем же бросать?

Зубов задумался, потом, оживившись, посоветовал:

— Пробеите проход вон там, где болтается вывеска кондитерской.

— У нас уже нет на это сил,— сказал старший.— Может, после, желающие...— Попросил:— Прикажите охране, чтоб не препятствовала.

Зубов кивнул и дал распоряжение охраннику. И только тогда подошел к Вайсу и, глядя ему в глаза, объявил:

— Ну, это так здорово, что ты живой, я даже выразить тебе не могу!

Машина вернулась за Зубовым. Зубов открыл перед Вайсом дверцу:

— После поговорим.

Всю дорогу они молчали, только изредка позволяя себе заглядывать друг другу в глаза.

Над районом, из которого они только что уехали, с новой силой разразился налет.

Солнечный восход окрасил поверхность озера Ванзее в нежные, розовые тона. Вайсу показалось, что перед ним мираж.

Возле пристаней стояли крохотные яхты и спортивные лодки красного дерева.

Машина спустилась к набережной и остановилась возле купальни.

Зубов по-хозяйски взошел на мостки, толкнул ногой дверь в купальню. Сказал хмуро:

— Давай окунемся,— и стал раздеваться.

Вайс, оглядывая мощную, мускулистую фигуру Зубова, заметил:

— Однако ты здоров, старик!

— Был,— сказал Зубов.— А теперь не та механика.— Погладил выпуклые, как крокетные шары, бицепсы, пожаловался:— Нервы.— Разбежался и, высоко подскочив на трамплине, прыгнул в воду и яростно поплыл саженками.

Вайс с трудом догнал его в воде, спросил сердито:

— Ты что, сдурел?

— А что? — испуганно спросил Зубов.

— Разве можно саженками?

— Ну, извини, увлекся, — признался Зубов. Брезгливо отплеывая воду, заявил: — Купается здесь всякая богатая сволочь, даже воду одеколоном завоняли.

— Это сирень, — объяснил Вайс; приподнял голову, вдохнул аромат: — Это же цветы пахнут.

— А зачем пахнут? — сердито сказал Зубов. — Нашли время пахнуть!

— Ну, брат, уж это ты зря — цветы ни при чем.

— Разве что цветы, — неохотно согласился Зубов. Глубоко нырнул, долго не показывался на поверхности. Всплыл, выдохнул, объявил с восторгом: — А на глубине родники аж жгут, такие студеные, и темнота там, как в шахте. — Поплыл к берегу брассом, повернул голову, спросил ехидно: — Видал, как стильно маскируюсь? Не хуже тебя, профессор!

Они поднялись на плавучий настил купальни, легли на теплые, уже согретые солнцем доски. Вайс заметил новый рубец от раны на теле Зубова, затянутый еще совсем тонкой, сморщенной, как пенка на молоке, кожей.

— Это где же тебя?

Зубов нехотя оглянулся:

— Ты какими интересуешься?

— Самыми новенькими, конечно.

— Ну ладно, — хотел уклониться от ответа Зубов, — живой же!..

— А все-таки?

Зубов помолчал, зачерпнул в горсть воды, попил из нее, потом сказал хрипло:

— Я ведь в Варшаве в гетто с моими ребятами проник, но только после восстания, когда ихних боевиков уже почти всех перебили. Кругом горит, люди с верхних этажей обматывают детей матрацами и, обняв, прыгают вниз. А по ним снизу из автоматов...

Ну, организовал оборону. Девушки, парни, совсем школьники. Расшифровался, что русский. Был момент — не поверили, вызвали старика — когда-то жил в России, — тот подтвердил. Таскал его за собой как переводчика, пока не убили. Но он мне авторитет создал — стали слушаться. Набьем фашистов, а совсем маленькие ребята к трупам ползут — за оружием, патронами. Я кричу: «Назад!» — не слушают. А ведь огонь, от камней осколки летят. А они же

совсем дети! — Потер лоб ладонью. — За нашей группой стали из артиллерии охотиться. Плечо задело осколком. А я один у пулемета — и за первого и за второго номера.

— А что группа?

— Что, что! Ну, не стало группы, девяносто процентов потерял. Увязался за мной помощник, шустрый такой мальчишка, ничего не боялся. Только научил я его оружием владеть, как все — подстрелили. Начал его перевязывать. А он по-польски объясняет: «Извините, говорит, вы не доктор, вам стрелять надо». Отполз к краю крыши, чтоб мне его было не достать, и там у желоба помер. Потом старуха с дочерью у меня за второго номера были. Дочь — врач, ловко умела перевязывать, но когда в третий раз меня ранили, их уже не было. Кто-то в подвал меня сволок, там я отлежался, выполз. Работал из автомата — прикрывал, пока старики, женщины и дети в канализационном люке скрывались. Их потом там дымовыми шашками немцы задушили.

— А ты?

— Ну, что я, существовал. Фашисты ночью уже по пустому гетто бродили, сапоги обмотали тряпками, чтобы неслышно ступить, и, как найдут живого, добивали.

Я для личной безопасности больше ножом действовал, от пальбы воздерживался. Потом вконец устал, без памяти свалился.

Очнулся как бы в земляной норе, аккуратно перебинтованный. Ну, ухаживали за мной, будто я самый лучший человек на земле. Понимаешь, такие люди! Им самим там дышать нечем — воздуху нет. Знаешь, хлебом, водой поделиться — это что, а вот когда дышать нечем... А тут такая здоровенная дылда, как я, зубами от боли скрипит и последний воздух хлюпает. Уполз я от них. Вижу — дети синеют, ну и уполз.

И, представь, напоролся вдруг на Водицу с Пташкой — вылезли из канализационного люка. Они, оказывается, беглецам решетку пропиливали, где выход из туннеля на Вислу. Кое-кто спасся — те, кто не потонул. Ну, тут я, очевидно, и скис. Как они меня оттуда уволокли, не знаю.

Недели через две или вроде того я с ними одну диверсию не совсем аккуратно сработал. Все получилось, но вроде как гестапо чего-то учуяло. Я намекнул Бригитте: неплохо было бы в Берлин эвакуироваться, — ну, она выхлопотала.

Зубов опустил голову, пробормотал:

— А вообще-то как там, в гетто, все было, нет возможности человеческими словами рассказать! — Посмотрел на озеро, добавил: — И моря не хватит, чтобы такое смыть навечно из памяти. Так вот. — Встал и начал одеваться. — Из Берлина туристские автобусы приезжали, специальная остановка возле варшавского гетто. Гид пояснения публике давал, брюхоногие развлекались, как в цирке. Может, из здешних vill жители.

— Так кем же ты сейчас числишься у немцев? — спросил Вайс.

— Видел же, — неохотно процедил Зубов. — Командую по линии «Тодта» спасательными отрядами из немцев, но главным образом — заключенными.

— Ну и как?

Зубов сказал сконфуженно:

— Наши вначале договорились убить меня. Народ организованный, понимаешь, постановление вынесли. Один подлец мне об этом донес. Ну, я, конечно, разволновался: от своей смерти принять — это же ни к чему. А потом решение принял: пристрелил под каким-то предлогом при всех заключенных этого гада во время спасалки, но чтобы все поняли, что к чему. Как шленнул — сказал: «Это был весьма нехорошего языка человек». Ну, видимо, они сами на этого подлеца уже глаза щурили. Спустя день старшина подходит и спрашивает: «Герр комиссар, вы застрелили нашего товарища — он хотел сделать вам плохое?» — «Не мне, а вам», — это я так ему сказал. Поглядели мы в глаза друг другу и разошлись. Выходит, отменили они после этого свое решение: много было возможностей пришить меня, а не использовали.

— А есть случаи бегства?

— Обязательно. Бегут, да еще как! — ухмыльнулся Зубов.

— Но ведь это может на тебе отразиться.

— Почему? Составляю акт по форме — и всех делов: мол, поймал и расстрелял на месте — за мной все права на это. А некоторых заносу в списки погибших при бомбежке или во время завалов. Бухгалтерия у меня на такие дела чистенькая. — Сказал завистливо: — Чувствую по всему: у них партийная и другая организация имеются, они и решают, кому и когда бежать. Живут коллективом. А я для них вроде как пешка — не человек, одна фигура.

— Слушай, а почему они так здорово работают?

— Так ведь людей спасают.

— Немцев,— напомнил Вайс.

— Да ты что! — возмутился Зубов. — Знаешь, когда детей задавленных из рухнувшего бомбоубежища выносят, смотреть невозможно: будто они их собственные, эти ребята. — Вздохнул: — Вот, значит, какая конструкция души у советских! И кто скажет, слабина в этом или сила...

— А ты как считаешь?

— Как? А вот так и считаю...

Они сели за столик на открытой веранде кафе, свободной от посетителей в этот ранний час. Кельнер, не спрашивая о заказе, принес кофе, булочки, искусственный мед и крохотные, величиной в десятипфенниговую монету, порции натурального масла.

Зубов отпил кофе, брезгливо сморщился:

— Надоело это пойло, лучше закажу пива.

— Да ты что? Пиво — утром? Здесь не принято.

— Ну, тогда щи суточные.

— Ладно, не дури,— сказал Вайс.

Зубов посмотрел на грязное от дымных пожарищ, все в багровых отсветах, будто налитое кровью небо, спросил сердито:

— Ты вот что мне объясни. Союзники бомбят Германию. А почему немецкая промышленность не только не снизила выпуск продукции, но, наоборот, постоянно его увеличивает и кульминационная точка производства самолетов приходится как раз на время самых сильных бомбежек? И все это вооружение гонится против нас.

— А союзники лупят не по объектам, а только по немецкому населению — с целью терроризировать его и вызвать панику,— продолжил его мысль Вайс.

— Но гестапо так терроризировало население, что куда там бомбежки! — сказал Зубов. — Недавно репрессировали более трехсот тысяч человек. И, понимаешь, вчера ночью я видел, как на молочных цистернах фирмы «Болле» и автомашинах берлинской пожарной охраны вывозили на Восточный фронт стационарные батареи, входящие в систему ПВО Берлина. А раньше туда отправили много зенитных железнодорожных установок. Я уж не говорю об эскадрильях ночных истребителей, снятых с берлинской ПВО для той же цели. Выходит, союзники должны сказать гитлеровцам: «Мерси, услуга немалая». — Поморщился,

словно от зубной боли.— Похабная эта стратегия, вот что я тебе скажу! Вместо того чтобы сломать хребет военной промышленности Германии, бьют вкупе с гестаповцами гражданское население. Союзники усиливают воздушный террор, а гестаповцы — полицейский. И немцу от всего этого податься некуда, разве только на фронт. Всех и сметают подчистую тоталкой. И тоже на Восточный фронт гонят.— Сказал со злостью:— Был я тут на одном военном заводишке, смотрел. Вкалывают немцы, отбывающие трудовую повинность, по двенадцать часов в сутки. Началась воздушная тревога — работают. Вот, думаю, народ! А что оказалось? Бомбоубежища нет, а кто оставит станок — саботажник, ему прямой путь в концлагерь. В заводских зонах дежурят не зенитчики, а наряды гестапо. Вот и вся механика. Самые же крупные военные заводы находятся за пределами городов, и союзники их не бомбят — не та мишень.— Помолчал. Вдохнул:— Занимаюсь кое-чем в свободное от спасательных работ время.

— Чем же именно? — спросил Вайс.

— Да так, мелочи,— устало сказал Зубов.— Со стройки бомбоубежищ для высокого начальства ворую взрывчатку, ну и используем по назначению.

— У тебя что, снова группа?

— Так, скромненькая,— уклончиво сказал Зубов.— Но ребята отважные. Воспитываю, конечно, чтобы без излишней самостоятельности. Недавно одного агента из вашего «штаба Вали» пришибли.

— Как вы разузнали об агенте?

— Есть человек наш, связной,— дал приметы, сообщил, что этот агент прибудет в Берлин на поезде, с одним сопровождающим. Встретили обоих с почетом, на машине. Повезли. Как всегда, бомбежка. Ну, и остановились у бомбоубежища, которое я по особому заказу построил, но клиенту еще не сдал. Ну, входят. Допросили. Приговорили. Все по закону, как полагается.— Зубов поднял глаза, спросил:— А ты, значит, без передышки, все время немец? — Покачал головой.— Я бы не смог. Душа присохла бы. Железный ты, что ли,— такую нагрузку выдерживать? — Пожал плечами.— Одного не могу понять: на черта тебе было в тюрьме из себя благородного немца корчить? Ну, настучал бы Мюллеру на своего Шелленберга, и пусть цапаются. Ради чего в петлю лез?

Вайс сказал:

— В прошлом году гестапо арестовало агентов Гиммле-

ра, возвратившихся после тайных дипломатических переговоров с представителями английских и американских разведок, и предъявило им обвинение в незаконном ввозе иностранной валюты. И Гиммлер подписал им смертный приговор лишь потому, что они настаивали, чтобы его уведомили об их аресте.

— Дисциплинка! — усмехнулся Zubov.

— Нет, — сказал Вайс, — не только. Это метод их секретной службы: не обременять себя людьми, допустившими оплошность. Есть и другие, более скоростные способы. Сотруднику не делают замечаний, если он допустил ошибку. Его посылают к врачу. Тот делает прививку — и всё.

— Понятно. — Zubov погладил руку Иоганна. — Ты уж там у них старайся на полную железку. — Добавил печально: — И не надо нам с тобой больше видеться. Я человек не совсем аккуратный, иногда грубо работаю.

— Ну, а Бригитта как?

На лице Zubova появилось выражение нежности.

— Ничего, живем. — Наклонился, произнес застенчиво счастливым шепотом: — Ребенок у нас будет. Хорошо бы подгадать, чтоб к приходу нашей армии: я бы его тогда зарегистрировал как советского гражданина, по всем правилам закона.

— А Бригитта согласится?

— Упросим, — уверенно сказал Zubov. — Будут же все условия для полной аргументации. Уж тогда я перед ней всю картину нашей жизни разверну. Не устоит. Она на хощее чуткая.

Вайс встал, протянул ему руку.

— Ну что ж, прощай, — грустно вздохнул Zubov. — Нервный я стал. Раньше не боялся помереть, а теперь очень нежелательно. Чем ближе наша армия подходит, тем труднее становится ее ожидать...

Густав зашел навестить Вайса в его коттедж и как бы между прочим осведомился, какое впечатление на него произвели участники заговора, с которыми он был в заключении.

Вайс сказал пренебрежительно:

— Самое жалкое.

Густав, не глядя на Вайса, заметил:

— Штауфенберг, чтобы спасти от казни своих аресто-

ванных друзей, по собственной инициативе пытался совершить покушение на фюрера еще одиннадцатого июня.

— Скажите какое рыцарство! — усмехнулся Вайс.

— Оказывается, один генерал, будучи участником заговора, все время информировал о нем рейхсфюрера.

— Ну что ж, следовало бы зачислить этого генерала в штат гестапо.

— А он и не покидал своей секретной службы там. Между прочим, Ганс Шпейдель, начальник штаба фельдмаршала Роммеля, также донес на своего начальника.

— Но Роммель, кажется, погиб в автомобильной катастрофе?

— Да, так, — согласился Густав, — и, очевидно, для того, чтобы он не страдал от ранений, полученных в этой катастрофе, кто-то из сотрудников предложил ему принять яд, что он и сделал.

— Герой Африки — и такой бесславный конец!

— Когда-то он был любимцем фюрера... — напомнил Густав.

Вайс, пытливо глядя ему в глаза, спросил:

— Очевидно, вы хотели услышать мое мнение не о Роммеле?

— Разумеется, не о Роммеле, а о тех, — мотнул головой Густав.

— В сущности, — твердо сказал Вайс, — насколько я понял из их разговоров, руководители заговора приняли решение капитулировать перед Западом, с тем чтобы потом начать наступление на Восточном фронте. Это был чисто военно-политический маневр — и только. И хоть они покушались на жизнь фюрера, дух его они впоследствии хотели воскресить во всем величии.

— В чьем лице?

— Я полагаю, в лице нового фюрера. Но, — иронически заметил Вайс, — Геббельс точно определил этот заговор как «телефонный».

Густав помолчал, потом порекомендовал дружески:

— Если к вам с таким же вопросом обратится наш шеф, я полагаю, ваши ответы в этом духе могут удовлетворить его. Они смелы, неглупы и свидетельствуют о вашей проницательности.

— Благодарю, — кивнул Вайс.

Густав улыбнулся.

— Разрешите вручить вам секретный пакет. Распиши-

тес на конверте и не забудьте, кроме даты, точно указать время.

Когда Густав ушел и Иоганн вскрыл пакет, он увидел тот самый документ, который некогда, во время первой их встречи, показал ему Вальтер Шелленберг. Только теперь на удостоверении была наклеена его фотография.

64

Вскоре Вайс вновь выехал в Швейцарию. На этот раз в его подчинении была группа, состоявшая из трех человек.

Его обязанности заключались в том, чтобы встречать и расселять прибывающих в Швейцарию людей и устанавливать, не ведется ли за ними наблюдение. Кроме того, он должен был принимать курьеров из Берлина и отправлять их обратно, а также осматривать запломбированные портфели-сейфы из стальной сетки, прежде чем вручить их курьерам или получить от курьеров.

Если документы были чрезвычайной важности, в эти портфели-сейфы помещалась плоская портативная мина с часовым механизмом. В том случае, если бы курьер задержался в пути, мина, сработав, уничтожила бы и документы и курьера.

Получив такой портфель, Вайс должен был вскрыть потайной кармашек на стальной сетке, в котором хранилась мина, и ключом определенной конфигурации остановить часовой механизм. После этого он передавал портфель кому следовало. Когда же он отправлял курьера, то заводил часовой механизм мины, но уже другим ключом.

Довольно быстро Иоганн разработал методику, позволявшую изымать из портфеля документы и фотографировать их. Однако он был вынужден на это время не останавливать часового механизма мины, хотя курьеры, доставлявшие портфель, частенько запаздывали и мина могла сработать, пока он занимался своим делом. Останавливать часовой механизм, прежде чем начать работу, было рискованно: при контрольном осмотре циферблата могло обнаружиться, что мину обезвредили до того, как вручить портфель тому, для кого он предназначался.

Для того чтобы получить возможность обрабатывать портфели-сейфы без особых помех, Вайс предложил своему начальству по СД вкладывать в определенное место порт-

феля крохотный кусочек фотопленки. В том случае, если портфель подвергся бы вскрытию, это можно было легко обнаружить, так как пленка оказалась бы засвеченной. Он придумал также ловушку-улику: из пульверизатора опылял сетку специальным, невидимым порошком. И если бы кто-нибудь прикоснулся к сетке, на ней остались бы отпечатки пальцев.

В Швейцарии Вайс вел жизнь сурового, требовательного к себе и людям педанта. Он был чрезвычайно исполнительен и настолько предан работе, настолько поглощен своим делом, что сотрудники невзлюбили его за нелюдимость, пуританизм и неумолимую взыскательность.

Дни, похожие один на другой, тянулись томительно медленно. Все это время гитлеровцы вели с англичанами и американцами переговоры о подписании соглашения. Даллес втайне от СССР вероломно договаривался с немцами о сепаратном мире. И почти в каждый из этих дней Вайс отсылал в Центр через связного фотопленки. Что на них запечатлено, он не знал: читать документы при фотографировании у него не было времени.

В тот день, когда по поручению советского правительства Народный комиссариат иностранных дел СССР указал в негодующем письме послу США, что «в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования, с одной стороны, и представителями английского и американского командования — с другой», — в тот день Вайс уже снова был в Берлине. Он не знал об этой ноте, как не знал и о содержании тех документов, фотокопии которых почти регулярно отсылал в Центр. И пребывание в Швейцарии он вспоминал потом как один из самых скучных и серых периодов своей жизни.

Неожиданно Вайс получил от Густава довольно странное указание. Он должен был обратиться к библиофилам и заняться поисками книг, рукописей, документов, касающихся деятельности тайных организаций, когда-либо существовавших в истории человечества. Надо было изучить буквально все, будь то средневековые рукописи о тайных монашеских орденах или современные американские издания о ку-клукс-клане, писания о карбонариях, иллюминатах, ирландских синфейнерах, масонах.

Это занятие оказалось не только не обременительным, но даже интересным и дало возможность познакомиться со многими собирателями редкостных фолиантов и старинных рукописей.

От хранителя берлинской университетской библиотеки Иоганн узнал, что уже в 1942 году, после поражения вермахта под Москвой, Гейдрих приказал повсюду изымать книги такого характера в свое личное пользование. Иоганн попросил хранителя составить список книг, переданных Гейдриху, и, если возможно, устно аннотировать их. Хранитель, обладавший отличной памятью, сделал это с изумительной точностью, тем более что некогда ему уже было поручено письменно изложить содержание таких книг, чтобы облегчить Гейдриху знакомство с ними.

Особенно одобрительно хранитель отозвался о японской литературе на эту тему, где описывались различные японские тайные организации. Иоганн вспомнил, что Гесс в свое время изучал в Японии деятельность разведывательных служб и написал о ней диссертацию, за которую получил ученую степень. Когда он сказал об этом хранителю, тот самодовольно заметил, что имел честь помогать Гессу в работе над диссертацией. Вайс щедро заплатил хранителю за отобранные в университетской библиотеке книги и рукописи и уговорил, чтобы тот оказал ему такую же помощь в работе, какую когда-то оказал Гессу.

Спустя некоторое время Вайс сообщил Густаву, что не только собрал указанные ему книги, но даже составил нечто вроде конспективной справки для пользования ими.

Густав тщательно ознакомился с объемистым исследованием и был поражен его обстоятельностью и предугаданной направленностью. И, очевидно, в поощрение за проделанную Вайсом работу, разрешил ему лично передать Вальтеру Шелленбергу все собранные материалы — книги, рукописи и аккуратно переплетенную библиографическую справку.

Когда Вайс приехал в Хоемлихен и сдал дежурному ящики с книгами и опечатанную папку со своей рукописью, ему приказали подождать.

Дежурный ненадолго вышел, потом вернулся, протянул открытую ладонь, потребовал:

— Ваше оружие! — И, приказав следовать за собой,

привел Вайса к озеру, а потом вытянул руку в сторону аллеи: — Идите прямо.

Иоганн пошел было в указанном направлении, как вдруг его остановил негромкий возглас:

— Стойте!

Под сенью огромных каштанов сидел на скамье Шелленберг, а рядом с ним — рейхсфюрер Гиммлер. На столе перед ними лежала раскрытая папка с рукописью Вайса.

Вайс вытянулся и доложил о себе рейхсфюреру.

Гиммлер сидел, разбросав руки на спинке скамьи и закинув ногу на ногу. Стекла очков ледяно блестели. Шея тонкая, с дряблой кожей, плечи узкие, и — что самое отвратительное — крохотные, женские руки с розовыми отшлифованными ногтями. Большой белый и жирный лоб, обрюзгшие, слабо свисающие щеки, петлистые уши.

Шелленберг показал глазами на рукопись:

— Рейхсфюрер одобрил вашу работу.

Вайс снова вытянулся, замер. Ах, если бы у него был пистолет! Лицо его стало бледным от отчаяния...

Наклонясь к рейхсфюреру, Шелленберг сказал, кивнув на Вайса:

— Вы только взгляните на него — и убедитесь, какой благоговейный трепет внушаете вы моим людям.

Гиммлер рассмеялся, но глаза его при этом не утратили мертвенного выражения. Он спросил неожиданно тонким голосом:

— Это вас должны были повесить?

— Да, мой фюрер.

Гиммлер, будто не заметив, что ему присвоили титул фюрера, чуть подавшись вперед, чтобы лучше разглядеть лицо Вайса, осведомился:

— И почему же вас не повесили? Вы ведь нарушили валютное законодательство империи.

— Виноват, мой фюрер, — сказал Вайс.

— Так вот, — сказал Гиммлер, — если вы дадите нам новый повод, мы вспомним об этом вашем преступлении, и тогда уж вам не миновать петли. — Обернулся к Шелленбергу, объяснил: — Я только тогда верю в преданность, когда она зиждется на страхе, — и махнул рукой.

Вайс отдал приветствие, повернулся, щелкнул каблуками и пошел по аллее к выходу, стараясь ступать твердо и четко.

Когда он вернулся на Бисмаркштрассе, поджидавший его Густав сообщил радостно:

— Поздравляю вас: вы произвели благоприятное впечатление на рейхсфюрера!

Еще раньше, когда Иоганн занимался поисками книг для Гиммлера, он неожиданно встретился с Хакке — бывшим радистом «штаба Вали». Хакке был в гестаповской форме. Он рассказал Иоганну, что в ночь на 23 ноября 1943 года, когда было разбомблено здание гестапо в Берлине, на Принц-Альбрехтштрассе, 8, он оказался там на третьем этаже, где располагался личный штаб Гиммлера, и только чудом уцелел.

В знак особого расположения к Вайсу за то, что тот в свое время выручил его, Хакке сообщил доверительно:

— Во время бомбежки все заботились только о том, как спасти свою шкуру. Горели важнейшие документы, но никто о них и не подумал.

— А вы? — спросил Вайс.

Хакке хитро подмигнул.

— После того, как меня тогда все предали, я поступил на службу безопасности. И в ту страшную ночь кое-что предпринял, чтобы обеспечить на дальнейшее свою личную безопасность. — Сказал злобно: — Теперь многие вот где у меня! — и показал сжатый кулак.

Вайс, делая вид, что не понял намека Хакке, заметил одобрительно:

— Конечно, теперь, когда вы работаете в гестапо, никто и ничто не может вам угрожать.

— Ясно, — согласился Хакке и тут же пригласил Вайса зайти к нему домой.

По всему видно было — здесь, в Берлине, Хакке сумел о себе позаботиться. Его комнату заполняли дорогие вещи. Возле дивана, накрытого пушистым ковром, Иоганн заметил несгораемый шкаф. Он почему-то не стоял, а лежал на полу, вниз дверцей, прикрытый спускающимся с дивана ковром.

Уходя, Вайс записал адрес и номер телефона Хакке. О себе он сказал, что в Берлин приехал на короткое время, в командировку.

Вечером Иоганн через тайник сообщил Зубову адрес Хакке и рекомендовал ему поинтересоваться содержимым

несгораемого шкафа, если дом, где тот живет, подвергнется бомбардировке и представится такая возможность.

В эти же дни Иоганн узнал о довольно странной операции, которая проводилась якобы по указанию Гиммлера. Агенты полиции получили несколько тысяч фотографий и картотеку примет неких безымянных людей. Их следовало обнаружить в Берлине в течение двух недель, но применять при этом оружие строжайше запрещалось. Несомненно, тут что-то крылось, и, по-видимому, важное, так как были мобилизованы все лучшие криминалисты.

Вайс зашел в дирекцию полиции и пожаловался, будто в число фотографий разыскиваемых людей по ошибке попала и карточка его агента, задержание которого весьма нежелательно.

Полицейский офицер предложил ему просмотреть все фотографии разыскиваемых, чтобы изъять этот снимок.

Перебирая пачки снимков, Вайс обнаружил среди них фотокарточки нескольких знакомых ему эсэсовцев и сотрудников гестапо, в том числе и Хакке. Закончив работу, он поблагодарил офицера за любезность и сказал, что фотографию своего агента, к сожалению, не мог найти. Но если будет задержан человек, который скажет, что его кличка «Лунатик», он просит полицейского офицера немедленно позвонить в гестапо. Иоганн укрепился в своей догадке о том, что назначение этой операции — тренировка лиц, отобранных для «вервольфа».

Возвращаясь из полиции, Вайс встретил на Кенигсallee штурмбанфюрера Клейна, начальника экспериментального концлагеря, который он некогда посетил вместе с Дитрихом. Узнав, что Вайс теперь служит в СД и стал офицером, Клейн захотел в свою очередь похвастаться собственными успехами. Он сообщил, что его вызвали в Берлин прочесть для видных сотрудников СС и гестапо цикл лекций о правилах поведения, нравах и обычаях заключенных в концлагерях. И что лекции на эти темы для такого же состава слушателей он уже прочел в других крупных городах.

— Вы, вероятно, делитесь также своим богатым опытом обращения с заключенными? — предположил Вайс.

— Нет, — ответил Клейн. — Моя тема строго ограничена: быт, нравы, обычаи, правила поведения заключенных. Особенности их взаимоотношений друг с другом. Приемы, к которым они прибегают для конспирации и укрывания

тех, кто подлежит ликвидации, а также некоторые особенности их терминологии.— Похлопал Вайса по плечу, сказал снисходительно:— Что касается вас, то, если вы будете продолжать подвиг наци в иных условиях, нет никаких оснований для беспокойства. Я уверен, вас не понадобится обучать, как следует вести себя с заключенными, чтобы удостоиться их доверия.— Рассмеялся.— Вы меня поняли?

— Вполне.— И Вайс добавил внушительно:— Надеюсь, вас не очень удивит, если я скажу, что меня больше интересует движение Сопротивления. Но оказаться среди подпольщиков значительно труднее, чем быть принятым за своего в концлагере.

— Несомненно,— согласился Клейн.— Но эти вопросы вне моей компетенции. Лекции на эту тему для того же контингента слушателей читают другие.

— Вы не помните, кто?

Клейн поморщился.

— Кажется, из бывших социал-демократов, типа Гаубаха. Находясь в рядах заговорщиков, покушавшихся на жизнь фюрера, он считал своим долгом информировать обо всем гестапо.— Добавил презрительно:— Один такой был у меня в лагере осведомителем. И, представьте, после Сталинграда я получил указание выпустить его, но потом его снова вернули, причем приказали содержать в исключительно привилегированных условиях.— Спросил озлобленно:— Неужели такие вот еще рассчитывают выплыть на политическую арену?

— В качестве лягушки, перевозящей на спине скорпиона.

— Вы умница,— рассмеялся Клейн.— И как только мы переплывем на западный берег, мы их всех утопим.

— Несомненно,— согласился Вайс.

Генрих во время встречи с Иоганном рассказал, что его дядя превратился сейчас в типичного хозяйственника: заготавливает в огромных количествах продукты питания, способные долго сохраняться, а также самую разнообразную штатскую одежду, вплоть до рабочей. И, очевидно пытаясь скрыть свою обиду на то, что ему поручили столь непривлекательную работу, делает вид, будто у него задание особой секретности и важности.

Вайс спросил:

— Что же, все это хранится на каком-нибудь определенном складе?

— Да нет, — сказал Генрих, — вывозят в какие-то селения, которых даже нет на карте, или в такие места, где, по моему, и селений никаких нет. Да, еще что интересно, — Генрих усмехнулся, — в свое время закрыли все кустарные предприятия, изготовлявшие игрушки, вечные ручки и всякие там предметы домашнего обихода. А теперь, представь, они снова работают, но режим на них такой же секретности, как на военных заводах.

— А ты не видел у дяди изделий таких предприятий?

— Он держит образцы в несгораемом шкафу.

— Да, — протянул Иоганн, — это в самом деле интересно. — Сказал озабоченно: — Если тебе, Генрих, не удастся записать названия всех пунктов, куда Вилли направляет снаряжение, надо будет постараться сфотографировать карту, на которой эти пункты помечены. И как это ни трудно, но необходимо добыть один из образцов таких секретных изделий. Но будь осторожен, Генрих, когда возьмешь в руки подобную игрушку.

— Почему?

— Я думаю, они обладают способностью взрываться, — серьезно заметил Иоганн. — Фашистские летчики уже разбрасывали такие вещички над советскими городами, и дети, подбирая их, гибли от взрывов.

— Хорошо, — согласился Генрих, — допустим. Ну, а зачем тебе карта размещения складов? Их же, по моему, сотни. Может, лучше узнать, где находится базовый склад?

— Ни продукты питания, ни запасы одежды — каково бы ни было их количество — сейчас не имеют никакого значения. Главное — установить, для кого и для чего они предназначены. Зная пункты, мы сможем это выяснить.

— Мы с тобой? — удивился Генрих. — Да для того, чтобы только объездить их, и полугода не хватит!

Вайс улыбнулся.

— Мы — это Советская Армия. У нее найдется и время и люди, чтобы все это сделать.

— Ну, знаешь, собирать такие трофеи!.. — возмутился Генрих.

— Не собирать трофеев, а выявлять тех, для кого предназначаются склады, — сказал Иоганн.

Он все больше утверждался в правильности своих

подозрений, возникших у него с того момента, когда Густав поручил ему собрать для самого рейхсфюрера книги на определенную тему.

И он правильно понял намеки Гиммлера, пригрозившего повесить его, если об этом станет известно кому-либо, кроме тех, кто выполнял поручения того же характера.

Как-то Иоганн позвонил Хакке по телефону.

Тот просто завопил от восторга, что Вайс снова вспомнил о нем. И настоял, чтобы Иоганн сейчас же приехал к нему.

— Куча роскошных новостей! — кричал Хакке в трубку. — Прошу вас, приезжайте немедленно! — Было слышно, как, стоя у телефона, он топал ногой от нетерпения.

Советская Армия вела мощное наступление на территории рейха. И в такое время вдруг ликующий нацист — на это уникальное зрелище стоило подивиться.

Хакке встретил Иоганна в ситцевом фартуке, надетом поверх гестаповского мундира.

Он приготовил ужин, проявив незаурядные кулинарные способности. На столе стояло несколько бутылок дорогого вина, только что откупоренных, — в знак уважения к высокому гостю.

Хакке принял в обе руки фуражку Вайса и бережно, как драгоценность, положил ее на сервант.

Сказал, хитровато щурясь:

— Недавно вы были обер-лейтенантом, а теперь уже капитан — гаунтшарфюрер. А Хакке — он кто? — Показал вытянутый мизинец, усмехнулся. — Но, знаете, мой дорогой, чем выше пост занимает человек, тем меньше он знает и видит. А мы, мелюзга, повсюду, и, встречаясь, усиками пошевелим, как муравьи, и готово, всесторонний обмен информацией. — Произнес уважительно: — Я знаю подробности всех ваших злоключений и горжусь вашей стойкостью. Наш шеф господин Мюллер сказал, что таких людей, как вы, надо хоронить в мраморном мавзолее.

— Но почему же хоронить? — спросил Вайс.

— А как же! — удивился Хакке. — Мюллер мечтал повесить вас, чтобы насолить Шелленбергу: он его не любит. Да и за что любить? Подумаешь, магистр юридических наук! Кормили его эти науки! С тысяча девятьсот тридцать четвертого года — шпик СД в рейнских университетах.

— Неплохая практика работы с интеллигенцией, — заметил Вайс.

— Знаю! — всплеснул руками Хакке. — Знаю! Вы готовы жизнь отдать за своего шефа. Но, уверяю вас, служба в гестапо имеет свои особые преимущества.

— Какие же? — поинтересовался Вайс.

— В политической заграничной разведке много университетской публики. А вот в гестапо образованный человек — фигура. Он сумеет не только, как все мы, выбить кулаком мозги, но и вложить вместо них подследственному такое, что тот был бы рад, если бы его поскорее повесили.

— Не понимаю, каким образом?

— Ну как же! Вот, к примеру, штурмфюрер Крейн. Был профессором Боннского университета. Образованный человек. Обработывали мы одного журналиста. Кожа клочьями, но ничего, молчит. Крейн приказал его выпустить. Показался этот журналист своим знакомым в Берлине, все узнали, что он на свободе, а потом мы тихонечко снова его взяли. И штурмфюрер собственноручно написал несколько статей и опубликовал за его подписью. Но только в нашем духе. Узнал журналист — сам в камере повесился. Вот это мина! Но чтоб такую мину подложить, нужна культура. Так что вы подумайте, — многозначительно сказал Хакке. Помолчал, добавил внушительно: — Вот доктор Лангбен был тайным эмиссаром Гимmlера в секретных переговорах с Даллесом. А мы, гестаповцы, раз — и арестовали его, когда он вернулся из Швейцарии в Германию. И что же? Рейхсфюрер не захотел из-за него раскрывать свои интимные секреты. Повесили. — Вдохнул. — В политической заграничной разведке служить — все равно, что блох у волка вычесывать. А в гестапо сейчас колоссальные перспективы. — Наклонился, сообщил значительным тоном: — Имею точные сведения: множество руководящих деятелей СС зачислено сейчас в списки участников заговора против фюрера. А еще больше заведено следственных дел на крупнейших функционеров партии. Их имена даже стали известны англичанам и американцам. Сам по радио слышал — восхваляли их союзники за борьбу с Гитлером.

— И что же, все они уже арестованы?

— Нет.

— Скрылись?

Хакке поежился.

— Нет.

— Странно, — удивился Вайс. — Политические преступники — и на свободе?

Лицо Хакке вдруг стало хмурым, озабоченным. Он сказал неуверенно:

— Правильно. Тут что-то не то. — Признался озлобленно: — А я-то ликовал, пускал пузыри, надеялся: возьмут их — и откроется перспектива занять место повыше. — Стукнул себя кулаком по толстому колену и, морщась от боли, воскликнул: — А я-то, я-то думал: пойду теперь вверх по лесенке! А они что же? Выходит, начальники себе убежище подготавливают. Участники Соппротивления! А меня, старого нациста, под ноги бросят!

Лицо Хакке стало багровым, потным, яростным, глаза, казалось, вылезли из орбит. Он потерял всякую власть над собой и, склонившись к Вайсу, истощенно, неудержимо говорил, захлебываясь словами, как в горячечном бреду:

— Все, картина ясная! Лейнера знаете? Хоронили недавно с необычайной пышностью: венки от партии, от СД и СС, от имперского руководства. Речи. С женой и детьми истерика. В тот же вечер я к ним на виллу пришел с визитом — выразить соболезнование. Сидят ужинают. На лицах такое спокойствие, будто ничего и не произошло. В столовой сигарой пахнет, окурки в пепельнице дымится. А у них в семье, кроме самого Лейнера, никто и не курил.

— Уверяю вас, вам это показалось.

— Нет! — еще больше распаляясь от недоверия Вайса к его словам, возразил Хакке. — Нет, не показалось! За одну эту неделю восемь таких скоропостижных смертей! И все покойники накануне своей внезапной кончины почему-то аккуратно сдали ключи от служебных сейфов тем, кто потом их заменил. Это откуда же такая предусмотрительность?

— Вы стали болезненно мнительны, Хакке, — насмешливо упрямил его Вайс.

Насмешка обожгла Хакке.

— Нет, — сказал он, — я всегда хладнокровен. Только сейчас я вне себя. Вот, слушайте. В расово-политическом управлении партии была заведена картотека на самых чистейших арийцев, элиту нации. Профессора неоднократно вымеряли их циркулями и всю их родословную расписали. А теперь карточки сменили. И знаете, кем они числятся? Они записаны как евреи. А?! Как евреи! Это зачем же? Из концентрационного лагеря для евреев в Блехамере привезли в партийную канцелярию документы, одежду

с красными крестами на спинах и желтыми полосами. И столько комплектов в брезентовых мешках привезли, сколько в картотеке вместо лучших наци стало числиться евреев.

— Ну, знаете,— сказал Вайс,— это же трусы, чтобы спасти свою шкуру, они на все идут.

— Да,— согласился Хакке,— на все. Сейчас осудили и пригворили к казни с десятка самых надежных из тех, кого я знаю. Пришел я на службу, стал их поносить — ну, как изменников. А мой начальник приказал мне заткнуться. Потом я двух этих «покойничков» в госпитале эсэсовском встретил в Ванзее — гуляют по парку в пижамах. Один только бороду отращивает, а у другого вся рожа забинтована после пластической операции.

Вайс закинул ногу на ногу, сказал пренебрежительно:

— Вы наивны, Хакке. И, в сущности, не только недостаточно осведомлены, но, к сожалению, ваша горячность подтверждает, что на службе вам не доверяют. Вот и все.

— И вы обо всем этом знаете? — изумился Хакке.

— Конечно,— утвердительно кивнул Вайс.— И все это делается в интересах будущего империи.

Хакке налил себе вина, выпил залпом, вытер тыльной стороной ладони губы. Глаза его смотрели тревожно.

— Я, кажется, наговорил лишнего?

— Отнюдь,— сказал Вайс.— Я слушал вас с большим интересом. И извлек пользу для себя, а значит, и для моей службы.— Потянулся, заложил руки на затылок, пояснил:— Ведь нам тоже, возможно, придется применять меры для маскировки. И кое-чем из вашей информации мы, конечно, воспользуемся. Вы не возражаете?

— Только не упоминайте источника! — испуганно взмолился Хакке.— Ради бога!

— Хорошо,— согласился Вайс,— это я могу вам обещать. Но услуга за услугу: вы мне поможете составить записку по этому вопросу, и я в порядке личной инициативы представлю ее моему руководству. А то, я полагаю,— он усмехнулся,— герр Мюллер, перенеся свою неприязнь к моему шефу на область служебных отношений, неполно ознакомит его с опытом гестапо в этом направлении. И если вы окажете мне существенную помощь, то, понятно, и я смогу быть вам полезным. Помните: у нас, заграничной службы, есть кое-какие контакты с западными разведками.

— Я знаю,— уныло сказал Хакке.

— Ну, тем более. Следовательно, если мы соответствующим образом аттестуем вас перед ними, вам не придется отращивать бороду.

— Мне кажется,— неуверенно заметил Хакке,— в гестапо меня все-таки ценят. По приказанию начальства я теперь ежедневно читаю в канцелярии различную марксистскую литературу, изучаю листовки, выпущенные подпольщиками...

— Вас хотят сунуть к ним?

— Возможно,— сказал Хакке.— Но мне бы не хотелось.

— Почему?

— Как бы я ни крикал цитатами, коммунисты сразу поймут, что я подсадная утка. Кого мы только не совали в камеры, все до одного прогорали в первые же дни.— В голосе его послышалась зависть: — Я слышал, в Швейцарии недавно откупили много коек в туберкулезных санаториях и кое-кого из наших отвозят туда в санитарных вагонах, а потом на носилках вносят в здание. Но везет, конечно, тем, кто занимал большое положение.— Вздохнул.— В крайнем случае я бы пошел в псевдопартизанский отряд, мы их сейчас формируем на территории Голландии, Бельгии, Дании. А потом, как участник Сопротивления, остался бы там до лучших времен...

— Вы фантазер,— прервал его Вайс.— А на какие средства вы будете жить?

Хакке усмехнулся.

— В этих странах есть достаточно состоятельных людей, которые поддерживали нацистов. Изредка я буду напоминать им об этом. Очень деликатно, в пределах суммы, необходимой для самого скромного образа жизни.

— Ну что же, это разумно,— сказал Вайс.— Однако, я вижу, вы основательно подготавливаете свое будущее.

— Как и все,— согласился Хакке.

— Но откуда вы получаете столь разносторонние сведения?

— Я же сказал: маленькие люди работают за больших людей. Телефонисты в службе подслушивания, шифровальщики, канцеляристы, порученцы, адъютанты, рядовые сотрудники — все мы делимся тем, что знаем о своих хозяевах. Они никогда ни о чем не говорят с нами, но часто беседуют друг с другом в нашем присутствии. Ведь для них все мы болваны — и только. На нас можно не обращать

внимания. Но не все из нас болваны.— Хакке подумал немного.— Вот Карл Лангебен. Он работал на Гиммлера, на Канариса и на американскую разведку. И все ему хорошо платили.

— Но его повесили,— напомнил Вайс.

— Повесили его вовсе не за это,— мрачно возразил Хакке.

— А за что же?

— Лангебен знал о связях Канариса с английской разведкой, и, когда его арестовало гестапо, Гиммлер не хотел, чтобы он проболтался об этом. А ведь Лангебен был лучшим агентом Гиммлера в его тайных переговорах с американцами. Но если бы он проболтался о Канарисе, англичане перестали бы относиться к Гиммлеру с прежним благожелательством. Говорят, они только потому помогли чехословацким партизанам убить Гейдриха, что он готовился разоблачить Канариса как английского агента.

— А разве Канарис был английским агентом?

— Он поддерживал самые дружеские отношения с английской разведкой. Делился с ней добытой через своих агентов информацией о Советской Армии, так как всегда стремился, чтобы англичане стали нашими союзниками в войне против России.

— Так почему же арестовали Канариса — за связи с английской разведкой или за то, что он был причастен к заговору против Гитлера?

— Рейхсфюрер еще раньше знал все о Канарисе.

— Так. Но почему же его сейчас не приговорили к казни?

— Да ведь ему известно, что рейхсфюрер все знал о нем,— наверно, поэтому. И до тех пор, пока он будет молчать, он может пользоваться всеми удобствами, предоставляемыми привилегированным заключенным. Вообще,— сказал Хакке,— в последнее время старик стал уже совсем бесполезным. Хеттль говорил, что стремление Канариса всегда быть на ногах и в действии превратилось со временем в какую-то одержимость. Канарис не мог усидеть на месте, и, по мере того как старел, страсть к путешествиям овладевала им все сильнее. Он думал о путешествиях и совсем перестал интересоваться человеческими взаимоотношениями. Но двадцатого июля, когда совершилось покушение на Гитлера, он был дома. Весь этот день он просидел на своей вилле под Берлином и не покинул ее

даже для того, чтобы посетить штаб заговора на Бендлерштрассе.

— Обеспечивал себе алиби?

— Да, чтобы вывернуться, как он всегда умел выворачиваться. Но не на сей раз. Теперь рейхсфюрер достиг того, к чему так неуклонно стремился: все службы абвера влились в СД. И если бы Канарис в свое время не разгласил повсюду, что Гиммлер был некогда псаломщиком, возможно, тот его помиловал бы и даже сохранил на службе в качестве консультанта по английской разведке.

— Однако вы высказываете довольно-таки резкие суждения, — улыбнулся Вайс.

— Мы, старые наци, очень обеспокоены тем, что некоторые лидеры империи, ведя переговоры с англичанами и американцами, согласились распустить национал-социалистскую партию. Только фюрер, который через князя Гогенлоэ тоже предложил западным державам свои условия сепаратного мира, не идет на это. Поэтому мы до последнего останемся верны фюреру. Партия будет жить, пока существует империя! — торжественно объявил Хакке.

— Но ведь Гиммлер уже давно говорил о возможности военного поражения...

— Да, я знаю об этом. Но если удастся сохранить нас, старых наци, мы сделаем все, чтобы империя вновь возродилась из пепла. Ведь даже сам Даллес настаивал, чтобы в новом составе германского правительства пост имперского комиссара на правах министра по борьбе с хаосом и беспорядками получил его агент Гизевиус, поскольку он имеет опыт работы в гестапо.

— Значит, еще не все надежды утрачены?

— Нет, — сказал Хакке. — Но только мне очень неприятно, что десятки тысяч наших переходят на нелегальное положение в более благоприятных условиях, чем я. Меня хотят сунуть к коммунистам. И знаете, зачем? Чтобы потом я, как участник Сопротивления, мог дезориентировать оккупационные власти, спровоцировать их на аресты тех, кто действительно участвовал в движении Сопротивления. А мне уже за пятьдесят. Я не мальчишка. Не та голова. Не то воображение.

— Послушайте, — спросил Вайс, — почему вы вначале делали вид, будто вам неведомы пути, по которым мы переходим на особое положение?

— Почему? — буркнул Хакке. — Да потому, что я все-таки рассчитываю занять место одного из тех, кто сейчас уходит в подполье. Хочу, чтобы последняя моя должность в гестапо была выше той, которую я сейчас занимаю. Думаю, что на это у меня хватит времени, прежде чем и меня бросят в подполье. И мне интересно было проверить на вас, сколько мне еще следует продержаться на поверхности. Я очень уважаю и ценю ваш ум, капитан Вайс.

— Однако вы притворщик, — пожурил Иоганн.

— Вы тоже. — И Хакке погрозил Иоганну пальцем. — Задавали всякие наводящие вопросы, хотя осведомлены гораздо лучше, чем я.

— Привычка, — не смутился Вайс.

— Должно быть, так. — Хакке озабоченно наморщил лоб. — Вы знаете, на нашей службе человек может внезапно исчезнуть. Особенно в том случае, если он знает что-нибудь лишнее.

Вайс кивнул.

— Но у меня есть гарантии. Они тут, — Хакке отвернул ковер и постучал костяшками пальцев по металлическому днищу несгораемого шкафа. Помолчал, поднял глаза на Вайса. — Вы единственный человек, которому я могу доверить свою жизнь. Завтра меня должен принять Мюллер. Я знаю, на что иду, но все же рискну. Потом поздно будет. Если он даст мне то, что я хочу, — а я буду требовать звание штурмбанфюрера, — тогда все в порядке. Если же нет, считайте: старика Хакке больше не существует. Вот вам ключ. Не ранее чем через два дня заберете все из этого шкафа и передадите Шелленбергу. — Наклонился, прошептал: — Здесь бумаги Гейдриха, и среди них копия досье на самого фюрера, а также на ряд высокопоставленных людей империи. Шелленберг доложит обо всем фюреру, ну, и полетят головы, в том числе и голова Мюллера.

— Вы стащили эти бумаги в гестапо во время бомбежки?

— Я только сохранил их, — гордо поправил Хакке, — сохранил, чтобы они не достались в руки какому-нибудь прохвосту.

— И, кроме этих досье, в шкафу ничего нет?

— Конечно, есть, — сказал Хакке. — Здесь спрессованы все нечистоты. Вы понимаете, как с их помощью можно держать за горло руководителей империи?

Вайс отстранил от себя руку Хакке, сжимавшую ключ.

— Напрасно вы тревожитесь. Я уверен — завтра вы получите звание штурмбанфюрера.

И, как Хакке ни упрашивал, Вайс не согласился взять у него ключ. И на прощание Хакке вынужден был признать:

— А вы, Вайс, действительно кристальной чистоты человек. Только не понимаю, на какого черта вам это нужно?

Когда на следующий вечер Иоганн позвонил ему по телефону, он услышал властный голос:

— Штурмбанфюрер Хакке слушает!

Новоиспеченный штурмбанфюрер упросил Вайса снова прийти к нему: хотел показаться в только что полученном мундире. И, желая продемонстрировать перед Вайсом, какие перспективы безграничной власти открылись перед ним, привез его к себе в канцелярию и там выслушивал при нем доклады подчиненных. Это дало Иоганну возможность получить более отчетливое представление о гигантском размахе подготовки крупных гестаповцев к переходу в подполье.

А спустя несколько дней во всех берлинских газетах был опубликован некролог по случаю безвременной кончины штурмбанфюрера Хакке. На похороны прибыли видные чины секретных служб империи. И старые нацисты, среди которых было немало награжденных золотыми партийными значками, на своих плечах вынесли гроб, поставили его на катафалк и накрыли флагом со свастикой.

Возможно, гроб был набит землей, а в это время сам Хакке, сменив мундир на штатскую одежду, уже только в качестве рядового пассажира «Люфтганзы» перекочевывал в нейтральную страну. А возможно, в гробу действительно лежало тело Хакке. Все-таки не в правилах Мюллера было прощать подчиненным такие выходки, какую позволил себе Хакке, столь настойчиво потребовав повышения по службе.

Что же касается хранившихся у Хакке досье, то они теперь ни для кого не представляли интереса. Ни один из руководителей империи не мог использовать этот концентрат подлости и мерзости во вред другим: было уже поздно. Оставались считанные секунды исторического времени до той поры, когда советские артиллерийские орудия должны были пробить последний, двенадцатый час существования фашистского рейха.

Физиономии рядовых сотрудников политической заграничной разведки СД приобрели какое-то странное выражение: такие лица Йоганн видел у людей с ослабленной после длительной болезни памятью.

Прежде всех их отличали равнодушная отчужденность, неразговорчивость, холодная, чопорная вежливость, — все это давало возможность, общаясь друг с другом, избегать разговоров на сколько-нибудь существенные темы. Теперь они стали суетливы и бесцеремонно, с жадным любопытством расспрашивали о «новостях» — таков был псевдоним военной сводки. И у каждого в глазах замерло еле сдерживаемое отчаяние: не оставят ли его до последних секунд перед наступлением двенадцатого часа здесь, на Бисмаркштрассе?

Крупные же агенты-зарубежники, напротив, сохраняли достойное спокойствие. Им легко было соблюдать спокойствие: все они уготовили себе в западных странах благоустроенные «норы» и знали, что могут переждать, отсидеться в них до лучших времен, регулярно получая из банка такие же суммы, какие получали всегда в соответствии со своими заслугами и положением, занимаемым в разведке.

Вайс подметил, что почти все крупные немецкие резиденты, прибыв в Берлин из той или иной западной страны, где они работали, меньше всего времени уделяли составлению отчетов. В основном они занимались устройством дел своих начальников. По-видимому, их обязали обеспечить все удобства для проживания руководителей германской разведки в тех странах, где резиденты уже прочно акклиматизировались.

Шелленберг уехал в Швецию.

Густав вызвал к себе пять молодых офицеров, в том числе Вайса, и представил им человека атлетического сложения, но уже пожилого, плешивого, с лицом, изможденным глубокими шрамами и морщинами:

— Можете называть его Польш.

Теперь по утрам они впятером регулярно выезжали вместе с Полем в Груневальдский лес на тренировку. Польш обучал их всевозможным способам убийства: применяли холодное оружие, различные подсобные средства — кусок проволоки, бутылочное горлышко. Учились обходиться и одними голыми руками.

Поль сказал, что по приказанию рейхсфюрера он обучает этим же приемам высших чинов службы, но только на дому у каждого.

В связи с отсутствием Шелленберга у Иоганна было больше свободного времени, и он смог написать обстоятельную информацию в Центр. Зашифровав, переправил ее профессору Штутгофу через обусловленный между ними тайник.

Тем временем Генрих выяснил, в каких пунктах размещены секретные склады, снабжением которых занимался Вилли Шварцкопф. Но когда Иоганн сверил названия этих пунктов с картой, их на ней не оказалось. По-видимому, все эти названия были вымышлены или закодированы и расшифровать их без ключа не представлялось возможным.

Генрих, услышав об этом, встревожился:

— Значит, дядя мне не доверяет.

— Не горячись,— сказал Вайс.— Возможно, система конспирации такова, что о местоположении того или иного склада известно только старшему той группы, которая будет базироваться именно в этом пункте.

— Едва ли,— усомнился Генрих.— Тогда зачем Вилли хранит карту на внутренней дверце особого, плоского несгораемого шкафа? Я однажды вошел к нему в кабинет, когда он делал пометки на этой карте, но он сразу же захлопнул дверцу.

— А что еще в этом шкафу?

— Ничего, только карта. Очевидно, шкаф специально предназначен для хранения секретных карт. В кабинете было темно, но карту освещал рефлектор, находящийся внутри шкафа.

— И дядя никогда при тебе не открывал этот шкаф?

— Никогда.

— Ну что ж, возможно, ты прав,— рассудил Иоганн.

— Я понимаю, как это важно! — горячо сказал Генрих.— И сделаю все, чтобы достать карту.

— Каким же образом?

Генрих пожал плечами.

— В конце концов, он убил моего отца и когда-нибудь должен ответить за это.

— Не тебе.

— А кому?

— Советским людям за убийство советского человека.

— А я кто? — спросил Генрих.— Фашист?

— Ну, не сердись,— Иоганн положил руку на его плечо.— Не надо, Генрих. Не надо тебе этого делать.

— Сейчас?

— Вообще никогда.

— Ну, знаешь! — возмутился Генрих и сбросил руку Иоганна со своего плеча.

— Я не хочу, чтобы ты из мести пачкал себя кровью. Не хочу.

Генрих намеревался возразить, но Иоганн, вынув из кармана карандаш и бумагу, остановил его:

— Ты же инженер, верно?

— Ну, почти.

— Смотри — вот схема. Когда шкаф открывается, зажигается рефлектор. Дверца шкафа, нажимая на контакты от провода к замаскированному фотоаппарату, соединяет их, срабатывает автоматический затвор — и готов снимок.

— Дядиной спины,— усмехнулся Генрих.

— Ну а если допустить, что дядя в этот момент не будет стоять у шкафа?

— Что ж, возможно... Не представляю только, где установить фотоаппарат.

— А ты подумай.

— Но ведь дядя откроет шкаф только тогда, когда ему понадобится взглянуть на карту.

— Это мы уж знаем. Но можно отозвать его в этот момент.

— Каким же образом?

— Очень просто — телефонным звонком.

— Но прежде, чем подойти к телефону, он закроет дверцу — и все. И потом, как узнать, когда именно нужно позвонить ему по телефону?

— Видишь ли,— сказал Иоганн,— все это можно объединить проводом в общую цепь, чтобы, допустим, через пять секунд после телефонного звонка опускался затвор фотоаппарата.

— А щелчок фотоаппарата?

— Можно высчитать, чтоб он был синхронен со вторым телефонным звонком. Ведь дядя, не услышав голоса, положит трубку, и новый звонок совпадет со щелчком камеры.

— Ну что ж,— неуверенно сказал Генрих,— можно попробовать.

— Где ты собираешься это сделать? — спросил Иоганн.

— Как где? Ну, в кабинете у дяди.

— Нет, — сказал Вайс. — Сначала ты эту конструкцию должен установить в своей комнате и хорошенько испытать ее, проверить, фотографируя корешки книг в книжном шкафу. И если при многих повторениях эксперимент удастся безотказно, только тогда можно будет нацелить все это оборудование на дядюшкин несгораемый шкаф.

— Все-таки я тебя не понимаю, — в голосе Генриха звучало раздражение. — Готовятся тайные склады, базируются на них, диверсанты будут убивать ваших солдат и офицеров даже тогда, когда гитлеровская Германия перестанет существовать. А ты относишься ко всему со странным хладнокровием.

— А что, ты считаешь, я должен делать?

— Нужно застрелить штурмбанфюрера и взять у него карту.

— Зачем?

— То есть как зачем? — изумился Генрих.

— Кому она понадобится, если Вилли Шварцкопф будет убит? Грош цена тогда этой карте независимо от того, заберем мы ее или только переснимем. За твоим дядей числится экземпляр карты. И, судя по конструкции шкафа, это самый секретный из всех документов, находящихся в его распоряжении. Значит, в случае подозрительного убийства Вилли склады, помеченные на карте, будут перебазированы.

— А если дать дяде сильную дозу снотворного и, когда он уснет, тихонько взять у него ключ от шкафа?

— Твой дядя — преданный служака, и, очнувшись, он сочтет своим долгом поступить, как и полагается в подобных случаях каждому, кто хранит у себя секретные документы. Немедленно доложит Гиммлеру, что по неясным причинам некоторое время находился в беспамятстве. Ну, и начнется расследование...

— Что ж, — со вздохом согласился Генрих, — придется продумать твою схему. — Добавил запальчиво: — Но я не уверен, что она так уж идеальна!

— Можешь довести ее до полного совершенства, уступаю тебе патент на нее... — И тут Иоганн смущенно замолчал, поняв, что допустил бестактность. Ведь он невольно напомнил о былых притязаниях Генриха на патенты, которые его отец получал за изобретения, разработанные на основе технических идей профессора Гольдблата.

Но Генрих или не обратил внимания на его слова, или не счел нужным обратить. Он был не только хорошо воспитанным человеком, но настолько чутко относился к Иоганну, что и без слов отлично улавливал малейшие оттенки в его настроении.

Как-то в комнате Иоганна раздался телефонный звонок. Это было удивительно: ведь он не знал номера своего телефона и, следовательно, никому не мог его сообщить. Пользоваться телефоном можно было только через внутренний коммутатор.

Сняв трубку, Иоганн услышал голос Лансдорфа. Тот просил навестить его и сказал, что уже послал за Иоганном.

Шофер долго гонял машину по окраинам Берлина, кружил по улицам и переулкам, а потом вернулся в район Ванзее и остановился у особняка, ходу до которого с Бисмаркштрассе было не больше пятнадцати минут.

Лансдорф встретил Вайса с дружеской простотой, как бы подчеркивающей, что нынешнее положение гостя ставит их почти на равную ногу.

Он похудел еще больше, лицо у него так высохло, что кожа, казалось, скрипела, когда он, как всегда, осторожно улыбался одними губами. Но в общем вид у него был бодрый и глаза не утратили холодного, испытующего выражения.

Лансдорф сказал, что приказ вывести абвер из подчинения генеральному штабу вермахта давно следовало ожидать. Ведь, по существу, деятельность абвера всегда находилась под контролем СД. Единовластие Гиммлера над всеми разведывательными службами только обеспечит их слияние в одну систему.

О себе он заметил с усмешкой, что в последнее время занимался кабинетной, научной работой: готовил для рейхсфюрера докладную, в которой изложил результаты своих исследований партизанского движения и системы подпольных организаций в оккупированных странах Европы. И хотя материалы, которыми Лансдорф располагал, оказались недостаточно полными, он все же пришел к выводу, что наиболее совершенных форм организации достигли советские партизаны, действующие в оккупированных районах.

Прикрыв глаза тугими белыми веками. Лансдорф пожевал губами и снова заговорил скучным тоном:

— Но, к сожалению, те, для кого предназначался мой доклад, даже сейчас, в трагические для Германии дни, настолько еще обуреваемы прусской самоуверенностью, что пренебрежительно отнеслись к высокой оценке, которую я дал этого рода деятельности русских. Должен, однако, признать, что она, по всей вероятности, для нас неприемлема. И не потому, что техника их организации имеет какую-то особую специфику. А потому главным образом, что русские опираются на сочувствие населения оккупированных районов. Они рассчитывают не столько на людей, профессионально подготовленных, сколько на широкие народные массы. Для нас же более подходят формы тайных заговорщических организаций, действующих в строжайшей изоляции от населения Германии, на поддержку которого они сейчас едва ли могут надеяться.

В тысяча девятьсот восемнадцатом году я руководил диверсионными подпольными группами, состоявшими главным образом из офицеров. И когда войска западных держав оккупировали Германию, мы сумели внушить им страх и уважение отлично организованными террористическими актами. Этот опыт, несомненно, приемлем в современных условиях, и в основном, я полагаю, на восточной территории нашей страны, которая в первую очередь будет оккупирована Советской Армией.

Что же касается иных форм, то мы будем придерживаться системы строжайшей децентрализации диверсионных групп, распылим их по всей территории Германии.

Рассчитывать на аппарат партии, ее функционеров, нам не приходится, так как Мартин Борман разработал свой особый план перевода этого контингента в подполье. Функционеры наденут личину пострадавших от фашизма и после длительной консервации начнут скрыто действовать в сфере политики, стремясь возродить нацистскую партию под тем или иным названием. Возможно, для этой цели им поручат проникнуть в какую-либо вновь созданную демократическую организацию, чтобы впоследствии полностью овладеть ею.

Словом, мы занимаемся здесь сейчас тем, чем некогда занимались в «штабе Вали», только обучаем не военнопленных, а немцев, главным образом из подразделений СС. Созданы специальные молодежные школы — «Адольф-Гитлершулен». Кстати, я считаю не лишенным остроумия, что эти школы мы разместили в старинных орденских замках и восстановили средневековый ритуал посвящения

в члены тайного ордена. Различные мистические аксессуары, клятва при свете факелов, загробный голос, оповещающий, что за измену делу члены организации казнят всех родственников ослушника, процедуры испытаний, пыток — все это очень полезно, так как разжигает воображение молодежи.

Вайс слушал и старался понять, для чего вся эта длинная лекция и какое отношение она имеет к нему самому.

— Кроме того, — продолжал своим тусклым голосом Лансдорф, — служба гестапо доставляет в «Адольф-Гитлершулен» людей, подлежащих изъятию. И курсанты не на условных, а на подлинных объектах практикуются в допросах с применением различных средств воздействия. А некоторых из этих доставленных выпускают в парк, якобы на прогулку, и тот или иной курсант самостоятельно разделяется с ним — молниеносно и бесшумно, но с таким расчетом, чтобы труп потом внушал ужас.

И, знаете ли, эти совсем молодые люди — от шестнадцати лет — весьма преуспевают.

Кстати, фрейлейн Ангелика Бюхер, ваша знакомая, зачислена по ее просьбе в такую школу. И хотя Ангелика — между нами, конечно, — истеричка, она уже стоит во главе женской пятерки. Им разрешили практику на военнопленных, работающих у окрестных фермеров. И, представьте, они орудуют так энергично, что фермеры скоро окажутся без рабочих рук. Я надеюсь, что столь же успешно они будут действовать, когда Германия подвергнется оккупации, — ведь теперешние их акции в отношении военнопленных впоследствии обяжут их поступать так же с немцами, которые захотят сотрудничать с оккупационными властями. — Закрыв глаза, произнес сонно: — Фюрер, мне передали, весьма благожелательно отзывался о наших слушателях. Он сказал: «В моих «Орденсбургах» вырастет молодежь, от которой мир в страхе отпрянет; неистово активная, властная, бесстрашная, жестокая молодежь — вот что мне нужно!»

Лансдорф помолчал, приоткрыл глаза и, строго глядя на Вайса, заметил:

— Естественно, что слушателей высших школ мы отбираем только из состава СС и гестапо. Это должны быть непревзойденные мастера. И когда Советская Армия превратится из действующей лишь в оккупационную и ее офицеры и солдаты начнут относиться к немецкому населе-

нию с тем простосердечием и добродушием, которые свойственны большевикам, убежденным, что классовые симпатии сильнее национальных антипатий, — вот тогда вся эта наша распыленная армия мести и начнет орудовать, внушая советским войскам ненависть к немцам. Естественно, советское командование примет соответствующие меры. Но никто из наших людей не пострадает: специальная агентура будет передавать советским оккупационным властям массовые списки немцев, якобы участвовавших в преступлениях. И на террор красных мы с еще большей силой ответим своим, черным террором.

Вайс, придав лицу кислое, унылое выражение, спросил:

— Собственно, вы так увлекательно обо всем рассказываете, что я подумал — уж не хотите ли вы снова сделать меня вашим сотрудником?

— Да, — сказал Лансдорф. — Именно. Ценя ваш опыт работы в абвере.

— Но я не собираюсь менять своей должности. Кроме того, мне кажется, — на всякий случай решил похвастаться Иоганн, — я пользуюсь расположением Шелленберга и...

— Я обо всем этом знаю, — перебил Лансдорф. — Но у меня есть возможность убедить Шелленберга, что ваша служба у нас более целесообразна.

— Хорошо. Я подумаю.

— Как долго?

— Это будет зависеть от вас, — развязно сказал Иоганн. Лансдорф вопросительно вскинул брови.

— Поскольку я не лишен права выбора, я хотел бы несколько обстоятельнее узнать, что вы мне предлагаете. Если это возможно, конечно.

— Я дам приказание майору Дитриху, и он, естественно, в соответствующих пределах, ознакомит вас с тем участком работы, который мы вам предлагаем.

— Дитрих здесь?! — воскликнул Иоганн. — И уже майор?! Рад был бы поздравить его.

— Вы сможете это сделать сейчас же. — Лансдорф нажал кнопку, приказал дежурному офицеру: — Попросите майора Дитриха.

Иоганн был даже не рад, а просто счастлив, что Дитрих оказался здесь. Он знал, как ему следует вести себя с Дитрихом и чем тот ему обязан.

И когда Дитрих вошел, Иоганн просиял улыбкой, но взгляд его сохранил жесткую, непреклонную требовательность.

Проведя Вайса в свой кабинет, Дитрих уселся рядом с ним на диван и сказал участливо, но с известной долей разочарования:

— До нас дошли слухи, что вас повесили.

— Не меня, а мне, — поправил Вайс и показал глазами на железный крест, украшавший его китель.

— Поздравляю, — скучным голосом процедил Дитрих.

— У вас уже есть опыт, — дружески сказал Вайс, — и вы знаете, что я умею хранить тайну ваших преступлений, как самую величайшую драгоценность.

— Не понимаю вашего шутливого тона! — возмутился Дитрих.

— Напрасно, — пожурил Вайс. — Просто я даю вам понять, что в моих глазах все это не имеет особого значения, да и, пожалуй, на общем фоне не выглядит уж столь вопиюще. Не правда ли? Сейчас люди, куда покрупнее, чем вы и я, готовы черт знает на что, лишь бы только спасти свою шкуру. Но мы-то с вами, какими бы мы там ни были, готовы жизнь отдать за фюрера, не правда ли? И в волчьих шкурах «вервольфа» мы будем продолжать борьбу, когда наши начальники благополучно эвакуируются в Испанию, Аргентину, Швейцарию, Мексику; не исключено, что им предоставят убежище и в США, не так ли? А в это время мы с вами будем сражаться, как одинокие волки.

— Да, — уныло согласился Дитрих. — Возможно... — И спросил, внезапно оживившись: — Вы, кажется, были «золотым курьером»? Перевозили ценности в швейцарский банк, обеспечивая благополучие и процветание высокопоставленным деятелям рейха на время их будущей эмиграции?

Иоганн, не ответив на вопрос, сказал соболезнующе:

— Когда Советская Армия вторглась в Восточную Пруссию, я вспомнил о вас, майор Дитрих. Ведь там поместье ваших родителей? Вас лишили собственности. Это ужасно!

У Дитриха печально повисли плечи.

— Да, — подтвердил он. — Кроме офицерской пенсии, меня ничего не ждет в будущем.

— А кто вам даст эту пенсию?

— Как кто? — удивился Дитрих. — Но ведь хоть какое-нибудь правительство в Германии будет, и уж оно не останется безучастным к судьбе офицеров, защищавших рейх на полях битв.

— Позвольте, — перебил Вайс, — но мы с вами не офи-

церы вермахта. Вряд ли принадлежность к нашего рода службе вызовет у нового правительства Германии желание оказывать нам поддержку.

— Не знаю... — растерянно развел руками Дитрих. — Я просто в отчаянии. Если бы наше поместье находилось не в зоне советской оккупации, тогда у меня оставалась бы хоть какая-нибудь надежда. — Помолчал, потом спросил: — Так вы в самом деле хотите покинуть Шелленберга и вернуться к Лансдорфу? — Он вздохнул завистливо. — Кадры заграничной разведки, несомненно, будут лучше обеспечены, чем мы, и в материальном отношении, и в смысле безопасности.

— Конечно, — сказал Вайс. — Мы будем получать пенсию из специальных фондов СД, хранящихся в банках нейтральных стран. Кроме того, нами, вероятно, заинтересуются коллеги из США и, став восприимчивыми нашего опыта, позаботятся о том, чтобы мы не испытывали лишений. Очевидно, вскоре все войска с Западного фронта будут переброшены на Восточный, и это сразу же создаст на Западе атмосферу сочувствия и даже доверия к нам — при условии, разумеется, полного контакта в действиях.

— Ах, все это я знаю! — досадливо поморщился Дитрих. — Даже армейские, уже не таясь, говорят о переброске войск. Но я не могу покинуть Лансдорфа. Остаться же с ним — значит, превратиться в рыцаря черного плаща и кинжала. А мне не пятнадцать лет, как этим юнцам из «Адольф-Гитлершулен». — Положил свою руку на руку Вайса. — Если бы мы с вами могли поменяться должностями, я был бы просто счастлив. Тем более что я отлично знаю Западную Европу и, несомненно, сумел бы оказаться полезным Шелленбергу.

— Ну, — пожал плечами Вайс, — специалистов по Западной Европе у нас более чем достаточно. Вот разве Советский Союз...

— Ну что вы! — горячо перебил Дитрих. — Я предпочитаю застрелиться.

— Может, восточноевропейские страны? Мы оставляем там большую сеть агентуры.

— Но ведь там же повсюду революционное брожение, — брезгливо заметил Дитрих. — Я, еще будучи кадетом, посещал эти страны, но тогда все в них выглядело почти прилично. Знаете, Иоганн, — с мольбой произнес Дитрих, — я готов на самое скромное положение, но в государ-

стве, где верхушка управляет народом, а не народ управляет страной. Я всегда найду общий язык с людьми любой нации, занимающими такое положение, какое занимал я. И воспитание, и образ мыслей роднят меня с ними.

— Ладно, — пообещал Вайс, — если представится возможность, постараюсь что-нибудь сделать для вас. А пока займемся предложением Лансдорфа. Попробуйте соблазнить меня вашей сферой деятельности. Если вам это удастся, не исключено, что я поменяюсь с вами местом. — Заявил патетически: — В конце концов, может, мне больше захочется умереть за фюрера на земле рейха, чем жить на положении эмигранта, например, в Южной Африке, куда мечтают попасть некоторые из наших. — Сказал с циничной откровенностью: — Ну, начнем торговлю. Что вы мне предлагаете?

— Вначале инспекцию.

— Чтоб накрыться во время бомбежек?

— Это исключено: пункты, в которых расположены школы, находятся вне поля зрения бомбардировочной авиации.

— Докажите!

— Как?

— Давайте карту.

— Но она абсолютно секретна.

— Черт с ней. Тогда — список. Я знаю Германию, пойму и без карты.

— Но это невозможно по тем же причинам.

— Ну, — Вайс встал, — тогда желаю вам успеха в вашем подвиге.

— Подождите, подождите, — уже сдаваясь, остановил Дитрих. — Хорошо, я ознакомлю вас со списком школ. — Открыл несгораемый шкаф, достал несколько липнувших к пальцам листов папиросной бумаги.

Вайс прочел:

«1) Орденский замок (Орденсбург) «Зонтлофей» в Альгой (Бавария).

2) Орденский замок «Бюлов» (Померания).

3) Орденский замок «Фогельзанг» около Гемюнд (Эйфель).

4) Замок «Поттербрут» около Санкт-Пельтен (Австрия).

5) Академия руководителей молодежи в Брауншвейге.

6) Школа партийных руководителей в Зальцбурге.

7) В Гризе.

8) Орденский замок «Крессинзее» около Фалькенбурга (Восточная Пруссия)».

Вайс медленно закурил, глубоко затянулся и, будто наслаждаясь сигаретой, откинулся на спинку дивана. Сейчас он напряженно работал — сосредоточенно запоминал названия школ. И небрежно возвратил список Дитриху, когда убедился, что они прочно закреплены в его памяти. Кстати, еще раньше, отбирая книги для Шелленберга, он предположил, что некоторые из этих орденских замков могут быть использованы как базы для тайных фашистских организаций.

— Собственно,— сказал Вайс,— на Бисмаркштрассе у нас более подробные сведения о вашей дислокации. Я очень сожалею, Дитрих, но, по-видимому, вы принимаете меня за офицера вермахта. Неужели вы не понимаете, что мы, сотрудники Шестого отдела СД, располагаем несравненно более серьезными сведениями о целях и усилиях фюрера, чем вы? — Объявил твердо: — Я должен иметь прочные гарантии, должен быть уверен, что вы не бросились в авантюру отчаяния, а занимаетесь действительно хорошо обдуманном и надежно обеспеченным делом, от которого может зависеть будущее новой великой Германии.— Добавил мягче: — Вы должны убедить меня в этом, хотя, чтобы вам было ясно, я не испытываю никаких сомнений в бессмертии тысячелетнего рейха.

— Вайс,— покорно сказал Дитрих,— но, пожалуйста, не сегодня.

— Почему же? Вы должны понять мою настойчивость. Сейчас, в дни, когда решается судьба Германии, каждый из нас решает и свою собственную судьбу. Возможно, вернувшись на Бисмаркштрассе, я получу задание и, как это бывало неоднократно, уже послезавтра окажусь в самой неожиданной для себя стране. И останусь там надолго. Поэтому, прежде чем уйти от вас, я попрощаюсь с вами, быть может, уже навсегда.

— Хорошо, Иоганн,— сказал Дитрих.— Мы поговорим, но сейчас я должен переложить некоторые бумаги из своего сейфа в личный сейф Лансдорфа. Вы не возражаете, если вам придется подождать?

— К вашим услугам,— сказал Вайс.

Открыв дверцы сейфов, Дитрих стал неторопливо перекладывать папки. Время от времени развязывал какую-нибудь из них и перечитывал содержащиеся в ней бумаги.

Вайс подошел к нему, встал рядом. Дитрих, будто не замечая, не спеша продолжал свою работу. Длилось это не очень долго. Закрыв дверцы сейфов, Дитрих обернулся к Вайсу:

— Так вы все еще ждете? Хотите, чтобы я вам еще что-нибудь предложил?

Вайс протянул ему руку.

— Благодарю, Дитрих. Вы, очевидно, правы: то, чем вы занимаетесь, весьма перспективно. Я позвоню вам завтра. — И поспешно покинул комнату.

Иоганн шел по улице, не видя ничего вокруг, не ощущая себя. Он был весь судорожно, иступленно напряжен. Это была нечеловеческая работа, самое настоящее истязание мозга. Требовалось восстановить в памяти содержание бумаг, которые перелистывал Дитрих.

Иоганн вошел в кафе, сел за угловой столик, вынул из кармана газету и, глядя хмельными глазами на кельнера, бросил:

— Хорошо! — Потом, словно проснувшись, добавил вяло: — Минеральной воды.

И когда кельнер вернулся, Иоганн только махнул рукой, продолжая делать какие-то пометки на страницах «Фолькише беобахтер», которую он, казалось, читал с жадным интересом. Потом, выпив воду, щедро оставил «на чай» и ушел, прихватив с собой газету.

Он впервые явился в салон массажа в непоказанное время. Приказал вызвать профессора Штутгофа и, когда тот появился в кабинете, начал возмущенно жаловаться на неловкость массажиста. Профессор попросил его успокоиться и пригласил к себе в кабинет. Вайс, закутавшись в простыню, держа в руке все ту же газету, последовал за профессором. И, не дав ему высказать возмущение столь недопустимым нарушением правил конспирации, приказал — да, именно приказал — взять бумагу и записывать то, что он сообщит.

Завернутый в простыню, он сидел в кресле с закрытыми глазами и, покачиваясь, как маньяк, диктовал и диктовал профессору, только изредка поглядывая на отметки, сделанные в газете.

Когда Иоганн кончил диктовать, его изможденное лицо покрылось потом.

Профессор дал ему выпить какую-то микстуру, сказал:

— Сейчас я отведу вас обратно в кабинет. Ложитесь на диван и спите. Спите во что бы то ни стало. Ваш мозг неве-

роятно переутомлен, необходим глубокий сон, иначе такое напряжение не может пройти бесследно. — Взял Иоганна за плечи, притянул к себе, поцеловал в лоб: — Умница, мой дорогой, умница.

Бережно провел по коридору, закрыл дверь кабины и повесил на ней табличку «Глубокий отдых! Не беспокоить!».

Вайс, как и было положено, доложил Густаву о встречах со своими бывшими сослуживцами по абверу. Тот заметил насмешливо:

— Адмирал Канарис хотел пришвартоваться к берегам Англии, и не удивительно, что кое-кто из его команды тоже испытывает тяготение к этой стране.

Иоганн знал, как коварен Дитрих. Вероятнее всего, он уже сообщил Лансдорфу, что ознакомил Вайса с некоторыми секретными материалами. Поэтому Вайс сказал Густаву пренебрежительно:

— Майор Дитрих, стремясь снова сделать меня своим сотрудником, решил похвастать товаром из их лавки.

— Ну и что? — спросил Густав.

— Придумали девиз: «Ненависть — наша заповедь, месть — наш боевой клич» — и собирают мальчишек под это знамя. Меня занятия такого рода не увлекают.

— Вы все-таки не теряйте связи со своими прежними сослуживцами, — посоветовал Густав. Добавил внушительно: — Рейхсфюрер не любил Канариса и, приняв экипаж адмирала под свою команду, едва ли исполнен доверия к его людям.

— Слушаюсь, — сказал Вайс.

В тот же день Лансдорф снова пригласил его к себе.

На этот раз он был мрачно настроен и крайне раздражителен. Мерил шагами комнату, потом вдруг остановился, топнул ногой, спросил:

— Вы знаете, что произошло в этом доме двадцатого января тысяча девятьсот сорок второго года?

Вайс отрицательно покачал головой.

— Представители высших органов власти приняли и утвердили здесь предложенный Гиммлером план уничтожения евреев. Были установлены точные цифры для каждой европейской страны, сумма которых составила свыше одиннадцати миллионов человек. Но уже с тысяча девятьсот тридцать третьего года Грейфельт, Эйхман, Глобке руководили массовыми умерщвлениями евреев.

Вайс испытующе посмотрел на Лансдорфа, проговорил спокойно:

— Главы правительств наших противников приняли на Ялтинской конференции обязательство наказать военных преступников.

— Вот именно. Вы правильно меня поняли, — сказал Лансдорф.

Вайс заметил ехидно:

— Но я не был в этом доме тогда и не живу в нем сейчас.

Лансдорф сощурился.

— Вас часто видели в Берне на улице Херренгассе. Там, кажется, расположена резиденция уполномоченного управления стратегической службы США Аллена Уэлша Даллеса?

— Возможно, за мной вели слежку агенты английской разведки, — парировал Вайс.

Лансдорф, будто не расслышав, продолжал задумчиво:

— Даллес раньше часто приезжал в Берлин, и некогда я был знаком с ним, а в тысяча девятьсот тридцать третьем году даже имел с ним длительную интимную беседу, когда фюрер пригласил его на обед. Юридическая контора Даллеса представляла в США интересы крупнейших германских монополий, и не исключено, что он и сейчас по-прежнему защищает их интересы. — Пожевал губами. — После этой войны Великобритании уже не вернуть прежней своей мощи. Она превратится в партнера США, и такого партнера, с которым не будут считаться.

— Возможно, — согласился Вайс, соображая, к чему клонит Лансдорф, друг и единомышленник Канариса. Несомненно, такая внезапная и явная переориентировка на США объяснялась страхом: Лансдорф боялся попасть в число военных преступников.

Голос Лансдорфа зазвучал строго, даже угрожающе:

— Дитрих сообщил мне, что вы воспользовались его оплошностью и проявили довольно подозрительный интерес к некоторым секретным документам. По инструкции я обязан доложить об этом.

— Можете не беспокоиться, — ухмыльнулся Вайс, — я уже сам доложил об этом своему начальству.

— С какой целью?

— Но ведь я тоже знаю эту инструкцию и потому действовал по инструкции.

Лансдорф взглянул на него с интересом.

— Вы, однако, кое-чему научились, Вайс.

— Под вашим руководством,— скромно признал Иоганн и добавил укоризненно: — Только напрасно вы хотели силой обязать меня к чему-нибудь. Я никогда не забуду, чем обязан вам. И готов к услугам.

— Вы правы, Вайс,— вздохнул Лансдорф.— Вы человек прямой. И в общении с вами следует придерживаться того же принципа.

Вайс встал, склонил голову, приложил руку к сердцу.

— Так вот,— сказал Лансдорф.— Есть одно особое задание среди тех общих, которые возлагаются в дальнейшем на наши террористические группы. Кстати, мы хотели бы по юрисдикции считать эти группы партизанскими. Может статься, что при подходе противника администрация концентрационных лагерей вследствие каких-либо исключительных обстоятельств не сумеет эвакуировать или же уничтожить заключенных. В этих случаях на террористические группы возлагается задача ликвидировать всех, до единого, заключенных и сжечь, взорвать, по понятным вам соображениям, все специфическое оборудование лагерей.

Вайс присвистнул.

— Кажется, я начинаю кое-что понимать. Таким образом, с вашей «партизанской» деятельности будут сняты всякие украшательские покровы патриотизма, героизма и прочего. И каждого террориста при поимке казнят как самого вульгарного убийцу незащитных людей. И все немцы, даже те, которые прежде сочувствовали вам, с негодованием отрешатся от вас.

— Да,— согласился Лансдорф,— вы меня правильно поняли.— Заявил гордо: — Я готов погибнуть с честью как борец германского Сопротивления. Но у меня есть слабость: я хотел бы, чтобы мое имя сохранилось для истории.

— Так чем я могу быть вам полезен? — деловито осведомился Вайс.

Лансдорф снова молча прошелся по комнате, потом открыл несгораемый шкаф, вынул запечатанный конверт, подал Вайсу. На конверте было написано: «Мюнхен, Альберту фон Лансдорфу». Иоганн недоуменно поднял глаза.

— Письмо адресовано моему брату,— объяснил Лансдорф.— В нем я высказываю некоторые свои мысли. И хочу передать это письмо через вас.

— Но я не знаю, доведется ли мне побывать в Мюнхене...

— Я рассчитываю, — перебил его Лансдорф, — что вы снова будете в Берне. И, если каким-нибудь образом это мое письмо случайно попадет к Даллесу, я не стану упрекать вас. Вам все ясно?

— Да, — сказал Вайс. — Но прежде, чем взять на себя такое щепетильное поручение, я должен хотя бы в самых общих чертах ознакомиться с содержанием письма.

— О, не беспокойтесь! — уверил Лансдорф. — Там нет никаких военных или государственных секретов. Нечто вроде дневниковых записей, в которых я высказываюсь против уничтожения заключенных в концлагерях, так как считаю это бесчеловечным.

— Вы благородный человек! — воскликнул Вайс. — И какая предусмотрительность!

— Во всяком случае, американцы могут быть уверены: я приму все меры, чтобы подчиненные мне группы не совершали подобных актов в концлагерях, размещенных на западной территории Германии.

— А на восточной?

— Достаточного того, — поморщился Лансдорф, — что я спасу тех, кого перед лицом западных держав считаю целесообразным спасти.

— Значит, на восточных территориях рейха заключенные будут уничтожены?

— Полагаю, — уклончиво ответил Лансдорф, — с этим справится сама лагерная администрация, конечно, при содействии частей вермахта или с помощью специально для того выделенных подразделений СС. Кстати, поскольку у нас сейчас общее руководство, вам и майору Дитриху поручается небольшая, всего на два дня, но весьма кропотливая канцелярская работа. Нужно проверить, как оформлены документы тех, кого, по понятным вам мотивам, мы направляем сейчас в концлагеря. Делается это под видом перемещения из одного лагеря в другой, чтобы сохранить, так сказать, длительный стаж заключения. Вы имеете опыт работы в абвере, знаете все тонкости этого дела. Приступить можете сейчас же.

Дитрих, как хорошо было известно Вайсу по прошлым временам, привык взваливать всю работу на других, а себе приписывал чужие заслуги. К тому же он не располагал даже самыми элементарными познаниями лагерного делопроизводства, хотя и выдавал себя за специалиста в этой области. Поэтому его очень обрадовал приход Вайса.

Особых «дел» на новоиспеченных «заключенных» не заводили. Ограничились только тем, что в «делах» убитых сменили фотографии: вместо прежних приклеили новые, предварительно подвергнув их искусственной химической обработке, чтобы придать им давнишний вид. На всех этих «делах» имелся гриф, означающий, что заключенные подлежат «особому режиму», то есть должны быть умерщвлены.

К каждому «делу» следовало приложить копию из гестаповской картотеки, в которой было отмечено, за какого рода «преступление» заключенный приговорен к казни.

Подпись рейхсфюрера ставилась штампом. И также с помощью штампа наносился на карточки гриф, означавший, что данный заключенный не может быть казнен без особого на то распоряжения гестапо.

Нарисованная тушью на обратной стороне карточки в нижнем левом углу тонкая стрелка с развернутым оперением острием вверх подтверждала, что этот гриф действителен.

В канцеляриях секретной службы такой значок обычно ставили перед датой рождения, а перед датой смерти стрелку поворачивали острием вниз. Если стрелка была без даты, она обозначала только одно — заключенный должен умереть. Именно этот знак и ставил Иоганн, когда просматривал документы, следя, чтобы все в них было строго по форме.

Дитрих и не думал проверять его.

По инструкции, к каждой стрелке в «деле» с обеих сторон следовало прикрепить треугольничек из красной бумаги. Дитрих считал это чисто канцелярской изощренностью. Но Иоганн знал, что каждая деталь оформления «дела» имеет особое значение. Поэтому он нарезал треугольнички из черной бумаги и подсунил коробку Дитриху. И тот машинально продолжал прикреплять их к карточкам, так как предпочитал работу со скрепками кропотливой возне с проверкой деталей оформления. Черные бумажки под скрепками обычно обозначали, что на данного заключенного довольствие не выписывается — иначе говоря, лагерная администрация может «списать» его в день прибытия в лагерь.

Во время их совместной работы Дитрих сообщил Вайсу немало интересного. Рассказал, например, что все сотрудники мастерских абвера, которые раньше изготавливали фальшивые советские документы, теперь фабрикуют фаль-

шивые немецкие документы. И в ожидании лучших времен многие сотрудники секретных служб превратятся отныне в крестьян, ремесленников, торговцев. А некоторых даже снабжают документами, подтверждающими, что люди эти побывали в плену и отпущены советским командованием специально для пропагандистской работы среди населения. Такие документы владельцы должны показывать немецкому населению и просить убежища. И если их укроют, то они обязаны собственноручно расправиться со всей приютившей их семьей. Кроме того, этим людям вменяется в обязанность выявлять тех германских военнопленных, которые действительно отпущены советским командованием на родину, с тем чтобы призывать к сопротивлению фашистам.

Дитрих спросил Вайса, разговаривал ли он о нем с кем-либо из руководства зарубежной разведывательной службы.

Вайс ответил утвердительно, так как он действительно говорил о Дитрихе с Густавом.

Дитрих произнес мечтательно:

— Я бы очень хотел оказаться сейчас в Испании: не мог же Франко забыть, какие услуги мы ему оказывали в подавлении революции. Я думаю, что Испания станет для немцев самой гостеприимной страной.

Докладывая Густаву об окончании работы, выполнявшейся по поручению Лансдорфа, Вайс счел необходимым пожаловаться на Дитриха: сказал, что, по его мнению, тот недостаточно знаком с правилами оформления подобного рода документов и мог допустить ошибки в этой спешной и вместе с тем требующей исключительного внимания работе.

Густав успокоил Вайса:

— А, плюньте! Если даже по ошибке и ликвидируют несколько эсэсовцев, невелика беда.

В следующие дни Вайс вместе с Дитрихом побывал на сборных пунктах молодежи, зачисленной в подразделения «вервольфа». И хотя у многих из этих ребят на поясах висели кинжалы, вид у них был довольно жалкий. Почти все «призывники» были пьяны, шнапс им выдавали без ограничения.

Увидев пришитую к щеке одного мальчишки пуговицу, Вайс поинтересовался, для чего это нужно. Глаза у мальчишки были заплаканы, губы дрожали от боли, но он объявил гордо:

— Я прошел высшее испытание на преданность фюреру! — И, боясь дотронуться до багровой, опухшей щеки, только указал на нее пальцем. — Можно было съесть крысу, как другие. Но я предпочел это. — Добавил доверительно: — Мы сами решили подвергнуться испытаниям. А те, кто боится пройти через испытание, становятся нашими слугами, и мы их порем, если они не слушаются нас.

— Кто это «мы»? — спросил Вайс.

— Те, кого после испытаний посвятили в рыцари.

66

Германия металась, словно тифозный больной. Отступающая немецкая армия выселяла из восточных районов страны множество людей, некогда покинувших западные территории, чтобы спастись от воздушных бомбардировок.

Тысячи солдат, в прошлом рабочих, снимали с фронта и отправляли на военные заводы, а через несколько недель снова посылали на передовую.

Перебрасывали воинские части с Западного фронта на Восточный. Людей, жилища которых были разрушены бомбардировкой, гнали под конвоем нацистских функционеров в деревни и заставляли работать у фермеров только за одну еду.

Из городов выселяли тех, кто не представлял ценности для империи и не имел ценностей, чтобы кормиться с черного рынка. И на эти сотни тысяч обездоленных, бездомных семейств устраивались облавы: тотальная мобилизация, которую проводили нижние чины вермахта, сметала всех уцелевших мужчин до шестидесяти лет. Хватали и подростков и зачисляли их в подразделения «вервольфа».

Ничто не могло сломить, нарушить четкий ход гигантской чиновничьей машины нацистской Германии. В каком бы состоянии ни был человек, где бы он ни оказался, его мгновенно брали на учет, под наблюдение, подвергали насилию его волю и мысли. Всепроникающая полицейская система, облеченная в самые разнообразные формы, повсюду настигала людей.

Однажды на одной из окраинных улиц Берлина Иоганн увидел фрау Дитмар, она стояла в длинной очереди за водой. Он не сразу узнал ее. Фрау Дитмар очень сильно изменилась за эти годы, — исхудала, постарела, ссутули-

лась. Она страшно обрадовалась, узнав его, и стала упрашивать зайти к ней в ее более чем скромное жилище. Хозяйка квартиры, жаловалась она, относится к ней и к ее сыну Фридриху как к оккупантам.

Фридриху во время бомбежки Пенемюнде оторвало обе ноги. Его отправили в берлинский госпиталь. Когда он выписался оттуда, ему, как инвалиду, предоставили возможность вселиться в чужую квартиру. Правда, комната очень скверная, даже не комната, почти чулан. Но хозяева ненавидят его за это вторжение. Ненавидят и за то, что он хоть и инвалид, а остался жив. Их же сыновья погибли на фронте.

Иоганн вошел в комнату вслед за фрау Дитмар.

Все здесь было приспособлено для существования безногого человека: низкий, с коротко обрезанными ножками стол, такие же стулья.

Фридрих неприязненно встретил Вайса, хотя некогда они переписывались.

Стоя на полу, он едва доставал Иоганну головой до пояса. Лицо у него было рыхлое, бледное. Очевидно, он никогда не выбирался из этого мрачного чулана, сидел здесь, как в заточении.

Фрау Дитмар, видимо, подавлял офицерский мундир Вайса. Она держалась необычайно робко, заискивающе и даже не решалась напомнить Иоганну, что когда-то он был ее жильцом.

Иоганн не стал задерживаться, записал адрес и быстро ушел. В тот же день он постарался через Франца переселить фрау Дитмар в одну из оставленных зажиточными хозяевами квартир, которые агенты СД держали под контролем, на всякий случай.

Квартира была большая, комфортабельная, хорошо обставленная. В шкафах висела самая разнообразная одежда, на кухне хранились запасы консервов и вин.

Фридрих понемножку оттаял и кое-что рассказал о себе Иоганну. Так, он сообщил, что авиация противника никогда бы не обнаружила их объект, если бы на песчаной отмели не остались «лыжи» пускового устройства самолета-снаряда.

— Русские военнопленные, на обязанности которых было убирать после залпов все следы техники, нарочно оставили эти «лыжи». В тот день разразился ливень, и охрана не проверила, и всех их, кто остался жив после бомбежки, потом повесили,— сказал Фридрих, дерзко гля-

дя Иоганну в глаза.— С точки зрения русских, это был подвиг.

Иоганн, в свою очередь, пристально поглядел на него.
— Ну что ж, пожалуй, это так и есть.

После этих слов Фридрих окончательно осмелел и рассказал Иоганну о своей работе в Пенемюнде. Под конец он произнес задумчиво:

— В сущности, мы убийцы. Наши летающие снаряды предназначались для того, чтобы уничтожить население, а не армии противника.— Посмотрел на свои обрубки, пробормотал: — Только тогда, когда моя голова оказалась ближе к земле, я стал думать, что земля — это не летающая в космосе гигантская могила всех предшествующих поколений человечества, погибших в войнах, а звездная колыбель поколений, которые придут после нас и навечно скажут войне свое «нет!».

— Почему же после нас? — спросил Иоганн.— Надеюсь, это случится не в столь отдаленные времена.

— Вы мечтатель,— улыбнулся одними губами Фридрих.

Для фольксштурмистов не хватало армейского обмундирования. Их обряжали в старые форменные куртки почтальонов, железнодорожников, кондукторов метро и трамваев, в мундиры мелких министерских чиновников, сданные некогда в фонд зимней помощи. Отряды фольксштурма маршировали по улицам в галошах. Это был марш потрепанных призраков, как бы издевающихся над былым могуществом Третьей империи.

И Геббельс, отправляя их на смерть, визжал из всех радиорупоров:

«Немецкий мечтатель должен пробудиться от своей спячки, если он не хочет вместе со своей свободой потерять также и свою жизнь».

Эсэсовцы с овчарками конвоировали, как заключенных, колонны фольксштурма до железнодорожных эшелонов.

А Геббельс воил из радиорупоров, установленных на развалинах вокзалов:

«Четырнадцатилетний мальчик с бронебойным ружьем, подкарауливающий врага и оказывающий ему сопротивление, сегодня ценнее для нации, чем десяток «мудрецов», обстоятельно пытающихся доказать, что наши шансы упали до нуля».

Гестаповцы вылавливали таких «мудрецов» и вешали на первом попавшемся фонарном столбе, кто бы они ни были, хотя бы и инвалиды войны, на себе испытавшие всю неотвратимую тяжесть ударов наступающей Советской Армии.

«Нас ожидает час конечного триумфа,— орал Геббельс.— Этого часа мы добиваемся ценой слез и крови. Однако он вознаградит нас за принесенные нами жертвы... Исход этой войны решится лишь за секунду до двенадцати».

«Миллионы немцев будут вести партизанскую войну!» — тоном судьи, торжественно объявляющего смертный приговор, возвещали радиорупоры. Передачи вел знаменитый берлинский радиодиктор Гегенхельм, и нигде было спрятаться от его бархатного голоса:

«Каждый из нас, умирая, постарается захватить с собой в могилу пять или десять врагов...»

Гегенхельм, обладавший женственной внешностью и мужественным голосом, был в свое время любовником Рема. После казни Рема его сослали в концентрационный лагерь, но не мужской, а женский, чтобы усилить этим меру наказания.

Вспомнили о Гегенхельме тогда, когда понадобился его гулко, будто из канализационного колодца, звучащий голос. Своим загробным баритоном он благословлял на смерть стариков и юнцов, составлявших батальоны фольксштурма.

С тонущего судна Третьей империи кидали в пучину войны людей, как сбрасывали в древние времена из трюмов рабов, если корабли преследовал флот страны, борющейся с работорговцами.

Это были конвульсии Третьей империи. Фашизм ставил под ружье тех немцев, которые по старости или по молодости не могли пополнить поредевшие ряды вермахта: отряды фольксштурма были слишком рыхлой затычкой для отступающих армий. И, погибая, эти немощные старики и неоперившиеся юнцы не знали, что фюрер скажет о них с ненавистью и презрением: «Если немецкий народ оказался таким трусливым и слабым, то он не заслуживает ничего иного, кроме как позорной гибели... Нет необходимости в том, чтобы обращать внимание на сохранение элементарных основ жизни народа. Наоборот, лучше всего эти основы уничтожить».

Система противовоздушной обороны была практически

упразднена: отряды авиации, зенитной артиллерии и службы наблюдения отправляли на Восточный фронт. И «летающие крепости» американцев, «галифаксы» и «ланкастеры» англичан почти беспрепятственно сваливали на города Германии свой смертоносный груз. Спасательные отряды и пожарников отправили на Восточный фронт еще раньше.

Проезжая по разбомбленным улицам Берлина, Иоганн снова и снова видел, как советские военнопленные, работая в дыму и пламени, выносят из-под каменных развалин детей, женщин, стариков.

Черные от копоти, казалось, обугленные, эти люди особенно бережно, как величайшую на земле драгоценность, выносили на руках раненых и ушибленных при обвалах детей. И дети не хотели разжимать ручонки, обнимающих тощие шеи своих спасителей, будто не было у них теперь на свете никого ближе, будто только эти люди могли защитить их от ужаса и страданий.

Остановив однажды машину у полуобвалившегося дома, Иоганн увидел рыдающую женщину, у которой опаленные волосы осыпались с головы как пепел. Она простирала к пленным обожженные руки и осуждающе кричала:

— Когда же придет ваша армия? Когда? Боже, скорей бы!

И один из пленных успокаивал ее по-немецки:

— Да придут, скоро уж... — Оглянулся на своих, сказал по-русски: — Слыхали? Выходит, мы же виноваты...

— Я не понимаю! — воскликнула женщина.

Пленный попросил по-немецки:

— Не надо кричать, фрау, вы же видите, чем мы заняты.

Женщина сквозь рыдания промолвила:

— Почему вы нас спасаете?

— Вы люди, и мы люди! — сказал военнопленный.

— А потом нас всех в Сибирь?

Пленный улыбнулся глянцеви́то блестящим от заживших ожогов лицом.

— Нет, — сказал он. — Нет. Ваш дом — ваша земля. Наш дом — наша земля. И всё. Мы не фашисты...

Генриху удалось переснять карту, хранившуюся у Вилли Шварцкопфа. Передавая снимки Иоганну, он сказал:

— Но для фотографирования я придумал другую схему. Оригинальную. И вот получилось.

— Молодец! — одобрил Иоганн. И добавил: — Это у тебя, наверно, наследственное: изобретатель, в отца пошел.

— Как ты думаешь, — спросил Генрих, — если б отец был жив, как бы он отнесся к тому, что я стал советским разведчиком?

— Переживал бы, волновался, как и мой отец, — грустно сказал Иоганн. — И гордился бы сыном, как гордится и мой отец. — Пообещал: — Я тебя с ним обязательно познакомлю.

Но когда Иоганн доставил фотокопию карты профессору, оказалось, что названия пунктов, в которых расположены секретные базы для террористических групп, не совпадают с данными, добытыми из документов, хранившихся у Дитриха. Иоганн сказал растерянно:

— Значит, либо карта закодирована, либо документы. А может, и то, и другое. И без ключа все это ни к чему.

— Вы только наполовину правы, — усмехнулся профессор. — Документы, которые показал вам Дитрих, действительно закодированы, поэтому он и позволил вам на них взглянуть. А карта — ключ к коду. Ничего, наши специалисты разберутся, — утешил он Вайса. — Не такие головоломки они решали. Все в порядке. — Положил руку на фотокопию карты, подумал немного. — В сущности, все это означает, что террористические акты, которые собирались провести уцелевшие фашисты, будут предотвращены. Мы спасем жизнь многим нашим солдатам и офицерам и еще большому числу тех немцев, которые будут строить новую Германию. Так что можете считать: вы и ваш друг Генрих Шварцкопф уже поработали для будущего немецкого народа. Кстати, вы не считаете нужным представить товарища Шварцкопфа к правительственной награде?

Иоганн просиял.

— Составьте шифровку, — деловито сказал профессор. — Она будет передана.

Несколько суток подряд Берлин подвергался непрерывным налетам авиации союзников. Возвращаясь в одну из этих страшных ночей на машине к себе на Бисмаркштрассе, Иоганн увидел Зубова. Тот медленно шел по улице, явно направляясь к месту, где располагалась секретная служба. Недопустимое нарушение конспирации! Зубов не имел права показываться не только на этой, но даже на близлежащих улицах.

Иоганн сбавил ход и, поравнявшись с Зубовым, открыл дверцу машины.

— Садись!

Зубов, не здороваясь, покорно влез в машину.

Иоганн понесся на большой скорости, стремясь быстрее оказаться подальше от этого района. Он молчал, но весь кипел от злости. А Зубов вдруг прикрикнул:

— Куда гонишь? Сворачивай к моему дому! — И потребовал: — Быстрее! — Потом махнул рукой. — А, теперь уже все равно... Спешить некуда.

— Ты что, пьян? — спросил Иоганн сквозь зубы. — От тебя перегаром несет.

— Может быть, и несет, — согласился Зубов.

— Значит, ты пьян?

— Хотел бы, не получается.

— Да что с тобой?

— Бригитта... — Зубов с трудом выговаривал слова. — Два дня была еще немного жива, а потом умерла. Ну, совсем умерла, понимаешь? Нет. Я сутки возле нее просидел. А потом больше не смог. То есть смог бы... — Прошептал: — А ведь она, знаешь, не одна умерла — вместе с ребеночком. Еще бы два месяца, и у нас был бы сын или дочь. Она больше всего страдала не от того, что сама умирает, а от того, что ребеночек погибнет. Очень, понимаешь, хотела остаться живой, чтобы родить. Я ей приказывал: «Не ходи без меня на улицу, не ходи». А она: «Мне вредно не ходить». Осколок-то попал — ну всего как кусочек безопасной бритвы. Доктор вынул, бросил в посудину — даже и не заметно его совсем.

Подъехали к дому, поднялись в квартиру Зубова.

В первой комнате на столе в гробу лежала Бригитта.

Зубов спросил шепотом:

— Слушай, а нельзя ее спрятать, а потом увезти?

— Куда?

— Ну, к нам, домой... Понимаешь, я все думал, думал: как это сделать? Может, можно, а?

Лицо Зубова было бледно. И Вайс решился на недопустимый поступок: позвонил профессору Штутгофу и попросил его сейчас же приехать.

Едва профессор вошел и увидел Зубова, как его суровое лицо смягчилось. Он сел рядом, внимательно, не перебивая, слушал, что бормочет Зубов, и во всем соглашался с ним. Потом достал шприц и сделал Зубову укол в руку. Тот

будто даже не заметил этого, но постепенно глаза его стали сонными, веки опустились, голова поникла.

Профессор попросил Вайса помочь ему перенести спящего Зубова на диван и сказал:

— Если глубокий сон не поможет и он не сумеет собрать себя в кулак, вам придется увезти его куда-нибудь. А еще лучше, скажите, что он предает нас всех.

Когда утром Вайс повторил Зубову эти слова, тот только молча кивнул в ответ.

И выдержал весь похоронный ритуал, а потом принимал соболезнования родственников и знакомых Бригитты.

Через день Вайс навестил Зубова. Судя по окуркам, разбросанным вокруг стула, он не вставал с места долго, — возможно, всю ночь и часть дня.

Зубов молча поднялся, взял с пола рюкзак, предложил:

— Пошли.

— Куда?

— Я никогда не вернусь сюда, — объявил Зубов.

— Нет, — возразил Вайс, — ты должен жить здесь.

— Зачем?

— Я приказываю. — И Вайс добавил мягче: — Это нужно для нас всех, Алеша. Нужно, понял? И ради Бригитты тоже. Ведь если ты сбежишь из ее дома сейчас, как только она умерла, ты оскорбишь ее память.

— Это верно, — согласился Зубов. — Ты в самую точку попал. Я должен остаться. Верно. Теперь я уже никуда от нее не убегу до самой своей смерти. Ты понимаешь, она знала...

— Что?

— Ну, не все, конечно, но знала, кто я.

— Почему ты думаешь? — спросил Вайс.

— Понимаешь, — торопливо говорил Зубов, — я вроде как не догадывался, а только чувствовал иногда: знает. А вот когда уже совсем подошла смерть, она показала рукой, чтоб я к ней наклонился, и вроде как всем лицом мне улыбнулась и прошептала по-русски: «Хорошо, спасибо, здравствуйте!» Глаза у нее сразу ужасно так расширились — и все. На это у нее последние остатки жизни ушли, чтобы, значит, сказать мне, что она знала. Вот и все. Жила и знала. — Погрозил кулаком перед лицом Вайса. — Да если бы я знал, что она знает, я бы, понимаешь, был самый счастливый на свете человек. А то мучился: вроде я с ней поддельный, — но я же по-настоящему ее любил. Понял?

— Ты собрался на кладбище? — спросил Вайс.

— Да.

— Я пойду с тобой.

— Пойдем, — сказал Зубов. И добавил: — Спасибо тебе.

У могилы Бригитты он спросил:

— Потом можно будет на камне приписку сделать по-русски, что она Бригитта Зубова?

— Обязательно, — поддержал его Вайс, — а как же иначе? Она ведь твоя жена...

67

Состав дислоцирующейся на Бисмаркштрассе особой группы при Вальтере Шелленберге за последние месяцы основательно изменился. Люди незаметно исчезали, и так же незаметно на смену им появлялись новые.

Вместо Густава группу теперь возглавлял Альфред Фаергоф — долговязый, худощавый мужчина с узким, мумиеобразным лицом, на котором неподвижно застыла вежливая улыбка.

Фаергоф был университетским товарищем Шелленберга и некогда постоял за его честь. Кто-то из студентов сказал ему, что Шелленберг доносчик и работает в службе безопасности. Фаергоф в негодовании вызвал этого студента на дуэль и вышел из нее победителем. Отважным выпадом рапиры он расцарапал до крови щеку противника.

После окончания университета Фаергоф открыл в Бонне адвокатскую контору, но провалился на первом же судебном процессе: он не защищал своего клиента, а обвинял его, как прокурор. То же произошло и в следующий раз. И это не было случайностью. Фаергоф хотел власти над людьми, а профессия адвоката ставила его в положение человека, хитрящего перед мощью государственных законов, увиливающего от них. Но стать прокурором он не решился, опасаясь, как бы отбывшие наказание не начали мстить ему. Такие случаи, он знал, бывали.

Вальтер Шелленберг, став начальником Шестого отдела службы безопасности, предложил Альфреду Фаергофу пост в секретной следственной части этого отдела.

В следственную часть поступали донесения тех, кто тайно наблюдал за работой агентов и резидентов иностранной разведки Шестого отдела СД. И на основе таких донесений Фаергоф мог вынести заочный приговор агенту

или резиденту. Исполнение возлагалось на специально для того предназначенных сотрудников, а приемы и способы они избирали сами.

Это уже была настоящая власть над людьми, над их жизнью, к тому же не приходилось вести полемики с подсудимыми и их защитниками.

В редких случаях проштрафившегося агента вызывали в следственную часть. Но это не был ни допрос, ни следствие. Фаергоф встречался с агентом на какой-либо из уютных, хорошо обставленных конспиративных квартир. Радужно принимал гостя, изящно и свободно беседовал с ним.

Вызывая очередного смертника на откровенность, Фаергоф позволял себе такие острые высказывания о правителях империи, за которые любого другого повесили бы без промедления. Он утверждал, что для людей их профессии не существует общечеловеческих норм. Они посвящены во все тайны власть имущих, и это дает им право сознать себя особой кастой. Для них не существует и обременительных предрассудков совести, чести и тому подобной ерунды, придуманной, чтобы держать человека в узде.

Достигнув цели, Фаергоф в изысканных выражениях благодарил разоткровенничавшегося агента за приятную беседу, крепко пожимал ему руку. Пока тот спускался с лестницы, он подходил к окну и, если это было днем, задергивал штору, ночью же ставил на подоконник лампу с розовым абажуром.

Поджидавшие его знака люди встречали агента на улице. Все остальное относилось уже к их работе, чрезвычайно узкоспециализированной.

Принципиальный аморализм Фаергофа, которым он кокетничал перед самим собой, был характерной чертой всех фашистских лидеров.

Вильгельм Хеттль, один из ближайших сподвижников Вальтера Шелленберга, имея уже время поразмыслить над прошлым, в своем признании, сделанном публично, говорил об одном из таких лидеров, Гейдрихе, и, хотя его характеристика Гейдриха отличалась льстивыми преувеличениями, она все же позволяла понять, что представляли собой и другие фашистские вожаки.

«Он,— говорил о Гейдрихе хорошо его знавший Хеттль,— несомненно, был выдающейся личностью и ведущей фигурой не только в национал-социализме, но и во всей концепции тоталитарного государства. В историче-

ском плане его можно сравнить скорее всего с Цезарем Борджиа.

Оба они с полным презрением относились ко всем нравственным устоям. Оба были одержимы одинаковой жадной властью, оба обладали одинаково холодным умом, ледяным сердцем, одинаково расчетливым честолюбием.

...Он не только не имел какого-либо христианского морального кодекса, но был лишен и элементарного инстинктивного чувства порядочности. Не государство, а власть — личная власть — была его богом. Это был тип человека эпохи Цезаря, когда власть как цель никогда не ставилась под сомнение и считалась самоцелью. Для него не существовало такой вещи, как идеология, он не думал о ее правильности или ценности, а рассматривал ее исключительно как орудие, с помощью которого можно было повелевать массами. Все в его мозгу было подчинено одному стремлению — овладеть властью и использовать ее. Истина и доброта не имели для него внутреннего смысла, они служили лишь орудием, которое следовало использовать для дальнейшего захвата власти, и любые средства достижения этой цели были правильны и хороши.

Политика также являлась для него лишь переходной ступенью к захвату и удержанию власти. Споры о том, является ли какое-либо отдельное действие правильным само по себе, казались ему такими глупыми, что он, безусловно, никогда не задавал себе такого вопроса.

В результате вся жизнь этого человека состояла из непрерывной цепи убийств людей, которых он не любил, убийств конкурентов, претендовавших на власть, убийств противников и тех, кого он считал не заслуживающими доверия. К этому следует добавить цепь интриг, которые были столь же гнусными, как убийства, и часто замышлялись еще более злобно.

Человеческая жизнь не имела никакой цены в глазах Гейдриха, и, если кто-либо становился на его пути к власти, он безжалостно уничтожал его. Он добивался власти лишь для самого себя. Он стремился удовлетворить лишь собственную жажду власти».

Секретные досье, сосредоточенные в руках Гейдриха, принадлежали к числу документов, которых больше всего боялись правители Третьей империи.

Гитлер, дальновидно опасаясь Гейдриха, так как обладал многими сходными с ним чертами, отправил его в Чехословакию, где тот стал неограниченным властителем.

И когда чехословацкие патриоты убили Гейдриха, главных чинов его охраны даже не покарали. Гитлер удовольствовался расправой над чехословацким народом, превратив в огромный эшафот Лидице и залив страну кровью. Преемником Гейдриха стал Гиммлер — человек, родственный ему по склонностям и по манере поведения, но, с точки зрения Гитлера, обладавший весьма ценным для такого рода службы даром: почти патологической боязнью за свою жизнь.

Здоровье Гиммлера оставляло желать лучшего, и он никогда не расставался с лечащим врачом, а также массажистом, которым доверял больше, чем кому-либо из своих приближенных.

В интимной жизни Гиммлер избегал излишеств, и не потому, что считал их аморальными: просто он опасался за свое здоровье.

Страх, который Гиммлер испытывал перед Гитлером, выражался в самой бесстыдной, унижительной форме. Даже Кейтель, получивший среди свиты фюрера прозвище «Лакейтель», говорил, что каждый раз, когда Гиммлер выходит из кабинета фюрера после очередного разноса, он испытывает брезгливость и омерзение, передавая в дамские, выхоленные дрожащие пальцы рейхсфюрера стакан с водой.

Именно эта рабская трусость Гиммлера внушала фюреру уверенность в том, что его избраннык предан ему более, чем Гейдрих.

Но, пресмыкаясь перед фюрером, Гиммлер, скользкий и гибкий, как очковая змея — во внешнем облике его даже обнаруживалось сходство с этим брюхоногим пресмыкающимся, — унаследовал многие черты своего предшественника, правой рукой которого он был в течение продолжительного времени.

За долгие годы Гиммлер привык находиться в подчинении у более сильного, а Гейдрих, несомненно, был таковым. Но, став главой службы безопасности Третьей империи, Гиммлер оказался еще более страшной фигурой, чем Гейдрих. Он настолько боялся вызвать недовольство фюрера, что руководствовался в своей деятельности лишь одним — стремлением предугадать его желания. Поэтому он иногда допускал в своем палаческом усердии такие излишества, что изредка даже Гитлер вынужден был выражать удивление чересчур поспешной исполнительностью своего главного помощника.

Обычно Гиммлер обезоруживал фюрера, приводя в доказательство своей правоты какую-нибудь случайно оброненную тем фразу или цитату из речи, исходя из которых он будто бы и подписывал приговоры.

Фюрер любил тех, кто подбирал каждое оброненное им слово и провозглашал его незыблемым параграфом нового закона. И Гиммлер сумел разгадать эту его слабость.

Но чем больше он общался с Гитлером, тем больше замечал в нем черт, свойственных его бывшему шефу Гейдриху, а значит, и ему самому. И постепенно в сердце Гиммлера закралась тайная зависть к Гитлеру: ведь он сам мог стать первым человеком империи. Роль второго его уже не устраивала.

Больше всех других Гиммлер приблизил к себе Вальтера Шелленберга. Доверять ему он стал после того, как окончательно убедился, что у этого молодого человека существуют незыблемые и твердые правила поведения. Шелленберг служит не рейху, не Третьей империи, не нацистской партии, не фюреру даже. Он служит только одному определенному человеку, на которого возлагает все свои надежды. Он ревностно и преданно трудился на пользу этому человеку и, лидируемый им, в награду за самоотверженную преданность получал из его рук свою долю власти.

Таким человеком был для него Гиммлер.

Шелленберг, будучи неглупым политиканом, был невысокого мнения о достоинствах Гиммлера и отлично понимал всю низость его натуры. Но он знал, что пост начальника службы безопасности Третьей империи занимает кандидат в новые фюреры. Он держит в своих руках все тайные нити управления империей, а прочность тотального режима диктаторской власти зиждется на разветвленной и всеохватывающей системе секретных служб с ее силами подавления.

Еще в 1939 году Шелленберг вместе с небольшой группой сообщников завязал контакты с английской разведкой. Выдавая себя за враждебных режиму немецких офицеров, они сумели установить связь с английскими официальными кругами и, заинтересовав их заговором против Гитлера, намеревались проникнуть в высшие сферы иерархии английского правительства. Гитлер одобрил эту идею, а английские коллеги заверили Шелленберга, что в ближайшее время в Голландию для встречи с ним прибу-

дет из Англии высокопоставленный официальный представитель. Это также было известно Гитлеру.

8 ноября, за несколько часов до взрыва бомбы в Бюргербрахеле, где инсценировалось покушение на фюрера, Гейдрих внезапно дал указание прекратить секретные переговоры с английской разведкой. Английские офицеры связи были схвачены и переброшены в Германию.

Операция удалась в том смысле, что Гитлера немецкая пропаганда стала превозносить как божественную личность, которой покровительствует само провидение, англичан изобразили инициаторами неслыханного преступления, а Голландия была скомпрометирована. И все это вместе послужило как бы прелюдией к тому, чтобы породить у немцев энтузиазм перед планами широко задуманной войны.

Но подобные «подвиги» Шелленберга остались в далеком прошлом.

Под ударами Советской Армии кренилось и падало здание фашистской империи. Войска союзников высадились на материке. Руководители рейха, в том числе и сам Гитлер, лихорадочно вели с англичанами и американцами тайную дипломатическую торговлю. Каждый из них, предлагая себя в качестве главы новой империи, обязывался продолжать войну с СССР и требовал поддержки от Англии и США. Расходились лишь в том, какие формы примет капитуляция Германии перед Западом и какую часть своей военной добычи она должна уступить.

Все дни Шелленберг проводил с Гиммлером, воодушевляя и подталкивая его на решение стать преемником Гитлера, и вел в Стокгольме переговоры с представителями тайной дипломатии Англии и США уже от лица будущего, нового фюрера. Некоторых из этих представителей Шелленберг привозил в штаб-квартиру Гиммлера в Хоенлихен, где можно было в полной безопасности договариваться с рейхсфюрером.

Для успешного завершения этой деятельности бригаденфюреру необходимы были люди, которые могли бы преданно, надежно и быстро выполнять любые его поручения.

Альфред Фаергоф должен был отобрать несколько человек из состава особой личной группы при Вальтере Шелленберге.

Иоганн Вайс своим стойческим поведением в тюрьме засвидетельствовал безусловную преданность Шелленбер-

гу. Но принять окончательное решение Фаергоф не торопился. Чем больше нравился ему Вайс, тем более подозрительной казалась его сдержанность и то достоинство, с каким он держал себя. Фаергоф был принципиально убежден, что чем благородней оболочка человека, тем, стало быть, больше скрывается за ней дряни. Его опыт подсказывал: чем подлее человек, тем тщательнее он стремится соблюдать все внешние правила приличия и нравственности.

В один из вечеров Фаергоф пригласил Вайса покататься с ним в лодке на Ванзее и, наблюдая, как тот гребет, спросил, не был ли он моряком. Вайс сказал, что прежде жил в Риге и часто выходил в море со своим другом Генрихом Шварцкопфом.

Фаергоф заявил презрительно:

— Племянник Вилли Шварцкопфа? Оберштурмбанфюрера, у которого открылся талант лабазника? Я думаю, он хорошо наживаетея на хозяйственной работе в СС.

— Вилли Шварцкопф — старый член партии, — возразил Вайс.

— Поэтому он и успел нахватать себе столько ариезированного имущества, что стал богачом!

— Он живет очень скромно.

— Где?

— В своей личной канцелярии.

— А вы были в его новом особняке?

— Я дружу только с Генрихом.

— Напрасно. Друзей следует выбирать не по влечению сердца, а по тому месту, которое они занимают в империи.

— Но я не смею предложить свою дружбу фюреру, — усмехнулся Вайс.

Фаергоф расхохотался, но глаза его остались холодными. Внезапно он спросил требовательно:

— Вы действительно готовы были отдать жизнь за Шелленберга, когда находились в тюрьме?

— А что мне еще оставалось? — в свою очередь задал вопрос Вайс. — Я предпочел быть повешенным за преданность Шелленбергу, чем за то, что не сохранил преданности ему.

— Это вы хорошо сказали, — одобрил Фаергоф. — А то, знаете, личности, щеголяющие в одеждах героев, не внушают мне доверия. В этом всегда есть что-то противоестественное. Еще вопрос: вы были знакомы с Хакке?

— Да.

— Что вы о нем можете сказать?

— Болван.

— Ну а подробнее?

— Если вы о нем знаете что-нибудь другое — пожалуйста!..

— А что именно вы о нем знаете?

— Думаю, меньше, чем вы.

— Ах, так! — зло воскликнул Фаергоф. — Так вот: Хакке показал, что предлагал вам взять досье, которые хранились у него в сейфе.

— Что значит «показал»? — спросил Вайс. — Разве его кто-нибудь допрашивал?

— Сейчас я вас допрашиваю.

— О чем?

— Почему вы отказались взять у него досье? Вы ведь знали, кого они касаются.

— Вот поэтому я и отказался, — ответил Вайс.

— Точнее, — потребовал Фаергоф.

— Если бы я только подержал их в руках, — сказал Вайс, — меня бы давно ликвидировали. Ведь так?

— Так, — подтвердил Фаергоф.

— Ну вот вам мой ответ на ваш вопрос.

— А почему вы не донесли?

— Кому?

— Шефу.

— Как по-вашему, если бы Шелленберг не захотел связать себя некими сведениями о фюрере, которые никому не должны быть известны, что бы он сделал со мной? Ликвидировал.

— А если б он захотел ознакомиться с досье?

— Тогда зачем ему, чтобы об этом знал я? И в этом случае он поступил бы со мной так же.

— Слушайте! — воскликнул Фаергоф. — Вы мне нравитесь, вы просто разумный трус.

Вайс сказал убежденно:

— А я и не скрываю этого. На нашей службе единственный способ сохранить жизнь — стараться не предугадывать, что тебе прикажут сделать, а делать только то, что тебе приказывают.

— Прекрасно, — с облегчением согласился Фаергоф. — Но все-таки вы, наверно, хотите чего-то большего?

— Как и все, — вздохнул Вайс. — Хочу, чтобы мне приказывало как можно меньше людей, а я мог бы отдавать приказания многим.

— Отлично! — обрадовался Фаергоф. — Вы просто открыли универсальную формулу стимула для каждой человеческой личности. — И, вдохновляясь звуками собственного голоса, почти продекламировал: — Человек может осознать себя личностью только через власть над другим человеком. А убийство — это и есть проявление инстинкта власти.

— Здорово! — сказал Вайс. — Можно подумать, что это вы помогали фюреру сочинять «Майн кампф».

— Книга написана дурно, богатства немецкого языка в ней совершенно не использованы.

— Это библия партии.

— Не ловите меня на слове, — с насмешкой в голосе посоветовал Фаергоф. — Стилистические тонкости только затемняют смысл политического документа, каждое слово которого должно быть отчетливо ясно и проникать в голову, как пуля.

— Правильно, — согласился Вайс. — Вы удивительно точно владеете энергичной фразеологией.

— Если бы не моя многолетняя дружба с Вальтером, я бы давно проявил свои способности теоретика.

— Как Розенберг?

Фаергоф поморщился.

— Геббельс остроумно заметил как-то: «Социализм в нашей программе — лишь клетка для того, чтобы поймать птичку». Но я считаю, что Розенберг слишком злоупотреблял социалистической терминологией, и в свое время это отпугивало от нас германских промышленников и финансистов.

— А теперь?

— Вы же знаете, что промышленные и финансовые магнаты имели самое прямое отношение к «заговору двадцатого июля». Но имперский министр вооружения и военной промышленности Шпеер, очевидно, с ведома фюрера, запретил проводить расследование об их участии в заговоре. Как-никак в их руках военная экономика страны, и это могло на ней отразиться.

Лодка причалила к берегу, и Вайс, поддерживая Фаергофа под руку, чтобы тот не свалился в воду, помог ему выйти на пристань. Когда они оказались на берегу, он спросил:

— У вас еще будут ко мне вопросы?

— Позвольте, — запротестовал Фаергоф, — я просто приятно провел с вами время.

— Нет,— решительно сказал Вайс,— для этого у нас теперь нет, да и не может быть времени.

— Хорошо,— согласился Фаергоф.— У меня сейчас нет никаких возражений против вас.

— Только это я и хотел знать,— с удовлетворением произнес Вайс. И добавил: — Можете быть уверены, что ваша проницательность и на этот раз не обманула вас.

Оказалось, что «в высшей степени секретное» задание, которое Вайс выполнял под наблюдением Фаергофа, не требовало ни особой сноровки, ни особых усилий.

Он обязан был следить, чтобы в определенные сроки на участке дороги и улице, прилегающих к указанному ему зданию, а также у входа в само это здание не появлялись люди, чьи приметы не были бы ему заранее известны. Или, находясь в каком-нибудь пункте, он должен был дожидаться, пока мимо пройдет машина с заранее названным ему номером, и сообщать об этом по радио неведомому корреспонденту.

Нетрудно было заметить, что наблюдение ведется, в свою очередь, и за ним. Он как бы очутился в гигантской тюрьме и, лишившись свободы, пунктуально выполнял лишь то, что ему было предписано.

Вскоре Вайс получил командировку в Стокгольм, но задание его оставалось прежним. Он стал частицей слаженного и безотказно работающего механизма слежки, в который Шелленберг включал наиболее опытных агентов своей секретной службы.

Выпасть из этого механизма даже на самое короткое время пока не представлялось возможным: все его детали были настолько точно соединены одна с другой, что малейшее отклонение мгновенно вызвало бы сигналы тревоги по всей цепи. С поста наблюдения немедленно удаляли и агента, вольно или невольно допустившего ошибку, и агента, на которого падала только тень подозрения в нарушении правил службы. Расправа часто совершалась тут же, на месте, и Вайсу, как и другим, был выдан для этой цели бесшумно действующий пистолет.

Полная изоляция, в которой очутился Вайс, казалась ему катастрофической. Он изнемогал от бездействия, от бесплодности усилий связаться с кем-нибудь из своих. Отчаявшись, он уже считал, что весть о победе Советской Армии над фашистской Германией застанет его где-нибудь в Стокгольме. А он по-прежнему будет одиноко стоять

возле опостылевшей ему будки телефона-автомата. Он пользовался этим автоматом в тех случаях, когда нужно было сообщить, что граф Бернадотт, племянник короля Швеции, выехал из своей резиденции для встречи с очередным доверенным посланцем Гиммлера. Чаще всего этим посланцем был сам Шелленберг.

Вайс знал, что граф занимает не один только пост председателя шведского Красного Креста. Он был директором шведских филиалов американских фирм «Интернейшнл бизнес мэшин», принадлежавших тресту Моргана. Возможно, он был связан не только с деловыми, но и с правящими кругами США, от лица которых и вел секретные переговоры с гитлеровцами.

Обязанности Вайса состояли в том, чтобы обезопасить от слежки посланцев Гиммлера, поскольку Стокгольм был буквально наводнен агентами Риббентропа, Кальтенбрунера, Бормана, Геббельса да и самого фюрера. В свою очередь, особая группа Шестого отдела СД, в которую входил Вайс, тоже вела наблюдение за всеми этими агентами.

Неожиданно Вайса сняли с поста наблюдения. Он получил приказ отправиться в один из пригородных стокгольмских особняков, чтобы проинформировать о методах конспирации собравшихся там сотрудников гестапо, представителей офицерского состава СС и видных нацистов, которые уходили сейчас в подполье. Эти методы он изучил, выполняя в свое время вместе с Дитрихом поручения Лансдорфа.

В назначенное время Иоганн явился по указанному адресу и, пройдя целый ритуал обмена установленными тайными знаками, очутился в большом зале, стены которого были покрыты панелями из черного дуба и увешаны геральдическими гербами, охотничьими трофеями и старинным оружием. Здесь собралось большое общество, и не только люди среднего возраста, но и молодежь с выправкой штурмовиков. Рядом с трибуной, предназначенной для Вайса, на специальной подставке находился портрет Гитлера, инкрустированный из кусков дерева разных пород. По обе стороны портрета высились железные треножники с горящими факелами.

Александра Белова не считали в институте искусным оратором. Он всегда испытывал неловкость, видя с трибуны лица своих товарищей, которые думали так же, как думал он, знали то же, что знал он, и вовсе не нуждались, чтобы он

убеждал их в том, в чем они были убеждены никак не меньше его самого. Поэтому лицо его на трибуне всегда принимало застенчивое, виноватое выражение, и говорил он, глотая слова, и так торопился кончить, будто ждал, что вот сейчас ему крикнут: «Не воруй время! Время — это жизнь, а ты нам ее укорачиваешь!»

Но когда он поднялся на трибуну здесь, в этом богатом зале, и увидел почтительные физиономии шведских фашистов, с уважением, как старшего, приветствовавших его, он воодушевился и произнес блистательную речь. По-видимому, она произвела впечатление. Слушатели были настолько ошеломлены, что, когда Вайс закончил, последовала недопустимо затянувшаяся пауза. И лишь после того, как он покинул трибуну, раздались вежливые аплодисменты. Они звучали глухо, так как ладони у всех стали влажными от выступившего на них пота.

В своем выступлении Вайс перемешал деловые рекомендации, касающиеся методов конспирирования уходящих в подполье немецких фашистов, с сообщениями о том, какое количество людей и какими способами они умерщвляли. В заключение, приведя цитату из речи Гитлера, заявил, что эта война — только лишь эпизод в истории тысячелетнего рейха. И заверил слушателей, что третья мировая война принесет расе господ безраздельное владычество над всеми другими народами.

Это полное оптимизма обещание произвело на шведских фашистов не слишком отрадное впечатление. Но зато деловую часть они записали со старательностью учеников воскресных школ.

Отвечая на вопросы, Вайс посоветовал бородатым сбрить, а бритым отращивать бороды; женатым разойтись, поскольку женщины болтливы и могут выдать их; неимущим разбогатеть, чтобы замаскировать свое прошлое, а богатым, напротив, превратиться в нуждающихся. Кроме того, он дал много полезных советов на тот случай, если кто-либо из присутствующих попадет в тюрьму. С полным знанием дела объяснил, как наиболее правильно и рационально использовать время пребывания в заключении, откуда черпать телесную бодрость. Своим опытом в этом отношении он делился щедро, с необычайной откровенностью.

Рекомендации Вайса повергли присутствующих в тяжелое, подавленное состояние. И только во время интимного банкета в его честь настроение несколько улучшилось.

И здесь, за столом, Вайс узнал имена тех шведских финансистов, которые сами предложили свои услуги агентам Гиммлера. Они хотели, чтобы через них была установлена связь с премьер-министром Черчиллем, стремясь таким путем быстрее достичь соглашения о приемлемых для фашистской Германии условиях мира.

Вайсу удалось узнать даже основные пункты меморандумов, какими обменивались те или иные представители сторон в этих переговорах.

Местные фашисты, тревожась главным образом за свою судьбу, выражали возмущение чрезмерными претензиями западных держав к Германии. И рекомендовали Вайсу быть очень осторожным в Стокгольме, так как в связи с победами Советской Армии народ Швеции настроен необычайно решительно. Носить значки со свастикой сейчас — почти самоубийство. Членов фашистской партии неоднократно избивали на улицах.

Вайс пообещал, что будет беречь себя.

Спустя два дня он получил новое задание. Предстояло вылететь в Берлин в одном самолете с чиновником германского министерства иностранных дел. У этого чиновника будет портфель с диппочтой, и полетит он не один, а в сопровождении вооруженной охраны из агентов Риббентропа.

За полчаса до назначенного по расписанию времени самолет должен приземлиться на запасном аэродроме, где с чиновником и его охраной будет покончено. Если же самолет не совершит посадку, Вайс обязан застрелить чиновника из бесшумно действующего пистолета.

— А как же я? — спросил Иоганн.

— Если отобьетесь от охраны — выброситесь с парашютом, все будет в порядке.

С этого момента за Вайсом неотступно следовали два агента. Они проводили его на аэродром и не отошли от трапа до тех пор, пока дверца в кабину самолета не захлопнулась.

Пилот оказался верным человеком. Как и было договорено, он пунктуально совершил посадку на запасном, пустынном в этот час аэродроме. Чиновник и его охранники не успели шевельнуться: корпус кабины в тех точно местах, где они сидели, был пробит автоматными очередями.

Абсолютно все было предусмотрено заранее, и, выйдя из самолета, Вайс увидел, что ремонтники из состава техниче-

ских войск СС уже накладывают металлические заплатки на пробины.

На площадках трапов, подведенных к обеим сторонам кабины, стояли автоматчики. Один из них любезно указал Вайсу, в каком направлении следует идти к присланной за ним машине.

68

Шелленберг в эти дни был самым целеустремленным, энергичным и решительным из всех государственных деятелей Германии. Но меньше всего он думал о том, как сложится дальнейшая судьба рейха. Он был убежден, что его собственное будущее от этого никак не зависит. Давно, еще со времен Сталинграда, он понял, что военное поражение рейха неизбежно. И сделал ставку на Гиммлера. Если Гиммлер станет первым человеком в Германии, то он, Шелленберг, будет вторым. Какой Германии — это теперь не имеет значения. Но именно сейчас, в эти дни, для него решалось все. И поставки фольксштурма — людей, которых, как дрова, грузили в вагоны и спешно отправляли на Восточный фронт, — интересовали Шелленберга лишь постольку, поскольку это могло замедлить продвижение Советской Армии. А ему необходимо было выиграть время, чтобы завершить переговоры Гиммлера с теми, кто взял на себя роль тайных дипломатических агентов западных держав.

Канун падения гитлеровской Германии стал для Шелленберга как бы вершиной всей его деятельности. От его ума и ловкости зависело сейчас, будет ли он первым наперсником нового фюрера и вторым человеком в Германии. Личная капитуляция Гиммлера была бы для него трагедией, большей катастрофой, чем капитуляция Германии. Военное поражение рейха, по его мнению, еще не означало политического поражения. Если действовать в этот критический момент целеустремленно и решительно, можно выиграть для себя лично великое будущее. Так он и действовал.

Все эти дни Шелленберг не покидал Гиммлера. Был необычайно бодр, самоуверен и красноречиво разжигал воображение своего шефа упоительными перспективами самодержавного единовластия.

В бомбоубежище Хоемлихена Шелленберг продемон-

стрировал Гиммлеру киноплёнку, на которой по его приказу один из агентов запечатлел фюрера с помощью скрытой камеры.

Съёмка производилась специальным, замедленным способом, который позволил отчетливо и обстоятельно зафиксировать малейшие оттенки физического состояния Гитлера.

На сером экране перед ними, будто в аквариуме под водой, передвигался в пространстве сутулый человек с бледным, рыхлым, оползшим лицом и нижними веками, оттянутыми, как у дряхлого пса. Левая рука непроизвольно тряслась, словно ласты у тюленя, правую он подносил к уху, прислушиваясь: слух его значительно ухудшился после недавней операции. Вот он направился к столу. Подошвы его штиблет как бы прилипали к полу, и от этого походка была шаркающей, как у древнего старца. Вот он взял лист бумаги и с трудом, будто непомерную тяжесть, поднес к глазам. С глазами у Гитлера тоже было плохо, и документы для него теперь печатали на специальной машинке с необычайно крупным шрифтом.

Гиммлер передвинул стул ближе к экрану. Он смотрел на своего фюрера молча, пытливо, с явным наслаждением.

Несколько дней назад Шелленберг беседовал о состоянии здоровья Гитлера с профессором де Крини и директором психиатрической больницы Шарите. Это были свои люди, и сведения, которые он получил, носили самый обнадеживающий характер: состояние Гитлера безнадежно. Тогда он устроил Гиммлеру свидание с де Крини и имперским руководителем здравоохранения Конти. Гиммлер выслушал их напряженно и жадно, с полным пониманием: еще прежде он прочел в медицинской энциклопедии статью о так называемой болезни Паркинсона — этот диагноз ставили Гитлеру.

Сейчас, когда просмотр киноплёнки был закончен и в зале зажегся свет, Гиммлер сказал с лицемерным сочувствием:

— Это все оттого, что фюрер ведет совершенно противостественный образ жизни: превращает ночь в день, оставляя для сна только два-три часа. Его непрерывная деятельность и постоянные взрывы бешенства изводят окружающих и создают невыносимую атмосферу. — Признался: — Когда он меня вызывает, я каждый раз испытываю смертельный страх — ведь в припадке ярости ему ничего не стоит застрелить человека.

— Да, — согласился Шелленберг. — И если вы будете медлить, в один прекрасный день ваш труп вывезут из бомбоубежища под рейхсканцелярией, как уже было с другими.

Гиммлер побледнел, но по-прежнему лицемерно воскликнул:

— Погибнуть от руки фюрера — великая честь!

Шелленберг обладал железной выдержкой и терпением, но даже его иногда обезоруживало это бесстыдное и теперь уже никому не нужное притворство. Лицемерие было как бы второй натурой Гиммлера. Подписывая приказ об «особом режиме» для десятков тысяч заключенных в концлагерях, он жаловался:

— Если бы наши противники оказались более гуманными, они взяли бы на себя затраты на содержание военнопленных и сами снабжали их продуктами питания. Не могу же я обрекать на голод немецкий народ, чтобы за его счет откармливать этих бездельников.

Большинство медицинских экспериментов над заключенными производились с его санкции. И, читая присланные ему палачами-медиками материалы об этих экспериментах, Гиммлер говорил:

— Я забочусь о здоровье немецкого народа как никто другой. Испытания различных новых препаратов на живом материале гарантируют нашу медицину от ошибок при лечении людей высшей расы.

С особым вниманием он следил за успехами эсэсовских медиков, проводящих опыты стерилизации заключенных.

— Фюрер требует от нас, чтобы мы умерщвляли миллион славян в год. Но я мечтатель. Мы можем обезопасить свое будущее: сохраним для себя рабочую силу, но лишим ее опасной возможности размножения.

Гиммлер иступленно боялся, что Гитлеру станет известно о его тайных переговорах с агентами западных держав. И накануне их прибытия в Хoenлихен он притворился больным. Чтобы вызвать у Гиммлера порыв к активности, Шелленберг даже решился припугнуть его. Сказал, что, по его данным, Кальтенбруннер подозревает об этих переговорах Гиммлера. Сотни личных агентов Кальтенбруннера рыскают вокруг Хoenлихена и охотятся за людьми Шелленберга.

Тогда Гиммлер воскликнул раздраженно:

— Их нужно убивать, убивать на месте! — И уже мягче посоветовал: — А тех наших агентов, которые не смогут

с ними справиться, нужно немедленно ликвидировать, не привлекая внимания, и так составить материалы следствия, чтобы было ясно: в наших рядах есть изменники и их уничтожают.

— Слушаюсь,— ответил на это Шелленберг.

Через несколько дней после просмотра киноленты Гиммлер вызвал Шелленберга в свое имение в Вустраве и, когда они гуляли по лесу, сказал:

— Шелленберг, мне кажется, что с Гитлером больше нечего делать.— Спросил: — Вы верите диагнозу де Крини?

— Да,— ответил Шелленберг,— я, правда, давно не видел фюрера, но мои наблюдения позволяют мне сделать вывод: сейчас настал последний момент для того, чтобы начать действовать.

Гиммлер, соглашаясь, кивнул. Потом остановился и произнес значительным тоном:

— Если англо-американцы окажут мне добросовестную помощь в победе над Россией, я согласен вознаградить их. Мы можем передать под управление Англии часть Сибири — ту, что между Обью и Леной. А США отдадим район между Леной, Камчаткой и Охотским морем.— Спросил: — Я полагаю, их удовлетворяют эти условия?

— Да,— сказал Шелленберг.— Несомненно.

Сейчас его не интересовали мечты будущего фюрера. Он был более реалистичен. И его обрадовало, что Гиммлер настроен решительно. Значит, и действовать теперь можно более энергично.

Больше всего Шелленберга беспокоила кровавая репутация Гиммлера. Самым перво необходимым сейчас было по возможности обелить его, чтобы эта репутация не послужила препятствием к возведению нового диктатора на трон. Более шести миллионов евреев было умерщвлено по утверждению Гиммлером на совещании в одной из вилл в районе Ванзее плану, получившему поэтому гриф «План Ванзее».

Еще в январе 1944 года Шелленберг предусмотрительно организовал свидание Гиммлера с бывшим президентом Швейцарии Мюзи. От имени еврейских организаций тот предложил пять миллионов швейцарских франков за освобождение евреев-заключенных по определенному списку.

Гиммлер был склонен произвести эту сделку. Он потребовал, чтобы на всю сумму доставили в рейх тракторы, автомашины и техническое оборудование. А для себя лично

пожелал, чтобы в американской и английской печати были опубликованы статьи, авторы которых охарактеризовали бы его только как государственного деятеля Третьей империи. О его роли руководителя службы безопасности следовало умолчать.

И вот сейчас для переговоров с Гиммлером в Германию прибыл из Швеции Бернадотт, а из Швейцарии, почти одновременно с ним, — восьмидесятилетний Артур Лазар. Старика сопровождал его младший сын.

Шелленберг доставил Лазара в одну из резиденций Гиммлера.

Мюзи выполнил свое обещание — Артур Лазар привез с собой пачку английских и американских газет, в которых были опубликованы статьи о Гиммлере.

Старик Лазар молча сидел в кресле. В черной визитке, в широких полосатых серых брюках, складками спадающих на ногах. Крахмальный воротничок с отогнутыми углами как бы поддерживал его голову. Глаза были тусклы, взор их обращен куда-то внутрь, и от этого они казались мертвыми.

Когда Лазар уезжал в Германию, жена простилась с ним, как с покойником. Но он не боялся смерти: она и так уже тащилась где-то рядом, как тень, как дань прожитым годам. Убьют сына? Шесть миллионов плюс один человек. Себя он уже не мог считать жертвой. Он поехал сюда потому, что был очень стар: его высохшему сердцу легче перенести все это.

Он думал: если бы был бог, он не допустил бы ничего подобного. Но если можно выторговать сейчас у фашистов жизнь нескольких тысяч человек, почему не сделать этого? Он знал: когда Гитлер пришел к власти, западные державы помогали ему вооружаться, рассчитывая, что он нападет на большевиков. И когда нацисты в Германии убивали евреев, западные державы молчали. Молчали, а наци на евреях обучались ремеслу убийц.

Он знал, что Эйхман даже изучил еврейский язык, стремясь обладать нужной подготовкой для должности начальника службы, специализированной на истреблении евреев.

Лазар был противником Советского Союза: считал, что в этой стране ограбили тех, кто благодаря превосходству ума умеет делать деньги так же, как он сам умел их делать.

Но поражение фашистской Германии нанес не кто-нибудь, а большевики. И только Советская Армия могла бы

освободить всех узников из фашистских концлагерей. Если бы!..

Лазар знал о тайных переговорах союзников с гитлеровцами. Знал, что фашисты все свои армии перебрасывают с Западного фронта на Восточный, надеясь при поддержке союзников остановить русских.

Он знал, что Аллен Даллес в беседе с агентом гитлеровцев заявил: «При всем уважении к историческому значению Адольфа Гитлера и его делу трудно себе представить, чтобы возбужденное общественное мнение англосаксов согласилось увидеть в Гитлере бесспорного хозяина великой Германии». И далее: «Гиммлер может быть партнером для переговоров».

Лазар знал, что Даллес, и не только он один, настойчиво поддерживает кандидатуру Гиммлера как преемника Гитлера.

Если Гиммлер станет новым фюрером, он запросит за освобождение заключенных слишком много. Но может и уничтожить их всех, якобы по повелению Гитлера, свалив убийство на ближайшее окружение фюрера.

Лазар знал, что миссия, которую он взял на себя, более чем сомнительна. Он должен был вступить в переговоры с главным палачом своего народа ради того, чтобы спасти несколько тысяч человек, указанных в списке, а сотни тысяч, обреченных на смерть, останутся в концлагерях.

Но он взял на себя эту миссию, надеясь убедить Гиммлера, чтобы он не эвакуировал концентрационные лагеря ни перед неудержимо накатывающейся лавиной советских армий, ни перед войсками союзников, медленно и осторожно продвигающимися от западного побережья.

Ради всего этого он и сидел здесь.

Рейхсфюрер вошел в комнату в сопровождении Шелленберга. Он был неуверен в себе, раздражен и явно волновался, сознавая всю опасность переговоров с Артуром Лазаром. Пожать руку еврею — для Гиммлера и то уже было подвигом. Но он пошел на этот подвиг ради выгод, которые сулил ему Шелленберг.

Гиммлер с первых же слов сбивчиво заговорил о том, что он лично предлагал разрешить еврейский вопрос путем эвакуации евреев куда-нибудь на острова. Но это оказалось невозможным: во-первых, из-за иностранной пропаганды, а во-вторых, из-за сопротивления, возникшего в партийных кругах. Как бы пытаясь оправдаться, он вдруг захотел показать Лазару какое-то документальное доказательство

своих гуманных намерений. Извинившись, ушел к себе в кабинет и стал рыться там в бумагах.

Он перебирал поступавшие к нему из концлагерей сводки о количестве производимых умерщвлений — в неделю, в месяц, в квартал. Копии своих приказов с выговорами руководителям лагерной администрации за проявленную медлительность. Докладные с техническими проектами газокамер и его одобрительными резолюциями в углу титульного листа.

Снимки препарированных трупов с разорванными легкими после пребывания в вакуумных камерах, где проводились с его санкции испытания человеческих организмов на степень выносливости в разреженной атмосфере (заказ Геринга для изучения влияния на летчиков высотных полетов).

Сводки о количестве тонн крови, полученной для нужд фронта от детей, заключенных в концлагерях.

Донесение министерства сельского хозяйства об использовании удобрений, изготовленных из кремационного пепла.

Под руку ему попался приказ от 16 февраля 1942 года за его подписью. Он бегло пробежал его:

«Высшему руководителю СС и полиции на Востоке обергруппенфюреру СС Крюгеру. Краков.

В целях обеспечения безопасности приказываю, чтобы после перевода концентрационного лагеря Варшавское гетто было снесено до основания. Причем перед этим следует использовать все годные части домов и всякого рода материалы. Снос гетто и устройство концентрационного лагеря осуществить необходимо, так как иначе мы никогда не успокоим Варшаву, а бесчинства преступных элементов не смогут быть искоренены, если гетто будет оставлено.

Мне должен быть представлен общий план ликвидации гетто. В любом случае нужно добиться, чтобы имеющаяся до сих пор жилплощадь, на которой проживает 500 тысяч человек низшей расы и которая никогда не будет пригодна для немцев, была стерта с лица земли, а миллионный город Варшава, всегда являющийся опасным очагом разложения и мятежа, был уменьшен.

Г. Гиммлер»

Он со злостью сунул эту бумагу обратно в ящик, туда, где лежал кусок экспериментального мыла из человеческого жира.

На столе он увидел копии заранее подготовленных телеграмм комендантам лагерей Дахау и Флоссенбург.

«О передаче не может быть и речи. Лагерь необходимо немедленно эвакуировать. Ни один заключенный не должен попасть живым в руки врага.

Генрих Гиммлер»

Он схватил эти телеграммы, скомкал и бросил в корзину под стол, потом наклонился, поднял и сжег в пепельнице. И, сделав это, пришел в лучшее настроение: одной уликой меньше.

Вернувшись в комнату, где его терпеливо ожидал Лазар, Гиммлер сразу заявил, что принимает все три предложенных ему пункта. Пункт первый: он прикажет не убивать больше евреев. Второй пункт: имеющиеся в наличии евреи, число которых весьма неточно и спорно, во всяком случае, останутся в лагерях, их не будут «эвакуировать». И третий: все лагеря, в которых еще имеются евреи, будут перечислены в списке, и о них будет сообщено.

Лазар выслушал это все с каменным выражением лица, молча. После паузы сказал:

— Я хочу, чтобы мой сын посетил один из лагерей. Это нужно для того, чтобы мы могли быть уверены, что ваши указания выполняются в точности.

Гиммлер встревоженно оглянулся на Шелленберга. Тот кивнул. Тогда Гиммлер поспешно сказал:

— Ваше желание, мосье Лазар, будет исполнено. У вас не должно остаться никаких сомнений.

Гиммлер верил в талант Шелленберга выкручиваться из любого положения.

Ему хотелось произвести на Лазара благоприятное впечатление. И, усевшись рядом в кресле, он с самым дружелюбным видом посетовал на то, что германская экономика при решении еврейского вопроса потерпела некоторый ущерб, лишившись искусных рабочих рук, а также той части технической интеллигенции, которая могла быть особенно полезна. И со вздохом сожаления заключил:

— Но увы! Принципы, какими бы они ни казались на первый взгляд странными, есть принципы. Нам приходилось идти на жертвы ради укрепления национального духа.— Встал и, сославшись на занятость, извинился, что не может продолжать беседу. На прощание протянул руку.

Лазар в старческой рассеянности, казалось, не заметил этого жеста. И был озабочен в этот момент только тем, чтобы раскурить сигару. Руки его были заняты.

Гордо вскинув голову, Гиммлер вышел из комнаты. Он действительно спешил: в Хоемлихене у него была назначена встреча с Бернадоттом. Встреча эта имела для Гиммлера исключительно важное значение, ибо Бернадотт должен был подтвердить признание кандидатуры Гиммлера на

пост нового фюрера заинтересованными кругами США и Англии.

Но все-таки, прежде чем покинуть комнату, Гиммлер, задержавшись на пороге, успел сказать Лазару, что сегодня же прикажет освободить из Равенсбрюка группу женщин-евреек. Но Лазар обязан найти быстрее способ информировать генерала Эйзенхауэра об этом акте милосердия.

Гиммлер намеревался через посредничество Бернадотта добиться свидания с Эйзенхауэром и был чрезвычайно любезен с графом.

Граф Бернадотт не впервые удостаивался чести быть принятым в Хоенлихене — этой штаб-квартире Гиммлера, барском имении, отлично замаскированном под огромный благоустроенный госпиталь якобы для раненых эсэсовцев.

Здесь во множестве коттеджей помещались самые секретные канцелярии службы безопасности; кроме того, в отдельных флигелях были расположены лаборатории, где химики и бактериологи изобретали новые средства для массовых умерщвлений.

Рядовые сотрудники этих служб с искусно перевязанными конечностями и снабженные костылями приезжали и уезжали из Хоенлихена в санитарных машинах. Некоторых, особо секретных агентов выносили из машин и вносили в машины на носилках, и, как у тяжело раненых в голову, лица их были тщательно забинтованы.

В таком же виде доставляли сюда тех, кого Гиммлер считал необходимым допросить лично. Такие люди, как правило, не возвращались обратно: при Хоенлихене, как и при некоторых других госпиталях, имелось кладбище.

В этом «госпитале» никого не подвергали грубым истязаниям: в отлично оборудованном хирургическом кабинете производились разнообразнейшие операции, но без применения каких-либо средств анестезии.

Вызывали на откровенность посредством электродов, которыми прикасались к трепанированным участкам мозга или освобожденным от мышечных тканей сплетениям нервных узлов.

Эсэсовцы не в мундирах, а в больничных пижамах исправно несли здесь свою службу.

Еще в предыдущие визиты к Гиммлеру графу Бернадотту удалось добиться свободы для ряда лиц скандинавского происхождения. Из концентрационных лагерей их

вывозили по ночам на автомашинах шведского Красного Креста под надзором людей Шелленберга. Граф дал обязательство сообщить об этом Эйзенхауэру, когда будет передавать ему условия Гиммлера, на которых желательно было бы заключить сепаратный мир с США.

Встречаясь в эти же дни с Риббентропом и Кальтенбруннером, граф и с их стороны выслушивал ту же просьбу — посредничать между ними и Эйзенхауэром. Он знал о том, что некоторые круги союзников делают ставку на Гиммлера. И сам держался подобной точки зрения. Он был глубоко разочарован, когда Кальтенбруннер вдруг воспрепятствовал дальнейшему вывозу пленных шведов на родину.

Граф, будучи дипломатом, понимал, что Кальтенбруннер сделал это, желая повредить Гиммлеру — помешать ему разыгрывать перед западными державами роль гуманиста. Понимал он также, что Кальтенбруннер и сам был не прочь играть перед ними подобную роль. Но факт этот свидетельствовал о том, что Гиммлер не настолько еще всесилен, чтобы открыто выступить против своих соперников, и тем более против Гитлера.

Граф давно подозревал Гиммлера в нерешительности, слабодушии. И теперь ему оставалось только одно: удивляться, как этот человек с конституцией слизняка мог исполнять обязанности главного палача в Третьей империи.

Кроме того, до сведения графа было доведено, что советским кругам стали известны переговоры гитлеровцев с агентами союзников, ведущиеся через шведских посредников. Его имя деликатно не упоминалось, но граф и без этого понял, как детально информированы о его деятельности советские круги. Все это явилось результатом тонкой работы советской разведки. Очевидно, разведчик проник в главную цитадель германской секретной службы.

Зная непреклонную позицию Советского Союза, его стратегическую и политическую мощь и понимая, какова будет роль Страны Советов при решении послевоенных проблем Германии, граф отдавал себе отчет в том, что любые попытки выдвигать теперь кандидатуру Гиммлера на пост главы нового германского правительства безнадежны и в будущем могут принести ему только вред.

Был момент, когда Гиммлер мог возглавить правительство: лидеры заговора «20 июля» шли на то, чтобы Гиммлер стал главой Германии. Зная о заговоре, рейхсфюрер по-

пустительствовал заговорщикам, его служба безопасности до поры бездействовала. Но он был робок и нерешителен. Вместо того чтобы самому руководить организацией убийства Гитлера, Гиммлер ожидал, когда это сделает однорукий, одноглазый человек, отдавший себя в жертву подвигу отчаяния. А ведь Гиммлер мог, если бы он действовал наверняка, казнить потом убийцу и главных заговорщиков и по их трупам взойти на престол фюрера, как его верный восприемник.

Сейчас, в конце войны, ненависть к фашизму объединила народы мира, и трудно будет убедить общественное мнение в том, что роль посредника между германскими фашистами и западными державами относится к сфере тонкой дипломатии, и только. Бернадотт в душе сознавал, что деятельность его выглядит как попытка помочь убийце спрятать улики, как советы ему же совершить какое-нибудь мелкое доброе дело. — например, выпустить из клетки птичку в доме, где он зарезал людей.

Все это вызывало у графа чувство досады. И он был весьма дурно настроен, когда Гиммлер и Шелленберг, извиняясь за несколько минут опоздания, вошли к нему в коттедж.

Шелленберг с первой же минуты не без тревоги заметил, что в поведении графа появилось нечто новое. Если раньше, при прежних встречах, он всегда был деловито озабочен, целеустремленно спешил перейти от светской болтовни, неизбежной в начале серьезного разговора, к существу дела, то теперь он вдруг заговорил об окрестностях Хоенлихена, заинтересовавшись его охотничьими угодьями, и обнаружил при этом тонкие познания в охотничьем искусстве.

Стремясь понять, какими тайными причинами вызвано такое отклонение от обычного поведения, Шелленберг решил поддержать разговор на эту тему и понаблюдать за графом. Но Гиммлер, сам будучи изощренным притворщиком, не умел угадывать этот дар в других. Усевшись рядом, он воспользовался короткой паузой и сразу перешел к делу.

Начал он торжественно, будто готовился сообщить графу величайшую политическую тайну.

— Мы, немцы, — заговорил он глухим голосом, — должны объявить себя побежденными перед западными державами.

Гиммлер выдержал паузу, ожидая, какое впечатление это ошеломляющее признание произведет на графа. Берна-

дотт, склонившись, рассматривал ногти у себя на руках так внимательно, будто увидел их впервые, потом вынул из жилетного кармана замшевую подушечку и стал орудовать ею.

Гиммлер сказал несколько растерянно:

— Это то, что я прошу вас передать через шведское правительство генералу Эйзенхауэру, для того чтобы избежать дальнейшей бессмысленной борьбы и кровопролития.

Граф поднял голову, спросил участливо:

— Кажется, сейчас потери германской армии на Восточном фронте достигают в отдельные дни свыше ста тысяч? — Сказал без всякого выражения на лице: — Это ужасно.

Гиммлер пробормотал:

— Перед русскими нам, немцам, и прежде всего мне, невозможно капитулировать.

— Это понятно, — сказал граф.

Словно получив одобрение, Гиммлер с горячностью заявил:

— Там мы будем продолжать бороться, пока фронт западных держав не сменит сражающийся немецкий фронт.

— Ну да, конечно, — согласился граф и тут же заметил: — Но, по имеющимся у меня сведениям, американские и английские военачальники не располагают дивизиями, подобными эсэсовским. Кроме того, им понадобится время, чтобы договориться со своими солдатами, которые до сих пор были убеждены, что они союзники русских. — Спросил неожиданно: — Как здоровье фюрера?

Гиммлер сказал мрачно:

— Я не имею права сообщать это для дальнейшей передачи. Но вам лично скажу, что при теперешнем развитии событий это вопрос двух, самое большее — трех дней. Гитлер расстанется с жизнью в этой драматической борьбе. — Добавил печально: — Утешением может служить то, что он падет в борьбе с коммунизмом — с тем злом, предотвращению которого он посвятил всю свою жизнь.

— Вы точно знаете день, когда падет в этой борьбе фюрер? — задал вопрос граф.

Гиммлер смутился.

— Я, собственно, руководствуюсь соображениями, которые высказывали лечащие фюрера врачи.

— Ах, врачи! — только и сказал граф.

Шелленбергу пришлось вмешаться, чтобы направить

разговор по более определенному руслу: ведь главная цель сегодняшнего свидания — это организация встречи Гиммлера с Эйзенхауэром. В результате граф согласился на то, чтобы Гиммлер написал письмо Гюнтеру с изложением своей просьбы в надежде, что его превосходительство поддержит его. Ссылаясь на неотложные дела, Гиммлер простился и ушел, а Шелленберг под каким-то предлогом задержался еще на несколько минут. Он сделал это, чтобы еще раз настойчиво повторить просьбу Гиммлера к Бернадотту: немедленно лететь к Эйзенхауэру и добиться для Гиммлера свидания с ним.

Граф дружески взял под руку Шелленберга, к которому испытывал всегда особое расположение, считая его умным и смелым пройдохой. Окажись Шелленберг на месте Гиммлера, он действовал бы куда более решительно и день смерти Гитлера определил бы, не советуясь для этого с его личными врачами.

Мягко шагая по темной аллее, граф сказал:

— Рейхсфюрер не отдает себе отчета в истинном положении дел. — Вздохнул: — Я в данный момент ничем не могу помочь ему. — Добавил после паузы: — Я мог это сделать после моего первого посещения, если бы он тогда полностью принял на себя руководство делами рейха. Теперь, по моему мнению, у него нет никаких шансов. — Любезно улыбнулся, посоветовал: — А вы, мой милый Шелленберг, поступили бы умнее, заботясь о самом себе.

Когда Шелленберг вернулся к Гиммлеру, тот, воодушевленный беседой с графом, стал говорить о том, какие шаги он предпримет в первую очередь, когда станет фюрером. И тут же сказал, озабоченно наморщив лоб, что придется как-нибудь переименовать партию. «Национал-социалистская» — от этого названия западные державы потребуют отказаться.

— «Национальная партия объединения». Как вы находите? — предложил Шелленберг.

— Отлично! — воскликнул рейхсфюрер и похвалил: — Вы удивительно быстро соображаете, Вальтер!

Потом Гиммлер стал жаловаться на Кальтенбруннера: тот вмешивается в его распоряжения и отменяет его приказы, связанные с освобождением небольших групп заключенных. А ведь это необходимо в связи с обязательствами, принятыми во время переговоров с Мюзи и Бернадоттом. Сказал досадливо:

— Я понимаю, для фюрера все эти заключенные и иностранные рабочие — заложники. До последней минуты он может угрожать западным державам, что прикажет произвести побоище в лагерях. Но я тоже имею право создать себе некоторую гарантию перед Западом путем угрозы уничтожения всех лагерей со всем их содержимым.

Гиммлер дал приказание Шелленбергу создать секретную группу из особо надежных лиц его службы.

С одной стороны, группе этой поручалось воспрепятствовать полному уничтожению заключенных в лагерях, когда такой приказ последует от Гитлера или Кальтенбрунера. С другой стороны, составлявшие эту группу люди должны быть готовы выполнить подобный же приказ, если он будет исходить от Гиммлера.

Случилось так, что сопровождать сына Лазара в один из концентрационных лагерей было приказано Вайсу.

Целью поездки являлась проверка того, как выполняется приказ Гиммлера об освобождении тех заключенных, чьи имена были указаны в списке.

Вайс несколько своеобразно выполнил поручение Шелленберга. Сначала он, пользуясь своим мощным документом, минуя комендатуру, провел молодого человека по лагерю и обстоятельно ознакомил его с постановкой дела. Он показал ему все, вплоть до помещения, примыкающего к входу в крематорий, где в стены были вбиты крюки для повешения и на полу лежали деревянные молоты для тех случаев, когда все виселицы были заняты. И только после этого провел его в комендатуру.

Получив уведомление о том, что лагерь посетит представитель международного Красного Креста, начальник лагеря держался со спутником Вайса подчеркнуто почтительно.

И когда молодой человек потребовал, чтобы ему показали заключенных, имена которых обозначены в списке, комендант сказал любезно:

— Но, к сожалению, все они в картонных коробках, урнами мы не располагаем. Очевидно, их так потрясло счастливое известие о близком освобождении, — он сообщнически улыбнулся Вайсу, — что все они скончались скорострельно от сердечных спазмов. Наши врачи пытались спасти их, но медицина оказалась бессильной.

Вайс раскрыл свой документ перед ухмыляющимся лицом начальника лагеря. Сказал:

— Вы ответите за это собственной головой. По чьему приказу вы действовали?

— Вот, — начальник лагеря вынул из кармана бумагу и протянул Вайсу. Внизу стояла подпись Кальтенбрунера.

На обратном пути спутник Вайса не сел с ним рядом. Он устроился на заднем сиденье, и Вайс видел в зеркале его бледное, ненавидящее лицо. Вайс свернул на боковую грунтовую дорогу и остановил машину в чаще деревьев.

— Что случилось? — тревожно спросил юноша.

Вайс повернулся к нему, спросил:

— Вы все поняли?

— Что вы имеете в виду?

— Если вы все поняли и не сумеете скрыть своих чувств, с вами может произойти то же, что и с теми... Возможно, средством для этого послужит автомобильная катастрофа.

— Не пугайте меня! — И юноша ожесточенно, с отчаянной решимостью стал обвинять Вайса в убийстве несчастных узников. Да-да, он соучастник этого убийства!

Вайс слушал не прерывая.

— Вы смелый человек, — сказал он, когда поток проклятий истощился. — Мне это в вас нравится. Вы никогда не забудете то, что видели сегодня?

— Во веки веков! — воскликнул юноша и тут же опомнился и с изумлением посмотрел на Вайса.

— Ну что ж. Аминь. Поехали дальше. Только, пожалуйста, не вздумайте стрелять мне в затылок, — сказал Вайс. — По вашему лицу я чувствую, что вам очень хотелось бы это сделать.

Доставив своего спутника в Хоемлихен, Вайс доложил Шелленбергу о результатах поездки.

Шелленберг был вне себя.

Вайс сказал:

— Прошу прощения, мой бригаденфюрер, но мне кажется — здесь была допущена не просто оплошность.

— А что именно?

— Мне думается, что тот, кто дал указание, хотел этим повредить нашему рейхсфюреру.

Шелленберг долго, пытливо смотрел в приветливо-спокойное лицо Вайса. Потом приказал:

— Подберите себе двух человек, абсолютно надежных и готовых на все. — Добавил: — На это вам дается три... нет, один день. И ждите дальнейших распоряжений.

— Слушаюсь, мой бригаденфюрер. — слегка сдвинул каблуки Вайс, не считая необходимым особо щеголять выправкой: наступило время, когда этого от него уже не требовалось.

Вайс посетил салон массажа.

Здесь все шло так, будто не было никакой войны. Вымуштрованный персонал, как всегда, отменно любезен и услужлив. Тишина, покой, стерильная чистота кабин и халатов. После процедур профессор пригласил Вайса к себе для «медицинского осмотра».

Штутгоф похудел, осунулся, лицо его выглядело еще более изможденным и усталым.

Вайс доложил обо всем, что ему удалось узнать в эти дни.

Профессор молча слушал, делал по временам отметки в крохотном блокноте. Спросил:

— Это все?

— Только самое существенное.

Профессор сказал:

— Гитлеровцы единодушны в своем намерении уничтожить концлагеря и заключенных в них людей, уничтожить как улику, как свидетелей обвинения. Такова обычная тактика преступников. Кроме того, Гитлер рассчитывает, что это величайшее злодеяние вынудит нацистов, боящихся возмездия, укрыться в подполье и продолжать борьбу. Что касается попыток некоторых властителей рейха сотнями или даже тысячами освобожденных откупиться сейчас за убийство миллионов, то это сплошное мошенничество. Но воспользоваться им надо, чтобы освободить большее число заключенных, чем намечено в списках. Главная наша задача теперь — предотвратить массовое уничтожение людей. И это — указание Центра. Могу сообщить, — он чуть-чуть улыбнулся, — ваши данные о секретных базах террористических подпольных фашистских организаций изучены в Центре, проверены. И, соответственно этим данным, оперативные группы нашей контрразведки брошены в указанные районы. Советской Армии, таким образом, обеспечена безопасность в тыловых районах. — Усмехнулся. — Кстати, массажист Гиммлера получает у меня консультацию по чисто медицинским вопросам. Он доверительно

поведал мне, что слышал разговор Шелленберга с Мюзи по телефону. Шелленберг говорил Мюзи, что он лично несколько раз оказывал услуги еврейским семьям, а также лицам, вступившим в смешанный брак. Он уверял даже, что числится «неблагонадежным» с точки зрения партийной иерархии и обладает властью только в государственном аппарате. Фашисты пытаются отречься от фашизма в надежде уцелеть. Они будут предавать друг друга и готовы отдать все за спасительную фальшивку своей якобы «неблагонадежности» — учтите.

В дверь постучали.

— Прошу, — сказал доктор.

В комнату вошла девушка в форме вспомогательного женского подразделения службы наблюдения воздушной обороны. Стройная, миниатюрная, с неприятным, высокомерным выражением кукольно-холодного, надменного лица.

— Это моя Надюша! — сказал доктор по-русски и, кивнув на Вайса, предложил ей: — Знакомься!

Вздернутые плечи девушки как-то сразу опустились, лицо преобразилось, будто мгновенно сменили его на другое — застенчивое, милое и немного растерянное.

— Это вы! — воскликнула она и, краснея, протянула руку Вайсу. — А я вхожу, вижу — фриц. — Сказала, жадно вглядываясь в Вайса: — Вот вы, значит, какой!

Вайс смутился, отвел взгляд.

— Ну, вы там, молодежь, хватит! — почему-то рассердился профессор и потребовал от дочери: — Докладывай.

Девушка села на стул так, чтобы можно было смотреть и на Иоганна, и на отца. Заговорила, глядя смеющимися глазами на Вайса, но таким сухим и строгим тоном, что казалось, эти слова произносит другой человек.

— Операция под кодовым обозначением «Вольке» планирует бомбардировку немецкой территории подразделениями германского воздушного флота. Бомбардировщики будут замаскированы под авиацию союзников. База этих подразделений отмечена на карте. Объекты налета пока еще неизвестны. Есть предположение, что это концентрационные лагеря, так как план операции утвержден Гиммлером и Кальтенбруннером.

— Вот видите, — сказал профессор, — Кальтенбруннер препятствует Гиммлеру освободить из концлагеря несколько сот человек, Гиммлер мешает сделать то же самое Кальтенбруннеру, — грызутся, чтобы ни один из них не

получил лишнего шанса перед союзниками. И оба при этом единодушно разрабатывали акции массового уничтожения сотен тысяч. — Склонился, потер колени, поморщился. Объявил, строго глядя на Вайса: — Ваша задача — выявить, какие именно лагеря намечены для уничтожения с воздуха. Второе — я не возражаю против того, чтобы включить вас в боевую группу, которая должна будет на месте воспрепятствовать этому. — Встал. — Всё!

Вайс смотрел на девушку и нерешительно улыбался.

— Всё! — повторил профессор.

Девушка попросила:

— Можно, я провожу товарища?

— Вот еще! — рассердился Штутгоф. — Не маленький, сам знает дорогу.

— Ну, папа! — умоляюще воскликнула девушка.

— Я сказал — нет. И вообще — нечего...

— Что нечего? — упрямо переспросила девушка. —

А вдруг нам по пути?

— Знаете, — сказал профессор, подталкивая Вайса к двери, — проваливайте! — Оглянулся на дочь. Произнес жалобно: — Ты же в опергруппе, потерпите — на базе встретитесь...

То ли от ослепительной чистоты голубого дня, то ли от мимолетного ласкового взгляда советской девушки, то ли просто потому, что к нему вдруг пришло необъяснимое чувство радости бытия, но Вайс почувствовал, что его больше не мучает чувство одиночества. Он ощутил себя частицей огромного мира, созданного человеком для человека, и в этом удивительном, светлом состоянии духа пришел к Генриху.

Генрих был мрачен. Он швырнул Вайсу несколько листов бумаги, на которых было что-то напечатано.

— Прочти! Из личной канцелярии Вилли Шварцкопфа.

Иоганн сел к столу и стал читать.

«Административно-хозяйственное управление СС.

С е к р е т н о

Рейхсфюреру СС.

Рейхсфюрер! Золотые зубы умерших заключенных по вашему приказу сдаются санитарному управлению. Там это золото используется при изготовлении зубных протезов для наших людей. Обер-фюрер СС располагает уже запасом золота свыше 50 килограммов; этого хватит для покры-

тия предполагаемой потребности в благородных металлах на ближайшие пять лет.

Как по соображениям безопасности, так и в интересах должного использования, я не считаю целесообразным накапливать большее количество золота для этой цели.

Прошу разрешения в дальнейшем весь лом золотых зубов умерших заключенных направлять в рейхсбанк.

Хайль Гитлер!

Исполняющий обязанности Франк, бригаденфюрер СС и генерал-майор войск СС».

Другая бумага гласила:

«Список поношенных изделий из текстиля, вывезенных по распоряжению главного административно-хозяйственного управления СС из лагерей Освенцим и Люблин:

старая мужская одежда	92 000 комплектов
женская	26 000 »
женское белье шелковое	3 900 »
	Всего 34 вагона
тряпья	400 вагонов
перины и подушки	130 вагонов
женские волосы	1 вагон

Копия верна. Гауптштурмфюрер СС»

Глядя на Вайса, Генрих воскликнул:

— И дальше все такие же! Иоганн, я больше не могу. Я убью его!

— Если ты это сделаешь, — сказал сухо Вайс, — ты окажешься виновником гибели сотен тысяч людей. Твой дядя для нас сейчас источник тех сведений, при помощи которых мы сможем спасти сотни тысяч... Подожди, — остановил он Генриха, — сейчас все станет ясным. Скажи, поступали к Вилли приказы о списании с довольствия каких-нибудь лагерей?

— Да, недавно, кажется, в Дахау, в Линдсберге, Мюльдорфе и еще где-то.

— Установи точно! Дело в том, что сейчас готовится операция по уничтожению заключенных. Те лагеря, что назначены на первую очередь, соответственно снимаются с довольствия. Понял?

— Да.

— Сегодня сможешь узнать, примерно к вечеру?

— Да.

— Ну вот и все.

— Подожди, — попросил Генрих. — Но ведь это не «все». Как ты любишь это слово «все»! Надо сделать еще что-то главное, чтобы спасти людей.

— Это возлагается на боевые группы.

- А я?
- Что — ты? Ты делаешь огромное дело.
- Нет,— возразил Генрих.— Нет. Я тоже должен быть там, где ты. Обещаешь?
- Ладно,— сказал Вайс.— Это мы еще обсудим.

Зубова Вайс в первый момент даже не узнал: по улице к месту свидания шел сутулый человек, плохо побритый, с почерневшим лицом, на котором острыми выступами обозначились скулы.

Выслушав Вайса, Зубов оживился.

— Люди? Есть! И четыре немца — тоже из лагерников.— Добавил несколько виновато: — В свободное от работы время выходил с ними на операции. Народ в боевом отношении грамотный.

— Оружием обеспечены?

— Еще как! — сказал Зубов.— Можем продать излишки.

— Так вот, с этого момента,— Иоганн усмехнулся,— чтоб тише воды, ниже травы... Только быть в готовности номер один.

— Ясно! — сказал Зубов.

Вайс положил руку на его плечо.

— Ты, старик, держись.

— Трудно мне,— пожаловался Зубов.— Если б хоть жить не в ее доме. Кажется, всюду ее вижу... Ноет, как зуб.— Попросил: — Может, можно съехать, а?

— Нельзя,— сказал Вайс.

— Значит, терпеть?

— Да,— сказал Вайс.

Очевидно, убедившись после разговора с Бернадоттом в полной безнадежности всех попыток произвести Гиммлера в сан нового фюрера, Шелленберг не придавал уже никакого значения «особой группе», в которую входил и Вайс. И хотя эта группа отлично справилась с задачей тайной эвакуации лиц, освобожденных из лагеря по спискам Бернадотта и Мюзи, ее сейчас включили в состав другой группы СС, занятой всецело разработкой планов и техники истребления заключенных, а также иностранных рабочих на секретных объектах.

Работая в этой общей, расширенной группе, Вайс сумел ознакомиться со списком уполномоченных СД, которые направлялись в лагеря для общего руководства операций.

Сократить число лиц, благополучно прибывающих к месту назначения, должны были боевики.

Кроме того, используя бланки, образцы печатей, подписей, различные секретные грифы, добытые Вайсом, удалось изготовить приказы, отменяющие «эвакуацию лагеря» на известный срок или впредь до особого распоряжения. Эти приказы доставляли в лагеря «курьеры» из числа боевиков-немцев или таких, которые в совершенстве знали немецкий язык.

Обычно подобные приказы привозили офицеры СС или чины гестапо. Значит, прибыв в лагерь, боевики не могли сразу покинуть его, как это положено рядовым. Чтобы не вызвать подозрения, им приходилось пользоваться некоторое время гостеприимством лагерной администрации. Но каждый час пребывания в лагере угрожал смертью...

Двенадцать уполномоченных СД должны были вылететь через три дня в районы Западной Германии и руководить там уничтожением лагерей так, чтобы от них не осталось никаких следов.

Штутгоф, получив эту информацию от Вайса, сказал ему через день, что союзники предупреждены и их истребительная авиация будет в воздухе. Но если германскому транспортному самолету с уполномоченными СС все же удастся благополучно совершить посадку, предотвратить с земли дальнейшее будет невозможно.

Сразу же после вторжения союзников на Западе специальные отряды «командос» начинают охотиться за научно-исследовательскими материалами, за самими исследователями, патентами и технической документацией. Других указаний они не имеют. Эта охота за документами и людьми носит наименование «Пеипер-Клипс». И хотя среди «командос» есть группы, которые, без сомнения, могли бы предотвратить бойню в концлагерях, приказа на это им не дадут. Как быть?

Вайс сказал:

— В состав пассажиров секретного рейса мы никого включить не можем: список подписан Гиммлером и Кальтенбруннером. Но экипаж формируется только в день вылета, и люди не знают друг друга.

Можно сделать следующее: я приеду на аэродром к дежурному гестапо и вместе с ним займусь проверкой экипажа. К одному из его членов я вызову подозрение и сниму его с полета. Если понадобится, соединю дежурного с Дитрихом — тот скажет то, что скажу ему я.

Времени будет в обрез, дежурный начнет волноваться, и если в это время поблизости окажется наш человек, специально подготовленный, я проверю у него документы, которые не встретят с моей стороны возражений. Члены экипажа имеют парашюты. Он сможет открыть люк и выпрыгнуть, после того как установит мину. Другого пути не вижу.

— Но этот человек должен быть летчиком, иначе он сразу разоблачит себя.

— Да, конечно, я ведь и говорю: специально подготовленный.

— Но у нас таких нет.

— Может, в группе Зубова?

Когда Вайс обратился к Зубову с этим вопросом, тот радостно заявил:

— Я же в осоавиахимовской школе учился, ходил уже самостоятельно в воздух, без инструктора, через час — и был бы пилот.

— И этого часа не хватило?

Зубов сконфузился.

— Да, понимаешь, пришили воздушное хулиганство за преждевременное чкаловское пилотирование. Словом, за бреющий рядом с поездом пострадал. — Ухмыльнулся хвастливо: — Пассажирам понравилось: платками из окон махали, я одним глазом наблюдал.

— Слушай, — сказал Вайс, — этот полет, ты понимаешь...

— Здравсьте! — прервал его Зубов. — Я ведь бессмертный. К тому же у меня свыше двадцати прыжков с парашютом, это моя главная гарантия. Не беспокойся, великолепно выживу.

Документы для Зубова достала Надя. Передавая их Вайсу, она сказала:

— Только нужна другая фотография. — Добавила: — А так документы очень хорошие. — Попросила: — Но, если можно, верните сегодня же: я должна положить их обратно.

— А если не удастся?

Надя подняла на Вайса глаза, сказала тихо:

— Папе это было бы особенно тяжело, после того как мы уже потеряли маму.

Узнав о том, что операция поручена Зубову, профессор недовольно поморщился.

— Я не сомневаюсь в авиационных способностях товарища Зубова, но хулиганить на «У-два» — это одно, а во-

дить большой транспортный самолет — другое. — Добавил: — Я решительно против.

— А если бортмехаником?

— Он же незнаком с конструкцией немецкой машины. Завалится!

— Слушайте, — сказал Вайс. — Бортстрелок!

— Это, пожалуй, подойдет. — И профессор закончил уже совсем другим тоном: — Самое замечательное — это то, что он имеет опыт парашютных прыжков. Посылать другого — значило бы на верную гибель.

Все получилось гораздо проще, чем ожидал Вайс.

Вызвав к дежурному гестапо членов экипажа для дополнительной проверки, установив по армейским книжкам, кто из них бортстрелок, Вайс подозрительно глянул на этого человека и с величайшим напряжением удержал на лице озлобленно-обыскивающее выражение.

Низкорослый, коренастый малый, на которого он смотрел, подойдя вплотную,дохнул на него запахом такого водочного перегара, что Вайс испытал чувство восторга.

— Свинья! — закричал Вайс. — Свинья и трус! Нахлестался перед вылетом. — И, обращаясь к дежурному гестапо, сказал: — Это преступная небрежность с вашей стороны. — Приказав членам экипажа удалиться, спросил: — Что вы намерены делать?

— Я сейчас вызову другого человека.

— Сколько на это потребуется времени?

— Двадцать минут, не больше.

— Самолет должен вылететь через двенадцать минут: его будут сопровождать истребители, они уже, наверное, в воздухе. Вы сорвали задание чрезвычайной государственной важности.

Дежурный стоял вытянувшись, бледный, облизывая пересохшие губы.

Вошел Зубов в авиационной форме, с рюкзаком. Отдал приветствие. Вайс набросился на него:

— Почему без сопровождающего? Документы! — Посмотрел, сунул дежурному, сказал небрежно: — Вам чертовски везет. — Подмигнул ему. — Подозреваю, что я напрасно вас упрекал: очевидно, вы оказались более предусмотрительным, и этот ваш человек явился не через двадцать минут, а мгновенно. — Похлопал дежурного по плечу: — Умеете работать, а?

Дежурный мельком взглянул на документы, приказал Зубову:

— Марш в машину!

Зубов сказал:

— Но, господин унтерштурмфюрер, у меня назначение на другой рейс.

— Марш, не разговаривать!

Зубов ушел. Ушел, положив документы в карман.

А если документы не будут сегодня же возвращены Наде, Штутгоф, потерявший здесь жену, завтра, а может, уже сегодня ночью потеряет и дочь.

Вайс предложил дежурному пройти с ним к самолету. Дежурный записывал в книгу, что снят с полета и заменен другим бортстрелок.

Пассажиры уже находились в кабине. Зубов не показывался. Гестаповец поглядывал на часы, его попросили подняться в самолет.

Вайс остался один и уже готов был последовать за дежурным, чтобы разыскать Зубова, но Зубов появился у дверцы, держа ранец-парашют. Он бросил его на взлетную площадку и успел передать Иоганну свои документы.

Вайс был необыкновенно счастлив и обрадован тем, что документы Зубова у него в руках. Он удивился, но вначале не придавал особого значения факту, что Зубов выбросил парашют и что за этим парашютом последовало еще три других.

Как только гестаповец спустился из самолета по лесенке, лесенка была убрана, люк туго и гулко захлопнулся, и машина, гудя прозрачными нимбами пропеллеров, покатилась по взлетной полосе, все больше и больше набирая скорость. Оторвавшись от земли, транспортник стал круто набирать высоту.

Возвращаясь вместе с гестаповцем с аэродрома, Вайс спросил:

— Почему выбросили из самолета парашюты? Что они, лишние?

— Нет,— сказал гестаповец.— не лишние. Просто старший группы — штандартенфюрер — очень взволновался, когда узнал, что один из членов экипажа снят с полета как не заслуживающий доверия. И потребовал, чтобы у всех членов экипажа отобрали парашюты. Он считает, так больше гарантии, что летчики не бросят самолет, если машину подобиют вражеские истребители. Они будут до последней минуты стараться спасти машину,

а значит, и пассажиров.— Одобрил: — Что ж, в этом есть логика. Мне оставалось только выполнить его категорическое приказание.

Байс смотрел в пустое небо, гигантское, как бездна. Он испытывал непреодолимое отчаяние, пустоту, будто утратил сейчас свою собственную жизнь. И все вокруг казалось ему мертвым.

70

В штабе группы Вайсу сообщили, что его желание удовлетворено и он может сегодня же выехать на авиационную базу для проверки того, насколько личный состав ее и материальная часть подготовлены к выполнению специального задания под кодовым обозначением «Вольке».

Он пришел к профессору, вернул ему документы, сообщил о том, что отбывает, и о том, что Зубов при выполнении задания теперь не сможет воспользоваться парашютом.

Профессор, прикрыв рукой документы, возвращенные ему Вайсом, будто боясь расстаться с ними хотя бы на минутку, сказал:

— Вот до того момента, пока вы не пришли, я все время думал, переживу я или не переживу, если погибнет Наденька. И знаете, понял, что не переживу. Вот так вот. А теперь — Зубов. Тяжело, верно. В нашем деле самое, пожалуй, легкое, когда ты решаешь собственную судьбу, а не судьбу другого.— Посмотрел твердо в глаза Иоганну.— Свою дочь, как опытную радистку, я включил в состав группы, которая будет придана вам. Вы должны иметь постоянную оперативную связь с Центром.— Разложил карту.— В районе, находящемся в зоне авиационного воздействия базы, находится несколько крупных концентрационных лагерей. Но вот что нам следует с вами продумать. Вот здесь вот,— Штутгоф показал на карте,— подземный концентрационный лагерь, где производятся «Фау-один» и «Фау-два». Заключенные никогда не выходят из штольни. Там работают, там умирают, только их трупы вывозят и кремируют в наземных лагерях. Обе основные подземные шахты тянутся почти на полтора километра под землей и связаны между собой сорока восемью туннелями. Ствол входа и выхода один, остальные заделаны и забетонированы.

Понятно, что этот подземный лагерь, где находится свыше двенадцати тысяч заключенных, не может быть уничтожен с воздуха. Но, по данным, полученным вами от Генриха, весь лагерь снимается со снабжения через шесть дней, исключая сегодняшний. Значит, предполагается, что через шесть дней он должен быть уничтожен.

Главная ваша задача — выяснить, каким способом предполагается уничтожить лагерь, и предотвратить его уничтожение. — Сказал грустно: — Приданная вам группа не столь многочисленна, как хотелось бы, но я не в силах увеличить ее. Вы сами знаете, не только Зубов, но и многие другие товарищи выполняют сейчас труднейшие задания. — Он вздохнул и добавил: — Я надеюсь, вы выполните приказ Центра успешно.

Вайс был неприятно удивлен тем, что в командировку на авиационную базу он едет не один, а с Дитрихом.

Дитрих сказал, потирая руки:

— Вы знаете, я очень энергично настаивал, чтобы это задание было поручено и мне. — Объяснил, плутовато улыбаясь: — Операция совершенно секретная, приказ подписан Гиммлером и Кальтенбруннером. Мы с вами никакого отношения к ее прямому исполнению не имеем, на нас возложена только функция контроля подготовки и так далее. Но это знак особого доверия. И я уверен, что потом никто не посмеет совать меня в эту опасную возню с организацией нашего подполья. Я надеюсь, что меня незамедлительно переправят на Запад — куда-нибудь в Швейцарию, например, где я буду свято хранить тайну этой операции, при соответствующем обеспечении всех необходимых для меня жизненных удобств, разумеется.

— Спешите удрать? — спросил Вайс.

— Это же необходимо в интересах высших лиц, подписавших приказ, который, как говорят дипломаты, не для печати. Хотя, пожалуй, напротив — Геббельс будет визжать с газетных страниц о злодейском налете авиации союзников на концентрационные лагеря. Мы с вами, как свидетели этого ужасного налета, сможем подтвердить его слова.

— Значит, хотите жить? — спросил Вайс.

— И еще как, — улыбнулся Дитрих, — с комфортом!

Полковник Вальтер, командир особой авиационной части, кавалер рыцарского железного креста, летчик еще

времен первой мировой войны, сухонький, седой, низкорослый, но с величественным, надменным лицом, вскрыл секретный пакет. Прочитав приказ и приложенную к нему инструкцию, он взглянул на Вайса и Дитриха так брезгливо, будто у этих офицеров СД были не застегнуты ширинки, и сказал, что просит дать ему час на размышление, после чего он готов будет снова принять господ офицеров.

Дитрих положился во всем на Вайса, а сам отправился завтракать в компании с молодыми летчиками.

Полковник, несмотря на свою явную неприязнь, вынужден был обсуждать с Вайсом подробности операции.

— Горючее? — сказал полковник. — Большевики наступают, через неделю они могут быть здесь. — Он топнул маленькой ступней, обутой в лакированный старомодный, остроносый ботинок. — У нас горючего на сегодня ровно столько, чтобы сняться отсюда.

— Но к вам должно поступить горючее!

— Завтра ночью, если бензовозы благополучно придут.

— А почему они могут не прибыть?

— Русские разбомбили мосты.

— Но имеются понтонные переправы.

— Да, если успеют их навести.

— В каком пункте? — спросил Вайс.

Полковник показал на карте. Потом сказал:

— Я полагал, что мой долг — вывезти на самолетах всех людей, и поэтому самолеты не загружены бомбовым комплектом. Надо посылать машины на склад, — для этого понадобится время.

— Естественно, — согласился Вайс.

— И еще, — сердито сказал полковник, — помимо всего — вот приказ Кальтенбруннера: на меня возлагается обязанность сбросить на парашютах контейнеры с отравляющими веществами для использования их лагерными подразделениями СС на случай, если какая-то часть заключенных уцелеет после бомбардировки.

— Очень предусмотрительно, — заметил Вайс.

— Слушайте, — гневно сказал полковник. — Я ас первой мировой войны. Мое имя известно во Франции и Англии. На моем счету двадцать восемь авиационных поединков, которые я провел с честью.

— Ну и что же? — спросил Вайс.

— Я солдат, — сказал полковник. — Солдат. И у меня

есть свои воинские убеждения и принципы. А вы гестаповец...

— Я офицер СД.

— Не вижу существенного различия.

— Короче говоря, вы хотите сказать, что вам не слишком нравится это боевое задание?

— Оно не боевое, не воинское.

— А какое же?

— Вы сами отлично знаете какое.

— Вы просто боитесь. Боитесь, что впоследствии вас будут рассматривать не как военнопленного офицера, а как военного преступника.

— Да,— сказал полковник,— я не боюсь погибнуть, быть даже расстрелянным большевиками. Но не повешенным, как...

— Как кто? — спросил Вайс.

— Как могут повесить вас, например.

— Вы хотите уклониться от задания?

— Я солдат и подчиняюсь приказу.

— Но приказы не обсуждают.

— С подчиненными — да. А вы не мой подчиненный.

Вайс посмотрел прямо в глаза полковнику.

— Я вам признателен за то, что вы столь честно и откровенно высказали мне свое мнение.

— И вы этим воспользуетесь в соответствии с родом и духом своей службы?

— Нет,— сказал Вайс.— Просто вы меня заставили тоже кое о чем задуматься.

После этого разговора Вайс еще побывал у полковника, но беседовал с ним о чем угодно, только не о ходе подготовки к операции. Точно так же вел себя и полковник.

Через связного Вайс сообщил группе о времени, когда должны прийти цистерны с горючим, и указал на карте, где находятся понтонный мост, бомбовый склад и дорога от склада к аэродрому.

Вайс осмотрел два блиндажа, служившие теперь хранилищем для отравляющих веществ,— кроме баллонов с газами, здесь лежали ящики с ядами в ампулах и в коробках. Во время одного из осмотров ему удалось сунуть между ящиками термитную шашку с химическим запалом замедленного действия, изготовленную в виде пластмассового портсигара.

Через день весь личный состав в противогазах боролся с пожаром в блиндаже. После этого понадобились еще

сутки для того, чтобы люди могли вернуться в расположение аэродрома, не подвергая себя опасности отравления. Почти на два километра вокруг листва на деревьях пожелтела и пожухла.

А еще через день полковник вызвал к себе Вайса и сообщил ему, что понтонный мост взорван и бомбовозы не смогут переправиться, пока не наведут переправу; кроме того, транспорт машин с бомбами, следующий от склада к аэродрому, был обстрелян. Машины приведены в негодность, часть их взорвалась вместе с грузом.

Разведя руками, он сказал тоном фальшивого сожаления:

— Таким образом, я бессилен выполнить приказ в указанные сроки.

Дитрих был в бешенстве. Он пытался наладить переговоры с Берлином.

Связной передал Вайсу, чтоб в эту ночь он покинул аэродром. Но Вайс не смог этого сделать: Дитрих ни на шаг не отходил от него. Он сказал Вайсу:

— Вы разрабатывали с полковником операцию и виновны в том, что она сорвалась. — Пригрозил: — Я доложу о вас. Офицеры подтвердят, что вы устранили меня от подготовки к операции.

Вайсу предоставили отдельную комнату, но теперь к нему перебрался Дитрих. Ложась спать, он запирает дверь на ключ и клал его в карман, говоря, что боится диверсантов, а пистолет засовывал под подушку.

Ночью советские штурмовики и бомбардировщики совершили налет на аэродром.

Вайс бежал, пригнувшись, к обочине аэродрома, туда, подальше, где он заметил земляные щели, выкопанные солдатами охраны. Вслед за ним в щель прыгнул и Дитрих.

Щель оказалась полузасыпанной. Дитрих выталкивал Вайса с того места, где щель была глубже. Заметив блиндаж, он решил добежать до более надежного укрытия, выскочил. Последовал бомбовый взрыв. Вайса почти погребло землей. Очнувшись, он выбрался из-под земли. Ноги Дитриха торчали из воронки. Вайс потянул его за ноги и втолкнул в щель. Живот Дитриха был разворочен осколком. Вайс стал бинтовать его, но бинтов не хватило. В это время Дитрих очнулся. Он посмотрел на свою рану, брезгливо сморщился, потом заплакал.

Вайс снял китель, разорвал рубашку; когда снова раздался бомбовый разрыв, он почти машинально склонился над Дитрихом, прикрывая его собой, чтобы в рану не насыпалась земля. Дитрих это заметил. Пролепетал:

— Иоганн, вы, возможно, хороший человек. Но я донес на вас.— Простонал осуждающе: — Как вы, немец, могли стать изменником?

— Что же вы донесли? — спросил Вайс, озабоченно подкладывая свой китель под голову Дитриху.

Дитрих сказал свистящим шепотом, еле двигая губами:

— Муж фрау Бригитты — русский диверсант. Вы все время общались с ним. Перед самым отъездом об этом донес один русский военнопленный, уличенный в краже ценностей во время спасательных работ.

— Почему же тогда меня не арестовали сразу?

Дитрих вздохнул:

— Лансдорф мне не поверил. Он сказал, что я хочу свести с вами счеты за то, что вы скрыли — помните? — некоторые мои неблагоприятные поступки.

— Помню,— сказал Вайс.

— Ну вот, видите... Он мне не поверил... Приказал только вести наблюдение. Ему грозили бы большие неприятности, если б вы оказались изменником. Поэтому он все свалил на меня, приказал следить... — Дитрих замолчал, видимо борясь с невыносимой болью.— И когда мы здесь принимали с вами душ, я вышел, сказав, что мне нехорошо. И в вашем кителе нашел портсигар.— Снова последовала долгая пауза. Вайс молчал.— Такие штучки мне знакомы,— шепотом прохрипел Дитрих.— А потом, когда загорелся блиндаж, у вас больше этого портсигара не было. И сейчас его нет. Верно?..

— Да,— подтвердил Вайс.

— Вот видите,— похвастался Дитрих, уже коснеющим языком.— Я ведь хороший контрразведчик, да?..

— А зачем вы мне это все рассказали? Чтобы я вас убил?

— Да, конечно... Я не хочу мучиться. Я понял, что не смогу мучиться. Пожалуйста, Иоганн, я не могу видеть свои внутренности. Ну?

Вайс вынул сигарету, закурил.

Штурмовики стальным скользящим потоком неслись над аэродромом, и косой светящийся ливень их крупнокалиберных пулеметов бил по бетонной полосе, высекая длинные сухие синие искры.

Вайс сказал:

— Нет, я не буду убивать вас, Дитрих. Даже напротив — я пойду сейчас и пошлю за вами санитаров с носилками. Такие, как вы, не должны умирать сразу. Вам надо понюхать как следует, что такое смерть. Вы убивали других, но сами считали, что с вами этого не случится. Если вы и умрете, то, во всяком случае, с комфортом, в постели. Вот я и позабочусь о таких удобствах для вас.

Он встал, спросил:

— Вы слышите, Дитрих? Я ухажу за санитарями.

Дитрих молчал.

Вайс дотронулся до его плеча. Голова Дитриха покачнулась, но глаза были неподвижны. Вайс взял свой китель, надел и пошел к горящим службам аэродрома.

Налет окончился.

Полковник руководил тушением пожара. Он был бодр, энергичен и свирепо командовал людьми.

Вайс сказал:

— Я вынужден покинуть вас, полковник.

— Да? — спросил полковник, смотря на него так, будто впервые его увидел. — Ну что ж, вы мне не подчинены, а то бы я и вас заставил поработать. — Он махнул рукой в том направлении, где горели самолеты и, треща, рвались в них укладки пулеметных лент и снарядов.

Вайс разыскал свою машину и поехал прочь от аэродрома, потом остановился, вышел, снял с нее номер. Машина была покрыта гарью и хлопьями сажи, цвет ее стал неразличим. Свернув с шоссе, Вайс поехал по грунтовой дороге лесом, повернул, отсчитав шестнадцать просек, в семнадцатую, завел машину в кусты и дальше пошел пешком.

Как ему было указано связным, он вышел на тропинку. Спустился в балку, по дну которой бежал чистый родничок, напился.

Смутно было у него на душе. Засыпался, думал он. Штутгоф говорил — Зубов действует не всегда осмотрительно. А он сам? Как он мог допустить такую ошибку с портсигаром? Когда он узнал, что Дитрих едет с ним, он должен был придумать для хранения термитной шашки что-нибудь более примитивное и, значит, более неуличимое. Почему он это упустил? Да потому, что все это время думал о Зубове и перестал думать о себе.

Но он не мог не думать о Зубове, который, совершая свой подвиг, приговорил себя к смерти...

Из кустов вышли двое в эсэсовской форме, с автоматами, висящими на груди. В петлице у каждого, как было условлено, сосновая веточка. Вайс назвал пароль, получил отзыв и пошел дальше, шагая между этими двумя немцами. Лица их были серы, морщинисты. Вайс понял: бывшие заключенные-антифашисты, а может быть, и коммунисты.

Показался охотничий домик, выстроенный в готическом стиле, с жестяным петухом на шпиле остроконечной деревянной башни. Вайса провели в просторную, увешанную оленьими рогами комнату с камином, сложенным из кирпичей. За столом, склонившись над картой, сидел советский офицер в аккуратной, будто только что выутюженной, чистенькой форме.

Он подал руку, представился:

— Майор Колосов. — Смущенно улыбнулся. — Извините, проформа: ваше удостоверение личности.

Вайс подал свой документ, подписанный Гиммлером, Мюллером, Кейтелем, Кальтенбруннером. Майор взглянул и, возвращая, сказал уважительно:

— Коллекционная вещь. Ну, значит, еще раз здравствуйте, товарищ Белов. — Горячо пожал руку, кивнул на стол: — Вот мозгую. Садитесь, прошу вас. — Придвинул пачку «Казбека»: — Курите!

Вайс с нежностью взял папиросу.

— Довоенные?

Майор пожурил:

— Отстали вы от действительности! Послеблокадные, ленинградские. — Ткнул в карту карандашом: — Значит, вот такая петрушка получается: подступы открыты. Но сначала — ваши соображения?..

После обсуждения плана операции Вайс вышел из охотничьего домика в сопровождении майора.

Во дворе он увидел построившихся советских парашютистов в армейской форме, а рядом с ними — тоже в строю — стояли люди в немецких мундирах и в штатской одежде.

— Ну вот, — показал на них рукой майор, — весь наш интернационал в наличии. И это, так сказать, есть наш еще не последний, но весьма решительный бой. Ведь свыше двенадцати тысяч человек мы должны освободить с наименьшими потерями. А ваша группа во флигеле, — указал он рукой. — Рекомендую не терять времени. Ознакомьтесь, побеседуйте — и в путь. — Попросил: — Очень желатель-

но, чтобы вы по возможности точно уложились в расписание.

Вайс направился к флигелю. Когда он вошел, со скамьи поднялись четверо в форме офицеров СС. Двоих из них — чеха Пташека и подрывника Мехова — Вайс знал. Они дружески поздоровались. Двое других назвали себя. Белобрысый, скуластый, атлетического сложения — Вальтер Кох, другой — черный, необычайно мускулистый, яркоглазый — Ганс Шмидт.

— Откуда вы? — спросил Вайс.

Кох, улыбаясь скуластым лицом, доложил:

— «Свободная Германия».

— Были в плену?

— Нет. Берлин. Подполье. — Кивнул на Шмидта, сказал почтительно: — Он работал еще с Антоном Зефковым.

Вайс обсудил со своей группой план операции. Она заключалась в следующем.

Соответственно данным, полученным через Генриха, провиантское снабжение заключенных подземного концлагеря было рассчитано еще на двое суток. Значит, ликвидация его будет произведена по истечении этого срока.

Но если продвижение Советской Армии в этом направлении убыстрится, уполномоченный СС может принять решение ускорить уничтожение лагеря; кроме того, не исключено, что на этот счет будет дан особый приказ руководством СД.

Несомненно, что на командном пункте уполномоченного СС установлена связь с постом минеров и по его сигналу они должны привести в действие электроподрывные взрыватели, провода которых протянуты в шахты к минным погребам. Очевидно, посты минеров расположены на поверхности. Задача — выявить эти посты и обезвредить. И, когда это будет сделано, присоединиться к группе захвата, которой командует майор Колосов. Она проникнет в шахты, разминировует минные ловушки и освободит заключенных. Часть группы майора останется на поверхности, займет оборону, чтобы прикрывать отряд, действующий в шахте.

С людьми этой группы, одетыми в немецкие офицерские мундиры, Вайс и выехал в пункт, обозначенный на карте как штаб охраны лагеря, его административного управления и складов готовой продукции.

Полковник Роберт Штайнер, уполномоченный СС, принял Вайса у себя на командном пункте.

Пожилой, с плоским лицом и угловатым черепом, так называемой гинденбургской формы, спереди — прямой пробор, затылок и виски почти наголо выстрижены; сжатые губы, пронзительные глаза с вздрагивающими веками; короткие широкие пальцы с синеватыми ногтями. Рыцарский железный крест на ленте под воротником кителя.

Документ Вайса, тщательно проверив, он бросил перед собой на стол.

— Что? — сказал Штайнер так, будто Вайс перед этим обращался к нему с какими-то словами.

Вайс, кладя ногу на ногу, в свою очередь тоже осведомился:

— Что «что»?

— ...вас интересует? — промычал Штайнер.

— Я хотел бы быть уверенным в том, что меня здесь ничего не должно интересовать.

— Почему?

— В том случае, если все у вас в порядке.

— Вы имеете в виду нечто определенное?

— Да, — сказал Вайс, прищелкнув пальцами, — вот это именно!

— Техника?

— Ну что вы! — улыбнулся Вайс. — Здесь я не компетентен. Если вы меня заверите, что все в отличном состоянии, мне этого достаточно, чтобы доложить.

— Кому?

— Очевидно, кому-нибудь из тех, кто подписал мой документ.

— Непосредственно? Вы такой доверенный человек?!

— Нет, что вы! — сказал Вайс. — Передам рапорт, как полагается по службе.

— Странно!

— Что именно?

— Мне не доверяют! — вспыхнул Штайнер. — Я лично беседовал с Гиммлером и Кальтенбруннером, прежде чем отбыть сюда. А ведь я сказал им, — Штайнер выпятил грудь: — «Это для меня высокая честь». — Он опустил глаза. Вайс увидел кнопку, вмонтированную в стол, которая была прикрыта металлической скобой, запертой на висячий никелированный замок. — Высокая честь, — повторил Штайнер. — Одно мановение руки — и я исполню свой долг перед империей. Мы так хлопнем дверью, уходя, что большевики содрогнутся от ужаса. — Добавил: — Но ваше присутствие свидетельствует о том, что мне не доверя-

ют. Я буду протестовать.— Он положил руку на телефонную трубку.

— Кстати, полковник,— сказал Вайс,— когда будете говорить с Берлином, сообщите, пожалуйста, что из восьми лагерей пять я уже объехал. И там все в порядке.

Штайнер, не снимая руки с телефонной трубки, спросил:

— Значит, вы не специально ко мне?

— Ну что вы! — улыбнулся Вайс.— У меня приказ доложить о восьми лагерях. Ваш — шестой. Осталось посетить еще два.— Пожаловался: — Дико устал. Вы думаете, это легко — все время на ногах? Некоторые лагеря уже эвакуируют, и ликвидация происходит во время маршей, трупы оставляют на дороге.— Спросил: — Вы пробовали ездить на машине по трупам?

— Нет еще,— сказал Штайнер.— Но, если дороги ими забиты, придется...— Посмотрел на Вайса несколько приветливее.— Я могу вас уверить, что такого беспорядка я после себя не оставляю.

— Ну и отлично.— Вайс сделал движение, будто собирается встать.— Значит, я так и доложу.

— Вы только за этим приезжали?

Вайс взглянул на часы, пожал плечами.

— А, собственно, что еще? По-моему, все.— Напомнил: — Ведь у меня еще два лагеря!

— Так нельзя,— укоризненно сказал Штайнер.— Ну хоть пообедайте со мной. Я распоряжусь.

Полковник вышел.

Вайс мгновенно перерезал провода, идущие к кнопке, закрытой скобой с замком.

Когда полковник вернулся, Вайс сказал ему:

— Позвольте, я предупрежу сопровождающих меня офицеров о том, что задерживаюсь.

— Ну зачем вам самому? Пошлю адъютанта, он передаст.

Вайс понизил голос:

— В порядке исключительного к вам доверия. Мне кажется, среди сопровождающих меня людей находится особый человек от партии. Ну, как бы приставлен от партийной канцелярии. Я боюсь, как бы он не счел обидным для себя, что ваш адъютант передает какие-то поручения от моего имени. Я должен сам сказать ему это. Простите, но, если я поступлю иначе, мне будут грозить неприятности.

— Так пригласите и его.

— Сделайте мне одолжение, — пригласите его сами. — Добавил многозначительно: — Я полагаю, этот человек может быть и вам полезен.

— Ну что ж. — Штайнер надел фуражку.

Вайс вместе со Штайнером подошел к машине, стоящей у стены склада. Его люди не выходили из нее.

Вайс сказал, открывая дверцу:

— Уполномоченный СС, имею честь представить.

Штайнер, снисходительно улыбаясь, приблизился к открытой дверце. Вайс ударил его по шее ребром ладони, Штайнер упал лицом вниз, две пары рук подхватили его и мгновенно втащили в машину.

Вайс вынул сигареты, закурил, ждал. Из машины ему подали связку ключей. Вайс взял их, сунул в карман и вернулся в кабинет Штайнера.

Заперев дверь, он открыл несгораемый шкаф одним из ключей. Нашел папку с грифом, который был ему знаком, вынул из нее бумаги, спрятал их у себя под мундиром и вышел. Сел в машину, передал Мехову лист из папки, на котором были обозначены посты минеров, сказал:

— Соображайте.

Пташек и Кох прочно упирались ногами в связанного Штайнера, лежащего на полу с заткнутой в рот скомканной фуражкой.

— Поехали, — сказал Вайс сидевшему за рулем Шмидту.

Мехов, ознакомившись за время пути с планом минирования, сказал майору Колосову:

— Мы можем перерезать провода, идущие от пунктов минеров к штольням. Когда подрывные машинки не срабатывают, на линию пошлют поисковую группу. Их задержим засадой. Ну, сколько там — полчаса, пожалуй, не больше. Гарнизон охраны, должно быть, не маленький — дольше не устоять.

— Так, — сказал майор. — А потом?

— Потом группа прикрытия примет бой. В районе выхода из штольни будет наша последняя линия обороны, пока успеем вывести людей.

— Двенадцать тысяч, — напомнил майор. — Надо с карандашиком подсчитать, сколько придется держаться.

— Трудная арифметика, — сказал Мехов. — Люди обесиленные, на это тоже нужно взять поправку. — Ткнул пальцем в точку выхода из штольни: — Видите — блинда-

жи для охраны, а она еще не снята. Впереди целая кани-
тель: надо выбивать. Бесшумно не получится, — значит,
к месту происшествия бросят весь гарнизон.

— Это точно, — согласился майор, — придется вам по-
быть на поверхности.

— Это почему?

— Минировать подступы.

— Возражаю, — сказал Мехов. — Я тут самый квалифи-
цированный, а штольни кто будет разминировать?

— Правильно, — согласился майор. — Ну, тогда проин-
структируйте тех, кто останется на поверхности.

— Это можно.

И, хотя всего удобнее было начать операцию ночью,
майор приказал немедленно выходить на исходные пози-
ции.

Допрос Штайнера ничего не дал. Гауптштурмфюрер,
казалось, помешался от отчаяния и ненависти. Вначале он
был как бы в истерическом припадке, а потом впал в состо-
яние прострации, глаза закатились под лоб, рот полу-
открыт, как у кретина, от него дурно пахло. Он не мог даже
сидеть, сползал со стула, когда его не держали.

— Если симулирует, то очень здорово, — сказал, при-
глядевшись к нему, майор. — Врача бы! А так, не для
специалиста, — рехнулся, и все. Вот это называется казус.

Вход в шахту начинался с туннеля, пробитого в склоне
горы, — к нему вела узкоколейка для вагонеток.

Когда весь отряд парашютистов бесшумно собрался
у подступов к штольне, группа боевиков в мундирах эсэ-
совцев под командованием Вайса строевым шагом направи-
лась к туннелю.

Из-под свода туннеля вышел эсэсовец в звании ро-
тенфюрера и приказал остановиться. Из амбразур двух
бронеколпаков торчали стволы спаренных пулеметов.

Вайс продолжал шагать впереди группы, будто не слы-
шал угрожающего предупреждения.

Видя нацеленные стволы пулеметов, он ощущал себя
как бы гигантской мишенью для них.

Остановил группу он в метрах пятнадцати от броне-
колпаков. Заорал изо всех сил:

— Ротенфюрер, ко мне!

И, когда тот сделал несколько неуверенных шагов,
приказал ему, кивая на строй:

— Принять команду!

Ротенфюрер неуверенно сказал:

— Но, гауптштурмфюрер, это не мои люди.

— Принять команду! — повторил Вайс. Пройдя мимо растерявшегося ротенфюрера под свод туннеля, пожаловался: — Жара, пыль... Воды! — И стал сбивать пыль с мундира снятыми лайковыми перчатками. Приказал: — Выстроить ваших людей! — Добавил, дружески улыбаясь: — Я оглашу сейчас приказ фюрера о награждениях в честь дня его рождения. — Пояснил: — Теперь этот торжественный акт приказано совершать на ходу, чтобы не отрывать людей от несения службы.

Ротенфюрер поднес к губам свисток, его подразделение выстроилось.

Вайс отдал команду своим людям занять освобожденные посты. А сам, поднявшись на бронеколпак, обратился с речью к выстроенному перед ним подразделению. И, когда цепь парашютистов приблизилась, Вайс, внезапно прервав речь, произнес спокойно и деловито:

— Теперь сдавайтесь!

Спрыгнув с бронеколпака, он залег за ним.

Но это были не просто солдаты, а отборные эсэсовцы. Они попытались вступить в бой, и только четверо добровольно сложили оружие.

Майор, после того как схватка закончилась, мельком взглянув на часы, сказал Вайсу:

— Ну что же, прошумели. С этой минуты наша операция больше уже не секретная для немцев. Значит, знай держись!

Часть отряда парашютистов занимала оборону вокруг выхода из штольни, другая окапывалась на рубежах в километре от нее. Пять человек, взяв взрывчатку, бросились в туннель вслед за Меховым.

Через несколько минут они выбежали оттуда. Меховскомандовал:

— От туннеля — прочь!

Присел поодаль, тяжело дыша.

Мягкий, приглушенный взрыв потряс почву. Из жерла туннеля выбросило клубы пыли, осколки камня.

Натягивая на уши пилотку, Мехов объявил, сияя:

— Порядок! Откупорили. Но теперь для меня начнется самая возня с их сюрпризами. — Предупредил: — Пока фонариком не помигаю, семафор закрыт, отдыхайте спокойноненько. — Махнул рукой двум парашютистам, тоже минерам: — Пошли.

Штурмовая группа, которой назначено было пройти

в штольню, состояла всего из семи человек. Майор остался на поверхности командовать обороной.

Вайс, ссылаясь на недостаточный армейский опыт, сказал, что пойдет со штурмовой группой. Майор задумался.

— Ну что же, резонно. Только я вам еще радистку придам. Связь держать надо, а линейщики нужны здесь — нитки тянуть к подразделениям. — Подмигнул: — Золотая девушка.

— То есть? — спросил Вайс.

— Ну, как и вы, в тылу у немцев работала. — Махнул рукой: — Бегите, она вас догонит!

Вайс вместе с Пташеком и молодыми парашютистами пролез сквозь отверстие, проломленное в стене замурованной штольни, где скрылся Мехов с двумя минерами. Освещая путь фонарями, они двигались во мраке — сухом, душном, наполненном вонью мазута и угаром недавнего взрыва.

Они шли по шпалам узкоколейки, и шаги их гулко звучали под сводом туннеля. У спуска в штольню их ждал один из минеров Мехова, сказал:

— Спускаться в клетки небезопасно. Вдруг заминирована... Придется шлепать по ступеням.

Железная ржавая влажная лестница свисала в ствол шахты. Здесь, у ствола, их нагнала радистка; за плечами у нее на брезентовых ремнях висела рация с тонкой, как удилице, антенной.

— Ах, — сказала радистка, — как неудобно будет спускаться. — И объяснила: — Видите, я же в юбке. Пустите меня первой, чтобы потом вам не пришлось дожидаться.

— Непредусмотрительно обмундировались, — упрекнул минер.

Наденька — это была она — кивнула Вайсу, словно видела его только вчера. Улыбнулась и стала спускаться, предупредив:

— Пожалуйста, осторожней, не заденьте ногами антенну.

Чем ниже они спускались, тем тяжелее становился воздух, протухший, сырой, казалось, липнувший к коже, как плесень.

Несколько раз прозвучали тугие, гулкие взрывы.

Минер объяснил:

— Товарищ Мехов, видать, новые стенки подрывает. —

Вздыхнул: — Замуровали людей и много заслонок понаставили, так понимать надо.

Спустились на горизонт, откуда начиналась штольня. Снова слышались взрывы, дохнуло горячим угаром сгоревшей взрывчатки. И вдруг — снова взрыв и потом — звук мягкого падения.

Вайс бежал, согнувшись, и, когда оказался на месте последнего взрыва, увидел лежащего замертво минера, другой прижимал обе ладони к лицу.

Мехов сидел на полу между ними и озабоченно перетягивал раздробленную левую руку бикфордовым шнуром, один конец которого он держал в зубах.

Наденька опустилась перед ним на колени и раскрыла медицинскую сумку. Мехов, отшатываясь от нее, приказал:

— Ты сначала тех осмотри! Говорил им: тут с фокусом. Нет, надо же было лезть с кусачками! — Сказал Белову: — Ну вот. Дешево отделался, не башкой, — при себе осталась, как предмет первой необходимости. — Попытался встать, встал, прислонился к стене, увидел мертвого минера, лицо его исказилось, голос дрогнул: — Какого парня потеряли, а? Он же полтора человека стоит, без году инженер. — Шагнул, пошатываясь, к тому, у которого было разбито лицо, спросил: — Глаза целы? Ну, тогда порядок. — Посоветовал: — Щеку ты все-таки поддерживай ладошкой, пока приклеится, а после — пришьют. — Похвастал: — Меня хирурги здорово собирали: кости на ногах на серебряных шурупах.

Надя перевязала Мехова, сказала:

— Вы замучились, вам надо отдохнуть хоть чуточку.

— После, — покачал головой Мехов, — в госпитале, здесь не те удобства, не то обслуживание. — Опираясь о плечо Нади, тяжело волоча ноги, побрел вперед.

Послышался гул голосов и удары о железо чем-то тяжелым.

Шли еще долго, штольню пересекла решетка, сваренная из рельсовых балок, сквозь клетки которой можно было просунуть только руку.

— Товарищи! — первая закричала Наденька. — Товарищи!

Сотни рук просунулись сквозь клетки этой тяжелой стальной решетки. Надя кинулась пожимать их.

Мехов, напрягшись, закричал:

— Ура, товарищи! — И, ослабев, сел на каменное днище штольни; голова свесилась на грудь. Очнувшись, про-

шептал виновато: — Это я не от слабости свалился — от чувств. Ну, от переживания вроде, так надо полагать.

Добрел до решетки, стал осматривать ее, руки людей мешали ему. Потом подозвал Вайса, наклонился, сказал на ухо, потому что люди за решеткой сильно кричали:

— Подорвать можно. Но сначала надо наладить дисциплинку, чтобы все граждане за решеткой удалились, насколько это возможно. И второй момент: кинутся валом наружу, а там, надо полагать, бой. Надо связаться с майором.

Вайс позвал Надю. Отошли подальше от решетки. Надя включила рацию, надела наушники.

— Что передать?

Вайс сказал:

— Нашу обстановку, какую видите. Запросите, как у них.

Спустя некоторое время Надя пожаловалась: слышимость плохая, помехи. Под землей работа рации очень затруднена.

— Но все-таки — что же передают?

— Отдельные слова разобрала: «Горячо... Всех в укрытие... Артиллерия...»

— Так, — сказал Вайс. — Понятно.

Парашютисты пробовали призвать людей к спокойствию, но невозможно было перекрычать их.

Вайс спросил Надю:

— А какую-нибудь станцию мощную принять можете?

— Мощную, конечно.

— Хорошо бы музыку, — сказал Вайс. — Хорошую. Начнут слушать и смолкнут. Понятно?

— Попробую.

— Я не уверен, но вдруг... — сказал Вайс.

Спустя некоторое время раздались тихие звуки музыки.

Сначала смолкли те, кто стоял у решетки первыми, потом постепенно затихли остальные — вся эта гигантская, плотно спрессованная в штольне человеческая масса...

И тогда Белов подошел к решетке и закричал громко, насколько мог:

— Товарищи! Прошу всех спокойно отойти подальше от решетки, лучше всего — в боковые ходы, они, наверное, у вас есть. Для того чтобы разрушить решетку, нужно произвести взрыв. — Спросил: — Вы поняли?

Наверное, каждый человек выговорил очень тихо это слово:

— Да.

Но оно так громко отдалось под сводами, произнесенное тысячью голосов, что было подобно ослабленному гулу подземного обвала.

Вайс выждал, пока гул смолкнет, сказал:

— Товарищи, мы уверены, что вы будете вести себя организованно, как подобает советским людям.— Крикнул: — Старшим остаться у решетки, остальным отступить в укрытие!

Шорох и топот ног. Потом в решетке показалось только пять человеческих рук. Вайс подошел, пожал каждую и повторил то, что надо было выполнить всем этим людям. Добавил:

— Пожалуйста.

Укрепив, где нужно, заряды, парашютисты подняли обессиленного Мехова и понесли. Мехов был грузным человеком, а идти приходилось, поднимаясь по отлогому склону, так как штольня была здесь проложена по скошенному вглубь горизонту.

Преодолев подъем, они остановились и залегли за составом вагонеток, нагруженных бочками цемента и каменными глыбами, видимо служившими для перемычек, которыми была замурована штольня.

Несколько минут спустя раздался взрыв, и воздушная волна его оказалась такой силы, что состав вагонеток толкнуло назад, упоры слетели с рельсов, и вагонетки, сначала медленно, потом ускоряя ход, покатались вниз по склону, туда, куда сквозь пролом в решетке бросились плотной массой тысячи людей.

Вайс вскочил и побежал рядом с передней вагонеткой, пытаясь подсунуть под ее колеса деревянный башмак, но его с силой отбросило прочь. Тогда Вайс выхватил гранату, сбросил с нее металлическую рубашку, дающую тысячи осколков, повернул ручку и через две секунды швырнул гранату вперед, между рельсов, а сам лег плашмя у стены штольни лицом вниз, прикрывая голову руками.

Взрывом свалило первую вагонетку, остальные наполнили на нее, громоздясь грудой железа и камня.

Из накренившейся вагонетки на Вайса посыпались обломки камня. Ладонь, которой он накрывал голову, раздробило одним из таких камней. Вагонетка, кренясь в сторону, грозила опрокинуться на Вайса и раздавить его своей тяжестью.

Откуда нашлись силы у этих умирающих от голода,

жажды, удушья людей, как хватило воли и организованности, чтобы быстро выделить несколько десятков наименее ослабевших и научить их сделать единственно возможное? Одни из них пролезли между вагонетками и стеной штольни и, упираясь полосатыми от выпирающих ребер спинами в накренившиеся борта вагонетки, удержали ее на себе; другие в это время сбрасывали камни, завалившие Иоганна, и затем вытащили и его самого, окровавленного, потерявшего сознание.

И, когда Надя, склонившись над Иоганном, сказала горестно: «Он дышит, товарищи, но воздуху ему не хватает, воздуху!» — эти люди отпрянули и подались назад, словно освобождая пространство для доступа воздуха.

В бой против советских парашютистов были брошены сводные эсэсовские охранные подразделения. Они отлично умели убивать, совершать облавы, расправляться с партизанами, они точно рассчитывали количество стволов, боеприпасов, самолетовылетов, чтобы на каждый метр линии партизанской обороны приходилось не меньше сотни осколков и попаданий станковых и ручных пулеметов.

Но парашютный отряд состоял из воинов, каждый из которых в отдельности владел искусством осмотрового и самостоятельного ведения боя. Это были мастера военного дела, участвовавшие во многих сражениях.

Знаменитый снайпер Борис Веткин стрелял с озабоченным выражением на строгом и умном лице. Движения его были ленивы, мягки и не лишены грации. Он смотрел в оптический прицел с тем же внимательным любопытством, как некогда — будучи студентом-микробиологом — в окуляр микроскопа.

Он был ранен, но расчетливо соображал, что, если не получит нового ранения, у него еще хватит сил удержаться здесь снайперскую позицию, — только не нужно ее менять, а оставаться на прежнем месте, плотно прижавшись к разрыхленной земле.

Минометный расчет, напротив, маневрировал, меняя позиции, чтобы не дать противнику пристреляться. Бойцы, передвигаясь по-пластунски, волокли за собой, как на буксире, привязанные за провод к ноге ствол, плиту и железные кассеты с минами. Занявшие оборону парашютисты были вооружены ручными пулеметами и автоматами. Когда противник приближался, брались за автоматы.

Подносчики обеспечивали боеприпасами каждый свою группу.

Парашютисты не успели скрыто заминировать подходы. Они просто разложили мины и протянули к себе в окопы куски проволоки, соединенные с предохранительной чекой взрывателя. Когда цепи противника приближались, дергали за проволоку, чека выскакивала и мина срабатывала.

Раненых отволакивали на разостланных плащ-палатках под свод туннеля. Это был бой, тщательно продуманный и организованный, как будто под открытым небом работал цех. Если б только людей в этом «цехе» не убивали, а механизмы от попадания мин и снарядов не выходили из строя!

Майор Колосов руководил работой боя, поглядывал на часы. Обещанный танковый десант запаздывал. Он видел, как гаснут одна за другой огневые точки парашютистов. Он слышал разрывы ручных гранат, означающие, что начался ближний бой. Взял трубку полевого телефона и приказал командиру расчета станкового пулемета:

— Егоров, брызни на левый фланг, а то там жарко!

Он видел в бинокль, как парашютисты отступают на вторую линию обороны. Радист подошел к нему и сказал, что люди из шахты запрашивают разрешения выходить.

— Нельзя, — сказал майор. — Ни в коем случае. — Потом добавил, подумав: — С десяток, каких покрепче, пускай выделяют. Что ж, все-таки резерв.

Спустя некоторое время в туннель из ствола шахты поднялись пятнадцать лагерников и с ними парашютисты и Надя. Они принесли раненых и положили их поближе к выходу, чтобы люди могли дышать. Надя присела рядом с Беловым, расстегнула китель, положила ладонь ему на грудь. Она почувствовала — сердце бьется. Но когда отняла ладонь, она была в крови.

Лица, как и тела лагерников, были черны от рудничной пыли. Все они были настолько худы, что казались плоскими, словно силуэты людей, вырезанные из грязной фанеры.

Один из них сказал:

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — И стукнул костлявыми коленями, сведя ноги по стойке «смирно».

Майор кивнул.

— Мы к бою готовы!

— Ладно, — согласился майор, — не спеша, по одному на огневые позиции, марш! — Добавил, улыбаясь: — Спасибо, товарищи, за выручку.

Пошел дождь. Но не дождем можно угасить огонь

неравного боя — силой. А силы парашютистов были на исходе... Майор приказал радисту:

— А ну, покричи в эфир ВВС! Надо, чтоб накидали чего-нибудь. Задерживают десант, а у меня потери.

Радист доложил:

— Приказали через двадцать две минуты всем в укрытие. Беспокоятся, чтобы своих не задеть. Просили обозначить передний край ракетами.

— Ладно, — согласился майор, — подсветим!

И когда в не прекращающемся ни на минуту дожде сгустились влажные сумерки, заворчал грозное небо. Сначала свалили свой груз пикировщики, падая на крыло, словно подшибленные. А потом черными лезвиями низко метались над полем боя штурмовики, вонзая в землю огненные очереди.

И еще не завершились действия авиации, а майор уже вынул из кобуры пистолет и не спеша спустился к залегшим поодаль парашютистам. И спустя несколько минут, как только исчез последний самолет, парашютисты выскочили из укрытия и пошли на противника по вздыбленной, изуродованной, словно вывернутой наизнанку, земле.

Рота танкового десанта, задержавшаяся было на переправе, завершила этот бой.

Майор Колосов был ранен. Но у него хватило сил дать все необходимые распоряжения командиру подразделения танкистов, лейтенанту.

— Вы, значит, нам теперь приданы?

Танкист посмотрел на часы, сообщил, улыбаясь:

— Мы теперь уже не десант.

— А кто же?

— Подразделение танковой армии, и вроде как у себя в тылу. Наш передний край уже километров за тридцать отсюда. Так что на освобожденной территории, выходит, базируемся.

— Здорово, — сказал майор. Усмехнулся: — Теперь от армии далеко не отбежишь.

— Взаимодействие, — пояснил танкист. — Ваше дело — объект, наше — все остальные окрестности.

Лагерники выходили из туннеля длинной чередой. Люди шли, подпирая друг друга плечами, вздернув костлявые подбородки. Они шли и шли бесконечной шатающейся колонной.

Лейтенант-танкист поднес руку к шлему. Колосов чуть приподнялся и тоже поднес дрожащую руку к фуражке.

Командовали лагерниками те, кого они избрали в своих подпольных организациях старшинами.

Колонна развернулась и по приказанию такого старшины замерла по команде «смирно». Но вся эта линия людей, как они ни старались, пошатывалась. Было тихо, слышалось только их сиплое дыхание.

— Товарищи! — сказал танкист. — Извините, мы задержались...

— Ты им речь скажи, — потребовал майор. — Наверное, полагается...

Лейтенант сбросил с головы шлем. Лицо его было совсем молодо. Жалобно морщась, задыхаясь, он сказал:

— Всё, товарищи, всё! И клянусь, больше такого на земле не допустим. — Подбежал, обнял первого, кто оказался ближе к нему.

— Не получилось митинга, — вздохнул майор. Он снова опустился на носилки и уже вянущим голосом успел отдать распоряжение о том, как накормить и разместить освобожденных людей.

В примыкающем к расположению лагерей и лесному массиву городке оказался немецкий госпиталь, не успевший полностью эвакуироваться. В нем разместили раненых, в том числе Колосова и Белова, который все еще был без сознания. Госпиталь передали санбату вступившей в этот район советской моторизованной части.

Нади уже не было здесь. Едва успев еще раз взглянуть на Белова, недвижно распростертого на койке, она вынуждена была оставить его. Бои шли на подступах к Берлину. Девушка тревожилась за отца, да и, кроме того, советская армейская разведка нуждалась в ней.

Майора Колосова в тяжелом состоянии вывезли из немецкого городка в армейский госпиталь. Начальнику госпиталя Колосов сумел только пролепетать, что контуженный Иоганн Вайс — очень большой человек и надо о нем особо заботиться.

Вайс не приходил в сознание. У него было сотрясение мозга. Он был нетранспортабелен.

Замполиту госпиталя доложили, что в мундире Вайса обнаружен документ офицера СД с особыми полномочиями, подписанный Гиммлером, Мюллером, Кейтелем, Каль-

тенбруннером. Замполит сообщил об этом начальнику особого отдела. Тот сказал:

— Значит, правильно информировал майор — важная хищная птица. Поправится — допросим. — И предупредил: — Но чтобы все культурненько. Полный уход, гуманность, как полагается.

От удара у Вайса были повреждены глазные нервы. Он почти не видел.

Операцию ему сделал вызванный с фронта хирург-окулист. Он сказал лечащему врачу, что больному необходим абсолютный покой, никаких раздражителей, в том числе зрительных.

Лечащий врач знал немецкий язык, нашли сестер, которые тоже знали немецкий язык. Было сделано все для того, чтобы оградить раненого офицера СД от всяких «раздражителей». Он лежал в отдельной палате.

Когда сознание возвращалось к нему, он начинал медленно соображать. Где он? Может, его ранили во время бомбежки аэродрома и Дитрих выдал его? И сейчас врачи-немцы стараются сохранить ему жизнь, чтобы потом гестаповцы могли медленно выжимать ее, капля за каплей... Все дальнейшее выпало из памяти Вайса. Все, кроме засевшего у него в мозгу признания Дитриха. И оно жгло его мозг. Значит, он, Вайс, допустил где-то роковую ошибку, допустил накануне того, как ему предстояло завершить работу над заданием, от которого зависела жизнь многих тысяч людей. Эта навязчивая мысль, душевные страдания, вызванные этой мыслью, отягощали и без того тяжелое состояние Вайса.

Память Вайса остановилась на том моменте, когда Дитрих сказал ему, что донес на него, потому что пало подозрение на Зубова, а Вайса видели с Зубовым. Быть может, это произошло в день смерти Бригитты, когда он дожидался Вайса на Бисмаркштрассе, возле секретного расположения особой группы заграничной разведки СД. Вайс помнил, как потрясла Зубова смерть Бригитты, а ведь сам он никогда не боялся смерти и не думал о ней.

И теперь перед Вайсом выплывало, как из тумана, склоненное лицо Зубова в момент, когда он выбросил из самолета свой парашют. Иоганн все время видел перед собой это лицо, эту смущенную улыбку. Зубов словно извинялся за то, что вынужден теперь умереть.

А если он спасся? Зубов не такой, чтобы без борьбы достаться смерти. Что, если он нашел выход и спасся?

Вернулся в Берлин, и там его взяли по доносу Дитриха, и палачи гестапо терпеливо, усердно пытаются его — могучего, сильного, способного выдержать самые ужасные пытки, от которых другой, менее стойкий человек мог бы быстро умереть. А Зубов не может, и потому муки его длятся бесконечно долго.

Он все время думал о Зубове.

Зубов тоже думал о Вайсе. Перед его глазами стояло встревоженное, удивленное лицо Иоганна. И он поспешно захлопнул люк самолета, чтобы быстрее отсечь себя от Иоганна, не подвергать его ненужной опасности, — слишком уж ясно читалось волнение на его лице.

Когда самолет взлетел, Зубов мрачно взглянул на спины пассажиров — уполномоченных СС, пролез в хвостовой отсек и присел у крупнокалиберного пулемета, пахнущего машинным маслом. Сквозь пластиковый колпак он видел кусок неба. В хвостовом отсеке было узко и тесно. «Уютненько, как в гробу», — с усмешкой подумал Зубов.

Время полета — семьдесят минут. Механизм взрывателя мины рассчитан на пятнадцать минут с момента, когда будет сломана ампула кислотного взрывателя. Плоскую мину Зубов вынул из планшета и подвесил на специально приспособленной лямке себе под китель, под левую подмышку. На его мощном торсе эта выпуклость была почти незаметна.

Потом он стал думать о том, как на его месте поступил бы Иоганн. И ничего не придумал.

Небо сквозь колпак виднелось грязное, в тучах, поверхность колпака как бы шевелилась от потоков влаги. Было темно, как в яме.

На ремне у Зубова висел тяжелый бельгийский браунинг с прицельной рамкой. Конические кассеты он положил в карман кителя.

Он подсчитал пассажиров и членов экипажа. Многовато. Можно попробовать, но это едва ли разумно. С пассажирами он, пожалуй, справился бы. Но кабина замкнута металлической дверью. Бить сначала по пилотам — не будет точности попаданий. Начнет с пассажиров — пилоты успеют выскочить и уничтожить его самого, прежде чем он расправится со всеми гестаповцами, а ведь каждый из тех, кто уцелеет, везет приказ об истреблении десятков тысяч людей. Даже если только двое останутся, все равно многие

тысячи будут обречены. Значит, остается мина. Она-то ведь сработает наверняка.

Наверняка? Надо все-таки сломать ампулу за полчаса до посадки, а то вдруг техника подведет, это бывает. Тогда за оставшиеся пятнадцать минут он успеет порядком сократить количество уполномоченных, пока его самого не сократят. Пожалуй, так все логично, правильно. Пожалуй, так бы поступил и Вайс.

Зубов вынул сигарету. Хотел закурить, но потом вспомнил, что здесь нельзя. Машинально спрятал сигарету. Да, пожалуй, так лучше — не надо этого поединка с пассажирами. Если мина не сработает, начать бить по бакам. Патроны в кассетах у него уложены чередуясь — бронебойные с зажигательными. Значит, будет полный порядок.

Он вздохнул с облегчением. И ему снова захотелось курить. Как вот тогда, в гетто, когда он лежал в земляной норе и нечем было дышать. Потом он вспомнил парня, подававшего ему ленту, когда он вел огонь с крыши подожженного фашистами дома, из окон которого люди выбрасывались на мостовую, где их добивали.

Паренек спросил Зубова:

— Вы кто, поляк?

— Нет, русский.

Паренек взглянул на него удивленно.

— Нет, вы обманываете. Вы, правда, советский? А чем вы докажете?

Зубов дал точную очередь по фашистам. Оглянулся. Спросил:

— Видел? — И объяснил: — Вот это мое самое главное доказательство.

Потом, когда парня смертельно ранили, он попросил Зубова:

— Возьмите у меня в кармане сигареты.

— Не надо,— сказал Зубов.— Обойдусь.

— Пожалуйста.— И паренек пролепетал посиневшими губами: — Вы постесняйтесь взять у меня потом, у мертвого... А вам же надо курить, вы же курящий.

...Зубов протер рукой запотевший колпак, но от этого не стало светлее. Однажды в сумерки Бригитта почему-то попросила не зажигать огня. Она сказала Зубову, приподнимаясь на пальцах, кладя ему руки на плечи и прижимаясь к нему уже заметным животом:

— Когда-нибудь все будет хорошо.

— А сейчас тоже неплохо,— сказал Зубов.

— Но не так, как ты хочешь. — И пообещала: — Но все будет так, как ты захочешь. — Закрыла глаза и спросила шепотом: — Как по-русски — мама?

— Не знаю. — И Зубов высвободил свои плечи из рук Бригитты.

Значит, она еще тогда догадывалась, но каким образом? Может, слышала, как он ночью, включив приемник, слушал Москву? Он это скрыл от Вайса, эту свою слабость. Если б Вайс знал... Зубов поежил.

И вдруг сверлящий, пронзительный звук врезался в гудящее бормотание транспортника. Зубов увидел узкий силуэт аэрокобры и пунктирные нити пулеметного огня.

Он припал к пулемету, отводя ствол так, чтобы в прицеле не было силуэта истребителя. Потом нажал гашетку. И длинная, бесконечная очередь до конца расходуемой ленты раскаляла конец ствола, как раскаляется лом сталевара во время шуровки мартеновской печи.

Зубов жадно ждал новой атаки. Но транспортник, сотрясаясь, вошел в тучу, он шатался и вилял, как будто вот-вот должен рухнуть. Зубов выбрался из хвостового отсека. В кабине слышен был свист ветра, дуло в пробойны. Один пассажир свесился с кресла, но другие, с бледными лицами, вцепившись руками в подлокотники кресел, сидели почти неподвижно.

Зубов вошел в кабину пилотов. Колпак кабины был пробит во многих местах. Бортрадист и правый пилот лежали мертвые — один в своем кресле, другой — уткнувшись головой в разбитую панель рации. Левый пилот был ранен — одна рука висела, лицо разорвано осколками плексигласа. Увидев Зубова, он сказал:

— По документам ты летчик. — Указал глазами на кресло правого: — Сбрось его и бери рулевое управление. — Добавил: — Я сейчас скисну.

Зубов отстегнул ремни и высвободил тело мертвого летчика. Потом занял его место, поставил ноги на педали, положил руки на штурвал.

Он не заметил, как левый пилот, освободившись от ремней, хотел встать, но, обессиленный, свалился на мертвого бортрадиста. Зубов вел самолет и весь был поглощен этим. Когда он почувствовал, что машина ему повинует, его охватило ощущение счастья. Но он знал, что ему не удастся дотянуть самолет до расположения советских войск. Из пробойн баков хлестало горячее, образуя позади

радужное сияние. Оставались считанные секунды. Или самолет вспыхнет, объятый пламенем, или упадет на землю с заглухшими моторами.

Старший группен-уполномоченный, штурмбанфюрер СС, вошел в кабину и замер при виде кучи сваленных тел. Но Зубов обернулся и сказал:

— Все в порядке, штурмбанфюрер.

Лицо Зубова было невозмутимо, глаза блеснули от удовольствия. Это подействовало на штурмбанфюрера успокаивающим образом. Не взглянув больше на трупы, он закрыл за собой дверь.

Зубов медленно и осторожно набирал высоту. Он сам не знал, зачем он это делает. Возможно, его просто влекла высота. И когда он вырвал машину из почти непроглядной темноты, он оказался в гигантском сияющем пространстве, в великом океане света, в белизне неземного сверкания. А ниже громоздились прохладным, словно снежным полем сплоченные облака. Этот лилейной чистоты снежный покров походил на его родную землю зимой, такую прекрасную и кроткую. И, ощущая эту сладкую близость родной земли, Зубов сделал то, что он должен был сделать, — медленно перевел машину в пике.

Правой рукой он передвинул ручки газа до полной мощности работы моторов. И радужные, прозрачные нимбы от пропеллеров сверкали и сияли, усиливая пронзающую воздушное пространство скорость.

В кабину пилотов вполз штурмбанфюрер. Он вопил, сясь удержаться за подножку кресла. Упал, и тело его хлопнулось о колпак, затемняя его. Зубов, чтобы видеть землю, нажал левую педаль.

Самолет падал на какой-то городок с высокими черепичными крышами. Последнее, что подумал и решил Зубов: «Зачем же людей? Люди должны жить». С нечеловеческой силой он потянул на себя колонку рулевого управления, казалось, слыша хруст своих костей. Городок промелькнул, как призрак. В облегчении и изнеможении Зубов снял руки с управления. Вздохнул. Но выдохнуть он не успел. Земля неслась навстречу ему...

Так на планете обозначилась крохотная вмятина, опаленная, словно после падения метеорита. А небо над ней стало чистым. Недолго в этом небе прожил Алексей Зубов.

Все эти дни Александра Белова мучила непреодолимая боль; она вселилась в него, заполнила все его существо, копошилась в голове, как большая черная крыса. Пытка не прекращалась ни на минуту, временами его окутывал тугой розовый туман, и ему чудилось, что он колышется в этом тумане боли и сознание его как бы тает в ее упругом и жгучем пламени.

Но едва сознание возвращалось к нему, как он начинал думать о Зубове. Думать тоскливо, с тревожным отчаянием, страдая оттого, что не может предотвратить грозящую Зубову опасность. И эти страдания еще больше усиливали муки, причиняемые тяжелой контузией, — раны от осколков гранаты заживали благополучно.

71

В тот день, когда началась операция по освобождению заключенных из подземного концлагеря, Генрих и Вилли Шварцкопфы, одетые в парадные мундиры, пробирались среди развалин рейхсканцелярии — они шли поздравить фюрера с днем рождения. Прием для самых приближенных к Гитлеру лиц был назначен в подземном бункере.

Привести с собой племянника Вилли Шварцкопфу предложил Кальтенбруннер, надеясь, что фюреру, возможно, будет приятно вспомнить, как однажды силой своего гипнотического взгляда ему удалось «усыпить» этого молодого человека.

Перед выходом из дома Вилли подошел к зеркалу и тщательно осмотрел себя, а потом как бы примерил несколько улыбок, выбирая, какую изобразить на лице, когда он будет приветствовать фюрера. Ожидая дядю, Генрих небрежно проглядывал бумаги у него на столе. На одной из них он прочел:

«Главному административному управлению СС.
Берлин — Лихтенфельде — Вест

Доклаживаю о том, что строительство крематория III закончено. Таким образом, все крематории, относительно которых был издан приказ, построены.

Производительность имеющихся теперь крематориев за *сутки* работы:

- 1) Старый крематорий I. 3×2 муфельных печей — 340 трупов.
- 2) Новый крематорий в лагере для военнопленных II. 5×3 муфельных печей — 1440 трупов.

- 3) Новый крематорий III. 5×3 муфельных печей — 1440 трупов.
- 4) Новый крематорий IV — 768 трупов.
- 5) Новый крематорий V — 768 трупов.

Итого: 4 756 трупов в сутки».

К докладной был подколот счет фирмы «И. А. Топф и сыновья» (Эрфурт):

«Смета расходов:

Цена печи — 25 148 рейхсмарок, вес — 4 637 кг. Цена указана франковагоны, отгружаемые со станции.

По доверенности «И. А. Топф и сыновья»: Зендер, Эрдман, 50001/0211».

Протягивая Вилли эти бухгалтерские документы хозяйственного управления СС, Генрих сказал:

— Ну что ж, скоро нам всем придется расплачиваться по этим счетам!

Вилли недовольно буркнул:

— Это старые бумаги, я приготовил их, чтобы уничтожить.

— Как улики? — спросил Генрих.

Вилли сказал хмуро:

— Я тут ни при чем. Мне приказывали, и я делал заказ, наблюдал за стройкой, платил деньги. — Добавил: — Я честный человек, и никто не посмеет упрекнуть меня, что я брал комиссионные с тех фирм, с которыми имел дело, хотя в коммерческом мире это принято.

— Так почему же вы решили уничтожить эти документы?

— Я еще подумаю, стоит ли. Пожалуй, они могут пригодиться в качестве характеристики моей добросовестности.

— А кому нужна будет такая характеристика?

— Знаешь, — сердито сказал Вилли, — что бы там ни было, фирмы и концерны, с которыми я имел дело, в любом случае не прекратят своего существования. Так было в прошлую мировую войну, надеюсь, то же будет и теперь. Значит, Вилли Шварцкопф может рассчитывать на должность управляющего в одной из тех фирм, с которыми он имел деловые контакты и при этом зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

— Вы верите в свое будущее, дядя?

— Да, конечно, пока западный мир останется таким,

каким он был и до фюрера и каким будет после него. Когда окончится эта шумиха с победой над нами, западным державам придется раскошелиться, чтобы восстановить нашу мощь и снова нацелить ее против Советского Союза.

— Однако, вы оптимист, и нервы у вас железные.

— Конечно, — самодовольно согласился Вилли. Хмыкнул презрительно: — Я не Лансдорф. Это он застрелился, как истеричка, когда кто-то из подчиненных доложил ему, что один из его любимцев — якобы советский разведчик.

— На кого же пало подозрение? — поинтересовался Генрих.

— Неизвестно. Лансдорф сжег все бумаги. Слишком уж он кичился своим недостижимым, как ему казалось, для простых смертных мастерством читать в чужих душах. Готовил мемуары, где изобразил себя как звезду первой величины в германской разведывательной службе. И, наверно, не захотел, чтобы его мемуары оказались подпорченными. Вот и застрелился из авторского тщеславия и старческой болезненной мнительности.

— Значит, никакого советского разведчика не было?

— Конечно. Обычный донос незадачливого сотрудника, ревнующего к преуспевающему.

Пробираясь через развалины рейхсканцелярии в подземную казарму эсэсовской охраны, Шварцкопфы изрядно перепачкали свои парадные мундиры известью и битым кирпичом. В узком коридоре они сняли перчатки и отряхнули с себя пыль, затем прошли каменной лестницей через гараж и встали в медленно продвигающуюся очередь вышших чинов рейха, прибывших приветствовать фюрера.

В длинной, как вагон, приемной с низким потолком и обнаженными бетонными стенами, под портретом Фридриха Великого, заключенным в золоченую раму, сидел в кресле Гитлер.

Ноги его, в широких брюках, были широко расставлены, словно он сползал с кресла и хотел удержаться на нем. Картофельного цвета рыхлое лицо обвисло, оттягивая нижние веки. Волосы влажны и аккуратно расчесаны, как на покойнике.

Громадный, гориллообразный Кальтенбруннер стоял по левую руку от фюрера. Рядом с ним — низкорослый Борман. Его безгубая, с узкой щелью рта физиономия сохраняла прежнее надменное выражение.

Старший адъютант Гитлера, озабоченно склонившись, стоял справа и после каждого рукопожатия незаметно протирал ладонь фюрера ваткой, смоченной дезинфицирующей жидкостью.

Хотя в бункере стояла тишина, в этом затхлом и душном подземелье было трудно расслышать, что отвечал Гитлер на приветствия. Он с заметным усилием, булькаяще бормотал какие-то неслышные слова, и его, казалось, бескостное, дряблое тело все ниже спускалось с кресла. Только крупный, грубой формы нос на сером и влажном лице торчал твердо, высокомерно и самостоятельно. Лежащая на подлокотнике левая рука все время конвульсивно подергивалась. И никто не смел смотреть на эту одинокую руку, энергично дергающуюся в то время, как ее владелец обессиленно и вяло сползал с кресла.

Но, когда к Гитлеру подошел Гиммлер и, сладко улыбаясь, начал восторженно приветствовать его, случилось то, чего Генрих Шварцкопф менее всего ожидал от этого полутрупа и о чем передавали лишь в сплетнях-легендах.

Фюрер вскочил, яростный, напряженный, неистовый. Вопя и визжа, он пытался своими скрюченными пальцами сорвать ордена с мундира Гиммлера.

Из нечленораздельных воплей с трудом можно было понять, чем вызвана эта ярость: англо-американские войска обнаружили в концлагере Берген-Бельзен, а также и в других лагерях неумерщвленных узников. Эсэсовцы, применяя фаустпатроны, успели убить только часть заключенных, но опаленные трупы не были сожжены.

Гитлер обвинял Гиммлера в том, что тот сделал это нарочно, стремясь помешать завершению переговоров с англичанами и американцами о совместных действиях против Советской Армии.

Гиммлер молча и терпеливо выждал, пока этот приступ бешеной энергии закончился и силы Гитлера иссякли. Воспользовавшись моментом, стал деловито докладывать. Он отдал приказ отправить всех заключенных из концентрационных лагерей Заксенхаузена, Равенсбрюка и Нейенгамма походными колоннами в Любек. Там их должны погрузить на суда, вывезти в открытое море и утопить. Приказ этот уже выполняется.

— И не останется никаких следов? — утомленно спросил Гитлер.

— Абсолютно, — твердо заверил Гиммлер. Потом ска-

зал: — Мой фюрер, вы же знаете, — в концентрационных лагерях, расположенных и в самой Германии, и на оккупированной территории, содержалось в общей сложности около восемнадцати миллионов человек. Одиннадцать миллионов из них за эти годы были подвергнуты обработке на умерщвление. — Произнес с достоинством: — Мои заслуги и усердие в этом направлении вам известны. — Пожаловался: — Но, к сожалению, в ряде лагерей мой исходящий из вашего повеления приказ не был исполнен. Виной тому роковые обстоятельства, не поддающиеся расследованию: тут и катастрофа с самолетом, в котором летели уполномоченные СС, и многое другое...

Докладывая ровным голосом, Гиммлер замирал от ужаса: боялся, что фюреру стало известно о его тайных кознях и вот сейчас, сию минуту, последует приказ арестовать его.

Шелленберг всячески старался внушить Гиммлеру бодрость и веру в будущее. Он вызвал из Гамбурга астролога Вульфа, и тот составил для Гиммлера гороскоп, в котором была предначертана его судьба: он будет фюрером. Шелленберг подговорил Феликса Керстена, личного массажиста Гиммлера, чтобы тот внушал раскисшему рейхсфюреру, будто ему предназначено стать восприимчиком Гитлера.

Взбодренный всеми этими внушениями, Гиммлер даже решился просить своего старого школьного товарища Штумпфеггера, чтобы тот сделал Гитлеру смертельный укол, заменив наркотическое вещество в шприце ядом.

Но сейчас, согбенно стоя перед обессиленно, с неподвижными зрачками валяющимся в кресле фюрером, Гиммлер содрогался от ужаса.

Отправляясь к Гитлеру, чтобы поздравить его с днем рождения, Гиммлер засунул себе за щеку ампулу с ядом. И, докладывая, все время ощущал ее у десны. Если фюрер отдаст приказ арестовать его, он чуть шевельнет языком — и ампула окажется на зубах. Сомкнуть челюсти, ампула хрустнет — и все. И он обманет Кальтенбруннера и Бормана, лишит их возможности пытаться его, применяя все те способы, которые за долгие годы практики в застенках научился применять он сам...

Фюрер устало махнул рукой. Гиммлер перевел дух и на цыпочках направился к выходу. Лицо его, шея и подмышки были мокры от вонючего, как моча, пота.

На этом прием был закончен. Фюрер устал, заявил

адъютант, но пообещал, что обо всех, кто пришел поздравить, будет потом доложено.

В подземном гараже толпились не принятые Гитлером высокопоставленные визитеры, главным образом ближайшее его окружение, его свита.

Среди них Генрих увидел наглого и упоенного собой генерала Фегелейна, мужа сестры Евы Браун. От Вилли он знал, что Фегелейн — сподвижник Гиммлера и ведет с ним какие-то тайные переговоры. Но сейчас генерал со злостью, громко поносил Гиммлера за бездарность, за неспособность уничтожить заключенных в концлагерях. И Гиммлер покорно выслушивал оскорбления, ни слова не отвечая на них.

Фегелейн смолк только тогда, когда в сопровождении своих детей появилась Магда Геббельс: в присутствии особы женского пола были недопустимы те выражения, которые он употреблял, понося Гиммлера.

Оба они — и Фегелейн и Гиммлер — почтительным поклоном приветствовали фрау Геббельс. Потом, словно это не он только что оскорблял Гиммлера, Фегелейн как ни в чем не бывало обратился к рейхсфюреру:

— Я полагаю, он, — кивок в сторону двери, — до конца не покинет бункер.

— Вы думаете? — с сомнением в голосе произнес Гиммлер и, оглядев сырые бетонные своды, заметил: — Сооружение не очень-то надежное.

— А что сейчас надежно и кто надежен? — спросил Фегелейн.

— Кого вы имеете в виду?

Фегелейн, ухмыляясь, одобрительно похлопал Гиммлера по плечу:

— Однако вы смелый человек — решились поздравить фюрера. А вот Геринг не решился — засел на юге, выжидает, пока его провозгласят преемником.

— Ну, это мы еще посмотрим.

— Вот именно, — согласился Фегелейн и еще раз многообещающе улыбнулся Гиммлеру.

Откуда было Фегелейну знать, что, пока он успеет донести фюреру на Гиммлера, Борман и Кальтенбруннер донесут на него самого и не пройдет и нескольких дней, как он будет расстрелян здесь же, на заваленном обломками дворе рейхсканцелярии. И Ева Браун в утешение и не без зависти скажет своей овдовевшей сестре:

— Ну да, теперь ты можешь выдавать себя перед

западными державами за жертву Гитлера. И даже получить от них пенсию, вполне достаточную для того, чтобы открыто содержать твоего Скорцени.

— Сначала он был твоим любовником, — напомним вдова.

— Но душой и сердцем я всегда была с Адольфом, — гордо отпаривает Ева, — даже тогда, когда Отто бывал со мной мил.

Из-за хилого здоровья и крайней неврастеничности Гитлер никогда не мог позволить себе удовольствия собственноручно убить кого-либо. Но он любил тех, кому это было под силу. Любил и завидовал им. Он был привязан к Отто Скорцени. Его телесная сила, его «огромность» восхищали фюрера. Этот тупой, с крохотным, зачаточным мозгом верзила, будучи буршем, даже на первом курсе не мог освоить самых элементарных предметов. Но попробовали бы не дать ему диплом инженера! Да он проломил бы из-за угла кастетом голову любому профессору.

У Скорцени была фигура борца, он оброс плотным, тяжелым мясом, но на студенческих спортивных состязаниях никогда и ни в чем не мог добиться первенства. Зверь по натуре, он был лишен некоторых черт, свойственных животным. Ему не хватало слепой отваги. Но для того, чтобы убивать безнаказанно, не встречая сопротивления, нужна только сноровка. И он убивал профессионально, как мясник, зная, что ему ничто не угрожает. Его профессия убийцы привлекала к нему фюрера, и фюрер снисходительно прощал сестрам Браун их влечение к этому животному.

Магда Геббельс шла сквозь толпу, собравшуюся в гараже, презрительно вздернув и без того высокие по тогдашней моде плечи. Она знала, что каждый здесь не раз со скорбным лицом выспрашивал Мюрельс, личного врача Гитлера, о состоянии здоровья обожаемого фюрера в надежде, что оно безнадежно.

Но Мюрельс так напигивывал Гитлера инъекциями наркотиков, что тот из полутрупа вновь превращался в одержимого бешенством, жаждущего отомстить всем и каждому властелина.

Магда Геббельс знала: все здесь жаждут смерти Гитлера. Но каждый хочет услышать о ней прежде других, чтобы немедленно начать пресмыкаться перед тем, кто, изловчившись, сумеет стать преемником фюрера.

А для некоторых смерть Гитлера послужила бы только сигналом к бегству на Запад или куда угодно. Бежать без

этого сигнала они боялись, зная, что Гиммлер, Кальтенбруннер, Борман настигнут беглеца и с наслаждением убьют. И убьют не как дезертира, а как возможного претендента на участие в тайном дележе гигантских сокровищ, которые хранятся в банках нейтральных держав. Это был резервный фонд на тот случай, если для нацистов откроется возможность снова прийти к власти.

Магда Геббельс ненавидела этих людей давно — с тех времен, когда Гитлер еще не был диктатором империи, но уже был фюрером нацистов.

Гитлер испытывал к Магде странную привязанность и оказывал ей предпочтение перед всеми другими женщинами. Она готовила ему любимые блюда — картофель с рублеными крутыми яйцами и сбитые сливки с шоколадом. Он был сладкоежка, любил домашний уют и наслаждался им.

Геббельс униженно молил Магду ради их собственного благополучия сблизиться с фюрером.

Магда послушно пыталась выполнить волю супруга. Но фюрер, мягко отклонив все ее попытки, разъяснил, что он не имеет права расточать свою энергию, отданную политической деятельности. Выслушав это величественное признание, Магда стала относиться к Гитлеру с еще большим восхищением: ведь он так отличался от окружавших его людей.

Ревнуя к преимуществам Геббельса, близкие к фюреру лица стали настойчиво искать для него другую наперсницу — такую, которую они могли бы сделать своей агенткой.

Но все неудачно. Аристократка Пуцци Ганфштенгль отклонила притязания Гитлера еще тогда, когда он был не фюрером, а только вожаком фашистов и не умел себя вести ни за столом, ни в обществе. Потом Гитлер отверг рекомендованную ему госпожу Вагнер, родственницу композитора, а вслед за ней и вдову фабриканта роялей Бехштейна.

Наконец нашли баварку — Еву Браун, ассистентку фотографа Гофмана, бывшего ефрейтора. Она-то и вытеснила Магду Геббельс.

...Магда Геббельс бросила злобный взгляд на мясистую фигуру Кальтенбруннера: она знала, что Кальтенбруннер и его друг Скорцени все подготовили для бегства в Австрийские Альпы, где в тайниках было спрятано огромное количество разного рода ценностей. Оба они лгали фюреру, что в горах сооружены неприступные бастионы, где засядут отборные эсэсовцы, чтобы продолжать борьбу.

Магда не верила, что эти любимцы фюрера будут сражаться, когда его не станет. Она знала: они просто хотят украсть припрятанные в горах сокровища.

Но могла ли она знать, что произойдет в дальнейшем? Что Скорцени, сопровождая обессиленного Кальтенбруннера по горной тропе, предаст его американцам в надежде снискать себе их признательность и отделаться от партнера при дележе хорошо укрытых богатств? Скорцени преуспел в своем намерении, к тому же у него была твердая гарантия в том, что англо-американцы отнесутся к нему почтительно. Когда, после капитуляции Италии, Скорцени похитил Муссолини из заключения, он сумел украсть у него не только часть дневников, но — что самое главное — тайную переписку с премьер-министром Англии Уинстоном Черчиллем.

Эти письма содержали столь компрометирующие Черчилля материалы, что его политическая репутация могла на склоне лет оказаться непоправимо запятнанной без надежды на очищение.

Скорцени предъявил англо-американцам эти письма Черчилля как ультиматум, потребовав взамен почтительности, комфорта и полной свободы.

Геббельс стоял в окружении генералов, опираясь о крыло загруженной чемоданами машины с непробиваемыми сизыми стеклами. Откинув голову со скошенным лбом, постукивая ногой с наращенным, как копыто, каблуком, он говорил:

— Мы твердо верим, что в нынешней героической борьбе нашего народа, если заглядывать далеко вперед, возникает самая великая империя, какую когда-либо знала история. Но это зависит только от нас самих...

Магда знала, что в этой машине они должны уехать из Берлина, но только не сейчас, а потом, когда Гитлер подпишет свое завещание. Муж рассчитывает, что его верность будет по достоинству оценена фюрером. А пока он только старается использовать оставшееся время: сплетничает Гитлеру на Гимmlера, Кальтенбруннера и Бормана как возможных претендентов на роль фюрера.

Кейтель крутил ручку патефона, как всегда, когда к нему обращались с вопросами, на которые он не хотел отвечать. С тупым выражением лица слушал музыку, ожидая, когда терпение человека, обратившегося к нему с неотложным вопросом, иссякнет.

Кейтель знал: фюрер не покидает бункер под рейхс-

канцелярией не потому, что жаждет руководить отсюда войсками, безнадежно сражающимися против штурмующих Берлин советских дивизий. Стоит Гитлеру покинуть бункер, как те, кто окажется рядом с ним, во имя своего спасения передадут его противнику как выкуп за себя. И будут клятвенно и документально заверять, что этот впавший в состояние прострации, утративший речь, зрение и слух полупаралитик и есть тот самый Гитлер, фюрер, бывший диктатор бывшей Третьей империи.

А пока собравшиеся в помещении рейхсканцелярии отмечали день рождения Гитлера.

Сейчас в гараже они беседовали, курили, пили, ставя бутылки с вином на подножки машин. Все было прилично.

Кто-то шутливо сообщил, что Крупп сказал о Геринге: «Эту тушу следовало приволочь в Рур, чтобы накрыть ею те мои заводы, на которые падают бомбы. Это единственное, на что он сейчас пригоден».

О безуспешных попытках Геринга от своего имени заключить сепаратный мир с союзниками было известно всем. Но было известно также и другое: подавить демократическое движение в Германии мог только Гиммлер, сосредоточивший в своих руках все полицейские и эсэсовские силы рейха.

Гиммлер сейчас единственная фигура, достойная стать восприемником Гитлера. Но, к сожалению, ему не удалось уничтожить самых опасных улик: заключенные многих концлагерей освобождены Советской Армией, а также войсками союзников.

Гости фюрера пытались выяснить, что помешало Гиммлеру и Кальтенбруннеру начисто смести все концлагеря с лица земли. Говорили об этом с раздражением, терялись в догадках.

Не понимали они также, почему с немецкой территории, занятой советскими войсками, не поступают сведения о подпольных террористических отрядах «вервольфа», в изобилии снабженных всем необходимым для самых активных действий.

Слыша эти разговоры, Генрих Шварцкопф с гордостью думал об Иоганне Вайсе. И собой он сейчас тоже гордился. Затянутый в черный мундир эсэсовца, он держал себя здесь надменно. Было известно, что фюрер благоволит к нему. Он считался ловким малым, и даже генералы на всякий случай любезно улыбались, подымая бокалы, чтобы выпить с ним.

Прибывшие поздравить фюрера не спешили расхо-

диться, но вовсе не потому, что им приятно было общаться друг с другом. Началась очередная бомбежка и, не желая показаться трусами, они продолжали оживленно беседовать. Соблюдая приличия, болтали о чем угодно, терпеливо выжидая, когда, наконец, можно будет удрать из этого ненадежного подземелья.

У тех из них, кто принадлежал к свите, охране и обслуживающему персоналу Гитлера, лица были светло-серыми, больничного цвета. От постоянного пребывания в подземелье кожа обесцветилась, и, чтобы не слишком походить на покойниц, долго пролежавших в морге, женщины-связистки так ярко размалевались, будто им предстояло выйти на сцену.

Это был склеп, в котором бродили мертвецы, и каждый из них пытался притворяться живым человеком.

Вилли Шварцкопф ни на минуту не оставался один, его беспрестанно отводили в сторону, — то тот, то другой что-то озабоченно шептал ему на ухо. Административно-хозяйственное управление СС было сейчас главным звеном рейха: оно занималось финансовым обеспечением всех этих деятелей империи на те времена, когда империя перестанет существовать.

И Вилли Шварцкопф направо и налево раздавал щедрые и утешительные обещания. Ему тоже сулили золотые горы в вознаграждение за услугу. В ответ он недоверчиво качал головой, отлично зная, что его надуют так же, как и он намеревался надуть многих из своих подопечных. Он сам руководил финансовыми операциями, оформлял перевод валюты и золота в иностранные банки на текущие счета с подставными именами. Документы на эти подставные имена отлично изготовил технический отдел зарубежной разведки, и часть из них Вилли успел присвоить. Он не собирался бежать на Запад с обременительными, громоздкими чемоданами; чтобы аккуратно уложить эти документы, достаточно будет потрепанного ручного саквояжа с двойным дном. А получить по ним в банках он успеет. Сначала нужно освоиться и решить, в какое предприятие надежней и доходней всего вложить свои средства. Сознание, что он уже стал обладателем миллионов, помогало Вилли сохранять скромный вид и услужливо обещать каждому все, что угодно.

Так, он терпеливо выслушал Кейтеля, который, прежде чем обсудить с ним некоторые свои финансовые дела, сказал доверительно:

— Фюрер не утратил надежды, нет. Князь Гогенлоэ еще может от его имени договориться с англо-американцами. Особые надежды он возлагает на США. Если бы вы видели фюрера, когда он получил извещение о смерти Рузвельта! Он радовался от всего сердца, как ребенок. Вы знаете, он пуританин, не пьет ни капли спиртного, а тут потребовал шампанского. Почему только это произошло так поздно? Если бы на год раньше! Трумэн слишком поздно стал президентом. — Сказал раздраженно: — Мы давно знали о его симпатиях к нам и могли бы ему помочь в свое время — подбросить способных агентов, чтобы устранить Рузвельта. Гейдрих умел устраивать такие дела с безупречным изяществом. Не то что Гиммлер. Что такое Гиммлер? Тупица. Фюрер не простит ему оплошности с концлагерями. Борман расценивает переговоры Гиммлера с агентами англичан и американцев как измену и ставит вопрос о его исключении из нацистских рядов. Но главное — концлагеря. И он еще посмел поставить исключительно себе в заслугу истребление одиннадцати миллионов! И не смог справиться с остальными. В каких условиях? Наиболее благоприятных! Да за это повесить мало!

Вилли почтительно доложил Кейтелю, какие меры приняло административно-хозяйственное управление СС, чтобы оформить текущие счета в банках нейтральных стран на подставных лиц. Их имена вписываются в документы, изготовленные техническим отделом СД, и вручаются тем, для кого и сделаны эти вклады.

— Отлично, — сказал Кейтель. — Я еще подумаю над тем, какой способ будет для меня наиболее приемлемым.

Толпясь в гараже в парадных мундирах, все эти руководящие деятели империи говорили друг с другом шепотом, сохраняя на лицах скорбное, торжественное выражение, какое бывает на похоронах. Все они испытывали те же чувства, какие овладевают людьми, когда умирает сверстник: каждый боязливо и с тревогой думает, нет ли у него самого симптомов болезни, от которой скончался покойный.

И так же, как на похоронах любят говорить о светилах медицины, которые могли бы своим вмешательством спасти покойного, так же с особой надеждой присутствующие осведомлялись друг у друга, намереваются ли Трумэн и Черчилль «спасти» германскую империю для новой войны против России.

Генрих, переходя от одной группы к другой, внимательно слушал эти разговоры. И, слушая, о чем говорят между собой обреченные, он думал об Иоганне Вайсе — друге своем, который, рискуя жизнью, вытащил его из этой бездны и сделал борцом за новую Германию.

Генрих не собирался и не мог возвратиться в тот дом, где он жил и где Вилли Шварцкопф устроил свою личную канцелярию.

Еще накануне он извлек из сейфов Вилли множество документов, свидетельствующих о злодеяниях нацистов.

Генрих выполнял поручение Иоганна Вайса: в руках у него оказались неопровержимые улики, которые потом можно будет предъявить от имени новой Германии на суде над гитлеровскими военными преступниками, над фашизмом. Часть этих документов впоследствии и была передана Международному трибуналу в Нюрнберге.

Все эти бумаги Генрих спрятал в тайник, указанный ему профессором Штутгофом. Профессор дал Генриху явку в одну из немецких подпольных организаций в рабочем районе Веддинга. Здесь Генрих, переодетый в простую одежду, и укрылся на время в квартире многодетного рабочего, коммуниста Отто Шульца.

Генрих рассказал Шульцу, что его дядя Вилли Шварцкопф подстроил убийство своего брата, и он, Генрих, хотел застрелить убийцу отца, но один русский товарищ запретил ему это.

Шульц с глубоким сочувствием слушал Генриха.

— Этот русский, несомненно, ваш самый большой друг, — сказал он. — Он хотел, чтобы вы стали борцом с фашизмом не только потому, что один из фашистов убил вашего отца.

— Да, — сказал Генрих, — он такой, мой Иоганн...

— Он немец?

— Нет, — сказал Генрих, — настоящий русский. Но он коммунист, как и вы. — Добавил гордо: — И он за немцев — таких, как вы и ваши товарищи. — Помолчал и тихо закончил: — Но, кажется, Иоганн погиб...

— Не знаете, при каких обстоятельствах?

— Он спасал заключенных в концлагерях. Там были люди всех национальностей — из тех стран, которые поработили фашисты, десятки тысяч людей. Он любил говорить, что человек только тогда счастлив, когда он служит людям...

— Вы не знаете его настоящего имени?

— Нет,— сказал Генрих.— Но он спас меня, спас от чего-то более страшного, чем смерть...

72

Сознание медленно возвращалось к Иоганну Вайсу, но очнулся он внезапно, как от удара, когда увидел перед собой смутный, колеблющийся силуэт Барышева. Постепенно силуэт уплотнялся, словно изображение на экране, которое сначала было не в фокусе, а потом вдруг сразу приобрело четкость.

На широкие плечи Барышева был наброшен халат, режущий глаза своей белизной. Барышев, кряхтя, опустился на стул возле койки и, будто они виделись только вчера, сказал своим обычным голосом, как всегда деловито и озабоченно:

— Ты чего же это, Белов, такой не очень веселый? — Наклонился, прижался своей гладко выбритой щекой к лицу Иоганна, выпрямился: — Ну, здравствуй! — Сказал: — На улице жара, а у тебя здесь хорошо, прохладно. — Вытер платком шею, осмотрелся. — Палата персональная. — И стал выкладывать на тумбочку из кульков фрукты и разную снедь.

Вайс внимательно и недоверчиво смотрел на Барышева, ожидая, когда этот призрак вновь заколеблется и растает, как таяли вещи, которые он до этого пытался разглядеть, чтобы установить, сохранилось ли у него зрение. Но с появлением Барышева все предметы в палате приобрели твердую устойчивость и существовали уже не как силуэты, а во всей своей вещной плотной основательности.

Обернувшись к медицинской сестре, которая с несколько ошеломленным и растерянным лицом стояла у двери, Барышев попросил умильным тоном:

— Нам бы, сестрица, чайку с хорошей заваркой, по-московски. Можно? А то вы, по всему виду, его, как фашиста, только спитым поили.

— Ничего подобного,— строптиво возразила сестра,— обслуживали на уровне своего офицерского состава.

— Ладно,— добродушно согласился Барышев.— Так, значит, чайку на этом же уровне.

Когда полковник Барышев прибыл теперь уже в гарнизонный госпиталь, расположенный в небольшом немецком городке, где, по полученным сведениям, должен был находиться на излечении Белов, дежурный врач, проверив списки, сообщил ему, что никакого Белова у них нет и не было. Есть несколько больных и раненых советских офицеров, но тот, кого ищет полковник, среди них не числится.

— А все-таки, может быть, есть еще какой-нибудь раненый, находящийся на излечении? — настаивал полковник.

— Есть немец, офицер СД. — Врач поднял брови и заявил решительно: — Но как медик я возражаю, чтобы вы его сейчас допрашивали. Это может окончательно нарушить его психику. Травматические повреждения оказались весьма серьезными. — Предложил: — Если желаете, можете взглянуть на его госпитальную карту. — Объяснил: — Матерый фашист. — И тут же счел необходимым добавить: — Но мы относимся к нему не как к военному преступнику, для нас он только раненый, находящийся на излечении.

— Разрешите взглянуть, все-таки любопытно.

Врач подал Барышеву историю болезни.

«Гауптштурмфюрер Иоганн Вайс», — прочел Барышев, и ему понадобилась вся его воля, чтобы сохранить спокойствие.

— Ну, и что это за птица? — вяло спросил Барышев, жадно поглядывая на графин с водой.

Врач сказал:

— Это человек, исключительно преданный фашизму. Даже в состоянии глубокой психической травмы, сопровождающейся общей подавленностью и временным ослаблением зрения, слуха и функций конечностей, он сохраняет представление о себе как о нацистском «герое». Правда, — продолжил после небольшой паузы врач, — его психоз несколько своеобразен: ему кажется, будто он среди своих, в немецком госпитале. И, чтобы не вызывать дополнительных волнений, мы всячески стараемся не разубеждать его. Он в очень плохом состоянии, и, если узнает, что находится в плену, это может привести к летальному исходу.

— Так. — Барышев помолчал немного, потом, будто спохватившись, одобрил: — Я, конечно, не медик, но полагаю, с точки зрения психиатрии, ваш метод научно обоснован.

— Несомненно, — сказал доктор.

Барышев неверными пальцами взял папиросу, сунул ее в рот обратным концом, попытался зажечь, с отвращением бросил в пепельницу, спросил с трепетом:

— Ну, а как вы думаете — выздоровеет он?

Врач пожал плечами.

— Видите ли, — сказал он внушительно, — множественные ранения зарубцевались удовлетворительно. Но функции мозговой деятельности — это пока для нас тайна. Бывает, какой-нибудь внешний раздражитель воздействует так, что весь психический аппарат внезапно обретает утраченную устойчивость. Но может быть и обратное. Мы рассчитывали на лечение длительным сном. Этот общий отдых нервной системы дает обычно наиболее благоприятные результаты.

— И что же, он спит?

— Представьте, даже самые эффективно действующие препараты снотворного бессильны. И мало того, больной притворяется, что спит: веки его реагируют на световые раздражители, а у спящих этого не бывает.

— Слушайте, — жалобно попросил Барышев, — разрешите мне стать этим самым благотворным раздражителем. Поймите, дорогуша, это же наш товарищ и, попросту говоря, самый обыкновенный герой, о которых только не всегда в газетах пишут.

Доктор изумленно уставился на него. Барышев взмолился:

— Разрешите, а? — Признался: — Я сам волнуюсь. — Попросил: — Дайте чего-нибудь, — пощелкал пальцами, — ну, вроде валерьянки, что ли... А то, знаете, тоже нервы.

В конце концов Барышев взял себя в руки и с первой минуты, как только вошел в палату к Белову, стал держать себя так, будто они все время были вместе и он только отлучился ненадолго, а теперь вернулся. Оглядывая узкую палату и как бы примериваясь, Барышев спросил Белова:

— Ты как, не возражаешь, если мне тут, у стенок, коечку соорудят? — Объяснил: — Я, конечно, не раненый, но для докторов был бы человек, а болезни найдутся.

И когда по просьбе Барышева в палату внесли вторую койку, он переоблачился в больничную одежду и сказал:

— Люблю полечиться, хотя и не часто доводилось. К хирургам, правда, попадал — приносили. А вот так, чтобы своими ногами прийти, — все некогда. А все-таки свой организм уважать надо: ведь благодаря ему существуем. А мы все больше так: тело вроде тары, держит тебя, —

значит порядок.— Улегся на койку, предложил: — По-спим, что ли? — Осведомился тревожно: — Ты как, не хранишь?

Белов смотрел на Барышева пристально и тревожно.

Барышев надавил на кнопку звонка и, когда пришла сестра, а за ней врач, попросил:

— Вы все-таки меня обследуйте.— Пожаловался неопределенно: — Слабость.— И похлопал себя по покато-му, мускулистому плечу.— Спросил: — Может, ревматизм? Или даже температура?

Пока врач и сестра занимались полковником, он вел с ними бесконечные разговоры: интересовался, есть ли в пруду возле госпиталя рыба и на что клюет, как обстоит дело со снабжением, часто ли здесь бывает кино. Когда доктор и сестра вышли, Белов спросил с усилием:

— Они русские?

— Сестра — нет, типичная украинка, а доктор — сибиряк.— И Барышев добавил: — Он военнослужащий, она вольнонаемная.

— РОА,— сказал Белов.

— Ну вот! — воскликнул Барышев.— Откуда же им взяться здесь, в советском госпитале? — Попросил ласково: — Ты, Саша, успокойся. Оцени обстановку объективно, не торопясь, с анализом всех фактов.— Поворочался в постели.— Не спится. Тебе чего-нибудь такого не дают, чтобы с ходу в сон?

Белов прошептал:

— Дают. Но я их в руках перетираю, таблетки, а потом сдуваю, как пыль, чтобы не нашли, не знали, что я их не принял.— Сузил глаза.— Усыпить хотят, я понимаю.

— Это ты молодец, ловко придумал,— похвалил Барышев.— Однако одну одолжи от бессонницы.— И себе возьми за компанию. А то я буду спать, а ты нет — неловко.

— Нет,— сказал Белов.

— Да ты что, мне не веришь? Ну, за компанию, как говорится, по одной?..— Барышев подал Белову таблетку и стакан с водой, проследил, чтобы он проглотил, погладил по плечу: — Ну вот, умница.

Снова улегся и скоро увидел, что лицо Белова обрело спокойное, усталое выражение. «Заснул,— подумал он.— Выходит, ко всему еще и этим мучил себя». Лег на спину, но сон не шел к нему, слишком взволновала его эта встреча, велико было счастье увидеть Александра Белова — Сашу Белова, как Барышев привык называть его.

Он чувствовал себя несколько виноватым...

Дело в том, что сотруднику, находящемуся в Берлине, было поручено немедленно разыскать Белова. Но он еще накануне получения задания обнаружил в архивах гестапо материалы о гибели Иоганна Вайса в автомобильной катастрофе, подтверждавшейся фотодокументами, а главное — надмогильной плитой на кладбище, что было убедительнее всего.

Однако у этого сотрудника возникло естественное подозрение: будучи человеком педантичным, предполагая некую коварную махинацию СД, он продолжил дальнейшие розыски в бумагах секретных служб, а это потребовало времени.

Когда поступил запрос в Центр от «профессора» о состоянии здоровья Белова, сопровождавшийся не принятой в подобного рода официальных бумагах просьбой передать привет ему от некоей Надежды, тут встревоженный Барышев незамедлительно вылетел в Берлин и спустя два дня выехал на машине туда, где не столь еще давно происходило сражение парашютистов совместно с группой, приданной Белову.

В Берлине Барышев был вынужден задержаться по весьма важным делам. Но в число их входила и встреча со старым знакомым, бывшим портье «Адлона», матерым гестаповцем Францем.

Барышев посетил Франца в тюремной камере, где тот, щедро снабженный бумагой и письменными принадлежностями, старательно трудился, обстоятельно и добросовестно излагая свои показания.

Бегло ознакомившись с ними, Барышев с радостью обнаружил имя Иоганна Вайса в числе самых даровитых, по мнению Франца, сотрудников Шестого отдела СД, пользовавшихся особым благоволением Вальтера Шелленберга.

Франц, обладая феноменальной памятью, узнал Барышева, в этой же способности не уступал ему и Барышев, посоветовав припомнить в показаниях то, что Францу очень хотелось забыть в своей личной деятельности в гестапо, о чем Барышев был достаточно осведомлен.

И сейчас Барышев чувствовал себя как никогда счастливым, обнаружив Белова и убедившись в том, как безукоризненно прочно вошел его Саша Белов в образ Иоганна Вайса, от которого, оказывается, не просто и не легко было освободиться.

Белов спал почти сутки. Проснувшись, он боязливо

открыл глаза, опасаясь, что снова все вокруг будет расплываться туманными силуэтами. Но оказалось, что бояться нечего, зрение восстановилось почти полностью. И он увидел дремлющего на стуле перед его койкой Барышева в больничном халате. И лежал неподвижно, чтобы не разбудить его. Но Барышев спал чутко, при первом же шорохе проснулся, улыбаясь Белову, подошел к окну, раздвинул занавески. Одобрил погоду.

— Сейчас хорошо бы по грибы! — Объяснил тоном знатока: — В таких рощицах они водятся, особо на опушках.

Кроме поисков Белова, у Барышева были здесь и другие важные служебные задания, но еще ночью он вышел босиком в коридор, боясь шаркать тапочками, из кабинета главного врача вызвал по телефону Москву, объяснил, где он. И заявил, что это свое пребывание в госпитале считает делом чрезвычайной важности. Профессор-специалист должен был по его просьбе прилететь в гарнизонный госпиталь сегодня же. Особенно долго Барышев говорил с родителями Белова.

— Самое главное, — кричал он в трубку, — температура нормальная! А это — все. Раз температура в порядке, значит, и человек тоже.

Когда утром Белов вдруг встал с постели и прошел к раковине умываться, Барышев спросил несколько растерянно:

— Это что ж такое? Выходит, симулировал?

Белов сказал:

— Ночью я вставал и учился ходить слепым, чтобы не разучиться ходить вообще. Я продумал все: если б удалось бежать, я бы выдал себя за ослепшего солдата вермахта.

— Ну, тогда правильно, — согласился Барышев. Вздыхнул. — Как представляю себе только, что ты сослепу ковыляешь по дороге... А шоферы у нас знаешь какие лихачи? Жмут по автострате на сто с лишним. Фасонят перед немецкими гретхенами. — Добавил осуждающе: — Взыскивать с них надо, вот что!

После завтрака Белов решительно объявил:

— В Берлин мне нужно!

— Нет, брат, пока опасно.

— Видели, какой у меня документ? А подписи вы видели?

— Смотрел. Почти весь зверинец расписался.

— Ну вот, — сказал Белов.

— Что вот? — спросил Барышев. — Ничего не вот! Любая регулировщица задержит — и все.

— Меня бы только через линию фронта перебросить, — попросил Белов.

— Нет, — стрезал Барышев. — Нет. И ничего вообще нет: ни линии, ни фронта, и твой документ — музейный экспонат, и только. — Пробормотал досадливо: — Может, это для тебя и раздражитель, как доктор говорил, но пускай раздражитель, только войне — конец. Наши на Эльбе загорают. Вот так вот. И, если хочешь знать, отметки о прибытии и отбытии на моей командировке официально должен заверить печатью комендант Берлина. И пистолет мне там нужен не больше, чем валенки в Сочи на пляже. Понял?

— Значит, все?

— Именно, — сказал Барышев. — Все.

Белов долго молчал. Жмурился, улыбаясь каким-то своим мыслям. Спросил вдруг:

— Машина у вас есть?

— Допустим.

— Пошлите за Генрихом Шварцкопфом, если он жив. Пусть привезут.

— Во-первых, он жив, — сказал Барышев. — А во-вторых, что значит «пусть привезут»? Товарищ Шварцкопф сейчас должностное лицо, директор крупного предприятия.

— Где?

— То есть как это где? В нашей зоне. Пока — зона, а потом немцы сами найдут, как ее назвать. Наше дело простое: как их народная власть решит, так и будет.

— Но я хочу его видеть.

— А я, думаешь, нет? Пошлем телеграмму, это можно. А насчет транспорта — он обеспечен. Персональный, как и положено по должности.

— Слушайте, а Гвоздь?

— Ну какой же он Гвоздь? Теперь шишка — председатель колхоза. Щелкает протезом, но дела у него ничего.

— А Эльза?

— Какая это Эльза?.. Ага, Орлова... В кадрах. Ну, только очень она, понимаешь, подозрительно интересовалась гражданской юриспруденцией: как брак Зубова с немкой, законный или незаконный? Оперативники считают, любила она Зубова. Вот что.

— А где Зубов?..

Барышев нахмурился. Сказал, с трудом находя слова:

- Понимаешь, тот самолет, на котором он отбыл вместе

с уполномоченными СС, не прибыл к месту назначения. Значит, выходит, при всех вариантах Зубов — герой, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Он... жив?

— Хотелось бы. Ну так хотелось бы! Ну, очень! — И тут же перевел разговор: — Люся Егорова, помнишь ее? Ну, та, с обожженным лицом, а ведь красавица, когда другой половиной лица повернется, — она теперь мамаша, и такая страстная! Пришел в гости — в коридоре держит: «Согрейтесь с холоду, а то малютку простудите». Заглянул в коляску — конверт в бантах, а в нем — экземпляр, лежит и соской хлюпает. Ну, я ей за держание в коридоре отомстил. Вынул у ребенка соску, выбросил, сказал: «Современная медицина против — негигиенично». Туз и сейчас туз — в райисполкоме командует. — Спросил: — Может, хватит, антракт? — Предложил строго: — Давай так, сначала на информацию десять минут, в остальные дни — прибавка каждый раз по столько же. Чтобы порядок был. Режим. Мы же не где-нибудь, а в госпитале. И я сам тоже на положении рядового хворающего. Услышат вдруг разговорчики, наложат взыскание — внеочередную инъекцию витамина. А куда колют? В самую беззащитную территорию. — Произнес шутливо: — Интересно, генералам и маршалам тоже так или куда-нибудь в более благородное место?

Так, добровольно пойдя на заключение в госпитальной палате, Барышев терпеливо и настойчиво выхаживал Сашу Белова, объяснив высокому начальству, вызывавшему его в Москву, важность своего пребывания здесь, рядом с выздоравливающим Беловым.

Когда в госпиталь приехал Генрих Шварцкопф и, бросившись к Белову, крепко обнял его и стал шепотом, изредка оглядываясь на Барышева, рассказывать о тех днях, когда он остался один и продолжал работать, Барышев счел неудобным присутствовать при разговоре советского разведчика со своим соратником и вышел в коридор.

Сидя там на скамье рядом с «титаном», он курил и беседовал с выздоравливающим офицером о жизни, какая сейчас в стране и какая должна быть потом. А когда он, постучав предварительно в дверь, вернулся в палату, Генрих сказал смущенно:

— Извините, я не знал, что вы полковник Барышев.

— Это моя оплошность, — ответил Барышев. — Не представился.

Прежде всего Генрих захотел рассказать Барышеву о том, что важного он сумел установить в последние дни существования фашистской Германии.

Барышев его вежливо выслушал, поблагодарил. Потом сказал задумчиво:

— В сущности, это все, как говорится, минувшее. А вам, товарищ Генрих, предстоит сейчас думать о том, какой станет Германия. Покончили с фашизмом мы, а строить новую Германию будете вы... — Провел ладонью по серым от седины волосам, добавил: — Вам, как товарищу Иоганна Вайса по работе, скажу: секретная служба гитлеровцев со всеми архивами и штатами, коей удалось уйти на Запад от нашей, выражаясь по-старинному, карающей десницы, перешла в наследство к тем, кто мечтает стать преемником Гитлера. Так вот, надо, чтобы эти сладкие их мечты не превратились в горькую для вас действительность.

А если говорить о делах, то позволю себе не согласиться с вашим решением — оно стало мне известно — не брать на работу инженера Фридриха Дитмара только потому, что он инвалид.

— Нет, — возразил Генрих, — не потому. Я получил письма, в которых этот Дитмар охарактеризован как отъявленный нацист...

— Мне сообщили и это, — прервал его Барышев. — Хочу напомнить вам о бдительности. Тайные нацисты стремятся скомпрометировать тех немецких специалистов, которые, не скрывая своих прошлых заблуждений, хотят сотрудничать с вами.

— Фридрих Дитмар! Да ведь я же знаю его! — воскликнул Белов.

— Дело не в том, что именно ты его знаешь, — сказал Барышев. — Дело в том, что враг в разные исторические времена использует различные коварные приемы борьбы, но цель у него всегда одна: если не физически, то морально убить человека. Вот, — улыбнулся Барышев, — значит, моя к вам просьба, товарищ Генрих: оставайтесь разведчиком, только теперь — человеческих душ.

Генрих обернулся к Белову.

— Иоганн, я решил вступить в Коммунистическую партию. Как ты думаешь, примут?

— Извините, я опять вмешуюсь.— Голос Барышева звучал очень серьезно.— Учтите только вот что: когда об этом станет известно, в партию поступит много писем о вас как о бывшем эсэсовце. Так вы не обижайтесь, эти письма будут писать только честные люди.

— Да,— сказал Генрих,— я понимаю.— Прощаясь, он спросил: — Но ты будешь меня навещать, Иоганн?

— А ты меня?

— В Москве — обязательно.— И попросил: — Скажи твой адрес.

Белов назвал. Генрих записал и хотел закрыть блокнот.

— Подожди, а кому?

— Да, я и забыл, что у тебя есть другое имя.— И Генрих задумчиво повторил несколько раз: — Александр Белов, Александр Белов.— Пожаловался: — Знаешь, мне трудно привыкнуть. Мне странно, что тебя зовут не Иоганном.

— Ладно, пиши письма на имя Белова, а для тебя я по-прежнему остаюсь Иоганном Вайсом.

Когда Генрих ушел, Барышев сказал:

— Вот ведь что главное у нас — человека спасти. В этом великая цель и великая радость.— Лег на спину, спросил: — Поспим?

Белов улыбнулся.

— Что-то не хочется.

— Непорядок, — осудил Барышев. Приказал строго: — А ну, мобилизуй волевой импульс! — Скомандовал: — Спать! Инициатива моя, исполнение — мы оба.— И погасил настольную лампу.

Но за окнами еще было светло. Как ни старался Барышев, уснуть не смог. Искоса приоткрыв глаза, увидел, что Белов спит. Лицо у него было спокойное, безмятежное, и дышал он ровно. «Волевой парень, — завистливо подумал Барышев. И еще он подумал так же завистливо: — А может, это молодость? Ведь молодому легче справиться с трудностями, чем человеку, обремененному годами». И потом он уже с гордостью подумал о своей работе: «Большая она и бесконечно тонкая, сложная, и требует человечности в той же мере, как и беспощадности ко всему бесчеловечному на земле».

Белов не спал. Он только вежливо притворялся спящим ради успокоения Барышева.

Гибель Зубова потрясла его, но за эти годы он так

научился перебарывать себя, подавлять свои чувства, что даже теперь, в присутствии Барышева, как бы автоматически, безотчетно не выдавал того, что пережил при этом известии. И сейчас, лежа недвижимо, с закрытыми глазами, он думал о Зубове, с пронзительной, напряженной ясностью видя его таким, каким он был в то тихое раннее утро, когда они купались в озере Ванзее.

Зубов спросил его вдруг:

«Ты хотел бы прожить сверхсрочно, ну хотя бы до ста? — И тут же заявил решительно: — А я бы не возражал!»

И вот нет уже Зубова. Нет. Но он, как бы не покорствуя смерти, продолжал свое существование в сознании Белова, став теперь его вечным, незримым спутником в жизни.

Это был бомбардировщик, дослуживающий свою службу в качестве транспортного самолета. Пилотировали его два младших лейтенанта — молодые летчики, окончившие училище перед самым концом войны. И оттого, что на их гимнастерках не было ни орденов, ни медалей, ни нашивок за ранения, они казались обмундированными не по форме.

И то, что пилоты были очень молоды, и то, что вся их экипировка была повенькая, словно только сегодня из цейхгауза, и то, что лица у них были чрезвычайно озабочены, — все это напоминало сидящим у бортов на алюминиевых откидных скамьях армейским пассажирам, в большинстве старшим офицерам, их самих — таких, какими они уходили на войну.

Плексигласовый колпак в потолке кабины, под которым некогда висел на брезентовых лямках у турели пулемета бортстрелок, был весь в пробоинах, запатанных перкалем; крановые установки над бомболюками размонтированы, и на балке с болтами, как на вешалке, висят плащи и фуражки.

Было светло, солнечно. Мягкие комки облаков неподвижно застыли в безветренном, тихом, прохладно-озерном пространстве неба.

Самолет летел над территорией Германии.

Пассажиры, неловко повернув шеи, косо сидели на металлических откидных скамьях и смотрели вниз сквозь квадратные иллюминаторы, запотевшие после взлета.

Солнечные лучи, почти отвесно падая на землю, освещали ее так искусно, как это умели делать старые мастера

в своих идиллических пейзажах, полных изобильного цветения и земного плодородия.

С высоты земля действительно выглядела аккуратно и тщательно возделанной. И домики с высокими черепичными крышами казались такими же яркими, чистенькими и уютными, как на олеографиях в учебнике Глезера и Петцольда, по которому когда-то давно изучали в школе немецкий язык многие из тех, уже пожилых людей, что летели в самолете. И сейчас они внимательно и сосредоточенно смотрели на эту землю, с которой природа и труд людей уже начали стирать то, что некогда называлось плацдармами, рубежами, передним краем, где происходили сражения с такой интенсивностью огня, что, думалось, почва оплавится и навечно застынет черной, остекленевшей, как базальт, массой и ни былинки не взойдет на ней.

В этой войне человечество потеряло миллионы жизней. И среди погибших были те, кто мог бы своим гением и трудом даровать людям величайшие открытия, указать новые пути покорения природы, совершенствования человека.

Германский фашизм выпестовали не одни немецкие империалисты — в расчете на дележ добычи им тайно помогали их западные пайщики. В ходе второй мировой войны эти пайщики не раз колебались, боясь упустить момент, когда следует примкнуть к сильнейшему. И только разгром фашистских армий положил конец колебаниям. Но не радость вызвала у них победа, а тревогу. Советская Армия помогла народам оккупированных фашистами стран Европы, сражавшимся в отрядах Сопротивления, разгромить, изгнать оккупантов с их земли. И теперь эти народы могли продолжать борьбу за социальную свободу.

Так и произошло в странах Восточной Европы — они стали социалистическими. К этому же шли немцы, жившие на освобожденной Советской Армией восточной территории Германии. И на этой территории советские воинские части всячески стремились, чтобы страна быстрее поднялась из развалин и народ ее, идя по избранному им пути, мог начать строить новую Германию.

Вот почему большинство пассажиров так озабоченно и внимательно смотрели в иллюминаторы: самолет летел над Германией, на полях которой поднимались всходы нового урожая — первого после войны хлеба.

Смотрел в теплый от солнца иллюминатор и Александр Белов. На его гимнастерке, как и у молодых пилотов, не

было ни орденов, ни медалей. И обмундирование у него было такое же новенькое, как у них. Выбритая голова со следами снятых швов, глубоко ввалившиеся глаза, скорбные морщины у губ, седина у висков — все это невольно вызывало любопытство пассажиров.

По возрасту — фронтовик. Но нет ни одной награды, — значит, штрафник. А может, бывший военнопленный, попавший в концлагерь в самом начале войны?

Когда сидевший рядом полковник осведомился, с какого года Белов на фронте и в каких сражениях участвовал, тот несколько растерялся, заморгал, потом объяснил:

— Я, собственно, в тылу...

Полковник посмотрел на заметно впавшую грудь Белова и, снисходительно застегивая пуговицу на кармашке его гимнастерки, заметил наставительно:

— Когда бывало туго, то, знаете, всех тыловиков под гребенку — на передний край. И сражались. — Добавил солидно: — Многих я сам лично представил к правительственным наградам.

— Да, конечно, — согласился Белов.

— Значит, в фашистских лагерях довелось побывать? — догадливо решил полковник.

— Приходилось...

— И вынесли?

— Выходит, так, — сказал Белов.

Полковник повернулся к нему крутой спиной и больше уже не заводил разговора.

Самолет вошел в облачность. В кабине стало тускло, сумрачно.

Белов посмотрел на спину полковника и сразу вспомнил Зубова, вспомнил, как тот, кряхтя, задрал на своей, такой же мускулистой и широкой спине немецкий китель и попросил:

«А ну, погляди, чего у меня там. Не сильно, а? — И похвастал: — Он меня ранил, но я его не убил, воздержался. Понимаешь, пожалел: уж очень молоденький».

Это было после очередного налета группы Зубова на базу горючего в районе железной дороги. Морщась от боли, но смеясь глазами, Зубов сказал раздумчиво:

«Интересно было бы с карандашиком подсчитать, скольких самолетов вылетов мы немцев лишили. Просто так, для удовольствия».

А потом перед Беловым возникло лицо Зубова, когда тот, склонившись, выбрасывал из самолета на взлетную

полосу свой парашют. Поймав удивленный взгляд Белова, он ободряюще подмигнул ему и даже попытался пожать плечами: мол, ничего не поделаешь, так надо.

Но вот образ Зубова будто растворился, исчез, и Белов увидел другое лицо — запрокинутое, со свисающим на лоб лоскутом кожи. Это было лицо Бруно. И когда взгляд Бруно встретился с его взглядом, полным отчаяния, Бруно слегка повел головой, как бы безмолвно объясняя все то же: так надо.

— Может, закурите? — наклонился к Белову майор-танкист с новенькой золотой звездочкой на кителе. Добавил участливо: — Очевидно, здорово о советском табачке соскучились? — Протянул всю пачку. — Возьмите.

— Спасибо, у меня есть.

— Значит, снабдили в дорогу. — И майор сообщил: — Я сам в плену был, но убежал. Нетяжелое ранение оказалось: как очухался, сразу и убежал. А вот под трибуналом я не был. Чего не было, того не было. — Сказал твердо: — Но если человек кровью вину искупил... Металла на груди у него нет, но, значит, он есть в сердце. Сейчас важно одно: годен человек для дальнейшего прохождения — уже не службы — жизни или не годен. Горе людское заживить, жизнь наладить — отощали. — Махнул рукой в сторону иллюминатора. — Двоих братьев своих здесь в земле оставил. Вернусь домой один. Что матери скажу? «Здрасте!» — «А где другие?» — «Нет». А я живой. Разве после этого Звездой своей я ее обрадую? Нет.

— Вы не правы, — возразил Белов. — Если б наши люди не совершили невиданного подвига, погибли бы еще миллионы братьев, отцов, сыновей.

— Верно, — согласился майор. — Подвиг — это, в сущности, что? Один делает то, что под силу нескольким. Значит, остальным жить. Вроде как спасаешь их. Правильно? — Он заметно волновался. — Я так в бою и думал: не сшибу их танк — он наш сшибет. Ну и сшибал. Когда боишься, что из-за тебя свои погибнут, за себя не боишься.

Самолет прорезал облачность, и снова появилось солнце. Из рубки вышел второй пилот, объявил торжественно:

— Товарищи, пересекаем государственную границу Советского Союза. — Выждал, произнес тихо: — А то некоторые фронтовики обижаются, когда не информируем, что уже Родина.

Белов не отрывался от иллюминатора.

Огромная теплая земля отчизны, изборожденная шрамами оборонительных полос и круглыми вмятинами бомбовых воронок с мерцающей в них темной водой, лежала в мягкой зелени лесов могуче и просторно. И Белову казалось, что самолет не просто пошел на снижение, а это он сам силой тяготения всего своего существа вынуждает его идти все ближе и ближе к земле.

Провожая Белова на немецком аэродроме, Барышев сказал:

— Значит, так: сначала в наградной отдел и только потом, при всех орденах, — в управление. Ты знай: я человек тщеславный, мой кадр — моя гордость. Да не забудь, отцу скажи: если поедете на рыбалку, мотылей пусть берет из моего тайника.

Надя отозвала Белова в сторону, раскрыла сумку и, строго глядя в глаза, приказала:

— Помните: вот здесь, в бумаге, курица, справа четыре крутых яйца, масло в коробочке, какао в термосе. Папа велел передать: вы обязательно должны нормально питаться.

Белов посмотрел жалобно в ее, как всегда, чуть надменное лицо с прямым коротким носиком, еще по-детски пухлыми губами, в серо-зеленые глаза под сенью ресниц. Спросил:

— А вы?

— Что я?

— Вы будете в Москве?

Надя удивленно повела плечами.

— Но мы ведь там живем. — Подала твердую маленькую руку. Напомнила: — А витамины принимать до еды. Они в коробочке из-под капсулей для взрывателей.

Генрих сказал:

— Я буду скучать без тебя!

— Я тоже, — грустно улыбнулся Белов.

Генрих обернулся к Барышеву:

— Такими немцами, как Иогани, можно гордиться!

— Ничего, — сказал Барышев. — Мой Белов ему не уступит. — Ну, всё. Время.

И Белов, чтобы как можно дольше видеть эти дорогие ему лица, пятясь, поднялся по трапу.

А сейчас самолет все снижался и снижался, словно скатывался по стеклянному склону. Как только колеса туго коснулись земли, внезапно исчез один из пассажиров,

незримо летевший в самолете, — Иоганн Вайс. Он исчез безмолвно, бесследно. Не было больше двойника у Александра Белова. Майор Белов остался один. На мгновение его охватило чувство одиночества. Но это ощущение покинуло его так же неожиданно быстро, как и появилось.

И никто, даже Александр Белов, не почтил торжественным вставанием гибель Иоганна Вайса. Никто!

Белов жадно и нетерпеливо искал глазами среди встречающих лицо матери — самого главного для него человека на свете. Она была матерью не только Саши Белова, но и Иоганна Вайса, и так как она этого не знала, то исчезновение Вайса ее тоже не опечалило.

Так перестал существовать Иоганн Вайс — гауптштурмфюрер СД.

СОДЕРЖАНИЕ

ЩИТ И МЕЧ

Роман

Книга вторая 5

Кожевников В.

К58 Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 7. Щит и меч:
Роман: Кн. 2.— М.: Худож. лит., 1987.—495 с.

В том входит вторая книга романа «Щит и меч» о подвиге советского разведчика в годы Великой Отечественной войны.

К 4702010200-252
028(01)-87 подписное

ББК 84Р7

Вадим Михайлович

КОЖЕВНИКОВ

Собрание сочинений

Том 7

Редактор Т. Х а л и л о в а

Художественный редактор Т. С а м и г у л и н

Технический редактор В. К у л а г и н а

Корректоры Л. Г о с т е в а, И. Л о м а н о в а

ИБ № 4720

Сдано в набор 06.11.86. Подписано в печать 25.05.87. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,04. Уч.-изд. л. 28,25. Тираж 100 000 экз.
Изд. № III-2280. Заказ № 628. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

